

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СССР

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СССР

I

Под редакцией
М. Н. ТИХОМИРОВА
(главный редактор),
М. А. АЛПАТОВА,
А. Л. СИДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том «Очерков истории исторической науки в СССР» охватывает период истории СССР с древнейшего времени до середины XIX в. Весь том состоит из 12 глав и дает сведения о развитии исторических знаний у народов СССР. Наибольшее количество глав занимает русская историография, ведущее значение которой становится особенно заметным с начала XVIII в.

«Очерки истории исторической науки в СССР» являются коллективным трудом, написанным работниками Института истории совместно с другими институтами Академии наук СССР и работниками академий союзных республик. В составлении его приняли участие следующие 17 институтов Академии наук СССР и академий союзных республик: Институт истории АН СССР, Институт славяноведения АН СССР, Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт востоковедения АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Институт истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР, Институт истории Академии наук Армянской ССР, Институт историй Академии наук Белорусской ССР, Институт истории им. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, Институт истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР, Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, Институт истории и права Академии наук Литовской ССР, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР, Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, Институт истории Академии наук Украинской ССР, Институт истории Академии наук Эстонской ССР¹.

¹ Не представлены были главы по истории исторических знаний в Карело-Финской ССР и Молдавской ССР.

Авторы глав и параграфов указаны в оглавлении. Кроме того, в примечаниях отмечены материалы тех или иных авторов, использованные при составлении отдельных глав и параграфов.

Большую работу по рецензированию тома провели С. Н. Валк, А. А. Зимин, А. А. Семенов, А. В. Фадеев.

Научно-вспомогательная и организационная подготовка тома выполнена Р. А. Киреевой.

ВВЕДЕНИЕ

Историография — наука, изучающая историю накопления знаний о развитии человеческого общества, историю усовершенствования методов исторического исследования, историю борьбы различных течений в области истолкования общественных явлений, отражающей борьбу классов, историю раскрытия законов исторического развития, историю победы марксистско-ленинской исторической науки над буржуазной псевдонаукой.

Историография имеет единую со всеми общественными науками теоретическую и методологическую основу — исторический материализм, представляющий собою распространение диалектического материализма на область общественных явлений, в частности на изучение истории общества. Имея свой особый предмет, отличный от предмета исторической науки, историография опирается на те же методологические основы, что и сама историческая наука.

В противоположность идеалистическим концепциям буржуазных историков, марксистско-ленинская историческая наука исходит из того, что материальная жизнь общества является первичным, а его духовная жизнь — вторичным, производным. Главной силой в системе условий материальной жизни общества, которая определяет характер общественного строя и движение общества вперед, является способ производства материальных благ. Основу исторического процесса марксизм-ленинизм видит в развитии способов производства, в развитии производительных сил и производственных отношений людей; совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. М., 1953, стр. 7.

В противоположность буржуазным историческим теориям, которые процесс исторического развития зачастую сводят к действиям «выдающихся лиц» — монархов, полководцев и всяких иных деятелей, марксистско-ленинская историческая наука считает, что историю делают прежде всего люди, производящие материальные блага, без которых общество не может жить и развиваться. Поэтому история общества есть прежде всего история трудящихся масс, история народа.

Сводя исторический процесс к деятельности «выдающихся лиц», буржуазные теории пропагандируют культ личности в истории. В противоположность этому марксистско-ленинская историческая наука, ставя во главу угла изучение истории производителей материальных благ, изучает роль выдающихся деятелей во всех областях общественной жизни принципиально с иных позиций. Буржуазные историки рассматривают народные массы как пассивную среду, как «толпу», над которой господствуют и которую ведут за собою «выдающиеся личности», «герои». Марксистско-ленинская наука при оценке деятельности исторических личностей исходит из того, к какому общественному классу принадлежит тот или иной деятель, интересы каких общественных групп он отражает, в какой мере его деятельность отвечает лучшим, передовым чаяниям народных масс и прогрессивным тенденциям общественного развития или, наоборот, отражает реакционные устремления эксплуататорских классов.

В противоположность буржуазным теориям, всячески замазывающим роль классовой борьбы в развитии общества, марксистско-ленинская историческая наука рассматривает классовую борьбу как важнейшую движущую силу в развитии общества, состоящего из антагонистических классов. «Диалектика,— пишет В. И. Ленин,— требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»¹.

Это вовсе не значит, что марксистско-ленинская историческая наука игнорирует активную роль в истории общества общественных идей, теорий, политических взглядов и учреждений. Наоборот, в противоположность буржуазным идеалистическим и метафизическим теориям, марксистско-ленинская наука выясняет действительное место и роль общественной надстройки в историческом процессе. Изучая социально-экономическое развитие общества, историю трудящихся масс, клас-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 193—194.

совой борьбы, революционных и национально-освободительных движений, историю борьбы за социализм и коммунизм, марксистско-ленинская наука уделяет большое внимание выяснению активной роли общественной надстройки в истории общества, ибо надстройка, «появившись на свет, ...становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹. Всесторонне характеризуя надстройку общества, историческая наука уделяет большое внимание развитию культуры народов — науки, литературы, искусства, этических норм и пр. — в общем процессе развития общества.

Историческая наука тесно связана с другими общественными науками — философией, политической экономией, юридическими науками, языкознанием, литературоведением, искусствоведением и пр. Вместе с тем ее специфической особенностью является то, что историческая наука рассматривает *процесс развития общества в целом*, изучает не только экономическую историю, не только историю политических учреждений или историю международных отношений, не только историю культуры и т. д., но всю совокупность явлений общественной жизни, все ее стороны, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Изучение исторического процесса как единого целого не исключает того, что отдельные историки могут сосредоточивать свое внимание на тех или иных сторонах этого процесса, исследуют исторические события и явления, относящиеся, например, к экономическому базису, к области политической надстройки, к области культуры и пр.; однако во всех случаях они должны изучать эти события и явления на фоне общего исторического процесса, а результаты их частных исследований должны обогащать понимание исторического процесса в целом.

В противовес некоторым буржуазным теориям марксистско-ленинская историческая наука рассматривает историю общества в целом как поступательный прогрессивный процесс, заключающийся в смене общественно-экономических формаций.

Марксизм-ленинизм впервые дал строго научную основу для периодизации всемирной истории, установив в историческом процессе пять основных типов производственных отношений и, соответственно, пять общественно-экономических формаций, характер которых определяется господствующим способом производства: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и, наконец, социалистический

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, М., 1954, стр. 7.

строй. Важнейшей задачей исторической науки является показ закономерностей, свойственных как всем общественно-экономическим формациям, так и отдельным формациям или тем или иным периодам в их развитии. Задачей историка является показ зарождения и роста новых общественных отношений, борьбы нового со старым, нарождающегося с отживающим, прогрессивного с реакционным, показ конечной победы нового над старым. Характер и историческое значение того или иного явления, его прогрессивность или реакционность могут быть правильно определены только в связи с современными ему конкретными историческими условиями. Историзм — изучение общественных явлений в конкретной совокупности исторических условий — одно из непренных требований марксистско-ленинской исторической науки. Историк обязан показывать процесс развития общества таким, каким он был в действительности. Научная объективность несовместима с модернизацией, т. е. с произвольным перенесением на явления прошлых исторических эпох тех критериев, с которыми можно и должно подходить к явлениям современности. Модернизация истории, как форма ее фальсификации, является характерной чертой буржуазных исторических теорий, пытающихся, например, находить капиталистические отношения в эпоху рабовладельческого строя.

Марксистско-ленинская историческая наука считает, что понимание истории как всемирно-исторического процесса невозможно без самого глубокого и всестороннего изучения истории отдельных народов. Изучение истории народов во всей специфике их развития и в то же время изучение экономических, политических и культурных связей между народами является одной из главных задач исторической науки.

Буржуазные историки, проповедующие человеконенавистнические расистские взгляды, делят народы на «высшие» и «низшие», «цивилизованные» и «нецивилизованные», на «исторические», имеющие свою историю, и «неисторические», стоящие на низкой ступени развития и якобы вовсе не имеющие своей истории. Марксистско-ленинская историческая наука решительно отвергает всякое деление народов на «высшие», «исторические» и «низшие», «неисторические» и считает все народы в равной мере способными к историческому развитию, имеющими свою историю.

Изучая историю общества с древнейших времен, марксистско-ленинская историческая наука вместе с тем отвергает реакционную точку зрения многих буржуазных историков, которые утверждают, что история призвана якобы изучать только прошлое и преимущественно давнее прошлое и вовсе не должна доводить исследование до сегодняшнего дня, не должна

изучать современные события; изучение явлений современности якобы мешает сохранять «научную объективность» и «беспристрастность». Марксистско-ленинская историческая наука считает единственно правильным изучение исторического процесса в тесной связи прошлого с настоящим, с древности вплоть до событий наших дней. Изучение истории советского общества и новейшей истории зарубежных стран имеет первостепенное значение; помимо своей теоретической важности изучение этих периодов имеет и огромное практическое значение в борьбе за построение коммунистического общества.

Буржуазные историки давно уже перестали способствовать развитию исторической науки, превратили свою «науку» в орудие фальсификации истории. Еще Энгельс писал: «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹. Эта фальсификация осуществляется прежде всего в форме *отрицания объективных закономерностей исторического процесса*. Буржуазные историки и социологи утверждают, что таких закономерностей якобы не существует, что исторический процесс представляет собою скопление случайных фактов и что задачи исторической науки состоят якобы только в установлении и описании этих фактов. В. И. Ленин подчеркивал, что подобную «науку» характеризует «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить *лес* — деревьями...»².

Отрицание исторической закономерности, преклонение перед единичным фактом получает широкое распространение с наступлением эпохи империализма. На Западе это нашло свое законченное выражение в неокантианской теории Г. Риккорта и В. Виндельбанда, в России — в работах А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова и др. Подобная позиция служит прикрытием прямой фальсификации истории, ибо отрицание закономерности исторического процесса фактически означает подмену объективной исторической закономерности субъективными схемами; фактический материал буржуазные историки подгоняют под свои реакционные схемы с целью исторического оправдания капиталистического строя. Волюнтаризм был всегда присущ буржуазным историческим теориям, но особенно

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, М., 1948, стр. 104.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 179.

этот субъективистский произвол характерен для современной реакционной зарубежной «науки».

Так, президент Американской исторической ассоциации К. Рид, выступая в 1949 г. перед историками США, заявил, что историк находит в прошлом то, что он ищет, и отбирает факты прошлого в прямом соответствии с существующей в его голове схемой, с тем, что является желательным с «социальной точки зрения». Профессор Лондонского университета Г. Реньер в книге «История. Ее назначение и метод»¹, так же как и К. Рид, полностью отрицает наличие какой-либо объективной закономерности исторического процесса. На этом «основании» он пытается доказать, что результатом изучения истории не может быть научное предвидение и что история вообще не может быть наукой, дающей картину объективной действительности. Идеологи империалистической реакции и поджигателей войны боятся признать объективную закономерность развития общества и возможность научного предвидения исторического процесса, ибо это означало бы признание неизбежности гибели капитализма. Империалистическая буржуазия США, Англии и других капиталистических стран превратила буржуазную историческую «науку» в служанку своей реакционной, захватнической политики.

Марксистско-ленинская историческая наука ведет решительную борьбу с фальсификацией истории. Марксистско-ленинская наука считает, что установление фактов, накопление фактического материала имеет для исторической науки исключительно важное значение, так как именно факты — конкретные исторические явления и события — служат основой для научного изучения истории. Достоверность фактического материала — одно из обязательных требований, предъявляемых каждому историческому исследованию. Но установление фактов само по себе еще не является конечной целью исторического исследования, оно представляет только его начало. Факты должны служить средством к познанию исторической закономерности. Эти объективные закономерности с железной необходимостью ведут к торжеству коммунизма. Пролетариат, его Коммунистическая партия, марксистско-ленинская наука непосредственным образом заинтересованы в создании научно-объективной картины исторического развития общества, в раскрытии объективных законов и тенденций этого развития.

Сила марксизма-ленинизма состоит в том, что, раскрывая закономерность исторического развития, он дает возможность определить пути развития общества. Марксистско-ленинская историческая наука, изучая прошлое человеческого

¹ См. G. Renier. History. Its Purpose and Method, London, 1950.

общества в неразрывной связи с современной жизнью народов, устанавливая законы развития общества на различных этапах его существования и вскрывая в зародыше те явления, которые будут определять дальнейший ход событий, дает тем самым ценнейший материал для *научного предвидения* будущего исторического процесса, будущих судеб народов.

В противоположность лицемерным утверждениям буржуазных ученых о «беспристрастии» и «объективности» науки марксистско-ленинская наука в качестве руководящего принципа выдвигает принцип коммунистической *партийности*. Партийность марксистско-ленинской исторической науки полностью совпадает с ее научной объективностью, ибо она опирается на объективно существующие законы общественного развития. В. И. Ленин указывал, что «материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

В то время как буржуазная историческая «наука» зашла в безвыходный тупик, марксистско-ленинская историческая наука крепла и развивалась в непримиримой борьбе с буржуазной идеологией и неуклонно шла по пути творческого роста.

Историография как история исторической науки опирается на основные принципы марксистско-ленинской исторической науки. Они служат теми важнейшими критериями, с которыми историография подходит к общей оценке того или иного течения в истории исторической мысли, к оценке творчества того или иного историка. С точки зрения этих основных критериев историография делит всю историю исторической мысли на два периода: на период домарксистский, донаучный, когда история, несмотря на свои отдельные достижения, еще не стала подлинной наукой, и на период марксистский, научный, когда в середине XIX в. основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс создали свою научную теорию и сформулировали основные положения в области исторической науки. Возникновение марксизма знаменовало собою всемирно-исторический переворот в области идеологии, этап качественно новый, принципиально от-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, 380—381.

личный от предшествующего периода в развитии исторических знаний, превратившихся отныне в подлинную науку.

В историографии марксистского периода надо выделить историографию эпохи капитализма (первый период — от возникновения марксизма до 90-х годов XIX в., когда выступил В. И. Ленин, и второй — от 90-х годов до Великой Октябрьской социалистической революции) и историографию советской эпохи — от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней.

Но установление двух основных периодов в истории исторических знаний — донаучного и научного — вовсе не означает какого-либо игнорирования тех достижений исторической мысли, которые имели место в донаучный период. Марксистская историческая наука и марксистская историография, как и весь марксизм, возникли не на пустом месте, они использовали и переработали все положительные достижения прошлой исторической мысли. Критерий историзма — обязательный в исторической науке — является таким же обязательным и в историографии. Оценка того или иного течения или произведений отдельных историков должна находиться в прямой зависимости от современных им исторических условий, а также от достижений предшествующей исторической мысли. Ряд исторических теорий и отдельных положений домарксистского периода представляли собою определенный шаг вперед по сравнению с предшествующим этапом и в известной степени подготавливали выводы марксистской науки.

Исторические взгляды великих русских революционеров-демократов XIX в. — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова — представляют вершину исторической науки в России в домарксистский период. Превосходство методологии русских революционеров-демократов над буржуазными историческими теориями определило и их превосходство в области историографии. Для исторических воззрений революционеров-демократов характерно стремление понять исторический процесс как процесс закономерный, применить диалектику к познанию общественной жизни, вскрыть причины исторического развития общества. Их выдающаяся заслуга состоит в том, что в народных массах они увидели истинного творца истории, приблизились к правильному пониманию роли классовой борьбы в развитии общества, дали острую критику феодально-крепостнического строя и были сторонниками революционного свержения его. Их взгляды на историю общества развивались в направлении к материалистическому пониманию общественной жизни. Но в силу отсталости социально-экономических отношений в крепостнической России русские революционеры-демократы только подошли к истори-

ческому материализму и не смогли полностью преодолеть идеализм в понимании общественного развития.

Исходя из решающего принципа марксистско-ленинской исторической науки о первичности материальной жизни общества, марксистско-ленинская историография рассматривает историю исторической науки не как хаотическое нагромождение теорий и имен, а как определенную часть идеологической надстройки того или иного общества. Историю исторической науки марксистско-ленинская историография рассматривает как часть истории общественной мысли. Задача историографии — не только констатировать то или иное историческое явление, но и объяснить его, исходя из определенных исторических условий.

Это значит, что марксистско-ленинская историография рассматривает историю исторической науки как одно из отражений классовой борьбы в области общественных наук. Вот почему историография одну из главных своих задач видит в том, чтобы вскрыть классовую природу борьбы течений в исторической науке, выяснить, почему те или иные проблемы становятся основными в этой борьбе в тот или иной период, каким образом эти проблемы решаются представителями тех или иных течений. Исходя из коренного тезиса исторической науки о прогрессивном характере борьбы народных масс за свою социальную, политическую и национальную свободу, историография уделяет особое внимание течениям, отражавшим чаяния народных масс. Если историческая наука должна быть прежде всего историей народа, историей его борьбы за дальнейший прогресс общества, то историография должна представлять собою прежде всего историю развития прогрессивной исторической мысли, историю ее ведущей роли в развитии исторической науки. Задача историографической науки состоит в том, чтобы в тот или иной период выделить то или иное ведущее прогрессивное направление, несмотря на то, что оно, особенно в начальный период своего развития, может представлять собою явление мало заметное. В этой связи историография, естественно, уделяет особое внимание истории марксистско-ленинской исторической науки, как истории подлинной науки, сыгравшей определяющую роль в истории исторической мысли. Исходя из коренного принципа исторической науки рассматривать все явления в их взаимосвязи и развитии, историография особо подчеркивает значение современной советской, марксистско-ленинской исторической науки. Развитие советской исторической мысли имеет большое теоретическое и практическое значение в деле борьбы за победу коммунистической идеологии. Советская историография подходит к своему предмету не объективистски, не с точки зрения констатации тех или иных историографических явлений,

а с точки зрения воинствующей и единственно объективной коммунистической партийности.

В противоположность космополитизму буржуазной фальсификаторской историографии марксистско-ленинская историография исходит из того, что историческая наука развивается в рамках той или иной страны, она национальна по своему характеру. Обнаруживая свой классовый характер, то или иное историографическое явление выступает вместе с тем в своей национальной форме. Только исследовав, представителем какого класса и в какой стране выступают данное историографическое направление и данный историк, можно правильно и всесторонне оценить это направление.

Одной из важнейших задач историографии является изучение истории развития методов и приемов исторического исследования, способов истолкования исторических источников. Марксистско-ленинская историография подчеркивает тот факт, что исследовательская техника историка находится в тесной связи с его исторической теорией, с его методологическими принципами.

Выпуском в свет настоящей книги Институт истории Академии наук Советского Союза начинает издание «Очерков истории исторической науки в СССР», охватывающей историю исторической мысли в нашей стране с древнейших времен до настоящего времени. Составление истории исторической науки в нашей стране потребовало от авторского коллектива выявления основных моментов развития историографии в СССР, а также разрешения некоторых специфических задач, вытекающих из особенностей развития исторической науки в Советском Союзе.

Прежде всего история исторической науки в многонациональной стране, какой является Советский Союз, есть история науки, создателем которой были многочисленные народы, издавна населявшие нашу страну. Всякий труд, претендующий излагать историографию в СССР, должен содержать историографию народов СССР. Все попытки создать обобщающий историографический труд, которые имели место раньше, сводились к изложению почти исключительно русской историографии. Настоящее издание ставит своей задачей изложить историю исторической науки народов СССР с древнейших времен до наших дней. Осуществление этой задачи потребовало тесного сотрудничества Института истории АН СССР и институтов академий наук союзных республик.

Авторский коллектив ставил перед собой также задачу показать подлинное значение исторической науки в нашей стране. Некоторые предшествующие труды по историографии, даже вышедшие в советское время, пытались изобразить исто-

рическую науку в России как отражение западноевропейской исторической мысли, а первыми зачинателями исторической науки в России считали иностранных ученых. Таким образом, отрицался самостоятельный характер исторической науки в нашей стране, отрицался тот огромный вклад, который внесли в историческую науку наши отечественные историки как в области отечественной, так и в области зарубежной истории. Тем самым историография народов СССР подвергалась прямому или косвенному искажению. В противоположность этому в настоящем труде показывается, что один из зачинателей исторической науки в нашей стране — М. В. Ломоносов был представителем передовой науки своего времени. Научно-исторические взгляды русских революционных демократов 40—60-х годов XIX в. стояли значительно выше взглядов современных им буржуазных историографов. Они содержали элементы материалистического объяснения истории. Да и буржуазно-либеральная историческая мысль в России имела ряд бесспорных достижений по сравнению с западноевропейской и американской историографией. С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский в свою лучшую пору стояли значительно выше современной им буржуазной зарубежной исторической науки.

История исторической науки в СССР представляет собою знаменательный пример того, как упорная борьба между дворянским и буржуазно-либеральным течением, с одной стороны, и революционно-демократическим, а потом марксистским течением — с другой, закончилась полной победой марксистско-ленинской исторической науки. Эта борьба наложила свой отпечаток на самую историю исторической науки в нашей стране.

В древнейший период народные чаяния, народные исторические традиции сохранялись в устном народном творчестве и лишь отчасти отражались в письменных документах. В конце XVIII в. наряду с официальным дворянским направлением в исторической науке России возникает направление буржуазно-либеральное. Особенностью исторической науки в России того времени было появление революционно-просветительского направления, выразителем идей которого был А. Н. Радищев. Оно нашло свое продолжение в исторических взглядах декабристов, а в 30—40-х годах сменилось направлением революционно-демократическим в лице В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Свое наивысшее развитие это направление получило в исторических воззрениях Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Направление буржуазно-либеральное вплоть до крестьянской реформы 1861 г., сходясь в ряде вопросов с дворянским направлением и вместе с ним выступая против револю-

ционных демократов, тем не менее в этот период еще не успело окончательно отказаться от демократических идей. Олицетворением этой неразмежеванности либерализма и демократизма был Т. Н. Грановский. После реформы 1861 г. российский либерализм окончательно порывает с демократизмом. Все более и более выявляется реакционный фальсификаторский характер буржуазной историографии.

С 90-х годов XIX в., с начала деятельности В. И. Ленина, открывается марксистско-ленинский этап в развитии исторической науки. В тогдашней России наступление этого этапа в известной мере было подготовлено деятельностью Г. В. Плеханова, внесшего значительный вклад в дело распространения марксизма в нашей стране.

Марксистско-ленинская историческая наука развивалась в непрерывной борьбе с народническими, буржуазно-либеральными, дворянско-монархическими, меньшевистскими и всякими иными враждебными марксизму историческими концепциями. Решительный разгром этих антинаучных концепций является одним из неопровержимых свидетельств, великой силы марксистско-ленинской теории, которой руководствуется марксистско-ленинская историческая наука.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался новый этап в истории марксистско-ленинской исторической науки, получившей в нашей стране новые неограниченные возможности для своего развития.

Глава I

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У НАРОДОВ СССР В ДРЕВНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ И В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА

I

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОСНОВА ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Исторические знания у народов СССР, как и у других народов мира, имеют своими истоками устную народную традицию, нашедшую свое отражение в народном эпосе, в преданиях, песнях. Таковы исторические сведения о народах Средней Азии и частично Закавказья, которые сохранились в «Авесте» — сборнике гимнов и ритуальных предписаний, составленном на основе древних преданий вплоть до начала царствования Сасанидов (III в. до н. э.)¹.

В первом фаргаде (разделе) Вендидад-Саде, входящем в состав «Авесты», мы находим сведения о расселении древних иранцев, или ариев, из страны Ариана-Ваеджо. У буржуазных ученых XIX в. этой страной считались то Памирское плоскогорье, то Азербайджан; советскими же учеными страна Ариана-Ваеджо отождествляется с дельтой Аму-Дарьи. Отсюда древние иранцы переходят в страну Сугда, т. е. Согдиану, затем в Муру (Маргиану по терминологии древнегреческих авторов), соответствующую Мервскому оазису; позднее они населяют плодородную землю Бакти, т. е. Бактриану (как ее именовали древние греки) — области по среднему течению Аму-Дарьи. Пятое место их поселения — страна Нисайя в Северной Парфии (район современного Ашхабада). В дальнейшем древние иранцы населяют страну Харайю, или Хараева, «богатую водами», обозначаемую греками термином «Ария» (район теперешнего города Герата), и т. д.

¹ Самые ранние списки «Авесты» относятся к началу XIV в.

В «Авесте» под религиозно-мифологической оболочкой маздеизма (зороастризма) излагается история мироздания, а также рассматриваются системы орошения, земледелия, градостроительства, деяния мифических царей и героев и т. д. В ней же мы находим сведения об общественном строе древних народов Средней Азии и Ирана.

Ранняя историография народов Закавказья была также тесно связана с устным народным творчеством. Желая показать отдаленное прошлое своей страны, армянские писатели, например, должны были обращаться к богатому устному народному творчеству — песням, сказаниям, преданиям, мифу, эпосу («ерг», «зройц», «араспел», «випасаник» и т. д.). Поэтому в их произведениях сохранились мотивы эпоса, восходящего иногда к очень отдаленным временам. Таковым является, например, миф о Хайке и Бэле.

Ассирийский царь Бэл стремится поработить своих подданных. Предок армян луконосец Хайк, не желая подчиниться деспоту, «пошел в землю Арарада... с сыновьями, дочерьми и сыновьями своих сынов, мужами сильными, числом около трехсот в сопровождении домочадцев и пришельцев, приставших к нему со всем их скарбом». Разгневанный Бэл со множеством своих исполинов выступил против Хайка. Хайк меткой стрелой убил Бэла, рассеял толпу исполинов и освободил свою страну, названную по его имени Хайк (Армения).

В этом мифе сохранились отголоски борьбы, происходившей в I тысячелетии до н. э. между урартами и ассирийскими завоевателями. Большую роль в этих событиях народ приписывает своему любимому герою Хайку, которого наделяет положительными чертами. Он «красавец», «герой», «умный», «статный», «рослый», «быстроокий», «с божественными кудрями», «славившийся между исполинами мышцами». Полной противоположностью ему являлся исполин Бэл. Он изображен большим трусом, хвастуном, тщеславным деспотом. Миф записан армянскими писателями V в. со слов сказителей — «гусанов». Варианты его записаны и в XIX в. фольклористами.

Большую историческую и художественную ценность представляют также древние мифы об Ара Прекрасном и Шамирам (Семирамиде), об Араме и пр.

В древнеармянском эпосе сохранились также отзвуки событий, происшедших в Армении при первых армянских династиях. Центральным героем эпоса является Тигран II, образ которого нарочито идеализирован. Тигран, согласно эпосу, великолепный витязь, храбрый и доблестный, мудрый и красноречивый, справедливый судья и щедрый строитель. Престарелый Тигран в зимнюю стужу объездил всю Армению и призвал молодежь на войну против римлян. Историческая основа этого эпоса

относится к I в. до н. э., но историк Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) ошибочно связал эпос с другим Тиграном, современником персидского царя Кира (VI в. до н. э.)¹.

Героическая борьба армянского народа против Сасанидской Персии в III—IV вв. отражена в крупнейшем эпосе «Персидская война». Отдельные части и главы этого эпоса сохранились в трудах Фавстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци и других историков V и последующих столетий.

«Персидская война» проникнута идеями горячего патриотизма. Положительным героем эпоса является тот, кто бесстрашно и победоносно ведет борьбу против врагов за независимость и свободу родины. В родной стране человек чувствует себя гордым и могучим. Родная земля и вода придают силу и смелость героям, которые незначительными силами выступают против несметных полчищ персидских захватчиков.

В одном эпизоде говорится, что персидский царь Шапух пригласил к себе армянского царя Аршака. Чтобы испытать его верность, Шапух по совету звездочетов велел привезти из Армении землю и воду, засыпать половину пола в своей палатке армянской землей и облить ее сверху армянской водой. Взяв друг друга за руки, Шапух и Аршак прохаживались по палатке. На персидской земле Аршак раболепно просил прощения, говоря: «враг мой соблазнил меня выступить против персов». Но едва Аршак переступал на армянскую землю, как «горделиво и яростно обвинял он Шапуха и угрожал, что и впредь будет мстить» «за пращуров моих». Всякий раз армянская земля и вода придавали Аршаку новую энергию, веру в собственные силы в борьбе против персов.

Глубокую древность обнаруживают и народные предания восточнославянских племен, отразившиеся в народном творчестве русских, украинцев, белорусов. Хранителями преданий у восточных славян были народные певцы.

Византийский писатель второй половины VII в. Феофилакт Симокатта рассказывает, что византийские войска захватили в плен троих людей из племени славян: «единственным их багажом были гусли, и ничего другого они не несли с собою»². Из дальнейших расспросов выяснилось, что эти люди, жившие «на краю западного Океана», т. е. где-то поблизости от Балтийского моря, исполняли посольские обязанности, но у себя на родине были гусярами.

Народные предания и песни были широко использованы русскими летописцами XI—начала XII в. Таково предание о Кие, основателе города Киева, который «яко же сказаютъ»,

¹ «История Армении Моисея Хоренского». Перев. Н. О. Эмиан. М., 1893.

² А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. «Вестник Древней Истории» (далее — ВДИ), 1941, № 1 (14), прилож., стр. 260.

ходил в Царьград, а на обратном пути основал городище Киевец на Дунае. Летопись рассказывает о братьях и сестре Кия, об его потомках, о их борьбе с хазарами и т. д. К каким отдаленным временам относились некоторые предания, внесенные в русские летописи, видно из рассказа о дулебах, которых покорили обры (авары). Рассказав об издевательствах обров, летописец добавляет, что «есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка»¹. Аварское господство относится к VII—VIII вв., а «притча» — поговорка о гибели авар — ходила на Руси еще в XI—XII вв. и была записана летописцем. Летопись пронизана воспоминаниями о древних судьбах славян и их расселении по Восточной Европе.

Народные предания вдохновляли и певца «Слова о полку Игореве». Говоря о гибели Игоревых полков, певец восклицает: «Се бо Готския красныя девы воспеша на брезе синему морю. Звоня Рускым златом, поют время Бусово»². Время Бусово — это IV в. — время борьбы предков восточных славян — антов с готами. Готский король победил и распял на кресте антского князя Боса (или Боуса, Бооза) вместе с его сыновьями и семьюдесятью знатными антами³, а память об этом страшном поражении сохранилась на Руси и в XII в.

Можно было бы привести и другие примеры, когда древнейшие историки следуют в своих рассказах устной народной традиции (например, грузинские сказания часто вносятся в грузинские летописи и пр.). Первоначальные исторические знания народов СССР опирались на древнюю народную традицию и были тесно связаны с устным народным творчеством.

II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Древнейшие письменные исторические труды возникают на территории СССР при рабовладельческом строе в Причерноморье, Средней Азии и на Кавказе. Об этом говорят памятники письменности, найденные на территории СССР: урартийские

¹ «Повесть временных лет», ч. 1, М.—Л., 1950, стр. 14. Перевод: «есть поговорка на Руси и до сего дня: „Сгнули как обры“, — их же нет ни племени, ни потомства» (там же, стр. 210).

² «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 25—26. Перевод: «Раздаются песни Готфских красных девиц по берегам моря синяго. Звоня Русским золотом, воспевают оне времена Бусовы» (там же).

³ Там же, Комментарий исторический и географический, стр. 430—431.

клинописные надписи, парфянские документы, надписи греческие и латинские и пр. Особенно интересны урартийские клинописные надписи IX—VIII до н. э., содержащие исторические сведения о походах урартийских царей, постройке городов, различных сооружений и т. д. Так, надпись царя Менуа, вырезанная на скале и говорящая о 14 походах этого царя против Ассирии, является своего рода памятной запиской об исторических событиях начала VIII в. до н. э.

Некоторые факты из истории Средней Азии VI—V вв. до н. э. отражены в триумфальных и надгробных надписях царей ахеменидской Персии в связи с восстаниями народов Средней Азии против их господства.

В известной Бисутунской (Бегистунской) надписи персидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.) говорится, что ему подчинялись Парфия, Ария, Хоразм, Бактрия, Согдиана и др.¹ Это же подтверждается надписями на серебряной и золотой дощечках, найденных в Хамадане. В них царь говорит о величине территории своей державы: «это государство, которым я обладаю [от страны] скифов, живущих за Согдианой, до Нубии и от Индии до Сард, постепенно даровал мне Ахурамазда...»². В эту эпоху исконные среднеазиатские земли — Парфия и Гиркания (современная территория Туркмении), Хоразмия, Бактриана (Бактрида) и Согдиана (Сугда) — составляли сатрапии Персидской монархии³.

Народы, населявшие Причерноморье, Закавказье и Среднюю Азию в период существования здесь рабовладельческого строя, накопили уже некоторые исторические знания, сведения о которых мы получаем главным образом из произведений греческих и римских авторов: Геродота, Страбона, Ктесия, Диона Кассия и др. Греческий историк Геродот (V в. до н. э.) в числе своих источников прямо указывает на предания скифов: «так рассказывают скифы о своем происхождении», «так рассказывают скифы о себе самих и о стране, лежащей выше их, а живущие на Понте эллины повествуют так» и пр.⁴ Он сравнивает греческие и скифские предания и противопоставляет их одно другому. Пользуясь местными письменными и устными источниками, Геродот сообщает ряд достоверных сведений по истории Причерноморья, Закавказья и Средней Азии.

¹ См. А. А. Фрейман. Древне-персидские клинообразные надписи. Надписи Дария. Журн. «Восток», кн. V, 1925, стр. 3.

² А. А. Семенов. Два новых исторических документа эпохи Дария Гистаспа (522—486 л. до Р. Х.). «Бюллетень Среднеазиатского гос. ун-та», вып. 17, 1928, стр. 61.

³ Геродот. Перев. с греческ. Ф. Г. Мищенко, т. 1, М., 1888, стр. 268; Г. Масперо. Древняя история народов Востока, М., 1903, стр. 620.

⁴ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 2(20), прилож., стр. 259.

Рассказ о победе Томирисы над Киром, подвиг Ширака, сказание о Заррине и т. д. были почерпнуты главным образом из фольклора.

В легендах об Астиаге, Томирисе и Александре Македонском частично нашли свое выражение исторические представления различных народов. Известия Геродота о мидянах содержат ценные сведения по истории образования Мидийского государства и борьбы мидийцев — этих предков азербайджанского народа — с ассирийскими захватчиками.

До похода Александра Македонского в Среднюю Азию греческая историография воспроизводила сведения из местных источников, так как греки были заинтересованы в накоплении известий, враждебных ахеменидской державе, в интересах борьбы против Персии.

Походы Александра значительно расширили и углубили знания греков о Средней Азии, но историография периода греко-македонского владычества в Средней Азии замалчивала историю местных племен и, наоборот, восхваляла деяния греков, Александра, греко-бактрийских царей.

Несмотря на более чем столетнее существование Греко-Бактрийского царства, греческие историки не дают ни сколько-нибудь подробных сведений об его истории, ни описания города Бактр (позднейшего Балха) и входивших в состав царства областей с их городами. Несмотря на тесное сближение греков с Востоком, до нас не дошло ни одного греческого сочинения, которое было бы составлено с использованием восточных источников. Из таджикского эпоса в греческой литературе сохранился один лишь отрывок — любопытный рассказ Хареса Митиленского, придворного Александра Македонского; в нем мы имеем древнейшую версию одного из эпизодов таджикского эпоса, собранных Фирдоуси в XI в. в его «Шах-намэ»¹.

Несколько особняком стоит грек Ктесий (конец V — начало IV в. до н. э.), служивший врачом у персидского царя Артаксеркса Мнемона. Он знал персидский язык, был хорошо знаком с жизнью восточных народов и по своему служебному положению мог иметь доступ к источникам из персидского архива. Его труды дошли до нас только в отрывках. Ктесий весьма недобросовестно пользовался получаемыми им сведениями. Легенды, слагавшиеся в северо-восточной части Персидской монархии, с явной тенденцией в пользу среднеазиатских народов — бактрийцев и скифов, он искажал в пользу персов².

¹ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 43.

² Текст об исторических знаниях народов Средней Азии написал А. А. Семеновым.

Наиболее значительным трудом греческих историков об азиатских походах Александра является «Анабасис», составленный Аррианом в конце первой половины II в. н. э., т. е. спустя почти 500 лет после смерти Александра Македонского¹. В нем, кроме описания походов македонян и борьбы местных народов за свою свободу и независимость, рисуются, хотя и очень скудно, некоторые черты государственного и общественного устройства предков современных народов Средней Азии.

В период римского владычества происходит некоторое расширение представлений о кавказских и среднеазиатских народах, их истории и культуре. В этом отношении интересны труды Страбона (начало I в. н. э.) и Птолемея (II в. н. э.), имеющие одинаковое название — «География». В них сообщаются данные о среднеазиатских народах (массагетах, саках и др.), а также о народах Кавказа. В начале I в. н. э. Исидором Харакским был составлен во время войн римлян с парфянами маршрут, охватывавший расстояние от берегов Евфрата до Александрии в Арахосии, т. е. до нынешнего Кандагара².

Другой памятник подобной литературы — географическая карта II в. н. э., названная по имени открывшего ее автора Пейтингеровой таблицей (*Tabula Peutingeriana*)³. Дорожники Исидора Харакского и Пейтингерова таблица — основные дошедшие до нас первоисточники по изучению торговых путей в Закавказье и Среднюю Азию. Греки и римляне, повидимому, редко проникали в Парфянское царство, и все пути из Средней Азии оставались в руках парфян. Этим, повидимому, объясняется скудость сведений греко-римских авторов о современных им парфянах.

Точность исторических сведений о народах Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, сообщаемых греческими и римскими авторами, в значительной мере объясняется тем, что они пользовались местными историческими сочинениями и записями. Прямое подтверждение того, что существовали сочинения историков Боспорского царства, содержится в труде Диодора Сицилийского (I в. до н. э.)⁴.

Известия о не дошедших до нашего времени исторических трудах встречаются также в сочинениях армянских авторов

¹ Арриан. Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого. В семи книгах. Перев. с греческ. Н. Коренькова, Ташкент, 1912.

² *Isidori Characeni Stathmos Parthieos recens, Dresdae, 1849.*

³ См. ее издание в *Atlas universel de géographie par A. Bruéz..., par E. Levasseur, Paris, 1876.*

⁴ См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 4 (22), прилож., стр. 248.

V в. Так, уже упоминавшийся Мовсес Хоренаци говорит о предшествующих ему историках, писавших на сирийском и греческом языках. Он особо отмечает Мар Абаса Катина — «мужа разумного и сведущего в халдейской и греческой письменности». Мар Абас нашел книгу, переведенную с халдейского языка на греческий, в которой помещены были «стародавние рассказы древних»¹.

Таким образом, исторические сочинения у народов, обитавших на территории СССР, появились уже в период существования древних рабовладельческих государств Причерноморья, Средней Азии и Кавказа, имея своими истоками устную народную традицию. Отрывки этой древней историографии народов СССР сохранились в трудах греческих, римских, армянских, грузинских и других авторов. Более полное развитие историография народов СССР получает в трудах историков первых веков нашей эры периода становления феодализма.

III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ У НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА (V—X вв.)

В III—IV вв. н. э. рабовладельческий строй в Закавказье сменяется феодальным, возникает крупное феодальное землевладение. Развитие феодальных отношений приводит к образованию двух антагонистических классов феодального общества — феодалов и эксплуатируемых ими крестьян.

Утверждение феодализма как новой, более прогрессивной формы производственных отношений по сравнению с рабовладельческим строем оказало громадное влияние также и на культурное развитие народов Закавказья. В V в. появляются первые исторические труды на армянском и грузинском языках. Наиболее полно известна нам историография Армении, в меньшей степени историография Грузии; исторические же произведения народов, населявших тогдашний Азербайджан (Албанию), до нашего времени не сохранились.

Армянская и грузинская историография в период становления феодализма развивалась в условиях непрерывной борьбы народов Закавказья за свою самостоятельность, сперва против сасанидской Персии и Византийской империи (IV—VI вв.), позже против Арабского халифата (VII—X вв.). Поэтому армянская и грузинская письменность этого времени полна ярких повествований о борьбе народов Закавказья против иноземного гнета.

¹ «История Армении Моисея Хоренского», стр. 14—15.

§ 1. Историография Армении

Изобретение в 396 г. Месропом Маштоцем армянского алфавита явилось основой для создания письменности на армянском языке. Уже к началу V в. с греческого и сирийского на армянский язык были переведены библия, речи и проповеди виднейших деятелей христианской церкви, а также исторические сочинения («Хроника» Евсевия Кесарийского и пр.). Тогда же впервые появились и оригинальные произведения на армянском языке.

Первыми историческими произведениями на армянском языке были жития полубоготворного Григория Парфянина, основателя христианства в Армении, и Месропа Маштоца, изобретателя армянского алфавита.

Кругозор первых армянских историков был еще очень узок. Каждую свою мысль они стремились обосновать «священным писанием», уделяя много места чудесам, заимствуя из житий святых метафоры, образы и сравнения.

Вместе с этим ранние армянские историки широко пользовались и народным эпическим творчеством. Многие события прошлого описаны в исторических произведениях так, как изобразило и оценило их устное народное творчество.

Виднейшими представителями этого первого этапа армянской историографии были Корюн, Агафангел и Фавстос Бузанд.

Корюн был автором первого оригинального произведения на армянском языке, написанного в 40-х годах V в. и названного «История блаженного мужа святого Маштоца вардапета, нашего переводчика». В своем труде Корюн изложил историю изобретения армянского алфавита, а также жизнь и деятельность его создателя — Месропа Маштоца¹.

Однако автор уделяет больше внимания отшельнической и проповеднической деятельности Маштоца, чем обстоятельствам изобретения армянских письмен и создания армянской литературы. Идеолог ортодоксальной церкви Корюн неприязненно относится к социальным движениям и «еретическим» идеям. Единственным письменным источником, которым он пользовался, была библия.

Корюн считал необходимым произвести по поводу знаменательных событий (изобретение армянских письмен, монашество Маштоца, кончина патриарха Саака и Маштоца) параллельные исчисления по годам царствования армянских и

¹ См. Корюн. Жизнь Маштоца. Подготовил проф. М. Абемян, Ереван, 1941 (древнеармянский текст). Gorioun. Biographie du bienheureux et saint docteur Mesrob. Traduite pour la première fois en français par J.-R. Emine. Collections des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II, Paris, 1869, p. 1—16.

персидских царей. Эти исчисления дают возможность уточнить хронологию изобретения армянского алфавита.

Труд Корюна — ценный первоисточник, который дает возможность изучить процесс создания армянского алфавита и армянской литературы, а также политическую и социальную жизнь Армении IV—V вв.

К середине V в. относится и другое агиографическое произведение на армянском языке, известное под названием «История Агафангела». Книга была озаглавлена: «История, приносящего радость весть». Во многих списках имеется и дополнительное заглавие — «Житие и история св. Григория»¹.

Цель неизвестного автора этого произведения — осветить организацию армянской церкви и ознакомить читателя с принципами христианской религии.

Автор использовал ряд житийных источников, в одном из которых имелись любопытные данные о распространении христианства в Армении, о разрушении языческих религиозных центров и в этой связи о кровопролитных столкновениях в начале IV в. Автор использовал также народные эпические сказания.

Первую попытку написать целостную историю Армении сделал в 70-х годах V в. Фавстос Бузанд. Первые две части его «Истории» утрачены. В сохранившихся частях (III—VI) излагаются события 65-летнего периода истории Армении, начиная с царствования Хосрова Котакса вплоть до раздела страны в 384 г.² За исключением агиографической литературы, автор не имел под рукой ни одного письменного источника, но широко использовал народные песни и в особенности эпос «Персидская война».

Автор не обнаруживает критического отношения к источникам. Временами он вносит в свое повествование целые эпические отрывки, при этом полностью сохраняет даже их композицию и стихотворный размер.

«История» Бузанда лишена прямых хронологических указаний. Повествователь связывает события фразами: «в то время», «тем временем», «но вслед за сим», «затем» и т. п. Не выявляя внутренней связи событий, он часто впадает в вопиющие анахронизмы.

По содержанию главы труда Бузанда делятся на две группы. В главах, касающихся политической истории мирской жизни вообще, широко используются данные народного эпоса. Главы, посвященные церковным вопросам, полны описаниями

¹ См. Агафангел. История Армении, Тифлис, 1909 (древнеармянский текст).

² См. Фавстос Бузанд. История Армении. Перевод с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгияна, Ереван, 1953.

разных чудес и видений, молитвами, выдержками из библии, а также всякого рода поучениями.

Бузанд являлся идеологом феодальной церкви. Оценка того или иного исторического деятеля дается им в зависимости от его отношения к церкви. Деятели, игнорирующие интересы церкви, изображены, без исключения, отрицательными чертами. Защита отечества, патриотизм являются для автора «мученическим подвигом», который совершается во имя бога и на благо церкви.

«История» Фавстоса Бузанда, содержащая в себе большой материал, почерпнутый из народного творчества, представляет ценный источник по истории Армении IV—V вв.

Завершив свое образование и овладев философией и риторикой в культурных центрах того времени — Александрии, Антиохии, Афинах и Византии, начали возвращаться в Армению ученики основателей армянской письменности Саака и Маштоца. В армянской литературе их величали кертолами¹ и философами. Несмотря на неблагоприятные условия, создавшиеся в стране, находившейся под игом чужеземцев, и на неприязненное отношение со стороны невежественного и корыстолюбивого духовенства, они развивают кипучую творческую деятельность. В этот период были переведены с греческого языка многочисленные философские и научные труды: некоторые диалоги Платона, труды Аристотеля по логике, многие работы Филона, памятники художественной литературы («Физиолог», «История Александра Македонского» Псевдо-Калисфена, басни Олимпиана) и т. д.

Но ученики Саака и Маштоца не ограничивались лишь переводческой деятельностью, в это время был написан ряд трудов философского характера (например, «Опровержение ересей» Езника Кохбаци)². Авторы их нападали на государственную религию захватчиков Армении — зороастризм, который персы стремились распространить среди армян, и вели упорную борьбу с армянскими языческими верованиями, с философскими и еретическими учениями, распространившимися в Армении.

Рост национального самосознания в Армении протекал в борьбе против господства сасанидской Персии, стремившейся уничтожить независимость Армении. Этот рост нашел отражение и в армянской историографии. Труды историков второй половины V в. — Егише, Мовсеса Хоренаци, Лазара Парпеци занимают видное место в историографии средних веков. Они имели огромное влияние на всю позднейшую армянскую

¹ Кертол — ритор, поэт, грамматик.

² См. К. Эзов. Об учении персидских магов. Сочинение Езника, армянского писателя V века, СПб., 1858.

историографию феодальной эпохи, наметили пути ее дальнейшего развития.

Историк Егише был современником и участником героического восстания в 451 г. армянского народа под предводительством Вардана Мамиконяна против сасанидской Персии. В своем труде «Об армянской войне» он подробно излагает историю — «начало», «середину», «конец» — этой героической борьбы, бегло касаясь также других событий 428—465 гг.¹ Егише подробно обосновывает причины этого восстания. Основной причиной восстания Егише считает мероприятия Сасанидов по распространению зороастризма в Армении в качестве государственной религии.

Историк сам был очевидцем многих описываемых им событий, об остальных он приводит достоверные данные.

Цель историка — воодушевить читателя примером полководца Вардана Мамиконяна и других героев, внушить ненависть к изменникам и предателям родины и к иранской деспотии. Свою «Историю» Егише написал по правилам риторического искусства и с мастерством большого художника, стремясь не только убеждать фактами, но и воздействовать на читателя художественными приемами. «Армянская война» Егише — ценнейший первоисточник по истории освободительной войны армян, албанцев (предков нынешних азербайджанцев) и грузин в их борьбе против сасанидской деспотии.

Живший в конце V в. Лазар Парпеци написал «Историю Армении» в трех частях. Первая часть, являясь продолжением «Истории» Фавстоса Бузанда, начинается с раздела Армении (387 г.) и доведена до смерти Саака и Маштоца (440 г.). Вторая часть обнимает период, описанный Егише в его книге «Об армянской войне». Третья часть посвящена второму восстанию армян против персов в 481—484 гг.²

По мнению Лазара, писатель должен правдиво излагать свой материал, «не прибавлять небылиц ради бесполезного многословия, не умалять того, что было, скомкано повествуя о том неряшливыми речами, а здравой осторожностью сделать все очевидным», «дабы храбрецы, услышав о подвигах других, подвизавшихся раньше, прибавив храбрости, оставили славную память после себя по себе самом и роде, а ленивцы и трусы,

¹ См. «История Егише вардапета. Борьба христианства с учением зороастровым в пятом столетии в Армении». Перев. с армянск. П. С. Шаншьева, Тифлис, 1853; Егише. Война армян против персов. Перев. и прим. Е. Диллена, Харьков, 1884.

² См. Лазар Парпеци. История Армении и послание к Ваану Мамиконяну, Тифлис, 1904 (древнеармянский текст). Lazare de Pharbe. Histoire d'Arménie. Traduite par la première fois en français et accompagnée de notes historiques et critiques, par le P. Samuel Dr. Chésarian. Collections des historiens anciens et modernes de l'Arménie. t. II, Paris, 1869, p. 253—368.

глядя на себя и слушая порицания других, постарались исправить».

Несмотря на такое понимание задачи писателя, произведение Лазара в основном является все же героическим восхвалением нахарарского рода Мамиконянов. Всю ответственность за возникновение «армянской войны» Лазар возлагает на предателя и вероотступника, сюникского феодала сепуха Варазвахана.

Во второй половине V в., когда Армения находилась под владычеством Сасанидов, назрела необходимость в общей истории Армении. Это должно было поддержать притязания нахарарских родов, игравших крупную роль во внутренней жизни страны, в области внешней политики и воодушевлять примерами прошлого новых бойцов за независимость родной страны.

В конце V в. за это дело принялся и успешно завершил его Мовсес Хоренаци, которого с давних времен именовали «отцом армянской истории».

Данные о жизни и деятельности Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского) весьма скудны и сбивчивы. Единственным правдивым источником его биографии является «История Армении». Некоторые историки, основываясь на ряде интерполяций, подвергли сомнению принадлежность Мовсеса к плеяде писателей второй половины V в. и переносили его деятельность то в VII, то в VIII и даже в IX в. Но эта точка зрения может считаться опровергнутой советской наукой.

По приблизительным вычислениям Мовсес Хоренаци родился в первом десятилетии V в. По окончании школы он был отправлен своими учителями, Сааком и Маштоцем, в Александрию в Египте для совершенствования в науках. В александрийской академии он, кроме богословских наук, совершенствовался в греческом языке, изучал поэтику, риторику и грамматику, неоплатоническую философию и древнегреческую литературу. По окончании образования, не ранее 440 г., Мовсес вернулся в Армению. На родине он подвергся гонениям со стороны персидских властей и духовенства. Однако, несмотря на гонения, он развил кипучую литературную деятельность, сделал многочисленные переводы с греческого языка, написал ряд оригинальных трудов, среди них ценнейшее произведение армянской средневековой историографии — «История Армении».

«История» состоит из трех книг и эпилога, так называемого «Плача». Первая книга заключает «родословие Великой Армении». В этой книге излагаются древнеармянские сказания и мифы, данные которых принимаются за реально-исторические события. Во второй книге дается «средняя история наших предков». Повествование начинается с походов Александра

Македонского, охватывает период владычества парфян и кончается смертью армянского царя Трдата в начале IV в. Третья книга — «конец истории нашего отечества» — содержит историю Армении от смерти Трдата до кончины Месропа Маштоца (440 г.). В «Плаче» историк говорит о тяжелом положении своей родины, лишенной независимости.

Мовсесу Хоренаци принадлежит первый опыт периодизации древней истории Армении. Так, им было установлено пять периодов: 1) период владычества прямых потомков Хайка; 2) период господства иноземных (ассирийских) царей, при которых древние владыки страны продолжают править в качестве наместников; 3) период царствования местного господствующего рода (Ервандяны — Оронтиды); 4) период анархии, междоусобной борьбы армянских князей из-за престола; 5) период царствования династии Аршакуни. Эта периодизация, следовательно, учитывала прежде всего события политической истории.

Мовсес Хоренаци был первым армянским историком, который осознал, что «история не полна без хронологии»¹. Для уточнения хронологии важнейших событий в Армении он кропотливо исследовал различные источники.

Автор придавал особое значение письменным источникам, в частности тем, которые были написаны «складно». «Складно повествовать», по мнению Хоренаци, значит дать сведения о месте, времени, причинах события, правдиво представить действующих лиц и т. д. С этой точки зрения он высоко ценит предшествующий ему труд Мар Абаса Катины.

Почти всегда указывает автор источники своего труда. К использованным им авторам относятся Геродот, Иосиф Флавий, Евсевий Кесарийский, Бардезан, Порфирий, Филемон, Поликрат, Манефон и другие греческие и сирийские историки. Мовсесу Хоренаци не чуждо критическое отношение к источникам; часто он отвергает их сообщения как неправдоподобные, дополняет и уточняет их свидетельством других авторов, заверяя о своем стремлении излагать только «достоверное», «правдивое».

Не находя письменных источников по древней истории Армении, Мовсес Хоренаци широко пользовался народным творчеством — древними сказаниями, мифами и эпическими песнями, ибо они «под иносказанием скрывают истину».

Большую ценность представляют те отрывки «Истории» Мовсеса Хоренаци, которые составлены на основании эпиграфического материала и храмовых анналов, написанных на греческом и других языках. Новые эпиграфические находки на

¹ «История Армении Моисея Хоренского», стр. 127.

территории Армении (греческие и латинские надписи в Армавире, Вагаршапате и Гарни, урартийские клинописи в Ване и других местностях и т. д.) подтверждают многие факты, изложенные Мовсесом Хоренаци.

Заслуживает внимания также использование Мовсесом Хоренаци данных языка и топонимики для изучения истории родного края. Для обоснования того или иного своего тезиса он часто прибегает к этимологии, толкованию какого-нибудь термина или географического названия.

Согласно взглядам Мовсеса Хоренаци, историческое повествование должно иметь воспитательное значение. Поэтому ему следует придавать художественную форму. В соответствии с этим автор излагает свою «Историю» по правилам риторики, которые приводятся в составленном им же сборнике риторических упражнений.

Деятельность Мовсеса Хоренаци протекала в период порабощения Армении персидскими захватчиками, которые попирали права армянского народа и чувство его национального достоинства. Воодушевлять читателя героическими образами былого в тягостные для родной страны дни — вот цель «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Для достижения этой цели он изложил свою «Историю» не искусственным и неудобопонятным языком, каким писали армянские грекофилы в конце V в. и позднее, а «языком общеупотребительным», чтобы читатель, «не ища красноречия, полюбив правдивый наш рассказ, чаще и чаще и с жадностью предавался чтению отечественной нашей истории».

Хоренаци обращает свои взоры вглубь веков и на основании мифов и народных сказаний мастерски рисует образы Хайка, Арама, Тиграна, тех героев, которые, по его представлению, вели борьбу во имя независимости Армении и благоденствия народа.

Историческое произведение Хоренаци осталось непревзойденным во всей армянской средневековой исторической литературе, воодушевляя многие поколения на борьбу против чужеземных поработителей.

После Мовсеса Хоренаци армянская литература и историография переживают период упадка. В VI в. под управлением персидских марзпанов (наместников) страна изнемогала от непосильного налогового и хозяйственного гнета и подвергалась постоянным вторжениям со стороны Византии.

С половины VII в. Армения подпала под иго арабов, установивших систему жесточайшего угнетения армянского народа. Вся земля и природные богатства страны считались собственностью арабов; районы, имевшие военно-стратегическое значение, были очищены от местных жителей и заселены арабскими

переселенцами. В 725 г. была введена новая налоговая система, ложившаяся тяжелым бременем на плечи армянских крестьян. Естественно, что в таких неблагоприятных политических и экономических условиях в период VI—VIII вв. в Армении не было предпосылок для развития культуры. Армянский народ, ведя героическую борьбу против своих поработителей, лишь сохранял свои культурные достижения.

Видными историками этого периода были Себеос, Анания Ширакаци и Гевонд.

Себеос довел свою «Историю» до 661 г. Он подробно описывает персидские походы византийского императора Ираклия, завоевания арабов и установление их владычества в Персии, Палестине, Сирии и Армении¹.

Произведение Себеоса — ценный первоисточник по истории не только Армении, но и соседних стран — Византии, Ирана и Месопотамии. Однако по своим идеям оно является типичным произведением средневековых хронистов — исторические бедствия Себеос считает последствием первородного человеческого греха.

Перу Анания Ширакаци (родился в первой четверти VII в.) принадлежит ряд трудов по космографии, математике, летосчислению, географии и истории². Ширакаци первый из армянских ученых средневековья составил синхронистические таблицы еврейских патриархов, персидских, римских и армянских царей, уточняя годы царствования каждого и отмечая знаменательные исторические события, совершившиеся во время их царствования.

Для развития армянской историографии имела исключительное значение «География» Ширакаци (позднее ошибочно приписываемая Мовсесу Хоренаци), в которой описаны известные в ту эпоху в Армении страны с их административным делением, крупными городами, реками и озерами. Особую ценность представляет раздел, касающийся Армении, где даются границы ее 15 областей, перечисляются гавары (районы), сообщаются важные данные о флоре и фауне, полезных ископаемых и т. д.³

В отличие от большинства представителей армянской феодальной историографии, Анания Ширакаци не связан догмами церкви, к которым он иногда относится даже критически. С этой точки зрения показательно начало «Географии»: «О географии

¹ См. «История епископа Себеоса». Перев. с 4-го испр. армянск. изд. С. Малхасянц, Ереван, 1939.

² См. «Вопросы и решения вардапета Анания Ширакаци, армянского математика VII века». Изд. и перев. И. А. Орбели, Птг., 1918.

³ См. «Армянская география VII века по Р. Х.». Изд. и перев. К. Патканов, СПб., 1877.

в божественных книгах мы не находим ничего, что было бы складно изложено, мы там находим только незначительные слова, и те малодоступны». Труды Анания Ширакаци имели большое влияние на армянских историков последующего времени.

Историю Армении за период 622—788 гг. написал Гевонд. Последние события в своем сочинении он описывал уже как современник. Его «История Армении» как в отношении разнообразия материала, так и подробного описания событий — ценнейший первоисточник по истории Армении и сопредельных стран. Ярко описаны им многочисленные восстания против тяжелого ига арабского халифата. Однако в «Истории» Гевонда отразилась феодальная идеология ее автора. Говоря о восстании 775 г., автор порицает организаторов и участников этого восстания за то, что в нем принимали участие многие из рамиков (простолюдинов), которые боролись не только против арабского ига, но и против своих угнетателей, армянских феодалов¹.

Иной характер имеет героический эпос армянского народа — «Давид Сасунский», возникший во время длительной героической борьбы армянского народа против арабского владычества.

В VIII—IX вв. народные певцы сложили циклы эпических песен, которые на протяжении последующих веков, обрабатываясь и обогащаясь новыми мотивами, включали новые эпические и легендарные эпизоды и вылились в героический эпос «Давид Сасунский», занявший видное место в эпическом богатстве народов мира.

Главный герой эпоса, Давид Сасунский, является воплощением армянского свободолюбивого трудового народа. Давид беспощаден в отношении врагов народа. Он готов вступить в единоборство с арабским властелином Мысра-меликом или багдадским халифом и его полчищами. Он человеколюбив и прозорлив, знает, что войны с армянским народом ведут феодалы, а трудовой народ арабского халифата в них не заинтересован. Победив и убив Мысра-мелика в единоборстве, он великодушно отпускает по домам простых бойцов, которые мечтают о спокойной жизни и мирном труде.

В армянском героическом эпосе ярко изображены быт, нравы, обычаи и верования армянского народа, его тяжелое положение под гнетом иноземных и местных господ. Народ уверен в своих силах и оптимистически смотрит на будущее; он убежден, что в борьбе с несправедливыми социальными отношениями ему удастся создать для себя нормальные условия жизни и труда.

¹ «История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века». Перев. К. Патканов, СПб., 1862.

В 886 г. в результате длительной героической борьбы армянского народа против ослабевшего арабского халифата Армения добилась независимости и армянский «князь князей» (ишханац ишхан) Ашот Багратуни был объявлен царем.

Цари Багратуни стремились объединить под своей властью все армянские земли и создать единое армянское царство, несмотря на сопротивление этой политике со стороны крупных армянских феодалов. Армения около столетия переживала период сравнительного покоя от нападений внешних врагов.

Этот период характерен развитием крупной феодальной собственности. Светские феодалы и церковь увеличивают размеры своих владений за счет крестьянских земельных участков и широко используют в своих хозяйствах барщину. Процесс закрепощения крестьян идет быстрыми темпами. Все это вызывает в стране резкое обострение классовой борьбы. В некоторых районах (Айрарат, Сюник, Васпуракан) вспыхивают открытые восстания. В крестьянских восстаниях IX и последующих веков заметно влияние идей тондракийцев. Идеологи тондракийцев резко критиковали церковные книги и отвергали многочисленные ложные документы, которые сочиняли церковники для подкрепления своих экономических и идеологических позиций. Тондракийцы проповедовали равенство имущества и прав, отвергали церковную иерархию и таинства, утверждали, что всякий человек без посредничества церкви имеет возможность при положительном поведении насладиться благами настоящей жизни.

В армянской историографии X в., отразившей напряженную социальную борьбу, происходившую в тот период, можно отметить несколько направлений.

К одному из них относятся историки, являвшиеся сторонниками единого и сильного армянского государства во главе с царями Багратуни. К их числу принадлежал Иоаннес католикос Драсханакертци (Иоанн Драсханакертский)¹. Он прославлял деятельность царей этой династии, призывал армянских князей прекратить внутренние распри, захваты друг у друга владений и закрепощенных крестьян, общими силами выступить против внешнего врага.

К другому направлению относятся дворцовые историки отдельных феодальных княжеств — Товма Арцруни и др. В противовес первым, они стремятся тенденциозным подбором данных возвысить местных князей (в особенности княжеский род

¹ Иоаннес Драсханакертский. История Армении, Тифлис. 1912 (древнеармянский текст). Histoire d'Arménie par le patriarche Jean VI. Traduite de l'arménien en français par M. J. St.-Martin, Paris, 1841.

Арцруни), исторически обосновать их борьбу против царей Багратуни¹.

В это же время выступают на литературном поприще такие авторы, как Шапух Багратуни и Анонимный повествователь², которые отказываются от грабара — языка древнеармянской письменности, доступного к этому времени пониманию только церковников и феодальной знати. Они начинают писать «на простонародном» — разговорном языке. Эти писатели вносят в свои произведения описание многих сторон светской жизни, от чего отказывались церковные историки, описания роскошного быта феодальной знати, пиров, охот, распрей и т. д.

Эти первые произведения светской историографии подвергались преследованиям со стороны церковников, были частично утрачены. Так «История» Шапуха Багратуни не дошла до нас, и лишь отдельные выдержки у более поздних историков дают понятие об этом историческом труде. Произведение же Анонимного повествователя с большими дефектами сохранилось лишь в одной рукописи.

Таким образом, развитие исторического знания периода становления феодализма в Армении характеризуется большими достижениями. Крупнейшим историческим трудом, одним из лучших образцов армянской историографии средневековья, является «История» Мовсеса Хоренаци.

Как и в других странах, большинство крупных исторических произведений в Армении V—X вв. проникнуто феодально-церковной идеологией. Однако сохранились и сочинения, отразившие отрицательное отношение к господствующим феодальным и, в частности, к церковным кругам. Исторические воззрения народа и его стремление к свободе и справедливости нашли своё отражение в широком развитии устного народного творчества, в армянском эпосе «Давид Сасунский».

§ 2. Историография Грузии

Памятники античной грузинской историографии до нас не дошли, поскольку они были уничтожены победившей христианской церковью. Сохранились лишь исторические сочинения периода становления феодализма. Грузинская историография V—X вв. носила преимущественно церковно-религиозный характер, ибо в основу ее развития легла церковная историческая литература. Для обозначения историографических памят-

¹ Товма Арцруни. История рода Арцруни СПб., 1887 (древнеармянский текст). Histoire des Ardzrouni, par le Vardabied Thoma Ardzrouni. В книге: M. Grosset. Collections d'historiens arméniens, t. I, St.-Pb., 1874.

² История [Псевдо]-Шапуха Багратуни, Эчмиадзин, 1921 (древнеармянский текст).

ников раннего периода обычно использовались такие наименования, как «мученичество», «житие». В дальнейшем «житие» стало общепринятым названием и для светских исторических сочинений, оно употреблялось для обозначения памятников светской историографии¹.

Первые образцы грузинской историографии эпохи феодальной раздробленности создаются в отдельных грузинских политических объединениях (в Картли, в Тао-Кларджети) и ставят своей задачей защиту интересов местных правителей. Но уже вскоре в церковно-религиозной агиографической литературе начинают проводиться идеи борьбы против иностранных поработителей, идеи объединения Грузии.

Древнейшим памятником грузинской феодальной историографии является «Мученичество Шушаники» церковного писателя Якова Цуртавели. Таким образом, возникновение письменной грузинской историографии восходит к сравнительно раннему времени. К VI в. относится произведение неизвестного автора «Мученичество Евстафия Мцхетели».

С эпохой арабско-мусульманского владычества связаны: «Мученичество Або Тбилели» Иоанэ Сабанисдзе (VIII в.), «Мученичество Константина Кахи» (IX в.) неизвестного автора, «Мученичество Гоброна» Стефана Мтбевари (X в.) и др.

Памятники грузинской агиографической литературы являются ценными источниками по социально-политической, экономической и культурной истории Грузии. В этом отношении лучшими из них являются: «Мученичество Шушаники» (V в.), «Мученичество Або Тбилели» (VIII в.), «Житие Григория Хандзтели» Георгия Мерчули (X в.), «Житие Серапиона Зармели» Василия Зармели (X в.), родного племянника Серапиона Зармели.

«Мученичество Шушаники»² написано в 475—484 гг. Яковом Цуртавели, современником и очевидцем описанных событий. В нем рассказывается о судьбе жены питиахша (правителя Нижней Картли, входившей в Картлийское царство) Варксена. Нижнекартлийские питиахши, подстрекаемые персами, проводили религиозную политику сасанидских шахов и старались усилить персидское влияние в Грузии. Варксен, сын ренегата и вероотступника питиахша Аршуши, отступился от христианства и решил обратиться в маздеизм (зоррастризм, огнепоклонство) членов своей семьи. Однако Шушаник резко отвергла все домогательства мужа, за что подверглась дли-

¹ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература (V—XVIII вв.), Тбилиси, 1945 (на грузинском языке).

² М. Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, т. 1, СПб., 1871, стр. 140—152; P. Peeters. Sainte Sousanik, Analecta Bollandiana, t. 53, fasc. I—II et III—IV, Bruxelles, 1935.

тельному заключению в темнице и жестоким пыткам. Шушаник умерла в 475 г. Питиахш Варксен был убит по приказу царя Вахтанга Горгасала в 484 г. Таким образом, «Мученичество Шушаники» написано при жизни питиахша Варксена. Автор этого произведения — Яков Цуртавели — был личным духовником Шушаники. Впрочем, следует отметить, что автор не особенно преувеличивает религиозные наклонности своей духовной дочери. Он дает живой человеческий образ Шушаники. Этим и объясняется, что в «Мученичестве Шушаники» мы находим очень интересные сведения бытового характера. В «Мученичестве Шушаники» с большой художественной силой обрисован общественный строй, политическое, экономическое и культурное состояние Восточной Грузии второй половины V в.

В 523 г. персы насильственно упразднили царскую власть в Восточной Грузии и страной стал управлять специальный чиновник персидского шаха марзпан. Марзпаны с помощью азнауров (картлийских феодалов) жестоко поработали народ. Неизвестный нам автор выбрал темой своего произведения судьбу Евстафия Мцхетского, персидского христианина, который во время гонения на христиан в царствование Хосроя Ануширвана был вынужден бежать в Восточную Грузию. Он нашел убежище в Мцхете, где его радушно приняли местные ремесленники. Сам он здесь занимался сапожным мастерством.

В «Мученичестве» рассказывается, как персы донесли на Евстафия Мцхетского и он был вызван в Тбилиси на суд марзпана; там Евстафия посадили в тюрьму и, так как не могли уговорить вернуться к маздеизму, отсекли ему голову. Мученичество перса за христианскую веру автор ставил в пример тем, которые изменяли вере отцов, стремясь заслужить милость шаха. Эта тема позднее была развита более выразительными художественными средствами писателем VIII в. Иоанэ Сабанидзе.

Анонимный автор был современником описываемых им событий. Простой, правдивый язык, знание нравов и быта мцхетского ремесленного населения дают основание предполагать, что он вряд ли принадлежал к грузинской знати.

«Мученичество Евстафия Мцхетели»¹ содержит много материала о политической и социально-бытовой действительности Восточной Грузии в VI в. Особенно ценным является сведение о ремесленной организации, в которой некоторые

¹ М. Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. II, СПб., 1872, стр. 79—91; J. Djavachischwili. Das Martyrium des heiligen Eustathius von Mzcheta, Sitzungsber. d. kön. preussischen Akademie der Wissenschaften, t. XXXVIII, Berlin, 1901, ss. 875—902.

исследователи усматривают цеховое объединение мцхетских ремесленников.

С эпохой арабского владычества в Грузии связано, как было указано выше, происхождение нескольких мариологических произведений. Среди них особого внимания заслуживает «Мученичество Або Тбилели»¹, написанное в 786—790 гг. современником описываемых событий Иоанэ Сабанисдзе по поручению картлийского католикоса Самуила.

В произведении описывается жизнь Або Тбилели — арабамусульманина, принявшего христианство и принявшего мученичество за измену мусульманству. Иоанэ Сабанисдзе дает не только пересказ событий. Это произведение составлено уже по заранее продуманному композиционному плану и состоит из трех частей или четырех глав.

Иоанэ Сабанисдзе — один из идейных руководителей освободительного движения в Грузии против арабских завоевателей, — повидимому, не духовное, а светское лицо. Он использовал рассказ о казни Або, чтобы пробудить в широких слоях населения ненависть к своим поработителям, стремился воодушевить малодушных и слабых, «изнывающих от страха и колеблющихся, как тростник, от ветров сильных». Призывы Иоанэ Сабанисдзе предостерегали не только тех, «кто смешался с народом чужим», но и укрепляли самосознание народа и закаляли его волю к борьбе. Иоанэ Сабанисдзе говорит о невыносимо тяжелом положении грузинского народа при господстве Аббасидов: «поработил нас, верующих, тиран, сковал нуждой и нищетой, точно железом, измучены и истерзаны мы тяжелой данью».

Идейную линию Иоанэ Сабанисдзе продолжают писатели IX—X вв., в сочинениях которых описывается борьба против арабов; таковы «Житие Константина Кахи» (IX в.), «Мученичество Гоброна» Стефана Мтбевари (X в.) и др.

«Житие Константина Кахи»² написано в 853—856 гг. неизвестным автором. В произведении рассказывается о грузинском князе Константине, мужественно сражавшемся против войск халифа Мутавакия.

В «Мученичестве Горбона»³, написанном в 914—918 гг. Стефаном Мтбевари, описывается, как арабский военачальник

¹ М. Сабинин. Жизнеописание святых грузинской церкви, ч. 1, стр. 166—178; K. Schultze. Das Martyrium des heiligen Abo von Tiflis. Texte und Untersuchungen. N. Folge, XIII. 4. Leipzig, 1905.

² М. Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. III, СПб., 1873, стр. 89—96; P. Peeters. D. S. Constantino, Acta sanctorum, t. IV, 1925, pp. 541—563.

³ М. Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. II, стр. 57—63.

Абул-Касим (из династии Саджидов), разоривший Грузию и Армению в 914 г., отсек голову грузинскому эриставу Гоброну за отказ принять мусульманство.

Оба названных выше произведения являются важными источниками по истории арабских завоеваний в Закавказье, а также по политической истории Грузии IX в., когда происходила борьба за объединение отдельных грузинских царств.

После тяжелого периода арабского господства быстро стали развиваться производительные силы страны. Укрепление экономических связей между отдельными областями Грузии, развитие торговли и ремесла усиливают объединительные стремления. Новые сдвиги в грузинском феодальном обществе ярко отражены в литературе и искусстве. В VIII—X вв. возросло значение грузинского литературного языка. Писатель X в. Иоанэ Зосиме написал специальную хвалебную оду: «Похвала и славословие грузинскому языку». Расцвет грузинской литературы, в частности историографической, тесно связан с деятельностью монастырей как в самой Грузии, так и в грузинских культурных очагах на Ближнем Востоке.

В IX—X вв. написаны такие выдающиеся произведения, как «Житие Григория Хандзтели» Георгия Мерчули и «Житие Серапиона Зармели» Басилия Зармели. К этому же времени относится древнейший памятник грузинской светской историографии — «Летопись обращения Грузии (Картли)».

Автор «Летописи обращения Грузии (Картли)»¹ неизвестен. В памятнике, который датируется IX в., дана история распространения христианства в Картли. Памятник состоит из двух частей. Первая часть, представляющая собой историческую хронику, охватывающую события с IV в. до н. э., содержит описание легендарного похода Александра Македонского на Кавказ, подробный список грузинских царей, эриставов и католиков вплоть до IX в. Вторая часть представляет жизнеописание Нины Каппадокийской², с именем которой связано распространение христианства в Грузии. И в этой части «Житие» содержит много сказочно-легендарных сведений, но все же дает интересный материал по древнейшей истории Восточной Грузии. Автор использовал не только грузинские, но и армянские, сирийские, персидские и греческие источники. Он пользовался сочинениями Руфаниуса, Агафангела и Моисея Хоренского (К. Кекелидзе, Составные части, источники и национальные тенденции «Обращения Грузии») ³. Сохранилось более пяти

¹ Е. Такайшвили. Три хроники. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXVIII, Тифлис, 1900, стр. 1—116.

² M. Wardrop and A. O. Wardrop. Life of St. Nino, *Studia Biblica and Ecclesiastica*, vol. V, part. I, Oxford, 1900, pp. 1—88.

³ «Литературиლი дзисбани», 1, стр. 17—29.

древних редакций этого «Жития», самой ранней из которых является редакция Шатбердской рукописи X в. Обработка текста «Жития» приписывается Арсению (XI—XII вв.).

«Житие Григория Хандзтели»¹ — значительный памятник грузинской житийной литературы. Это произведение написано Георгием Мерчули в 951 г., спустя 90 лет после смерти Григория Хандзтели, основателя монашества в Кларджетском крае. В произведении описывается деятельность как самого Григория, так и его сподвижников и учеников.

Произведение отражает идеалы церкви; в нем проводится идея невмешательства государственной власти в дела церкви и отражена борьба, происходящая внутри церкви между белым и черным духовенством. Симпатии автора явно на стороне монашества.

Георгий Мерчули образным языком описывает социально-политическое и культурное состояние Грузии, зарождение в Кларджети национальной государственной власти, которая стремится объединить вокруг себя всю страну. Грузия представляется автором как «обширная земля, где на грузинском языке служится литургия и совершаются молитвы».

Происхождение «Жития Серапиона Зарзмели»² связано с колонизацией Самцхийского края. Автор этого произведения Василий Зарзмели — племянник Серапиона, основателя Зармского монастыря, жившего приблизительно в 825—900 гг. «Житие» написано в первой половине X в. В нем рассказывается о деятельности Серапиона Зармского, который считается не только основателем Зармского монастыря, но и инициатором колонизации Самцхийского края. Произведение представляет собой ценный исторический источник, содержащий интересные сведения о состоянии Самцхийской области в социально-экономическом и политическом отношениях и дает яркую картину тогдашнего быта. В «Житии» имеются указания на происходившую классовую борьбу между крупными землевладельцами и остатками незакрепощенного свободного крестьянства.

Автор говорит о враждебности, которую проявляли крестьяне по отношению к монахам, стремившимся захватить лучшие участки земли для своего монастыря. При этом автор «Жития» Василий Зарзмели, выразитель идеологии господствующего класса, не скрывает ненависти к крестьянам.

Уже в ранней грузинской историографии постепенно раз-

¹ Георгий Мерчул. Житие Григория Хандзтийского. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VII, СПб., 1911.

² К. Кекелидзе. Раннефеодальная грузинская литература (древне-грузинский текст), Тбилиси, 1935, стр. 147—184.

рабатываются методы написания исторических сочинений. Каждое историческое сочинение слагалось из определенных частей. Побочные моменты были так естественно и искусно включены в произведение, что последовательность изложения и основная линия повествования не нарушались.

Сочинения грузинских историков в этом отношении выгодно отличались от современных им европейских «хроник», авторы которых часто теряли нить повествования вследствие весьма примитивной композиции.

Таким образом, уже в V—X вв. грузинская историография дала ценные произведения, подготавливая тем самым дальнейшее развитие исторических знаний в Грузии.

IV

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА (VI—X вв.)

Переход от рабовладельческого строя к феодальным отношениям происходил в Средней Азии в VI—VII вв. Именно к этому времени относится утверждение в Средней Азии крупной феодальной собственности как основы феодализма. Земледельческая культура и ремесло в это время достигают значительной высоты.

В VII—VIII вв. Средняя Азия была завоевана арабами. Завоеватели распространили свое господство в первую очередь на большие города, оставив на местах прежних феодальных владетелей, принявших ислам и подчинившихся арабскому халифату. Местная феодальная знать объединилась с завоевателями и вместе с ними эксплуатировала сельское и городское население. Страны Средней Азии обладали развитой письменностью и до арабского завоевания, но письменных памятников домусульманского периода сохранилось весьма мало. Впрочем, их количество непрерывно пополняется благодаря находкам советских археологов. Таковы, например, известные согдийские, хорезмийские и другие документы. Большое значение имеют надписи на камнях, монетах и пр.

Гибель памятников среднеазиатской письменности домусульманского времени в значительной мере объясняется фанатизмом арабских завоевателей. Мусульманское духовенство сознательно преследовало и уничтожало письменность покоренных народов, стремясь тем самым глубже внедрить ислам. Поэтому сведения об истории Средней Азии до VI—VII вв. в основном черпаются из вторых рук. Более подробные сведения имеются только по сасанидскому Ирану. Важнейший из таких источников — сасанидская «Книга владык» («Хватай-

Намак» — прозаическая история персидских царей на пехлевийском языке. «Книга владык» полностью до нас не дошла, но ею воспользовался в своем эпосе «Шах-намэ» поэт Фирдоуси (X в.) и старейший арабоязычный историк Табари (IX—X в.).

Не дошедшими до нас арабскими переводами «Книги владык» пользовались некоторые арабские авторы для своих исторических хроник при изложении истории сасанидского Ирана¹. «Книга владык» была не столько официальной историей, сколько официальным эпосом, причем эпические предания были введены в точные хронологические рамки.

Для истории внутреннего устройства областей Средней Азии и культуры населявших их народов важны сирийские источники, писанные сирийцами, бежавшими из Византии в государство Сасанидов. Они имеют определенное значение для выяснения сложных вопросов истории Средней Азии в века, предшествовавшие арабскому завоеванию². Вопрос о существовании в то время исторического предания у народов Средней Азии, повидимому, разрешается в положительном смысле свидетельством великого ученого средневекового Востока, хорезмийца Ал-Бируни (X—XI вв. н. э.), оставившего нам очень подробные сведения о календарях и летосчислениях согдийцев, хорезмийцев и других народностей Средней Азии и сообщившего об истреблении арабами национальных источников по истории этих народов³.

Много важных сведений по государственному устройству, быту и письменности населения областей Средней Азии мы имеем в описании путешествий китайских авторов. Известия китайских источников о странах, расположенных по верховьям Аму-Дарьи, отличаются правдивостью и имеют большое историческое значение⁴. Среди них особый интерес представляет описание путешествия на Запад в VII в. буддийского монаха Сюан-цзана⁵.

¹ См. В. Розен. К вопросу об арабских переводах «Худай-намэ». «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 153—191.

² См. Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII веков, М.—Л., 1946; ее же. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951.

³ Ал-Бируни. Chronologie orientalischer Völker (арабский текст), изд. д-ра С. Е. Захау (Sahau), Leipzig, 1923.

⁴ См. И. Миннаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879, стр. 57.

⁵ Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western World, 2 vol., London, 1906; Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang, trad. par St. Julien, t. 1—2, Paris, 1857—1858.

Китайские исторические источники об ираноязычных народах Ферганы, Парфии и других мест см. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. 1—3, М.—Л., 1950—1953.

Подъем культуры в Средней Азии, несомненно, выразился в дальнейшем развитии письменности, в частности ее эпистолярной формы. К памятникам такого рода относятся найденные в Синьцзяне так называемые согдийские письма (переписка матери и дочери). Однако, как уже указывалось, до нас не дошло никаких произведений по литературе, истории, философии. Все они были уничтожены арабским завоеванием.

Во времена арабского завоевания и арабского владычества в Средней Азии в VIII—IX вв. местная культурная традиция и историческая мысль подвергаются гонению. По свидетельству великого среднеазиатского ученого XI в. Абу-Райхан-Мухаммед ибн-Ахмед-ал-Бируни, арабы-завоеватели систематически уничтожали все письменные памятники на местных языках, на местном алфавите. Поэтому VIII—IX вв.— время владычества арабов — период культурного застоя. В развитии старой местной культурной традиции наступает длительный перерыв. Местная письменность заменяется чужим арабским алфавитом.

Представители местной научной традиции, преследуемые арабами в провинциях халифата, вынуждены были покинуть родину и предложить свои знания багдадским халифам, которые стремились сосредоточить людей науки в столице, так как сами арабские завоеватели находились на низком уровне общественного и культурного развития. Этими представителями научной мысли покоренных арабами народов Ирана и Средней Азии и была создана та арабоязычная культура, которая до сих пор ошибочно носила — да и до сих пор еще носит в трудах зарубежных востоковедов — название «арабской».

Феодальная историография в Средней Азии начала развиваться лишь после свержения власти арабов и основания в X в. местной феодальной державы Саманидов.

С этого времени растет интерес как к истории отечества, так и к всеобщей истории. Во владениях Саманидов начинает развиваться не только историография, но и другие отрасли науки и искусства. Центр раннефеодальной культуры перемещается из столицы халифата в Среднюю Азию; местные ученые перестают ездить в Багдад и в другие западные владения халифата.

Усиление процесса формирования таджикской и узбекской народностей, а также развитие феодальной государственности увеличили интерес к историографии.

Деятельность среднеазиатских ученых в качестве первых переводчиков и чиновников при дворе арабских завоевателей вызвала появление большой и разнообразной литературы на арабском языке. Ее создателями были народы Средней Азии. В трудах арабоязычных авторов нередко проводилась определенная тенденция к прославлению родной страны с доказа-

тельствами культурного превосходства побежденных над победителями-арабами. Исторические предания часто сближались с преданиями других народов, и на этой почве создавались картины всемирной истории, представлявшие соединения преданий библейских, древнеарабских и иранских (персидских и таджикских) с преобладанием последних.

Житель Табаристана (на юге от Каспийского моря) Абу-Джа'фар Мухаммед-ибн Джарир ат-Табари (умер в 922—923 г.) составил огромный свод по всеобщей истории на арабском языке, используя едва ли не исключительно старые арабские источники, в большинстве до нас не дошедшие¹. Этот труд привлек внимание образованных таджиков Бухары; в 963 г. он вышел в Бухаре в переводе на таджикский язык саманидского везира Абу-Али Мухаммеда Бал'ами. Переводчик значительно сократил подлинник, опустив указания на передатчиков того или иного предания, распределение по годам событий и пр., но вместе с тем внес немало таких сведений, которых мы не находим у Табари и которые он позаимствовал, очевидно, из других, неизвестных нам источников. Этот таджикский перевод (в четырех томах), отличающийся весьма простым языком, сделался одною из наиболее популярных книг на Востоке. Свидетельством этого служит большое количество рукописей перевода, имеющих во многих рукописных хранилищах мира. Все существующие рукописи таджикского перевода сильно различаются как в отношении полноты изложения, так и по распределению материала на тома. Отсутствие критического издания Табари на таджикском языке до сих пор является существенным пробелом в исторической науке.

Для ученых труд Табари долгое время оставался главным источником исторических сведений о домусульманском периоде и первых веках ислама.

История развития историографии в Средней Азии от Табари до позднейших исторических сочинений разработана очень слабо.

В X в., по инициативе хорасанского наместника Абу-Мансура Мухаммеда ибн Абдурраззака (умер в 962 г.) был составлен прозаический свод эпических исторических сказаний на основании арабского перевода пехлевийской «Книги владык» (Хватай-Намак) и отрывков иранского эпоса. В том же X в. этот труд был частично переложен в стихи известным таджикским поэтом Дакики, а затем — великим Фирдоуси, причем пехлевийское название Хватай-Намак было заменено назва-

¹ Арабский текст этого труда издан в тринадцати томах голландским арабистом Де Гуэ и др. под заглавием: *Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammad ibn Djarir at-Tabari*, Leiden, 1879—1901.

нием «Шах-намэ» («Книга царей») ¹. Стихи Дакики и Фирдоуси написаны были эпическим стилем и вытеснили все прежние попытки в том же направлении ².

Буржуазные европейские ученые никогда не считали «Шах-намэ» полноценным источником по истории Ирана (в географическом смысле этого термина), по истории его культуры и географии и никто из них не принимал действующих лиц этого великого эпоса за исторических персонажей. Они упрекали Фирдоуси в невежественности, в плохом знании истории и географии. За его эпопеей признавалось лишь значение крайне важного источника по истории материальной и духовной культуры Ирана. И лишь советские ученые правильно оценили «Шах-намэ» как источник весьма интересный и важный для изучения истории Средней Азии не только эпохи Фирдоуси, но и более ранних периодов. Возможно, что многие события в «Шах-намэ» при более тщательном их изучении и сопоставлении с другими источниками окажутся также не легендарными, а имевшими место в действительности. В таком случае «Шах-намэ» может оказаться совершенно новым источником по истории Средней Азии до арабского завоевания. Связь легенд и преданий, легших в основу эпопеи, главным образом со Средней Азией и Северо-Восточным Ираном, показывает, насколько была глубока и органична связь Фирдоуси с тем культурным и историческим кругом, который прежде всего включал в себя земли современной Средней Азии: Хорасан, Балх и верховья Аму-Дарьи ³.

Наряду со сводным поэтическим трудом по истории страны, появились труды, посвященные истории отдельных местностей Средней Азии. Попыткой создать такую историю явился, например, труд Абу-л Харис-Асада ал'Верасини (умер в 927 г.), «Книга о соперничестве людей Кеша и Несефа», излагающая историю долины Кашка-Дарьи. Труд этот не дошел до нас. Книгу по истории дѣмусульманской Бухары составил на арабском языке Абу-Бекр-Мухаммед ибн Джа'фар ан-Наршахи (умер в 959 г.). Этот труд был переведен в сокращении на таджикский язык в 1128 г. Абу-Наср-Азмедом Кубави. В 1178 г. некто Мухаммед бен Зуфар подверг этот перевод еще большему сокращению. Труд Наршахи дошел до нас только в этой последней редакции (с продолжением неизвестного

¹ Слово «хватай» (по-новотаджикски «худай») первоначально означало «царь». Однако позднее это слово утратило данное значение и стало употребляться в смысле «бог». Поэтому оно и было заменено словом «шах». См. В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса. «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XXII, стр. 257—282.

² В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 65.

³ См. Птицын. К вопросу о географии «Шах-намэ». «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. IV, Л., 1947, стр. 293—311.

автора, доведенным до монгольского нашествия). В литературном просторечии он известен под именем «Истории Наршахи» (Тарих-и Наршахи) или «Истории Бухары, Наршахи»¹. Труд Наршахи, первоначально посвященный саманиду Нуху I (943—954 гг.), был сокращен первым переводчиком в отношении рассказов, «чтение которых возбуждает скуку». Последняя, еще более сокращенная таджикская версия Мухаммед Зуфара была преподнесена крупнейшему среднеазиатскому духовному феодалу, бухарскому садру Абдулазизу.

По дошедшим до нас сведениям, в арабском оригинале истории Наршахи говорилось «о состоянии Бухары, ее достоинствах, прелестях, о всем, что есть в Бухаре и ее окрестностях из удобств жизни и что вообще до нее относится»². Судя по отрывкам, встречающимся в некоторых более поздних исторических хрониках, можно думать, что еще в XVI в. в Средней Азии существовал более полный текст этого труда, чем дошедший до нас. По тому исключительно интересному материалу, который содержится даже в дошедшей до нас сильно сокращенной версии истории Бухары Абу-Бекр-Мухаммеда Наршахи, мы имеем полное право признать за этим трудом первостепенное научное значение для истории и топографии древней Бухары. В нем мы находим сведения об основании города Бухары, о существовавших в его округе поселениях, об обычаях правителей Бухары, о замечательных ткацких мастерских, царских дворцах Бухары, ее оросительных каналах, о введении в Бухаре ислама и пр. Существующее издание таджикского текста этого труда (Шефера) теперь уже сильно устарело, так как в настоящее время в Средней Азии имеются десятки рукописей труда Наршахи с интересными разночтениями, что делает возможным в настоящее время критическое издание таджикского текста и нового, со всем научным аппаратом, русского перевода, с учетом последних, столь важных, археологических открытий на территории Бухары, сделанных советскими археологами.

Труд Наршахи, посвященный истории города Бухары и земель всего оазиса низовьев реки Зерафшана, по своей тематике и изложению событий представляет шедевр историографии Узбекистана в раннефеодальный период. Он отличается от других исторических сочинений критическим подходом к сооб-

¹ Наршахи Абу-Бекр-Мухаммед. Тарихи Бухара (История Бухары). Русск. пер. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897. Nerschakhy Mohammed. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerschakhy, suivi de textes relatifs à la Transoksiane, texte persan publié par Charles Schefer, Paris, 1892.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 15.

щаемым сведениям. Так, например, Наршахи на основании исторических данных высказывает оригинальную и притом далеко не фантастическую гипотезу о происхождении Бухарского оазиса на базе аллювиальных отложений реки Зерафшана¹.

Наршахи подробно излагает важнейшие события в Узбекистане, как, например, восстание Абура, восстание «людей в белой одежде», рассматривает историю развития ирригации, вопросы землевладения и условия землепользования.

Исторические произведения этого времени враждебны народным массам, борющимся против арабских завоевателей и насильственного установления ислама. Исторические труды таких авторов, как Табари, Бал'ами, Наршахи и др., были проникнуты идеологией ислама. Все события излагались ими с точки зрения интересов правящей династии, при дворах которых эти труды создавались, интересов правителей, которым посвящались или преподносились эти произведения или же по повелению которых создавались.

И тем не менее историография Средней Азии и Закавказья времени становления феодализма была выдающимся явлением для своего времени. Она иногда во многом опережала современную ей историографию Западной Европы.

Таким образом, историография народов СССР уже на самых ранних этапах своего развития дала ряд замечательных сочинений, вошедших в сокровищницу мировой исторической литературы.

¹ Возможно, эта мысль принадлежала Абу-л Хасану Нишапури и была внесена в труд Наршахи позднейшим редактором.

Глава II

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В КИЕВСКОЙ РУСИ, ФЕОДАЛЬНО-РАЗДРОБЛЕННОЙ РУСИ И РОССИЙСКОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ (IX—XVII в.)

I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ IX—XI вв.

Древнерусское государство IX—XI вв. было государством феодальным. Обширная территория подчинялась киевскому князю, который уже по договору Руси с Византией 911 г. назывался «великим князем русским». Однако отдельные области Киевской Руси были связаны между собою экономически очень слабо. Процесс феодализации происходил в разных областях Руси неоднородно и разновремененно. С особой быстротой он совершался на юге, в областях, прилегающих к Киеву, медленнее — в отдаленной Ростово-Суздальской земле, еще медленнее — в стране, населенной вятичами, к югу от Оки.

Крупное феодальное хозяйство держалось на труде закрепощенных крестьян (смердов) и челяди. Населенные земли были главным богатством феодалов, стремившихся к расширению своих владений за счет еще сохранившихся кое-где общинных земель.

Летописи и Русская Правда рисуют перед нами картину беспощадной эксплуатации смердов и челяди. Резкие классовые конфликты характерны для Киевской Руси. Они нередко выливались в форму антифеодальных восстаний (восстания в Киеве в 1068 и 1113 гг. и др.)¹.

Важным явлением на Руси было развитие городов как центров ремесла и торговли. Крупнейшим из них являлся Киев, названный летописцем «матерью русских городов», как признанная столица государства. Начальная русская историогра-

¹ См. подробнее Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. в двух частях, ч. I, М., 1953, стр. 27—113.

фия в основном была связана с Киевом и отчасти с Новгородом.

Письменность на Руси утвердилась, по крайней мере, с IX в. Уже в начале следующего столетия возникла необходимость в составлении письменных договоров с другими государствами. Первым русским письменным документом является упомянутый ранее договор 911 г. О раннем развитии русской письменности говорит и находка в Гнездове под Смоленском древнейшей русской надписи, датируемой примерно первой четвертью X в.¹ Эта надпись сделана кирилловской азбукой, лежащей в основе современного русского алфавита. О «русских письменах» известно уже по житию Кирилла, создателя славянской азбуки. Кирилл «обрел» книги, написанные русскими письменами, во время своей поездки в Корсунь (Херсонес) в Крыму в середине IX в.

Дальнейший толчок к развитию письменности на Руси дало введение христианства. Официальное установление христианства как господствующей религии относится к концу X в. Но христианство появилось на Руси значительно раньше. Крещение Руси укрепило ее связи с Византийской империей, Болгарией и другими странами, где христианство было государственной религией. Тем не менее представление, господствовавшее в дворянской буржуазной историографии, о том, что русская письменность получила свое развитие только после принятия христианства, является неправильным. Необычайно быстрое развитие русской оригинальной литературы в XI в. может быть объяснено только более ранней устойчивой письменной традицией.

Русская историография в начальный период своего развития создавалась в обстановке складывающихся феодальных отношений, являлась историографией, отражающей взгляды и интересы господствующего феодального класса. Но среди древнерусских исторических произведений можно отметить некоторые сочинения, носящие черты происхождения из городской среды, с ее демократическими и антифеодальными тенденциями. С наибольшей полнотой антифеодальные тенденции получили отражение в народном эпосе, хотя анализ его затрудняется позднейшими наслоениями. Под ними не всегда легко отличить реальную основу, относящуюся к Руси периода X—XIII вв.

Русская историография с самого начала дала ряд крупных исторических произведений. На первом месте здесь должны быть поставлены русские летописи. Древнейший список краткой русской летописи помещен в Новгородской Кормчей

¹ См. Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник АН СССР», 1950, № 4.

конца XIII в. Повидимому, к XIII в. относится часть пергаментного списка Новгородской первой летописи старшего извода. В 1377 г. был написан Лаврентьевский список, включающий в свой состав Повесть временных лет, продолженную Владимиро-Суздальской летописью. К тому же XIV или началу XV в. относится Ипатьевский список летописи, состоящей из Повести временных лет, Киевской летописи XII в. и Галицко-Волынкой летописи XIII в.

Таким образом, время возникновения списков летописей отделено несколькими веками от времени составления самих летописей. Поэтому дошедшие до нас летописные списки передают текст летописных произведений не в первоначальном, а в несколько измененном виде и с позднейшими наслоениями. Эта особенность русских летописей вызвала обширную литературу, посвященную их изучению главным образом как исторических источников и в гораздо меньшей степени как историографических произведений¹.

Уже И. И. Срезневский считал, что одним из самых ранних русских исторических произведений были записи о начале Руси, включенные в переработанном виде в позднейшие летописи. Записи о начале Руси были написаны в виде связного, без разделения на годы, исторического рассказа о начальной истории и возникновении древнерусского государства. Для древнейшего времени они широко использовали устные народные предания и песни о борьбе славян с аварами, об основании Киева и т. д. С особенной полнотой в записях описаны были походы русских князей Олега, Игоря и Святослава, а также междоусобная распря между сыновьями Святослава. Время возникновения записей о начале Руси может быть отнесено к концу X или началу XI в. Некоторые из сказаний, помещенные в начальной летописи, по мнению И. И. Срезневского, «носят на себе черты современности, невозможной для летописца, жившего позже»².

Записям о начале Руси, насколько они могут быть восстановлены по дошедшим до нас летописным сводам, была чужда позднейшая легенда о призвании варягов. Они вели русскую историю «от первого лета Олгова, понелиже седе в Киеве»³, т. е. начиная с того времени, как Олег сел княжить в Киеве. В перечислении лет от начала Русской земли легендарный

¹ Обзор литературы по изучению летописей за XVIII — начало XX в. см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1, Киев, 1908.

² И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, СПб., 1882, стр. 8.

³ «Повесть временных лет» [далее — ПВЛ], ч. 1., М.—Л., 1950, стр. 17.

Рюрик с братьями совершенно не упоминается, потому что повесть считала первым русским князем Олега. Это первоначальное произведение русской историографии отличается особой близостью к народному творчеству, широко использованному ее составителями. Русская земля, по записям, это земля полян. «Поляне,— пишет автор,— это ныне называемая Русь» (в подлиннике — поляне, «яже ныне зовомая Русь»), «словенский язык и русский одно есть». Начало Руси связывается с родом русских князей, ведущим начало от Олега¹.

В XI в. наиболее распространенной формой исторического повествования на Руси делаются летописи. Их особенностью является распределение материала в строго хронологическом порядке. Все события поставлены под определенными годами от так называемого «сотворения мира» («В лето 6508. Преставися Малфред». «В лето 6509. Преставися Изяслав» и т. д.). Конечно, количество материала, помещаемого под определенными годами, было неравномерно. В отдельных случаях мы встречаемся с маленькими заметками, в других — с обширными повествованиями.

При составлении новых летописей использовались более ранние летописные записи. Поэтому обширные летописи, как правило, представляют соединение многих источников в единое целое, т. е. являются летописными сводами. Один из ранних летописных сводов, получивший в литературе название «Начального», сохранился в составе Новгородской первой летописи. Предполагают, что он был составлен в Киеве около 1093 г.² В начале XII в. русское летописание было систематизировано в большом летописном своде, носящем название «Повести временных лет», крупнейшем историческом труде ранней русской историографии. Повесть возникла около 1113 г. в Киево-Печерском монастыре. В некоторых списках ее составителем назван монах Нестор. О работе над летописью говорит и сам Нестор в одном из своих произведений.

Труд Нестора в первоначальном своем виде до нас не дошел, но сохранились две редакции Повести, очень близкие к ее первоначальному тексту. Одна из них, Лаврентьевская, относится к 1113—1116 гг., другая, Ипатьевская — к 1118 г. Наиболее близкий к первоначальному оригиналу текст Повести сохранился в Лаврентьевской редакции, оканчивающейся рассказом о событиях 1110 г., после чего следует запись: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си ле-

¹ ПВЛ, стр. 21, 23.

² О древнейших летописных сводах имеется обширная литература. См. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908; см. также М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940.

тописец...» в 1116 г.¹ Этот Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря в Киеве, считается автором переработки Повести, дошедшей до нас в Лаврентьевской редакции. Составитель Повести понимал свою задачу очень широко, что видно из названия его произведения: «Се Повести Времянных Лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»².

Как и в некоторых других средневековых хрониках, в Повести ведется рассказ от легендарного Ноя, разделившего землю после потопа между своими сыновьями, но этот рассказ является только введением к дальнейшему повествованию о Русской земле.

История Руси рассматривается в Повести на широком историческом фоне. Составитель ее предпосылает историческим известиям географический очерк о странах Европы, Азии и Африки. Русская земля представлена в Повести как страна с обширными торговыми и политическими связями. По Руси проходит путь «из варяг в греки», по этому пути можно проехать из Константинополя в Балтийское море. Повесть хорошо знает западных соседей Руси, не только скандинавов, но и немцев, римлян, французов («карлязей» и пр.). С наименьшей осведомленностью говорит она о связях Русской земли с востоком. По Волге можно дойти до Каспийского («Хвалынского») моря, а по нему добраться в богатый Хорезм — «в Хвалисы». Повесть называет и непосредственных соседей восточных славян, начиная от поляков и кончая народами Севера и Поволжья.

На этом широком фоне и строится автором история восточных славян и образование у них государства с центром в Киеве. Сперва славяне жили «родами» («живяху кождо с своим родом»), потом у них появились старейшины и князья; одни держали княжение у полян, другие у древлян и т. д. К числу таких князей Повесть относит Кия, легендарного основателя города Киева. Первым русским князем составитель считает Олега, потому что тот стал княжить в Киеве («понеже седе в Киеве»). При изложении событий начала X в. рассказ летописца делается все более подробным. Особенно обстоятельно описаны в нем события XI в., в рассказе о кочевниках нередко чувствуется очевидец.

Основная цель Повести — дать историю Русской земли от древнейших времен до начала XII в. (1110 г.). Повесть проникнута идеей общности всех русских земель, составитель неоднократно подчеркивает единство русского народа, принад-

¹ См. ПВЛ, стр. 188.

² ПВЛ, стр. 9.

лежащего к общей семье славянских народов. Правда, летописец вводит в свое повествование легенду о призвании трех князей и варяжском происхождении княжеской династии, но эта легенда говорит в сущности не о начале Русской земли, а о происхождении княжеской династии, которая выводится из зарубежных стран, как это обычно делалось в средневековых хрониках. В Повести временных лет неоднократно подчеркивается, что русь и варяги разные народы, что русский «язык» (народ) — «язык» славянский, как и грамота у него славянская: «тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская»¹.

Повесть временных лет была составлена в Киеве, поэтому в центре ее исторического рассказа находятся Киев и киевские князья. Однако Повесть не может быть названа только киевской летописью, а представляет собой общерусский летописный свод, включивший в свой состав известия, относящиеся к различным русским землям: новгородским, черниговским, суздальским, переяславским и т. д. Этот характер общерусского летописного свода Повесть временных лет сохраняет на всем протяжении, отражая таким образом историографию древнерусского государства, еще сохранившего некоторое единство в начале XII в. Идея общерусского единства целиком поддерживается составителем Повести, который является горячим патриотом своей родины. Он с порицанием отзывается о князьях, затевающих крамолы друг против друга: «Святослав же бе начало выгнанию братню, желая большее власти»², — читаем о князе Святославе Ярославиче, прогнавшем с киевского стола своего старшего брата Изяслава. Мысль о необходимости поддержания единства среди князей проводится в Повести в форме рассказа о завещании Ярослава Мудрого, который будто бы завещал своим сыновьям жить в мире и не вступать в распри: «Аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и которающесе, то погыбнете сами, и погубите землю отець сзюих и дед своих, юже налезюша трудомь своимь великым»³.

Повесть временных лет отражает идеологию господствующего класса феодалов. Рассказы о смертях и рождениях в княжеских семьях, о распрях и договорах между князьями, о постоянных войнах, пирах и охотах, о построении монастырей и церквей, поставлении епископов, заполняют страницы Повести. В ней очень полно отражены политические события того времени, причем нередко дается тенденциозное их объ-

¹ ПВЛ, стр. 11.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 108.

яснение, в зависимости от взглядов летописца на отдельных политических деятелей. Наоборот, общественные отношения почти не привлекают к себе внимания летописца. Смерды редко упоминаются на ее страницах, а ремесленники обозначаются общим названием горожан «люди». Достаточно сказать, что в Повести временных лет слово «смерд» упоминается 4 раза, а князья и бояре появляются почти на каждой странице. Народные восстания находят у составителя Повести отрицательную оценку. «Люди взвыли» — завыли, завопили, вот как летописец отзывается о вспышках народного гнева против феодального гнета. Восстание народа — это «казнь божия». Такой взгляд совершенно понятен для произведения, возникшего в стенах Печерского монастыря — крупнейшего землевладельца и феодала начала XII в. Отсюда и тенденция Повести, характерная для средневековых хроник вообще, искать объяснения бедствиям и успехам Русской земли в «божественном промысле». Распря Святослава с Ярославом приписывается внушениям дьявола и грехам русских людей. Если какая-либо земля «управится» перед богом, то бог поставляет праведного царя или князя — рассуждает автор Повести по поводу этой распри. Поражение киевлян от половцев в 1068 г. объяснено тем, что наводит «бог по гневу своему иноплеменики на землю... усобная же рать бывает от соблаженья дьяволя»¹.

В Повести заметно сказывается церковный элемент. Постоянно встречаются здесь цитаты из библии. В связи с рассказом о принятии Владимиром христианства в Повести помещается краткое изложение церковной истории, вложенное в уста «философа». Дважды в Повести помещено исповедание веры и пр. Немалое место занимают известия о различного рода чудесных явлениях. Часть их основана на византийских источниках, часть представляет рассказы русского происхождения: о мертвецах, ездивших по улицам Полоцка, о страшном змее, упавшем в лесу на охоте, и пр. «Небесные знамения» — кометы, затмения солнца — представляются обычно предвестниками бедствий. Они появляются «не на добро» для Русской земли.

Но Повесть временных лет нельзя характеризовать, как памятник церковной идеологии. Цитаты из церковных книг и поучения использованы в ней главным образом для подтверждения определенных политических идей и тенденций. Борьбу этих тенденций объясняется противоречивость некоторых характеристик князей в Повести. Так, язычник Владимир Святославич обрисован в Повести временных лет черными

¹ ПВЛ, стр. 163.

красками. Он коварный, мстительный и сластолюбивый человек. После же принятия христианства Повесть делает Владимира образцом праведной и набожной жизни.

Как говорилось выше, Повесть временных лет представляет собой летописный свод, т. е. соединение в одном произведении ряда летописных известий из разных источников. Эта особенность не всегда позволяет установить, что именно относится к редакторской работе составителя Повести и что к его источникам. Однако совершенно неправильно представлять себе, что Повесть является механическим соединением разнообразных источников, как говорит, например, Н. Л. Рубинштейн¹, а не единым литературным целым. Составитель Повести провел громадную работу по сличению и сопоставлению разнородных исторических известий, показав критическое отношение к своим источникам. Сложность написания труда по истории Руси заключалась в том, что перед составителем Повести находилось большое количество противоречивых и разнообразных источников. К их числу принадлежали русские сказания и жития святых, а также некоторые переводные исторические сочинения (византийская хроника Георгия Амартола, летописец Никифора и пр.). Составитель Повести отбирал из своих источников нужные материалы и оставлял в стороне то, что непосредственно к его теме не относилось. Используемые источники перерабатывались в связи с общими приемами и условиями работы составителя повести. Особенно широко была им использована устная историческая традиция, в том числе песни и поговорки. Народная историческая традиция сказывается в рассказах об отроке, сражавшемся с печенежским богатырем, о белгородцах, перехитривших печенегов, и т. д.

Выдающейся особенностью Повести является стремление ее составителя критически отнестись к источникам. В некоторых случаях составитель Повести отмечал свое несогласие с известными ему рассказами об исторических событиях. Этот элемент критики проявляется в рассказе о Кие и его братьях как старейшинах, от которых пошло княжение в Киеве. Рассказав о Кие, летописец сообщает, что по другой исторической версии Кий был не князем, а перевозчиком. Однако эта версия, по мнению составителя Повести, недостоверна, потому что Кий ходил в Царьград и был там принят с большим почетом. Память о Кие сохранилась на Дунае, где находится городище Киевец; только «не сведущие», не зная, можно это отрицать.

В другом случае составитель Повести говорит о различ-

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 20—22.

ных версиях рассказа о крещении Владимира. Одни говорят, что он крестился в Киеве, другие — в Василеве или еще в ином каком городе: «се же не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша: в Василеве; друзии же инако скажутъ». Составитель Повести настаивает на том, что Владимир крестился именно в Корсуни (Херсонесе), подробно рассказывая о походе Владимира и крещении его в Корсуни¹.

Как ни элементарны приемы критического подхода к источникам, отмеченные выше, они все же свидетельствуют о том, что элементы критики источников зародились в русской историографии еще в очень раннее время, а вовсе не в XVIII в., как это пытались доказать дворянско-буржуазные ученые. Приемы исторической критики не были занесены к нам извне; они создавались самостоятельно, в связи с развитием русской исторической мысли.

Итак, уже на заре русской историографии появляется исторический труд, основанный на использовании громадного количества источников, которые были подвергнуты критической переработке.

Повесть временных лет — выдающееся историческое произведение, проникнутое общей идеей — дать историю Руси в связи с историей славян, конечно, с классовых позиций господствующих феодальных кругов. Она пронизана большой любовью к родине, высоким представлением о ее настоящем и надеждой на ее еще более великое будущее. В ряду средневековых хроник Повесть представляет собой крупнейшее явление. Ее значение далеко выходит за пределы произведения, рисующего только русскую историю. Повесть — замечательный памятник средневекового исторического знания, свидетельствующий о высоком уровне культуры древней Руси.

Повесть временных лет является крупнейшим, но отнюдь не единственным памятником историографии Киевского государства. Она была основана на более ранних летописных сводах и отдельных сказаниях. Попытку восстановить, «реконструировать» эти летописные своды, предшествующие Повести временных лет, сделал А. А. Шахматов². Однако восстановленные им летописные своды являются настолько предположительными, что у нас нет возможности с твердой уверенностью сказать об их действительном тексте, а порой даже и о существовании подобных сводов.

Летопись была не единственной формой исторического

¹ ПВЛ, стр. 77.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908; см. также А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Пг., 1916 (в книге дан реконструированный текст летописных сводов XI в.).

повествования на Руси, где, как и в других странах, с давнего времени существовали исторические произведения в виде особых повестей, «сказаний» и «слов». К их числу относятся прежде всего различного рода жития святых: княгини Ольги, князя Владимира, сказание об убиении Бориса и Глеба, житие Феодосия, основателя Киево-Печерского монастыря. Эти произведения возникли в церковных кругах, с целью прославления русских «святых». Различного рода «чудеса» представляют собой неотъемлемую часть житийной литературы, которая тем не менее позволяет говорить о существовании уже в XI в. значительного количества образованных древнерусских писателей.

Интерес к истории проявлялся в Киевской Руси и в чисто церковной литературе, например в «Слове о законе и благодати», составленном в середине XI в. митрополитом Илларионом, «русином», т. е. русским по происхождению. В «Слове» Илларион дает краткую характеристику русских князей от их родоначальника «старого Игоря» вплоть до Ярослава Мудрого, к которому обращена его проповедь. С гордостью патриота проповедник говорит о них: «не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Рустей, яже ведома и слышима есть всими конци земля»¹.

Особый интерес представляют те исторические произведения, которые были составлены в виде особых повестей о событиях гражданской истории Руси XI в. К сожалению, как раз эти повести почти не привлекали к себе внимания историков и историков литературы.

Больше того, в исторической литературе широко пропагандировалось представление о том, что русские летописи были созданы в церковных кругах. По А. А. Шахматову, учреждение русской митрополии в 1039 г. вызвало составление первого русского летописного свода. Древнейший новгородский летописный свод был составлен якобы в 1050 г. в связи с освящением церкви Софии в Новгороде, а в 1073 и 1095 гг. возникли новые своды в Киево-Печерском монастыре. Наконец, три редакции Повести временных лет, утверждает А. А. Шахматов, также появились в киевских монастырях².

При такой схеме истории русского летописания в ней не остается даже места для деятельности нецерковных кругов. И хотя схема А. А. Шахматова была подвергнута критике в трудах ряда авторов, представление о господстве церковных авторов в ранней русской историографии осталось нетронутым.

¹ «Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX века». Изд. В. Срезневский, СПб., 1893, стр. 59.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 529—532.

Так, Д. С. Лихачев считает, что первым русским историческим произведением было условно им названное «Сказание о распространении христианства», составленное при Ярославе Мудром: «...из этого-то первого русского исторического произведения, в своем роде замечательного патриотизмом содержания, и выросло впоследствии постепенно русское летописание»¹.

Между тем археологические открытия последних лет показали, что письменность на Руси была развита не только в церковных, но и в городских кругах. Поэтому нет никаких оснований настаивать на одностороннем церковном развитии ранней русской историографии².

Повести, возникшие в Киевской Руси, отличаются крупными достоинствами. Замечательной повестью XI в., внесенной в летопись, является сказание об ослеплении князя Василька. В нем с большой четкостью показаны коварство и злоба Давыда Игоревича, заманившего Василька в западню, двуличие и трусость киевского князя Святополка Изяславича, пытающегося свалить всю вину за преступление на Давыда. Ослепление Василька и пробуждение его после обморока, вызванного болью и отчаянием человека, потерявшего зрение, описаны с поразительной силой и правдивостью. Вместе с тем ясна и общая тенденция сказания — необходимость единения русских князей, иначе «начнет брат брата закалати и погыбнет земля Руская»³. Таким образом, здесь высказывается та же мысль, какую с необыкновенной силой проводит величайшее древнерусское поэтическое произведение — «Слово о полку Игореве».

Особыми сказаниями, помещенными в летописи, являются также рассказы Гюряты Роговича о людях, живущих в «полуночных странах»⁴, и о киевском восстании 1068 г. Сказание о восстании в Киеве разделено в Повести временных лет большой вставкой «о казнях божиих», церковная тенденция которой стоит в резком противоречии со сказанием о восстании, лишнем всякого налета церковности.

Автор рассказа сочувственно относится к восставшим «людям», т. е. к киевским ремесленникам, к трудящемуся народу, в широком смысле слова. С большим осуждением говорится о старшем сыне изгнанного киевлянами князя Изяслава Ярославича, который, по возвращении в Киев, «без вины» распра-

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 76.

² М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков. «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — «Труды ОДРЛ»), т. IX, М.—Л., 1953, стр. 51—66.

³ ПВЛ, стр. 174.

⁴ Там же, стр. 167—168.

вился со многими горожанами. Рассказывая о вмешательстве князей Святослава и Всеволода Ярославичей в пользу киевлян, автор сказания замечает о них — «и утешиста кыяны», т. е. они успокоили киевлян. Этим самым обнаруживается, что и сам автор названных строк принадлежал к числу киевлян и сочувствовал восстанию¹.

Широкие народные круги также не были чужды историческому знанию. Устная традиция сохранила воспоминания не только о политических событиях, о Владимире «красное солнышко» с его богатырями, сражавшимися с кочевниками и другими врагами Русской земли, она сохранила память и о некоторых народных движениях. Так, в былинных преданиях утвердился образ киевского тысяцкого Путяты Вышатича, двор которого, по летописи, был разграблен во время киевского восстания 1113 г. Путята выступает в народных преданиях в качестве злобного персонажа, коварного советника, наказанного за свою измену «котлом смолы»².

К XI—XII вв. относится и появление первых переводных исторических сочинений. Примерно в начале XII в. была сделана первая попытка связать в единый исторический процесс русскую историю со всемирной. Материалом для этого послужил переводный с греческого «летописец вкратце Никифора патриарха» — краткое перечисление событий от легендарного «сотворения мира», доведенное в некоторых списках до X в. Русский автор дополнил «летописец» краткими русскими известиями.

Интерес в древней Руси ко всеобщей истории выражался также в переводе на русский язык различного рода исторических произведений. Так, на русский язык были переведены: средневековый роман о взятии Трои («Троянская история»), такой же средневековый роман об Александре Македонском («Александрия»), повесть Иосифа Флавия о взятии Иерусалима римлянами, греческий роман о храбрце Дигенисе, так называемое «Девгениево деяние», и др. Из чисто исторических произведений были переведены на русский язык византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола.

Русская историография времен Киевской Руси дала ряд больших исторических произведений. Повесть временных лет не имела предшественников; русская историография развивалась в менее благоприятных условиях, чем средневековая историография западноевропейских стран, которая пользовалась богатым наследием античного мира, обширной исторической

¹ ПВЛ, стр. 116.

² В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. 1, М., 1897, стр. 82, 145—146, 148.

литературой на латинском языке. Попытки вывести происхождение Повести временных лет из некоторых хронографических византийских произведений должны быть отвергнуты, как не имеющие никаких научных оснований. Неправильны и попытки представить летописную форму изложения как своего рода типичную особенность русских исторических сочинений времени Киевской Руси и феодальной раздробленности. Как показывает большое количество различных сказаний, исторические произведения, излагающие события в их взаимной связи без разделения на годы, были хорошо известны и распространены на Руси.

Историография Киевской Руси занимает почетное место в сокровищнице мировой исторической литературы. Значение ее еще более усиливается тем обстоятельством, что русские исторические произведения X—XI вв. составлялись на родном языке, в отличие от латинской историографии Западной Европы и арабоязычной историографии Средней Азии, доступной только для немногих лиц, владевших латинским или арабским языком. В этом отношении русская литература имеет ближайшее сходство с литературой Армении и Грузии, развивавшихся на родных языках. Для своего времени историография Киевской Руси была передовой по сравнению с историографией многих стран тогдашней Европы и Азии.

II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ФЕОДАЛЬНО-РАЗДРОБЛЕННОЙ РУСИ XII—XIII вв.

Историография феодально-раздробленной Руси XII—XIII вв. развивалась уже в существенно иных условиях, чем в древнерусском государстве. Установление феодальной раздробленности на Руси было тесно связано с дальнейшим развитием феодальных отношений. Рост крупного феодального землевладения, возникновение и дальнейшее развитие городов создавали условия для экономического и политического роста отдельных русских земель. В XII—XIII вв. Киев теряет свое значение общерусского центра. Новыми хозяйственными и политическими центрами делаются Новгород, Чернигов, Владимир, Галич и другие города, где появляются самостоятельные княжеские династии.

Одним из результатов установления феодальной раздробленности на Руси было обособление больших феодальных земель. Крупнейшими из них стали на юго-западе Галицко-Волынская земля и на северо-востоке Владимиро-Суздальская Русь. Феодальная раздробленность вела не только к политическому, но и к культурному обособлению русских земель. Конечно, идея единства Русской земли не была совершенно поте-

ряна и в период феодальной раздробленности, свидетельством чему является «Слово о полку Игореве», призывающее к общей борьбе Русской земли против половцев. Тем не менее историография XII—XIII вв. в основном отражает тенденции феодальной раздробленности.

Как и в более ранний период, крупнейшие исторические произведения XII—XIII вв. по преимуществу проникнуты идеологией господствующего класса феодалов. Антифеодальные тенденции заметны только в новгородских летописях и «Слове о полку Игореве», с особенной же силой они проявляются в народном эпосе.

Господствующим видом исторического произведения времен феодальной раздробленности становятся не общерусские своды, подобные Повести временных лет, а летописи и сказания, связанные с отдельными русскими землями. Впрочем, и летописные своды XII—XIII вв. сохраняют в своем составе Повесть временных лет для рассказа о начальной истории Руси, не заменяя ее каким-либо новым историческим произведением. Следовательно, авторы и этих произведений исходят из мысли, что история отдельных русских земель есть только продолжение истории всей Руси, показанной в Повести.

В историографическом отношении летописные своды XII—XIII вв. резко различаются между собой своими тенденциями.

Летописание Владимиро-Суздальской земли, насколько оно известно нам по Лаврентьевской летописи, целиком связано с сильной княжеской властью. Перед нами княжеско-епископская летопись, окрашенная местным патриотизмом, но еще не окончательно потерявшая интерес к общерусским делам. Это соответствует положению владимиросуздальских князей в феодально-раздробленной Руси и определяется их стремлением к общерусскому господству. «Князь бо не туне меч носить, божии бо слуга есть»¹, — оправдывает летописец жестокие поступки Андрея Боголюбского. Владимиро-Суздальская летопись наполнена выписками из церковных книг и наставительными поучениями, но в этих поучениях заметна уже несколько иная тенденция, чем в Повести временных лет. Если в Повести нередко встречаются церковные поучения и цитаты, направленные против отдельных князей, то владимиросуздальский летописец целиком поддерживает своих князей в их столкновениях с епископами. Злой ростовский епископ Федорец был свергнут «рукою крепкою и мышцею высокою, рукою благочтивою царскою правдиваго и благовернаго князя Анд-

¹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 370.

рея»¹. Таким образом, владимирское летописание является в первую очередь летописанием княжеским, отстаивавшим в условиях феодальной раздробленности сильную княжескую власть.

В гораздо большей степени политические тенденции времен феодальной раздробленности сказались в летописании Новгорода. Богатая феодальная республика, «господин Великий Новгород», представляла собой один из крупнейших центров русской культуры. В Новгороде, как и в других центрах Киевской Руси, летописание находилось главным образом в руках духовенства. В нем принимали участие новгородская архиепископия («дом святой Софии») и крупные монастыри. Наряду с ними в составлении летописных заметок принимало участие приходское духовенство. Так, известны как летописцы священник Герман Воята и пономарь Тимофей². Здесь надо вспомнить указание Ф. Энгельса, что среди низшего духовенства находились плебейские элементы, сочувствовавшие народным движениям. «Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом»³. К тому же церковные мотивы не являлись преобладающими в новгородской историографии. С большим основанием можно заявить, что авторами некоторых летописных записей были ремесленники и торговцы. Это объясняет присутствие в новгородских летописях заметок, направленных против бояр, в защиту борьбы «меньших людей» с «большими людьми», т. е. феодалами. «И был у лучших злой заговор, как побить меньших, а князя ввести по своей воле», — читаем, например, в летописи о волнениях в Новгороде в 1255 г.⁴

Круг интересов новгородских летописцев очень ограничен и обычно вращается в сфере местных событий. Основное их внимание привлекают внутренние новгородские события: избрание посадников и тысяцких, вечевые собрания, городские и церковные торжества, постройка церквей, различного рода бедствия (неурожай, буря, пожар, моровая язва и пр.), цены на товары и продукты питания, одним словом, будничная жизнь большого средневекового города. Общая политическая тенденция новгородских летописей непосредственно связана с идеями феодальной раздробленности. Новгородские летописи стремятся доказать исконность самостоятельности Великого Новгорода и его господства над пригородами. «Кде святая

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 357.

² «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950 (далее — НПЛ), стр. 39 и 70.

³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 26.

⁴ В подлиннике: «и бысть в вятших свет зол, како побети меншии, а князя ввести на своей воли», НПЛ, стр. 81.

София, ту Новгород»¹,— вот формула, которая утверждает значение Великого Новгорода как политического центра.

Основные черты историографии времен феодальной раздробленности на Руси характерны и для летописания Киевской и Галицко-Волынской земель. Киевская летопись XII в. и Галицко-Волынская летопись XIII в., продолжающие Повесть временных лет в обширном Ипатьевском списке, в основном посвящены истории своих земель. Галицко-Волынская летопись ставит задачей прославить своих князей и рассказать о борьбе князя Даниила Романовича с боярами: «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великия труды, и частыя войны, и многия крамолы, и частыя восстания, и многия мятежи, измлада бо не бы има покоя»². Летописец выступает, следовательно, против «льстивых» бояр, но не против боярского господства вообще.

Замечательной историографической особенностью Галицко-Волынской летописи является почти полное отсутствие в ней церковного элемента. Внимание летописца привлекают битвы, пиры, заговоры, боярские козни. С большим знанием дела списаны в летописи костюмы, оружие князей и бояр. Даниил поражает всех своим нарядом, русский военный строй заставляет изумляться иноземцев и т. д. Жизнерадостная струя заполняет страницы Галицко-Волынской летописи, лишенной мистицизма и церковных рассуждений, столь характерных для многих средневековых хроник. Галицко-Волынская летопись возникла в феодальных кругах и является произведением, отражающим классовое господство феодалов в Галицкой Руси. Поэтому в ней заметно особое презрение к смердам. Говоря о победе Мстислава в 1215 г., летописец радуется, что «смерды изьбени быша»³. Ругательством звучит указание на происхождение некоторых княжеских людей «от племени смердов».

Важной историографической особенностью Галицко-Волынской летописи, выделяющей ее из числа многих русских летописных сводов, является форма ее повествования: исторический рассказ ведется без разделения на годы. В древнейшем Ипатьевском списке годы «от сотворения мира» проставлены, но в других списках (в том числе в Хлебниковском) они отсутствуют. Да и в Ипатьевской летописи разбивка на годы сделана столь необоснованно, что хронология событий XIII в. в этой летописи крайне недостоверна; она отстает или перегоняет события иногда на 5—6 лет. Сами составители Галицко-Волынской летописи такими словами указывают на

¹ НПЛ, стр. 55.

² «Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871, стр. 501. Ее называют Ипатской или Ипатьевской — от Ипатьевского монастыря в Костроме, где она хранилась.

³ Там же, стр. 493.

характер своего исторического произведения: «составителю хронографа нужно писать все случившееся, иногда писать впереди, иногда заходить в последующее, мудрый читающий разберет, показания же годов мы здесь не писали»¹. Следовательно, Галицко-Волынская летопись с самого начала была задумана в плане сплошного исторического повествования.

По форме своего изложения Галицко-Волынская летопись не стоит одиноко среди исторических произведений XII—XV вв. Историческая повесть была широко распространенным и излюбленным видом литературных произведений на Руси этого времени. Галицко-Волынская летопись основана на ряде таких повестей и отдельных летописных заметок, послуживших для нее источниками. Наиболее распространенным видом повести в феодально-раздробленной Руси явилась так называемая «воинская повесть», т. е. произведение, описывающее воинские подвиги того или иного полководца или князя, а также крупные военные события. Такая повесть вполне соответствовала понятиям средневековья с его постоянными войнами и междоусобными распрями².

В обширном сказании о Липицкой битве 1216 г.³ описывается удачный поход новгородских и смоленских войск в Суздальскую землю, причем даются яркие характеристики князей, участников похода. Две большие повести рассказывают о битве при Калке 1223 г.⁴ Обе эти повести возникли самостоятельно и только позже были объединены в один большой рассказ, вошедший в позднейшие летописи.

Несколько особняком стоит повесть о взятии Константинополя крестоносцами («фрягами») в 1204 г. Написанная неизвестным русским автором, она проникнута глубоким сочувствием к Греческой земле, гибель которой приписывается распрям, «сваде», между императорами, претендентами на греческий престол. Повесть заканчивается словами: «и тако погыбе царство богахранимаго Константинаграда и земля Греческая в сваде цесарев, ею же обладють фрязи»⁵.

¹ В подлиннике: «Хронографу же мужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя: чьтый мудрый разумеет; число же летом зде не писахом». Летопись по Ипатскому списку, стр. 544.

² «Воинские повести древней Руси», М.—Л., 1949.

³ Повесть о Липицкой битве включена во многие летописные своды. В наиболее полном виде она сохранилась в Новгородской четвертой летописи. ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1, Пг., 1915, стр. 186—197.

⁴ Повести о Калкской битве в разных редакциях имеются в Ипатьевской и Новгородской первой летописях.

⁵ Повесть о взятии Константинополя в наиболее древнем виде помещена в Новгородской первой летописи (см. НПЛ, стр. 46—49). О ней см. Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. «Труды ОДРЛ», т. X, М.—Л., 1954, стр. 120—135.

Татарские погромы, опустошившие русские земли, затормозили развитие русской культуры. Однако даже во второй половине XIII в., когда татарское иго с особой силой давило на русские земли, русская историческая мысль продолжает развиваться, проводя идеи борьбы с татарами за независимость Русской земли. В это время появляются исторические повести о замечательных русских полководцах, сражавшихся с врагами русского народа. Таковы биографии Александра Невского и Довмонта. Эти произведения только по названию примыкают к циклу княжеских «житий» более раннего времени, являясь произведениями гражданского характера. Житие Александра Ярославича написано его младшим современником («самовидцем») на основании личных воспоминаний и рассказов «отец своих». Внимание биографа сосредоточивается на победах Александра, которого некоторые редакции жития сравнивают с одноименным Александром Македонским, а также с Ахиллесом, «крепким и храбрым». Житие в своем первоначальном виде было лишено всякой примеси церковности и представляло собой «воинскую повесть» о подвигах Александра¹. Такой характер имеет и житие псковского князя Довмонта (умер в 1299 г.), «о храбрости и о мужестве» которого рассказывает биограф. К числу подобных же повестей относится и повесть о Николе Заразском, в которой повествуется о разорении Рязани татарами и рязанских удалцах, сражавшихся с ними. Время возникновения этой повести точно не установлено. Новейший исследователь ее считает, что «центральные» «воинские» части этого цикла в основе своей несомненно принадлежат первой половине XIV века². Жития Александра Невского и Довмонта — лучшее из того, что дала русская историография второй половины XIII в., создававшаяся в тяжелых условиях татарского ига.

Особую форму исторических произведений представляли собой жития князей и монахов, созданные в церковных кругах. Эти произведения ставили своей задачей наделить своих героев христианскими добродетелями. Таков «Печерский Патерик» (сборник рассказов о монахах Печерского монастыря в Киеве). В историографическом смысле подобные церковные произведения являются гораздо более отсталыми, чем летописи и исторические сказания, и нередко подражательными. Узкая клерикальная точка зрения резко снижает историческую достоверность житийной литературы, придавая ей характер цветистых нравоучительных упражнений.

¹ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, М., 1915, стр. 151—222; см. там же тексты, стр. 108—137.

² Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. «Труды ОДРЛ», т. VII, М.—Л., 1949, стр. 257—406.

Русская историческая литература с самого своего начала носила самостоятельный характер. Летописи и другие исторические произведения, которые мы рассматривали выше, целиком возникли на русской почве и были почти исключительно написаны русскими. Но русские люди и в это время не ограничивались интересом только к своей, отечественной истории. Уже в XI — начале XIII в. появились русские исторические произведения, пытавшиеся изобразить всемирную историю в виде единого процесса. К их числу принадлежит «Еллинский и Римский летописец». Он начинает историю библейским рассказом о легендарном сотворении мира, соединяя библейские известия с мифическими рассказами о Кроне, Иракле (Геракле) и Александре Македонском. Далее идет рассказ о римских и византийских императорах, кончая императором Романом (умер в 988 г.). Такое построение всемирной истории, типичное не только для Руси, но и для Византии и средневековой Европы, соответствовало схоластическим средневековым взглядам; «Еллинский и Римский летописец» был основан на известиях греческих хроник¹.

Оригинальные и переводные сочинения по русской и всемирной истории, возникшие в XII—XIII вв., показывают большой интерес русского общества к истории. Перед нами значительное богатство различных жанров исторических произведений: летописи, хроники, повести, сказания, биографии («жития»). Составители этих произведений, как правило, умели пользоваться различными источниками, были знакомы с приемами их сопоставления и критики. В некоторых случаях общая церковная точка зрения на историю уже начала заменяться более рациональным объяснением причин, породивших те или иные события. Распространение исторических знаний в древней Руси подтверждается историческими ссылками в различных литературных произведениях. В «Слове о полку Игореве» имеется немало указаний на хорошее знакомство его автора с русской историей. Автор «Слова» вспоминает времена «храброго Мстислава», зарезавшего Редедю перед косожскими полками, «давнего Ярослава» (Ярослава Мудрого) и т. д. Исторические припоминания необходимы певцу «Слова» не как художественные украшения, а как доказательства былой славы Русской земли по сравнению с ее бедственным положением в конце XII в. Единство Русской земли в борьбе с внешними врагами, в первую очередь с половцами, которые своими набегами ее разоряли, — вот основная идея «Слова о полку Игореве». «Загородите полю ворота своими острыми стрелами за

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, М., 1866. стр. 1—95.

землю Русскую»¹, — с таким призывом автор «Слова» обращается к своим современникам, называя степь обычным названием «поля», сохранившимся в таком же значении много лет в русском словаре. «Слово о полку Игореве» не только величайшее художественное произведение, но и памятник русской историографии конца XII в., почти еще не изученный с этой точки зрения.

Имеются ссылки на исторические события более раннего времени и в так называемом «Слове Даниила Заточника», сохранившемся в двух редакциях — XII в. («слово») и XIII в. («моление»). В обеих редакциях имеются ссылки на исторические события, сделанные в подтверждение отдельных высказываний автора. Такова ссылка на фразу Святослава, будто бы сказанную им во время его похода на Царьград в X в.: «нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти?»² и пр.

Даже образованные люди феодального времени смотрели на историю как на смену политических событий, как на историю непрерывных войн между царями. Это выражено в словах Кирилла Туровского, писателя XII в.: «историки и ораторы, то-есть летописцы и песнотворцы, прислушиваются к ратям и ополчениям между царями»³.

Исключением является только «Слово о полку Игореве», считающее причиной несчастий Руси феодальную раздробленность и междукняжеские распри: «князи сами на себе крамолу коваху»⁴. Таким образом, автор «Слова о полку Игореве» и по историографическим воззрениям выделялся из среды своих современников.

Русская историография времен феодального раздробления XII—XIII вв. тесно примыкает к историографии Киевской Руси, но представляет новый и высший этап в развитии исторического знания на Руси по сравнению с X—XI вв. В летописях и сказаниях завоевывают себе теперь все большее место гражданские сюжеты. Исторические примеры начинают использоваться для объяснения событий, современных составителям летописей и сказаний. Усиливается интерес к тому, что совершалось за русским рубежом. В силу этого, например, повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 г. вставляется в Новгородскую летопись, а галицкий летописец, рассказывая

¹ «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 33.

² Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, Л., 1932, стр. 18.

³ В подлиннике: «Историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци прикляють своя слухы в бывшая межю цари рати и в ополчения» И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1, СПб., 1893, стр. 1151.

⁴ «Слово о полку Игореве», стр. 21.

об осаде Галича венгерским королем в первой половине XIII в., сравнивает Днестр с рекой Скрыт в Месопотамии, затопившей Эдессу. Он основывается на греческой хронике: «Скрыт река злу игру сыгра гражаном»¹. Увеличивается количество литературных центров, где создаются исторические произведения, расширяется круг их составителей.

III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПЕРИОД СКЛАДЫВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (XIV—XV вв.)

Новый этап в развитии русской историографии тесно связан с образованием централизованного государства на Руси, когда Москва «стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»². Объединение разрозненной Руси в единое государство с центром в Москве было ведущим процессом. Оно началось и развивалось в условиях феодально-раздробленной Руси. Поэтому и в русской историографии XIV—XV вв. наблюдаются две основные тенденции. Наряду с историческими произведениями, отражающими идеологию феодально-раздробленной Руси, появляются произведения, в которых проводится идея общерусского государства.

Летописание таких крупных политических центров, как Новгород, Псков и Тверь, сохраняет еще идеологию феодальной раздробленности. Новгородские, псковские, тверские летописные своды заняты главным образом местными интересами. Даже Куликовская битва, крупнейшее событие в русской истории конца XIV в., почти не находит отклика в новгородских и псковских летописях.

Иные историографические задачи ставят себе московские летописные своды, возникающие при дворе московских великих князей и митрополитов. Они стремятся дать историю не одной какой-либо русской земли и города, а всей Русской земли в целом. Один из таких летописных сводов, составленный около 1408 г., известен под названием Троицкой летописи. Подлинник Троицкой летописи погиб во время московского пожара 1812 г., но текст ее в значительной своей части восстанавливается и доступен для изучения. Троицкая летопись представляет собой общерусский свод, в котором вслед за Повестью временных лет помещены известия владими́ро-суздальского и московского происхождения в соединении с известиями

¹ Летопись по Ипатскому списку, стр. 507.

² Приветствие тов. И. В. Сталина. «Правда», 7 сентября 1947 г.

новгородскими, псковскими, тверскими и т. д. Таким образом, история Московского княжества представлена как прямое продолжение истории киевских и владими́ро-суздальских князей Троицкая летопись подводит к мысли о первенствующем значении Москвы среди русских земель. Это особенно заметно в рассуждениях автора об обычаях новгородцев вступать в конфликты с великими князьями. В подтверждение того, что новгородцы — это люди непокорные, упрямые, суровые, летописец ссылается на исторические примеры: «И аще хощеши распытовати, разгни книгу, летописец великий русьский, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго»¹.

Общерусские тенденции с еще большей силой отразились в других московских летописных сводах XV в. В Софийской первой летописи московские великие князья показаны прямыми наследниками киевских князей: они ведут свой род от Владимира Святославича, через Владимира Мономаха, Всеволода Большое Гнездо, Александра Невского и Дмитрия Донского. Так создается та историческая схема для обоснования власти московских государей, на которую впоследствии будет опираться Иван Грозный в своем известном письме к Курбскому. В Софийской первой летописи она выражена тем, что московские князья всюду именуются великими («княжение великого князя Семена Ивановича Московского»), тогда как о тверских князьях говорится просто: «княжение князя Михаила Тферского»². Софийская первая летопись дает и новое название для всего летописного свода: «Летописец Русьския земли», в то время как, например, тверская летопись того же XV в. озаглавлена: «Предисловие летописца княжения Тферского благоверных великих князей тферских»³. В то время как московский летописный свод ставил своей задачей дать историю всей Русской земли, тверская летопись оставалась историческим произведением, описывающим судьбы тверских великих князей.

Летописные своды, как правило, представляли собой большие исторические произведения, соединявшие многочисленные и разнообразные источники, в том числе исторические сказания XIV—XV вв. Эти сказания частично сохранились и в виде особых произведений. В них обнаруживаются большое мастерство авторов и определенные политические и классовые тенденции.

Особенно важные исторические сведения находим мы в повести о разорении Москвы войсками татарского хана Тохтамыша в 1382 г. В них рассказывается о трагической судьбе московского населения, брошенного на произвол судьбы боярами

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, М.—Л., 1950, стр. 439.

² ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 222 и 231.

³ ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 463—464.

и высшим духовенством, о восстании «черных людей», об обороне Москвы и разорении татарами цветущего города. Классовая окраска этих повестей постепенно меняется из одной редакции в другую в сторону большей враждебности к восставшим. Первоначальные редакции повести называли «крамольниками» бояр и купцов, бежавших из города, позднейшие редакции присваивают этот термин самим «черным людям», поднявшимся на защиту Москвы от татар¹.

Большинство московских сказаний XIV—XV вв. отражает стремление широких кругов феодалов и горожан к борьбе с феодальной раздробленностью. Именно в этой среде возникла повесть, рассказывающая о борьбе Василия Темного с Дмитрием Шемякой. В ней чувствуется современник, целиком стоящий на стороне великокняжеской власти в ее борьбе против феодальной раздробленности. Автор повести заметил непопулярность Шемяки, указав, что «мнози людие отступают от него» на сторону великого князя².

Большой цикл замечательных повестей сложился вокруг самого крупного и блистательного события княжения Дмитрия Донского — Куликовской битвы 1380 г. Тема эта вообще интересовала и глубоко волновала не только современников великого события, но и последующие поколения. Поэтому первоначальные редакции повестей о Мамаевом побоище подвергались переделкам и дополнениям, обрастали новыми, порой легендарными подробностями на основании устных преданий и песен. Летописная повесть о Мамаевом побоище, как и другие сказания о том же событии, внесенные в летопись или сохранившиеся отдельно, были не только историческими, но и литературно-публицистическими сочинениями. Они ставили своей задачей возвеличить Русскую землю, вселить в современников уверенность в близости окончательной победы над татарами.

Эта мысль с особой красотой и четкостью выражена в поэме «Задонщина», повидимому возникшей уже в конце XIV в. Автор ее обращается к русским людям с радостными словами: «снимемся, братия и друзи и сынове Рускии, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю и возверзем печаль на восточную страну». Победа на Куликовском поле изображается в «Задонщине» как своего рода реванш за поражение русских войск на реке Калке в 1223 г. Река Каяла «Слово о полку

¹ Различные варианты повестей с разорении Москвы полчищами Тохтамыша помещены в следующих томах ПСРЛ: т. VI, СПб., 1853, прибавления стр. 98—103; т. XVIII, СПб., 1913; т. XXIII, СПб., 1910; сводный текст повести помещен в т. XI, СПб., 1897, всюду под 1382 г.

² Повести о борьбе Василия Темного с Дмитрием Шемякой см.: ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, и т. XXV, М.—Л., 1949.

Игорева» отождествлена в «Задонщине» с Калкой, а половцы с татарами¹.

Борьба двух направлений в историографии XIV—XV вв., т. е. объединительных тенденций московской историографии и противодействующих им тенденций феодальной раздробленности в историографии отдельных земель, ярко отразилась и в церковно-исторической литературе. Новгородские жития (например, житие Варлаама Хутынского) изображают только местных новгородских подвижников. Таковы же и северные жития XV в. (Дмитрия Прилуцкого) и др. В них мы иногда найдем прямые выпады, направленные против Москвы. В этом смысле особенно характерны жития пермского епископа Стефана и Сергия Радонежского, написанные Епифанием Премудрым в начале XV в. Присоединение Пермской земли московскими князьями и основание укрепленного владычного города на Усть-Выми изображено Епифанием как прямое следствие проповедей Стефана².

Историография XIV—XV вв., как и всего предшествующего периода, была в основном историографией господствующего класса феодалов. Только в новгородских и псковских летописях порой проскальзывает симпатия к крестьянам и городским низам.

Как и в более раннее время, историографов привлекают главным образом события политические и церковные. Однако сочинения, связанные с такими большими событиями, как Куликовская битва, уже вводят в круг народных представлений об этих событиях. В сказаниях о Мамаевом побоище появляются такие герои, как Юрка-сапожник, Гридя Хрулец, Сенька Быков, неизвестные участники Куликовской битвы из числа московских ремесленников и крестьян³.

С еще большей силой народные представления об истории сказываются в устной традиции. Именно эта традиция сохранила трогательные песни русских пленниц, уводимых в татарский плен; в народных песнях девица оплакивает гибельную судьбу Киева незадолго до его разорения татарами; в песнях изображена борьба русского народа с татарами и возвеличены герои этой борьбы. В народных кругах сложена, пелась скомошеская песня о татарском царевиче Щелкане Дудентьевиче, погибшем во время тверского восстания 1327 г. «Тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалося», так кончается песня о Щелкане, отражая твердую уверенность народа в конечной победе над татарами. Эта народная традиция, чуждая ханжества и лицемерия господствующих феодальных кругов, была значительным явлением в русской историографии.

¹ «Воинские повести древней Руси», стр. 33—34.

² «Житие Стефана епископа Пермского», СПб., 1897.

³ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947, стр. 198—209.

Русская историография XIV—XV вв., таким образом, была представлена разнообразными историческими произведениями. При этом летописные своды уже начинают заметно уступать свое место историческим сказаниям. Правда, громадное большинство исторических сказаний сохранилось в составе летописных сводов, но большинство из них было написано в виде отдельных исторических произведений. Начинает также подвергаться изменению летописная форма повествования. Общерусские своды XV в. решительно отбрасывают второстепенные подробности своих источников, подвергая последние коренной редакционной правке. Конечно, подобные же изменения вносили в свои источники и более ранние летописцы, но поправка и подновление известий в летописных сводах XV в. становятся уже постоянным явлением. Еще более важным было появление летописей, в которых использовались местные предания. В Новгородской первой летописи младшего извода середины XV в. находим, например, небольшой летописец под названием: «а се князи русские». Этот летописец вносит уже в свой состав сказочный рассказ о расправе с убийцами Андрея Боголюбского, которых Всеволод Большое Гнездо, «в коробы саждая, в озере истопил», о вечевом колоколе во Владимире, который отказался звонить в Суздале, и пр.¹

В этих известиях заметно стремление расширить круг летописных источников за счет фольклора.

Новым явлением в историографии XIV—XV вв. является усиление гражданских мотивов, все больший отход от церковных взглядов на события. Длинные рассуждения церковного характера почти совершенно отсутствуют на страницах многих исторических сказаний, преимущественно московского происхождения. Авторы таких сказаний говорят об исторических событиях с точки зрения не церковной, а гражданской.

Определенный прогресс замечается и в распределении исторического материала в летописных сводах. Это выражается прежде всего в стремлении выделить наиболее важные события особыми заголовками. Разделение текста подобными заголовками с большой последовательностью проведено в так называемой Новгородской четвертой летописи² и имеет целью обратить внимание читателя на определенные политические события, в том числе на великие княжения. Так, заголовком «Суздальское Дмитриево» обозначается великое кня-

¹ НПЛ, стр. 467—469.

² Новгородская четвертая летопись составляет первую часть, т. IV ПСРЛ (2-ое изд.), вышедшую в трех выпусках: вып. 1, Л., 1915, вып. 2, Л., 1925, вып. 3, Л., 1929).

жение Дмитрия Константиновича Суздальского. Назначение других заголовков — обратить особое внимание на важные события: «о войне и о брани, иже бе по Тферью», «о Олгерде» и т. д.

Интерес к всемирной истории, конечно в ее ограниченном средневековом понимании, не падал на Руси и в XIV—XV вв. Цикл повестей сложился вокруг крупнейшего политического события — взятия Константинополя турками в 1453 г. Это событие по праву считалось русскими историками XV—XVII вв. событием мирового значения и отмечалось во всех летописных сводах. Замечательную повесть о взятии Царьграда турками написал Нестор Искандер, непосредственный очевидец осады Константинополя (имя Искандер является отуреченной формой имени Александр). Сам автор повести был в юности взят в плен, участвовал во многих «ратных хождениях», в том числе и во взятии Константинополя турками. Его повесть представляет дневник очевидца, о чем говорит сам Искандер: «ухитряся овогда болезнью, овогда скрыванием, овогда же совещанием приятелей своих, уловляя время дозрением и испытанием великим, писах в каждый день творимая деяния вне прада от турков». Повесть проникнута мыслью о неизбежной гибели «мирового» города с его вековой традицией, «благороднейша суца всех иже под солнцем». Поразительная по силе изложения и по своей достоверности, повесть Нестора Искандера по своим политическим тенденциям представляет собой замечательный историографический памятник. В более поздних вариантах повесть заканчивается пророчеством о будущем торжестве над турками («измаилтянами») русского рода, который овладеет седьмохолмым Царьградом: «русий же род с прежде создательными всего Измаилта победят и Седмохолмо примут»¹.

Большой интерес имеют и повести о Флорентийском соборе 1439 г. В записках спутников московского митрополита Исидора, выступившего на соборе ярым сторонником унии православной и католической церквей под главенством римского папы, находим описание западноевропейских городов: Любека, Аугсбурга, Нюрнберга, Феррары, Флоренции и т. д. Здесь внимание путешественников останавливалось на многих достопримечательностях. Авраамий, епископ Суздальский,

¹ А. С. Орлов. Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916, стр. 181, 191. См. также: Н. А. Смирнов. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя 1453 г. «Византийский Временник», т. VII, 1953. М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков, «Труды ОДРЛ», т. X, стр. 136—165. М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. «Труды ОДРЛ», т. X, стр. 166—184.

даже описал средневековую мистерию, виденную им в одном Флорентийском монастыре и отметил ее, как «чудно видение». Общая тенденция повестей о Флорентийском соборе проникнута той же мыслью о великом значении Руси и русского народа, без согласия которого не может состояться никакая церковная уния. «Безумие» Исидора, предавшего интересы своей страны, т. е. унию православной и католической церкви, принятую на Флорентийском соборе, обличили великий князь Василий Васильевич и епископы «земля наша»¹.

Повести о взятии Царьграда турками и о Флорентийском соборе показывают, как расширился интерес русских людей к другим странам. Необыкновенное умение русских людей ориентироваться в истории даже отдаленных стран ярко сказалось в сочинении Афанасия Никитина, посетившего Индию в конце XV в. и оставившего о ней замечательные записки под названием «Хождение за три моря». Сообщения Никитина о войнах индийских султанов и князей поражают точностью сообщаемых в них сведений. В тексте «Хождения» разбросаны и краткие заметки по истории Индии. Общая тенденция Афанасия Никитина выражена в его трогательных словах о родной земле как лучшей стране в мире: «Русскую землю бог да сохранит!.. На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы»². В таких проникновенных и страстных словах говорит о своей родине русский человек, закинутый судьбой на далекую чужбину.

Русская историография XIV—XV вв. ярко отражает время складывания Русского централизованного государства. В отдельных летописных сводах и сказаниях отразилась также идеология феодальной раздробленности, но лучшие исторические произведения этого времени уже проникнуты мыслями о русском единстве. Впервые выдвигается и мысль о Руси и русском роде, который явится продолжателем «всемирных» империй Римской и Византийской, а также об общности интересов греческого, болгарского, сербского, албанского, русского народов в борьбе против турецкой агрессии. От турок пострадали великие и славные земли («Болгаре, и Сербии, и Греки, и Трапезон, и Аморея, и Арбонасы, и Хреваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнози земли») ³. Они не сражались мужественно за свое отечество и погубили свои государства. Только Русская земля «растет, молодеет и возвышается».

¹ А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.), М., 1875. См. также «История русской литературы», т. II, М.—Л., 1946, стр. 230—234.

² «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.», М.—Л., 1948, стр. 130.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 207.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМ ГОСУДАРСТВЕ КОНЦА XV—XVI в.

Русская историография XVI в. развивалась в условиях больших хозяйственных, политических и культурных сдвигов, которые произошли в России в связи с дальнейшим ростом экономики и образованием централизованного государства.

Объединение русских земель в единое государство имело громадные политические и культурные последствия. «Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости», — говорил И. В. Сталин¹.

Образование Российского централизованного государства способствовало увеличению хозяйственных и культурных связей между отдельными русскими землями. Местные культурные центры постепенно теряют свое значение. Во второй половине XV и в XVI в. работа по составлению крупных исторических произведений сосредоточивается в основном при дворе великих князей и царей и рассматривается как важная политическая задача. Исторические сочинения ставят своей задачей борьбу с пережитками феодальной раздробленности и проводят идеи сильного централизованного государства. В таком духе написаны лучшие произведения русской историографии XVI в. Крупнейшие исторические произведения XVI в. (Никонская летопись, Степенная книга и некоторые другие) возникли при великокняжеском и царском дворе. Русская историография рассматриваемого периода попрежнему остается историографией господствующего класса феодалов. И попрежнему только устная традиция в отличие от нее дает возможность более или менее ясно представить, как народные круги оценивали те или иные исторические события.

Большой хозяйственный и культурный рост Русского государства нашел свое отражение в дальнейшем развитии рационалистических взглядов на исторические события, в ослаблении влияния церковного элемента на историографию. Такие произведения, как летописные своды времен Ивана Грозного, в значительной мере лишены налета церковности: события

¹ Приветствие тов. И. В. Сталина, «Правда», 7 сентября 1947 г.

в них рассказываются и объясняются в причинной реалистической связи. Даже Степенная книга, проникнутая церковной идеологией более, чем какое-либо другое историческое произведение XVI в., ставит своей задачей в первую очередь показать деятельность князей. Степенная книга, как и некоторые другие произведения XVI в., уже вынуждена защищать позиции церкви от возможных нападений. Это характерно для XVI в., когда появляются вольнодумцы, подобные Феодосию Косому и Матвею Башкину, которых феодальная церковь объявляет еретиками.

Усиление связей с другими странами и повышение международного значения Русского государства сказались в усилении интереса к всемирной истории и истории других стран, что выразилось в появлении такого произведения, как Хронограф.

Громадное значение для развития русской культуры, имело введение в середине XVI в. книгопечатания в Москве; Русский первопечатник Иван Федоров был также зачинателем книгопечатания на Украине.

Старый вид исторического произведения, летопись, продолжает еще сохранять свое значение на протяжении почти всего XVI в. Однако в характере летописных сводов заметны уже новые черты по сравнению с прежним временем. Составление летописных сводов сосредоточивается теперь при дворе великих князей и царей, в силу чего летописи все более принимают официальный характер; порой их авторы тенденциозно изменяют более ранние летописные тексты в оправдание политики московских великих князей и царей.

Уже в Московском своде 1472 г. проводится мысль о наследственном праве великих князей на Великий Новгород. В связи с этим составители свода соответственно меняют прежний летописный текст. Вместо традиционных фраз о князьях, призванных или изгнанных новгородцами («посадиша новгородици», «показаша путь новгородци»), в своде 1472 г. читаем: князь «прииде в Новгород», «выиде из Новагорода», «биша челом новгородци»¹ и пр. Целью этих редакторских поправок было показать, что новгородцы не приглашали князей в Новгород по своей воле, а князья садились на новгородский княжеский стол на основании своих наследственных прав. В 1471 г. Иван III брал с собой в новгородский поход дьяка Стефана Бородатого, «умеюща говорити по летописцом русским»². Возможно, что дьяк Стефан и был автором переделок летописных текстов в Московском своде 1472 г.

¹ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи (Свод вошел в неизданную пока Вологодско-Пермскую летопись). «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940.

² ПСРЛ, т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 282.

Официальный характер московских летописей первой половины XVI в. особенно заметен на примере Воскресенской летописи¹, названной так по одному из списков, хранившихся в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре под Москвой. Первая часть этой летописи целиком основана на Московском своде конца XV в., после чего следуют дальнейшие известия, кончающиеся рассказом о приходе крымских татар под Тулу в 1541 г. В изложении событий XVI в. все время замечается сходство летописных известий с официальными документами — разрядными записями о назначении воевод в походы, с посольскими книгами об отпуске и приеме послов и т. д. Рассказ о прениях в боярской думе по поводу организации отпора татарам в 1541 г. представляет собой своеобразный протокол обсуждения этого вопроса в боярской думе («и начаша бояре говорити»² и пр.).

Летописные своды, возникшие во второй половине XVI в., в которых описывалось царствование Ивана Грозного, еще в большей мере служили делу укрепления идеологических позиций самодержавия. Известно, что сам Иван IV уделял большое внимание летописанию, к наблюдению над которым был приставлен один из его приближенных людей и участник «избранной рады» Алексей Адашев. Сделано было даже предположение, что Иван IV непосредственно принимал участие в редактировании так называемой Царственной книги, громадной иллюстрированной рукописи, описывающей его царствование. Действительно, на великолепном экземпляре «Царственной книги» имеются пометы, поправки и целые статьи, исправляющие и изменяющие более ранний летописный текст, сделанные рукою придирчивого редактора. Написаны ли эти пометы и поправки рукою Грозного или рукою дьяка, точно неизвестно ввиду отсутствия твердо установленных автографов Грозного. Как бы то ни было, но непосредственное участие Ивана Грозного в редактировании Царственной книги более чем вероятно. В этой связи обращает на себя внимание то, что в послании Ивана IV к Курбскому приводятся многие исторические факты и делаются ссылки на русские и греческие источники³.

Крупнейшим летописным сводом XVI в. является Никоновская летопись, получившая такое название по имени патриарха Никона, которому в XVII в. принадлежал один из ее списков. Сохраняя только внешнюю форму летописи, Никоновский свод резко разрывает с летописной традицией более раннего

¹ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, и т. VIII.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 297.

³ «Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951, стр. 9—143.

времени. Составители его явно не довольствовались только теми материалами, которые они могли почерпнуть из более ранних летописных сводов и других источников. Поэтому они широко пользуются материалом различного рода исторических сказаний, грамот, житий святых и т. д. Особенно интересны те дополнения к летописным известиям, которые заимствованы из народного фольклора. Так появляются в Никоновской летописи имена богатырей — Александра Поповича и Яна Усмошвеца, рассказ о разбойнике Могуте и пр.¹ Вследствие введения в летопись различного рода новых материалов и документов в ней появилось множество новых весьма ценных известий, о которых нам ничего не известно из сохранившихся источников.

Новым историографическим приемом явилось осмысление составителями Никоновской летописи непонятных старых известий, заимствованных из самой летописи или других произведений. Так, краткое известие Повести временных лет о смерти некоей Малфреды заменяется словами «преставился Малвред сильный»², как будто речь идет о каком-то богатыре. Составители Никоновской летописи старались не только расширить круг известий по русской истории X—XV вв., но сделать их более интересными. Отсюда проистекало стремление насытить летопись различного рода занимательными рассказами, часть которых взята была из богатого русского фольклора. Хронологическая сетка в Никоновской летописи очень не выдержана и постоянно нарушается вставными рассказами и известиями.

Важным нововведением Никоновской летописи также был решительный отход от буквальной или по крайней мере близкой к подлиннику передачи исторических известий. Никоновская летопись дает существенно иной текст по сравнению с теми летописями, которые послужили ей источниками. Составители ее решительно соединяли известия русских летописей с известиями, заимствованными из византийских источников. Так, рассказ о походах Святослава в X в. непрерывно переплетается с основанным на переводных сочинениях рассказом о современных ему византийских императорах. Таким образом, русская история представляется неразрывно связанной с историей Византии как страны, которая представлялась в русских сочинениях XV—XVI вв. непосредственной наследницей Римского царства.

Несмотря на старое название — «летопись», Никоновский свод представлял собой новое историографическое явление.

¹ См. ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 68 и пр.

² Там же, стр. 68.

Составители его уже отошли от старых традиций летописной подачи материала и стремились связать историю Руси с историей Византийского царства и южнославянскими странами, рассматривая русскую историю, как часть мировой истории, правда еще в очень узком ее понимании.

Однако летописи и в таком виде, после расширения объема летописных сведений и введения в них занимательных рассказов из фольклора, не могли удовлетворить новые историографические запросы, возникшие в Русском государстве XVI в. Никоновская летопись, по существу говоря, заканчивает летописный период русской историографии. Отдельные летописные своды возникают и после нее, даже в XVIII в., но эти поздние летописи в большинстве случаев представляют собой переделку старых летописных сводов, которые переписываются, дополняются и сокращаются. Погодное изложение исторических событий теперь уже не удовлетворяет русских читателей, ищущих в исторических произведениях рассказа о событиях, объединенного общей исторической идеей и приемами изложения. Новые исторические труды выливаются в форму сплошного повествования, в котором хронология носит справочный характер, а не является отправной точкой для рассказа о событиях.

Изменения, происшедшие в русской историографии XVI в., особенно заметны на примере «Истории о Казанском царстве», которая иногда неправильно именуется «Казанским летописцем». В одном ее списке мы находим следующее заглавие, которое дает представление о задачах всего сочинения в целом: «Сказание вкратце о начале царства Казаньскаго, како и откуда и в которые времена и лета начася, и о брани, и о победах великих князей московских с царьми казанскими, и о взятии царства Казанскаго благоверным царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии самодержцем»¹. Таким образом, сказание (в других списках «история») ставит своей задачей рассказать о Казанском ханстве и о победе Ивана Грозного, который имел «всемирную победу и славное одоление на презлое царство».

Решительный разрыв автора «Истории о Казанском царстве» с летописной традицией сказывается прежде всего в полном отказе от погодного изложения. Все повествование разделено на главы, имеющие последовательную нумерацию. В так называемом Румянцевском списке конца XVI — начала XVII в. изложение «Истории» делится на 49 глав, после чего следует обширная 50-я глава «О Казанском взятии», разбитая

¹ ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, стр. 189; см. новейшее издание: Казанская история. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

на отдельные части заголовками. В редакции, известной по спискам XVII в., имеется 100 глав, после чего следует «похвала царю и великому князю».

«История о Казанском царстве», основанная на ряде источников, задумана и выполнена как историческое произведение, пронизанное единой тенденцией и единством стиля. Это произведение написано в поучение войнам и простым людям «о бывших великих победах... с великими нашими державными московскими великими князьями,— да прочетше братия наша, и воины и стратиги, от скорби своя на радость применятя, простии же людие да возвеселятца»¹. Взятие Казани представлено как великая победа над татарами и татарским игом: «бысть же злогоркая та и великая власть над Рускою землею варварская от царя Батыева времени»² до великого князя Ивана III.

«История о Казанском царстве» проникнута мыслью о торжествующем самодержавии, она восхваляет Ивана Грозного: «и тако Казань державы царския до конца отпаде и великому царству Московскому работати нехотя, повинуюся, и Руская земля совершеннаго мира от Казанцов насладися»³. Татищев и за ним другие историки XVIII—XIX вв. приписывали составление «Истории о Казанском царстве» некоему священнику Иоанну Глазатому, но на чем основано утверждение Татищева, неизвестно. Впрочем, сам автор «Истории» рассказывает о себе, что он был взят в плен, подарен казанскому царю и служил при его дворе 20 лет, а после взятия Казани вышел на свободу и получил земельный надел. Это последнее указание само по себе говорит за то, что автор «Истории» был не священником, а служилым человеком, вероятно дворянином. Да и в самой истории нет никаких указаний на то, что автор ее был из числа духовенства. «История», особенно в первой своей части, произведение светское, не имеющее даже налета церковности⁴. Она возникла между 1564 и 1566 гг., т. е. в период опричнины, и ставила своей задачей прославление Русской земли, испытывавшей в это время большие затруднения в Ливонской войне. Взятие Казани должно было возбудить мужество воинов и простых людей, которые должны, узнав о победе, воспрянуть духом («от скорби своя применятя»). «Красная повесть», т. е., прекрасная повесть о Казанском царстве, как

¹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 190.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 185.

⁴ О редакциях и авторе «Казанской истории» см. Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905, а также Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории», «Труды ОДРЛ», т. IX, М.—Л., 1953.

ее называет составитель, имела крупный успех и сохранилась во множестве списков; ее охотно переписывали и читали в XVI—XVIII вв., когда «История» пользовалась особым распространением.

Появление «Истории о Казанском царстве» отмечает те несомненные сдвиги, которые произошли в русской историографии XVI в. О том же говорит и появление другого исторического произведения — «Степенной книги». Вопрос о происхождении Степенной книги до настоящего времени еще полностью не решен. Многие историки литературы готовы были отнести происхождение Степенной книги к XV в. (например, М. Н. Сперанский), даже к началу этого столетия и временам митрополита Киприана. Но это мнение ничем не доказано, и во всяком случае в известном нам виде Степенная книга — произведение XVI в., связанное с историографией времен Ивана Грозного¹.

Один из важнейших списков Степенной книги, принадлежавший Чудову монастырю в Кремле и написанный на бумаге с водяными знаками 1560—1570 гг., имеет следующую запись внизу по листам рукописи: «Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием, митрополитом всея Руси». Это дает право говорить о митрополите Афанасии как составителе Степенной книги, может быть продолжавшем работу над ней после своего предшественника, митрополита Макария.

По своему содержанию Степенная книга представляет собой обширный исторический труд, ставящий своей целью показать, что история Руси неразрывно связана с историей царствующего дома и русской церкви в лице митрополитов. Поэтому и сама Степенная книга носит дополнительное название «Книга царского родословия», или «Книга степенная царских родов». Свое изложение Степенная книга начинает рассказом не о Ное и его потомках, разделивших землю, как в летописях, а о первых русских христианских князьях — Ольге и Владимире. От их «святого корене» ведут свое происхождение московские цари. Но Степенная книга дает не только генеалогию правящего московского рода великих князей и царей, она связывает историю этого рода с важнейшими церковными событиями, с митрополитами и святыми русской церкви. Поэтому история Русской земли показана в неразрывной связи с историей русской церкви. Составитель Степенной книги широко пользовался различными церковными сказаниями и житиями святых, постоянно ссылаясь в подтверждение своих слов на выдержки из церковных книг².

¹ См. П. Г. Васенко. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I, СПб., 1904.

² См. ПСРЛ, т. XXI, СПб., 1908. •

Автор Степенной книги очень вольно **обращается** со своими источниками, в силу чего Степенная книга как исторический источник **крайне** недостоверна. Но в смысле историографическом она **представляет** собой крупное явление, показывающее, что русская литература XVI в. умела **ставить** и разрешать сложные историографические задачи. **Перед** нами историческое произведение, написанное одним стилем и одними приемами изложения. Основная мысль Степенной книги о божественном происхождении самодержавия на Руси разрешена путем переработки летописных и других известий в духе идей крепнущего московского самодержавия XVI в. Соответственным образом и материал Степенной книги расположен крайне неравномерно в соответствии со значением определенных моментов и определенных личностей в русской истории с X в. кончая временем Ивана Грозного. Так, автор с особым вниманием останавливается на княжении Ольги, помещая ее житие, наполненное риторикой и различного рода книжными и устными преданиями. Подробно рассказывается в Степенной книге о Владимире Святославиче как князе, крестившем Русскую землю. Особая «степень» в ней отведена Александру Невскому. Отбрасывая всякое стремление дать вполне достоверный рассказ о событиях русской истории, Степенная книга стремилась поразить воображение читателя рассказами о подвигах и чудесах, о различного рода «знамениях» небесных и земных, проявлявших божественный гнев или милость. Степенная книга ставит определенные дидактические задачи: дать своего рода учебное пособие или книгу для чтения, воспитывавшую в духе покорности самодержавию и церкви. Русские самодержцы и церковные деятели представлены в ней как «сад многоплодный и богоугодный добродетельми». Книга сохранилась во множестве экземпляров XVI—XVII вв., дополнялась, сокращалась и переделывалась.

Таким образом, Степенная книга, как и «История о Казанском царстве», явилась новым типом исторического произведения, резко разрывающим с традицией летописных сводов. В ней на первый план поставлены политические задачи московского самодержавия в традиционной церковной обработке.

По типу своего изложения «История о Казанском царстве» и Степенная книга не имеют аналогии в византийской, южнославянской или какой-либо иной письменности. Они — порождение русской историографии периода укрепления Русского централизованного государства, историографии, которая отражала громадные сдвиги, происшедшие в развитии культуры и в области развития исторических знаний в XVI в. Эти сдвиги выражались и в структуре «Истории о Казанском царстве» и Степенной книги. «История», как мы это уже виде-

ли, была разбита на отдельные главы. Степенная книга отличается еще большей четкостью расположения материала: она разделена на 17 степеней или граней, отчего и получала свое название. Таким названием подчеркивалось развитие, восхождение расказа, как бы по ступеням, по мере приближения к царствованию Ивана Грозного, которому посвящена последняя степень. Некоторые степени разделены на главы, а большие главы на «титла», как это делалось иногда в церковной литературе.

«История о Казанском царстве» и Степенная книга проникнуты официальной идеологией господствующего класса феодалов. В них нет даже и намека на протест против феодального гнета, как это мы находим в некоторых списках летописей, в особенности новгородского происхождения. Феодалы во главе с великими князьями и митрополитами представлены создателями Русского государства.

Новые историографические приемы, характерные для Степенной книги, заметны и в менее обширных исторических произведениях, в том числе в различного рода сказаниях. Среди них выделяется «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков», написанная вскоре после описываемых в ней событий (осада относится к 1581 г.)¹. В некоторых отношениях эта повесть напоминает нам «Историю о Казанском царстве» как по своим приемам изложения, так и по общей патриотической задаче показать героическую борьбу русских воинов с внешними врагами.

Определенные политические задачи разрешаются и в ряде других исторических повестей. В сказании о великих князьях владимирских проводится мысль о происхождении московских князей якобы от римского императора Августа. В этом сказании мы находим зачатки тех лингвистических сопоставлений, которые получают развитие в XVII в. Русская земля отождествляется в сказании с Прусской землей, откуда выводится род киевских и владимирских князей. Целый цикл повестей возникает вокруг вопроса о значении Москвы как «третьего Рима», наследовавшего «ветхому» древнему Риму и Константинополю, «новому Риму». Пророчества и домыслы, различного рода сопоставления названий, исторические свидетельства в равной мере используются для того, чтобы показать провиденциальную роль Москвы как «третьего Рима», который стоит, «а четвертому не быти».

Ссылки на различного рода исторические события и исторические аналогии становятся излюбленным полемическим приемом писателей XVI в. В сочинениях Ивана Пересветова

¹ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Подготовка текста и статьи В. И. Малышева, М.—Л., 1952.

встречаются любопытнейшие ссылки на историю Византийского и Турецкого царств, целью которых является доказательство того, что Русское государство нуждается в сильной царской власти¹. Пересветов проводит параллель между царствованиями последнего византийского императора Константина XI и его врага турецкого султана Мухаммеда I, стремясь показать превосходство турецких порядков над византийскими и русскими. «Правда турецкая» противопоставляется неправосудию византийских вельмож и непорядкам в Русском государстве. Без «грозы» невозможно укрепить государство и прекратить своеволие феодалов. Взятие Константинополя турками объясняется Пересветовым тем, что последний византийский император Константин исполнял «всю волю» своих бояр.

С наибольшей четкостью развивает концепцию сильной самодержавной власти в своих посланиях Иван Грозный. В начальных словах своего первого послания к Курбскому он указывает, что «победоносная херугви крест честный» был дан первому благочестивому (т. е. христианскому) царю Константину, от которого «искра благочестия» дошла до Российского царства. Развивая эту мысль, Иван IV дает краткие, но выразительные характеристики своим предшественникам: Владимира Святославича он называет просветителем Русской земли, Владимир Мономах принял «от грек достойнейшую честь», Александр Невский разбил немцев, Дмитрий Донской одержал великую победу над татарами, Иван III был собирателем прародительских земель. Так создается своеобразное родословие московских князей как прямых наследников римских императоров². Вместе с тем в своих посланиях Иван IV дал яркую картину боярского произвола.

Ожесточенная борьба крепнувшего самодержавия с пережитками феодальной раздробленности нашла свое отражение не только в произведениях сторонников самодержавия, но и в сочинениях их противников. Эти сочинения, наполненные различными преувеличениями и искажениями, принадлежат к числу наименее достоверных с исторической точки зрения.

В обширном сказании о походе Ивана Грозного на Великий Новгород в 1570 г. бедствия, постигшие Новгород, объясняются «злоумышлением богоотступников, злых обаявых человек, хищников... иже влагающих во уши цареvy неприязненныя глаголы»³. Враждебное отношение повести к Ивану Грозному особенно подчеркивается повторением царского титула со сло-

¹ См. В. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов, публицист XVI в. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (далее — «Чтения ОИДР»), 1908, кн. I.

² «Послания Ивана Грозного», стр. 9—10.

³ «Новгородские летописи», СПб., 1878, стр. 393—404.

вом «благочестивый», что должно создать еще большее возмущение свирепой расправой с новгородцами. Повесть является своего рода памфлетом, направленным против опричнины как «некротимые ярости царицы». Она вышла из кругов высшего духовенства и боярства. Такой же характер имеет «житие» митрополита Филиппа, низведенного с митрополии по приказанию Ивана IV.

Наиболее значительным произведением, направленным против самодержавия, является «История о великом князе московском», написанная кн. Андреем Михайловичем Курбским, изменившим своей родине и бежавшим к польскому королю во время военных действий 1563 г. Несмотря на то, что «История» написана современником Грозного и даже участником его походов, в ней тщетно искать историческую достоверность. История Курбского — злобный памфлет, призванный показать, каким образом «в предобрый русских князей род всеял диявол злые нравы». Ненависть Курбского направлена против Грозного и его опричников, «кромешников», как он их называет от слова «кромешный», применяемого в церковных книгах при описании ада с его «тьмою кромешною». История Курбского — произведение реакционно-боярского направления в русской историографии XVI в. Не имея других доводов для защиты своих взглядов, Курбский заменяет реалистическое объяснение событий рассуждениями церковно-морального характера, обвиняя Ивана IV в попрании заповедей («поправши заповеди Христа своего») ¹.

Народная историческая традиция попрежнему была представлена в XVI в. больше всего историческими песнями. В этом отношении особенно интересны песни о важнейших событиях времен Ивана IV: о взятии Казани, о Ливонской войне, об опричнине. Именно народная традиция лучше всего оценила деятельность Грозного. В песне о Мамстрюке Темрюковиче высмеивается царский шурин, брат царицы Марии Темрюковны, в других песнях отрицательными чертами обрисованы некоторые опричники, но сам Грозный всюду показан как поборник Русской земли.

«А не то у меня честь во Москве,
Что татары — те борются;
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!»

Такими словами оканчивается былина о Мамстрюке ².

¹ Князь А. М. Курбский. История о великом князе московском. СПб., 1913.

² «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым», М., 1938, стр. 31. См. также В. К. Соколова. «Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного)» — сб. «Славянский фольклор», М., 1951, стр. 7 и след.

Расширение исторического кругозора с особой полнотой проявилось в «Хронографе», который должен был дать представление о всемирной истории.

Вопрос о происхождении «Хронографа» еще не получил должного разрешения. Верные своей тенденции объяснять все явления русской культуры заимствованиями извне, некоторые буржуазные ученые во главе с первым исследователем этого памятника — А. Поповым, считали, что «Хронограф» сложился у южных славян и перешел к нам только с переработкой текста. Но это мнение опровергается тем, что наряду с сербскими и болгарскими материалами в «Хронографе» одновременно использована и русская летопись, особенно при изложении событий XV в. Во всяком случае «Хронограф» нам известен только в русских списках и носит явные черты русского происхождения.

«Хронограф» сохранился в так называемой редакции 1512 г.¹, которым и можно датировать оформление его первой редакции, известной нам уже по спискам XVI в. «Хронограф» первой редакции дает изложение всемирной истории от «сотворения мира» вплоть до взятия Константинополя (Царьграда) турками в 1453 г. Содержание и источники «Хронографа» указаны в его заглавии: «Прилог сиречь собрание от многих летописец, от Бытия, о сотворении мира, и от прочих книг Моисеовых, и от Исуса Наввина, и от Судей иудейских, и от четырех царств, и от Асирийских царей, и от Александра и Римских царей, еллин же и благочестивых, и от русских летописец, и сербских, и болгарских»².

Рассказав по библии о сотворении мира и об Израильском царстве, составитель «Хронографа» переходит к рассказу о разрушении Ассирийского царства, говорит о Персидском царстве и Александре Македонском, об Антиохийском и Египетском царствах после распада державы Александра, о взятии и разорении Трои. Дальнейшие главы «Хронографа» посвящены Римской истории («Царство вечерних еллин иже в Риме...»). В особой главе излагается «начало царствия христианских царей», оно ведется с Константина Великого. После повествования о царстве Василия Македонина рассказ о византийских императорах начинает перемежаться с главами, посвященными русской, болгарской и сербской истории. Русские и южнославянские события вводятся главой «О словенском языке и о Русском». В самом тексте повествования о различных странах выделены заголовками: «Царство греческое», «О болгарском царствии», «Царство Асана Ивана царя

¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, СПб., 1911.

² А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. I, стр. 99.

Болгарского», «Великое княжение Русское». Русские известия становятся особенно обильными и близкими по содержанию к известным нам летописным сводам для событий XIV—XV вв. Кончается «Хронограф» обширной повестью о взятии Царьграда турками (1453).

Составитель «Хронографа» пользовался для своей работы самыми различными историческими произведениями. При этом источники византийского и западного происхождения были взяты в славянских переводах, сделанных разновременно. Они различались по языку и по своему характеру. Поэтому перед составителем «Хронографа» стояли большие трудности, о которых он и сам говорит в послесловии. Его витиеватая речь в переводе на современный язык звучит примерно так: «следует ведь здесь корабль разума направить к пристанищу безмолвия и опустить весла словес, всякий же читающий это да заботится о полезном. Те же, кто по нерадению ошиблись, также и от них можно пользоваться при желании, только так, чтобы и не самому впасть в то же, но сохранить себя, как птица от силков и как серна от тенета, пусть и о нас вспомнят ко всеильному богу, чтобы он и нам в полезное таковое вменит и пополнит недостатки моего слабого понимания из-за старинных иностранных выражений» (в подлиннике: «навершит недостаточное моего худаго разума старых ради иностранных пословиць») ¹. Так, за хитросплетением словес перед нами явственно выступает большая и трудная работа, которую предпринял составитель «Хронографа».

«Хронограф» в дошедшей до нас редакции 1512 г. является историческим произведением, поставившим своей задачей дать рассказ о всемирной истории от легендарного сотворения мира до 1453 г.— взятия Константинополя турками. Он разделен на 208 глав; первая из них называется «О шести днях, зачало 1 дне», заключительная глава носит название: «О взятии Царьграда от безбожного турскаго царя Амурата». Выбор последнего события сделан отнюдь не случайно, так как все изложение «Хронографа» должно подвести к мысли о гибели всех «благочестивых» царств, за исключением одного Русского. Эта основная идея «Хронографа» последовательно проводится в его конечных главах, начиная с главы 167 «О словенском языке и о русском». Во всем дальнейшем изложении в сущности прослеживается история «благочестивых», т. е. православных, стран: Византийской империи, Болгарского и Сербского царств, Русского великого княжения. Автор неоднократно подчеркивает единство южных славян и русских: «Болгаре же и

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 214.

Словене и Сербии и Арбанасии и Басане и Русы, во всех тех един язык»¹.

Заключительная глава о падении Царьграда представляет собой не историческую повесть об осаде и взятии Константинополя турками, а плач о падении великого города. «Хронограф» заканчивается противопоставлением гибели Греческого, Сербского и Болгарского царств расцвету Русского государства. Те царства «безбожнии турци поплениша и в запущение положиша и покориша под свою власть, наша же Российская земля... растет, и молодеет, и возвышается»². Так при подведении общего итога мировой истории все надежды в борьбе против турок возлагаются на новый мировой центр — Русскую землю. Она должна «расти и млადети и разширяться до скончания века»³.

«Хронограф» интересен не только своей общей идеей, но и манерой изложения. Перед его составителями стояла трудная задача соединить воедино русские и чужеземные сведения по некоторым вопросам русской истории. Простейшим способом соединения подобных известий было их сопоставление в виде выписок, как это делалось в летописях, где рядом ставились два разнородных известия с пометкой: «из иного летописца» или «ин летописец». «Хронограф» производит сшивку различных исторических свидетельств гораздо искуснее. Так, рассказ о первом крещении Руси, основанный на византийских источниках, он дополняет вставкой об Аскольде и Дире.

Составитель «Хронографа» прекрасно ориентировался в современной ему исторической обстановке и заметил усиление Турецкой империи, отведя в своем изложении значительное место истории турок. В этом отношении особенно интересна статья «Хронографа», рассказывающая о сражении Тимура с турецким султаном Баязетом при Анкаре в 1402 г. Широкий кругозор автора «Хронографа» подчеркивается указанием на Шакрука, который царствует «ныне» над персами.

«Хронограф» представлен многочисленными списками XVI—XVIII вв. и долгое время был самым крупным русским сочинением по всемирной истории. Конечно, эта история была представлена в типично средневековом духе, история западноевропейских стран в нем игнорировалась, но такой же узостью отличались и западноевропейские сочинения, которые почти не давали сведений по русской и южнославянской истории. Как попытка создать всемирную историю с включением в нее истории русской «Хронограф» заслуживает глубокого историографического изучения.

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 171.

² Там же, стр. 213—214.

³ Там же, стр. 214.

Таким образом, русская историография XVI в. сделала большие успехи по сравнению с предыдущим временем, став на путь прагматического изложения исторических явлений. Улучшились и приемы подачи исторического материала, в отдельных случаях стали делаться даже ссылки на источники, заимствованные из тех или иных произведений. Дальнейшее развитие русской историографии и выработка новых приемов исторического изучения достигнуты были в следующем, XVII веке.

V

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ АБСОЛЮТИСТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.

Крупнейшими явлениями в экономике России XVII в. были развитие товарно-денежных отношений, появление первых мануфактур, процесс складывания всероссийского рынка. В. И. Ленин характеризует XVII в. как начало нового периода русской истории. Он указывает, что «только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Новые явления в области экономики Российского государства сопровождались усилением крепостнического гнета и обострением классовой борьбы. Восстание Болотникова, городские восстания середины XVII в., медный бунт 1662 г., крестьянская война 1670—1671 г. под предводительством Разина, раскол как социальное движение — все это нашло отражение в русской историографии XVII в. И хотя форма исторических произведений более раннего периода (летописные своды, хронографы, степенные книги и пр.) изменилась еще мало, но приемы исторического изучения в XVII в. стоят уже ближе к историографии XVIII в., чем более раннего периода. Это свидетельствует о самостоятельном органическом росте русского исторического знания, вопреки представлениям дворянско-буржуазных авторов о заимствованном характере русской историографии XVIII в.

Новой характерной чертой было расширение самого круга авторов, занимавшихся историческими проблемами. Рядом с представителями господствующего класса феодалов среди авторов исторических произведений находим и посадских людей.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

Борьба крестьян и холопов против крепостничества вызвала яростные выступления феодалов, что нашло особенно яркое выражение в сочинениях Ивана Тимофеева и Авраамия Палицына. Наоборот, псковские сказания направлены против бояр и связанного с ним высшего духовенства. Сильно расширяется круг источников, которыми пользуются авторы исторических сочинений. В поле внимания историков все больше попадают переводные сочинения. В XVII в. мы встречаемся с попытками лингвистического объяснения отдельных имен и названий. Усиливается и критическое отношение к материалу. Таким образом, новый период в русской истории, отмеченный В. И. Лениным, является и новым периодом в русской историографии, качественно отличным от более раннего времени, подготовляющим решительные изменения в русском историческом знании, которые происходят в XVIII в. и связаны с именами Татищева и Ломоносова.

Интересы широких народных масс находили отражение на страницах исторических произведений только случайно. Тем не менее начало XVII в. дает уже исторические произведения, вышедшие из среды посадских людей, притом не из посадской верхушки, а из низового городского населения. Исторические сказания, написанные посадскими людьми, говорят о тех же событиях, о которых пишут и представители феодальных кругов. Это позволяет сравнить высказывания и взгляды угнетателей и угнетаемых на одни и те же события.

Восстание Болотникова потрясло крепостные порядки, установившиеся в Русском государстве, и вызвало чрезвычайное возбуждение и страх в среде феодальных кругов, рассматривавших свое господство и право эксплуатации крестьян и холопов как извечные, освященные божественными законами. Не случайно поэтому движение крестьян и холопов наряду с польско-шведской интервенцией было в центре внимания исторических повествований.

Официальная точка зрения на крестьянскую войну и польско-шведскую интервенцию выражена в «Новом летописце». Это произведение, как показывает само его название, представляет собой историческое повествование, являющееся как бы продолжением более старых летописей, оканчивавшихся на событиях царствования Ивана Грозного. Поэтому «Новый летописец» начинает свой рассказ о царствовании Федора Ивановича, доводя его до времени первого царя новой династии, Михаила Романова. Несмотря на свое название, «Новый летописец» является произведением нелетописного характера, так как не имеет погодной сетки. Повествование в нем разделено на главы. Источниками для него послужили различные сказания и отчасти официальные документы. Все эти источники

использованы уже в виде сплошного, единого по приемам изложения рассказа, что показывает решительное утверждение в русской историографии новой формы исторического произведения. Главное внимание «Нового летописца» обращено не столько на внутренние, сколько на внешние события конца XVI — начала XVII в. и прежде всего на польскую и шведскую интервенцию. Борьба с интервенцией представлена в виде борьбы православия с латинством. Об ополчении под предводительством Минина и Пожарского говорится, что «Московского государства последние люди, собрашася и поидоша против таких безбожных латынь и против своих изменников»¹. «Новый летописец» должен был подвести к мысли о том, что избрание Михаила Федоровича на царство только подтверждало законные права Романовых на престол, так как он якобы приходился племянником царя Федора Ивановича, был «племня и сродство царское». Время возникновения «Нового летописца» определяется его последними статьями, оканчивающимися на 1630 г.

В историографическом отношении наиболее интересны те сказания, в которых ставится вопрос о причинах крестьянской войны. К их числу относятся, с одной стороны, «Временник» Ивана Тимофеева, сказания Авраамия Палицына и др., освещающие события с точки зрения феодалов, с другой — псковские повести, вышедшие из среды посадских людей.

Сочинение дьяка Ивана Тимофеева составлено в 20-х годах XVII в. Несмотря на свое название «Временник», это произведение не имеет никакого отношения к летописной форме повествования. Оно даже с трудом может быть признано и произведением чисто историческим; это скорее поучительное сочинение, написанное на животрепещущую историческую тему, в котором дается обзор событий в Российском государстве от опричнины до междоусобия и избрания на царство Михаила Федоровича Романова.

Интересен подбор статей об исторических событиях конца XVI — начала XVII в., сделанный во «Временнике». Из событий царствования Ивана Грозного дьяк Тимофеев сознательно выбрал только то, что позволяет ему очернить деятельность царя. Опричников он рисует, как волков, отделенных от овец, т. е. от земщины, в особой главе повествует «о новгородском пленении». «Временник» останавливается на смерти царевича Ивана Ивановича от отцовской руки и об отравлении царского двоюродного брата Владимира Андреевича. С большой строгостью Тимофеев относится и к Борису Годунову и к Васи-

¹ ПСРЛ, т. XIV, СПб., 1910. «Новый летописец», стр. 117. Особая редакция «Нового летописца» была издана в XVIII в. под названием «Летопись о многих мятежах».

лию Шуйскому, находя похвальные слова только для Федора Ивановича ¹.

Несчастья Российского государства, утверждает Тимофеев, происходили не столько от плохого правления, сколько от пагубного стремления рабов сделаться равными своим господам. Здесь сказывается основная идея «Временника», созданного представителем господствующих феодальных кругов, ненавидевших восставших крестьян и холопов. «В Руси все зло начало прият и нача много в земли ражатися зло, еже по всей нашей земли непослушное самовластие рабов» ². Тимофеев обрушивается на «господоубийц». Он видит главное бедствие Русского государства в том, что «скотолепно зело суетен совет безглавная чадь в мыслех своих утвердиша, обаче на се уклонишася, яко да начальныя изгубить» ³. Иван Тимофеев стремится доказать извечность прав феодалов ссылками на первоначальный грех Адама. До греха человек «надо всеми бывшими, яко царь самовластен поставися твари всей». Адам не послушался божьих повелений и «от прослушания падению по них быхом оттуду вси причастни доньше». По священному писанию «достоит ко своим владыком рабом повиннем» быть, но сами властители стали изменять старые порядки, «потоплику и в повинующихся рабех естественный страх к покорению владык оскудеваше исчезая» ⁴.

«Временник» Ивана Тимофеева представляет памятник идеологии крепостнических феодальных кругов Российского государства, которые пережили крестьянскую войну и прониклись страхом и злобой по отношению к движению холопов и крестьян. Мысли Ивана Тимофеева характерны и для других подобных произведений, рассказывающих о крестьянской войне и польско-шведской интервенции. Таковы сказания Авраамия Палицына и Катырева Ростовского ⁵, а также так называемое Казанское сказание. В последнем русские события крестьянской войны начала XVII в. сравниваются с иудейской войной, описанной Иосифом Флавием. Автор сказания особенно подчеркивает, что описанное Флавием происходило в одном городе, а события на Руси развертывались в обширной стране: «но убо во едином граде, zde же по многим градом и по местом» ⁶. «Злообразнии» крестьяне и холопы всюду противополо-

¹ «Временник Ивана Тимофеева», М.—Л., 1951.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 262—263.

⁵ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. XIII. стр. 473—524, 559—712.

⁶ М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», т. VI, стр. 98.

ставлены в Казанском сказании «доброродным», т. е. дворянам.

Давая объяснение крестьянской войне с позиций господствующих феодальных кругов, Иван Тимофеев в своем «Временнике» и авторы других подобных произведений вынуждены были обращаться к единственному аргументу в пользу права эксплуатировать чужой труд — к священному писанию и церковным книгам, стремясь доказать, что бедствия Русской земли произошли от нарушения божественных заповедей. Таким образом, попытки дать анализ происшедших событий с классовой точки зрения приводят историографов класса феодалов к объяснению исторических событий с церковных позиций.

Совершенно по-иному объясняются крестьянская война и последовавшие за ней события в псковских сказаниях начала XVII в. Первое из этих сказаний, которое условно можно назвать Повестью о разорении Пскова¹, внесено в псковскую летопись и разбито на годы, но первоначально представляло собой целое произведение. В нем говорится, что в 1606 г. «промыслом Божиим, [когда] бояре розстригу убиша после Христова дни вскоре, а князя Василья воцариша»², началось междоусобие в Пскове. Повесть рисует яркую картину классового расслоения Пскова, ожесточенной борьбы между «лучшими» и «меньшими». С предельной четкостью обрисован социальный состав враждующих сторон. С одной стороны — «игумени и священники, и болшие люди, дети боярские», с другой — «ратные люди стрельцы и казаки и мелкие люди и поселяне»³. Повесть построена на светских мотивах, она образно и правдиво рассказывает о борьбе «мелких людей» и «славных мужей и великих, мнящихся пред богом и человеки, богатством кипящих». Повесть о разорении Пскова представляет одно из лучших произведений русской историографии XVII в. и по своей достоверности, и по яркости изложения, и по реалистическому объяснению исторических событий. В этом отношении она несравненно выше по своим достоинствам произведений идеологов феодальных кругов. По времени своего возникновения повесть о разорении Пскова очень близка к описываемым в ней событиям.

Вторая псковская повесть написана позже первой, не ранее 1625 г., но едва ли и значительно позже этого времени. Повесть называется: «О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей Росии...»⁴. Автор сказания начинает свой рассказ сравнением запустения Русской земли после шведско-польской

¹ ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 321 и далее.

² Там же, стр. 322.

³ Там же, стр. 326.

⁴ ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 55—56.

интервенции с другими событиями всемирной истории, в частности с запустением Иерусалима, Александрии, Антиохии, Константинополя, «подобно же сему и zde сотвориси, в нынешняя времена, в Русстей земли»¹. Автор думает, что «такое и во всей вселенной творится ныне». Несчастья Русской земли автор сказания «О бедах и скорбех» приписывает политике бояр, ополчаясь против «силных градодержателей и лукавых человек»². Бояре являются главными виновниками бедствий Русского государства и после избрания Михаила Романова. Они собирают оброки и дани, «землю Рускую разделивше по своей воли». Говоря о боярских злоупотреблениях, автор сказания делает такое заключение: «сицево бе попечение боярско о земле Руской»³. Виновниками всех бедствий были бояре. За их насилия бояре «от своих раб разорени быша и паки на то же подвигошася»⁴, как только снова захватили власть в свои руки. Так, автор повести «О бедах и скорбех» поднимается уже до объяснения причины крестьянской войны XVII в. социальной рознью, отвергая ту церковную точку зрения на события, которую старались проводить представители феодальной историографии. Недовольство автора отягощением тяглых людей поборами указывает, что это сказание сложилось в среде горожан — тяглых посадских людей.

Новые приемы русской историографии особенно проявились во второй половине XVII в., когда возникают исторические произведения, только внешне сохраняющие вид летописи, но по существу совершенно отходящие от старой летописной традиции. Типичным произведением такого характера является так называемый «Временник Русский»⁵, известный во множестве списков и совершенно не изученный в нашей историографии. «Временник» начинается с рассказа о призвании князей и кончается повествованием о царствовании Федора Ивановича. Начальные известия русской истории изложены во «Временнике» таким образом, что может создаться представление, будто его составители имели под руками материалы, дополнявшие и расширявшие Повесть временных лет. В этом летописце мы и находим считавшееся некоторыми историками вымыслом Татищева сообщение о многих училищах, заведенных после крещения Руси при Владимире. Переделка во «Временнике» летописных известий более раннего времени столь

¹ ПСРЛ, т. V, стр. 56.

² Там же.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же.

⁵ Известен только в рукописях XVII в., довольно многочисленных в разных рукописных собраниях, например, в Историческом музее в Москве, Музейное собрание, № 1473.

значительна, что можно говорить уже о новом типе исторического произведения.

Новый период в русской истории ознаменован значительным расширением исторической тематики, привлечением новых исторических материалов, усилением критической обработки материалов.

Расширение исторической тематики происходило прежде всего путем составления различного рода сказаний о начале славянского народа. Баснословные сказания о начале и доблести славянского народа складывались уже в XVI в., как показывает сказание о великих князьях владимирских. Но особенное распространение они получили в XVII в., отражая собой один из этапов в развитии историографии, характерный не только для России, но и для других стран.

Типичным произведением такого типа является статья, нередко помещаемая в рукописях: «О истории, еже о начале Руския земли и создании Новаграда и откуда влечашеся род словенских князей»¹. «История» уверяет, что внуком легендарного Ноя был Скиф, от имени которого прозвались Скифы, «им же имена суть: первый Словен, второй Рус, третий Болгар, четвертый Коман, пятый Истер» (в некоторых списках Ильмер). Князья Словен и Рус превзошли всех остальных мудростью и храбростью в своем роде, обходили пустые страны, пока не нашли великое озеро, получившее позже название Ильменя. Здесь был поставлен город Словенск Великий в честь старшего брата, а второй город — Руса — во имя младшего. Это произошло от сотворения мира в 3099 г., т. е., по старому русскому летосчислению, за два тысячелетия до н. э. Далее рассказывается, что Александр Македонский «ссылался» с русскими князьями письмами, причем приводится текст письма Александра «храбросердому народу словенскому»². Позже Словенскую землю постиг страшный мор, что заставило ее жителей разбежаться в разные стороны. «По мнозе же времени онаго запустения»³ беглецы словенские вернулись на родину и построили Великий Новгород, где княжил Гостомысл. После смерти Гостомысла из Прусской земли был призван князь великий Рюрик, происходивший из рода римского императора Августа.

«История еже о начале Руския земли», судя по ее топографическим указаниям, возникла в Новгороде, но была основана на произведениях не только новгородского происхождения. При всей примитивности ее исторических построений и полной

¹ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи, М., 1878, стр. 15.

² Там же, стр. 15, 19.

³ Там же, стр. 21.

их недостоверности история эта все-таки интересна для характеристики определенного этапа в развитии исторических знаний стремлением дополнить историческое повествование объяснением исторических имен и географических названий. Река Волхов связывается в «Истории» с именем Волхва, сына Словена, так как волхв обозначал в древней Руси языческого жреца, кудесника. Отсюда делается заключение, что Волхв был бесоугольник и чародей. Приводится сказание о Гостомысле и даже говорится, что Гостомysl был похоронен на Волотове под Новгородом — предание, прочно державшееся еще в XIX в.

«История еже о начале Руския земли» в различных своих вариантах дошла до нас во множестве списков, как в виде отдельного сказания, так и в виде вводного сказания к текстам хронографов или степенных книг. Как ни кажутся нам подчас нелепыми эти упражнения в лингвистических сопоставлениях имен и названий, но они отражали определенный этап в развитии исторических знаний, связанный со стремлением расширить историческую тематику и связать русскую историю с историей других народов, в частности с историей скифов как древних обитателей Восточной Европы. Сами лингвистические выкладки авторов XVII в., отличаясь крайней примитивностью и отсутствием научной опоры, основаны лишь на внешнем правдоподобии. Таковы, например, рассуждения о происхождении названий «русь» и «славяне» или «словены». Слово «русь» объясняется следующим образом: «Русь нарицается от цвету лица и власов, ниже бо преизличну белость имеют». Происхождение имени славян поясняется следующими соображениями: по одному сказанию, «словяне же нарицахуся от многих слов письменаго разума... великословы», по другому — «от славных делес своих»¹.

Буржуазные историки, с большим презрением отзывавшиеся о подобных словоистолкованиях, тщательно умалчивали, что приведенные толкования слов «русь» и «славяне» во всяком случае более рациональны, чем знаменитое словопроизводство академика Байера, согласно которому название Москва произошло от названия «мужской монастырь». А пресловутые «норманистские» толкования отдельных имен, сделанные во второй половине XIX в., включают и такие пояснения, согласно которым русский «тур», дикий бык, превращается в бога германцев «Тора».

Историческое баснословие, характерное для многих сочинений XVII в., нашло наиболее яркое выражение в известной Иоакимовской летописи, которая была напечатана Татищевым

¹ Ф. Г и л я р о в. Предания русской начальной летописи, стр. 9, 10.

в его «Истории Российской»¹. Составитель Иоакимовской летописи, по существу говоря, дал совершенно новое построение начальной русской истории, используя для этого не только известные летописи и предания, но и дополнив их собственными взглядами на историю.

Историки второй половины XVII в. обычно не ограничиваются рамками русской истории; создается традиция начинать русскую историю с истории древнейших народов, населявших Восточную Европу, в первую очередь с истории скифов. Смоленский уроженец Андрей Лызлов составляет «Скифскую историю», посвященную в основном истории татар и турок, которая в начальной своей части рассказывает о границах и народах Скифии, основываясь не только на русских, но и на польских сочинениях².

Различного рода сочинения на греческом языке послужили источником для «Хрисмологиона», составленного в 1673 г. Николаем Гавриловичем Спафарием и подьячим Петром Долговым, переводчиками Посольского приказа. Это произведение было написано на библейскую тему «о четырех монархиях» и ставило своей задачей показать, что монархическое правление — «верхнейшее в мире». «Хрисмологион» включает в себе историю о мужественнейших воинских ополчениях, ассирийских, персидских, еврейских, греческих, римских царях и великорусских великих князьях и царях. Тот же Спафарий написал свое знаменитое «Описание Китайского царства», основанное на большом количестве китайских источников³.

Показателем большого интереса русского общества ко всемирной истории является появление ряда переводов исторических произведений с иностранных языков. Переводы сочинений Гваньини и Герберштейна с добавлениями русских переводчиков появились уже в XVI в., как и ряд других сочинений такого же характера. Количество таких переводных произведений сильно увеличивается в XVII в. Среди них встречаются и такие сочинения, как «История о Каролусе Первом» с рассказом о казни этого английского короля, что отражает интерес к событиям, почти современным переводчику⁴.

Расширение исторической тематики с особенной силой сказалось в переработках «Хронографа», которые привели к появлению новых значительных исторических трудов по

¹ В. Н. Татишев. История Российская, кн. I, ч. I, М., 1768—1769.

² «Скифская история», СПб., 1776. Второе издание было выпущено в Москве в 1787 г.

³ См. И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677), Киев, 1897.

⁴ См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб., 1903.

всемирной истории в виде «Хронографа» второй и «Хронографа» третьей редакций.

«Хронограф» второй редакции был составлен в 1617 г. Оставив старую основу, составитель второй редакции «Хронографа» дополнил ее рассказом о событиях западноевропейских, на основании всемирной «Хроники» Мартина Бельского (умер в 1575 г.). «Хроника» Мартина Бельского дала возможность пополнить «Хронограф» известиями о римских, польских и других королях, а также различного рода западноевропейских событиях. В этом пополнении сказался расширившийся интерес ко всеобщей истории и установление более близких связей Российского государства с Западной Европой¹.

Совершенно заново в «Хронографе» второй редакции рассказаны русские события начиная с середины XV в. до избрания Михаила Романова, отсутствовавшие в первой его редакции. События XV и начала XVI в. рассказаны в основном по летописям, а с начала царствования Ивана Грозного (1533 г.) и до конца «Хронографа» представляют собой новое произведение русского автора. Этот рассказ написан в той же историографической манере, как и отдельные сказания, подобные «Временнику» Ивана Тимофеева, но отличается от него только большей простотой языка. Автор рассказа пытается по-своему объяснить причины тех или иных исторических событий. Он выделяет две эпохи в царствовании Ивана Грозного. Первая — это эпоха побед и блистательных завоеваний, покорения Казанского, Астраханского и Сибирского царств. В это время русская «держава пространством разливавшаяся и народи веселием ликоваху». Вторая половина царствования Ивана IV начинается с опричнины, когда внезапно («абие») царская кротость превратилась в ярость, это — эпоха казней и бедствий. Правда, автор «Хронографа» отказывается объяснить причины такой перемены в характере Ивана IV, «како превратися многомудренный его ум на нрав яр», но противоположение двух эпох в царствовании Грозного сделано было так ярко, что оно принято было многими историками XIX в., в том числе Соловьевым и Карамзиным.

Историческая тематика и круг исторических источников еще более расширились в «Хронографе» третьей редакции. «Хронограф» этой редакции сохранился в большом количестве самых разнообразных списков, расширялся и дополнялся новыми статьями. Поэтому мы встречаемся с большим количеством «особых» редакций «Хронографа», с включением в них

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869. Статьи из «Хронографов» второй и третьей редакций напечатаны в книге: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, М., 1869.

новых исторических произведений, сказаний, житий, отрывков из летописей, официальных документов. «Хронограф» третьей редакции возник после 1620 г. и включил в свой состав еще большее количество русских и переводных произведений, чем «Хронограф» второй редакции. Заново были составлены все русские статьи, рассказывающие о событиях конца XVI — начала XVII в., начиная с царствования Федора Ивановича. Особое внимание «Хронограф» третьей редакции уделяет географическим сведениям, в той их характерной форме, которая свойственна XVII в., когда сведения об отдельных странах географического характера чередуются с известиями историческими¹. Основным материалом для подобных географических статей послужили космографии, частично переведенные с иностранных языков, частично составленные в России.

Несомненным проявлением новых интересов к историческому знанию было появление первого печатного пособия по русской истории — «Синописа». Это произведение было трижды издано в Киеве (в 1674, 1678, 1680 гг.), как значится на его заглавном листе «по благословию архимандрита Киево-Печерской Лавры Иннокентия Гизеля», которому обычно и приписывают его составление. О задачах книги можно судить по ее заглавию: «Синописис или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, и о житии святого благоверного великаго князя Киевского и всея Росии первейшаго самодержца Владимира и о наследниках благочестивыя державы его Российская даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великие, Малыя и Белья Росии самодержца».

Таким образом, «Синописис» ставит своей задачей рассказать о русской истории, начиная от основания Киева вплоть до царствования Алексея Михайловича. Однако эта задача была выполнена очень неравномерно. Так, относительно полно изложены начальная история славян и принятие христианства Владимиром, после чего «Синописис» прямо переходит к запусанию Киева от татар и Мамаеву побоищу, чему посвящено обширное сказание. Вслед за этим «Синописис» возвращается к истории Киева и Украины, говорит о воссоединении Украины с Россией. «Синописис» оканчивался на рассказе о Чигиринском походе и приходе русских и украинских войск в Киев.

Как историографическое произведение, «Синописис» несомненно уступает «Хронографу» и «Степенной книге», останав-

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2.

ливая внимание читателей только на отдельных моментах в истории России и Украины. Особенно полно использованы в «Синописе» различные баснословные сведения о славянах, в значительной мере основанные на польских источниках. Однако трактовка и расположение исторических известий в «Синописе» станут совершенно понятны, если смотреть на это произведение не как на учебное пособие, а как на своеобразное публицистическое сочинение. Выбор известий в «Синописе» был сделан в явном применении к двум важнейшим вопросам, которые ставились его составителями. Первый заключался в стремлении показать общность украинского и русского народов, происшедших от общего славянского корня, в силу чего в «Синописе» были включены известия баснословного характера о Мосохе, Гостомысле и т. д. Второй задачей «Синописиса» было показать, что борьба с турками и татарами является исконной борьбой для русского и украинского народов, вследствие чего в него и вставлены были рассказы о запустении Киева от татар и большая повесть о Мамаевом побоище. Ведь «Синописис» был составлен в период ожесточенной борьбы России за Украину с султанской Турцией.

«Синописис» был напечатан и сделался более доступным, чем рукописные труды по русской истории. В конечном итоге «Синописис», дававший важные сведения по русской и украинской истории, сделался своеобразным учебным пособием по русской истории и выдержал до 30 изданий. Эти издания не были простыми воспроизведениями первого, а пополнялись и расширялись. Так, в третье издание (1680 г.) включена была статья «Откуда два митрополиты в России, один в Москве, а другой в Киеве», статья о вторичном приходе турок под Чигирином¹.

Необходимость краткого учебного пособия по русской истории сознавалась и русскими правительственными кругами. Попытки создания такого краткого пособия выливались нередко в виде сочинений родословного характера. Так, наряду с «Хронографом» и «Степенной книгой» появилось краткое официальное руководство по истории, представлявшее собой не что иное, как генеалогию русских государей, — «Книга, откуда произыде корень российских государей». Это произведение представляет собой краткое перечисление великих князей и царей с некоторыми замечаниями об отдельных исторических событиях. Основная мысль этого произведения — дать генеалогиче-

¹ Литературу о Синописисе см. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1554—1557; см. также И. П. Еремкин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII века. «Труды ОДРЛ», т. X, М.—Л., 1954, стр. 212—222.

ческое перечисление предков русских царей из рода Романовых как прямых наследников угасшего рода Рюриковичей. На основе этой книги было составлено произведение дьяка Федора Грибоедова, законченное в 1669 г. и состоящее из 36 глав. Труд Грибоедова назван: «История сиречь повесть или сказание вкратце, о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчаных царей и великих князей, иже в Русстей земли богоугодно державствующих»¹. Это произведение уже в момент своего появления мало удовлетворяло читателей. Сухой перечень государей стоял в явном противоречии с интересным историческим баснословием, которое широкой струей вырывалось в историографию XVII в. Поэтому труд Грибоедова, как и попытки составления официальной истории России при Посольском приказе, не оказал на русскую историографию значительного влияния.

Одним из важных явлений в историографии XVII в. было распространение исторических произведений в относительно широких общественных кругах. Списки «Истории о Казанском царстве» и «Хронографа» принадлежали в XVII в., например, подьячему Челобитенного приказа, казанскому попу, посадским людям. Исторические произведения становятся любимым чтением не только высших кругов феодального общества, но и горожан, представителей низшего духовенства, дьячков и пономарей, в отдельных случаях крестьян.

Расширение авторских и читательских кругов, интересующихся историей, вызвало появление новых жанров исторического произведения — записок и автобиографий, а также бытовой поэтической повести с вставкой в нее исторических рассказов. Протопоп Аввакум дал прекрасный образец автобиографии, написав «житие свое». Этот рассказ о многострадальной жизни неумоимого и непримиримого сторонника «старой веры» написан в поучение его последователям — «терпение убогих не погибнет до конца»². Житие Аввакума написано красочным народным языком и отличается большими художественными достоинствами. Впрочем, в некоторых случаях Аввакум прибегает к маловразумительным церковным оборотам, отдавая этим дань общепринятой манере, в которой составлялись сочинения XVII в.

Очень своеобразным видом исторической литературы второй половины XVII в. являются бытовые повести с включенными в них рассказами об исторических событиях. К их числу

¹ Ф. Грибоедов. История о царях и великих князьях земли Русской. «Памятники древней письменности» СХХI, СПб., 1896, стр. I.

² «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», Пг., 1916, стр. 232.

принадлежит, например, житие Иулиании Лазаревской¹, написанное ее сыном. За житийной формой этого произведения скрывается новый жанр исторического произведения, получивший большое распространение в XVIII—XIX вв., — записки о прошлом, основанные на семейных преданиях. Муромский помещик Дружина Осорьин описывает «добродетельное житие» своей матери Иулиании (умерла в 1604 г.), взяв за образец житийное повествование. В повести о Савве Грудцыне на фоне фантастического рассказа о богатом купце, соблазненном дьяволом, приводятся подлинные факты о Смоленской войне 1633—1634 гг. и других исторических событиях².

Для XVII в. характерно появление литературно-исторических произведений, возникших в народных кругах. Выше уже говорилось о псковских повестях с их антифеодальной направленностью. Эти повести не стоят одиноко в русской историографии XVII в. В середине XVII в. появляются повести о героической обороне Азова от турецких войск (в 1642 г.). Особенно интересна поэтическая повесть об Азове. Широкая народная песня слышится в прощании казаков с родным краем во время непрерывных турецких приступов: «Простите нас, леса темныя и дубравы зеленыя. Простите нас, поля чистые и тихия заводи. Простите нас, море синее и реки быстрые. Прости нас, море Черное. Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович»³. Поэтическая повесть об Азове возникла в казацкой среде и проникнута антифеодальными настроениями. Казаки заявляют: «нас на Руси не почитают и за пса смердящего». Да и сами они не хотят жить в Москве. «Отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых»⁴.

Народные представления об исторических событиях по-прежнему с особой силой проявлялись в исторических песнях. Большой и разнообразный цикл песен сложился вокруг деятельности Степана Разина и его сподвижников. Песни о Разине проникнуты ненавистью к феодальному гнету. Особый интерес к народной исторической традиции сказывался и в появлении в рукописях XVII в. записей былин и исторических песен.

¹ См. М. О. Скрипиль. Повесть об Улиании Осорьиной (Комментарии и тексты), «Труды ОДРЛ», т. VI, стр. 256—323.

² М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. «Труды ОДРЛ», т. II, М.—Л., 1935, стр. 181—213; см. также Н. А. Бакланова К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне», «Труды ОДРЛ», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 443—459.

³ «Воинские повести древней Руси», стр. 77.

⁴ Там же, стр. 68.

Важным явлением в историсграфии XVII в. было развитие критического отношения к источникам. На полях хронографов и степенных книг начинают появляться ссылки на источники. «Хронограф» третьей редакции образно объясняет, по какой причине он сократил выписки из своих источников: «да множеством бы зде писаний его не отягчати слухи ваши и не вредити бы памяти вашей»¹. В некоторых списках «Хронографа» находим и объяснение приемов исторического исследования: «Подобает же ведати сие, читателю, еже узриши в книге сей знамена на полях, скопки или запятыя, то от иных переводов приполненно, а еже просто без знамени, то с тесной настоят перевод»². Таким образом, читатель получает возможность уследить за самой техникой исследования и до некоторой степени проверить его источники.

О технике исторического исследования второй половины XVII в. можно судить по сочинению одного из расколоучителей, бывшего дьякона придворного Благовещенского собора Федора Иванова. Конечно, Федор Иванов находится целиком в плену обычных церковных воззрений своего времени, но автор отчетливо понимает необходимость защитить свои положения путем ссылок на источники. Подтверждая свои выводы показаниями острожских и московских печатных книг, он замечает: «еще старее острожских и московских книг сербския печатныя книги». Интересно использование автором палеографических наблюдений для опровержения ссылок на так называемый часослов митрополита Киприяна начала XV в. «Аз видех его,— пишет Федор Иванов,— рукописанной он, а не печатной и на конце написано в нем сице: писан сей часослов по благословию Киприяна митрополита. Кто писал того не вестъ». И тут же Федор Иванов ссылается на служебник, действительно написанный самим Киприяном. Федор Иванов отнюдь не отказывается от лингвистических справок. Например, он объясняет, что по-гречески «кирион» (господь) и «алифинон» (истинный) — разные слова. Позже палеографический метод исследования получит особое развитие в начале XVIII в. у Андрея Денисова, который удачно им воспользуется для разоблачения подделок господствующей церкви. Приемы критического изучения источников были распространены не только в церковных кругах. Они применялись в московских приказах, когда речь шла о проверке ряда документов, представляемых дворянами и монастырями в оправдание своих владельческих прав на земли. Такой же критической оценки нередко подвергались и дипломатические документы, поступавшие

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, стр. 171—172.

² Там же, стр. 176.

в Посольский приказ из чужеземных стран. Хотя эта критика и преследовала чисто практические цели, все-таки она показывает, что критические приемы при оценке различных документов уже вошли в обиход в России XVII в.

Критическая сторона в русской историографии XVII в. была развита еще очень слабо и значительно отставала от приемов критического исследования, складывавшихся в это время в ряде западноевропейских стран, где уже появились критически проверенные издания греческих и римских авторов. Тем не менее критическое отношение к источникам на Руси возникло не в XVIII в. Оно зародилось уже на заре русской историографии, развивалось в последующие столетия, достигло значительных успехов в XVII в., возникло и развивалось на русской почве, а не было привнесено извне.

Таким образом, в Российском государстве XVI—XVII вв. исторические знания продолжали развиваться. В ходе их развития обнаруживаются уже крупные успехи. Старая погодная форма изложения отходит в прошлое, на ее место окончательно утверждается историческое повествование, составленное по единому плану и написанное единым стилем. Такие произведения, как «История о Казанском царстве», «Степенная книга», «Хронографы» в их различных редакциях, написаны с позиций господствующего класса. Вместе с тем появляются исторические произведения, написанные с антифеодальных позиций. Тема же классовой борьбы впервые находит свое выражение в произведениях, посвященных истории крестьянской войны и интервенции начала XVII в.

Наблюдаются большие сдвиги в сторону дальнейшего изучения всемирной истории, в которую вводятся сведения по истории Западной Европы, Турции, Китая и пр. Широко развивается историческая тематика, уже не довольствующаяся изображением собственно русских событий. Русская история тесно связывается с историей славян и скифов. В арсенал исторических доказательств входит примитивный лингвистический анализ, сопоставление личных и географических названий, построение исторических теорий на основе этого анализа. В техническом отношении вырабатываются приемы деления исторических сочинений на главы, а в некоторых случаях на параграфы («титла»). Совершенствуется и палеографическая критика источников.

Развитие исторических знаний в Российском государстве XVI—XVII вв. подготавливало почву для появления первых русских исторических трудов, основанных на критическом изучении источников, на прагматическом понимании исторических событий. Создание исторических трудов XVIII в. невозможно

было без большой предварительной работы предшествующих поколений историков.

Русская историография XVI—XVII вв. является крупнейшим вкладом в мировую историческую науку, хотя по технике исторического исследования она и отставала в это время от историографии передовых западноевропейских стран. Многие сведения по русской истории, которые мы находим у иностранных авторов, основаны на русских исторических трудах. При описании событий в татарских ханствах на Волге, Сибири и у различных народов Севера эти авторы основываются на данных русской историографии XVI—XVII вв. История Восточной Европы осталась бы почти без освещения, если бы мы не имели русских исторических трудов. Но эти труды имеют и более общее значение, давая материалы по истории стран Востока и Балканского полуострова, по истории Польши, Прибалтики и других стран.

Глава III

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА УКРАИНЕ, В БЕЛОРУССИИ, ЛИТВЕ, ПРИБАЛТИКЕ, ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В XI—XVII вв.

I

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА УКРАИНЕ, В БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЕ

Русский, украинский и белорусский народы выросли из одного корня — древнерусской народности. Их колыбелью была Киевская Русь. Поэтому культурные достижения Киевской Руси, в том числе и высокий уровень исторических знаний, являются общим достоянием всех трех братских народов. Только со времени образования русского, украинского и белорусского народов, т. е. с XIV—XV вв., можно говорить об историографии России, Белоруссии и Украины, как о явлениях сложившихся, хотя и в это время культурная связь между тремя братскими народами не только не прерывается, а продолжает развиваться.

Условия для развития культуры в Белоруссии и на Украине в течение длительного времени были неблагоприятными. Белоруссия и Украина в XIV—XV вв. находились в тяжелом положении, подвергаясь постоянным нападениям со стороны своих более сильных соседей. В результате экономического и политического ослабления белорусских и восточнукраинских земель они вынуждены были подчиниться литовским князьям и войти в состав Литовского великого княжества. Западная Украина подпала под власть польских королей.

Экономический и культурный подъем Белоруссии и Украины в XVI в. создал некоторые условия для развития исторических знаний. Исторические труды, появлявшиеся в Белоруссии и на Украине в XVI—XVII вв., отразили героическую борьбу белорусского и украинского народов за свою независимость против панского гнета и насилий католического духо-

венства. В литературных памятниках этого времени ярко проявляются особенности белорусского и украинского языков.

В тесной связи с белорусской историографией находится литовская историография начального периода своего развития.

§ 1. Историография Украины

Развитие исторических знаний на Украине в XIV—XV вв. задерживалось неблагоприятными экономическими и политическими условиями. Можно предполагать, что ранние произведения украинской историографии этого времени погибли в обстановке постоянных вторжений татар и внутренних распрей феодалов, сопровождавшихся разгромом городов, сел, монастырей, уничтожением ценностей материальной и духовной культуры¹. Наиболее важным памятником украинской историографии этого времени является «Краткая киевская летопись» XVI в., являющаяся частью Супрасльской рукописи². Эта рукопись особенно интересна тем, что она показывает несомненную связь русского летописания с украинским, так как в ней Киевская летопись помещена рядом с Новгородской. «Краткая киевская летопись» является компиляцией, составленной из разных источников. События конца XV — начала XVI в. написаны автором как очевидцем. Этот ранний памятник украинского исторического знания отличается большой достоверностью и точностью в описании событий³.

Подъем украинской историографии начинается с конца XVI в. Это объясняется глубокими изменениями в экономической, политической и культурной жизни Украины этого периода. Во второй половине XVI в. украинские земли были захвачены панской Польшей. Включение украинских земель в состав Польского королевства усилило крепостнический гнет народных масс и ускорило юридическое оформление крепостного права. Шляхетское правительство проводило на Украине колониально-национальную политику, способствуя захвату польскими магнатами и шляхтой огромных земельных пространств, насаждая на Украине привилегированные иноземные организации ремесленников, вводя насильственно католичество, запрещая употребление украинского языка в государственных учреждениях.

Усиление экономического, социального, национального и

¹ Польский историк Длугош (умер в 1480 г.) располагал значительным количеством летописей, которые до нас не дошли.

² Супрасльский монастырь находился в 20 км от Белостока, был основан в 1498 г.

³ «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи», М., 1836.

религиозного гнета вызывало обострение антифеодальной борьбы народных масс Украины. Уже в 1591 г. вспыхнуло широкое восстание крестьянства и казачества, охватившее всю Правобережную Украину. Еще шире и интенсивнее развернулась антифеодальная и национально-освободительная борьба народных масс в первой половине XVII в. В этот период значительно усиливается движение украинского народа за объединение с русским народом. Освободительная борьба народных масс ускоряла созревание национального самосознания украинского народа.

С конца XVI в. появляется ряд полемических трактатов: «Апокрисис», «Перестрога», «Плач» Мелетия Смотрицкого, «Послания» Ивана Вышенского и др., в которых исторически обосновывалось право украинского и белорусского народов на самостоятельное политическое и культурное развитие, указывалось на единство происхождения украинского народа с русским и белорусским.

«Плач» Мелетия Смотрицкого был написан в Вильно на польском языке и направлен против униатов и католиков.

Особое значение имела «Перестрога», написанная в начале XVII в. одним из львовских братчиков. Автор ее доказывает, что русская культура несколько не ниже польской, что сами поляки на четверть века позже, чем русские, приняли христианство и т. д.¹

В 1621 г. духовенство украинской православной церкви направляет польскому сейму «Протестацию». В ней дана попытка установить преемственность политической и культурной жизни на территории Украины, начиная со времен Киевской Руси.

Этим же целям служило украинское летописание XVI — первой половины XVII вв. Характерной чертой большинства украинских летописей этого времени является их ярко выраженная политическая направленность. Летописцы не ограничиваются простой погодной регистрацией фактов, но основное внимание уделяют важнейшим историческим событиям, откровенно выражая свое отношение к ним.

Замечательным памятником украинской историографии является Густынская летопись (названа по имени Густынского монастыря на Полтавщине). Она охватывает период с 1310 по 1597 г. Летопись представляет компиляцию, составленную на основе русских, украинских, литовских и других летописей и хроник. В ней содержится значительный материал по вопросам международного положения Украины, а также показываются политические связи украинских земель с Российским государ-

¹ См. «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. IV, СПб., 1851. № 149, стр. 203—236.

ством. Летописец следит за отношениями Украины с Польшей, Литвой, Венгрией, Турцией и Крымом, делает попытку объяснения происхождения славян.

Автор летописи берет под защиту украинскую народность и православную церковь, осуждает польско-католическую агрессию. Собственно летопись кончается 1597 г., далее помещены краткие статьи «О начале козаков», «О применении нового календаря», «Об унии како почася в Русской земле».

Составитель Густынской летописи пользовался самыми разнообразными источниками, на которые он делал ссылки на полях рукописи с указанием автора, книг и глав того сочинения, из которого заимствованы факты. Например, при рассказе о событиях в Византии в конце XIII в. он ссылается на византийского писателя Никифора Грегорас, при рассказе о ссоре Витовта с московским митрополитом Фотием — на хронику Кромера и т. д.¹ Составитель летописи пользовался своими источниками не буквально, а пересказывал их своими словами. В «предмове (т. е. предисловии.— *Ред.*) до читателя» указывается на значение книги для читателей, в особенности «юнейших». Без истории, по составителю, «люде бы як у тме будучи не ведали, що ся прошлых веков деяло»².

Составитель летописи и время ее написания неизвестны. В 1670 г. ее переписал монах Густынского монастыря Михайло Лосицкий. По своей исторической достоверности Густынская летопись стоит значительно выше многих польских компиляций XVI—XVII вв.

Интересным памятником является Межигорская летопись, содержащая материал по истории Волини, Киевщины, Полтавщины. Много места в ней уделено казачеству, городу Киеву, жизни православного духовенства³.

В недавнее время стала известна так называемая Острожская летопись, помещенная в сборнике конца XVII в. Она названа в рукописи «речами», выбранными из хроники Бельского, охватывает период 1500—1633 гг. События первой половины XVII в. изложены в Острожской летописи самостоятельно. Особый интерес имеют сведения, относящиеся к борьбе православных острожских горожан с их феодальной владельницей, княжной Анной Острожской, принявшей католичество. Летопись, вероятно, была написана кем-либо из острожских горожан или духовенства в первой половине XVII в.⁴

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 343, 353 и др.

² Там же, стр. 233.

³ «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси», Киев, 1888, стр. 93—99.

⁴ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, «Исторический Архив», т. VII, М., 1959, стр. 236—253.

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией были выдающимися событиями в жизни украинского и русского народов. Воссоединение Украины с Россией еще сильнее укрепило дружбу двух братских народов, их экономические, политические и культурные связи. Середина XVII в. была переломным моментом и в развитии украинской историографии. Освободительная война вызвала появление ряда исторических произведений, в которых описывалась борьба украинского народа против гнета шляхетской Польши, за воссоединение с Россией.

В результате освободительной войны феодальный строй на Украине был расшатан, но не уничтожен. Ослабление феодального гнета было явлением временным. Украинские феодалы, опираясь на поддержку царизма, постепенно усиливали эксплуатацию народных масс.

Идеология украинских феодалов отразилась в исторических памятниках второй половины XVII—XVIII в., прежде всего в так называемых казацко-старшинских летописях. Наиболее ранней из них является летопись Самовидца¹, охватывающая события с 1648 по 1702 г. По своему характеру летопись распадается на две части. Первая часть летописи, излагающая события до 1672 г., носит характер исторического обзора; во второй — помещены погодные, летописные записи. Оригинальность содержания, ценность многих сообщаемых сведений и ясность изложения делают летопись Самовидца одним из важнейших памятников исторической мысли Украины второй половины XVII в.

Вопрос об авторстве летописи долгое время был спорным. Наиболее убедительным можно считать мнение Н. Н. Петровского о том, что автором летописи Самовидца был один из видных представителей старшины, генеральный подскарбий Р. Ракушка-Романовский.

Автор летописи много внимания уделяет освободительной борьбе украинского народа против шляхетской Польши. Он подчеркивает, что воссоединение Украины с Россией радостно было встречено всем народом: «По усей Украине увесь народ з охотою тоє учинил... и немалая радость межи народом стала». В положительном свете в летописи рисуется внешняя политика Российского государства, стремившегося отразить нападения Турции и Польши.

В то же время в освещении событий внутренней истории автор летописи ясно показывает свою принадлежность к господствующему классу. Он всячески восхваляет старшину и политику, направленную к возвышению старшины, отрицательно

¹ «Летопись Самовидца», изд. Киевской временной комиссией для разбора древних актов, Киев, 1878.

относясь к народным массам и к крестьянскому движению. В освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого автор летописи видит лишь борьбу против притеснений и насилий польской шляхты и администрации. Борьбу народных масс против феодального гнета он считает жестокостями «своевольной черни».

Летопись Самовидца написана языком, близким к народной речи. В ней часто употребляются народные пословицы и выражения.

Так называемая Хмельницкая летопись (за 1636—1650 гг.) названа по местечку Хмельник в Подолии, откуда, видимо, происходил автор. Эта летопись ограничивается изложением событий на территории Подолии, отчасти Волыни и Киевщины. Автор вел записи под непосредственными впечатлениями развернувшихся крестьянско-казацких восстаний и начала освободительной войны, сочувственно относясь к народным массам, поднявшимся на борьбу против своих угнетателей¹.

Рядом с летописными компиляциями, возникшими в монастырях, значительное развитие получили на Украине такие исторические труды, которые вышли из среды мелкой православной шляхты и горожан. К их числу прежде всего относится Львовская или Львовско-русская летопись за 1498—1649 гг. Автором ее считают Михаила Гунашевского. Гунашевский, происходивший из украинской православной мелкой шляхты, получил образование в Замойской академии, жил во Львове, позже был монахом Межигорского монастыря, а во время освободительной войны 1648—1654 гг. служил в войсковой канцелярии Богдана Хмельницкого. Таким образом, предполагаемый автор Львовской летописи являлся не только свидетелем, но и участником важнейших событий в жизни украинского народа первой половины XVII в.

Первая часть летописи (период от 1498 до 1626 г.) носит компилятивный характер. Описание важнейших военных и политических событий, начиная с 1630 г., более или менее самостоятельное. Эти записи Гунашевского имеют первостепенное значение для изучения крестьянско-казацкого восстания 1630 г., отличаясь значительной достоверностью. В летописи уделено место борьбе украинского народа против татарских вторжений, приводится много фактов о господстве шляхты на Украине².

Во второй половине XVII в. на Украине появились также произведения, авторы которых стремились представить единую

¹ Летопись издана в приложении к летописи Самовидца, Киев, 1878, стр. 77—81.

² «Львовская русская летопись». «Русский исторический сборник», т. III, кн. 3, М., 1838, стр. 233—267.

историю Украины и России с древнейшего времени. Наиболее известным из подобных произведений является «Синописис» (собрание), автором которого считается архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель. Этот труд был широко распространен на протяжении многих десятилетий. В позднейшие издания этого сочинения было внесено много дополнительных под прямым влиянием русской исторической мысли, в первую очередь известного труда по русской истории Манкиева¹.

Это влияние сказалось и на сочинении игумена Киевского Михайловского монастыря, преподавателя Киевской коллегии Феодосия Софоновича, написавшего историческое произведение под названием «Кройника з летописцев стародавних». Труд Софоновича носит компилятивный характер. Автор использовал русские летописи, а при освещении событий истории Литвы и Польши литовского хрониста Стрийковского. Большое место в своей «Кройнике» Софонович уделяет истории Волыни. Важным моментом в его взглядах является идея единства восточнославянских земель со времен Киевской Руси.

Наряду с «Синописисом» и трудом Феодосия Софоновича следует назвать произведение Леонтия Боболинского, воспитанника Киевской коллегии, носящее название: «Летописец си есть кройника» (1699 г.). Труд Боболинского является попыткой дать историю России и Украины в хронологическом порядке. Боболевский написал свою работу под непосредственным влиянием русских хронографов. В его «Летописце» изложены события всемирной истории, история Московского царства, а также отдельные моменты истории Польши и Литвы.

Если в перечисленных выше произведениях отразилась идеология господствующего класса феодалов, то в исторических песнях, думах, преданиях, легендах выражались взгляды и чаяния народных масс, их освободительные устремления.

В народных песнях и думах второй половины XVII в. воспевается освободительная война украинского народа, его безграничная ненависть к поработителям, деятельность героев освободительной борьбы и великого сына украинского народа Богдана Хмельницкого. Народное творчество правильно оценивает Богдана Хмельницкого как выдающегося государственного деятеля и полководца, человека большого ума и личной храбрости. В песнях, посвященных освободительной войне и Богдану Хмельницкому, звучит горячий призыв к продолжению освободительной борьбы на правобережных украинских землях, остававшихся еще под игом шляхетской Польши. В песнях и думах высоко оценивалась борьба русских войск и украинского казачества против турецко-татарских нападе-

¹ О Синописисе см. подробнее в гл. II.

ний. Наряду с этим народное творчество отразило глубокие социальные противоречия между украинскими феодалами и народными массами.

§ 2. Историография Белоруссии

Белорусская историография получает большое развитие с конца XIV в., несмотря на тяжелое положение Белоруссии, находившейся в подчинении великому княжеству Литовскому. В культурном отношении Белоруссия стояла тогда значительно выше Литвы. В ней уже давно существовала высоко развитая литература, между тем как первые памятники литовской письменности относятся только к XVI в. Так называемый русский язык, на котором писали официальные акты и документы Литовского княжества, соединял элементы трех складывавшихся тогда восточнославянских языков (белорусского, украинского и русского), при значительном преобладании белорусских элементов и при некотором сохранении старославянских слов и форм речи. На нем долгое время писали летописи, повести, поучения и другие сочинения того времени.

Однако владычество литовских феодалов не могло не отразиться на белорусской культуре вообще и, в частности, на белорусском летописании. Литовские феодалы боялись отделения захваченных ими белорусских земель от Литовского княжества и противились всему тому, что могло поддерживать связи между русским и белорусским народами, укреплять мысль о единстве происхождения и исторического развития восточнославянских народностей. Поэтому они старались и белорусское летописание направить в сторону прославления литовских князей и возвеличения отдельных феодалов. Тем не менее, при слабости тех культурных сил, которыми обладал господствующий класс Литовского княжества, он не мог заглушить в белорусском летописании идеи единства всего восточного славянства, не мог задавить тяготения белорусского народа к соединению с русскими и украинскими братьями. Только более поздние летописи, составлявшиеся на территории Белоруссии и Украины в XVI в., когда собственно литовская культура несколько укрепилась, отражают идеологию литовских феодалов.

Литовские летописи XV—XVI вв. могут быть названы так лишь условно. Они назывались литовскими прежде всего потому, что составлялись в пределах великого княжества Литовского и по своему содержанию в значительной степени касались жизни и деятельности князей литовских. Но эти летописи написаны на формировавшемся белорусском языке и только в более поздние из них проникли полонизмы. Их авторами были

жители белорусских земель, по большей части белорусы. В основу этих летописей положены общерусские летописные своды, продолжением которых они и являлись. По языку и происхождению это были в основном белорусские летописи; в политических настроениях их авторов было много разнообразия.

Литовские (точнее литовско-белорусские) летописи разделялись на «краткие» и «пространные» летописные своды. «Краткие» летописи возникли раньше «пространных» (к ним относятся: летопись Авраамки, Супрасльский, Уваровский, Познанский, Никифоровский, Академический списки западнорусских летописей, «Хроники о великих князях литовских» Красинского)¹. Изложение событий в них кончается 1446 г., причем многие записи сделаны современниками. «Краткие» летописи составлялись не ранее конца XIV в. и не позднее второй половины XV в. В некоторых из них проявляется сочувствие к Москве и осуждение тех литовских князей, которые вели антирусскую политику. Особенно сильно это выразилось в летописи Авраамки, составленной в 1495 г. в Смоленске. «Раб божий Авраамка», как он сам себя называл, — повидимому, духовное лицо, подчиненное смоленскому епископу.

Но даже и на «краткие» летописи оказала влияние идеология господствующего класса Литовского княжества. Несмотря на часто проявляющуюся в них симпатию к Русскому государству, в них восхваляется Витовт, который проводил по отношению к русским землям захватническую политику (исключение составляет летопись Авраамки, в которой выражены антилитовские настроения). В некоторые «краткие» хроники включены под особыми названиями разделы, содержащие в себе самые неумеренные восхваления Витовта, которому все удаётся и все повинуются, как славному государю. Ему «все цари татарские служили и сами своими головами на помощь ему шли и слухали его». Он будто бы давал татарам по своему усмотрению «князей и царей»; его слушались и «княжата немецкие» и оказывали ему военную помощь, «где ему будет потреба»². Витовт изображается, как друг московских князей: «также князь великий Московский у великой милости (дружбе.— *Ред.*) жил с ним». Эти похвалы Витовту в «кратких» летописях направлены, однако, не столько против Русского государства, сколько против Польши. Они имели целью показать, что великий князь литовский имеет не меньшее, если не большее значение, чем король польский, и что

¹ ПСРЛ, т. XVI («Летопись Авраамки»), т. XVII («Западнорусские летописи»).

² См. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 136—139 («Сказание [о] великом князе Витовте»); стр. 176—178 («Похвала о великом князе Витовте»). Восхваление Витовта повторяется и в «пространных» списках.

стремление Польши подчинить себе Литву не имеет под собой почвы.

Иной характер носят «пространные» летописи. К ним относятся списки: Быховца (наиболее полный), Рачинского, «Летописец» Красинского, Евреиновский, Румянцевский, некоторые отрывки из Патриаршего¹. «Пространные» списки возникли в основном в XVI в. Их авторы жили в период, когда усилились стремления польских королей и польских феодалов к подчинению Литвы и русских земель Литовского великого княжества².

Для повышения исторического самосознания белорусской народности большое значение имела деятельность белорусского первопечатника Георгия (Франциска) Скорины. Родился он около 1490 г., год его смерти неизвестен (вероятно, он умер в 30-х или 40-х годах XVI в.). Время его жизни совпадает с периодом, когда белорусская народность уже сформировалась и когда созрели условия для создания белорусского литературного языка и литературы.

Печатная книга, служившая средством распространения грамотности и знаний, облегчала белорусскому народу защиту его культурной самостоятельности и борьбу против угрожавшей ему колонизации, опасность которой особенно возросла в XVI в. Вместе с тем печатная книга, написанная на языке, понятном не для одних белорусов, но и для русских и украинцев, становилась могучим средством общения между образованными и передовыми людьми всех трех братских народностей.

Скорина был не только первым печатником и издателем книг. Свои переводы на белорусский язык он снабдил многочисленными примечаниями, предисловиями и послесловиями. Из них видно, что Скорина был горячим поборником культурного развития своего народа. Устроив превосходные типографии в Праге (1517—1520 гг.) и в Вильне (1525 г.), он напечатал в них библейские книги ветхого завета в переводе на белорусский язык. В издании псалтыри, по которой учились грамоте, Скорина отмечал, что псалтырь дает «детям малым початок всякое доброе науки». Издаваемые книги должны были, по мысли Скорины, пробуждать в читателях гордость за их родину, внушать им мысль о больших исторических заслугах родного народа и этим поднимать их историческое понимание на более высокую ступень³.

Развитию исторической мысли белорусского народа содей-

¹ См. ПСРЛ, т. XVII, стр. 153—190, 227—238, 295—356, 357—412, 473—572 и др.

² Подробнее о литовско-белорусских летописях см. ниже на стр. 122 и след.

³ См. П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888.

ствовала и та полемическая литература, которая возникла в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в., в связи с церковной унией 1596 г. Подготавливая унию, иезуиты развили большую публицистическую деятельность, пытаясь доказать неспособность белорусского народа к самостоятельному развитию.

В ответ на сочинение Скарги (конец XVI в.) и других иезуитов, утверждавших, что источником невежества «русского» народа является славянский язык, в Белоруссии появились полемические сочинения в защиту славянского языка и способности русских «к усвоению наук и образованности». Литература эта довольно обширна¹. Мысли, высказанные в ней, сводились к тому, что католицизм с его богослужением на латинском языке не дал ничего полезного славянским народам, что притязания пап на мировое господство противоречат соборности вселенской церкви и равенству патриархов и т. п.

Для борьбы с воинствующим католицизмом при церковных братствах на Украине и в Белоруссии были основаны школы. Учителями в них нередко бывали выдающиеся ученые, которые могли успешно вести полемику с иезуитами². Из среды таких учителей особенно выделялись братья Зизания (Стефан и Лаврентий), Мелетий Смотрицкий, Леонтий Карпович и др. Так, Христофор Филалет (псевдоним шляхтича Христофора Бронского), опираясь на исторические данные, доказывал, что «русский» народ (разумелись белорусы и украинцы) имеет право свободно исповедовать свою религию и что церковная уния, введенная насильно, является незаконной³.

Полемическая литература в своей защите белорусского и украинского народов опирается на исторические аргументы. В ней много ссылок на прошлое, исторических обзоров, имеющих целью доказать отрицательное влияние польско-католического засилия и заслугу русского народа в борьбе с этим засилием. В некоторых из этих полемических сочинений ярко выражены демократические взгляды. Так, священник Иоанн Вишенский⁴ (конец XVI и начало XVII в.) в своих посланиях

¹ Перечень и изложение содержания полемических сочинений XVI в. имеется у Е. Ф. Карского («Белорусы», т. III, ч. 2, Пг., 1921, стр. 172—209); см. также В. З. З а в и т н е в и ч. Палинодия Захария Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI и XVII вв., Варшава, 1883.

² См. К. Х а р л а м п о в и ч. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века..., Казань, 1898.

³ Сочинение Христофора Филалета появилось в 1597 г. под названием «Апокрисис».

⁴ Иоанн Вишенский был украинцем по месту жительства, но обращал свои речи и послания и к украинскому, и к белорусскому народам. Наиболее яркие из его сочинений напечатаны в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России», т. II, СПб., 1865, стр. 205—270; в «Архиве Юго-Западной России», ч. 1, т. VII, стр. 19—48.

клеял ренегатов православия — «князей русских, которые делают людей голодными и поглощают их труд и пот кровавый», тунейдцев — польских панов, которые разоряют народ, а сами «в мягких постелях спят».

К числу защитников национально-религиозной самостоятельности белорусского народа принадлежал и известный поэт, ученый и проповедник Симеон Полоцкий (1629—1680 гг.). По национальности он был белорусом и до 32-летнего возраста жил на Украине и в Белоруссии. В 1661 г. он переехал в Москву, и там в скором времени стал домашним учителем царских детей и придворным поэтом. Живя в Белоруссии, он занимался стихотворством, причем первые его стихотворные опыты были написаны на белорусском языке. Всей своей деятельностью он содействовал развитию культурной связи между Белоруссией и Москвой. Воссоединение с братским русским народом должно было, по его мысли, принести освобождение от иноземного ига; поэтому он с восторгом приветствовал приход русских войск в Полоцк (во время войны за Белоруссию и Украину 1654—1667 гг.).

Развитие исторической мысли в Белоруссии было отчасти связано и с реформационным движением. В Белоруссии реформационное движение не получило особого распространения среди народных масс. Ни крестьяне, ни горожане им не были широко затронуты, в основном оно поддерживалось магнатами и шляхтичами. Шляхту и магнатов интересовали не идеологические, и не догматические вопросы, а вопросы организации церкви и ее положение в государстве, ибо только через определенные организационные формы они могли воздействовать на управление церковью и государством. При рассмотрении этих вопросов делались ссылки на прошлое и доказывалось, что ограничение центральной церковной власти соборами с участием светских лиц было во все времена присуще церковной организации. Конечно, практические выводы из этих исторических ссылок и всей соответствующей богословской аргументации имелось в виду сделать в интересах феодалов и прежде всего феодальной аристократии — магнатов.

Более сильное влияние на историческую мысль Белоруссии оказали некоторые движения, направленные против православия и католицизма, из которых особенно надо отметить движение антитринитариев. В основе их учения лежала рационалистическая мысль, что из истинной религии должно быть устранено все, недоступное или противоречащее человеческому разуму.

К этому движению примкнули два выдающихся белорусских писателя — Симон Будный и Василий Тяпинский. Симон Будный был одним из самых образованных людей своего

времени. В 1562 г. он издал в Несвижской типографии князя Радзивилла «Катехизис»¹. В предисловии к «Катехизису» он бичевал пороки официальной церкви, и католической, и православной. Симон хотел дать «науку стародавнюю христианскую от святого письма для простых людей языка русского».

Наряду с Симоном Будным росту белорусской культуры и развитию общественно-исторической мысли в Белоруссии содействовал и его современник Василий Тяпинский. Он нападал на жадное и невежественное духовенство, которое предалось «подкупам и посулам», а «письма русского и слова божия не знает, не понимает и не изучает». Он подчеркивал исторические связи всех славянских языков между собой и писал, что русский народ — это ветвь славного и издавна образованного славянского народа, на языке которого в давние времена первоучителями славянства была «выложена наука апостольская».

Таким образом, в исторической литературе XVI—XVII вв. выражались взгляды на исторические судьбы и исторические задачи белорусского народа. В основном они были направлены против католической агрессии. Их главной идеей была идея общности судеб русского, украинского и белорусского народов, сознание необходимости дружбы и общения между ними и в будущем.

Наряду с религиозно-полемическими сочинениями в XVII в. развивается и светская литература, в которой также затрагиваются исторические темы. С конца XVI в. летописи, как основной вид светского исторического повествования, начинают сходить со сцены. По мере того как усложнялась общественная жизнь и развивалась общественная мысль, летописные формы записи и обработки исторических данных стали дифференцироваться в другие виды исторической литературы. Развивалась разнообразная историческая литература, в виде исторических обзоров, дневников, «синопсисов», мемуаров, донесений властям, рассуждений на исторические и политические темы.

Даже исторические произведения, которые по внешним приемам их составления формально относятся к летописям, по существу с XVII в. теряют свой летописный характер и больше походят на исторические рассказы и мемуары. К таким произведениям надо отнести Барколабовскую летопись. Автор ее, — по видимому член церковного братства, более всего внимания уделяет тем событиям, о которых он знал от

¹ Катехизис С. Будного в отрывках напечатан в «Археографическом сборнике документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», т. VII, Вильно, 1870, предисловие, стр. XVI—XXIV. Экземпляры этого издания имеются в Гос. Историческом музее в Москве и др.

своих старших современников или свидетелем которых он был сам. Он писал около половины XVII в. о фактах местной истории села Барколатово (Быховского округа), Могилева, Полоцка и лишь частично касался других местностей. Он подробно описывает хозяйственное положение крестьянства конца XVI и начала XVII в., голодовки крестьян начала XVII в. и т. п. К крестьянам он относится сочувственно, к униатам — духовенству и панам — враждебно. Касаясь событий с 1563 до 1608 г., он затем, после перерыва в 25 лет, излагает события 1633 г.

К историческим обзорам надо отнести и «Синописис», составленный в 1632 г. виленским православным братством за 40 лет до издания киевского Синописиса Иннокентия Гизеля. В виленском Синописисе содержится исторический обзор положения православной церкви, особенно западнорусской, и в частности виленского православного братства. Синописис, направленный против церковной унии, представляет попытку исторически опровергнуть стремления униатов к ополячиванию и окатоличиванию православного населения Литвы и Белоруссии¹.

Исторические события, в значительной степени касающиеся Белоруссии, описаны в работах польского иезуита, ректора Виленской духовной академии Войцеха Кояловича. В своих работах, написанных по-латыни, он излагает историю Литвы от древнейших времен до Люблинской унии². Кроме того, он написал (также по-латыни) несколько других исторических сочинений, в которых затрагивались события белорусской истории — о церковном положении в великом княжестве Литовском³, о народном восстании середины XVII в. против польских феодалов⁴. Исторические работы Кояловича проникнуты ярким полонофильским и католическим настроением. Освещение фактов у него дается извращенно, и часто даже самые факты передаются в угоду его тенденциям искаженно. Он восхваляет действия иезуитов и польских властей. Восстание народных масс, приведшее к отделению Украины от Польши, он называет мятежом (*rebello*) и соответственно с этим видит в нем только проявление злокозненных замыслов дурных людей.

Из сочинений, представляющих интерес для историка, надо отметить также дневник конца XVI — начала XVII в. белорусского шляхтича Федора Евлашевского. Не будучи историком,

¹ См. Архив Юго-Западной России, ч. I, т. VII, стр. 533—576; стр. 577—649.

² *Historiae Lithuaniae pars prima* (1650); *Historiae Lithuaniae pars altera* (1669).

³ *Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in Magno Lithuaniae Ducatu pertinentium*, 1650.

⁴ *De rebus anno 1648 et 1649 contra Zaporovios cosacos gestis*. 1651.

Евлашевский пытался осмыслить современное ему положение Белоруссии и Литвы, делая это с точки зрения патриотически настроенного литовского шляхтича. Как и летописцы конца XVI в., он выступает против поляков; все его симпатии на стороне литовских феодалов — князей Слуцких, панов Ходкевичей, Сапег, Кмиты и др. Занимая невысокую должность подсудка по выборам, он, однако, сталкивался с разным рода влиятельными людьми. Из своего жизненного опыта он вынес убеждение, что поляки боялись союза Литвы с Русским государством («або се Литва с Московским не поразумела»), т. е. отметил факт существования в Литовском княжестве сильных симпатий к русскому народу¹.

Мемуарно-исторический характер носят и «Отписки» (донесения) польскому королю и литовским панам-раде оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского (конец XVI в.). По происхождению Кмита Чернобыльский, вероятно, и не был белорусом, но, долго служа в белорусском городе Орше, он изучил быт белорусского народа². Кмита хорошо знал белорусский язык, на котором он писал с незначительной примесью полонизмов. Его «Отписки» насыщены белорусскими пословицами, многие из которых перекликаются с современными пословицами, распространенными в Белоруссии. «Отписки» так же ценны, как записки наблюдательного современника. Несмотря на свою ревностную службу Польше, Кмита был проникнут невольным уважением к Русскому государству и к Ивану IV³.

Как попытка исторического освещения современной автору действительности значительный интерес представляет собой также «Речь Ивана Мелешки, каштеляна Смоленского...», произнесенная будто бы им на сейме в Варшаве в 1589 г.⁴ На самом деле эта речь была составлена позднее, как можно предполагать — в первой половине XVII в., каким-то мозырьским шляхтичем, причем имя Мелешки, — который действительно был каштеляном Смоленским, — взято, как псевдоним. «Речь» Мелешки имеет характер памфлета, направленного против засилия поляков и отчасти немцев в Белоруссии.

Со второй половины XVII в. сложились неблагоприятные условия для развития исторической мысли Белоруссии, равно

¹ «Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564—1604 года)». «Киевская Старина», т. XIV, январь, Киев, 1886, стр. 124—160.

² См. Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 110—113.

³ «Отписки» Кмиты Чернобыльского изданы со значительными сокращениями в «Актах, относящихся к истории Западной России», т. III, СПб., 1848, стр. 164—177.

⁴ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. II, СПб., 1865, № 158, стр. 188—190.

как и всей белорусской культуры. В литературных произведениях XVII—XVIII вв., писавшихся на польском и отчасти на латинском языках, в сатирах и в драмах, в многочисленных полемических сочинениях высмеивались язык, вера и культура белорусских крестьян, проводились принижающие народное самосознание идеи аскетизма и покорности властям. Гонения на белорусский язык усилились по закону 1697 г., которым предписывалось, чтобы все государственные акты на территории Литвы, Белоруссии и Украины писались по-польски, а не по-русски. С этого времени польский язык стал государственным языком и для Белоруссии, что, по замыслам польских властей, должно было содействовать окончательному разрыву всяких связей Белоруссии и Украины с Россией.

Феодално-крепостнический гнет и преследование белорусского языка и культуры со стороны польских властей задержали развитие белорусской историографии. Не угасало общественное самосознание белорусского народа в произведениях устного народного творчества. В нем нашли свое отражение некоторые исторические факты, которые свидетельствуют о переменах, происшедших в положении крестьянства Белоруссии с XVI в., и выразились в усилении барщины и других повинностей. Повидимому, к XVI—XVIII вв. относятся те песни, в которых говорится о «цяжких прыгонах» (барщине), которым подвергали крестьян «з панядзелку да суботы». Но барщина этим не ограничивалась: народ гнали и «у суботу на работу, а у нядзелю на варту». Можно думать, что к концу XVI или началу XVII в., т. е. ко времени усиления барщины, относится песня, в которой менее тяжелое прошлое, когда «панщина» была относительно небольшой («за старым было паном легко на работу»), сравнивается с новыми порядками, при которых жить стало хуже и «панщина» стала особенно тяжелой: «Цеперь за молодым паном цяжко на работу, ўвесь тыдзень на паншине, шарварка ў суботу». Повидимому, в XVII же веке в период национально-освободительной войны против польских панов, возникали песни, изображавшие расправу крестьян над помещиками: «а нашего пана вядуць вешаць; нехай жа ен праветрае, можа заўтра палепшае». К мрачным мотивам, характеризующим народную неволю, фольклор добавляет надежду на лучшее будущее, которое будет достигнуто путем кровавой борьбы с угнетателями¹.

Таким образом, в народных песнях, создававшихся в один из самых мрачных периодов белорусской истории, отражалось

¹ Народные песни цитируются главным образом по книге Е. Ф. Карского «Белорусы», т. III, ч. 1, М., 1916, стр. 371—372, отчасти по сборнику Г. Р. Шырмы «Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі». Минск, 1947.

самосознание белорусского народа. Правильно оценивая тяжелое положение белорусских крестьянских масс в XVI—XVII вв., народная песенная поэзия в то же время звала крестьян к борьбе за лучшую жизнь и выражала уверенность, что при помощи великого русского народа эта борьба приведет к крушению феодально-крепостнических порядков. Этим самым народное творчество рисовало правильную историческую перспективу хода исторического развития белорусского народа.

§ 3. Историография Литвы

Исторические знания в великом княжестве Литовском развивались под непосредственным влиянием древнерусской историографии.

Первыми обобщающими историческими трудами в Литве являются так называемые Литовские летописи, в составлении которых принимали участие представители нарождавшейся белорусской историографии. Древнерусские летописные своды были положены в основу так называемых литовских, в действительности же литовско-белорусских летописей¹.

Литовские летописи зародились и развивались в борьбе литовской феодальной знати за укрепление власти и авторитета великого княжества Литовского, в борьбе за объединение сил против агрессии Тевтонского ордена, а позднее в борьбе литовской и русской знати против попыток польских феодалов расширить свое влияние на литовские и западнорусские земли.

С политической задачей объединения сил против тевтонской агрессии связано написание ядра литовской летописи, объясняющего обстоятельства гибели великого князя литовского Кейстута (Кестутиса) и вокняжение Витовта (Витаутаса).

Этой же цели посвящено сказание о литовских князьях, сохранившееся на двух языках: русском, под заглавием — «Литовскому роду починок», и латинском — в форме «*Origo regis Jagyelo et Vytholdi ducum Lithuaniae*». Текст «Починка», найденный в Литовской метрике, начинается со смерти великого князя Гедимины (Гедимины) и доведен до побега Витовта из Кревского замка. Весь рассказ отличается целостностью изложения. Некоторые подробности обнаруживают в составителе очень осведомленного современника описываемых событий. Автор, идеолог литовских феодалов, идеализирует как деятельность Витовта, так и Кейстута. Это сказание

¹ О литовско-белорусских летописях см. также на стр. 113—115.

и легло в основу литовской летописи, которая составлена на русском языке¹.

«Краткие» литовские (литовско-белорусские) летописи отображали политику феодальной знати, направленную на укрепление власти и авторитета великого князя. При этом их составители обычно оправдывали агрессивную политику литовских феодалов в отношении русских земель.

Все эти тенденции нашли свое развитие в более поздних, относящихся уже к первой половине XVI в. «пространных» литовских летописях, в которых отразились экономические, социальные и политические явления этого периода, в том числе резкое обострение отношений между польскими феодалами и литовской феодальной знатью, господствовавшей в Литве.

Немалую роль в этой борьбе сыграла теория о латинском происхождении литовского народа, выдвинутая неизвестным автором и повторенная краковским каноником Яном Длугошем в XV в. В самой Литве эта теория была развита Михаилом Литвином, подчеркнувшим сходство некоторых обычаев и многих слов у литовского и римского народов. Эта же теория была внесена в предисловие к латинскому переводу второго Литовского статута, написанного виленским войтом Ротундом. В XVI в. эта теория распространилась среди господствующего класса феодалов Литвы и нашла отражение в «пространных» литовских летописях, имевших своей целью идеологически обосновать самобытность и культурную самостоятельность Литвы и дать отпор притязаниям польских феодалов, стремившихся включить Литву в состав польского королевства.

К числу «пространных» литовских летописей относится так называемая Хроника Быховца и «Летописец великого княжества Литовского».

Оба списка начинаются с рассказа о предполагаемом приходе римлян на берега Балтики и оканчиваются: первый — фразой о победе Литвы над Крымской ордой в 1506 г., второй — смертью великого князя Жигиманта (Сигизмунда) Старого.

В «пространных» летописях можно найти много преданий о происхождении как литовской шляхты в целом, так и ее отдельных родов. Конечно, эти предания были легендарными. Они приписывали литовской шляхте происхождение от какого-то римского князя Палемона, родственника Нерона, бежавшего от произвола императора в чужие края. Палемону сопутствова-

¹ Наиболее целостное изложение политической истории Литвы от смерти Гедиминаса до 1446 г. дает так называемый Уваровский список. См. «Летопись великих князей Литовских». «Ученые записки второго отделения Академии наук», кн. 1, СПб., 1854, отд. III, стр. 21—58.

ли пятьсот знатных римлян с семействами. Плывая на кораблях через Средиземное море и океан в поисках мест для поселения, они достигли устья Немана и поселились в его бассейне. С течением времени поселенцы размножились и заняли территорию до Западной Двины. От потомков Полемона пошел народ литовский и литовская шляхта. Самое слово «Литва» летописец производит от латинского слова *lituus* (труба, сигнальный воинский рожок), потому что «люди тыи его што за Велеу (Виляя — приток Немана.— *Ред.*) посели, игрывали на трубах доубасных»¹. Эти фантастические предания составлены с ясной целью показать древность происхождения литовской шляхты — в противоположность шляхте польской, которая якобы такой древностью не могла похвалиться. В списке Быховца рассказывается, как паны литовские в речи, обращенной к германскому императору, доказывают, что у поляков шляхта была простого происхождения, она заимствовала свои гербы от чешских панов: «Мы же шляхта старая римская и предки наши с этими гербами своими дошли до тех панств, в которые они вселились..., и не хотим никаких новых гербов, но держимся своих старых гербов, которые нам оставили наши предки»². И германский император будто бы ответил, что он знает, что литовские феодалы — это старая римская шляхта, более древняя, чем польская.

В «пространных» хрониках большое внимание уделяется доказательствам древнего происхождения не только всей литовской шляхты, но и отдельных знатных литовских родов. Древность происхождения приписывается, например, князьям Друцким, которые будто бы происходили от внука Палемона — Кернуса, панам Скирмонтам, Довмонтам и многим другим. Все они оказывались потомками легендарного Палемона, причем многие из них совершали различные подвиги.

Особенно много внимания уделяется литовским князьям, прославлению их силы и влияния. При этом, хотя «пространные» летописи направлены главным образом против польских панов, некоторые из них проникнуты явным недоброжелательством и по отношению к Московскому княжеству. Тем не менее, в «пространных» летописях прослеживается мысль о возможном союзе между Литовским и Московским княжествами для борьбы против Польши. В этом сказывались сочувственные настроения белорусских и литовских народных масс к русскому народу³.

Таким образом, на всем протяжении пространных литовско-белорусских летописей ярко выступают социальные и полити-

¹ ПСРЛ, т. XVII, стр. 230.

² Там же, стр. 527 (перевод с польского).

³ Часть текста о «пространных» летописях написана В. Н. Перцевым

ческие тенденции их авторов, защитников классовых интересов литовских феодалов. «Пространные» литовские летописи были написаны в интересах литовской знати, с целью доказать ее права на господство. В них восхваляется деятельность феодалов-князей и крупных панов: они создали государство и расширили его границы.

«Пространные» литовские летописи оказали большое влияние на последующее развитие литовской историографии.

Видным литовским историком XVI в. был Матвей Стрыйковский, в трудах которого широко использовались литовско-белорусские летописи.

Матвей Стрыйковский, родившийся в 1547 г., происходил из бедной шляхетской семьи, в 1565 г. он вступил в отряд польских войск, направлявшихся в Литву. Работая потом землемером при проведении волочной реформы, Стрыйковский познакомился с рукописями литовских летописей; это и натолкнуло его на мысль заняться изучением истории Литвы. В 1580 г. он закончил свой исторический труд «Кроника польская, литовская, жмудская и др.». Наряду с летописными материалами, Стрыйковский привлек для написания «Кроники» труды польских историков XV в. (в том числе Яна Длугоша). Придерживаясь латинской теории происхождения литовской шляхты, он относит пришествие римлян в Литву еще к более ранним временам. Период от I до XIII в., т. е. до первых письменных известий о Литве, Стрыйковский заполняет вымышленной им историей о судьбе римлян в Прибалтике. Автор вносит в свою «Кронику» описание литовских обычаев, используя для современности собственные наблюдения.

Автор «Кроники» восхваляет героизм и доблесть литовских феодалов.

История государственного строя, социально-экономических отношений и культуры в труде Стрыйковского не получила сколько-нибудь заметного отражения. Однако «Кроника», написанная на основании большого количества первоисточников, является важным трудом по истории Литвы.

Если Матвей Стрыйковский и авторы литовских летописей восхваляли подвиги литовских феодалов и феодальный строй литовского государства, то шляхтич Михалон Литвин в своем меморандуме великому князю Сигизмунду Августу «De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum»¹ (1550 г.) показал корыстолюбие феодалов, ярче всего проявлявшееся в суде: «Даже законы язычников,— писал он,— запрещают торговать правосудием. У нас же обычай этот развился недавно, благодаря безнравственной привычке вельмож применять законы

¹ «О нравах татар, литовцев и русских».

к своим выгодам; по их толкованиям никто не должен владеть таким имуществом, которое не приносило бы пользу чиновникам». Ради своего обогащения, пишет далее Литвин, магнаты захватили прибыльные должности, устраняя всех других от их исполнения: весь высший суд в Литве вершат только двое воевод — виленский и трокский, «но они не в состоянии рассмотреть всех тяжб многочисленного населения столь обширных областей». Феодалы, указывает автор, захватили в свои руки все богатства страны, не заботятся о ней, поручая ее защиту наемникам. Автор отрицательно относится к привилегиям шляхты: «Мы взимаем подати для защиты государства только от подданных наших: в городах от коморников (горожан.— *Ред.*), в селах от беднейших хлебопашцев, оставляя землевладельцев свободными от податей, несмотря на то, что они получают значительные доходы со своих обширных поместий, пашен, лугов... и от труда рабов и рабынь. Гораздо успешнее шли бы военные дела и собирались нужные для них подати, взимаемые теперь поголовно, если бы приведено было к концу измерение всех полей, принадлежащих как благородным, так и плебеям, ибо в таком случае каждый платил бы тем больше налогов, чем большим количеством поля он владеет». Михалон Литвин порицает рабство «людей одной с нами народности, веры, закабаленных вследствие сиротства, нищеты или брака с рабыней. Мы злоупотребляем нашей властью над ними, мучаем их, уродуем, убиваем, без законного суда, по случайному подозрению». Он возмущается тем, что литовская феодальная молодежь, не привлекаемая к защите границ и постоянным воинским упражнениям, проводит время в корчмах, в драках, а государство принуждено ежегодно посылать подарки крымскому хану. Вследствие нерадения правителей государства, утверждает Литвин, крымские татары постоянно нападают на страну и массами уводят население в плен для продажи в рабство.

Михалон Литвин разоблачает также и духовенство, предающееся праздности и роскоши: «поедая труд народа подобно тому, как трутни поедают мед пчел, они пируют, роскошно одеваются, легкомысленно добиваются духовных должностей, нескольких зараз, не достигнув еще совершеннолетнего возраста и не испытав своих способностей, и потом погружаются в мирские, непристойные для них дела».

Эта картина нравов литовского феодального общества не нашла отражения ни в трудах других современников, ни в работах историков последующего времени.

В литовской историографии нашли отражение Люблинская уния 1569 г. и усиление влияния в Литве польских феодалов и реакционного католического духовенства.

Иезуит-богослов Альберт Виук Коялович (1609--1674 гг.) поставил себе задачу перевести «Кронику» Стрыйковского на латинский язык и обработать ее в реакционно-католическом аспекте. На основе «Кроники» он написал «Историю Литвы».

Придерживаясь теории латинского происхождения литовской шляхты, Коялович видоизменяет ее, добавляя, что литовцы происходят от германского племени — герулов, участвовавших в завоевании Европы и Рима варварами и там романизовавшихся. Запутавшись в своей «теории», он заявляет, что герулы, явившись потом завоевателями Прибалтики, передали литовцам римскую культуру. Из этого домысла автор делает вывод, что римляне покорили литовцев не завоеванием, а высокой культурой. В сочинении Кояловича отразились и захватнические устремления литовских феодалов. Так, чтобы доказать «права» Литвы на русские земли, он относит их завоевание ко временам первых «римских князей» в Литве и т. д. Труд Кояловича излагает политическую историю княжеских династий Литвы, не затрагивая ни проблемы социально-экономических отношений, ни вопросов культуры.

Коялович написал также краткую историю католической церкви в Литве, в которой он стремится подчеркнуть значение церковной унии и вообще роли католичества в стране, искажая для этого без стеснения исторические факты.

Для прославления знатных литовских семейств он пишет их генеалогии, а также труд, посвященный геральдике литовских феодалов. Исторические труды Кояловича носили ярко выраженный реакционный характер.

Таким образом, литовская историография зарождалась на основе древнерусской историографической традиции. Усиление польско-католического влияния привело в XVII в. к упадку литовской историографии.

II

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ (ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)

История Латвии и Эстонии неразрывно связана с историей России, в состав которой они вошли в XVIII в. В исторической науке Прибалтики эта связь неизменно находила свое отражение вопреки желаниям прибалтийско-немецких историков, отрицательно относившихся к Русскому государству.

Древнейшие хроники по истории Прибалтики относятся к XIII в., но рано возникшая обширная историческая литература прибалтийских немцев ни в какой степени не являлась подлин-

ным отражением социально-экономического развития страны или историей развития латышского и эстонского народов, составивших 90—95% населения Прибалтики, а представляла собою историю иноземных завоевателей, ничтожного в количественном отношении немецкого дворянского и бюргерского меньшинства, господствовавшего на протяжении 700 лет над латышскими и эстонскими крестьянами.

Немецкие феодалы, захватившие в XIII в. Латвию и Эстонию и поработившие их народы, продолжали оставаться их фактическими владыками, независимо от того, признавали ли они над собой власть Польши, Швеции или России. Возникшая по социальному заказу немецких феодалов историческая литература остзейцев имела своей целью оправдание их привилегированного положения в стране и обоснование их безграничной власти над поработленным коренным населением. В силу этого характерной чертой средневековой прибалтийско-немецкой историографии является ее крайняя политическая тенденциозность.

В классовых интересах немецкого дворянства и бюргерства прибалтийско-немецкая историография на протяжении веков преднамеренно искажала историю Латвии и Эстонии.

Являясь отражением классовых интересов небольшой кучки иноземных захватчиков, прибалтийско-немецкая историческая литература занималась узко местными вопросами и стояла в стороне от общего развития мировой исторической науки. И все же работы прибалтийско-немецких историков на протяжении нескольких столетий являлись почти единственным источником, откуда заимствовали фактический материал и концепции по истории Прибалтики и Ливонии не только западноевропейские, но и русские дворянские и буржуазные историки, а в еще более значительной степени — историки буржуазной Латвии и Эстонии.

Первым по времени дошедшим до нас сочинением по истории Ливонии является хроника Генриха Латыша (Генриха Латвийского), составленная в 1225—1227 гг. и представляющая собой описание военных событий и походов немецких крестоносцев против ливов, леттов, эстов и русских. Она написана с целью прославления правления епископа Альберта и оправдания агрессии немецких крестоносцев — «детей господ» против «детей дьявола» — языческих племен Прибалтики. Автор хроники является идеологом крестоносцев и апологетом завоевателей и отражает взгляды католической церкви периода крестовых походов¹.

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, переаод и комментарии С. А. Аннинского, М.—Л., 1938.

Вторым из сохранившихся исторических произведений XIII в. является старшая ливонская «Рифмованная хроника» неизвестного автора. Являясь типичным образцом рыцарской поэзии своего времени, «Рифмованная хроника» также излагает ход военных событий, показывая нравы и обычаи разнужданной орды завоевателей Прибалтики в XIII в., которых К. Маркс назвал псами-рыцарями.

В дальнейшем, дополняя старые хроники описанием последующих событий, появилось еще несколько ливонских хроник и анналов: в XIV в. — «Новая рифмованная хроника» Варфоломея Гонекке, «Хроника Ливонии» Германа де Вартберга и др.¹

В лагере завоевателей между орденом, епископами и рижской городской знатью шла непрекращавшаяся борьба за политическую гегемонию, за дележ захваченных земель и другой добычи. Эта борьба находит свое отражение почти во всех хрониках, авторы которых являлись представителями той или иной группы завоевателей, но особенно ярко — в самом ярком историческом сочинении XV в. по истории Ливонии — «Красной книге Рижского архиепископства» Германа Гелевега.

В XVI в. коренным образом изменилось внешнеполитическое положение Ливонии. В связи с упадком своего экономического и политического значения Ганзейский Союз утратил свое господствующее положение на Балтийском море. Началась ожесточенная борьба за преобладание на Балтике между Данией, Швецией, Польшей и Литвой. Эти соперники были встревожены стремительным ростом Российского государства, которое искало выхода к Балтийскому морю, чтобы открыть себе свободный морской путь в Европу. В судьбе Прибалтики в XVI—XVII вв. большую роль сыграла Ливонская война (1558—1583 гг.). Уже в начале этой войны Ливония, как самостоятельное государственное образование немецких феодальных завоевателей, перестала существовать и подпала под власть Польши и Швеции. Латышское и эстонское крепостное крестьянство получило, кроме немецких феодалов, новых эксплуататоров и угнетателей в лице польских, а позднее и шведских феодалов. Положение крепостного крестьянства стало невыносимым; в это время с особой силой развернулись крестьянские восстания. В ходе Ливонской войны окрепли связи между народами Прибалтики и русским народом; об этом говорят массовые переходы латышских и эстонских крестьян на сторону русского войска и расправы их со своими помещиками-феодалами. Система крепостного рабства стала подвергаться, хотя еще робко, некоторой критике. Все это нашло свое отражение и в исторической литературе того времени.

¹ Ливонские хроники напечатаны в издании: *Scriptores rerum Livonicarum*, Bd. I—II, Riga, 1848—1853. •

В «Ливонской хронике» Бальтазара Руссова¹, вышедшей в свет в 1584 г., впервые в прибалтийско-немецкой исторической литературе крепостное право и привилегии феодалов подвергаются критике. Автор хроники, ревельский пастор, находившийся под влиянием гуманистических идей, критиковал наиболее жестокие формы крепостничества, которые оно приняло в Ливонии. Руссов является выразителем взглядов бюргерства и тех групп феодалов, которые, в страхе перед разлившейся по стране волной крестьянских восстаний, готовы были пойти на некоторое облегчение положения крепостных. Историческую ценность представляет третья часть хроники Руссова, в которой дается хотя и тенденциозное, но богатое фактическим материалом описание событий Ливонской войны, современником и очевидцем которых был Руссов.

«Ливонская хроника» Бальтазара Руссова вызвала гнев и раздражение феодальной знати. Против робких попыток Бальтазара Руссова подвергнуть критике основные концепции прибалтийско-немецких феодальных историков выступили идеологи крепостников — барон Генрих фон Тизенгаузен, Элерт Крузе, Т. Майдель и др. Они пытались оправдать крепостную зависимость крестьян всей предшествующей историей Ливонии и требовали беспощадной кровавой расправы с непокорными рабами.

Другой современник Ливонской войны, Иоганн Реннер, составил обширную историю Ливонии (кончая событиями 1582 г.) в девяти книгах, в которых он выступал открытым апологетом Ливонского ордена и его магистров.

Остроту политической и военной борьбы, которая велась в XVI в. за Ливонию и побережье Балтийского моря, характеризует поток памфлетов и других сочинений, направленных против Русского государства и имевших своей целью дискредитировать ливонскую политику Ивана Грозного. Все эти памфлеты, авторами которых являлись в большинстве случаев озлобленные местные феодалы, лишившиеся во время войны своих земель и крестьян, представляли самую грубую фальсификацию и подтасовку исторических фактов.

Распад средневековой Ливонии и раздел страны между Швецией и Польшей вызвали появление местных хроник, отражавших обострение политической борьбы между отдельными политическими группировками в среде местной немецкой феодальной знати и рижской олигархии и их борьбу с повыми сюзеренами (шведами и поляками) за сохранение сословных прав и привилегий немецких феодалов. Общим для

¹ «Ливонская хроника Бальтазара Руссова». На русском языке издава в «Сборниках материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II—III, Рига, 1879—1880.

этих работ является враждебность к Русскому государству и русскому народу.

Крупный рижский торговец и ливонский помещик Франц Ниенштедт (1540—1622 гг.) написал историю Ливонии с целью доказать исторические права немецкого меньшинства на господствующее положение в стране. Права немецких феодалов и купцов обосновываются в его сочинении не только правом первоначального завоевания и давности владения, но и их культуртрегерской ролью по отношению к «туземцам».

В XVI—XVII вв. прибалтийско-немецкая историография выдвигает утверждение о распространении немецкими завоевателями культуры среди коренных племен Прибалтики. Это лживое утверждение, стремившееся оправдать факт порабощения латышей и эстонцев, становится с начала XVII в. одним из основных положений прибалтийско-дворянской историографии.

III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ У НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Исторические знания в Армении, Грузии и Азербайджане в XI—XVII вв. развивались в сложных условиях. Наиболее благоприятным временем для их развития был период существования сильного Грузинского царства в XII — первой половине XIII в.

Резкое ухудшение экономического и политического положения Закавказья относится к XIII в., когда Закавказье подвергается нашествию монголо-татарских полчищ.

С XIV в. Закавказье делается ареной опустошительных войн и разорительных вторжений, из которых особенно страшные последствия имели походы Тимура начала XV в. В XVI в. в Закавказье разворачиваются кровопролитные войны между султанской Турцией и шахской Персией, где господствовала династия Сефевидов, от которых больше всего страдала Армения. Этот период отмечен замедленным развитием культуры в странах Закавказья. Только вторая половина XVII в. отмечается некоторым подъемом экономической и культурной жизни Закавказья. В это время оживляется и историографическая деятельность, появляются новые исторические труды, отражавшие поступательный ход развития исторической мысли в Армении, Грузии и Азербайджане.

§ 1. Историография Армении

Со второй четверти X в., в течение приблизительно одного столетия, Армения переживала период сравнительно мирного развития. Развивались производительные силы страны и укреп-

лялось феодальное хозяйство. Развитие феодализма сопровождалось закрепощением крестьян, усилением их эксплуатации.

Закрепощение крестьян вызывало обострение классовой борьбы, получившей выражение в движении тондракийцев, которое охватило обширные районы страны.

С конца XI в. резко ухудшается международное положение Армении. После поражения византийских войск под Маназкертом (1071 г.) турки-сельджуки сделали владыками страны.

С начала XII в. в борьбу против сельджуков вступила объединившая свои земли и усилившаяся Грузия. С помощью грузинского народа северные районы Армении низвергли иго сельджуков. Армянский народ получил возможность развивать свою экономику и культуру. В конце XII в. на берегу Средиземного моря в Киликии было создано независимое армянское государство, которое также сыграло значительную роль в политической и культурной жизни армянского народа (XII—XIV вв.).

Армянские города XII — первой половины XIII в. переживали период подъема. Они сделали международными центрами ремесленного производства и торговли. Из армянских городов вывозились хлопчатобумажные и шерстяные ткани, ковры, металлические изделия и т. д. Купеческая и ростовщическая верхушка городов, накапливая огромные денежные средства, приобретала крупные поместья и земли. В городах возникли «братства» торговцев и ремесленников — цеховые организации, которые играли важную роль во внутренней жизни городов и возглавляли борьбу городских слоев населения против феодальной верхушки. Произошли большие изменения и в области литературы, науки и искусства. Возникли новые литературные жанры (басня, загадка и т. д.), развивалась светская поэзия. В библиотеках крупных монастырей сосредоточивались тысячи рукописей.

В эту эпоху на армянском языке были составлены обширные хроники (Степанос Асохик, Матеос Урхесцы, Самуэл Анеци и др.), а также написаны стихотворные труды исторического содержания (Нерсес Благодатный, Ваграм Рабуни, Фрик и др.).

Крупнейшим историческим произведением XI в. была «История» Аристакаса Ластивертци (Ластивертского), написавшего историю Армении за 1001—1072 гг.¹ Аристакас был очевидцем некоторых описываемых им событий, подтверждая свой рассказ словами: «знаю достоверно и видел своими глазами». Особую ценность представляют те части его «Истории», которые

¹ Аристакас Ластивертци. История Армении. Тифлис, 1912 (древнеармянский текст). *Prud'homme E. Histoire d'Arménie... par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite pour la première fois de l'arménien et accompagnée de notes, Paris, 1864.*

относятся к социальному движению тондракийцев, к агрессии Византийской империи и набегам сельджуков, к героическому сопротивлению армянского народа византийским войскам и сельджукским ордам. Многие страницы «Истории» полны скорбью по поводу утраты независимости Армении и тяжелого положения армянского народа.

Причина несчастий родной страны, по мнению Аристакаеса, кроется в тяжких грехах, совершенных армянами. В отличие от историков предшествующего периода Аристакаес считает виновником не отдельных людей, а весь народ, в частности торговоростовщические слои города, которые лихвой и обманом накопили огромные богатства. Произведение его проникнуто глубоким пессимизмом.

Единственный выход из создавшегося положения Аристакаес видит в сознании своих грехов и покаянии. Только после этого народ будет в состоянии морально окрепнуть, противодействовать внешним врагам и восстановить армянскую государственность. Политический идеал историка — независимая Армения периода царства Багратуни.

Аристакаес был представителем идеологии церковных и светских феодалов. Он призывал к жестокой расправе с тондракийцами, выступавшими против феодального гнета.

Передовые для того времени взгляды, в частности на задачи истории, высказываются в трудах Иоаннеса Саркавага и Мхитара Гоша.

Иоаннес Саркаваг (умер в 1129 г.) — плодовитый ученый и поэт, написавший ряд ценных трудов по философии, природоведению, теории календаря, математике.

Из обширного, ценного труда Иоаннеса, посвященного современной ему истории, к сожалению, сохранились лишь отрывки, цитированные другими авторами. Несмотря на это, можно составить определенное мнение об его исторических взглядах.

По мнению Иоаннеса, мудрецом может считаться тот, кто, будучи знаком с церковной письменностью, достаточно искусен и во «внешней» (т. е. гражданской) литературе. Изучением только книг нельзя постичь истину; необходимо опытом подтверждать и проверять составленное предварительное мнение. Исходя из этого положения, Иоаннес Саркаваг считал необходимым, чтобы авторы вместо схематического изложения истории прошлого занимались изучением истории современной реальной жизни.

Саркаваг проделал большую работу для изыскания новых источников и для уточнения и исправления древних текстов, ибо без проверенных источников нельзя делать «достоверные и непоколебимые» выводы.

Иоаннес Саркаваг написал свое произведение не по принятому шаблону (начиная от Адама), а посвятил его событиям современной ему истории.

Вместе с тем Саркаваг не оставил без внимания и историю прошедших времен. С большой симпатией он относится к таким историческим деятелям, как царь Трдат, основоположники армянской письменности Саак и Маштоц, Вардан Мамиконян и его сподвижники, подвиги которых должны были воодушевлять современников на борьбу против сельджукских захватчиков.

Взгляды на прошлое армянского народа изложены также Мхитаром Гошем (умер в 1213 г.), автором первого «Судебника» на армянском языке. До Гоша на армянском языке имелись только сборник церковных канонов, в которых были бессистемно скопированы постановления вселенских и местных церковных соборов, канонические правила и поучения виднейших церковных деятелей.

Свой труд по созданию армянского «Судебника», требовавший большой научной подготовки, Мхитар Гош начал в 1184 г.¹ Мхитар Гош решительно выступал против господствовавшего в средневековье представления о божественном установлении социального и правового неравенства. «Наша человеческая природа свободна от создателя», заявляет он. Необходимость служения господам возникла от потребности в земле и воде. А потому желательно, чтобы земледельцам не было запрещено пользоваться естественным правом переходить от одного хозяина к другому, с одного места на другое.

Идеал Мхитара Гоша — восстановление армянской государственности под властью такого могущественного царя, который был бы в состоянии искоренить феодальную анархию, сумел бы эксплуатацию подданных ввести в более справедливые границы. Однако Мхитар Гош далек от идей социального равенства. Он боится крестьянских восстаний и поддерживает идею сильной государственной власти.

Армянская историография XIII в. в значительной своей части вышла из хораншатской школы Ванакана, ученика Мхитара Гоша. Крупнейшими историками этого периода были Киракос Гандзакечи и Вардан². Жившие в период опустошительных набегов и тяжелого владычества монголов, эти авторы сообщают подробные и важные сведения о современной им

¹ Мхитар Гош. Армянский Судебник. Перевод с древнеармянского А. А. Паповяна. Ереван, 1954.

² См. «История монголов по армянским источникам. Выпуск второй... извлечения из истории Киракоса Гандзакечи». Перевод К. Патканова СПб., 1847; Всеобщая история Вардана Великого. Перевод Н. Эмина, М., 1861.

политической и культурной жизни Закавказья. Впрочем, их труды большей частью имеют примитивную структуру, события повествуются без логической связи между ними и т. д.

Видный представитель армянской историографии Степанос Орбелян, митрополит Сюника, написал в конце XIII в. обширный труд — «История области Сисакан»¹. Он преследовал две основные цели: во-первых, поднять вес «великого нахаетства» (княжества) Сюника, во-вторых, обосновать поместные права монастырей Сюника на многочисленные села и владения. Присполненный ненависти к трудящимся массам, он резко отрицательно оценивал крестьянские восстания прошлого, в частности восстания крестьян против Татевского монастыря. Орбелян с удовлетворением сообщает о том, как после борьбы, длившейся десятки лет, монастырю удалось с помощью вооруженного вмешательства князей Сюника подавить сопротивление крестьян и завладеть их пахотной землей.

О монгольских угнетателях Орбелян высказывается положительно, ибо в дни их владычества князь Орбелян и церковь получили возможность расширять свои поместья.

Как исторический источник, «История» Степаноса Орбеляна представляет значительную ценность. Орбелян уделяет внимание географическому описанию Сюника, подробно останавливаясь на административном делении края. Автор приводит множество архивных документов — патриарших грамот, официальных посланий, княжеских грамот, актов купли и продажи поместий, эпиграфический материал и т. д. Широко использовал Орбелян также фольклор, черпая отсюда необходимый ему исторический материал.

В целом «История» Степаноса Орбеляна — яркий памятник феодальной идеологии, пронизанный ненавистью к крестьянам.

В XIV—XVI вв. Армения непрерывно опустошалась продолжительными войнами. Экономическое и культурное развитие страны тормозилось. Учебные заведения закрылись, множество библиотек было уничтожено. Только в нагорных районах Армении и в отдаленных армянских поселениях (в Грузии, Крыму, Польше и других странах) армянский трудовой народ продолжал хранить и частично развивать культуру и литературу на родном языке.

Армянская историография переживала в XIV—XVI вв. тяжелый период. Однако развитие исторических знаний, как и всей армянской культуры, не было остановлено. Из до-

¹ См. «История монголов по армянским источникам. Выпуск первый... извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Конетабля Сембата». Перевод К. Патканова, СПб., 1873.

шедших до нас авторов XIV—XVI вв. наиболее интересны произведения Григора Церенца Хлатеци и Товма Мецопеци (XV в.).

Церенц написал стихотворную историю событий 1386—1422 гг. под заглавием «Памятная запись о бедствиях».

Товма Мецопеци в своей «Истории Ланг-Тимура и преемников его»¹ подробно описывает опустошительные войны Тимура в Армении. Второй его труд посвящен истории перенесения патриаршего престола армянского католикоса из Сиса (Киликия) в Эчмиадзин.

Ценными историографическими источниками XIV—XVI вв. являются многочисленные памятные записи, «ишатакараны», помещенные в рукописях. В них имеются достоверные данные о времени и обстоятельствах написания и иллюстрирования рукописи, о культурных центрах и деятелях, о крупнейших политических событиях.

Авторы этих записей, происходившие зачастую из трудовых слоев народа, регистрировали в своих памятках важные данные о положении народа, о взимаемых налогах, гонениях и преследованиях, о пленении и переселении жителей, о набегах неприятеля и опустошении страны.

Во второй половине XVII в. в Армении наблюдается некоторое оживление культурной жизни. Основываются монастырские братства, которые становятся центрами собирания исторических документов. Здесь переписывают и толкуют философские, риторические и другие произведения, переводят ряд трудов (например, «Метафизику» Аристотеля, «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия и т. п.). В этот период выступает ряд поэтов и других деятелей культуры. Некоторое оживление переживает историография. Создаются новые историографические жанры — дневники, мемуары, путевые заметки, топографические труды.

Впервые предметом исторического повествования становятся жизнь и быт армянских купцов, их странствования и т. д. Официальный язык, «грабар», применявшийся ранее в исторических трудах, — уступает место «ашхарабару» — разговорному языку. Появляются исторические произведения и записки, составленные не церковниками, а светскими людьми, проникнутые новыми интересами и отражающие иное мирозерцание.

Наконец, впервые появляются армянские исторические труды, изданные типографским способом (первая армянская печатная книга вышла в свет в 1512 г.). В XVII в. армянские

¹ Товма Мецопеци. История Тамерлана и его потомков, Париж, 1860 (древнеармянский текст).

типографии появляются в Риме, Ливорно, Амстердаме и других европейских городах, а также в Исфагане и Константинополе. В 1669 г. в Амстердаме была выпущена «История Армении» Аракела Даврижеци, а в 1695 г. «История Армении» Мовсеса Хоренаци.

Наиболее значительными армянскими историческими трудами XVII в. являются работы Аракела Даврижеци (Тавризского), Закария Саркавага Канакерци (Канакерского) и Еремия Челеби Кемучяна.

Аракел Даврижеци описал события 1602—1662 гг. Он много путешествовал, разыскивал очевидцев и участников событий. Аракел проделал также большую работу по уточнению хронологии событий. Он использовал памятные записи в рукописях, мелкие хроники и другие первоисточники. В особенности ценны главы «Истории» Аракела, посвященные проведенному Шах-Аббасом массовому переселению армян в Южную Персию. Автор считает это насильственное переселение армян наизлейшим и наигнуснейшим бедствием, постигавшим когда-либо армянский народ¹.

В 1699 г. окончил свой исторический труд Закария Саркаваг Канакерци. Его сочинение представляет один из важнейших источников по армянской истории XVII в.² Он сообщает обильные и содержательные сведения о вымогательствах персидских сборщиков дани, о тяжелом экономическом положении армянского народа, об упадке нравов духовенства, о крестьянских волнениях, а также о быте, нравах и верованиях армянского крестьянина. Впрочем, о задачах исторического исследования Закария имеет самое наивное представление. В свою «Историю» он вносит все, что доходит до его слуха; «все, что понаслышке дошло до нас, то и написал я, и ложное, и правдивое..., а вы как хотите, так и делайте».

Значительное место в армянской историографии занимают труды Еремея Челеби Кемучяна. Он родился около 1635 г. в Константинополе и получил по тому времени блестящее образование: кроме армянского, он владел греческим, латинским, турецким, арабским и другими языками, изучил географию, историю и другие науки. Его перу принадлежит «История османцев», «История Стамбула», историко-географическое описание Персии, Индии, Турции и Армении, дневники и множество других произведений (большая часть их, к сожалению,

¹ Аракел вардапет Даврижеци. История, Вагаршпат, 1896 (древнеармянский текст). Livre l'histoires par le vartabied Arakel de Tauris. Traduite par M. Brosset. Coll., t. I, St.-Pb., 1874.

² Закария Саркаваг. История, Вагаршпат, 1878 (древнеармянский текст). Mémoires historiques sur les Sofis par le diacre Zakaria. Traduite par M. Brosset. Coll., t. II, St.-Pb., 1876.

еще не опубликована). Он занимался также переводами на армянский и турецкий языки.

Обладавший недюжинными способностями критического восприятия окружавшей его действительности, Еремия Челеби сумел подвергнуть всестороннему анализу современные ему события, разоблачить лицемерие и пороки армянского духовенства и армянских ростовщиков и купцов. Еремия Челеби с горечью описывает варварские нравы турок, тяжелое положение христиан, в частности армян, под ярмом Османской Турции.

Армянская историография XIV—XVII вв. создавалась в условиях чужеземного господства над страной. Тем не менее было бы неправильно говорить об ее регрессе по сравнению с более ранним временем. Исторические произведения XVII в. ярко отражают развитие исторических знаний в Армении, в частности уменьшение церковного элемента в исторических трудах. В XVIII в. армянская историография вступила в новый этап своего развития. Это находится в тесной связи с освободительным движением армян и усилением связей с русским народом.

§ 2. Историография Грузии

Исторические знания в Грузии получают свое дальнейшее развитие в период существования Грузинского царства XI—XII вв., включившего в свой состав большую часть Закавказья. Большая часть крестьян в Грузии этого времени сделалась уже крепостными грузинских феодалов («азнауров»). Рост феодального гнета вызывал резкое обострение классовых противоречий в стране. Одновременно происходила непрерывная борьба между царской властью и крупными феодалами. Экономический подъем и политическое объединение Грузии содействовали разностороннему развитию культуры в стране. В Грузии строятся замечательные памятники архитектуры, появляется такой шедевр мировой литературы, как поэма Шота Руставели — «Витязь в тигровой шкуре».

Борьба, развернувшаяся в Грузии в XI—XII вв. между феодальной аристократией и царями, отражалась и на грузинской историографии, в которой, однако, сохранились только произведения апологетов царской власти. Исторические произведения приобретали зачастую полемический характер.

К числу историков политико-риторического направления относятся автор «Летописи Картли» (XI в.), историк Давида Строителя (XII в.), историки времени царицы Тамары (XII—XIII вв.), анонимный историк XIV в. «Жамтагмцерели» («Хронограф»). Все они являлись носителями идеи единодер-

жавия и противниками феодальной знати. Они давали характеристики государственной, военной и культурной деятельности грузинских царей и дидебулов (вельмож), подробно излагали причины, значение и результаты проведенных ими мероприятий, укреплявших могущество Грузинского государства. Главным предметом повествования этих историков были важнейшие политические события и войны. Они заимствовали из античной исторической литературы риторические приемы повествования, которые использовали для выражения своих собственных политических тенденций и взглядов.

Грузинские историки XI—XII вв. располагали большим количеством разнообразных источников. Они пользовались сведениями античных, византийских, армянских и мусульманских писателей. Сочинения их пестрят именами античных богов, героев и выдающихся личностей. Историк времени царицы Тамары «был таким поклонником эллинской культуры, что, если судить по речи, вложенной им в уста Георгия, можно подумать, что последний являлся повелителем Греции»¹.

Историки-эрудиты (Георгий Афонский, Георгий Иеромонах, Ефрем Мцире) расширили круг исторических источников и положили начало исторической критике, что было вызвано необходимостью защиты интересов грузинской церкви.

Видным представителем афонской литературной школы был Георгий Афонский (1009—1065 гг.). Основатель этой школы, Евфимий Афонский, перевел с грузинского на греческий язык ряд произведений.

Перу Георгия Афонского принадлежит «Житие Иоанна и Евфимия» — описание жизни и деятельности основателей грузинских монастырей на Афоне и истории иверского (грузинского) монастыря на Афоне от его основания до окончания греко-грузинской распри, во время которой греческие монахи стремились вытеснить монахов-грузин с Афона. Георгий Афонский использовал для своего сочинения различные письменные документы, устные и вещественные памятники, сведения «очевидцев» и «участников событий», относясь к ним с надлежащей критикой.

Георгий Афонский, как и большинство церковных писателей, особое значение придавал точному указанию используемых источников, обоснованию их достоверности. Это диктовалось особыми задачами, которые ставили перед собой церковные писатели. Они принимали участие в церковных диспутах, вели полемику по спорным вопросам церковной практики и истории. Самой же важной их задачей была защита непри-

¹ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, стр. 231.

косновенностью монастырских владений. Таким образом, в произведениях грузинских церковных писателей ярко проявляются тенденции крупных церковных феодалов, стремившихся обосновать свои права на земельные имущества ссылками на жалованные грамоты и пр., как это делал и армянский историк Степанос Орбелян (о нем см. выше § 1).

На использованные источники делали ссылки и светские историки XI—XIV вв.— например, Джуаншер, Леонтий Мровели, автор «Летописи Грузии», историк Давида Строителя, историки царицы Тамары, анонимный автор XIV в. «Жамтагмцерели» («Хронограф»).

Ученик и сподвижник Георгия Афонского Георгий Мцире (Иеромонах) написал «Житие Георгия Мтацмидели» (Афонского). Историко-биографические сочинения афонцев (или святогорцев) как исторические источники заслуживают большого внимания.

Дальнейшее развитие грузинской церковной литературы связано с именем Ефрема Мцире (умер около 1103 г.), искусно применявшего метод аналогии. При этом он делал сложную филологическую интерпретацию текстов. В его историческом исследовании «Сообщение о причине обращения Картли» встречаются элементы исторической критики. К этому методу Ефрем Мцире прибегал для установления вероятности того или иного события.

Развитию грузинской историографии в XI—XIII вв. содействовали политический, экономический и культурный подъем Грузии. XI—XIII вв. являются эпохой развития грузинской исторической мысли. В это время для обозначения исторического сочинения в Грузии впервые вводится термин «история». Термин же «описание истории» должен был означать историографию¹.

Исторические сочинения обобщающего характера дошли до нас главным образом начиная с XI в., когда в основном было завершено объединение Грузии.

В XI в. был создан труд Леонтия Мровели «Жизнеописание первых грузинских отцов и царей»², примыкающее к народно-эпическим сказаниям богатырского цикла.

Сочинение это, которым открывается сборник «Картлис Цховреба» (о нем см. ниже), датируется XI в. Автор сочине-

¹ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература стр. 15.

² И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, стр. 171—187; П. Ингорквва. Леонтий Мровели. «Моамбе», т. X, 1941, стр. 93—151 (П. Ингорквва относит Леонтия Мровели к историкам VIII в.); M. Brosset. Histoire de la Géologie, I partie. I livraison. St.-Pb., 1849, p. 15—114.

ния ставил себе целью выявить происхождение народов, населяющих Кавказ, и в первую очередь грузинского народа. Для освещения этого вопроса он пользуется легендарными сказаниями и приходит к выводу, что все кавказские народности произошли от одного «праотца». Автор касается также вопросов о происхождении грузинского языка и о первоначальной религии грузинского народа. Историк старается определить время установления царской власти в Грузии и пытается выяснить, когда и в каких условиях возникло в Грузии социальное неравенство. История Грузии Леонтия Мровели доведена до V в. н. э. Он везде подчеркивает исторические связи и родство грузинских племен. Этой же мыслью проникнуты взгляды Леонтия Мровели о времени и условиях создания Грузинского государства. Его теория о происхождении родовитого азнаурства в Грузии, как справедливо отмечал академик И. Джавахишвили, отражала борьбу между азнаурами и царями в XI—XII вв.¹

«История и деятельность царя Вахтанга Горгасала» Джуаншера² (историка XI в.) представляет продолжение сочинения Леонтия Мровели. В труде Джуаншера, как это видно и из заглавия, главное место занимает описание деятельности грузинского царя V в. Вахтанга Горгасала, которая дается в сильно приукрашенном виде. Джуаншер описывает исторические события с позиций грузинских феодалов XI в.

Произведения Леонтия Мровели и Джуаншера, содержание которых часто носит сказочно-легендарный характер, имеют больше общего со средневековыми «хрониками», чем с историческими сочинениями XI—XIV вв., составленными современниками описываемых событий.

В том же XI в. Сумбатом Давитисдзе была написана историческая хроника «Жизнь и деятельность Багратионов»³. Автор, представитель царствующей династии, составил историю и генеалогию династии Багратидов. Он написал свое сочинение с целью выяснить, кто такие Багратиды, откуда и когда прибыли в Грузию. Давитисдзе приводит легенду о происхождении Багратидов от библейского царя Давида и считает, что они пришли в Грузию в VI в. История Багратидов доведена до царствования Баграта IV.

Следующее после труда Джуаншера место в сборнике «Картлис Цховреба» занимает большая хроника сводного

¹ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература, стр. 192.

² M. Brosset. Histoire de la Géorgie, I partie, p. 114—216.

³ Е. Такайшвили. Три хроники. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XVIII, стр. 117—182.

характера, известная под названием «Летопись Грузии»¹. Автор этого сочинения неизвестен. По некоторым косвенным данным можно заключить, что автором этого труда был современник царя Баграта IV (1027—1072 гг.) и Георгия II (1072—1089 гг.). История Грузии в этом труде доведена до первых годов царствования Георгия II.

Этот труд является содержательным источником, богатым историческими сведениями по политической истории Грузии VII—XI вв. Много внимания автор уделяет отдельным грузинским княжествам, показывая процесс постепенного объединения их в единое государство.

Неизвестный автор «Летописи» был прямым предшественником блестящей плеяды историков XII—XIII вв.

Нам неизвестно также имя автора труда «История царя Давида»², жившего на грани XI—XII вв. Как явствует из текста «Истории», автор ее был приближенным царя Давида Строителя. Его сочинение начинается с того самого времени, на котором оканчивается «Летопись Грузии», т. е. с царствования Георгия II, отца Давида Строителя. Автор доводит свое повествование до 1126 г.

Автор принадлежит к сторонникам царя и защитникам сильной царской власти, он старается опровергнуть обвинения противников царской власти, возводившиеся на царя Давида, и ставит себе целью описать государственную деятельность Давида Строителя, показать ее значение для современного автору общества. У историка был определенный план, по которому он писал свое сочинение. «История царя Давида» состоит из двух основных частей. В первой и более обширной части автор освещает военно-политическую деятельность царя. Во второй части рассмотрена деятельность Давида Строителя в церковной и культурной жизни государства.

Автор «Истории царя Давида» был человеком образованным, хорошо знакомым с литературными и историческими сочинениями древней Греции, Византии, Ирана. Автор отмечает, что личные качества выдающегося деятеля имеют огромное значение для государства, однако деятель, каким бы одаренным он ни был, ограничен в своей деятельности общественными условиями страны и положением своего народа. Несмотря на то, пишет историк, что своими способностями Александр Македонский ничуть не превосходил Давида Строителя, царствование этого последнего не было столь же блистательным, ибо тогдашнее положение страны не способствовало этому.

¹ М. Brosset. Histoire de la Géorgie, I partie, p. 256—345.

² Там же, стр. 346—381.

Сочинение историка Давида Строителя написано прекрасным языком и является первоклассным источником по истории Грузии XI—XII вв.

До нас дошло два сочинения историков эпохи царицы Тамары. Первое из них известно под названием: «История и восхваление венценосцев»¹. Имени автора не сохранилось. В этом сочинении описывается деятельность царя Георгия III (1156—1184 гг.), отца царицы Тамары, и история царствования Тамары. Главное место в нем занимают описания походов и войн, немало сведений содержится и по внутривосточной истории XII в. Автор обнаруживает хорошее знакомство как с церковной, так и светской (в том числе и античной) литературой. Язык писателя несколько тяжеловесен, стиль сочинения местами риторичен.

При написании своего труда этот историк пользовался сочинениями Плутарха. О его широкой эрудиции свидетельствует также знакомство с другими памятниками древней письменности (в частности с сочинениями Гомера и др.).

«История и восхваление венценосцев» является содержательным и интересным историческим источником и дает много ценных сведений по истории Грузии XII в.

Другой исторический труд, относящийся к царствованию царицы Тамары, по предположению академика И. Джавахишвили, написан Василием Эзосмодзгвари в 1210—1213 гг.² Это сочинение также представляет ценный исторический источник данной эпохи, дополняющий целым рядом сведений труд первого историка царицы Тамары.

Историки XII—XIII вв. тенденциозно освещали общественно-политическую жизнь грузин того времени. Анонимный историк царицы Тамары выражал свое восхищение тем, что в этот период «не только азнауры сделали вельможами, вельможи же властителями, но и земледельцы уподобились азнаурам». Подобное словословие по адресу правителей — грузин ярко характеризует классовые и исторические позиции грузинских историков XII—XIII вв. Являясь защитниками крепостнических порядков, они называли ожесточенную классовую борьбу своего времени «беспорядками» и усматривали их причины в отдельных действиях вельмож и властителей (эриставов).

К XII—XIII вв. относится объединение грузинских летописей в обширном сборнике «Картлис Цховреба» («Житие

¹ «История и восхваление венценосцев». Перевод К. Кекелидзе, Тбилиси, 1954.

² В. Дондуа, Бабили, историк царицы Тамары. Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, стр. 33—76.*

Грузии») ¹, представляющем собою летописный свод общегрузинского значения.

«Картлис Цховреба» складывался постепенно. Этот сборник первоначально был составлен из произведений Леонтия Мровели и Джуаншера и в дальнейшем постепенно пополнялся; к началу XIII в. «Картлис Цховреба», кроме произведений Леонтия Мровели и Джуаншера, включал также «Летопись Грузии» и произведение историка Давида Строителя.

Далее в сборник вносится сочинение Сумбата Давитисдзе и, наконец, приблизительно в XVI в., сборник дополняется историей царицы Тамары («Историей и восхвалением венценосцев») и сочинением Хронографа (см. ниже). В XVIII в. сборник «Картлис Цховреба» подвергался редактированию разными лицами, в том числе специальной комиссией, назначенной по инициативе царя Вахтанга VI для составления истории Грузии.

До нас дошли всего три списка «Картлис Цховреба», не тронутых позднейшим редактированием. Один из них переписан в XV в., приблизительно в 1479—1495 гг., по просьбе царицы Анны (так называемый список царицы Анны). Этот список содержит сочинения Леонтия Мровели и Джуаншера, «Летопись Грузии», историю царя Давида Строителя и летопись, составленную при царе Георгии IV Лаше.

Второй список, так называемый список царицы Марьи, переписан в 1634—1646 гг. и содержит следующие исторические сочинения: произведения Леонтия Мровели и Джуаншера, «Летопись Грузии», историю царя Давида Строителя, «Историю Багратионов» Сумбата Давитисдзе, «Историю и восхваление венценосцев» и сочинение «Хронографа».

Существует еще третий список сборника «Картлис Цховреба» (так называемый список Чалашвили), относящийся к XVI—XVII вв., который после истории Давида Строителя содержит сочинение второго историка царицы Тамары.

Развитие грузинской культуры и искусства, в том числе историографии, было сильно заторможено нашествием и длительным господством монголов.

В XIV в. анонимным грузинским историком создается последнее замечательное историческое произведение— «Хронограф», которое занимает видное место в историографии средневековой Грузии ². Известный советский монголист акад. Б. Я. Владимирцов дает высокую оценку этому памятнику, представляющему собой важный источник для изучения мон-

¹ «Картлис Цховреба». Грузинский текст во второй половине XII в. на армянский язык перевел современник Давида Строителя. См. Ил. Абуладзе. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис Цховреба»). Тбилиси, 1953.

² M. Brosset. Histoire de la Géorgie, I partie, p. 481—643.

голов и Ирана времен иль-ханов¹. Поскольку составление истории в произведении называется хронографией, а историк — хронографом, автора этого труда принято называть Хронографом.

«Хронограф» охватывает период истории Грузии от царствования Георгия Лаши (1213—1222 гг.) до воцарения Георгия Блистательного (1341 г.). Описывая опустошительные набеги на Грузию в XIII в. хорезм-шаха Джелал-ад-дина и вслед за этим нашествие и владычество монголов, автор причину всех этих бедствий видит в беспечности и нравственном падении правящих кругов государства, в феодальных усобицах. Историк отмечает отрицательные последствия хозяйничания монголов в Грузии — голод, истребление населения, тяжелые налоги, общий экономический упадок страны.

Труд Хронографа является глубоко содержательным произведением и отличается широким диапазоном повествования: в нем представлена не только политическая история Грузии, но в ярких красках переданы жизнь и государственный строй Грузии. Много интересных и ценных сведений дано Хронографом по вопросам истории управления, церкви, обложения, численности населения и др. Их ценность повышается в связи с тем, что по истории Грузии XIII—XIV вв. сохранилось очень мало документов. Вследствие этого по некоторым вопросам сочинение Хронографа является единственным источником по истории Грузии этого времени.

Анонимный историк, являясь продолжателем традиции историков предшествующего периода, вместе с тем отражает уже новый этап в развитии грузинской историографии. В своем сочинении он привлекает государственные документы, стремясь путем их анализа уточнить те или иные исторические факты. Будучи широко образованным и начитанным человеком, Хронограф при создании своего сочинения пользовался не только местными, но также монгольскими и персидскими источниками.

Время политического распада Грузинского государства было вместе с тем временем упадка и в области историографии. В XV—XVI вв. вместо обобщающих исторических произведений писались несложные «хроники» и «летописи».

К началу XV в. относится составление «Памятника эриставов»², проникнутого феодальной идеологией. Это сочинение представляет частную фамильную летопись одного из крупных

¹ Б. Я. Владимирцов. Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке. «Известия Российской Академии наук», VI серия, т. XI, ч. 2. № 17, Пг., 1917, стр. 1487—1501.

² M. Brosset. Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie (Addition XXI — De l'origine éristhawa du Ksan). St.-Pb., 1851, p. 372—384.

феодалных домов XV в. — ксанских эриставов, написанную, по всей вероятности, каким-нибудь монахом Ларгвийского монастыря (усыпальницы ксанских эриставов) в начале XV в. Хронологически летопись охватывает XIII—XV вв. Круг вопросов, интересующих летописца, крайне узок; он замыкается событиями внутренней жизни ксанского и, отчасти, арагвского эриставств. История остальной части Грузии оставлена летописцем без внимания. Главными предметами его повествования являются или военные походы, или постройка и украшение церквей.

Летописному изложению исторических событий княжества Самцхэ-Саатабаго (Месхети) в 1559—1587 гг. посвящена «Хроника месхийской псалтыри»¹. Имя автора этой «Хроники» неизвестно. Есть основание полагать, что он происходил из семьи месхийских атабагов и был современником излагаемых им событий.

Новый подъем грузинской историографии относится лишь ко второй половине XVII в. Примечательно, что первыми произведениями в этой области были «исторические поэмы» (Арчил, Пешанги, Иосиф Тбилели). В самом конце XVII в. написан замечательный труд Парсадана Горгиджанидзе, являющийся ценным источником по истории Грузии XVII в.

Арчил (1647—1713 гг.), сын картлийского царя Вахтанга V, несколько раз занимал престол имеретинского царя, был царем Кахети в 1664—1675 гг., а с 1699 г. переселился в Москву, где всецело отдался литературной деятельности. В это время в Москве жило значительное количество грузин, что содействовало укреплению культурных связей между грузинским и русским народом. Сборник произведений Арчила носит название «Арчилиани». Кроме множества лирических стихов, перу того же автора принадлежит поэма исторического содержания под названием — «Спор Теймураза с Руставели». Устами своих героев автор описывает эпоху Руставели, и эпоху царя-поэта Теймураза I. В поэме изображается история царицы Тамары и история царствования Теймураза I.

В лирической поэме «Нравы Грузии» Арчил описывает нравы и обычаи современного ему феодального общества.

Перу Иосифа Тбилели принадлежит историческая поэма «Дидмоуравиани», где на фоне исторических событий Грузии начала XVII в. описывается жизнь и деятельность Георгия Саакадзе — выдающегося политического деятеля и полководца Грузии этого времени.

Придворный поэт XVII в. Пешанги пишет поэму «Шахнавазиани», посвященную жизни и деятельности грузинского царя Вахтанга V (1658—1675 гг.) и его сына — кахетинского

¹ Е. Такайшвили. Три хроники, стр. 183—214.

царя Арчила. Упомянутые выше поэты XVII в. порицают грузинских феодалов за стремление к обособленности, взаимную непрерывную вражду, непокорность царской власти.

Историк XVII в. Парсадан Горгиджанидзе (родился в 1626 г.) написал труд, где изложена история Грузии с VI в. до 1696 г.¹ «Историю Грузии» Горгиджанидзе можно разделить на четыре части.

Первая часть, где представлена история Грузии до XIII в., основана на устных преданиях, содержит много сказочного. Вторая часть (XIII—XIV вв.) полностью основана на сочинениях, сохранившихся в сборнике «Картлис Цховреба».

Для третьей части (XIV—XVII вв.) автор пользуется в основном персидскими источниками, в особенности сочинениями Искандера Мюнши, а также Шереф-эд-дина. Эта часть обнимает тот период истории Грузии, о котором не сохранилось местных повествовательных источников, поэтому она не лишена научного интереса. Особенно же ценна четвертая часть труда, где описаны события 1636—1696 гг., современником которых является сам автор, занимавший видное положение при дворе персидского шаха.

В ней говорится о событиях, происходивших не только в Грузии, но и в Иране. Являясь представителем горожан, автор много внимания уделяет городам и городской жизни. Перу Горгиджанидзе принадлежит также «История турецких султанов» и «Персидско-грузинский словарь».

В XVIII в. происходит дальнейшее развитие грузинской историографии, которое связано с развитием русских исторических знаний.

§ 3. Историография Азербайджана

Уже в раннее средневековье появляются исторические труды, посвященные истории Азербайджана².

Первая, дошедшая до нас летопись, написанная на армянском языке, известна как «История Агван» Моисея Каганкатваци (Мовсес Каг'анкатуаци)³. Эта летопись представляет собой сводный коллективный труд ряда историков и создавалась в течение V—X вв.

В «Истории Агван» (особенно в ее третьей части) собрано много документов (писем, грамот и пр.) периода раннефеодальной Албании (ныне Северный Азербайджан). В ней приво-

¹ M. Brosset. Histoire de la Géorgie, II partie, I livraison, St.-Pb., 1856, p. 500—577.

² Очерк историографии Азербайджана до конца XVIII века написан А. А. Ализаде, А. А. Алескерзаде, З. И. Ямпольским (редакция очерка: З. И. Ибрагимов, А. Н. Гулиев, Е. А. Токаржевский).

³ «История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века», СПб., 1861

дятся данные, на основании которых рисуется социальный строй средневекового Азербайджана. Отдельные факты свидетельствуют о жестокой эксплуатации трудящихся масс страны, о том, что уже в период раннего средневековья происходили выступления народа против гнета феодалов-землевладельцев, правителей, которые всячески восхваляются составителями летописи, особенно деятельность албанского правителя VII в. Джеваншира Гардманского. В летописи повествуется о борьбе против иноземных захватчиков — персов и арабов.

В VII—IX вв. народные массы Азербайджана вели борьбу против различных завоевателей и, в частности, против арабов, которые установили свое владычество в стране. Одной из ярких страниц истории этой борьбы было восстание азербайджанского народа под предводительством Бабека в начале IX в. На развалинах арабского халифата, павшего в результате освободительной борьбы покоренных арабами народов, в IX—XII вв., в Азербайджане сложились местные феодальные государства. Наиболее значительными из них были государство ширваншахов с центрами в Шемахе и Баку и государство азербайджанских атабеков — ильдигизидов с центрами в Тебризе и Гяндже.

В борьбе с постоянными нашествиями многочисленных завоевателей азербайджанский народ отстаивал свою политическую самостоятельность, свой язык и древнюю культуру.

Среди видных деятелей азербайджанской культуры того времени был поэт Катран Тебризи. Он родился в Тебризе около 1010 г. В его стихах ярко описаны исторические события, экономика и быт эпохи. Катран говорил о политическом положении в Азербайджане и соседних странах, о грабительских нашествиях турок-сельджуков (огузов).

Для освещения исторического прошлого страны имеют немалую ценность и произведения выдающихся поэтов Азербайджана XII в. — Хагани Ширвани, Фелеки, Абуль Ула и других. Хагани Ширвани Афзал-ад-дин был придворным поэтом при дворе ширваншаха Менучехра и его преемника Ахситана. Его «Диван» содержит ценные данные о ширваншахах, а также о династии хойских правителей, к которым он несколько раз направлялся ширваншахом в качестве посла.

Великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами Ганджеви (1141—1203 гг.) в своих произведениях, собранных под общим названием «Хамсэ» («Пятерица»), упоминает об исторических фактах XII в. и предшествующих веков. Особенно много этих фактов относится к Азербайджану, Армении, Ирану. Низами касается событий, связанных с историей Рума (Византии), Греции и т. д. Задолго до того как европейцы из записок Марко Поло узнали о Китае, Низами был осведомлен о событиях во всем Китае «до великой стены», в Индии и дру-

гих странах. Особенно важно красочное описание Руси, содержащееся в произведении Низами «Семь красавиц». Оно свидетельствует о существовании связей Руси с Азербайджаном уже в период раннего средневековья.

Низами горячо любил свою родину — Азербайджан, свой родной город — Ганджу. Он бережно относился к ее преданиям. В поэмах Низами при упоминании исторических событий имеются ссылки на некоторых средневековых историков. Поэт пишет:

«Не зрел их Низами, и лгать бы он не стал,
Но в древней книге он об этом прочитал».

После периода значительного развития хозяйства и культуры, наблюдавшегося в XII в., Азербайджан в XIII в. подпал под власть потомков Чингиз-хана — династии хулагуидов. Монгольские феодалы захватили азербайджанские земли и беспощадно эксплуатировали и грабили народные массы. Тяжелый удар они нанесли и культуре Азербайджана.

В период монгольского нашествия в XIII в. в Азербайджане был составлен большой летописный свод. Редактором этого труда является один из крупнейших историков того времени Фазлуллах Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), врач по профессии. Он был видным государственным деятелем и занимал должность министра («сахиб-диван») при ильханах Газанхане, Олджайну и Абу-Саиде. Рашид-ад-дин активно участвовал в проведении ряда административных и финансовых реформ, будучи выразителем интересов господствующего феодального класса.

Составленный под покровительством везира Рашид-ад-дина «Джами-ат-таварих» («Сборник летописей») для своего времени был крупным вкладом в тогдашнюю историографию¹. В нем содержатся сведения по истории господства монголов не только в Азербайджане, Грузии и Армении, но и в других странах (в Иране, Азии, Индии, Китае и Восточной Европе).

До нас дошли только два из четырех томов этого произведения. В первом томе, который именуется «Тарих-е-мубарек-е Газани» («Газанова благословенная история»), излагается история завоевания монголами Передней Азии, в том числе Азербайджана, Грузии, Армении, Ирана и других стран. В этом томе приведены данные о нашествии монголов, о борьбе народов завоеванных стран против захватчиков. Как видно из текста «Сборника», монголы разрушали города и деревни, обращали жителей в рабов или истребляли их, уничтожали ценные памятники культуры, захватывали имущество.

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, М.—Л., 1952; т. 3, М.—Л., 1946.

В этой части сборника летописей содержится богатый материал о земельной и налоговой политике завоевателей-монголов в Азербайджане, о тяжелом экономическом состоянии завоеванных стран и их населения.

Особое внимание Рашид-ад-дин уделяет реформам Газанхана. Интересны его сведения о земельных пожалованиях ильханов своим вассалам. Эти пожалования делались в форме «икта». Крестьяне, жившие на землях «икта» и обрабатывающие их, прикреплялись к земле. Прикрепление крестьян к земле, фактически существовавшее и раньше, в то время было узаконено. В «Сборнике летописей» содержатся данные о городской жизни, в частности, о ремесленном производстве.

«Сборник летописей» Рашид-ад-дина, являющийся фундаментальной сводкой фактов средневековой истории почти всего известного тогда мира, оказал большое влияние на последующее развитие историографии. Вместе с тем, Рашид-ад-дин, как феодальный историк, не поднимался выше эмпирического изложения фактов и считал, что воля бога и мудрость государей определяют ход истории человечества.

В XIV в. жил азербайджанский историк Мухаммед ибн-Хиндушах Нахчевани, в сочинениях которого имеется богатый фактический материал экономического и юридического характера. На взгляды этого средневекового ученого, особенно в вопросах экономики, большое влияние имел Рашид-ад-дин. В своих трудах Мухаммед Нахчевани, рассматривая вопросы землевладения, в частности, останавливается на земельной политике хулагуидов. Нахчевани приводит факты притеснения населения со стороны откупщиков, государственных чиновников, правителей областей. Он сообщает о разорении населения деревень и городов при господстве монголов.

В числе историков XIV—XV вв. надо назвать Низам-ад-дина Абдул Васа' Шами. Он родился в местности Шанб-е Газан (пригородный квартал Тебриза). В 1392—1393 гг., во время нашествия Тимура, Низам-ад-дин, проживая в Багдаде, поступил к Тимуру на службу и находился при его дворе. В 1401—1402 гг. Тимур поручил Низам-ад-дину составить историю его царствования. В своем произведении «Зафар-намэ» («Книга побед») Низам-ад-дин изложил историю походов и правления Тимура до конца 1404 г. ¹

В своем труде Низам-ад-дин подробно описывает захват Азербайджана Тимуром и поход его в Грузию, говорит об опу-

¹ Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée, Zafarnāma par Nizamuddin Sami avec des additions empruntées au Zubdata-t-Tawarih-i Bāisunquri de Hāfiz-i-Abea. Edition critique par Felix Taner. Tome I. Texte persan du Zafarnāma, Praha, 1937 (Monographie Archivu orientálního, vol. V).

стощениях, производившихся во время этих завоеваний. Как придворный историк, Низам-ад-дин тенденциозно описывает эти события. Вместе с тем, в труде Низам-ад-дина имеются ценные сведения о Ширване. Историк довольно подробно описывает встречи ширваншаха Ибрахима с Тимуром, участие ширваншаха в войне Тимура с Тохтамышем и с турецким султаном Баязидом и т. д.

Упорная борьба азербайджанского народа против своих поработителей — монголов привела к освобождению Азербайджана из-под власти хулагуидов. В результате этого усилилось государство ширваншахов и возникли новые феодальные государства — Кара-коюнлу (1410—1468 гг.) и Аг-коюнлу (1468—1501 гг.). В начале XVI в. сложилось Сефевидское государство, включившее в свой состав всю территорию Азербайджана.

В XV в. протекала деятельность первого известного азербайджанского географа Абд ар-Рашид ибн Салих ибн Нури ал-Бакуви. В его сочинении «Китаб талхис ал-асар фи аджа'иб ал-'актар» (Книга «Отбор лучших памятников среди диковинок стран»), написанном на арабском языке, содержится много историко-географических данных. В этом труде даны сведения о городах Азербайджана, в особенности о Баку, а также о Тебризе, Ардебиле, Мараге, Барде, Нахичевани и др. Ценные сведения приводит Бакуви об архитектурных памятниках Баку. В его произведении встречаются также данные о русских.

Видным азербайджанским историком XVI века являлся Хасан-бек-Румлу. Он родился в семье крупного феодала и был придворным историографом сефевидов.

Историческое произведение Румлу «Ахсан-ат-таварих» («Лучшая из историй»), состояло из 12 томов. Дошедшие до нас XI и XII томы этого труда охватывают период 1405—1578 гг. В томе XII автор излагает историю правления шаха Исмаила I Сефеви и его преемников — Тахмасиба I, Исмаила II и Мухаммеда Худабенде. Будучи феодальным историографом, Румлу восхвалял деятельность сефевидских шахов, враждебно относился к выступлениям народных масс. Несмотря на это, в его труде приводится богатый материал о народных восстаниях в Азербайджане, в частности в Тебризе. В сочинении Румлу имеются данные о системе землевладения, способах взимания податей и т. д.

Виднейшим представителем сефевидской историографии был Искандер Мюнши, живший во второй половине XVI — первой половине XVII в. В юности он получил хорошее образование, затем состоял на службе в гвардии шаха Мухаммед Худабенде, а позже был мюнши (секретарем) дивана Сефевидского государства.

Пользуясь доступом к шахским архивам, Искандер Мюнши написал большую работу по истории царствования шаха Аббаса I. В ней говорится о событиях, происходивших не только в Азербайджане, но и в соседних странах. Труд этого крупного историка средневекового Азербайджана, озаглавленный «Тарих-е-а'лем-арае-Аббаси» («Мирсукрасительная Аббасова история»), состоит из введения, содержащего краткие сведения о предках Аббаса I, и двух разделов. В первом разделе излагаются события периода царствования Аббаса I до 1617 г. Второй раздел охватывает последний период царствования шаха, продолжавшийся до 1629 г.

Особую ценность для истории Азербайджана и Армении периода 1578—1628 гг. представляет вторая часть «Тарих-е-а'лем-арае-Аббаси», повествующая о событиях, современником которых был сам автор. Наряду с политической историей, в этом труде мы находим сведения и об экономике Азербайджана, а также о народных восстаниях. Подробно рассказывает Мюнши о восстаниях в Ширване в 1614 г. и в Грузии. Как представитель феодальной историографии, Искандер Мюнши проявляет к этим восстаниям крайне враждебное отношение. Большой интерес в труде Мюнши представляют сведения о злодеяниях турецких захватчиков в Азербайджане и о борьбе азербайджанского народа против врагов.

Другим представителем азербайджанской историографии XVI—XVII вв. являлся Мухаммед Рафи ибн-Абдуррахим Ширвани. Он родился в Ширване, где и получил образование. В дальнейшем Мухаммед Рафи был вынужден переселиться в Дагестан и служить у дагестанского правителя Рустам-хана, которому он и посвятил свой труд «Ал-Рисалат-ар-Рустамханийе» («Повествование о династии Рустам-хана»).

Будучи придворным историком, Мухаммед Рафи основное внимание в своем сочинении уделяет истории отдельных ханов, особенно — предков Рустам-хана. В работе Мухаммед Рафи Ширвани имеются данные не только по истории Дагестана, но и по истории северной части Азербайджана. Мухаммед Рафи Ширвани является автором еще нескольких, не дошедших до нас, произведений.

Подводя итоги истории развития средневековой историографии Азербайджана до XVIII в., необходимо отметить, что феодальные историки Азербайджана (Рашид-ад-дин, Румлу, Мюнши и др.) своими трудами способствовали упрочению власти господствующего класса и выражали интересы правящей династии. Они считали, что судьбы народов определяются волей правителей.

В этом сказывалась классовая ограниченность историков феодального Азербайджана.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ У НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Исторические знания у народов Средней Азии в XI—XVII вв. развивались в крайне сложных условиях. Большие государства, создававшиеся на территории Средней Азии, были неустойчивыми политическими образованиями, в пределах которых жили различные народы. Для раннего периода общепринятым языком, на котором составлялись исторические сочинения по истории Средней Азии, был арабский язык. Но эта арабоязычная историография по существу была историографией всей Средней Азии. Позже появляются труды на таджикском и на узбекском языках. По своему характеру они не замыкаются в пределах истории только таджикского и узбекского народов, но имеют общее значение для развития исторической науки в Средней Азии, в том числе для истории Казахстана, Киргизии и Туркмении. Поэтому очерки по историографии Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана порой упоминают одни и те же исторические произведения.

В Средней Азии XI—XII вв. были созданы в огромном количестве разнообразные исторические труды, используемые теперь для разработки исторических проблем. Но все эти труды дают только хроникальное описание событий. Многие рукописи представляют собой художественные произведения, сочинения по географии, медицине, а также религиозно-философские или богословско-правовые трактаты.

Авторы этих сочинений, являвшиеся выразителями идеологии господствующего класса феодалов, основное внимание обращали не на освещение положения трудового народа, а на восхваление деятельности различных правителей.

При господстве феодального строя исторические воззрения широких масс находили свое выражение в основном в устном народном творчестве, передававшемся из поколения в поколение.

§ 1. Историография Таджикистана

Историография времени господства тюрков Караханидов, сменивших в начале XI в. власть Саманидов на территории Мавераннахра (междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи), недостаточно изучена. Даже по названиям нам известно очень мало сочинений, появившихся в это время. К ним относятся написанные, по видимому, вне Мавераннахра: «История Туркестана» и «История Хитая» Мадждуддина Мухаммеда бен Адiana.

В первой описывались тюркские народы и история ханов. Книга была наполнена рассказами о разных «чудесах» Туркестана, во второй книге повествовалось о царях Китая. Под последним термином автор понимал не весь Китай в современном значении этого слова, но страну китаев или киданей, владевших в то время северной частью теперешнего Китая.

До нас дошло только одно историческое сочинение, написанное, по видимому, в Мавераннахре при Караханидах, именно: «Примеры строгости при случайностях управления» Мухаммеда бен Али ал-Катиба-ас-Самарканди; в него включены биографии разных государей, носящие по большей части анекдотический характер¹.

Лишь история древних среднеазиатских городов, Бухары и Самарканда, привлекала в это время внимание местных историков. Так, Абу-Абдулла Мухаммед ал-Бухари ал-Гунджари (умер в 1021 г.) написал историю города Бухары, которая до нас не дошла.

Истории города Самарканда был посвящен труд Абу-Са'ида Абдурахмана ал-Идриси (умер в 1015 г.). Автор был родом из Астрабада, жил в Самарканде и написал историю обоих этих городов. Этот труд был продолжен в XII в. известным среднеазиатским теологом Абу Хафс-Омаром ан-Несефи (умер в 1143 г.). Извлечения из труда Несефи сделал ученик автора. Таджикский перевод сокращенной версии дошел до нас под названием «Кандия» в многочисленных рукописях². Содержание этого труда довольно разнообразно: в нем есть некоторые сведения о древнейшей эпохе, об основании города Самарканда, об арабских завоеваниях, о восстаниях трудящихся масс, о жителях города, об устройстве орошения и т. п.; большая часть сведений носит легендарный характер. Главное же место в этом сочинении отведено описанию мазаров (могил «святых») и правилам совершения на них молитв. Труд этот имеет очень важное значение для изучения топографии средневекового Самарканда.

Другой труд по истории Самарканда, носивший название «Летописи Самарканда» («Таварих-и Самарканд»), Абу-л-Аббас-Джа'фарбен Мухаммед ал-Мустагфири до нас не дошел. Тот же автор написал в двух томах биографии замечательных людей города Несефа (позднейший — Карши), но и этот труд не сохранился.

¹ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 19.

² Существует литографированное самаркандское издание 1908 г. См. «Кандия Малая», «Справочная книжка Самаркандской области 1906 г.», вып. VIII. Перевод В. Вяткина. Самарканд, 1906, стр. 236—290.

Распад Саманидской державы на отдельные тюркские государства вызвал перемещение культурных центров. Крупные феодальные владения, входившие в состав государства султана Махмуда Газневида, — Хорезм, Джурджан, Рея, Хамадан и Исфахан — являлись притягательными центрами для всего талантливой и высокообразованного, что только было в Хорасане¹. И если исконные таджикские области к северу ст Аму-Дарьи, находясь под владичеством Караханидов, не оставили нам каких-либо исторических трудов, то в областях Хорасана историография достигла полного расцвета. Из написанных там исторических трудов мы только и можем черпать сведения о событиях в Мавераннахре.

Исключительно важное значение для познания истории Средней Азии доисламского периода имеют труды величайшего средневекового ученого, хорезмийца Абу-Рейхана-Мухаммеда ибн-Ахмед-ал-Бируни (умер в 1048 г.). Его перу принадлежит знаменитый труд — «Хронология древних народов». В нем исследованы и с исчерпывающей полнотой объяснены эры и календари согдийцев, хорезмийцев, греков, евреев, христиан-мелькатов и несториан, магов, сабейцев, арабов-язычников, арабов-мусульман и др. Автор сопоставляет между собою календари, объясняет их происхождение, указывает на связанные с теми или иными днями верования и поверья. Весь труд представляет богатое собрание сведений по истории религиозных воззрений, а также нравов, обычаев и отчасти истории согдийцев и хорезмийцев². Уже в этом труде Ал-Бируни резко выступает против господствовавших тогда астрологических предрассудков.

Второй труд Ал-Бируни — «История Индии» — является монументальным памятником мировой историко-географической литературы. Ал-Бируни изучил древний язык индусов — санскрит, их науку и философию. В отличие от подавляющего большинства «мусульманских» авторов, Ал-Бируни лишен какого-либо религиозного предубеждения. Он проанализировал религиозные представления индусов, сравнил их с системами мусульман, христиан и особенно древних греков³. Ал-Бируни говорит о необходимости объективности в освещении истории

¹ Этим термином в ту эпоху называлась не только территория, одноименная современной восточной персидской провинции, но и все земли, ныне входящие в состав Туркменской ССР, до Хорезма, области Бухары, Самарканда, Хисара до пределов Сыр-Дарьи. Владения султана Махмуда Газневида находились на юге от Аму-Дарьи и простирались от Лагора в Индии до Исфахана в Персии.

² Д-ром Е. Захару издан арабский текст (Leipzig, 1878, переиздание — Leipzig, 1923). Имеется его же английский перевод (London, 1879).

³ Д-ром Захау издан арабский текст «Истории Индии» (London, 1887) и английский перевод (London, 1910).

народов и тщательной проверки исторических фактов по источникам.

Идеи о равенстве, об одинаковой способности всех народов к историческому и культурному развитию, высказанные Ал-Бируни, ставят его в ряд наиболее значительных представителей передовой исторической мысли. Блестящим примером его научной деятельности может служить работа об истории гидрогеологических изменений бассейна Аму-Дарьи, о происхождении Хорезмской равнины; привлечение впервые в историографии Средней Азии в качестве доказательства исторических гипотез описания археологических памятников Хорезма и Южного Туркменистана. К сожалению, большой труд Ал-Бируни «История Хорезма» не дошел до нас.

Крушение империи Газневидов в конце второй половины XI в. и образование на ее развалинах другого тюркского государства сельджуков, столицей которого стал город Мерв, вызвало сосредоточение умственной культуры в старых центрах Хорасана, в Мерве, Нишапуре, Несе, Серахсе и др. Во второй половине XI в. при сельджукском султана Алп-Арслане (1003—1072 гг.) начались походы сельджуков на Мавераннахр, а при сыне и преемнике этого султана, Мелик-шахе (1072—1092 гг.), Караханиды сделались вассалами сельджукских султанов.

Исторические сочинения, написанные в государстве сельджуков, имеют большое значение для изучения истории Мавераннахра с его древнейшим таджикским населением. К ним, например, относится замечательная «Книга об управлении государством» («Сиесат-намэ») Абу-л-Хасан бен-Али, из Хорасанского города Туса, который, как везир двух названных сельджукских государей, носил почетный титул «низам ул-мулька» («порядок государства»). Эта книга, написанная на основании богатого исторического материала, является главным источником для изучения политического строя Средней Азии¹. Сведения, относящиеся к государственному строю таджикского государства Саманидов, делают труд Абу-л-Хасана важным пособием для изучения этой эпохи².

Вторая половина XII и начало XIII в. принадлежат к самым неясным страницам истории Средней Азии. Дошедшие до нас источники противоречивы, хронология их сомнительна. Между тем события указанной эпохи имели большое историческое значение, так как за это время пало сельджукское государство; области Самарканда и Бухары — по существу весь

¹ См. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 27.

² Французский перевод с изданием таджикского текста — проф. Ш. Шефера (3 т., Париж, 1891—1897), русский перевод Б. Н. Заходера (М.—Л., 1949).

Мавераннахр — подчинились кара-хитаям; произошло объединение под властью династии хорезм-шахов громадных областей Ирана и Средней Азии и образование ими могущественной империи. Сочинения, написанные в это время, до нас не дошли, а история Средней Азии второй половины XII — начала XIII в. известна лишь по позднейшим компиляциям XIII в.

Монгольское нашествие XIII в. превратило значительную часть западной Азии в пустыню. Об этом времени мы черпаем сведения у арабских и таджикских авторов, которые не были очевидцами описываемых событий (Ибн-ул-Асир, Джузджани, Несеви), или писали, когда уже образовались монгольские государства (Джувейни, Рашид-ад-дин). Все неслыханные страдания, испытанные народами Средней Азии в это великое лихолетье, народные восстания против монголов и многое другое известны нам лишь из сочинений, написанных в Западном Иране.

Время завоевательных войн Тимура, дошедшего на западе до Средиземного моря и Золотой Орды включительно и на юге — до пределов Индии, войн, приведших к созданию огромной империи, нашло отражение в исторической литературе. По приказанию Тимура, стремившегося увековечить свои победы, была составлена неизвестным автором история его царствования. Эта история не понравилась Тимуру и не получила распространения. Из исторических сочинений эпохи Тимура сохранились лишь два: «Дневник похода Тимура в Индию» («Рузнома-йи Газавот-и Хиндустон») и «Книга побед» («Зафарнамэ»). Автор первого — Гиясуддин Али, уроженец города Иезда в Западном Иране, по указанию Тимура составил «простым и понятным языком» подробный дневник военных действий в Индии, предпослав своему труду сжатое обозрение прежних войн Тимура. К сожалению, остается совершенно неизвестным, по каким источникам писал автор свой труд — был ли он сам в походе в качестве историка, или написал его по официальным реляциям¹.

О втором труде, написанном Низам-ад-дином Шами и названном по приказанию Тимура «Книгой побед», говорилось уже выше.

Эти два важнейших источника по истории Тимура были через 20 лет после его смерти использованы историком Шараф-ад-дином Али Иезди, составившим в Ширазе напыщенную, изо-

¹ «Дневник похода Тимура в Индию» сохранился в единственной рукописи, ныне находящейся в Институте востоковедения АН Узбекской ССР и изданной (таджикский текст) в серии «Тексты по истории Средней Азии», вып. 1, Пг., 1915.

билующую стихами на персидском и арабском языках, историю Тимура под тем же названием «Книга побед»¹.

По смерти Тимура столица его сына и преемника, Шахруха, была перенесена в Герат. Самарканд оставался резиденцией наместника Шахруха, известного ученого Улуг-бека. Последнему, помимо его всемирноизвестных астрономических таблиц, принадлежал не дошедший до нас труд «История четырех улусов» («Тарихи арба'улус») на таджикском языке, обнимавший историю, судя по названию, всей монгольской империи. По выдержкам из этого сочинения, встречающимся у некоторых более поздних историков, можно видеть, что Улуг-бек довел повествование до своего времени, но часто ограничивался приведением имен ханов без сообщения подробностей об их царствовании².

Феодалные усобицы середины XV в., повлекшие за собою убийство Улуг-бека и его преемника Абдул-латиф-хана, вылились затем в феодальную войну и задержали развитие культуры в Самарканде, Бухаре и других центрах Мавераннахра. Но по другую сторону Аму-Дарьи в это время наблюдается расцвет как научной мысли, так и литературы и искусства. Создателями этой культуры, в основном, были представители народов Средней Азии, нередко выходцы из Самарканда, из Бухары и других мест на территории современного Таджикистана и Узбекистана. К ним относятся Хафиз-и Аbru (умер в 1431 г.), автор общен исторического свода «Сливки летописей» («Зубдат ут-Таварих»), охватывающего события с древнейших времен, вплоть до 1426—1429 гг. Этот труд полностью не сохранился. Абдурраззак Самаркандский (умер в 1482 г.) написал «Восхождение двух счастливых созвездий» («Матлаус-Са'дайн»), посвященное истории Тимура и тимуридов. Мирхонд (Мухаммед-бен Хавенд-шах) (умер в 1498 г.) является автором семитомной всеобщей истории «Раузат ус-Сафо» («Сад чистоты»), доведенной до эпохи последнего тимурида, Султан-Хусейн-Мирзы (1469—1506 гг.). Талантливый историк Хондемир (умер в 1535 г.), внук Мирхонда, был автором трехтомной всеобщей истории с биографиями замечательных людей, доведенной до нашествия кочевых узбеков и возвышения династии Сефевидов включительно (первая четверть XVI в.). Эти труды дают много ценного материала по истории Средней Азии за период с XV в. по первую четверть XVI в.

Нашествия кочевых узбеков, предводимых Мухаммед-Шей-

¹ Рукописи ее многочисленны; критическое издание текста вышло в Индии в серии Bibliotheca Indica в 1887 г.

² В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 57.

бани-ханом, на владения тимуридов в самом начале XVI в. повлекли за собой ожесточенную борьбу узбеков с Тимуридами и их союзником, персидским шахом Исмаилом. Военные походы и сражения охватили огромную территорию от Самарканда и Андижана до Балха и Герата включительно и от Бухары до Хисара и р. Вахша (правый приток Аму-Дарьи). При дворе Шейбани-хана жил ученый перс-суннит, Рузбехан Исфаганский, оставивший после себя любопытные мемуары на таджикском языке под названием «Книга бухарского гостя» (подробнее см. § 2). Некоторые талантливые писатели и поэты Тимуридов перешли на службу к завоевателям — узбекам. Придворным поэтом Шейбани-хана сделался даровитый таджикский поэт Бенаи (умер в 1512 г.), который написал его историю. Эта история сохранилась в двух редакциях (обе редакции до настоящего времени не изданы). К этому времени относится одна известная книга под названием «Книга о Шейбани-хане» («Шейбони-намэ»), другая называется «Ханские победы» («Футухот-и хони») и перевод наиболее важных исторических трудов с таджикского языка на узбекский (об этом см. § 2).

Становлению Узбекского государства, происходившему в войнах за обладание Мавераннахром и Хорасаном, посвящены мемуары двух участников этих войн — тимурида Захриддина Бабур (Бабир)-мирзы на узбекском языке (о них см. § 2) и его двоюродного брата Мирзы Хайдара (Тори-и Рашиди) на таджикском языке¹.

Оба эти труда заключают очень много ценных сведений по истории таджикского народа XV в.

В конце первой половины XVI в. неким Абу-л-Хакком была составлена на таджикском языке всеобщая история, содержащая много фактических данных, относящихся ко времени основания узбекского кочевого государства Абу-л-Хайр-ханом (1435—1468 гг.), дедом Шейбани-хана. Вследствие этого автор назвал свой труд «История хана Абу-л-Хайра» («Тарих-и Абул Хайр-хони»). При составлении своей истории Абу-л-Хакк воспользовался некоторыми рассказами сыновей хана. Это сочинение сохранилось только в редких рукописях.

Во второй половине XVI в. был написан один из важнейших и обширных источников по истории Средней Азии при узбекском владычестве «Книга шахского благородства» («Шараф-намэ-йи шохи»), в просторечии более всего известной под названием «Книга об Абдулле хане» («Абдулла-намэ») ².

¹ Мемуары Мирзы изданы только в сокращенном английском переводе Д. Росса (Лондон, 1895).

² О ней см. стр. 164.

XVII в. в истории Средней Азии характеризуется обострением феодальной и племенной вражды, усилением сепаратистских стремлений наместников отдельных областей, почти беспрестанными набегами и грабежами кочевников. До нас не дошло ни одного исторического памятника, написанного в XVII в. где-либо на территории современного Таджикистана. Поэтому сведения об исторических событиях, происходивших на этой территории в течение XVII в., черпаются обычно из источников, написанных в других местах или составленных в последующие столетия.

§ 2. Историография Узбекистана

Установление в XI в. на территории Средней Азии власти Караханидов привело к сдвигам в историографии Средней Азии, которая принимает все более ясно выраженный придворный характер; начинают создаваться большие исторические произведения, посвященные, главным образом, восхвалениям военно-политических деяний султанов из династии Газневидов¹.

Крупнейшими историографами этого направления были Бейхаки, автор тридцатитомной истории «Тарих-е-Бейхаки» и Гардизи, автор книги «Зейн-ал-ахбар». Обе работы посвящены, главным образом, времени правления газневидских султанов, история же народа, за исключением некоторых случайных сведений об отдельных племенах и родах, не нашла там отражения².

Нашествие орд Чингиз-хана и владычество в Средней Азии, Иране и в других странах монгольских ханов явилось крупнейшим бедствием для производительных сил и культуры населявших эту территорию народов. Только во второй половине XIII в.— в государстве Хулагидов и во владениях Золотой Орды начали восстанавливаться экономика и культура.

В государстве Хулагидов, достигшем большого могущества, по инициативе самих монгольских ханов были созданы капитальные исторические труды Атамелика Джувеини и Рашид-ад-дина, посвященные в основном истории монголов и государства Хулагидов³.

В труде Рашид-ад-дина, написанном в интересах определенной династии, нашли отражение и некоторые вопросы истории народа; восхваляя мероприятия хулагидского хана Газан

¹ Вопросы политической и социально-экономической истории государства Караханидов X—XI вв., освещенные в труде Кудатну Билик Юсуфа хас Хаджиба Баласогуни, т. I—II, СПб., 1891—1910.

² Подробнее см. стр. 166.

³ Подробнее см. стр. 149—150.

Махмуда (1295—1304 гг.), автор также раскрывает картину экономической, социальной и политической жизни страны, описывает тяжелое положение крестьян и ремесленников, которое в конечном счете было причиной сербадарского движения в Хорасане и Средней Азии.

Образование державы Тимура и Тимуридов подчинило судьбу покоренных народов — узбеков, таджиков, афганцев, персов, туркмен, азербайджанцев, арабов, индусов и других среднеазиатских народов военно-феодальной полукочевой знати и купечеству городов Мавераннахра и Хорасана.

В историографии периода Тимуридов, особенно с последней четверти XV в., наблюдается стремление связать историю Тимуридов с историей стран Востока и историей монголов. В числе сочинений, проводящих эту идею, можно назвать труды Мирхонда («Сад чистоты»), Хондемира («Хабиб ус-Сияр») и т. п. Возникает интерес к историко-географическому описанию отдельных областей, к созданию истории наиболее крупных феодальных городов¹. В этом отношении заслуживает внимания труд Исфизари («История Герата»).

В ходе завоевания Средней Азии кочевыми узбеками и образованием Шейбанидского государства был нанесен сокрушительный удар господству феодальной верхушки, подвластной Тимуридам. Собственность на землю перешла в основном в руки новой феодальной группировки, состоявшей как из представителей узбекской династии Шейбанидов, потомков хана Шейбани (умер в 1510 г.), так и из представителей местного господствующего класса.

Политическая обстановка в Узбекистане на протяжении более чем трех столетий (до середины XIX в.) характеризуется дальнейшим, все усиливающимся дроблением страны и кровопролитными феодальными усобицами, задерживавшими развитие производительных сил. В XVI в. на территории Узбекистана образуются два самостоятельных ханства — Бухарское и Хивинское, постоянно враждовавшие между собой; с XVIII в. от Бухарского эмирата отпадает Фергана, на территории которой возникает самостоятельное Кокандское ханство, подчинявшее себе северные районы Таджикистана, Ташкентскую область и юго-западную часть Казахстана. Начавшаяся хозяйственная разруха в стране и бесконечные междоусобные войны, тяжелые формы феодальной эксплуатации усиливали постоянный недовольство среди трудящихся и привели к ряду восстаний против эксплуататоров.

При создавшемся в среднеазиатских ханствах тяжелом экономическом и политическом положении не могла нормально развиваться и культура.

¹ См. выше стр. 158.

Таким образом, в культурной жизни страны в целом, начиная со второй половины XV в., уже намечается упадок.

Однако упадок культуры и, в частности, историографии, ярко обозначился не сразу. В XVI—XVII вв. в Средней Азии историография получает даже некоторое развитие.

Шейбаниды, завоевав в самом начале XVI в. Среднюю Азию и образовав на ее территории обширное государство, привлекли к себе на службу часть представителей местной культурной традиции.

В первой половине XVI в. создается ряд исторических сочинений, пишутся мемуары, в которых излагается история как Средней Азии, так и соседних стран.

В силу растущего значения и роли узбекского литературного языка, особенно после появления трудов великого узбекского писателя, философа и поэта Алишера Навои (умер в 1501 г.)¹, исторические сочинения создаются, наряду с таджикским, и на узбекском языке. Кроме того, появляется необходимость в переводе на узбекский язык некоторых наиболее известных капитальных исторических трудов, составленных в прежние столетия. Так, например, в Мавераннахре, по приказанию Кучкунчи-хана (1510—1530 гг.) Мухаммедом Али бинни Дарвиш Али Бухори были переведены на узбекский язык история монголов Фазлуллаха Рашид-ад-дина («Сборник летописей») и история Тимура, написанная Шараф-ад-дином Али Иезди («Книга побед»).

Начиная с XVI в. появляются исторические труды на узбекском языке, освещающие политические события в стране. Они посвящены в основном деятельности того или иного правителя. Кроме подробного повествования о ходе междоусобных феодальных войн, авторы этих трудов дают характеристику причин наиболее крупных политических событий с точки зрения тех политических кругов, которым они служат.

Отдельные сочинения по истории войн заключают немало сведений об этническом составе населения, об естественно-географических условиях страны, о городской жизни, с данными об исторической топографии городов, о взаимоотношениях между соседними странами, о внутренней и внешней торговле и т. д.

Наряду с подобными трудами, отражающими политическую и в некоторой степени социально-экономическую жизнь Средней Азии, хотя и в тенденциозном освещении, появлялись и отдельные сочинения, представляющие собою собрание разных исторических анекдотов, рассказов и т. д.

¹ Перу Алишера Навои принадлежит и специальный исторический труд «История иранских царей» («Тарих-и мулук-и аджам»).

К числу наиболее известных сочинений этого времени относятся прежде всего «Записки Бабура» (1483—1530 гг.). Их автором был Захириддин Мухаммед Бабур — яркий представитель военно-феодальной верхушки; в самом конце XV в. он владел Ферганским уделом. Неоднократные поражения, нанесенные ему Шейбанидами в Мавераннахре, заставили Бабура оставить наследственное владение и начать захватнические походы против Индии. В результате завоевательных походов Бабура в Индии образовалось так называемое государство великих моголов, просуществовавшее до завоевания Индии Англией во второй половине XVIII в. «Записки» были составлены Бабуром под конец его жизни в Индии на узбекском языке. В них подробно говорится о событиях в Средней Азии и Индии на грани XV—XVI вв. Кроме большого значения для изучения формирования узбекского языка и литературы, «Записки» Бабура представляют ценность и как исторический источник. Несмотря на свою принадлежность к тимуридским правящим кругам, Бабур, описывая события, очевидцем и главным участником которых он сам являлся, порой дает правильную их оценку. Бабур не только подробно излагает военные действия, начиная с завоевания Мавераннахра Шейбани-ханом, но и метко рисует политическую ситуацию в Средней Азии, включая Хорасан, а также в Индии конца XV — начала XVI в.

В труде Бабура даются ценные сведения по географии и экономике Средней Азии, Афганистана, Индии. Тяжелое экономическое положение Средней Азии охарактеризовано в «Записках» ярко и значительно полнее, чем в других источниках. Взяв в 1498 г. Самарканд, Бабур вследствие крайней разоренности Средней Азии не мог сколько-нибудь обеспечить продовольствием даже свои малочисленные войска, которым приходилось добывать себе пропитание грабежом. «Эти покорившиеся области не подобало грабить; да и как можно было что-нибудь добыть из областей, подвергшихся такому опустошению и разорению?» — пишет Бабур. «Добытое воинами пришло к концу; при взятии Самарканда город был до того разорен, что нужны были пособия и ссуды на семена»¹.

До некоторой степени Бабур освещает основные вопросы культуры своего времени и дает серию метких портретных характеристик наиболее выдающихся деятелей политической и культурной жизни эпохи. Ценны также его замечания о культурных учреждениях Мавераннахра, как, например, описание обсерватории Улуг-бека².

¹ Захириддин Бабур. Бабур-намэ. Перевод М. Салье, 1948, стр. 67.

² К трудам, повествующим о завоевании Средней Азии кочевыми узбеками, принадлежит книга «Нусрät-намэ» («Книга божьей помощи»).

Фазлуллаха бинни Рузбихан написал интересные мемуары, известные как «Книга бухарского гостя». Автор — ученый суннит, бежавший в Среднюю Азию в начале XVI в. от религиозных преследований. Здесь он нашел радушный прием при дворе Шейбани-хана¹. «Книга» Рузбихана не издана и сохранилась всего в двух рукописях. В ней освещаются события, происходившие в государстве Шейбани-хана, в частности поход против казахов, династическая борьба, излюбленные Шейбани-ханом религиозно-правовые диспуты и т. д. Вместе с тем в книге имеются сведения по экономике, верованиям и быту узбеков и об их зависимости от оседлого населения Средней Азии.

По поручению Абдулла-хана (1557—1598 гг.) была составлена «Книга шахского благородства» или «Книга Абдулла-хана». Ее автор — один из придворных хана, поэт-музыкант и историк Хафиз Тониш бинни-Мирмухаммед ал-Бухори. Труд Хафиз Тониша является одним из крупных исторических сочинений XVI в. Особенно ценна основная часть книги, посвященная периоду господства Абдуллы-хана, т. е. второй половине XVI в. В этом труде, кроме подробного изложения событий истории династии Шейбанидов, передается содержание различных актовых материалов. Автор приводит ценные сведения этнографического характера, освещающие в той или иной степени быт феодального общества. Как придворный поэт, автор (писавший под псевдонимом Нахли) значительное место уделяет освещению образов и литературных приемов, отраженных в устной и письменной художественной литературе того периода.

Этот труд историка из Бухары ярко рисует феодальную раздробленность страны и непрерывные походы Абдулла-хана против мятежных феодалов; объединение им под своей властью не только Мавераннахра, но и Хорезма и Хорасана (после смерти Абдуллы-хана его обширное, но непрочное государство распалось). Гораздо меньше интересует автора внутреннее состояние страны, хотя в общем его труд дает отчетливое представление о господствовавшей тогда в Узбекском государстве феодальной системе². К сожалению, и этот труд до настоящего времени не издан.

рукопись которой хранится в фондах Института востоковедения АН СССР. По предположению А. А. Семенова ее автором мог быть сам Шейбани-хан.

¹ Времени Шейбани-хана посвящена также стихотворная эпопея Мухаммед-Салиха «Шейбани-намэ».

² И. И. Умняков, Абдулла-намэ Хафиз Таныша и его исследователи. «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V, Л., 1930, стр. 307—328.

Бидриддин ал-Кашмири, последователь известного шейха и крупнейшего феодала XVI в. Ходжи Ислама, написал сочинение под названием «Сад рая и роща пажей». Автор жил в Бухаре, где и составил свой труд. Сочинение Бидриддина ценно тем, что оно освещает один из темных вопросов истории XVI в., а именно о происхождении и положении рода жужуйбарских ходжей — крупнейших шейхов и вместе с тем крупнейших землевладельцев, их взаимоотношения с правящими кругами и т. д.

В XVII и в последующие века, в связи с окончательным дроблением территории современного Узбекистана на отдельные самостоятельные ханства и владения, в историографии намечается сужение тематических рамок. Придворные историки, составлявшие по поручению отдельных феодальных правителей исторические труды, излагали историю лишь отдельных ханств и династий. Появляется ряд трудов по истории Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Один из видных хорезмских правителей хан Абулгази (1603—1663 гг.) написал сочинение «Родословное древо тюрков». Труд Абулгази, написанный на узбекском языке и охватывающий историю Хорезма XVI—XVII вв., является почти единственным историческим трудом по истории Хорезма этого периода; он дает яркую картину опустошения страны в результате борьбы между различными племенами и непрерывных кровопролитных войн. Этот труд, кроме того, содержит богатый материал по вопросам расселения узбекских, туркменских племен и их родоплеменных отношений.

Сочинения Абулгази получили широкое распространение и долгое время служили чуть ли не единственным источником по истории Средней Азии в XVI—XVII вв.

§ 3. Историография Туркменистана

Туркменский народ, занимающий огромную территорию; лежащую на восток от Каспийского моря, в силу многовековой жизни в условиях кочевого и отчасти полукочевого быта феодального периода не мог долгое время создать письменности на родном языке. Однако богатая устная традиция туркменского народа сохранила ценные сведения по его истории. Много сведений по истории Туркменистана содержится в трудах персидских и других авторов. Выдающиеся представители туркменского народа сделали крупные исторические открытия при дворе персидских Сефевидов (Искандер Мюнши).

В XI в. туркмены, выступившие на широкую политическую арену, разгромили Газневидское государство и создали в Средней Азии и в Иране сельджукское государство, просуществовавшее около полутора столетий.

Интересные факты об отношении туркмен к власти сельджуков, о культурном состоянии оседлой полосы Туркмении и некоторые данные о внутренней истории самого туркменского народа (по традиции именующегося огузами) изложены в преобладающей своей части на персидском языке.

Источники по истории туркмен представляются довольно разнообразными, так как к ним относятся и другие литературные произведения, содержащие в той или иной степени исторический материал. Некоторые из этих произведений, несмотря на то, что они написаны на персидском языке, по существу имеют прямое отношение к туркменской средневековой историографии.

Прежде всего следует отметить в высшей степени ценные и оригинальные записки Бейхаки (996—1077 гг.), изображающего с известной долей критики события и порядки в эпоху султана Масуда Газневида. Бейхаки в течение почти двух десятков лет служил в «диван-ар-расаил», в круг дел которого входили и дипломатические сношения. В качестве писца-составителя официальных бумаг Бейхаки был в курсе всех отношений между правительством Масуда Газневи (1030—1041 гг.) и туркменами, следил за их борьбой, видел падение могущества Газневидов в 1040 г. и образование государства сельджуков.

Десятки страниц, посвященные Бейхаки туркменам, дают возможность изучить их политическую роль в XI в. в Средней Азии с большими подробностями.

Гардизи, современник Бейхаки, написал около 1048 или 1050 г. исторический труд общего характера, посвященный газневидскому султану Абд-ар-рашиду ибн Махмуду, в период его кратковременного царствования (1049—1053 гг.).

В труде Гардизи изложена история древнеиранских царей, история халифов, история Хорасана, доведенная до 1041 г. Летопись завершается очень интересной главой о тюрках. Исторический труд Гардизи должен быть признан главным источником для изучения истории Хорасана до эпохи Саманидов включительно и до воцарения султана Махмуда (1041 г.).

К повествовательной литературе, также представляющей известную ценность как исторический источник, относятся собрания исторических рассказов и анекдотов, как, например, «Сборник рассказов» Мухаммеда Ауфли. Сюда же принадлежат «жития» суфийских старцев, служащие прекрасным источником для изучения, главным образом, различных сторон быта и положения широких кругов населения Ирана и Средней Азии, чего мы не найдем в упомянутых летописных сводах, рассчитанных на удовлетворение вкусов феодальной аристократии.

Древнейшим из этого рода произведений является житие известного шейха Абу-Саида Фазлаллаха ибн Абу-л-Хейра, автора популярных в Иране четверостиший, большую часть жизни прожившего в местечке Мейхене (или Мехене, ныне туркменский аул Меана), где он родился в 968 и скончался в 1049 г.¹

Составителем жития является потомок шейха Абу-Саида, Мухаммед Ибн-ал-Мунаввар. Попутно с жизнеописанием шейха довольно отчетливо рисуется историческая обстановка — появление и действия огузов в Хорасане; изображаются вожди сельджуков Тогруд и Чагры-бек.

Содержание труда Равенди — «Рахат ас-судур ва аят ас-сурур» («Отдохновение сердец и чело радости») составляет история сельджуков за период от их появления на исторической арене в начале V в. до 1199 г. В труде Равенди имеется и несколько добавочных глав, не связанных с основным содержанием книги (об охоте, об игре в шахматы и др.). Наибольший интерес и ценность представляет подробное изложение событий 1160—1199 гг., т. е. времени двух последних сельджукских султанов, Арслана и Тогрула, ввиду почти полного отсутствия сведений об этом периоде у других историков. Материал для написания истории этого периода автор брал непосредственно из личных наблюдений или со слов старших современников, в частности, пользовался материалами персидского историка Бейхаки. Источником же для повествования об истории сельджуков служил исторический труд «Сельджук-намэ» Захир-ад-дина Нишапури, бывшего воспитателем султана Арслана и родственника нашего автора. Сочинение «Сельджук-намэ» было составлено Захир-ад-дином в царствование последнего султана Тогрула и служило главным источником для позднейших компиляторов.

Ценные исторические сведения содержатся в географических сочинениях, например, «Услада сердец» Хамдаллаха Казвини или «Райские сады» Исфизари. Наконец, общепризнанную ценность для исторического исследования представляют разного рода официальные документы и целые их сборники: достаточно указать на «Инша», сборник документов эпохи сельджуков (XII в.).

Для характеристики родо-племенной структуры туркмен в раннее средневековье весьма ценны сведения Махмуда Кашгарского (XI в.) и Рашид-ад-дина (XIII—XIV вв.). Сведения о туркменах имеются и в ряде произведений, появившихся в XIV—XV вв., чаще всего на персидском языке. Эти

¹ См. «Жизнь и речи старца Абу-Саида Мейхенейского». Персидский текст. Изд. В. А. Жуковский, СПб., 1899.

произведения являются источниками по истории Туркмении, хотя и не могут быть причислены к памятникам туркменской историографии.

Из исторических работ, написанных в Средней Азии в XVI—XVII вв., наибольшее значение для изучения истории туркменского народа имеют сочинения хивинских историков.

Особый интерес хивинских авторов к туркменам и их хорошая осведомленность о туркменских делах объясняются тем, что на всем протяжении своей истории хивинское ханство находилось в непрерывных и тесных взаимоотношениях с туркменскими племенами.

Хивинский хан Абулгази (1603—1663 гг.) является первым из хивинских историков, уделившим большое внимание хивинотуркменским отношениям не только самой эпохи, но и более отдаленного прошлого. Абулгази принадлежат два исторических сочинения «Шеджере-и-теракиме» («Родословная туркмен») и «Шеджере-и-тюрк» («Родословное древо тюрков»).

Труд Абулгази, составленный на основании разных туркменских преданий, носит легендарный характер¹. Тем не менее сведения Абулгази о расселении туркменских племен, в частности о размещении их по Узбою в XVI—XVII вв., являются весьма ценными².

Выдающимся историком XVI—XVII вв. был туркмен Искандер Мюнши, о котором уже говорилось выше. Искандеру Мюнши принадлежит также труд эпистолярного характера («Муншаат»), представляющий собрание разного рода официальных писем, обращений и тому подобных актов.

¹ См. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 43.

² См. В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. «Известия Туркменского отдела Русского географического общества», т. IV, вып II, Ташкент, 1902, стр. 89—115.

Глава IV

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ ПЕРИОДА ДВОРЯНСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Русское историческое знание первой половины XVIII в. развивалось в условиях дворянской империи и все усиливавшегося крепостнического гнета. Сами преобразования начала XVIII в. имели целью укрепление «национального государства помещиков и торговцев»¹. Они производились за счет беспощадной эксплуатации крепостного крестьянства.

Россия первой половины XVIII в. далеко шагнула по пути промышленного развития. Наряду с крупными казенными фабриками и заводами появились предприятия, принадлежавшие частным лицам, дворянам и купцам. На фабриках и заводах применялся вольнонаемный труд, но основной формой использования рабочего труда оставалась крепостническая эксплуатация. Развитие вольнонаемного труда и рынка рабочей силы тормозилось крепостническим строем страны в целом.

Еще более усилился крепостнический гнет в деревне, что нашло свое выражение в усилении барщины и повышении оброков, а также в постепенном лишении крепостных крестьян даже тех скудных прав, которыми они раньше пользовались. Безудержная эксплуатация крестьян, насилия над их личностью и имуществом еще более ухудшали условия, в которых жило основное население России, трудящиеся, подлинные создатели материальных благ. Это вызывало обострение противоречий между господствующим классом феодалов и крестьянами: возникали мощные движения крестьян и рабочих людей на заводах.

Все это находит свое отражение в литературе, искусстве, в историографии первой половины XVIII в.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 105.

Основные кадры историков первой половины XVIII в. вышли из числа дворян. Исключением был лишь М. В. Ломоносов, исторические взгляды которого являются лучшим достижением русской передовой мысли этого времени.

Новым и крупным явлением в истории исторического знания в России первой половины XVIII в. было учреждение Академии наук, ставившей своей задачей разработку научных проблем. В разработке исторических проблем начинают принимать участие постоянные кадры ученых историков-профессионалов. На первых порах такими кадровыми учеными были академики, вызванные из Германии и других стран. Однако влияние этих пришлых ученых на развитие русского исторического знания в некоторых отношениях было даже отрицательным, так как русская история строилась ими с недостаточным учетом или без всякого учета русских источников. Многие академические произведения остались недоступными широким кругам русского общества, так как они печатались на немецком и латинском языках и только частично переводились на русский. Сама Академия наук рассматривалась правительственными кругами не столько как научное учреждение, сколько как обыкновенное ведомство, обязанное выполнять правительственные заказы. Академики составляли планы фейерверков для праздников, писали похвальные оды и речи, выполняли отдельные поручения двора и пр.

Основные пути русской исторической науки были намечены до основания Академии наук. Поэтому совершенно неправильно приписывать немецким академикам во главе с Байером создание русской исторической науки, как это делали дворянско-буржуазные историки, например К. Н. Бестужев-Рюмин, утверждавший, что «первоначальниками науки были у нас ученые немцы»¹. Это повторяли и другие историки, в том числе автор «Опыта русской историографии» В. С. Иконников.

Создание Академии наук способствовало распространению и углублению исторических знаний, так как Академия сделалась основным ученым центром страны с постоянными штатами ученых, с библиотекой, музеями и пр. Кроме того, Академия имела возможность печатать научные труды своей типографии, выписывать книги из-за границы и поддерживать связь с другими странами по вопросам науки. Поэтому издание крупнейших исторических трудов первой половины XVIII в., в той или иной степени, связано с деятельностью Академии.

Исторические произведения начала XVIII в. в большинстве случаев сохранились только в рукописях или были напечатаны значительно позже их составления. Крупнейший исторический

¹ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 209.

труд этого времени, написанный А. И. Манкиевым — «Ядро Российской истории», — вышел из печати только во второй половине столетия.

Наиболее ценные исторические труды первой половины XVIII в.; были написаны русскими историками: Манкиевым, Татищевым и Ломоносовым.

Трудами русских историков первой половины XVIII в. приведены были в известность обширные и разнообразные исторические источники. Впервые вступили в научный оборот Русская Правда и многочисленные акты. Решительно изменился самый взгляд на историю. Основной задачей историков сделалось написание истории государства, обоснование которой с рационалистических позиций дал Татищев. Историческая наука в России вступила на путь научной разработки исторических проблем.

Отмечая положительные стороны в развитии исторических знаний в России первой половины XVIII в., мы не можем забывать и того, что исторические труды этого времени обслуживали в основном интересы господствующего класса феодалов. Только Ломоносов стремился сделать знание доступным широким народным массам, отстаивая право всех сословий получать образование в Московском университете, основанном в 1755 г., в то время как Миллер в своем проекте устройства гимназии при Академии наук предлагал отделить «благородных» учеников от «подлого» народа. Классовая ограниченность и замкнутость были типичными чертами деятельности историков первой половины XVIII в.

II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ВРЕМЕНИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Исторические знания в дворянской России первой четверти XVIII в. развивались в условиях экономических, политических и культурных преобразований, проводившихся Петром I в интересах помещиков и купцов. Правительственные круги, во главе с самим царем, видели в историческом знании одно из могущественных средств для обоснования политики дворянского государства. Петр I придавал большое значение созданию руководства по истории России, которое непосредственно подводит бы читателя к его царствованию и деятельности, было бы направлено против врагов преобразований.

Работы по созданию подобного руководства велись в течение царствования Петра I с большой настойчивостью. Результатом их было появление труда Манкиева «Ядро Российской

истории». В первой четверти XVIII в. впервые было положено начало собиранию научными учреждениями письменных памятников по истории России.

Подготовительные работы по составлению пособия по русской истории, призванного заменить устаревший Синописис, предпринимались правительством Петра I уже в самом начале XVIII в. В 1708 г. составление книги по русской «истории», «от начала княжения Василия Ивановича до последнего времени» было заказано типографскому справщику Федору Поликарпову, который должен был написать для образца повествование за пять лет, дав его в двух вариантах, кратком и пространном. Выбор Поликарпова в качестве составителя «русской истории» был явно неудачен. Поликарпов принадлежал к числу ученых людей своего времени, но его научные интересы касались прежде всего древнейшей истории славян и Византии. Поликарпов не справился со своей работой, которая была представлена в 1715 г. и не удовлетворила царя. Вновь представленные им в 1722 г. материалы также не понравились Петру I, который желал «ведать Российского государства историю», а не рассказ «о начале света»¹. Труд Поликарпова остался неопубликованным и неоконченным, даже его оригинал, повидимому, не сохранился.

О характере историографии начала XVIII в. мы имеем более полное представление на основании работы А. И. Манкиева — «Ядро Российской истории». Автором «Ядра» был Манкиев, переводчик или секретарь при Хилкове, долгое время находившийся вместе с ним в плену у шведов. Умер Манкиев в 1723 г. «Ядро Российской истории» было написано по распоряжению Петра I, в доношении которому от 7 апреля 1715 г. автор пишет, что он «имел на сей труд повеление, а особливо, чтоб описать славные его царского величества дела, и над неприятелями побед его великолепие»². Труд Манкиева, законченный в 1715 г., был издан только спустя полстолетия, в 1770 г. Издатель его, известный «историограф» Миллер, подошел к своему делу крайне поверхностно и приписал авторство «Ядра Российской истории» князю А. Я. Хилкову, неправильно прочитав подпись под посвящением этого произведения Петру I.

Труд Манкиева построен уже на совершенно иных основаниях, чем Синописис и «Скифская история» Лызлова, хотя и примыкает к ним в своей начальной части. «Ядро» состоит из семи книг, разделенных на главы. Первая книга, начинающая

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», кн. IV, т. 16, стр. 15; П. Пекарский. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия, СПб., 1862, стр. 317.

² А. Я. Хилков. Ядро Российской истории..., М., 1784, стр. 4.

яся с главы «о произведении народа русского», кончается легендарным призыванием Рюрика с братьями. Вторая книга кончается княжением Андрея Боголюбского и рассказом «о перенесении начальнейшего престола русского во Владимир», третья — падением Царьграда от турок, четвертая — царствованием Федора Ивановича, пятая — избранием Василия Шуйского; шестая — изгнанием поляков из Москвы, седьмая — «самодержавством Петра Алексеевича».

В этой схеме чувствуется еще старое представление о русской истории, которое проводилось в сочинениях XVI—XVII вв.: призывание трех князей, перенос столицы во Владимир, прекращение династии Рюриковичей, избрание Романовых взяты как основные политические вехи в истории России. Однако распределение исторического материала в «Ядре» новое. Так, описание периода, предшествующего падению Константинополя, занимает значительно меньше половины текста (159 страниц из 392), следовательно, наибольшее значение придается событиям не раннего периода русской истории, а более позднего времени — XV—XVII вв. Правда, последние две главы, отведенные царствованию Петра I, оказываются очень сжатыми, но и они показывают стремление автора довести изложение вплоть до своего времени.

В труде Манкиева рассказ о событиях русской истории не отрывается от истории мировой. Так, Манкиев начинает четвертую книгу своего «Ядра» главою с таким знаменательным названием: «о сшибении ига татарского, самоначалстве великого князя Иоанна Василиевича и обретении четвертой части мира, Америки». Об этом событии Манкиеву сказать «за потребно показалось»¹. Связь русской истории с всемирной приводится Манкиевым и в других частях его труда. Например, он рассказывает о Магомете и турках².

«Ядро» при изложении древнейшей русской истории примыкает к сочинениям XVII в. «Ядро» также как и Повесть временных лет, ведет свой рассказ от сыновей Ноя. Однако эта старинная схема облечена уже в новые формы. Манкиев отказывается от прежней провиденциальной точки зрения на исторические события. В объяснении исторических событий Манкиев стоит на прагматической точке зрения, поэтому совершенно неправильно рассматривать взгляды Манкиева на историю как простое продолжение историографии XVI—XVII вв., что иногда делается в работах по русской историографии. Так, расправы Ивана Грозного с боярами объяснены в труде Манкиева завистью и лихоимством последних, перенесение столицы во

¹ А. Я. Хилков. Ядро Российской истории..., стр. 164.

² Там же, стр. 160—163.

Владимир мотивируется властолюбием Андрея Боголюбского и т. д. Конечно, классовая, дворянская ограниченность Манкиева была причиной того, что он смотрел на историю России в первую очередь как на историю самодержавия¹. Манкиев не довольствовался только русскими летописями и хронографами, но привлекал для своего изложения и древних историков, писавших на латинском и греческом языках. Баснословные рассказы о Мосохе он стремился подтвердить ссылками на Бероса, Ксенофонта, Птолемея, Плиния и т. д. В дальнейшем в объяснении древней русской истории автором привлекались итальянские, шведские и другие иностранные историки².

Для составления «Ядра Российской истории» Манкиев привлек большое количество отечественных источников — не только летописи и хронографы, но и актовые и вещественные источники.

В историографическом отношении труд Манкиева интересен тем, что его автор впервые сопоставляет и критически проверяет различные исторические построения, не ограничиваясь изложением чужих мнений. Манкиев критикует и высмеивает заключения некоторых итальянских авторов о том, что название славяне произошло от слова «schiaivo», «си есть *невольник*». Он приводит славянские имена вождей, давая тут же их перевод на латинский язык, в доказательство того, что эти имена «от *славы* имена имели, а не от *невольничества*». Основной вывод Манкиева сделан в следующей несколько язвительной по отношению к итальянским писателям форме: «Славенский, происшедший от *славы*, гораздо старший и древнейший есть язык, нежели испорченный римский, си есть италианский»³.

Тот же элемент критики, выраженный иногда довольно резко, замечен и в других частях книги Манкиева. Так, говоря о шведской оккупации Новгорода в начале XVII в., он замечает о шведском «историописателе» Петрее, что ему, как попу, «правду хранить паче было надобно, а не прихлебствовать по блуднически своим обманщикам»⁴.

Неизвестно, по каким причинам книга Манкиева не увидела свет при Петре I. Возможно потому, что она давала слишком мало материала о самом петровском царствовании. Однако, как показатель нового этапа в русской историографии, впервые критически связавшего русскую и зарубежную историческую литературу, эта книга имеет значительный интерес. «Ядро» показывает, что уже в начале XVIII в., задолго до де-

¹ С. М. Соловьев. Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза» (далее — Собр. соч.), стб. 1317—1328.

² А. Я. Хилков. Ядро Российской истории..., стр. 10—15 и др.

³ Там же, стр. 13—14.

⁴ Там же, стр. 294.

ятельности Татищева, существовали способные и образованные историки, умеющие критически пользоваться источниками и литературой на разных языках.

Если бы «Ядро Российской истории» было напечатано в начале, а не в конце XVIII в., оно сыграло бы значительно большую роль в исторической науке того времени. Даже после появления трудов Татищева и Ломоносова «Ядро Российской истории» было четыре раза перепечатано,— настолько оно привлекало к себе интерес читателей своим кратким, но четким изложением.

Однако значение труда Манкиева в дворянско-буржуазной литературе игнорировалось или преуменьшалось. Даже С. М. Соловьев, впервые отметивший значение Манкиева в русской историографии, видел в нем только продолжателя историков XVI—XVII вв. Этому взгляду на труд Манкиева придерживались и многие позднейшие историки. В действительности «Ядро Российской истории» является новым видом исторического произведения, свидетельствующим о тех больших сдвигах в русской историографии, которые произошли в период преобразований первой четверти XVIII в.

Интерес ко всеобщей истории и привлечение сочинений на иностранных языках для составления истории России сделались для начала XVIII в. явлением обычным. По приказу Петра I было переведено «Введение в историю» Пуффендорфа, церковная история Барония, немецкое историческое сочинение «Феатрон или позор исторический» (1724 г.), «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого». Интерес к истории славян проявился в переводе с итальянского языка сочинения Мавра Орбини о славянах. «Рассмотрение» повести о Кирилле и Мефодии было написано епископом Феофилактом Лопатинским. Известному Феофану Прокоповичу приписывают сочинение «книжицы» с доказательствами того, что древние славяне были известны греческим авторам под разными именами.

Историография начала XVIII в. дала и некоторые новые по тематике и построению исторические произведения¹.

Работой такого рода является «История Северной войны» или «Журнал или поденная записка блаженной и вечнодостойной памяти Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадского мира». Последнее название работе дал М. Щербатов, подготовивший «Журнал» к печати в 1770 г. Издатель указывал, что первая часть «Журнала» была отредактирована Петром I (до 1715 г.), вторая же часть осталась не просмотренной им.

¹ Раздел о «Журнале» написан Л. Г. Бескровным.

«Журнал или поденная записка», редактором которой был Петр I, не является собственно журналом военных действий. Издание ставило гораздо более широкие задачи: показать развитие внешней политики России накануне и во время Северной войны; охарактеризовать вооруженные силы страны; осветить ход Северной войны на всех театрах военных действий.

Характеристика внешней политики России нашла свое отражение в приведенных в «Журнале» договорах с Данией и Саксонией о совместных действиях против Швеции. Автор по ходу изложения указывает на изменения во внешнеполитическом положении России в результате побед. Так, в «Журнале» сообщается, что после Полтавской битвы турецкий султан принял русского посла П. Толстого, «где ему при султানে отдана ратификация..., в которой турки прежней мир подтвердили, и о короле шведском определено, чтоб его отпустить из Бендера»¹.

В то же время английская королева возвела своего посланника в России в ранг чрезвычайного посла, который имел «публичную в Москве аудиенцию; и на той аудиенции по указу королевы своей государю предлагал он титул цесарский»².

Останавливаясь на характеристике состояния вооруженных сил России, «Журнал» не просто сообщает численность войск, а показывает процесс развития русской регулярной армии, начиная от упразднения стрельцов и создания «прямого регулярного войска». В «Журнале» нигде не указывается на факт заимствования форм организации и устройства русской полевой армии, а, наоборот, подчеркивается самостоятельность России в решении этой важной задачи.

Ход войны показан достаточно полно и точно. В «Журнале» освещены как победы, так и неудачи русского оружия. В нем отсутствует «бесстыдное бахвальство», которое отмечал Энгельс в военно-исторических работах западноевропейских историков XVIII в.

Так, в «Журнале» указывается на факт поражения русских войск под Нарвой: «И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно»³. Причины этого поражения, по мнению автора, явились следствием отсутствия обученных войск и недостаточного опыта («Искусство ниже вида») и измены иностранных генералов и офицеров. Из Нарвского поражения был сделан верный вывод — нужно продолжать во-

¹ «Журнал или поденная записка» (далее — «Журнал»), т. I, ч. I, Спб., 1770, стр. 238.

² Там же, стр. 236.

³ Там же, стр. 23.

енную реформу: «Неволя лень отогнала, и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила»¹. Мероприятия Петра, как известно, увенчались успехом.

Большой интерес представляет оценка победы при Лесной, данная в «Журнале». Несмотря на то, что до 1708 г. русские войска одерживали неоднократные успехи в боях в Прибалтике, эти победы не имели решающего значения. Иное дело бой при Лесной. «Сия у нас победа может первая называться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тсму ж еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем... Тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила». Победа при Лесной была матерью «Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца счастья произнесла»².

О Полтавской победе в «Журнале» говорится, что эта «совершенная виктория (которой подобной мало слыхано), с легким трудом и малою кровию против гордаго неприятеля чрез самого государя персональной, храброй и мудрой привод, и храбрость начальных и солдат, одержана»³.

«Журнал» раскрывает стратегическую концепцию Петра I, стремившегося добиться истребления противника в ряде сражений. Венцом стратегии Петра было контрнаступление у Полтавы, окончившееся разгромом армии Карла XII. «Журнал» раскрывает борьбу за создание армии, способной вести боевые действия на основе принципов линейной тактики.

Таким образом, «Журнал или поденная записка», или «История Свейской войны», положил начало систематическому освещению отечественных войн России.

Известным дипломатом петровского времени Шафировым были написаны «Разсуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 году имел...»⁴. Интересную попытку изложить историю современных ему событий сделал князь Б. И. Куракин, написавший «Гисторию о царе Петре Алексеевиче»⁵. В ней рассказывается о царствовании Петра с 1682 по 1695 г., с краткими, порою очень острыми и часто недоброжелательными характеристиками отдельных исторических деятелей.

¹ «Журнал», т. I, ч. 1, стр. 24.

² Там же, стр. 169.

³ Там же, стр. 198.

⁴ См. П. Шафиров. Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 году имел..., СПб., 1717.

⁵ См. Б. И. Куракин. Гистория о царе Петре Алексеевиче. «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. I, СПб., 1890, стр. 41—78.

В конце царствования Петра I были впервые приняты меры по собиранию и приведению в известность древнейших источников по русской истории. В 1720 г. вышел указ «во всех монастырях и епархиях и соборах прежняя жалованная грамоты и другая курioзные письма оригинальныя, такожде и исторические рукописные книги пересмотреть и переписать», прислав их затем в Сенат. Указ этот был повторен в несколько измененном виде в 1722 г., с распоряжением прислать рукописи в Синод, оставив списки с них в тех библиотеках, где ранее хранились подлинники. В указе были названы пергаментные («на хартиях») и бумажные «церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие им подобные». Значительное количество рукописей, присланных в Синод в 1722 г., хранится теперь в Историческом музее в Москве.

Летописцы, степенные книги и хронографы собирались для какого-то исторического произведения, составление которого было поручено Григорию Скорнякову-Писареву. Это произведение, судя по донесению Скорнякова, предполагалось написать в виде «летописца»¹.

Относительно небольшое количество исторических произведений, написанных в первой четверти XVIII в., не должно закрывать от нас крупных явлений в развитии русских исторических знаний. Одним из крупнейших недостатков более ранней русской историографии было слабое знакомство авторов исторических произведений с иностранными источниками. Создатели различного рода сказаний и временников, появившихся во второй половине XVII в., как правило, пользовались только доступными для них переводными сочинениями с латинского или греческого языка, а также сочинениями белорусских, польских и украинских писателей. Крупные западноевропейские труды по всемирной истории оставались для них большей частью неизвестными.

Преобразования начала XVIII в. способствовали усилению связей русской историографии с западноевропейской. Знание иностранных языков позволило писателям этого времени ознакомиться с западноевропейскими историческими трудами и критически освоить их. Использование наряду с русскими источниками и зарубежных характерно для «Ядра Российской истории» и других исторических произведений первой четверти XVIII в.

Важнейшим явлением в русской историографии этого времени было стремление найти объяснение историческим событиям в их причинной связи, а не в божественном промысле.

¹ См. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2. кн. 2, Киев, 1908, стр. 1920; П. Пекарский. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия, стр. 318—319.

Явным следствием этого было последовательное применение исторической критики, правда — пока еще по отношению лишь к некоторым вопросам русской и всеобщей истории.

Эти особенности русской историографии первой четверти XVIII в. были свойственны ей задолго до начала деятельности немецких академиков, которым дворянские и буржуазные историки приписывали создание русской научной истории. Решительные изменения в русской историографии были следствием экономического, политического и культурного развития России, они не были принесены откуда-то извне, а органически выросли на отечественной почве.

III

ТРУДЫ В. Н. ТАТИЩЕВА

Василий Никитич Татищев (1686—1750 гг.) был крупнейшим историком первой половины XVIII в. Однако значение его исторических трудов до сих пор еще полностью не вскрыто. Даже те ученые, которые высоко ставили деятельность Татищева, как историка, например С. М. Соловьев и К. Н. Бестужев-Рюмин, главную заслугу Татищева видели только в том, что он собрал и впервые критически оценил большое количество новых источников¹.

Но существовали и совершенно отрицательные высказывания о работах Татищева, которые ведут свое начало с XVIII в., а особое распространение получили со времен Н. М. Карамзина. Немецкие академики, занимавшие господствующее положение в Академии наук, с большим неудовольствием смотрели на труды Татищева. «История Российская», представленная Татищевым в Академию наук еще в 1739 г., увидела свет только через тридцать с лишним лет после ее представления, причем текст «Истории», напечатанный в 1768—1774 гг. в Москве, не дает полного представления о работе Татищева, так как для издания был избран не лучший вариант его труда.

Василий Никитич Татищев родился в 1686 г. в дворянской семье, в юности принимал участие в боевых действиях при взятии Нарвы и в сражении под Полтавой. Позже, большую половину своей жизни, он служил по военному ведомству и только в конце царствования Петра I был назначен управляющим горными заводами на Урале. В 1724 г. Татищев ездил в Швецию «для призыву мастеров, потребных к горным и

¹ См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, т. 20, стб. 1483; К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, СПб., 1882, стр. 175.

минеральным делам», а по возвращении в Россию был назначен в Московскую монетную контору. В 1730 г. Татищев активно действовал против Верховного тайного совета, «чтобы не сделалось, вместо одного самодержавнаго государя десять самовластных и сильных фамилий»¹. В этом духе им были составлены «пункты» об организации Сената из 21 члена и «нижнего правительства» из 100 человек. По предложению Татищева, в интересах дворянства срок дворянской службы предполагалось ограничить двадцатью годами. Воцарение Анны Ивановны было благоприятным для дальнейшей карьеры Татищева, получившего чин действительного статского советника.

В 1734 г. Татищев был назначен главным начальником всех горных заводов в Перми и в Сибири, а в 1739 г. отстранен от должности по обвинению в злоупотреблениях (самовольной постройке домов, получении подарков от купцов и т. п.). Эти обвинения имели основания, так как в своей административной деятельности Татищев не отличался безупречностью. Однако действительной причиной опалы Татищева были не эти проступки, а близость его к кабинет-министру Вольтыскому. Свержение регентства Бирона и новый дворцовый переворот, возведший на престол Елизавету Петровну, помогли Татищеву избавиться от преследований. В 1741 г. Татищев был послан в Калмыцкую комиссию, а несколько позже назначен на должность астраханского губернатора. После отставки от этой должности в 1745 г. Татищев поселился в своем подмосковном имении Болдино, где умер 15 июля 1750 г.

Свои исторические изыскания Татищев начал, повидимому, в возрасте 34 лет. В 1742 г. он писал о своих исторических работах: «при прежних порученных мне делах трудился я о сочинении Российской истории и географии и через 21 год немало собрал»². Следовательно, начало его работы над составлением «Истории Российской» надо относить примерно к 1720 г., когда Татищев покинул военную службу. Такой вывод подтверждает и другое свидетельство от 1743 г., в котором так говорится о Татищеве: «его главнейшая наклонность была направлена к учености и торговле... Он рассказывал, что уже 24 года работает над русскою историею»³.

Деятельность Татищева была многообразной. Он впервые в России подготовил публикацию исторических источников, положил начало исторической географии, написал «Историю Российскую», применив впервые критический метод исследования

¹ К. Бестужев - Рюмин. Биографии и характеристики, стр. 24.

² Н. Попов. В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 440—441.

³ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве, СПб., 1864, стр. 4—5. См. также А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. «Исторический архив», т. VI, стр. 245—314.

источников с учетом всех достижений тогдашней исторической науки.

В 1738 г. Татищев представил в Академию наук тексты Русской Правды и Судебника 1550 г. с обширным комментарием. Так, впервые в научный оборот вошли два ценнейших памятника русской истории. Как и другие труды Татищева, подготовленные им издания Русской Правды и Судебника увидели свет спустя столетия после представления этих замечательных памятников в Академию. Между тем, труды Татищева по изучению Русской Правды и Судебника являются первой научной публикацией русских источников.

Изданию Русской Правды и Судебника предшествует краткое предисловие, после чего следуют тексты издаваемых источников, снабженные необходимыми комментариями.

В своем «предъизвещении» Татищев упоминает о двух известных списках краткой редакции Русской Правды: один из них назван списком попа Иоанна, другой приписан Авраамью Ростовскому. Русскую Правду издатель считает законом славянского происхождения, сочиненным задолго до Рюрика, и связывает его с законом русским, упомянутым в договоре Олега с греческими императорами. Таким образом, Татищев в целом правильно оценил значение Русской Правды как памятника русского права, отвергнув представления о заносном, норманском, происхождении древнейших русских законов. Это обстоятельство, вероятно, и было причиной того, что публикация Татищева не была осуществлена в 30-х годах XVIII в., так как в Академии господствовали люди, подобные Байеру с его порочными норманистскими взглядами. Такие же краткие сведения предпосылает Татищев и Судебнику Ивана Грозного, указывая, что он издает его по рукописи, вероятно принадлежавшей боярам Романовым. Таким образом, предисловие в основном отвечало требованиям научного издания документов, насколько это было возможно в первой половине XVIII в.¹

Примечания Татищева к изданным им памятникам были также новым и значительным явлением. При малом количестве научных изысканий по русской истории в первой половине XVIII в. Татищев, естественно, не был в состоянии дать сколько-нибудь точное объяснение статей Русской Правды. Поэтому слово «изгой» он прямо объявляет непонятным, а «ябедника» считает искажением слова «обетник, или по договору служащий, т. е. холоп»². Впрочем, и сам Татищев сознавал невозможность объяснения при тогдашнем состоянии науки всех терминов Правды, ограничиваясь иногда замечаниями: «сие окон-

¹ См. «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. I, СПб., 1786.

² Там же, стр. 10.

чание темно», «сие нечто темно» и т. д. В предисловии он сам пишет о невозможности дать полный комментарий к Русской Правде: «Я оный по статьям разделил, и хотя ревностно желал и прилежал, чтоб оной совершенно изъяснить, для чего многих древних историй, а паче Новгородских сведущих спрашивал, но не мог все слова точно разуметь»¹.

Комментарий к Судебнику оказался в издании Татищева гораздо полнее, чем к Русской Правде. В этом комментарии встречаем явные и грубые ошибки, вроде объяснения слова «боярин», которое будто бы происходило от сарматских слов «поо» и «ярик», что значит «умная голова или остроумный человек»², но подобные словопроизводства были характерны вообще для XVIII в. Рядом с этими лингвистическими ошибками, в комментариях Татищева к Судебнику встречаем немало ценных объяснений, не потерявших своего значения и до нашего времени. Таковы объяснения различного рода юридических терминов Судебника: правая грамота, езд, хоженое и т. д. Нельзя забывать и те трудности, которые встретила первая попытка издания русских источников с чисто научной целью. Татищеву пришлось ополчаться против людей, выступавших против издания древних документов, которые «печатать более за вред и поношение, нежели за пользу и честь почитают». Татищев указывал на то, что законы Ликурга, Нумы Помпилия и Юстиниана печатаются «и славнейшие юристы их читать и силу их разуметь не гнушаются»³, хотя эти законы давно устарели «и кто в них не видит странных, или паче по нынешнему гнусных положений».

В 1739 г. Татищев представил в Академию свой самый обширный и замечательный труд — «Историю Российскую», которая была напечатана в XVIII в. в четырех книгах (пятая книга напечатана в XIX в.).

Первая книга «Истории Российской», состоящая из двух частей, содержит введение, а также историю скифов, сарматов и славян до 860 г., остальные книги излагают события во второй книге — до 1149 г., в третьей — с 1149 г. до нашествия татар в 1237 г., в четвертой — с 1238 г. до Ивана III, в пятой — от начала княжения Ивана III до 1577 г. Сохранились и отрывки, которые относятся к истории России конца XVI—XVII в.⁴

¹ «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», стр. 3.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 6—7.

⁴ См. В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен... [далее — «История»], кн. I, ч. 1, М., 1768; кн. I, ч. 2, М., 1769; кн. II, М., 1773; кн. III, М., 1774; кн. IV, СПб., 1784; кн. V М., 1848 («Чтения в имп. обществе истории и древностей российских» (далее «Чтения ОИДР»), 1848, № 4, 5 и 9.

Обычно оценка «Истории Российской» В. Н. Татищева производится на основании как раз тех частей его работы, которые заключают хронологическое почти погодное описание политической истории. Отсюда делается поспешный и неправильный вывод, что Татищев повторял старую летописную традицию погодного рассказа об исторических событиях. Однако такая оценка труда совершенно игнорирует первую книгу «Истории», на основании которой мы можем судить об исторических взглядах Татищева, имевших, несомненно, прогрессивный характер и отражавших новые идеи, передовые для первой половины XVIII в.

Свои взгляды на историю В. Н. Татищев развивает в предисловии — «предъизвещение о истории общественное и собственно о русской». Он начинает свой труд объяснением, что «история есть слово греческое», обозначающее в переводе на русский язык деяния; следовательно, история имеет различное название и касается не только истории людей, потому что «нет никакого приключения, чтоб не могло деянием назваться». В связи с этим Татищев указывает на различные виды истории, в том числе историю естественную, гражданскую или «светскую», церковную.

Особые разделы своего предъизвещения Татищев посвящает доказательствам полезности истории при изучении ряда наук. Необходимость этих доказательств станет ясной, если вспомнить, что Татищев писал еще тогда, когда находились люди, сомневавшиеся вообще в пользе исторических знаний.

«О пользе истории не потребно бы толковать, которую всяк видеть и ощущать может,— пишет Татищев,— однакож как некоторые не обыкли о вещах внятно и подробно разсматривать и рассуждать... как то мне таких о бесполезности истории не без прискорбности рассуждения слышать случалось и для того я запоздно рассудил о том кратко изъяснить». Польза истории мыслится Татищеву уже в том, что «дела древние иногда так чувствительно нам воображаются, как бы мы собственно то видели и ощущали». Без знания истории ни один человек «мудр и полезен быть не может». В доказательство значения истории Татищев ссылается на ее необходимость для таких наук, как юриспруденция, богословие, медицина, политика, военное дело. Составление русской истории Татищев считал патриотической задачей, так как европейские историки не знают русской истории, которая может принести пользу и для изучения всей европейской истории. История России нужна потому, «что через нея неприятелей наших яко польских и других басни и сущия лжи к поношению наших предков вымышленные обличатся и опровергнутся»¹.

¹ В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 1, стр. II—VII.

В своей «Истории Российской» Татищев решительно отказался от провиденциальной точки зрения на исторические события, объясняя их свойствами человеческого ума. Он пишет, что причина всех действий человеческих «от ума или от глупости происходит». Глупость не «особое существо, но... токмо недостаток, или оскудение ума, властно как стужа, оскудение теплоты... Ум же разумеет главное природное действо или силу души, а когда ум просветится, тогда именуется разум». В связи с этим Татищев указывает на три величайшие «способа всемирного умопросвещения»: изобретение письменности, пришествие Христа и открытие книгопечатания, причем изобретение письменности и книгопечатание особенно привлекают внимание Татищева, «ибо и чрез то науки вольныя возрасли, и число книг полезных умножилось»¹.

Это сопоставление трех «способов всемирного умопросвещения» казалось в XVIII в. прямо кощунственным. Недаром даже С. М. Соловьев, говоря о взглядах В. Н. Татищева на просвещение, счел необходимым сделать примечание, что «Татищев размещает эти способы не по важности, а по времени»².

Вольнодумство В. Н. Татищева ярко выступало на фоне показного благочестия и ханжества придворных кругов первой половины XVIII в. О Татищеве говорили, что он «касательно религии держался особливых мнений, почему многие его не считали православным»³. Действительно, Феофан Прокопович приводит отзыв Татищева о библейской книге «песнь песней», приписываемой Соломону и считавшейся священной, несмотря на ее легкомысленное содержание: «по всему видно, что Соломон, разжизаясь похотию к невесте своей, царевне египетской сия писал, как то у прочих, любовию зжимых, обычай есть»⁴.

Татищев впервые в русской историографии делает попытку философски обосновать причины возникновения государств, впрочем считая, что «о власти и порядках правительств историку не потребно более писать, как токмо о приключениях предприятий области и причины, для которых что переменилось». По его мнению, все, что «касается до начала сообществ, порядков, правительств и должностных правителей и подданных, оное собственно принадлежит до философии». Таким образом, В. Н. Татищев под именем философии в сущности понимал социологию. 45-я глава второй части «Истории» целиком отведена вопросу «о древнем правительстве русском и других в пример»⁵.

¹ В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 1, стр. XXVI—XXVII.

² С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1335.

³ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве, стр. 7.

⁴ И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, 1868, стр. 614.

⁵ В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 2, стр. 527—547.

Возникновение государства Татищеву представляется в виде возникновения ряда «подчинений». Татищев заявляет, что «человек один бесполезен». Первым сообществом являлось супружество, в котором муж был главою. Второе подчинение — это подчинение детей родителям: «На сем основании большею частью правительство монархии состоит; монарх яко отец, а подданные яко чада почитаются, каким бы порядком оное не учинилось», Третье сообщество — «домовное; принявший во служение господин, а поддавшиеся служители или холопы именовались». Однако «единодомовныя или хозяйские сообщества не могли долго в спокойности и безопасности быть», потребность в обороне вызвала появление укрепленных мест — городов. Но оборона — не основная причина возникновения городов, города возникают вследствие развития ремесла и торговли: «ремесла причина городов»¹.

Нужда в гражданском порядке вызвала «политию», т. е. гражданство, или правление гражданское. При большем «многочудстве» понадобилось аристократическое правление и, наконец, монархия, возникновение которой мыслилось Татищеву, как результат договора. Монарх выбран, «дабы он о пользе общей прилежал, а подданные всенародно обещались повеление его исполнять».

Татищев признает «за порядочные к сохранению общей пользы по состоянию областей удобнейшие» только три формы правления: монархию, аристократию и демократию. Демократия может сохраняться лишь в городах и малых областях, аристократия развивается при особых условиях, в землях, хорошо защищенных морями или горами, подобно Англии и Швеции. Монархия необходима для обширных земель с открытыми и слабо защищенными границами, там, где народ не просвещен и сдерживается более страхом, «нежели от собственного благонравия».

Специально рассматривает Татищев вопрос об истории монархии в России. Титул великого князя в России впервые принял Рюрик, утвердивший самовластие, которое держалось в России ненарушимо до смерти Мстислава, сына Владимира Мономаха, т. е. до 1132 г. После кончины Мстислава «учинилась аристократия, но беспорядочная». Монархия была возобновлена при Всеволоде Большое Гнездо; после него началось опять несогласие между князьями, облегчившее татарам покорение Руси. Иван III, которого Татищев называет «Великим», сверг власть татар и «паки совершенную монархию возставил», но аристократическое правление установилось снова после свержения Шуйского и привело к распаду государства. «Из сего всяк

¹ В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 2, стр. 527—531.

может видеть, сколько монаршеское правление государству нашему прочих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез прочия умалается и гибнет»¹. Таков окончательный итог рассуждений Татищева.

Таким образом, Татищев был первым русским историком, который попытался объяснить исторические явления не вмешательством божественного провидения и не подвигами отдельных людей, а общественным устройством. В этом отношении он стоит несравненно выше многих дворянских историков, в том числе Щербатова и Карамзина.

В. Н. Татищев назвал свой труд «Историей Российской», однако, под понятием «российской» истории он разумел не только историю собственно русского, но и других народов, обитавших в древнее время на территории России XVIII в. Он цитирует известия Страбона, Плиния, Птелемея, Константина Багрянородного и других авторов, решительно отвергая баснословие польских историков, так как они «хронологии и географии в их сказаниях не наблюдали и тем немалое смятение наносят»².

Обширная вторая часть первой книги «Истории» Татищева целиком отведена древнейшей истории народов, обитавших в Восточной Европе. Отдельные главы говорят о скифах, сарматах, готах, аланах и других древних народах. Варягам посвящены две главы, первая из которых излагает собственные взгляды Татищева («варяги, какой народ и где был»), другая («Феофила Зигфрида Байера о варягах») — является статьей Байера и помещена в «Истории» со ссылкой на оригинал, напечатанный в Комментариях Академии.

Дворянские и буржуазные историки XIX — начала XX в. видели в помещении статьи Байера как бы признание Татищевым норманистской теории, но стоит только сравнить обе главы о варягах, чтобы тотчас отвергнуть это предположение. Байер доказывает, что «от начала руссы владельцев варягов имели»³, тогда как Татищев заявляет о призвании варяжских князей: «сих князей пришествием видимо, что народ славенский толико уничтожен был, что мало где в знатности славян находилось»⁴. Помещение статьи Байера в «Истории Российской» было только вынужденным приемом, без которого автор «Истории» не мог рассчитывать на опубликование своего труда при господстве Байера и других немцев в Академии. Насколько сам Татищев был далек от воззрений норманистов, видно из того, что из громадной второй части первой книги объемом в 600 страниц

¹ В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 2, стр. 545.

² Там же, стр. 326.

³ Там же, стр. 393.

⁴ Там же, стр. 391.

он уделяет варягам всего 37 страниц¹, тогда как славянам отведена, по крайней мере, треть текста. Рассмотрение варяжского вопроса ставится Татищевым в зависимость от того, что говорит летопись, «еже бы имя Русь от Варягов произошло», вследствие чего, по его мнению, и «надлежит рассмотреть о народе и месте Варяг»². Сам же Татищев совершенно справедливо указывает, что «у грек имя Русь или Рось задолго и до Рюрика знаемо было»³.

Вся вторая часть первой книги «Истории Российской» представляет обширное исследование. В нее входят главы не только о скифах и сарматах, но и о болгарах, турках, татарах, печенеггах, половцах, уграх, хазарах, о славянах западных и южных. Особая глава говорит «о географии вообще и о русской», причем Татищев заранее уведомляет, что, ввиду неясности исторических сведений, на сделанной им карте он «имена двояко и трояко, яко же и границы инде двояко положил», не без иронии упоминая об ошибках на карте «преученого мужа», профессора Байера⁴.

Вторая книга «Истории Российской» начинается изложением событий русской истории с половины IX в., причем рассказ ведется в строго хронологическом порядке. Этот хронологический принцип изложения подчинен определенной периодизации, обоснование которой также впервые в русской историографии дается Татищевым.

Периодизация русской истории, или как ее называет Татищев «география по временам», включает следующие периоды. Древнее время России — это время до Рюрика или «паче до Олега I», среднее время начинается с Олега и продолжается вплоть до смерти Мстислава Владимировича, когда «единовластие пребывало». После этого князя «сущую аристократию ввели». Так было до Ивана III, восстановившего древнюю монархию.

Свои взгляды на периодизацию русской истории Татищев с еще большей четкостью высказывает в 45-й главе «Истории». Первый период, начинающийся с древнейшего времени, доведен им «до смерти Гостомысла, последнего владетеля от рода славян». Второй период начинается с 860 г. и доходит до 1238 г., т. е. до нашествия татар. Третий период включает события 1239—1462 гг. Четвертый начинается с Ивана III и кончается восшествием на престол Михаила Романова в 1613 г.⁵

¹ В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 2, стр. 387—424.

² Там же, стр. 387.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Там же, стр. 511.

⁵ Там же, кн. I, ч. 1, стр. XXI—XXII.

Эта схема с некоторыми изменениями была повторена многими историками XVIII—XIX вв.

Большой заслугой Татищева явилось привлечение громадного количества новых и разнообразных исторических источников. Татищев прекрасно понимал, что изучение и собирание источников по истории России является первоочередной задачей. Поэтому в своем введении он отводит несколько страниц описанию источников своей «Истории». Среди них находились: «Несторов времянник», Степенная книга, Хронограф, Синописис, местные летописи или, по его обозначению, «топографии»: Московские, Новгородские, Псковские, Сибирские, Астраханская, Нижегородская, Муромская и др. Татищев использовал также Четьи-Минеи, Прологи, Печерский Патерик, сказания Авраамия Палицына, Курбского и др.

Замечательным нововведением было привлечение новых исторических источников — дипломатических бумаг и актов. Выписки из них Татищев сделал в архивах Москвы, Казани, Астрахани и некоторых других городов.

Татищев, не ограничиваясь перечислением своих источников, дал краткие и четкие их характеристики. Например, он подметил неравномерность в изложении исторического материала в Синописисе, в который к тому же внесено «много басен». Не удовлетворяясь одними русскими материалами, Татищев привлекал иностранные свидетельства. Уже в 1725 г. он написал, что в Швеции, «в упсальской библиотеке множество российских древних гисторий и прочих полезных книг обретается». В Швеции Татищевым была куплена «1. Петреева кроника российская. 2. Видекиндова война российская...»¹, в Поволжье он собирал татарские сказания и истории, которые специально переводились для него. В его библиотеке находились географические и исторические книги на русском, польском и немецком языках².

Конечно, источниковедческие замечания Татищева были далеки от совершенства, часто ошибочны, но это была беда историка, работавшего в те времена, когда лучшие списки летописей и других источников не были еще известны. Из пергаментных летописей у Татищева имелся только один список, названный им «Раскольниковым». Приемы изучения источников в первой половине XVIII в. были совершенно не разработаны, так как русская палеография и дипломатика находились в

¹ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. Приложение к IV тому Записок Академии наук, № 4, СПб., 1864, стр. 17, 27; «Колико удобность и достаток имения моего допустили... книги немецкого и польского, яко способных мне языков, от древних писателей мне переведенныя собрал». Там же, стр. 3.

² В. Н. Татищев. «История», кн. I, ч. 1, стр. XXII—XXIII.

зачаточном состоянии. При состоянии тогдашней исторической науки Татищеву было трудно установить, какой источник является достоверным и первоначальным. Так, Татищев часто ссылается на Раскольничий летописец, написанный на пергаменте, «весьма древнего письма», но об исправности этого списка ничего не может сказать. Татищев готов был поверить так называемой Иоакимовской летописи, которая была типичным сочинением XVII в. с его баснословием, когда личные домыслы авторов выдавались за истинные исторические факты.

Классовая ограниченность, присущая всем дворянским историкам, наложила свой отпечаток и на исторические труды Татищева. Так, в примечании к статье 80-й Судебника Татищев рассуждает о пользе того, чтобы «отставным» боярским людям отдавать себя в холопы господам, «как ныне холопей путных в домех весьма умалилось». В «Истории Российской» он отмечает, что Всеволод Большое Гнездо в 1208 г. особенно настаивал, чтобы новгородцы смердам «своевольствовать не допускали»¹. Интересы историка все время ограничиваются областью политической истории. Только в отдельных случаях, говоря о народных бедствиях, Татищев отступает от своих основных тем. Таким образом, «История Российская» Татищева — это история России, написанная с дворянских позиций. Поэтому было бы совершенно неверно идеализировать исторические и общественно-политические взгляды Татищева как историка и политического деятеля.

Но в деятельности Татищева были и прогрессивные черты: впервые в русской историографии исторические явления были поставлены в связь с общественно-политическим устройством, стали получать рационалистическое объяснение.

IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК

Работы Татищева, как мы уже видели выше, остались при его жизни неопубликованными, хотя отдельными его открытиями пользовались многие ученые. Замалчивание трудов Татищева явление не случайное. Оно было связано с неблагоприятным отношением к историческим работам Татищева царивших в Академии наук иноземных академиков и самих правительственных кругов.

Первый исторический журнал «Sammlung Rußischer Geschichte», впервые выпущенный Академией в 1732 г., издавался на немецком языке². Насколько русские источники были в

¹ В. Н. Татищев. «История», кн. III, стр. 361.

² «Sammlung Rußischer Geschichte», St.-Pb., 1732—1765.

пренебрежении в это время, показывает ответ Синода на предложение Академии издавать русские летописи: «разсуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже в оных книгах писаны лжи явственные... отчего в народе может произойти не без облазна»¹. Такой ответ не мог появиться без санкции Феофана Прокоповича, стоявшего тогда во главе Синода и близкого к правительству Анны Ивановны.

Создание Академии наук в Петербурге и приглашение иностранных ученых, казалось бы, должно было способствовать дальнейшему развитию исторических знаний в России. Однако деятельность иностранных академиков принесла не столько пользы, сколько вреда для русской историографии, направляя ее по ложному пути некритического подражания иноземной исторической литературе.

В дворянско-буржуазной историографии, впрочем, прочно держалось представление о благодетельной роли немецких академиков в создании русской исторической науки. Имя Шлецера, как правило, упоминалось с прибавлением эпитета «незабвенный», а Байеру приписывались необыкновенные лингвистические познания. Отражение подобных представлений можно найти и в «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна, который называет Байера и Миллера лучшими представителями исторической науки в России XVIII в.²; главное их значение, по мнению Н. Л. Рубинштейна, заключается в том, что они «в той или иной мере идут от западноевропейской науки, связывают науку в России с западноевропейской, содействуя освоению ее достижений»³. В качестве таких «лучших» представителей исторической науки приводятся Байер, Фишер и Штрубе де Пирмонт.

Между тем, из трех перечисленных иностранных академиков двое, Фишер и Штрубе де Пирмонт, практически не только мало сделали для науки, но и беззастенчиво использовали чужие труды. Штрубе де Пирмонт (1704—1790 гг.) в основу своих работ по истории русского права положил неопубликованные труды Татищева; Фишер (1697—1771 гг.) издал на немецком языке «Историю Сибири», представлявшую сокращение истории Сибири, написанной Миллером. Из немецких академиков, занимавшихся русской историей, следовательно, заслуживает внимания только Байер, действительное значение которого в русской исторической науке скорее отрицательное, чем положительное.

¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1923.

² См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 92.

³ Там же, стр. 98.

Готлиб Сигфрид Байер был приглашен в Академию в 1730 г. (умер в 1738 г.). Он пришелся чрезвычайно ко двору Анны Ивановны и ее фаворита Бирона. Байер открыто презирал русских и никак не хотел изучать русский язык, язык той страны, куда он прибыл для «насаждения просвещения». Это пренебрежение ко всему русскому, конечно, находило всяческую поддержку у Бирона, что обеспечивало Байеру теплое и почетное местечко при Академии. Произведения Байера, основанные главным образом на изучении иностранных свидетельств о России, страдают грубейшими ошибками, что не помешало дворянским и буржуазным историкам провозгласить его чуть ли не создателем научной русской истории¹.

Байер написал ряд экскурсов по древнейшей русской истории, основанных на изучении греческих и латинских авторов и частично переведенных на русский язык: «О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы», «О начатке и древних пребывалищах скифов», «О стене Кавказской»². Эти сочинения содержали мало знакомые известия о скифах и других народах Восточной Европы, следовательно имели некоторое, хотя и узкое, значение для разработки русской истории. Но «слава» Байера основывалась не на этих небольших экскурсах, а на том, что он был создателем порочной варяжской или норманистской теории происхождения Русского государства. Эта теория в сущности выполняла заказ правительства Бирона, поскольку она стремилась исторически объяснить и оправдать засилие иноземных фаворитов при дворе Анны Ивановны. Варяжскую теорию Байер пытался обосновать лингвистическими штудиями.

В своем стремлении все древнерусские имена объяснить из норманских слов Байер прибегает практически к тому лингвистическому баснословию, которое он так порицал в русских сочинениях. Так, имя Святослав Байер считает соединением норманского имени «Свен» и славянского окончания «слав» на том основании, что византийские источники называют русского князя Свентославом. Русский «Лют» точно таким же образом превращен Байером в скандинавского «Лиутра» и т. д. Подобного же рода лингвистические упражнения делали и последователи Байера уже в XIX в., вплоть до клеветнических работ некоторых зарубежных авторов и в XX столетии.

К первой половине XVIII в. относится начало деятельности и другого профессора Академии, Герарда Фридриха Миллера (1705—1783 гг.). Первые работы Миллера по русской

¹ См. К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, стр. 208—209.

² См. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. 196.*

истории не отличались ни особенной глубиной разработки, ни хорошим знанием русских источников и русского языка, но зато яростной защитой норманизма. В 1733 г. Миллер отправился в свое знаменитое путешествие в Сибирь, которое продолжалось 10 лет — с 1733 по 1743 г. Основные труды Миллера за это время связаны главным образом с историей Сибири и сопредельных с нею стран. Результатом их явилась монументальная «История Сибири»¹.

Работы Миллера по истории Сибири и отношений России со странами Востока имели большое историографическое значение. В основу изучения истории Сибири Миллер положил многочисленные архивные документы, собранные им во время сибирской экспедиции. Но Миллер не ограничился только русскими источниками и воспользовался переводами сочинений Абулгази, а также сведениями «из тангутских и мунгальских книг о начале Чингизова владычества»². Значительное место в своих исторических работах Миллер уделил фольклору, этнографии и географии народов Сибири. Таким образом, работы Миллера по изучению Сибири в основном следовали по тому же пути, который прокладывал своей «Историей Российской» Татищев. Особенное значение имело широкое использование Миллером различного рода актов, изучению которых собиратель придавал большое значение: «кто к архивным письмам и к штидю оных привыкнет, тот подлинно оные читать будет с удовольствием»³.

«Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена», написанное Миллером, было напечатано в Петербурге в 1750 г. Впрочем, изданный текст заключал только часть труда Миллера⁴.

В историографическом отношении труды Миллера по истории Сибири представляют значительный интерес. Миллер широко использовал этнографические данные, полученные им во время экспедиции в Сибирь, а также критически подошел к источникам сибирской истории. Тем не менее было бы неправильно приписывать Миллеру первенство в вопросе «о подлинно научном издании исторических памятников», как это делает С. В. Бахрушин⁵. Как мы видели, подлинно научное издание исторических памятников было выполнено задолго до Миллера трудами В. Н. Татищева (издание Русской Правды и

¹ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I—II, М.—Л., 1937—1941.

² Там же, т. I, стр. 25.

³ Там же, стр. 22.

⁴ «История Сибири» была напечатана на немецком языке (I том — в 1761 г., II том — в 1763 г.)

⁵ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 35.

Судебника). Неправилен и взгляд С. В. Бахрушина на Миллера как на проводника буржуазного исторического метода.

Сам же С. В. Бахрушин справедливо указывает на то, что «Миллер выступает в своем произведении идеологом феодальной экспансии и горячим апологетом тех методов эксплуатации коренного населения, какие применялись в Сибири в XVI—XVIII вв.¹ Миллер являлся историографом и апологетом дворянской России XVIII в.

Не следует забывать, что Миллер приехал в Россию в возрасте 20 лет, а через 8 лет отправился в Сибирь. Следовательно, свои научноисторические навыки он получил уже в России. Одновременно с Миллером в Камчатской экспедиции принимал участие студент С. П. Крашенинников (1711—1755 гг.), бывший всего на 6 лет моложе Миллера. «Описание земли Камчатки» Крашенинникова представляет собой крупный научный труд, в четвертой части которого говорится «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах и изменах, и о нынешнем состоянии Российских острогов». По ясности изложения и точности своих известий, основанных на сибирских архивах, труд Крашенинникова является большим вкладом в русскую историографию².

К середине XVIII в. в стенах Академии насчитывалось уже несколько русских ученых, разрабатывавших исторические вопросы. Среди них необходимо отметить, кроме Крашенинникова, В. К. Тредьяковского, который перевел сочинения Роллена и Кривье по древней истории. Эти переводы имели большое значение для распространения исторических знаний в России, хотя и были сделаны тяжелым и трудным для чтения языком, вообще характерным для сочинений Тредьяковского.

V

ТРУДЫ М. В. ЛОМОНОСОВА

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765 гг.) не был историком-профессионалом, но его гениальный ум охватывал самые разнообразные отрасли знаний. Поэтому и в исторической науке Ломоносов выступает перед нами как великий ученый-новатор.

Ломоносову пришлось столкнуться с группой академиков, отрицавших самостоятельное развитие русского народа. Воинствующим представителем этой «теории» был Миллер,

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 47.

² С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. т. 1—2 СПб., 1755.

поддержанный Штрубе де Пирмонтом, выступившим позже с доказательствами норманского происхождения юридических норм Русской Правды.

Ломоносов выступил с решительной и резкой критикой речи Миллера «О происхождении народа и имени российского», предназначенной для чтения в Академии на торжественном собрании 1749 г., но так и не произнесенной. В своей критике Ломоносов показал порочность концепции Миллера и других норманистов, отметил односторонность научных приемов Миллера, пользовавшегося только иностранными свидетельствами и полностью игнорировавшего русские источники. Ломоносов обвинял Миллера в фальсификации исторической действительности, правильно указывал на лингвистические извращения Милера и Байера, называя их «перевертками»¹. «Ежели бы я хотел по примеру Байеру-Миллеровскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я право сказал шведам, что они свою столицу несправедливо Стокгольм называют, но должно им звать оную Стикольной для того, что она так слывет у русских»², — писал Ломоносов.

Ломоносов был крупнейшим знатоком известных тогда исторических источников, изучению которых он посвятил не один год упорного труда. Знакомству с источниками Ломоносов придавал огромное значение. Ломоносов писал, что он упражнялся «в собрании и в сочинении Российской истории около двенадцати лет»³. Из отчетов Ломоносова в Академию наук можно хотя бы отчасти проследить за его работой по изучению источников и литературы. В 1751 г. он читал следующие материалы «к сочинению Российской истории: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейсея, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксерпты или выписки и примечания, всех числом 659 статьи, на 15 листах». В 1752 г. Ломоносов «читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных. Эксерптов нужных на 5 листах в 161 статье»⁴. Этим списком далеко не ограничивается круг источников и литературы, известных Ломоносову, откуда черпал он сведения по русской и всеобщей истории.

В своей работе над источниками Ломоносов не раз отдавал дань времени, некритически относясь к отдельным показаниям

¹ А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов, Л., 1952, стр. 462—485. Там же и литература вопроса.

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений (далее — Соч.). т. 6, М.—Л., 1952, стр. 41.

³ Там же, т. 6, объяснит. прим., стр. 572.

⁴ Там же, стр. 573.

источников, опирался на доводы от священного писания, упоминал о чудесах и т. д. Но гораздо важнее другое. Ломоносов опирался в своей работе на огромную массу привлеченных им источников, показав образцы передового для своего времени истолкования исторических документов.

Ломоносов признавал «неодолимую вероятность» лишь за теми показаниями источников, достоверность которых можно было с очевидностью доказать. С этой точки зрения он решает вопрос об отношении исследователя к «баснословному» периоду в жизни каждого народа. Сравнение истории различных народов убеждало его в том, что «баснословный» период в жизни каждого народа — закономерное явление. И Ломоносов решал этот вопрос правильно. Он писал: «и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна; однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках»¹.

Этой достоверности Ломоносов добивался всеми средствами, которые могла ему доставить тогдашняя наука. Для решения того или иного вопроса Ломоносов, как правило, привлекал сведения возможно большего числа древних писателей. Не довольствуясь этим, он старался дополнить их данными лингвистики и топонимики. Так он, например, поступает, доказывая славянское происхождение слова «Русь». Опровергая тезис Миллера о якобы позднем появлении славян на их теперешней территории, Ломоносов пишет, что против Миллера «показывают славенские имена старинных городов Российских, так что ежели славяне пришли в здешние земли в 4-м веке, то оные города должны были иметь славенские имена прежде приходу славян в оные места, где отнюдь быть не может. Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рождения христового, то неоспоримо доказать можно»². Определяя племенную принадлежность венгров, Ломоносов вновь прибегает не только к сведениям источников, но и к данным лингвистики. «Сверх сего сильная земля Венгерская хотя от здешних чудских областей отделена великими славенскими государствами, то-есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, где и поныне чудские поколения обитают, их остатки»³. Там, где в распоряжении Ломоносова не хватало данных, он зачастую не брался решать вопрос кате-

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 20.

² Там же, стр. 21—22.

³ Там же, стр. 195.

горически: «Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу»¹.

В качестве неперемennого условия научной работы в области истории Ломоносов требовал обстоятельного знакомства с источниками и добросовестного отношения к ним. Все возражения Ломоносова Миллеру, принижавшему историю русского народа, основывались именно на этих требованиях. Миллер, писал Ломоносов, «весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скучно было известиями о древних приключениях»². Что же касается летописей, которые Миллер использует, то вся диссертация Миллера «основана на вымысле и на ложно приведенном во свидетельство от господина Миллера Несторовом тексте»³. Все свои выводы Миллер строит исключительно на данных иностранных авторов; эти данные он использует также «весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его стороны клонятся, тут употребляет их за достоверных»⁴.

Ломоносов требовал, чтобы историк не был простым коллекционером фактов; исторические события должны излагаться в связи одно с другим, как части общего исторического процесса. Именно поэтому Ломоносов требовал от историка плодотворной мысли, четкости и последовательности ее изложения. В диссертации Миллера, указывал Ломоносов, «нет никаких остроумных замыслов... и весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особливо она для многих дигрессий весьма темна». Историческая книга должна быть «всякому читателю новостью и справедливостию своею полезна»⁵. История должна пробуждать любовь к науке, любовь к прошлому своего народа. Диссертация Миллера, в частности, вредна и потому, что она не выполнила своего основного назначения: «сочинить ее было велено для побуждения российского народа на любовь к наукам», а она клеветает на русский народ, фальсифицирует его историю. «Ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»⁶.

Такие требования к интерпретации источников и к историческому сочинению непосредственно вытекали из понимания

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 216.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 21.

Ломоносовым основной задачи исторической науки в целом. «Велико есть дело,— писал Ломоносов во вступлении к «Древней Российской истории»,— смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгого времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает... Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцов наших?»¹ Блюсти историческую преемственность между поколениями, быть передатчицей подлинного исторического опыта — такова, по мнению Ломоносова, главная задача исторической науки, фальсификация истории противоречит основному смыслу исторической науки, уничтожает историю как науку.

Взгляды Ломоносова на русскую историю высказаны им в «Древней Российской истории», которая, к сожалению, осталась неоконченной. Занятия русской историей не входили в круг прямых обязанностей Ломоносова. Главной побудительной причиной, толкавшей его на эти занятия, была деятельная любовь к своей родине². Отчеты Ломоносова позволяют проследить его подготовительные занятия к составлению исторического труда по русской истории. Целью работы Ломоносова являлось написание русской истории, которую он предполагал издать в четырех частях. Результатом работ Ломоносова явилась «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава I, или до 1054 г., сочиненная Михайлом Ломоносовым». Книга издана была в 1766 г. уже после смерти ее автора.

Ломоносов делит «Российскую историю» на две части: в первой он рассказывает о русской истории до Рюрика («О России прежде Рурика»), во второй — «от начала княжения Рурика до кончины Ярослава первого»³. Основной задачей книги было представить древность и величие русского народа. Поэтому история русского народа «до Рурика» и выделена в особую часть, как история великого народа, имевшего самостоятельную и древнюю культуру. Именно об этой задаче своего труда

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 171.

² См. Б. Д. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34.

³ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 163—286.

Ломоносов говорит во вступлении: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул... Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»¹.

В первой части «Древней Российской истории» рассматривается вопрос о происхождении российского народа и «о дальней древности Славенского народа». Ломоносов изучает известия древних писателей о славянах и антах, о Чуди и чудских племенах и пр.

Ломоносов указывает на большое значение Чуди в русской истории, вследствие чего «не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется»². Однако в образовании русского народа «преимущество славян весьма явствует».

Ссылаясь на греческих и римских авторов, Ломоносов показывает роль славян в разрушении Римской империи. Эта мысль особенно интересна тем, что она совпадает со взглядами советской исторической науки о роли славян в крушении Восточно-Римской империи. В главе «О нравах, поведении и о верах славянских» Ломоносов приводит выдержки из византийских и западноевропейских писателей. Среди них находится и знаменитое описание жизни славян и антов, данное Прокопием Кесарийским.

Немало места уделяет Ломоносов вопросу о варягах-русах. Варягов он не считал единым народом, а указывал на то, что под этим названием скрывались очень многие племена: «неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу»³. Само название «россов» он связывает с именем пруссов, давая таким образом иное толкование происхождения русских племен, чем это было сделано Байером. Теория о связи

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 169—170.

² Там же, стр. 173.

³ Там же, стр. 203.

древних россов с пруссами в настоящее время отвергнута наукой, но в свое время она поддерживалась рядом историков.

Первая книга «Древней Российской истории» по подбору сведений и по характеру изложения русской истории, начинающейся с истории славян и антов, особенно близка к современным представлениям о древней русской истории. Подбор древних авторов, писавших о славянах, был сделан Ломоносовым очень тщательно. Он ссылается на Плиния, Тацита, Прокопия и на других греческих и латинских писателей, рассказывавших о славянах и антах. Ломоносов сумел доказать древность славянских племен, а тем самым, несмотря на свою неудачную теорию о варягах из Балтийского Поморья, выбил основание порочных положений варяжской теории Байера и Миллера. Ломоносов доказал, что русский народ и Россия начинают свою историю не с призвания варяга, а с самой отдаленной древности: «сам народ и язык простираются в глубокою древность»¹.

Вторая часть «Древней Российской истории» доведена до 1054 г. Изложение событий русской истории от Рюрика до кончины Ярослава Мудрого в основном сделано по летописи.

«Древняя Российская история» явилась крупным вкладом в русскую историческую науку. Она наметила вопросы древнейшей истории СССР, которые и в настоящее время занимают советских исследователей, так как Ломоносов принадлежал к числу тех великих умов, мысли которых предвещают позднейшие исследования.

Ломоносов написал и другую историческую работу — «Краткий Российский летописец», напечатанный в 1760 г. Кроме «показания Российской древности», летописец дает хронологический список князей и царей до Петра I с их «жизнеописаниями», а также родословные таблицы. «Краткий летописец» имел узкое назначение служить руководством при изучении истории для великого князя Павла Петровича.

В недавнее время сделалось известным еще одно историческое произведение, написанное Ломоносовым и дошедшее до нас в переводе на французский язык, — «Записка о первом стрельцком бунте» (*Mémoire sur la première revolte des Strelitz en 1682*). Записка была составлена Ломоносовым в 1757 г. и представляет собой краткое изложение событий, связанных со стрельцким бунтом 1682 г. Основанная на немногих, но достоверных источниках, записка послужила материалом для соответствующих глав «Истории Петра Великого» Вольтера².

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 178.

² Там же, стр. 97—161 и 568—572 (прим.).

Ломоносов был и зачинателем научного изучения всеобщей истории в России. Проблемы всеобщей истории входили органической частью в его исторические исследования. Историческая концепция Ломоносова складывалась в острой борьбе с норманизмом Байера и Миллера, в борьбе против фальсификации русской истории, принижения исторической роли русского народа, проповеди прямой зависимости истории России от истории Запада. Разгромить эту враждебную теорию было невозможно без сравнения фактов русской истории с фактами истории других народов — это был наиболее убедительный прием, чтобы показать самостоятельность и историческое значение совершавшихся на Руси событий. В силу этого Ломоносов должен был в той или иной форме обращаться ко всеобщей истории. Одним из главных тезисов немецкой группы академиков было утверждение, что русское государство берет свое начало только с так называемого «призвания варягов». По Ломоносову, русское государство создается гораздо раньше «призвания» и независимо от него. Поэтому изложение русской истории Ломоносов начинал задолго до событий IX в., обращаясь к истории славянства в целом, т. е. к исследованию проблемы всемирноисторической.

К изучению всемирной истории Ломоносов приходил и в силу самого характера своей методологии. По мнению Ломоносова, история есть бесконечный процесс, в течение которого одни народы распадаются, другие создаются. «Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своей славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому»¹.

Ломоносов в значительно большей степени, чем кто-либо из его современников, был подготовлен к освещению проблем всеобщей истории. Он не только обладал большим запасом знаний по всеобщей истории, но и был передовым ученым в этой области.

Основные черты концепции Ломоносова в области всеобщей истории можно свести к следующему.

Период до V в. н. э. является периодом древней истории, после которого начинается время «средних веков» или «среднего века». Рубежом между ними является падение Римской империи — событие, в основе которого лежат завоевание Римского государства германскими и славянскими племенами и внутренний переворот в Риме, совершенный Одоакром. Решаю-

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 170.

щее значение в датировке падения Римской империи Ломоносов придавал событиям, связанным с этим переворотом. «Одоацер... Августула кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась»¹.

Согласно Ломоносову, завоеватели-германцы представляли собою смешанные племена, среди которых большую роль играли славяне. Для Ломоносова «нет сомнения, что в войнах готских, вандалских и лонгобардских великое сообщество и участие геройских дел приписывать должно славянам... От великого множества славян, бывших с прочими северными народами в походах к Риму и Царюграду, произошло, что некоторые писатели готов, вандалов и лонгобардов за славян почитают, хотя они действительно германского были племени»².

Ломоносов, таким образом, по своим методологическим представлениям стоял в этом важнейшем вопросе античной и средневековой истории несомненно выше представителей позднейшей буржуазной историографии. Передовую методологию Ломоносов соединял с пристальным изучением фактов всеобщей истории. В качестве примера можно привести изложение Ломоносовым вопроса о появлении крестоносцев в Прибалтике, которое он связывает с политикой папской курии. После падения иерусалимского царства некоторые из крестоносцев, «возвратясь к папе, просили у него за потерянные старые жилища в Европе места для поселения... Немалую часть благословил папа своею мнимою над всем светом властью итти в полночь к неверным народам и обращать их к католицкому закону. Итак, дошед до Пруссии, которая тогда для жестоких нападений от поляков весьма ослабела, себе оную покорили и, достигнув до ливонской чуди, взяли во владение, о которой российские князи не пеклись, будучи тогда в разделении и межусобии»³.

Из всех проблем всемирной истории в центре внимания Ломоносова стояла проблема славянства. Ломоносов здесь делал не мало ошибок (Алариха — «Рима победителя» он считал человеком славянского происхождения), но в целом, не смотря на отдельные промахи, Ломоносов выражал передовые взгляды на раннюю историю славянства.

Вопрос о славянстве Ломоносов решал с привлечением большого количества известных тогда источников; Ломоносов постоянно опирается на данные Птолемея, Плиния, Непота, Тацита, Страбона, Ливия, Иорнанда, Прокопия и других древних авторов. На этом основании он определяет территорию

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 213.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 205—206.

поселения славянства: ее западная граница представляется Ломоносову проходящей в бассейне р. Эльбы, ее граница восточная теряется в бассейне Волги, на севере область расселения славян упирается в Прибалтику и уходит на северо-восток, на юге она простирается до Дона, Дуная и Балкан. Иначе говоря, Ломоносов правильно определяет территорию, заселенную славянами. Позднейшая наука, внося ряд уточнений, не поколебала, однако, представления Ломоносова об этой территории в целом.

При этом Ломоносов подчеркивает, что славянские народы, как и все другие народы, в силу различных исторических причин, этнически не представляют собою «чистых» народов. Вот как, например, решает Ломоносов вопрос о происхождении русского народа: «В составлении российского народа преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш, от славянского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей пространству малые различия имеет в наречиях»¹. В то же время, прибавляет Ломоносов, славяне смешивались с другими народами.

Ломоносов, естественно, не мог правильно решить вопрос об общественном строе славян — материал, позволявший решить вопрос об общинно-родовом строе, был накоплен лишь сто лет спустя, — но Ломоносов высказал некоторые, не лишённые интереса, соображения о древнем строе славян. Он, например, считает, что древнейший общественный строй славян представлял собою «общенародное владение», где управляют не бояре и князья, а старейшины. Славяне тогда «общих государей и города редко имели»². Государство, по мнению Ломоносова, является результатом очень длительного догосударственного развития; у восточных славян оно не могло возникнуть сразу, в виде «призвания варягов».

Особое место в исторических занятиях Ломоносова занимает выяснение роли славян и древней Руси во всемирной истории. Ломоносов считал, что уже в древнейшей своей истории славяне играли роль ничуть не меньшую, чем другие, более «прославленные» народы. Причиной малой известности славянских народов в древних исторических документах, согласно Ломоносову, является то обстоятельство, что славяне были разобщены и создали единое государство не только позже греков и римлян, но и позже своих западных соседей. «И для того древняя наша история до Рурика порядочным преемничеством владетелей и делами их не украшена, как у соседей наших, самодержавною властью управляющихся, видим»³.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 174.

² Там же, стр. 214.

³ Там же.

В прочих отношениях Ломоносов обычно сравнивает славян с другими народами. Примером того может служить сравнение религии древней Руси с античной религией. «Древнее многобожие в России, сходствующее с греческим и римским, подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями. Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли вóлоты? Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли царь морской Нептуну, чуды его тритонам? Чур — поставленному на меже между пашнями Термину?»¹.

История славян, как и германцев, по мнению Ломоносова, теснейшим образом связана с историей их борьбы с Римской империей, прежде всего с Византией. При усилении Рима славяне отступали; затем, когда «Римская империя стала приходить в упадок, тогда славяне... предпринимали от севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиниане Великом, царе греческом»². Значение борьбы славян с Византией Ломоносов подчеркивает неоднократно. «В начале шестого столетия по Христе славенское имя весьма прославилось; и могущество сего народа не токмо во Фракии, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много. Венды и анты, соединяясь со сродными себе славянами, умножали их силу»³.

Излагая историю древней Руси, Ломоносов никогда не проходил мимо такого вопроса, как международное значение Русского государства, его место среди других народов. Уже во введении к «Древней Российской истории» он подчеркивает, что изучение источников дает возможность восстановить подлинное значение древней Руси для других народов. «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою»⁴. И эту сторону дела Ломоносов не упускает из виду на протяжении всего своего сочинения по древнерусской истории. Излагая события, связанные с введением христианства на Руси при Владимире, Ломоносов пишет, что окружающие государства «друг перед другом старались преклонить сего великого государя каждый в свою веру, кроме ее размножения, еще для приобретения с великою Российской

¹ М. В. Ломоносов, Соч., т. 6, стр. 253.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 176.

⁴ Там же, стр. 170.

державою выгодного союза и крепкой дружбы»¹. Оценивая княжение Владимира, Ломоносов придает большое значение и международному положению Руси. По его словам, князь Владимир «в союзе и в любви пребывал с соседними державителями, с Болеславом польским, Стефаном венгерским и с Генриком чешским»².

Широкий кругозор исторических взглядов Ломоносова дал ему возможность построить русскую историю на фоне всеобщей истории. И в этом отношении труды Ломоносова на много лет опережали не только современную ему, но и последующую дворянско-буржуазную историографию.

Написанная в виде учебника русской истории, предназначенного для широкого пользования, «Древняя Российская история» Ломоносова надолго сделалась основной книгой для ознакомления с русской историей древнейшего периода.

Исторические труды Ломоносова были передовыми для своего времени. Гениальный русский ученый впервые приблизился к постановке вопроса о создании истории народов, а не царей. В этом отношении он в своих трудах далеко опередил историографию Западной Европы XVIII в.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 258—259.

² Там же, стр. 275.

Глава V

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

I.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Вторая половина XVIII в. в истории России является временем обострения противоречий феодально-крепостнического строя; это время крупных антифеодальных крестьянских движений, с особой силой выразившихся в крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева.

Крепостное хозяйство и феодально-крепостнический гнет распространялись вширь, захватывая новые территории и новые категории крестьянства. За 38 лет царствования Екатерины II и Павла I было роздано во владение помещиков до 1 млн. 400 тыс. крестьян обоего пола. Усилилась приписка государственных крестьян к заводам как к казенным, так и к частным, приписные крестьяне должны были отрабатывать на заводах подушную подать. Общая численность приписных крестьян к горным заводам к концу XVIII в. составила 312 тыс. человек мужского пола. Украинские крестьяне, еще сохранявшие право перехода, были закрепощены по указам 1783 г. Барщинные и оброчные повинности крестьян, размер которых бесконтрольно устанавливался помещиками, непрерывно возрастали в течение всего XVIII в. Барщина, обычно составлявшая 3 дня в неделю, нередко увеличивалась до 4 и более дней, оброк с 1—2 рублей за «душу» мужского пола в 60-х годах XVIII в. поднялся в среднем до 5 руб. к концу столетия. Широких размеров достигла торговля крепостными, не только с землей, но и без земли. Усиление власти помещика над крепостными выразилось в разрешении помещикам ссылать в Сибирь провинившихся крестьян без какого-либо контроля со стороны

властей. Была запрещена подача крестьянами правительству жалоб на злоупотребления дворян.

Дворянство превратилось в привилегированный класс, свободный от каких-либо обязанностей перед государством. Манифестом о «вольности» дворянства 1762 г. дворяне освобождались от обязательной службы, военной и гражданской, которая с этого времени стала для них лишь добровольной. Жалованная грамота дворянству 1785 г. вновь подтвердила освобождение дворян от обязательной службы и от уплаты податей, запрещение подвергать их телесным наказаниям. Дворянству были предоставлены права корпоративного сословного самоуправления, право местных съездов, выбора дворянских предводителей и избрания уездных властей в лице капитан-исправника. Но усиление господства дворянства и крепостничества были лишь одной стороной сложного и противоречивого исторического процесса, происходившего в России XVIII в., наряду с которыми протекали другие процессы, подтачивавшие феодально-крепостническую систему.

Во второй половине XVIII в. ускоряется развитие русской промышленности как крупной, так и мелкой. Особенно важно отметить рост горной промышленности. С 1740 г. русская металлургия обогнала английскую, и Россия во второй половине века стала мировым поставщиком железа.

В 1767 г. в тяжелой и в легкой промышленности насчитывалось 567 предприятий, а в 1799 г., по неполным данным, уже было 2094 предприятия¹. По своей социальной природе мануфактура XVIII в. представляла пеструю картину. В горной промышленности господствовал труд приписных крепостных крестьян. Однако горная промышленность нуждалась и в известном количестве вольнонаемных рабочих, которые использовались на водном транспорте при сплаве железа с Урала по Каме, Волге и далее к Москве и Петербургу. В легкой промышленности крепостной труд преобладал на суконных мануфактурах, принадлежавших большей частью дворянам и поставлявших сукно для армии. Здесь до 84% рабочих составляли крепостные. Но в других отраслях текстильной промышленности (шелковая, полотняная и ситценабивная) преобладал наемный труд, а предприятия принадлежали чаще всего купцам или разбогатевшим крестьянам.

Развитию промышленности сопутствовал рост торговли, внутренней и внешней. В России раньше, чем во многих странах Западной Европы (указом 1753 г.), были отменены внутренние пошлины, стеснявшие товарооборот. Почти одновременно возникли банки для купечества и дворянства. В 1762 г.

¹ И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в., М.—Л., 1950, стр. 45 и 94.

были отменены ограничения в отношении экспорта и разрешения вывоз хлеба.

Вторая половина XVIII в. характеризуется резким обострением классовой борьбы. Растут крестьянские волнения, вылившиеся в 1762—1764 гг. в широкую волну восстаний, охвативших массы монастырских крестьян и горнозаводских крестьян на Урале. В 1771 г. вспыхнул «чумный» бунт в Москве. В 1773—1775 гг. разразилась крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Она охватила значительную часть страны, от Урала и Башкирии до Поволжья и центрально-черноземных губерний. На огромной территории на некоторое время была уничтожена власть помещиков, чиновничья-дворянская администрация заменялась выборными казацкими и крестьянскими властями. Восстание под предводительством Пугачева, явившееся стихийным восстанием крестьянства против феодального гнета, глубоко потрясло феодально-крепостнический строй. В 90-х годах произошло новое обострение классовой борьбы, вылившееся в волну местных крестьянских восстаний.

Характеризуя этапы развития русского самодержавия, В. И. Ленин выделял самодержавие XVIII века «с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»»¹.

Противоречивые и сложные процессы в социально-экономической сфере и в политической жизни страны отразились на общественно-политической мысли и вообще на культуре второй половины XVIII в. Фольклор, проникнутый ненавистью к угнетателям-дворянам, как и манифесты Пугачева, эти, по словам Пушкина, «образцы народного красноречия» ярко отразили крестьянские требования и ненависть крестьян к дворянству. В законодательной комиссии 1767 г. выступали с развернутой программой депутаты государственных крестьян и поддержанный ими провинциальный дворянин Григорий Коробьин выдвинул проект ограничения помещичьей власти и определения законом крестьянских повинностей. В 1769—1772 гг. в сатирических журналах Новикова «Трутень» и «Живописец» велась борьба против крепостничества. В литературе борьба за передовые народные идеи выразилась в реализме комедий Фонвизина «Недоросль» и «Бригадир». Наконец, великий революционер-демократ А. Н. Радищев выступил против самодержавия и крепостничества и бросил призыв к крестьянской революции. Радищев явился предшественником дворянских революционеров-декабристов и революционеров-демократов XIX в. В. И. Ленин назвал его национальной гордостью русского народа².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 308.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

Передовые идеи XVIII в. вызвали ожесточенную борьбу со стороны господствующего класса. Законодательная комиссия была распущена, сатирические журналы Новикова закрыты, сам он посажен в Шлиссельбургскую крепость, Радищев сослан в Сибирь.

Крупные социально-экономические и культурные сдвиги, обострение классовой борьбы второй половины XVIII в. нашли яркое отражение в русской историографии. Публицисты и историки дворянского лагеря выступили со своей концепцией исторического процесса. Выразителями дворянских идей в историографии были И. Н. Болтин и князь М. М. Щербатов. И. И. Голиков, В. В. Крестинин, М. Д. Чулков в известной степени отразили в своих исторических трудах взгляды нарождавшейся русской буржуазии. Революционер-демократ А. Н. Радищев оценивал явления прошлого, исходя из интересов широких народных масс. Центральное место в его исторических воззрениях занимает идея народа, как основной движущей силы исторического процесса.

II

ДВОРЯНСКИЕ ИСТОРИКИ

(М. М. ЩЕРБАТОВ, И. Н. БОЛТИН И ДРУГИЕ)

В дворянской историографии второй половины XVIII в. наибольшее значение имеют труды Щербатова и Болтина.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790 гг.) принадлежал к родовитому дворянству. При Екатерине II он занимал должность сенатора, но был отстранен от политической деятельности. Щербатов отрицательно относился к Екатерине II и ее двору, делая против императрицы резкие выпады в своих публицистических сочинениях («О повреждении нравов в России» и пр.), тем не менее по своим политическим взглядам Щербатов был таким же ярым крепостником и защитником дворянских интересов, как сама императрица. В Комиссии об уложении он выступил в защиту дворянских привилегий, а попытка Вольного экономического общества поставить вопрос о тяжелом положении крестьян побудила его написать записку для исторического обоснования крепостного права.

Крепостнические идеи Щербатова нашли свое отражение в его исторических сочинениях, из которых наиболее крупным является многотомная «История Российская от древнейших времен», печатавшаяся в семи томах в течение двадцати лет и оставшаяся неоконченной¹. История обрывается на событиях

¹ М. Щербатов. История Российская от древнейших времен... [далее — История Российская], т. I—VII, СПб., 1770—1791.

1610 г., хотя автор предполагал довести ее до Петра I. Кроме того, Щербатов занимался публикацией исторических материалов. Он издал ряд ценных источников, в том числе «Царственный летописец», «Царственную книгу», «Историю Свейской войны» и «Летопись о многих мятежах».

В своих исторических построениях Щербатов был мало оригинален и часто некритически следовал своим источникам, если находил в них подтверждение своей основной концепции о ведущем значении для России дворянства, в особенности аристократии, на которую в первую очередь, по его мысли, должно опираться самодержавие. Эту идею о значении для государства аристократии Щербатов особенно четко проводит в описании событий времени Ивана IV. Впрочем концепция дворянского историка XVIII в. по этому вопросу оказывается совсем не новой, ибо Щербатов в сущности воспроизводит построения Хронографа второй редакции с его противопоставлением первой половины царствования Ивана Грозного последующим годам военных неудач и террора. При оценке опричнины Щербатов повторяет высказывания Курбского. Иван Грозный изображен у него как свирепый тиран, подвергавший аристократию казням и опалам.

Все эти события русской истории, как и многие другие, рассматриваются Щербатовым с позиций аристократа. Поэтому крестьянская война начала XVII в. представляется ему прямым следствием того, «что духом возмущения и буйства весь народ российский так был заражен, что каждый особливо искал токмо случая новые неустройства и смущения соделывать»¹.

Даже закрепощение крестьян в конце XVI в. рисуется Щербатовым как своего рода благодеяние для самих крестьян, оказавшихся под властью «попечительных» помещиков. Таким образом, исторические построения Щербатова отражают взгляды реакционного дворянства, напуганного крестьянской войной.

Зависимость взглядов Щербатова от концепций XVI—XVII вв. сказалась и на самом построении сочинения; «История Российская» полностью повторяет структуру Степенной книги с ее делением по степеням и главам. Описание событий крестьянской войны начала XVII в. стоит в тесной связи с концепциями таких произведений, как Новый летописец, сочинения Авраамия Палицына и т. д. Зависимость от теорий XVI—XVII вв. проявляется и в отдельных замечаниях Щербатова (например, о том, что Василий III «начал царем россий-

¹ М. Щербатов. История Российская, т. VII, ч. II, стр. 148.

ским писаться», что явно основано на сведениях летописцев XVII в.).

Реакционные взгляды на исторические события, тяжелый и сухой язык, перегрузка малозначительными фактами привели к тому, что «История Российская» Щербатова не получила сколько-нибудь широкого распространения. Увесистые томы «Истории» Щербатова служили украшением библиотек богатых дворянских домов, использовались для справок, а не для чтения. Только в одной области исторического значения, именно в источниковедении, «История Российская» была явным шагом вперед, так как Щербатов впервые широко использовал различные акты материалы, в первую очередь духовные и договорные князей, книги Посольского приказа, откуда им были заимствованы сведения о переговорах московских великих князей и царей с Крымским ханством и Ногайской ордой.

«История Российская» Щербатова, отстаивавшая крепостное право, была скоро забыта и оказала небольшое влияние на дальнейшее развитие русской историографии.

Значительно большее значение в развитии русской историографии имели труды другого дворянского историка И. Н. Болтина. Вместо подробного и утомительного изложения летописей для освещения русской политической истории, чем занят был Щербатов, в сочинениях Болтина ставятся общие вопросы об отличиях русского исторического процесса от западноевропейской истории, о происхождении русского народа, о возникновении крепостного права, которые сделались предметом страстных споров. Труды Болтина носят полемический характер, являясь критическим разбором работ других историков.

Иван Никитич Болтин (1735—1792 гг.) после обычного для тогдашнего дворянства домашнего образования поступил в 16-летнем возрасте в лейб-гвардии конный полк, где сблизился с всесильным в близком будущем Григорием Потемкиным. После 18-летней военной службы он получил пост директора таможни на Украине, затем состоял прокурором коллегии, имея чин генерал-майора. Болтин был крупным помещиком, имевшим владения в Пензенском, Арзамасском и Симбирском уездах. Жизнь в Петербурге сблизила его с литературными кругами. Болтин был знаком с Ломоносовым, Тредьяковским, Сумароковым. По своим взглядам Болтин — типичный представитель дворянского «просвещения» XVIII в. и рационалист. Он сдержанно относится к религии, ссылается на Вольтера, проповедовавшего веротерпимость, указывает на противоречие между богатством монастырей и учением церкви об аскетизме. Болтин являлся сторонником ограничения крепостного права

и установления в законе точного размера крестьянских повинностей. Он даже обсуждает вопрос о возможности освобождения крестьян «исподволь и постепенно»¹.

Толчком к появлению одной из основных работ Болтина послужил выход во Франции шеститомной истории России Леклерка. Работа Леклерка носила широковещательное название «Естественная, нравственная, гражданская и политическая, древняя и новая история России». Этот труд, несмотря на свой объем, был одним из образцов тех недобросовестных иностранных «историй» России, которые столь часто выходили и впоследствии. Автор ее, по профессии врач, прожил десять лет в России и на этом основании считал себя знатоком русского народа и его истории. В значительной степени Леклерк основывался на сочинении Левека, написавшего по-французски историю России.

Недобросовестное отношение к фактам и источникам, враждебность писателя к России возбудили негодование его русских читателей. Ответом на клеветническое сочинение Леклерка был двухтомный труд И. Н. Болтина, носящий название «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным». Труд Болтина действительно носит характер «примечаний». Автор приводит одно за другим основные положения книги Леклерка и снабжает их своими пространными возражениями. Болтин не скупится на резкие, но вполне заслуженные эпитеты по адресу французского историка, называет его «нахальным клеветником» и т. п. Он ставит перед собой задачу «защиты правды и отечества». При этом горячее патриотическое чувство сочетается у Болтина с отличным знанием русской истории и острым анализом затронутых вопросов. Его «примечания» лишены полноты и не дают целостного освещения исторического процесса, но Болтин выступает в них со своим мнением относительно общих и притом наиболее сложных проблем русской истории. Наряду с этим он останавливается на грубых фактических ошибках Леклерка, на недостаточном знании им русского языка и источников.

Болтин опровергает мнение Леклерка, будто русские происходят от гуннов, и в этой связи дает обзор народов, населявших в древности Восточную Европу. Он считает, что славяне уже в древности были известны под именем венедов, генатов и даков.

Болтин останавливается на утверждении Леклерка, что русские в период образования Киевского государства будто бы

¹ И. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России господина Леклерка [далее — Примечания на Леклерка], т. II, СПб., 1788, стр. 330.

были кочевым народом и что «первыми учителями» русского народа, создателями государства и культуры явились варяги и варяжские князья. «Чтоб русской народ был кочевным, о том история никаких следов нам не оставила», — говорит Болтин. Он указывает на обилие сведений о древнерусских городах, что свидетельствует об оседлом образе жизни их населения. «Прежде прихода Рурика были уже у русских города; (а) жили они в обществе, имели правление, промыслы, торговлю, с соседними народами сообщение, (б) и проч. Новгородцы, следуя древним летописям, многие веки до Рурика управлялись сами собою: под владением их были все поморские страны, Лифляндия, Курляндия, Ижора: города Псков, Белозеро, Каргополь, Вага, Двина с их уездами, Зыряне, и проч.»¹. Болтин справедливо считал, что славяне находились на том же уровне культуры, как и другие народы средневековой Европы, германцы и франки, и подобно им занимались земледелием, ремеслом и торговлею, имели города, т. е. жили оседлой жизнью.

Значительный интерес представляют и высказывания Болтина по норманскому вопросу. Под варягами он разумел скандинавов, хотя в другом месте признавал первых князей по происхождению финнами. Деятельности варягов Болтин не придавал особого значения, так как не считал их народом, стоявшим на высоком уровне развития: «Варяги не просвещеннее были русских, они живучи в соседстве с ними, общие и одинакие имели с ними познания... Россияне за долго прежде приходу Рурика, ездя по Балтийскому морю к разным пристаням торговали»².

Возражает Болтин также против мнения Леклерка, будто русский народ «издревле был в невольничестве и признавал всегда рабство за естественное свое состояние». В этой связи Болтин останавливается на вечевом устройстве, на «общенародных собраниях», где всякий гражданин имел право подавать свой голос.

Болтин признавал наличие феодализма в русской истории: «Феодальное право не иное что в первоначалии было как право помещика в деревне своей над его подданными, ...не другое что было там что у нас *поместье*, то-есть пожалованная от государя земля вместо жалованья, с которых доходами пользовался владелец по смерть свою». В политическом устройстве «удельной Руси» он также видел феодальные черты: «Наши древние удельные князья полным феодальным правом пользовались, и точно таким каким пользуются ныне германские князья; имели в подданстве своем князей, бояр, дворян; могли

¹ И. Болтин. Примечания на Леклерка, т. II, стр. 109, 111.

² Там же, стр. 110.

иметь друг с другом войну, и с великим князем, хотя и признавали его за главу государства»¹. В этом, как и в других высказываниях, Болтин пользуется сравнительным методом и устанавливает существование в России, как и в Западной Европе, феодальных порядков.

Болтин рассматривает проблему возникновения крепостного права в России. Он считает крестьян до XVI в. свободными на том основании, что они имели право перехода. «Прежде завоевания царства Казанского и Астраханского, крестьяне в России были все вольные, и могли переходить с места на место по своему желанию... Земли принадлежали или короне или дворянству; поселившиеся на них должны были платить государю по установлению, а владельцу по условию... А дабы от безвременных переходов крестьян с места на место не было в зборе государственных податей недоимки и замешательства и в помещичьих работах остановки, узаконен был один срок в году, а именно в осень о Юрьевом дни, для перехода их на другое место»². В этой связи Болтин останавливается на истории холопства и указывает на стремление помещиков превратить кабальных людей в полных холопов. При введении подушной подати холопы были уравнены с крепостными крестьянами. Болтин видит в крепостном праве результат злонамеренной воли дворянства. «Запрещение перехода обратили владельцы в свою пользу и распространили власть свою над крестьянами; стали принуждать их к платежу большого оброка и требовать от них работ излишних»³. Однако Болтин считает, что продавать крестьян без земли не разрешалось. Только рекрутские наборы и уравнивание поместий с вотчинами привели со времени Петра I к превращению крестьян в холопов и к праву продавать крестьян без земли. По мнению Болтина, этот процесс протекал вне прямой зависимости от законодательства: «Нет закона, делающего лично крестьян помещикам крепостными»⁴.

Исторически неверное построение Болтина, однако, оказалось очень прочным. Его концепция, усложненная и развитая, продолжала жить в дворянской и буржуазной литературе XIX в.

Несмотря на отрывочный характер «примечаний» и неумение автора связать отдельные суждения в общую картину исторического развития России, работы И. Н. Болтина — весьма примечательное явление в историографии XVIII в. Сильная и самостоятельная мысль, большие знания, умение критически отнестись к литературе и к источникам привели Болтина к

¹ И. Болтин. Примечания на Леклерка, т. II, стр. 298, 300.

² Там же, стр. 206—207.

³ Там же, стр. 209.

⁴ Там же, стр. 211.

таким ценным суждениям, как признание феодализма в русской истории, указание на относительно высокий культурный уровень славян IX—XI вв., к попытке дать решение вопроса о возникновении крепостного права и т. п. Наконец, наряду с применением сравнительного метода и указанием на сходные явления в истории народов, Болтин не игнорировал и своеобразия русской истории.

Отмечая прогрессивность некоторых исторических взглядов Болтина, мы не должны забывать и о том, что Болтин был дворянским историком. Его книги носили апологетический характер. Поэтому Болтин пускается в пространные рассуждения о том, насколько лучше работный человек живет в России по сравнению с крайней бедностью французского народа. Если вспомнить, что эти высказывания Болтина появились в обстановке усилившегося крепостного гнета, дворянский характер его воззрений становится ясным. Апитационная цель книги Болтина сказалась и в том, что он, в ответ на выпады Леклерка против православия, критикует порядки католической церкви. Тем не менее сочинение Болтина может быть признано крупнейшим из произведений дворянской историографии.

Щербатов и Болтин не были единственными дворянскими историками второй половины XVIII в., а только наиболее яркими представителями дворянской историографии этого времени. Из второстепенных дворянских историков середины столетия можно отметить Федора Александровича Эмина (1735—1770 гг.)¹ и Ивана Перфильевича Елагина (1725—1794 гг.)². Сочинения их являются попыткой в более или менее доступной форме дать представление о политической истории России. Они основаны на трудах Татищева, Ломоносова и других историков XVIII в., но написаны на крайне слабом научном уровне.

Особый отдел дворянских исторических произведений составляли сочинения по военной истории, которые имели целью оправдание войн и привилегий дворянства, занимавшего командное положение в российской армии XVIII в.

В середине XVIII в. выступил с трактатом — «О военной науке» — П. Шувалов. Этот трактат имеет историческую часть, в которой изложены взгляды Шувалова на войну, армию и военное дело в их развитии³. Стоя на идеалистических позициях, автор выводит развитие военного дела из деятельности великих полководцев.

В конце XVIII в. вопросами истории русской армии зани-

¹ Ф. Э м и н. Российская история, жизни всех древних от самого начала России..., т. I—III, СПб., 1767—1769.

² И. Е л а г и н. Опыт повествования о России, кн. 1, М., 1803.

³ Центральный Государственный Архив Древних Актов (ЦГАДА), ф. XX, д. 184, л. 1—4.

мался генерал-майор Русинов. По заданию П. Зубова он написал работу «Известие о начале, учреждении и состоянии регулярного войска в России с показанием перемен, какие по временам и обстоятельствам в оном производимы были»¹.

Русинов начинает свое сочинение с утверждения, что каждому государству нужно совершенствовать свои вооруженные силы, «дабы [его] войско было в готовности или защищать области от врагов внешних, нарушающих доброе согласие соседственной дружбы, или укротить врагов внутренних, восстающих на разрушение спокойствия и безопасности граждан»².

Обзор развития русской армии Русинов начинает с учреждения Иваном IV постоянной армии. Преемники Ивана «содержали в целости сие учреждение». В XVII в. было положено начало регулярному войску. «Царь Алексей Михайлович положил основание и тому, чтобы не только иметь всегдашнее войско, но и содержать его по правилам военной науки»³.

После смерти царя Федора регулярная армия «предана была совершенному забвению», потому Петру пришлось начинать вновь. «Неудачные во времена малолетства его походы в Крым, безнадежность в твердости мира со стороны соседей и дух мятежа, вкоренившийся в стрельцах, поселили в великого монарха еще большую охоту в учреждении войска по правилам военной науки». Русинов устанавливает преемственность петровских реформ с преобразованиями XVII в.

Освещая последующий ход строительства армии, Русинов останавливается на характеристике численного состава войск и развитии родов оружия, но избегает исторического анализа и лишь констатирует факты, которые он чрезвычайно добросовестно отобрал, пользуясь данными Военной Коллегии и Сената⁴.

III

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сдвиги в общественных отношениях в России второй половины XVIII в. нашли свое отражение в новых историографических трудах, посвященных экономике и истории отдельных областей России и написанных представителями купечества или среднего чиновничества.

Крупнейшей из подобных исторических работ является многотомный труд И. И. Голикова.

¹ ЦГАДА, ф. XX, д. 66, листы без нумерации.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Раздел о сочинениях Шувалова и Русинова написан Л. Г. Бескровным.

Иван Иванович Голиков (1735—1801 гг.) был автором «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России». Вместе с «Дополнениями» к ним «Деяния» составили 30 томов, напечатанных в 1788—1797 гг. Последующие буржуазные историки отнеслись незаслуженно пренебрежительно к труду Голикова. Так, В. О. Ключевский, повторяя высказывания С. М. Соловьева, бросил по адресу Голикова лишь несколько пренебрежительных слов, назвав его труд панегириком, «слишком неуклюжим и объемистым, чтобы возбудить охоту изучать реформу Петра, и слишком хвалебным, чтобы понять, за что он хвалит преобразователя»¹. В специальной работе по историографии петровской эпохи буржуазного историка Е. Шмурло «Деяниям Петра Великого» также уделено мало внимания (причем отмечено восторженное отношение Голикова к Петру)². Между тем труд Голикова был переиздан в первой половине XIX в., его тщательно изучали А. С. Пушкин и В. Г. Белинский. В специальных работах по эпохе Петра I историки до сих пор обращаются к многотомному произведению Голикова.

И. И. Голиков родился в 1735 г. в семье разорившегося курского купца. Будущий историк учился читать у приходского дьячка по церковным книгам, служил «мальчиком» и приказчиком, затем стал самостоятельным купцом. В 1761 г. он был избран депутатом от Белгородской провинции в Елизаветинскую комиссию по подготовке проекта нового Уложения. В юности на него произвело большое впечатление рукописное описание Полтавской битвы и измены Мазепы, полученное от одного монаха. В Москве он раздобыл «Рассуждение» о причинах Северной войны П. Шафирова и рукописную летопись о жизни Петра I. «С какою жадностью читал я сии книги, и каким оне мне казались тогда сокровищем, я изобразить не могу»³, — вспоминал Голиков. Побывав по торговым делам в Оренбурге, он познакомился там с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым и П. Рычковым, от которых также получил материалы о Петре I.

Переезд Голикова в Петербург еще более укрепил его интерес к петровской эпохе. При виде Невы с кораблями и Адмиралтейства он «жадничал все схватить, все узнать». Голиков сумел достать редкие документы из воронежского архива и собрал до полутора тысячи печатных и рукописных книг. За злоупотребления по винному откупу он был осужден

¹ В. Ключевский. Курс русской истории, ч. IV, М., 1937, стр. 211.

² Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, СПб., 1912.

³ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого [далее — Деяния], т. I, М., 1837, предисловие, стр. II.

на ссылку в Сибирь, но в день открытия памятника Петру I в Петербурге помилован. Тогда Голиков обещал написать историю Петра I¹.

Голиков говорит о себе, что он «человек неученый, следовательно, незнающий никаких критических правил», что он «совсем не историк ... но только собиратель воедино дел Петровых»². Он приводит роспись из 51 названия печатных и рукописных источников, им использованных. Здесь отмечены письма Петра I в количестве «более двух тысяч», материалы архива Коллегии иностранных дел, Разряда, воронежского архива и др.

Голиков дает систематическое изложение событий царствования Петра I. Нельзя согласиться с Ключевским, будто остается неизвестным, за что именно Голиков прославляет своего «героя». Голиков видел в Петре идеального монарха, он прославляет его экономическую политику, направленную на расширение торговли, основание мануфактур, проведение каналов, подчеркивает доступность и трудолюбие Петра, противопоставляет его боярству, аристократии. Если вспомнить, что дворянские современники Голикова осуждали Петра за увлечение физическим трудом, за принуждение дворян к труду, то основная направленность «Деяний Петра Великого» станет достаточно ясной. Это оценка петровского царствования с точки зрения нарождавшегося класса торговцев, стремившегося к союзу с самодержавием, с «просвещенным монархом».

Во введении к «Деяниям» Голиков указывает на значение экономической политики Петра I, говорит, что он «умножил доходы заведением в России небывалых всяких мануфактур, художеств и металлических заводов». Всему свету известно, какое Петр I «неусыпное имел попечение как о внешней, так и внутренней торговле, а вместе и о приведении российских своих купцов в лучшее познание и состояние». По словам Голикова, Петр «обращался с купцами, яко отец с детьми»³. Голиков называет Петра «рачительным хозяином», не упускавшим из виду даже таких «малейших дел», как увеличение сенатской типографии, заведение соляных промыслов, поташного завода и шерстяной фабрики. Голиков отмечает мероприятия Петра, отвечавшие интересам русского купечества: «Мы видели отеческие его попечения о приведении торговли российской и торгующих в лучшее состояние. Он обучал детей их, посылал многих в чужие края, заводил разные из них компании, входил даже в домашнее их состояние, приски-

¹ Е. Шмурло. Петр Великий..., стр. 92.

² И. И. Голиков. Деяния, т. I, предисловие, стр. VI—VII.

³ И. И. Голиков. Деяния, ч. I, М., 1788, стр. 39, 48.

вал для торговли их разные пути, отворил новые порты, ознакомил их с искусными в торговле народами...»¹.

С тех же буржуазных позиций Голиков дает в IX томе «Деяний» пространную характеристику Петра. Здесь отмечено «трудолюбие» Петра: «он не терпел праздности как в себе, так и в других. Вставая в четвертом часу по полуночи, приезжал в Сенат... Никогда не было человека деятельнее его». В особенности отмечает Голиков «экономию» и бережливость Петра, который «жил более как домостроительный дворянин, а не как государь». Стол во дворце был лишь на 16 человек, и расход на двор составлял лишь 60 тыс. руб. При этом он снова отмечает заботы царя «о распространении и обогащении российской торговли», говорит, что «торговля понудила его перенести и самую свою столицу на берега моря Балтийского»². Образ Петра I, на деле бывшего прежде всего дворянским царем, несомненно идеализирован в сочинении Голикова. В этой идеализации отразилась точка зрения купечества XVIII в.

Во второй половине XVIII в. впервые появились сочинения по истории промышленности и торговли в России.

В. И. Крамаренков, обер-секретарь Сената, переводчик и участник «Вольно-Экономического общества», занимавшийся вопросами горнозаводской промышленности по службе, составил около 1776 г. записку по истории горного дела в России³.

М. Д. Чулков, литератор и этнограф, был также и историком-экономистом. Он долго служил в Коммерц-коллегии. Его перу принадлежит «Историческое описание Российской коммерции»⁴. Как указывает сам автор в предуведомлении, он ставил себе задачу «показать древнее начало коммерции нашей», «показать самое начало ныне действующих у нас заводов», «наконец показать ныне производимую... торговлю». В предуведомлении к своей работе Чулков подчеркивает значение купечества в государстве. Оно «ободряет земледельство, служит к обогащению общественному, и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам»⁵. В этом огромном по объему (14 298 страниц!) труде, представляющем собою не столько описание торговли России, сколько собрание необработанных материалов для такого описания, обращено внимание на материалы по истории русской торговли XVIII в., располо-

¹ И. И. Голиков. Деяния, т. 7, СПб., 1789, стр. 191.

² И. И. Голиков. Деяния, ч. IX, СПб., 1789, стр. 258—259, 277, 285—286.

³ «Записка Крамаренкова» опубликована частично в «Архиве истории труда в России», кн. 1, Пг., 1921, стр. 91—112.

⁴ М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах, т. I—VII, СПб., М., 1781—1886.

⁵ Там же, т. I, кн. I, стр. 16, 15.

женные в порядке исторической последовательности. В книге есть разделы о торговле древней Руси до монгольского нашествия, о торговле Новгорода с Ганзой, о торговле Русского государства через Архангельск с Западной Европой и через Астрахань и караванным путем со странами Востока, по истории сибирской торговли.

Во второй половине XVIII века появились также различного рода историко-географические описания, в которых собственно географические сведения сопровождались историческими справками и комментариями. Таково, например, сочинение Шафонского — «Черниговского наместничества топографическое описание»¹, написанное в 1786 году. Ценным трудом такого рода явилась «Топография... Оренбургской губернии»², составленная П. И. Рычковым (1712—1777 г.), первым русским членом-корреспондентом Академии наук. Тот же П. И. Рычков написал «Опыт Казанской истории древних и средних времен»³. В этом труде были довольно широко использованы русские летописи и различные источники на татарском языке.

Видным историком был В. В. Крестинин, написавший «Начертания истории города Холмогор»⁴. Краткую историю о городе Архангельском»⁵ и «Исторический опыт о внешней торговле» времени Петра I. В этих работах он впервые использовал значительное количество местных материалов, показав историю крупных северных городов, находившихся далеко от районов дворянского землевладения. Крестинин описывает историю города Архангельска, как крупнейшего русского порта на севере. Крестинин был также автором трех небольших работ по экономической истории. Наиболее интересной из них является «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере»⁶. В этой работе В. В. Крестинин сначала дает краткую историю крестьянского рода Вахониных-Негодяевых, а потом помещает две составленные им историко-статистические таблицы: таблицу цен на земельные участки в Двинском крае и таблицу хлебных цен в Архангельске в XVII в. К этой последней таблице для сравнения им прибавлены данные о ценах на хлеб в Архангельске в 1777 г. по дан-

¹ А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание..., Киев, 1851.

² П. И. Рычков. Топография... Оренбургской губернии, ч. 1—2, СПб., 1762.

³ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен, СПб., 1762.

⁴ В. Крестинин. Начертание истории города Холмогор, СПб., 1790.

⁵ В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, СПб., 1792.

⁶ В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере..., СПб., 1785.

ным архангельского магистрата. Весь «Опыт» написан на основании старинных актов, хранившихся в семьях местного крестьянства. В приложении напечатаны три купчие на землю XV—XVI вв.

IV

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Новым явлением в русской историографии второй половины XVIII в. было расширение источниковедческой базы для исторических работ, в первую очередь издание источников по русской истории.

В то время как историки первой половины XVIII в. опирались в своих трудах почти исключительно на рукописный материал, во второй половине того же столетия начинается печатание важнейших исторических источников. Публикации источников на первых порах встретили большие трудности. Неизвестно было даже, какие источники следовало издавать в первую очередь, неясны были сами приемы издания. И все-таки, несмотря на это, вторая половина XVIII в. обогатила русскую историческую науку рядом ценных изданий.

Наибольшее значение в деле издания различного рода памятников в этот период имела деятельность Н. И. Новикова, а также Академии наук и других учреждений.

Важным начинанием явилось издание русских летописей, как основного источника по истории России IX—XVI вв.

Издание летописей началось в 1767 г., когда появилась «Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен». В первом томе библиотеки была издана Кенигсбергская, или Радзивилловская летопись. Тогда же было начато печатание обширной Никоновской летописи¹.

Первый опыт печатания летописей, производившийся под наблюдением А. Л. Шлецера, не был удачным, что не помешало дворянско-буржуазной историографии провозгласить его создателем русского источниковедения, злостно замалчивая деятельность Татищева. Неудача издания в большой мере зависела от излишней самоуверенности Шлецера, плохо владевшего в это время русским языком.

В 1781 г. вышли в свет два издания летописей: «Летописец Новгородский» (за 1017—1352 гг.)² и так называемый Архан-

¹ «Русская летопись по Никонову списку», ч. 1—8, СПб., 1767—1792.

² «Летописец Новгородский, начинающийся от ⁶⁵²⁵1017 году, и кончающийся ⁶⁸⁶⁰1352⁵ годом», М., 1781.

гелогородский летописец, или «Летописец, содержащий в себе российскую историю от 852 до 1598 года»¹. Под названием «Новгородских летописей» был опубликован древнейший из сохранившихся списков русских летописей XIV в. так называемый Синодальный список Новгородской первой летописи. «Архангелогородский летописец» содержал летописный свод, составленный в первой четверти XVI в. в городе Устюге Великом. Поэтому он иногда называется Устюжским летописным сводом. Немного позднее Синодальной типографией была издана «Типографская летопись» под названием «Летописец, содержащий российскую историю от 6714 (1206) до 7042 (1954) г. ...»². В 1792 г. появился «Летописец Русской...»³, известный под названием Львовской летописи по имени ее издателя. Львовская летопись представляет собою большой летописный свод, доводящий изложение до 1560 г. Еще раньше в двух томах вышла в свет Степенная книга⁴.

В продолжении «Древней Российской Вивлиофики» была напечатана Новгородская первая летопись по Академическому списку (XV в.), известная также под названием летописи попа Иоанна⁵.

Кроме источников повествовательных, во второй половине XVIII в. было издано много законодательных памятников. Прежде всего большое внимание было уделено Русской Правде.

Первое издание краткой редакции Русской Правды вышло в 1767 г.⁶ Издание было сделано по Академическому списку, открытому В. Н. Татищевым, с подразделением на две «Правды»: «Правда Ярослава» и «Правда Изяслава». Издатель сообщал, что печатал текст «не применяя ни одной буквы», «не опуская и самых описок».

В 1792 г. впервые был издан текст пространной редакции Русской Правды по нескольким спискам⁷. Текст был напеча-

¹ «Летописец, содержащий в себе российскую историю от $\frac{6360}{852}$ до

$\frac{7106}{1598}$ года...», М., 1781.

² «Летописец, содержащий российскую историю от $\frac{6714}{1206}$ лета до $\frac{7042}{1534}$ лета...», М., 1784.

³ «Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича», ч. 1—5, СПб., 1792.

⁴ «Книга степенная царскаго родословия...», ч. 1—2, М., 1775.

⁵ Продолжение «Древней Российской Вивлиофики», ч. II, СПб., 1786 г.

⁶ «Правда Русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича». Изд. Августа Шлецера, СПб., 1767.

⁷ «Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха». Изданы «Любителями отечественной истории», 1792.

тан в два столбца: слева церковнославянским шрифтом, справа — гражданским. Это издание было повторено в 1799 г.

Несколько раз во второй половине XVIII в. издавался другой важный законодательный памятник феодальной Руси: Судебник 1550 г. Он печатался или отдельно или вместе с другими законодательными актами XVI и XVII вв. Первый раз он вышел в 1768 г. с дополнительными статьями и комментариями В. Н. Татищева¹. Автором предисловия к публикации был Г. Ф. Миллер. Судебник в этом издании разделен на 100 статей и снабжен именованным, географическим и предметным указателями. Прибавлением к тексту были 73 указа, охватывавшие время с 1550 г. до начала XVII в. Через 6 лет был издан Сводный Судебник — юридический памятник начала XVII в., состоящий из Судебника 1550 г. с дополнительными статьями, доведенными до 1606 г.² В том же 1768 году Судебник, «книги законные» и др. материалы были изданы С. Башиловым³.

В конце XVIII в. И. И. Голиков издал 12 томов «Деяний Петра Великого» и 18 томов «Дополнений» к ним, в которых было опубликовано много документов о деятельности Петра I и его времени. Одновременно с Голиковым Ф. Туманский выпустил 10 томов «Собрания разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого».

Все эти издания обогатили русскую историческую науку, введя в ее оборот много источников первостепенного значения.

Однако приемы издания исторических документов в это время были очень далеки от современных. В XVIII в. еще не выработались научные приемы критического издания письменных памятников, потому что не существовало и вспомогательной исторической дисциплины — археографии, которая специально занимается изданием письменных исторических источников. Эта дисциплина возникла только в XIX в. Не было тогда и другой вспомогательной исторической дисциплины, необходимой при изучении и издании древних письменных памятников — палеографии. Поэтому, например, при публикации летописи издатели, стараясь добиться близкого сходства с рукописью, сохраняли и не оговаривали явные описки переписчиков, придерживались знаков препинания, употребляемых

¹ «Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъяснимые... Василием Никитичем Татищевым», М., 1768.

² «Сводный судебник учиненный по указу его великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца в лето от сотворения мира», М., 1774.

³ «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и таможенный устав...», СПб., 1768.

в рукописи и т. д. Многие издания исторических источников, вышедшие в свет в XVIII в., страдают дефектами в отношении передачи текста этих источников. Никакой согласованности в деятельности указанных выше издателей не было.

Тем не менее публикаторская деятельность во второй половине XVIII в. имела большое значение для дальнейшего развития русских исторических знаний, так как она создавала возможность изучения исторических памятников по печатным изданиям.

V

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. НОВИКОВА

Значение Новикова в русской историографии заключается в том, что он был крупнейшим издателем русских источников и одним из первых русских библиографов. Русская история должна была служить, по его представлению, целям просвещения и борьбы с невежеством.

Николай Иванович Новиков (1744—1810 гг.) происходил из небогатых дворян Бронницкого уезда Московской губернии. Новиков обучался в Московской университетской гимназии, затем поступил в 1762 г. на службу в Измайловский полк в Петербурге. В условиях столичной жизни он усиленно занимался самообразованием и приобрел обширные по тому времени познания в российской словесности. В 1767 г. Новиков был назначен одним из протоколистов Комиссии депутатов по составлению Нового уложения. Здесь он мог изучить материалы наказов и ознакомиться с жизнью различных классов русского общества.

В 1768 г. Новиков вышел в отставку и занялся журналистской деятельностью. Издававшийся им сатирический журнал «Трутень» едко высмеивал низкопоклонство столичного дворянства перед модной тогда французской культурой, изобличал несправедливость крепостного права, злоупотребления помещиков своей властью. Смелые и острые обличения новиковского журнала пришлось не по вкусу дворянскому обществу, и журнал вскоре должен был прекратить свое существование. В 1772 г. Новиков создал новый сатирический журнал «Живописец», в котором проводились те же идеи, что и в «Трутне». Журнал также издавался недолгое время. В 1774 г. Новиков стал издавать журнал «Кошелек», направленный против показного увлечения русских дворян французской культурой. Этот журнал был закрыт по требованию придворного дворянства, хотя сатирические произведения Новикова были направлены не на уничтожение режима крепостничества, а только на устранение темных его сторон. •

В 1779 г. Новиков переселился в Москву и взял здесь в аренду на десять лет типографию Московского университета с правом печатать в ней книги различного содержания. Это было, по определению В. О. Ключевского, новиковское десятилетие (1779—1789 гг.) в истории Московского университета¹. Новиков одновременно был издателем, книгопродавцем, журналистом, историком литературы и учредителем в Москве первой библиотеки для чтения.

Деятельность Новикова и в Москве была взята дворянским правительством под подозрение. По указанию Екатерины II был расторгнут контракт на аренду московской университетской типографии, были закрыты и опечатаны книжные магазины Новикова. В 1792 г. Новикова заточили в Шлиссельбургскую крепость, в которой он пробыл около пяти лет.

Новиков был просветителем и пламенным патриотом, отстаивавшим национальные традиции русской культуры и просвещения². Новиков подошел к занятиям русской историей, борясь с низкопоклонством перед Западом. Вот что говорит сам Новиков об этом: «Не все у нас еще, слава богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов; но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными»³.

В 1772 г. Новиков издал свой труд «Опыт исторического словаря о Российских писателях». Это сочинение проникнуто страстным стремлением показать свое отечество просвещенным, подчеркнуть развитие в России науки и художеств. Новиков обращает внимание в своем произведении на писателей, способствовавших просвещению России. Предисловие к историческому словарю начинается словами: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило»⁴. В авторском предисловии говорится далее: Россия вступила в XVIII в. на такую степень величия, что «все иностранные народы счастию ее завиствуют и удивляются»⁵. В прошлом «невольница татар-

¹ В. О. Ключевский. Очерки и речи, Пг., 1918, стр. 270.

² Г. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, М.—Л., 1951, стр. 512.

³ Н. И. Новиков. Избранные сочинения, М.—Л., 1951, стр. 373.

⁴ Там же, стр. 277.

⁵ Там же.

ская», «погруженная прежде в невежество», Россия ныне «о преимуществе в науках спорит с народами, целые века учением прославлявшимися». В России развиваются «науки и художества», ее писатели, ученые стяжали себе имена прославившихся мужей науки и просвещения.

Словарь Новикова составлен в алфавитном порядке, в него включены имена, которые, по представлению автора, прославляли науку или оставили глубокий след в просвещении своего народа. Источниками для его составления послужили автору различные печатные и рукописные книги, словесные предания, изустные рассказы. Ближайшим поводом для составления Словаря было желание «сохранить память писателей». Автор больше всего уделяет внимание писателям XVIII в.; из 317 имен, вписанных в Словарь, только 50 имен относятся к допетровской Руси. Новиков восторженно отзываясь о писателях и ученых, прославивших свое отечество просвещением. О Ломоносове он говорит: «Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения»¹.

С известным основанием можно говорить о Новикове как об одном из первых русских историографов, что до сих пор не было отмечено в истории нашей науки. Он отмечает заслуги летописца Нестора, называя его первым между славянами известным писателем².

Высоко ставит Новиков значение исторических сочинений В. Н. Татищева. Занимаясь российской географией, Татищев, как говорит Новиков, не имел для этих занятий «довольных исторических доказательств». В связи с этим Татищев начал в 1720 г. составлять «Российскую историю», которую «чрез 30 лет неуспынными трудами и сочинил»³. Татищев, по словам Новикова, обнаружил Судебник царя Ивана Васильевича и «некоторые его указы», «собранные сим почтенным мужем и украшенные его примечаниями». Кроме того, «сей достойный великого почтения муж сочинил исторический словарь, о котором уведомляет он в российской своей истории на многих местах»⁴.

Отмечаются в Словаре и заслуги перед русской исторической наукой многих других писателей, среди них — митрополита Макария, Авраамия Палицына. Митрополит Макарий, как об этом отмечается у Татищева, «описал жизнь царя Иоанна IV Грозного», «исправил и дополнил» «Степенную книгу»⁵. Авраамий Палицын, «келарь Троицкого Сергиевского монастыря,

¹ Н. И. Новиков. Избранные сочинения, стр. 322.

² См. там же, стр. 330.

³ Там же, стр. 353.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 325.

писал летопись о царствовании царя Иоанна Васильевича, ... кратко и не весьма порядочно», избрание царя Михаила Федоровича «описал со всеми обстоятельствами»¹.

Высокая оценка дается трудам Крашенинникова, который «превосходил всех товарищей своих понятием, ревностью и прилежанием в науках», больше всего он занимался натуральной историей, однако во многом преуспел и в истории гражданской, в географии².

Особенно большое значение имела деятельность Новикова по собиранию и публикации в печати исторических материалов, так как публикаторская деятельность Академии наук ограничивалась преимущественно изданием летописей.

Н. И. Новиков впервые обратил внимание на такие исторические материалы, как духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, синодики, посольские книги и пр. Благодаря его издательской деятельности к концу XVIII в. историки уже были в состоянии пользоваться некоторым количеством печатных публикаций исторических источников.

Труды Н. И. Новикова по изданию различного рода исторических источников занимают видное место в истории русского источниковедения.

В 1773 г. Новиков начал издание «Древней Российской Вивлиофики». Основная идея этого издания была им заимствована у Татищева, который предлагал озаботиться собиранием древних грамот и договоров, напечатав их под названием «Русской библиотеки». Новиков осуществил идею Татищева, выпустив многотомное собрание исторических материалов под названием: «Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся». В предисловии Новиков определяет назначение своего труда как «начертание нравов и обычаев предков» с целью постигнуть «великость духа их, украшенного простотою». В течение трех лет было издано 10 томов «Вивлиофики»³. Второе, более полное издание было осуществлено в 20 томах⁴. По составу документов «Древняя Российская Вивлиофика» — свод различных материалов, иногда изданных без критического их разбора. Новым и важным явилось включение в это издание таких материалов, которые до этого времени почти не привлекали внимание историков. При слабом развитии вспомогательных дисциплин во второй половине XVIII в. неудивительно, что в публикации

¹ Н. И. Новиков. Избранные сочинения, стр. 333.

² См. там же, стр. 311.

³ «Древняя Российская Вивлиофика», т. 1—10, СПб., 1773—1775.

⁴ «Древняя Российская Вивлиофика», т. 1—20, изд. 2-е, М., 1788—1791.

Новикова были допущены некоторые ошибки. Но и до сих пор издание Новикова может служить в некоторых случаях в качестве справочного материала.

В том же 1773 г. Новиковым была издана «Древняя Российская Идрография», т. е. Книга большому чертежу, ценнейший источник по русской географии XVII в. В 1776 г. Новиков напечатал «Историю о невинном заточении боярина А. С. Матвеева», которого он считает носителем «блистательных добродетелей», истинным героем своего века¹. Тогда же вышла, подготовленная Новиковым «Скифская история из разных иностранных историков, паче же из Российских верных теорий и повестей от Андрея Лызлова прилежными трудами сложенная и написанная лета 1692».

Материалы для своих изданий Новиков заимствовал из частных, государственных и церковных хранилищ. Его снабжали источниками Щербатов, Миллер, Бантыш-Каменский и др. Публикаторская деятельность была большим патриотическим делом Н. И. Новикова, который стремился показать своими изданиями источников по русской истории, что история России богата выдающимися событиями не в меньшей степени, чем история других стран. Новиков был преисполнен желанием сделать доступными читателю памятники русской истории и тем способствовать исправлению нравов просвещенного русского общества. Таким образом, Новиков выступает перед нами ревностным собирателем, хранителем и издателем древних письменных источников. Заслуга его перед исторической наукой состоит в том, что он одним из первых русских историков ввел в обиход науки огромное по тому времени количество самых разнообразных источников русской истории и, тем самым, существенно облегчил ее научную разработку.

Новикову принадлежит честь быть первым автором историографических сочинений, оценивших заслуги Нестора-летописца, отметивших значение трудов Татищева, Ломоносова и других историков XVIII в. Новиков занимает видное место в русской историографии второй половины XVIII в.

VI

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Впервые революционно-демократическая концепция исторического развития России была развернута в сочинениях великого революционера — предшественника декабристов — Александра Николаевича Радищева (1749—1802 гг.).

Правильно понять и оценить значение А. Н. Радищева буржуазная историография оказалась не в состоянии. Взгляды

¹ Н. И. Новиков. Избранные сочинения, стр. 377.

Радищева изображались как простое отражение идей французского Просвещения, как непосредственный отклик на французскую буржуазную революцию конца XVIII в. Подобное утверждение не имеет ничего общего с действительностью.

Методологическую основу для решения вопроса о происхождении общественно-политических и исторических идей Радищева представляет оценка русского просветительства, данная В. И. Лениным. Русский просветитель, указывал В. И. Ленин, «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому»¹.

В этой характеристике даны основные черты, существенно отличающие русских просветителей от просветителей западно-европейских. Отличие это сформулировано в ленинском положении о защите русским просветительством интересов народных масс и прежде всего крестьянства. Силой, способной сломать крепостничество и деспотизм, Радищев считал массовое и решительное крестьянское восстание. Идея народного восстания была совершенно чужда французским просветителям — идеологам буржуазии. Во французском Просвещении нельзя указать мыслителя, подобного Радищеву, идеологу и пропагандисту крестьянской войны. Подобное обстоятельство доказывает, что всякая попытка объяснить происхождение идей Радищева из идей французских просветителей является совершенно несостоятельной. Корни его идей нужно искать прежде всего в самой России.

Весьма существенную часть исторической теории Радищева составляют вопросы всеобщей истории. История России для Радищева была составной частью всемирно-исторического процесса. При этом всеобщую историю Радищев изучал не только по литературе, но был также знаком с источниками. Это позволяло ему в ряде случаев критически оценивать исторические факты, ориентироваться в современной литературе в той мере, в какой это было возможно при тогдашнем уровне исторической науки.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 472.

Социологическая и историческая теория Радищева сложна и противоречива. С одной стороны, в ней сказывался уровень тогдашней исторической науки с ее идеализмом и метафизикой, с другой — революционность Радищева, его стремление поставить в центре внимания судьбу народных масс, его попытки обосновать историческую роль народа подчас не укладывались в рамки его исторической схемы, ломали их, порождая противоречия в исторических взглядах Радищева. Идеалист в истолковании общественных явлений, Радищев в то же время поднимался до материалистического истолкования отдельных явлений истории.

История человечества представлялась Радищеву в виде борьбы между старым, отживающим, и новым, нарождающимся. Но эта борьба понималась Радищевым метафизически. Свои представления о борьбе между старым и новым в природе он механически переносил на общественные явления. «Животное, прозябаемое, родится, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы, собираются во грады, основывают Царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места пребывания их не видно; даже имена их погибнут». Эту параллель Радищев распространял на весь исторический процесс. Считая, что развитие природы движется по замкнутому кругу, Радищев приходил к выводу, что «в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало»¹, что расцвет неизбежно сменяется упадком, что «нынешняя держава от естественных и нравственных причин разпадется, позлащенные нивы их порастут тернием и в развалинах великолепных чертогов гордых их правителей, скрываться будут ужи, змеи и жабы»².

Для Радищева эта цикличность исторического процесса была прежде всего сменой деспотизма и вольности; один режим неизбежно перерастает в свою противоположность. «Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...»³. Однако этот закон смены деспотизма и вольности не является для Радищева чем-то фаталистически неотвратимым. Смена подобных режимов есть выражение борьбы двух общественных сил, с одной стороны, угнетенного народа, борющегося за свою свободу, с другой — его угнетателей, стремящихся к тирании. И Радищев всегда становится на сторону народа. Вследствие этого он вынужден был разрушать свою теорию круговорота, ибо в победе народа

¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, М.—Л., 1938—1952, (далее — Соч.), т. I, стр. 260.

² Там же, стр. 323.

³ Там же, стр. 361.

он видел прогрессивное начало, которое избавляло человечество от бесконечного повторения пройденных этапов, составляло основу исторического прогресса.

Первобытное состояние людей представлялось Радищеву как жизнь одиночек или, по его выражению, «единственников», совершенно не связанных с каким-либо людским коллективом, а потому свободных от всякого подчинения обществу. «Если мы вообразим первенственное состояние человека, состояние равенства и независимости, то узрим его самовластным судьей своих определений»¹. Затем, как думает Радищев, происходит добровольное объединение первоначальных «единственников» в человеческое общество, ибо «состояние независимости и равенства, столь прекрасное в воображении, не могло продлиться вследствие несовершенства человека»².

Сущность возникшего государства Радищев видит в народоправстве; слова «государство», «народ», «общество» для него являются синонимами. «Народ есть общество людей, соединившихся для снискания своих выгод и своей сохранности соединенными силами, подчиненное власти, в ней находящейся; но как все люди от природы суть свободны, и никто не имеет права у них отнять сея свободы, следовательно, учреждение обществ предполагает всегда действительное или безмолвное согласие»³. И поскольку соединение в общество есть акт добровольный, поскольку люди так же добровольно уступают создаваемой ими власти часть своих естественных прав, то всякие принудительные средства, практикуемые властью, могут применяться не иначе как с согласия граждан и иметь своей целью достижение общего блага.

Таково, по мысли Радищева, происхождение государства. Однако первоначальное состояние «равенства и независимости» в дальнейшем уступает место неравенству и зависимости одного человека от другого. «Опыты всех веков и настоящее государств состояние доказывают невозможность равенства имений. А неравенство оных производит с одной стороны нищету, а с другой роскошь»⁴. Причину появления неравенства Радищев видел в «несовершенствах» самого человека, в его «природной склонности к самовластию», т. е. в его жадности и стремлении к насилию.

Большую роль в появлении неравенства, говорит Радищев, сыграло земледелие. Первобытного человека-одиночку Радищев представляет не иначе, как обладающего земельной собственностью, сообразно его трудовым силам. В дальнейшем

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 187

² Там же, стр. 188.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 194.

эта собственность, трудовая по своему происхождению, стала объектом захвата со стороны наиболее жадных и сильных. С течением времени обрабатывающий землю человек оказался лишенным земельного владения, «тот, кто естественное имеет к оному право, не токмо от того исключен совершенно, но работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другога!»¹.

Еще большее значение в дальнейшем росте неравенства, по мнению Радищева, имела торговля, явившаяся результатом хозяйственной деятельности людей. «И тогда только, по истинне, тогда возгорелась в сердце человеческом, ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая яко пламень вся пожирающий, усиливается, получая пищу»².

Таково происхождение и развитие имущественного неравенства, пришедшего на смену первобытному «равенству и независимости». Эти явления, по мнению Радищева, получили развитие прежде всего в тех странах, которые раньше других выступили на историческую сцену; такими странами, с изучения которых начинается всеобщая история, являются страны древнего Востока, которые Радищев объединяет в общем термине Азия³.

В картине первобытного общества и перехода его к государству, нарисованной Радищевым, нельзя не узнать черты весьма распространенной в XVIII в. теории естественного права и теории общественного договора, связанной с именами сторонника народного суверенитета Руссо и утопистов Мабли и Морелли. Однако по своему политическому и методологическому смыслу эти теории у Радищева существенным образом отличаются от теорий французских просветителей. У Руссо теория естественного права и теория общественного договора служили ограниченной цели; они использовались для разоблачения «неразумности», «неестественности» феодальных порядков и абсолютизма. Никаких выводов о насильственном свержении феодализма, о народном восстании из исторической теории Руссо не вытекало. Представленное же Радищевым изображение первобытного общества служило прямым образом для обоснования вывода о вооруженном свержении строя насилия и несправедливости.

Взгляд Радищева на первобытное общество не мог не отличаться по своему существу и от теорий Мабли и Морелли, ибо общественные условия, их породившие, в России и во Франции были различны. Во Франции периода буржуазной революции конца XVIII в. уже зарождался пролетариат, ина-

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 315.

² Там же, стр. 383.

³ Там же, стр. 312.

че говоря, имелась социальная почва для возникновения идей утопического коммунизма. Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникали и соответствующие теории: «таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII столетии — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)»¹. Теория естественного права и теория общественного договора использовались французскими утопистами XVIII в., в особенности Морелли, для обоснования своих утопических идеалов. Радищев ставил себе иную задачу — пропаганду крестьянского восстания для сокрушения русского крепостничества и деспотизма; в отсталой России это была наиболее революционная задача из всех задач, стоявших тогда перед освободительным движением.

Следующим периодом всеобщей истории, который интересовал Радищева, была история Греции и Рима — античный период древней истории, привлекавший наибольшее внимание тогдашних историков в целом ряде стран. Общую оценку этого периода, исходя из своей теории круговорота, смены вольности и деспотизма, Радищев изложил в известной «Песне исторической». Древнегреческая история, по мнению Радищева, представляет собою развитие народоправства, демократии, но это демократическое развитие завершилось деспотизмом Александра Македонского и его преемников. В итоге

«...вольность,
В древней Греции сиявша,
В век потухла невозвратно»².

Рим в сущности повторяет тот же цикл, который прошла Греция. Первоначальная демократия завершается императорским деспотизмом.

«Но Калигулы, Нероны
Люты варвары и гнусны,
Суть бичи Небес во гневе,
И их память пронесется
В дальни веки для проклятий
И для ужаса народам!»³

Оценивая достижения античности, которыми так восторгались зарубежные просветители, Радищев прежде всего думал

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1953, стр. 18.

² А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 86.

³ Там же, стр. 111.

о народе. Никакие достижения культуры и никакая видимость гражданского мира не заслоняли для него основного факта — порабощения народа. «Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем непустеют и во градах гордые воздымаются здании. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего... Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными... Сто невольников, пригвожденных ко скамьям корабля, весламидвигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. Терзание, скорбь, отчаяние. Желали бы они нередко променять жизнь на кончину... И так да неослепимся внешним спокойствием государства и его устройством, и для сих только причин да непочтем оное блаженным»¹.

Мы не находим у Радищева четкого представления о классах, об экономической основе их образования, сплошь и рядом он не различает рабства и крепостничества, но для него не подлежит сомнению, что порабощение человека, в частности появление рабства в древнем мире, является исторической категорией, результатом жизненных «обстоятельств», а не дано самой природой. Подобный вывод непосредственно вытекал из его теории естественного права. «Не оправдывайте себя здесь притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности»².

Рядом с угнетением социальным и политическим Радищев ставил угнетение духовное. Его «Краткое повествование о происхождении цензуры», которое он дает в своем «Путешествии из Петербурга в Москву»³, представляет собой тщательно составленный реестр преступлений язычества и христианства против разума. При этом духовное рабство, олицетворением которого была религия, являлось, как подчеркивает Радищев, характерной чертой не только периодов монархий, но и периодов республик.

Началом средних веков Радищев считал падение Римской империи. К сожалению, мы не находим у Радищева общей характеристики средних веков с точки зрения социально-экономической или политической. Для Радищева как просветителя решающим явлением, которое определяло характер средних веков, было господство католицизма.

Трактовка Радищевым средних веков существенно отличается от трактовки средневековья французскими просветите-

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 315—316.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 336—348.

лями. В то время как для последних средние века представляли лишь попятное движение человечества, Радищев рассматривает этот период как необходимый этап в историческом процессе. В противовес французским просветителям, он не проводит никакой резкой грани между средневековьем и новым временем, вводя их в общий поток кругооборота.

Большое значение имеют высказывания Радищева по отдельным вопросам истории средних веков и нового времени. Как всегда, взоры Радищева прикованы к народу, представленному в рассматриваемое время крепостным крестьянством. Радищев старается подчеркнуть ту огромную роль, которую играет крестьянство в общественной жизни. Крепостное право является тормозом всего общественного развития и прежде всего потому, что делает крестьян не заинтересованными в труде. «Нива у них чуждая, плод оная им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и нерадеют о том, незапустеет ли среди делания»¹.

Революционный переход к будущему выражается в решительной расправе с дворянством, свержении его власти и установлении народоправства в соответствии с естественным правом. Государственной формой будущего народного правления должна быть республика.

«Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гнева твоего цари»².

Такова социальная и политическая программа освобождения народа от средневековых пут. Поэтому из всей средневековой и новой истории зарубежных стран Радищева больше всего привлекали события, когда народ с оружием в руках боролся за свое освобождение: английская буржуазная революция, борьба американских колоний за независимость, французская буржуазная революция конца XVIII в. Все эти события Радищев оценивал в прямой зависимости от того, насколько они удовлетворяли народные массы.

Положительную сторону английской буржуазной революции Радищев видел в том, что в своем наивысшем подъеме она смела монархию. Вместе с тем Радищев видел, что вслед за революционной расправой с монархией наступила реакция, отнявшая свободу у народа.

«Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 319.

² Там же, стр. I.

Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил».¹

Войну североамериканских колоний за независимость Радищев оценивал как борьбу американского народа за свою свободу. «Твой вождь — свобода, Вашингтон!» — восклицает он в оде «Вольность»². Но Радищев постоянно указывал, что народ Америки этой свободы не получил: рабство, нищета, социальное угнетение — вот что скрывается за показною внешностью американской действительности. «Везде видна строящая рука делателя, везде кажется вид благосостояния и внешний знак устройства. Но кто же столь мощною рукою нудит скупую, ленивую природу давать плоды свои в толиком обилии. Заклав Индийцов единовременно, злобствующие Европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладкровное убийство порабощения, приобретением невольников куплею. Сии то несчастныя жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутыя своих домов и семейств, преселенныя в неведомыя им страны, под тяжким железом благоустройства, вздирают обильныя нивы Америки, трудом их гнушающейсся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ея не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разновидными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысящи неимеют надежнаго пропитания, ни собственнаго от зноя и мраза кровя»³.

Слова Радищева об американской действительности, написанные более полутора столетия тому назад, не потеряли значения и в наши дни. Они, в частности, показывают, что «американский образ жизни», построенный на угнетении трудящегося человека, имеет свои давние традиции.

Но больше всего привлекла внимание Радищева Французская буржуазная революция конца XVIII в., современником которой он был. Следует при этом учесть ту политическую атмосферу, в которой выступал Радищев. В России тогда нельзя было писать что-либо положительное о французской революции, как и о восстании, руководимом Пугачевым. Радищев поэтому нигде не высказывает похвал по адресу восставшего французского народа, как избегает он положительных оценок пугачевского восстания. Вместе с тем, отдавая долж-

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 7—8.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 316—317.

ное борющемся народу, он сурово осуждал не только феодальные, но и буржуазные порядки, которые не принесли народу освобождения.

В этой связи стоят неоднократные возражения Радищева французским просветителям, разбросанные в разных местах его сочинений. Из подобных возражений заслуживают наибольшего внимания те, где речь идет о праве народа на борьбу за свою свободу. Одно из них приведено выше. В противовес большинству французских просветителей, апеллировавших к естественному праву для обоснования идеи конституционной, «просвещенной» монархии, Радищев выводил из естественного права необходимость вооруженного восстания угнетенного народа. «Гражданин... есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем неизсякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник... и всяк имеяй довольно сил, да отмстит на нем обиду, им соделанную»¹.

Радищев решительно возражал Руссо, который «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие». Этот тезис Руссо Радищев отвергал прежде всего потому, что из него следовал вывод о невозможности для русского народа, населяющего огромное государство, свергнуть угнетателей и устроить «доброе правление».

Революционное мировоззрение Радищева привело его к новым взглядам на русскую историю. Прошлое нашей родины впервые рассматривается им с позиций революционера, с точки зрения интересов трудящихся.

В истории России Радищева интересовали прежде всего периоды «вольности», отсутствия самодержавия и крепостного гнета. Он ищет в русском прошлом примеры революционных взрывов. Он ставит своей задачей уяснить возникновение зла, против которого он борется, показать исторические корни крепостничества и царизма. Радищев изучал Повесть временных лет, знал Русскую правду, внимательно читал Татищева, пользовался работами Миллера.

Его внимание привлекает история Новгородской республики, новгородского веча. «Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление. Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления, заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 279.

общественных»¹. Радищев считал, следовательно, что Новгород был народной республикой, где будто бы народ был суверенен, сам заключал мирные договоры, решал дела в народном собрании и т. п.

Эта идиллическая картина, конечно, далека от действительности, так как Новгород был феодальной республикой, где власть находилась в руках боярства. В сочинении по истории Сибири, написанном в ссылке, Радищев вновь остановился на вольностях древнего Новгорода: «он имел своих князей, бояр, особое гражданское правление» даже во время татарского ига. Радищев говорит при этом о распространении в древнем Новгороде «лучших понятий о гражданской вольности» и называет вечевою колокол «палладиумом вольности новгородской».

Радищев считает, что свобода издревле была присуща славянам. Он говорит о вече, что оно «нечто в России древнее, и роду Славянскому сосущественно, с того может быть даже времени . . . как Славяне начали жить в городах»². В заметках «К российской истории» он приводит сведения из древнейшей летописи, что новгородцы, смольняне, киевляне и полочане «на вече сходятся», что новгородцы «выгнали от себя Ярослава Володим[ировича], а взяли Мстислава Давид[овича] княжить»³. Он указывает, что Татищев «видел список грамоты о вольности новгородцев»⁴.

Отмечая значение вечевых сходок, на которых «основывалась наипаче вольность народа», Радищев признает не только в Новгороде, но и в Киеве власть великого князя избирательной, а не наследственной. «И в Киеве были народные собрания, называемыя вече»⁵. Он оспаривает противоположное мнение Татищева, правильно уловив монархическую тенденцию дворянского историка. В поэтическом произведении «Песни, петье на состязаниях . . .» Радищев также указывает на древность вечевого устройства у славян, «где на вече собирався народ мирной»⁶.

По мнению Радищева, власть царей, самодержавие повинно в гибели исконной народной свободы; в «Путешествии» он рисует картину падения новгородской вольности.

В первоначальном тексте «Путешествия» относительно пребывания в Новгороде царя Ивана Васильевича было сказано: «Были и есть люди, которые его гнев почитали и почитают

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 262, 264.

² А. Н. Радищев. Соч., т. II, стр. 145.

³ А. Н. Радищев. Соч., т. III, стр. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 36 и 39.

⁶ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 67.

справедливым. Новгородцы в их мнении были бунтовщики. Но какое оному доказательство?» Далее Радищев указывает на разгром новгородской свободы, учиненный царизмом: «Сей Государь столько успел в своем предприятии, что в новгородцах не осталось ни малейшей искры духа свободы, за которую они с толиким сражались жаром. С вещевым колоколом рушилось в них даже и зыбление, так сказать, вольности, нередко по усмирении бури остающееся, и, действительно, не видно, чтобы после того новгородцы сделали какое покушение на возвращение своей свободы». В другом месте «Заметок» Радищев говорит, что Иван «истребил остатки вольности новгородской»¹. В этих рассуждениях о Новгороде выпукло и резко противопоставляются «народное правление», республиканские свободы, искони свойственные славянству, с одной стороны, и насилие и гнет со стороны царской власти,— с другой. Здесь прославляется древняя свобода и осуждается царская власть как грубое насилие, попирающее народные права. Екатерина II, читая «Путешествие», хорошо поняла эту мысль автора и сделала полемическое замечание по поводу этого места².

Исконная древнерусская свобода, выразившаяся, по мнению Радищева, в вечевом устройстве, являлась для него залогом и обоснованием веры в достижение свободы в будущем. Исторические идеи Радищева тесно связаны с его революционным мировоззрением. В «Песнях, петых на состязаниях...», пламенный патриотизм автора сочетается с мыслями о будущем русского народа:

О народ, народ преславной!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе...
Победят — природу даже,
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства³.

В древности народ, по мнению Радищева, не только обладал политической свободой или «народным правлением», но народные массы не знали и крепостного гнета. Крестьянин, будучи в древности свободен, был также собственником обрабатываемой им земли: «в начале общества, тот кто ниву обра-

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 419, варианты.

² Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, стр. 158.

³ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 73.

ботать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее, пользуется ею исключительно»¹.

Радищев возлагает вину за потерю крестьянами свободы на дворянство. Именно помещики захватили землю и заставили крестьян работать на них. Цари, будто бы «старались положить предел стоглавному сему злу», т. е. крепостничеству, но были заняты военным делом, а тем временем дворянство «ухитрилось» поработить крестьян². Радищев не снимал с самодержавия ответственности за крепостное право, но при этом отчетливо выразил мысль, что источником крепостного гнета были насилия со стороны дворянства.

Мысль о том, что крестьяне издревле были свободны и являлись собственниками земли, важна Радищеву для обоснования требования освобождения крестьян. Радищев выдвигает против крепостничества доводы экономические и политические, указывает на невыгодность, слабую производительность подневольного труда, подчеркивает политическую опасность рабства, возбуждающего ненависть и приводящего к крестьянским восстаниям. Наряду с этим он обосновывает необходимость освобождения крестьян также доводами исторического порядка, указывая, что крестьяне в древности были свободны. Радищев останавливается также на истории русского дворянства, отмечает его постепенное превращение в бесполезный и привилегированный класс.

При всей своей ненависти к самодержавию Радищев вместе с тем видел в деятельности отдельных выдающихся царей прогрессивные черты. Обвиняя Ивана Грозного в окончательном уничтожении новгородской свободы, Радищев вместе с тем отмечает достижения в просвещении и военном устройстве, говорит, что Грозный завел типографию, что при нем «начали лить пушки» и т. п.³ В «разрозненных заметках» по русской истории Радищев говорит, что Иван Васильевич открыл «путь к последовавшим над шведами завоеваниям», т. е. явился предшественником Петра во внешней политике, «и покорением царства Казанского и Астраханского возбудил государственныя силы... Введением лучшего в судах и в воинстве порядка он положил основание того величества, которого Россия достигла»⁴. Стоит вспомнить резко отрицательную оценку царствования Грозного, которую дает дворянский историк Щербатов, чтобы понять значение этой исторической характеристики Ивана IV, сделанной революционным демократом XVIII в.

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 315.

² Там же, стр. 312.

³ А. Н. Радищев. Соч., т. III, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 41.

Касаясь истории России в XVII в., Радищев отметил, что «царь Алексей Михайлович оградил Россию от поляков покорением Смоленска», и в особенности ставит ему в заслугу издание Соборного уложения 1649 г., которое он определяет как «закон систематический», «все единым оком объемлющим и устремляющим все к единому концу»¹.

Особый интерес представляет своеобразная оценка Радищевым преобразований Петра I, обусловленная революционным мировоззрением Радищева как мыслителя. Он отмечает положительные и отрицательные стороны реформ Петра I. В «Письме к другу», написанном в связи с открытием памятника Петру I в Петербурге (1782 г.), Радищев называет Петра «обновителем и просветителем» своего народа, но тут же указывает, что современники его «ненавидели, а по смерти оплакивали». Половина современников были лишь «ласкателями», ненавидевшими в душе петровские реформы, а другая половина охвачена была «ужасом беспредельно самодержавные власти» и раболепствовала перед ним. В этом подчеркивании разногласий в отношении современников к Петру уже намечена двойственность и сложность оценки его преобразований у Радищева.

Радищев высоко ставит Петра как победителя шведов, «учредителя» русской армии и флота, называет его «обновителем и просветителем» России, мужем необыкновенным, «название великаго заслужившаго правильно... мог бы и для того великим назваться что дал первый стремление столь обширной громаде». Таким образом, Радищев отмечает прогрессивность петровских преобразований.

Однако наряду с этим Радищев указывает, что Петр «победитель бо был прежде нежели законодатель», т. е. что преобразования отставали от военных успехов. Наконец, он утверждает, что Петр был «властным самодержавцем, которой изтребил последния признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстити неможно! И я скажу что мог бы Петр славней быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную»².

Не в деятельности царей видел Радищев творческие силы русской истории, а в народе. Только свободная деятельность народных масс приведет к великим достижениям. С этим связана высокая оценка Радищевым деятельности Ломоносова, как «великаго мужа», вышедшего из народных масс, высокое представление о Ермаке и казачестве, как активной, «свободной», народной силе, так же как внимание к Пугачеву. Актив-

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. III, стр. 41, 42.

² А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 149—151.

ность народа, как исторической силы, выражается в борьбе против феодального гнета, в революции. Путем изучения народного характера Радищев хочет понять «гадательное» в русской истории. Он утверждает, что русский крестьянин за внешней «задумчивостью» таит гнев и готов на сопротивление, на восстание.

Радищев изображает крестьянское восстание и убийство четырех дворян их крестьянами, выведенными из терпения насилиями помещиков. При этом он говорит: «Я заметил из многочисленных примеров, что Русской народ очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы непреклонился на жесткость». Он оправдывает убийство помещиков-насильников: «Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность»¹.

Радищев указывает читателям-дворянам на недавнее прошлое, на восстание Пугачева: «Приведите себе на память прежния повествования. Даже обольщение, колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем текут ему во след, и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому неумыслили, как их умерщвление»². Радищев с одобрением говорит о борьбе крестьян: «В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ; некаякая крестьяне (повесть сия нелжива) связав своего господина, везли его на неизбежную казнь»³.

Он призывает крестьян к восстанию: «Богатство сего кровопийца ему непринадлежит... Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы, и развеите пепл по нивам, на них же совершилося его мучительство»⁴. Освобождение придет крестьянам не от правительства и помещиков, а будет вырвано самими крестьянами: «свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения»⁵. Екатерина II хорошо поняла смысл этих слов и заметила, что Радищев «надежду полагает на бунт от мужиков».

Другую, но также весьма выразительную картину народной деятельности во главе с народными героями Радищев показал на примере истории Сибири и ее завоевания русскими. «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» было написано Радищевым в ссылке; основным материалом

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 272—273, 275.

² Там же, стр. 320.

³ Там же, стр. 305.

⁴ Там же, стр. 326.

⁵ Там же, стр. 352.

для него послужила книга Миллера по истории Сибири. Но Радищеву осталась чуждой общая концепция Миллера, который выступает в качестве идеолога колониальной экспансии царизма. По мнению Миллера, завоевание Сибири проводилось будто бы гуманными методами и сопровождалось добровольным подчинением народов Сибири Российской империи, их попытки отстоять свою независимость рассматриваются им как «бунт» и «злодеяние»¹. Миллер восхваляет царей и проявляет также особое внимание к местным сибирским князьям. Радищев, в противоположность Миллеру, связывает завоевание Сибири с глубинными процессами народной колонизации, идущими из Новгорода (Строгановы) и с Дона, от вольного казачества во главе с Ермаком. Вместе с тем Радищев осуждал феодально-колониальную политику царизма и с глубоким интересом и симпатией отнесся к истории сибирских народов.

Показательным является начало его «Повествования о приобретении Сибири», где он говорит о вольностях древнего Новгорода и указывает на связи новгородцев с Приуральем и Сибирью. Основной мыслью Радищева является утверждение, что присоединение к России Сибири, а затем и Аляски явилось результатом усилий «частных людей». В этой связи Радищев, считая народ творцом истории, делает интересные замечания о русском народном характере, твердом и неутомимом. «Присоединение Сибири к Российскому владению был плод усилия частных людей, корыстолюбием вождаемых. Сие не на одного Ермака с его товарищами относиться должно, но на всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самая Америки. Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что сделать может блаженство общественное!»².

Радищев говорит о хозяйственной и колонизационной деятельности Строгановых, как частных людей, и подчеркивает их происхождение из республиканского Новгорода. В особенности внимательно он останавливается на роли донских казаков — «вольных» людей. Он указывает на преследование казаков при Иване Грозном, отмечает, что они были вынуждены «скрыться от мщения российского самодержца». Он считает необходимым заметить, что «неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предпринятого намерения были им

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 42—47.

² А. Н. Радищев. Соч. т. II, стр. 146—147.

свойственные качества», признает в Ермаке «величие духа», а также «многие из тех свойств, которые нужны воинскому вождю, а паче вождю непорабощенных воинов»¹. Радищев говорит, что Ермак давал побежденным «полную свободу жить по прежнему, не стесняя их свободы», сравнивает его с Колумбом и даже сожалеет, что из «слепого суеверия» Ермак не вступал в более тесные связи с покоренными, он мог бы вместо извещения царя о своих завоеваниях поступить иначе: «основал бы в Сибири область от России независимую, и утвердил бы в ней свое владычество»².

Колониальная политика царизма в отношении сибирских народов вызывает у Радищева резко отрицательное отношение. «Для усмирения и удержания» их русские власти строили крепости, он говорит об «алчности» и «корыстолюбии» правителей. Радищев проявил большой интерес к истории вогулов, татар и др. Им было составлено описание Тобольского наместничества, в котором Радищев сообщил о быте тунгусов и остяков, замечая при этом, что ростовщики, воеводы и священники «грабят их», отнимая за дешевую цену или за долги пушнину³.

Таким образом, в работах Радищева по истории и этнографии Сибири продвижение России в Азию связано с отличительными чертами русского народного характера — неустрашимостью, храбростью, твердостью. Присоединение Сибири изображается как заслуга частных людей, а не царей, и Радищев осуждает жестокие методы колониальной эксплуатации народов Сибири. В этих работах он коренным образом разошелся с официальной дворянской исторической концепцией.

Наряду с восстанием Пугачева и деятельностью вольных казаков в Сибири Радищева привлекает история передовой подлинно народной культуры. С этим связано «слово» о Ломоносове, включенное Радищевым в его «Путешествие из Петербурга в Москву». Он называет Ломоносова «великим мужем» и противопоставляет его тем, кто действует «силой и могуществом», т. е. царям и полководцам: «Пускай другие рабелепствуя власти, превозносят хвалю силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу». Радищев подчеркивает простонародное происхождение Ломоносова: «рожденный от человека, который не мог дать ему воспитания, дабы посредством онаго понятие его изострилося и украсилоя полезными и приятными знаками... сужденный делить время свое, между

¹ А. Н. Радищев. Соч. т. II, стр. 150—152.

² Там же, стр. 157—158, 160.

³ А. Н. Радищев. Соч., т. III, стр. 136.

рыбным промыслом, и старанием получить мзду своего труда»¹. Радищев рассказывает историю превращения крестьянина-рыбака в ученого, в «великого мужа», останавливается на его трудах по физике и химии, металлургии и минералогии, упоминает о его работах по русскому языку, отмечает заслуги Ломоносова в литературе.

Историческая концепция Радищева противостояла взглядам дворянских историков. Радищев является предшественником декабристов и революционных демократов XIX в. У него имеется целый ряд ошибочных взглядов. Ему, например, свойственна идеализация первобытного общества и вечевое строение древнего Новгорода, неправильно и его представление об исконности крестьянской свободы. Но именно Радищев ставил перед общественной мыслью задачу изучения истории народа, видел в народных массах, а не в государстве, движущую силу исторического развития.

Исторические идеи Радищева, тесно связанные с его революционным мировоззрением, знаменуют новый этап в развитии передовой русской исторической мысли.

¹ А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 380—381 и сл.

Глава VI.

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У НАРОДОВ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ, ЛИТВЫ, ПРИБАЛТИКИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVIII СТОЛЕТИИ

I

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА УКРАИНЕ, В БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЕ

Вплоть до последней четверти XVIII в. почти вся Правобережная Украина находилась в составе Речи Посполитой под властью польско-литовских панов. Основанная на эксплуатации и угнетении крестьян Речь Посполитая находилась в состоянии полного развала.

Тяжелое положение украинского народа на Правобережной Украине под властью шляхетско-магнатского государства задерживало развитие украинской культуры и исторических знаний, в частности.

Наоборот, значительные сдвиги обнаруживаются в историографии на Левобережной Украине, находившейся в пределах России, где она развивалась в тесном взаимодействии с культурой русского народа и его передовых представителей.

Большой упадок переживала в XVIII в. историография Белоруссии, остававшейся под гнетом польско-литовских феодалов, а также историография Литвы.

§ 1. Историография Украины

Историческая мысль на Украине в XVIII в. развивалась в значительно менее благоприятных условиях, чем в России. В то время как в России уже действовали Академия наук и Московский университет, на Украине существовало только одно высшее учебное заведение — Киевская академия, во второй половине XVIII в. все более превращавшаяся в специальное духовное учебное заведение.

Авторами исторических произведений, появившихся на территории Левобережной Украины, были в подавляющем числе

представители дворянско-старшинских кругов. Произведения, возникшие в среде казачества, до нас почти не дошли, за исключением отдельных отрывков, включенных в обширную компиляцию Величко. Однако взгляды народа на исторические события, совершавшиеся на Украине, нашли свое отражение в народных думах и преданиях, отчасти в творчестве украинского философа и писателя Г. С. Сковороды.

Крупнейшие исторические труды, возникшие в первой половине XVIII в., посвящены истории освободительной войны и воссоединения Украины с Россией. Таковы так называемые летописи Г. Грабянко и С. Величко.

Летопись Грабянки¹ — яркий памятник феодально-старшинской идеологии. Григорий Грабянка — один из видных представителей казацкой старшины. В 1710 г. он был гадячским полковым обозным, позднее есаулом и судьей. Имя Грабянки мы встречаем в числе представителей старшины, подписавших так называемые Коломацкие челобитные 1723 г. с просьбой о восстановлении гетманства. В 1729 г., по ходатайству гетмана Грабянку назначили гадячским полковником. В 1734 г. он участвовал в Крымском походе, во время которого умер.

Летопись Грабянки получила широкое распространение и оказала большое влияние на последующих историков Украины. Летопись охватывает историю Украины с древнейших времен до 1709 г.; о древнейшем периоде рассказано в ней очень кратко, несколько подробнее изложена история казачества. В центре внимания автора находится борьба украинского народа против шляхетской Польши, гетманство Богдана Хмельницкого и воссоединение Украины с Россией. События после освободительной войны изложены кратко, особенно события XVIII в.

Летопись Грабянки — сводный исторический труд. Она составлена на основании ряда источников. Помимо письменных материалов, Грабянка использовал многочисленные устные предания свидетелей описываемых событий. Это обстоятельство придает труду Грабянки особую ценность. Так, большой интерес представляет описание последних дней жизни Хмельницкого, его речи, обращенной к старшине и сыну Юрию с призывом свято хранить союз с Русским государством. Грабянка пытается критически использовать свои источники и в некоторых случаях дает им свою оценку.

В обращении к читателю автор поясняет: «коей ради виню сию историю начато писатися». Грабянка ставит своей целью изобразить прошлое Украины и историю украинского казачества. Он с чувством глубокого уважения пишет об украинском

¹ «Летопись Григория Грабянки», Киев, 1854.

народе, его стремлении к свободе, его неустанной борьбе с внешними врагами. Однако под народом он понимает прежде всего казачество, а не широкие массы крестьянства. Грабянка оправдывает борьбу украинского народа против гнета шляхетской Польши. Он обращает особое внимание на события освободительной войны 1648—1654 гг. Очень высоко Грабянка оценивает деятельность Богдана Хмельницкого, прославляя его государственный и полководческий талант, его скромность, простоту обращения. Грабянка положительно оценивает воссоединение Украины с Россией и неоднократно говорит о прогрессивной роли России в истории Украины. Зато с негодованием пишет Грабянка о деятельности гетманов-изменников: Выговского, Дорошенко и Мазепы. Вместе с тем Грабянка выступает против русского царизма в тех случаях, когда мероприятиями правительства затрагивались интересы украинской старшины. Грабянка отрицательно изображает события, связанные с присылкой русских воевод на Украину, считая, что это уменьшало доходы старшины.

Как представитель господствующего класса феодалов, Грабянка не мог сочувствовать широким крестьянским массам. Он отрицательно относится к крестьянским движениям, направленным против гнета украинских феодалов, хвалит гетмана Самойловича за подавление «козацкого своеволия» и восстаний.

Труд Грабянки написан книжным языком, с ясно выраженными украинизмами и примесью церковнославянских выражений.

Произведением старшинской историографии является также обширная по объему «летопись» Самуила Величко¹. «Летопись» начинается с описания событий освободительной войны украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого. Изложение в этом произведении доводится до 1700 г. Известны всего два списка «Летописи»: Погодинский и более поздний — список Срезневского.

Известия об авторе летописи содержатся в ее тексте. Самуил Величко в 1690 г. начал службу при генеральном писаре Василии Кочубее и играл при нем немалую роль: ему поручалась секретная государственная переписка. В 1705 г. Величко был переведен в генеральную войсковую канцелярию, но в конце 1708 г. удален вследствие близости к Кочубею, который был казнен летом этого года. Остальную часть своей жизни Величко провел в доме сына Кочубея. Умер он после 1728 г.

Автор указывает источники, которыми он пользовался. Это — краткие казацкие летописные заметки, универсалы,

¹ «Летопись Самоила Величка», т. 1—4, Киев, 1848—1864.

грамоты, письма и пр. Использует он и польских писателей, в том числе поэму С. Твардовского «Война домовая» и сочинение немецкого историка Пуффендорфа. В числе своих источников Величко упоминает не дошедший до нас дневник якобы секретаря Богдана Хмельницкого — Самуила Зорьки. Имя Зорьки не встречается ни в одном источнике, и историческая наука подвергает сомнению существование этого дневника. В последней части своего сочинения Величко опирается на личные наблюдения и показания очевидцев.

Автор — патриот своей родины и называет себя «истинным сыном Малороссии». Он положительно оценивает воссоединение Украины с Россией и осуждает изменника Мазепу, называя его «Макиавель и хитрый лис». В польско-шляхетском господстве на Украине Величко видит причину всех бедствий и разрушений на Украине. В связи с этим Величко упоминает о своем путешествии по Правобережной Украине в 1702 г., вспоминает разрушенные города, замки, поселения.

Представитель старшины, Величко не скрывает своего враждебного отношения к народным восстаниям. Наиболее ярко это выразилось в описании подавления восстания в 1687 г. Автор с удовлетворением говорит о расправе, которую учинил Мазепа над восставшими, описывает казни повстанцев, говорит о том, что после этой расправы настала тишина и «безбоязненное людем заможным (т. е. богатым.— *Ред.*) мешкане (жизнь.— *Ред.*)». Само восстание Величко считает делом рук «збойцев», бунтовщиков.

«Летопись» Величко изобилует пространными рассуждениями по поводу описываемых событий. Нередко автор вводит в изложение собственные домыслы; не располагая достаточными данными, он заимствует факты из истории других народов.

К первой половине XVIII в. относятся «Краткое описание Малороссии»¹ и так называемая Лизогубовская летопись, носящая также название «Летописец или описание краткое знатнейших действ и случаев»². В основе «Краткого описания» положено сочинение Грабянки. Автором Лизогубовской летописи был, как можно предполагать, генеральный обозный Яков Лизогуб, составивший ее в 1742 г. По своему идейному содержанию «Краткое описание Малороссии» и Лизогубовская летопись примыкают к указанным выше старшинским летописям. В них мы находим интересные данные о народной войне против шведских захватчиков на Украине в 1708—1709 гг.

¹ См. приложение к «Летописи Самовидца», Киев, 1878, стр. 209—319.

² «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси», Киев, 1888, стр. 1—69.

Во второй половине XVIII в. был составлен труд Степана Лукомского под названием «Собрание историческое... полковым обозным Степаном Васильевым сыном Лукомским, сочиненное в малороссийском городе Прилуки, 1770 г.»¹. Автор начинает изложение с 1299 г. и заканчивает 1599 г. В сочинении Лукомского восхваляется казачество и его военные заслуги; автор резко отрицательно оценивает шляхетский гнет на Украине.

Во второй половине XVIII в. русский царизм окончательно ликвидировал остатки автономии Украины. В 1764 г. управление Украиной перешло в руки Малороссийской коллегии во главе с царским сановником, генералом П. Румянцевым. В конце XVIII в. было уничтожено полковое и сотенное устройство, а казаки превращены в особую категорию зависимого населения, близкую по положению к государственному крестьянам. Широкие массы крестьянства и беднейшее население городов изнывали в нищете и бесправии под тяжким игом украинских феодалов и дворянской монархии.

В результате этих «реформ» украинские земли в административно-политическом отношении были сравнены с остальными русскими губерниями, украинская старшина слилась в одном сословии с русским дворянством.

Проводимая царизмом политика ликвидации автономии в известной мере затрагивала интересы украинских феодалов, поэтому в исторических сочинениях старшина хотела обосновать свои претензии на автономию Украины, апеллируя к историческому прошлому Украины. Наиболее ярко это выражено в исторических писаниях видного представителя старшинского автономизма, писателя и историка Григория Полетики.

Богатый землевладелец, Полетика родился в 1725 г., окончил Киевскую академию, позднее служил в различных учреждениях. Усиленно заботясь об умножении своих богатств, Полетика одновременно интересовался историей и собрал огромную библиотеку. Библиотека Полетики, жившего в Петербурге, была одной из самых крупных в тогдашней Российской империи.

Как видный представитель украинской старшины, Полетика был депутатом в «Комиссии об уложении». В качестве депутата этой комиссии Полетика представил громадный сборник под названием «Права и привилегии Малороссийского шляхетства».

Для характеристики исторических взглядов Полетики наиболее важны два его произведения: «Историческое известие,

¹ «Летопись Самовидца», Киев, 1878, стр. 321—372.

на каком основании Малая Россия была под республикой Польской и на каких договорах поддалась русским государям» и «Записка о том, как Малая Россия во время владения польского разделена была и об образы ее управления».

Автор стремится доказать, что украинское шляхетство было и должно оставаться господствующим, привилегированным сословием. Искажая факты, Полетика пытается доказать, что во времена польского владычества, украинские феодалы обладали якобы всеми правами, а Украина пользовалась автономией. Полетика неоднократно подчеркивает, что Украина вошла в состав России только на условии сохранения ее политической автономии. Он требует восстановления шляхетских сеймиков и сословных судов. Выдвигая требование автономии Украины, Полетика ни в коей мере не имел в виду интересы украинского народа. Это требование было продиктовано классовыми интересами украинских феодалов, их стремлением сохранить в своих руках господство над трудящимися Украины.

В 1765 г. появилось историческое произведение Петра Симоновского «Краткое описание о казацком малороссийском народе и о военных его делах», также отражавшее идеи шляхетско-старшинского класса.

Труд Симоновского представляет хронологически систематизированный обзор истории Украины до 1750 г. Автор его принадлежал к старшинской верхушке, учился в Киевской академии и заграничных университетах. Как и Полетика, Симоновский интересовался историческим прошлым Украины для обоснования прав старшины на шляхетство и требования об автономии Украины. Симоновский был недоволен ликвидацией гетманства и не возобновил больше работы над своим историческим трудом, хотя прожил еще почти полвека.

Таковы важнейшие исторические произведения второй половины XVIII в., появившиеся на Украине. Наряду с ними составлялись местные летописные обзоры. Такого рода местная летопись событий велась черниговским полковником, позднее наказным гетманом Павлом Полуботком. Любопытная хроника, рисующая главным образом историю Левобережной Украины, известна под названием Сулимовской летописи. Известны некоторые летописные труды, составленные в монастырях: «Летопись Сатановского монастыря», «Летопись Мгарского монастыря», «Летопись Подгорского монастыря» и др.

Во второй половине XVIII в. протекала деятельность выдающегося украинского философа и писателя Г. С. Сковороды (1724—1794 гг.), сыгравшего большую роль в истории общественно-политической мысли Украины. Сковорода не оставил собственно исторических произведений, его взгляды на

исторический процесс отражены в его философских трактатах и литературных произведениях.

Выходец из трудового народа, Сковорода учился в Киевской академии, позднее короткое время был преподавателем Переяславской коллегии, откуда был уволен за «свободомыслие» и протест против церковных властей.

Философские взгляды Сковороды противоречивы. Он считал, что видимый мир является лишь «внешностью», «тенью», а сущность его представляет божественное начало. Наряду с этим в его взглядах сильна материалистическая тенденция. Он утверждал, что природа не имеет ни конца, ни начала ни в пространстве, ни во времени.

В отличие от идеологов феодально-старшинской историографии главное внимание Сковорода уделяет народным массам. Главный смысл в жизни каждого человека и всего общества он видит в труде «по сродности» (по склонности). Сковорода решительно осуждает паразитизм господствующего класса, его алчность, погоню за дворянскими титулами.

Сковорода горячо любит свою родину и восстает против слепого преклонения перед иноземным. Чрезвычайно высоко ценил Сковорода героическое прошлое своего народа, с любовью относился к славному предводителю освободительной борьбы народа Богдану Хмельницкому, о котором он писал:

«Будь славен во век, о муже избранны
Вольности отче, герою Богдане».

Несмотря на противоречивость его философской концепции, элементы теизма, мистики в его воззрениях, исторические взгляды Сковороды во многих отношениях были шагом вперед по сравнению со взглядами представителей феодально-старшинской историографии.

В XVIII в. на Украине получила особенно большое развитие устная историческая традиция. Народные исторические песни составляют значительную часть фольклора этого столетия. Главным творцом богатого фольклорного наследия были представители трудового народа. Крестьянские песни отразили ужасы «вражой панщины», насилия помещиков, управителей, голод, нищету. В песнях повествуется о бегстве крестьян в Запорожье, в леса, в южные степи. В них звучат призывы к борьбе против угнетателей. Народные песни любовно рассказывают о повстанцах, о борьбе гайдамаков, галицких опришках, о Колиивщине, о восстании в Турбаях.

Народ создал многочисленные легенды, повествующие о его излюбленных героях: Семене Палисе, Максиме Железняке,

Олексе Довбуше. Народное творчество рисовало их могучими и отважными богатырями, беззаветно любящими свою родину, свой народ.

§ 2. Историография Белоруссии и Литвы

Письменная литература на белорусском языке в XVIII в. почти не развивалась. Белорусский язык был вытеснен из литературного обихода и заменен польским языком, сделавшимся государственным языком на территории Литовского великого княжества. Закон 1697 г. устанавливал, чтобы все официальные акты «писались по-польски, а не по-русски». Сама белорусская шляхта стала говорить и писать по-польски. Только широкие народные массы белорусов сохранили свой родной язык и создавали на нем произведения устного поэтического творчества. Тяжелый упадок переживала и литовская историография. Виленская иезуитская академия была рассадником схоластики и мракобесия. Все светские науки были изгнаны. К этому времени относятся лишь две попытки написать историю Литвы. Матвей Догель (1715—1760 гг.) издал два тома из задуманных восьми томов по истории внешней политики Литвы и Польши. Епископ Адам Нарушевич намеревался составить «Историю Польши», используя в качестве источника литовскую метрику, но успел написать только начало сочинения.

В период гонения на белорусскую культуру XVI—XVIII вв. известную роль в ее развитии сыграли братства (объединения горожан при церквях). В основанных ими школах часто ставились драматические инсценировки, большей частью на белорусском языке. В этих школьных пьесах высмеивались пань-католики и схоластическая ученость. Стиль и содержание пьес были тесно связаны с народным творчеством и являлись отражением народных симпатий к белорусскому языку и быту, ко всей белорусской культуре. Школьные пьесы содействовали также развитию исторических взглядов белорусского народа.

В конце XVIII в. совершилось воссоединение белорусского и литовского народов с великим русским народом, имевшее огромное прогрессивное значение для дальнейшей истории Белоруссии и Литвы. Белоруссия освободилась от национального порабощения, угрожавшего самому существованию белорусской народности. Создались условия и для развития культуры литовского народа. Вхождение в состав Русского государства обеспечивало для Белоруссии и Литвы более быстрое преодоление феодальных порядков, вместе с тем оно открыло

новые возможности для дальнейшего развития исторических знаний белорусского и литовского народов.

Укрепление связей с великим русским народом оказало большое влияние на развитие белорусской исторической мысли. Это нашло свое выражение в народном творчестве, которое правильно осмысливало исторические события близкой к нему современности. В народных песнях отразились события исторического прошлого Белоруссии и сочувственные отношения белорусского народа к его воссоединению с русским народом.

II

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРИБАЛТИКЕ

Присоединение к России знаменует новый этап в истории Прибалтики, открывший широкий путь для ее дальнейшего экономического подъема. Объединение феодально-раздробленных Латвии и Эстонии под единой властью России спасло латышский и эстонский народы от национальной гибели.

Прибалтийские феодалы и городская торговая олигархия стремились сохранить свои латифундии и привилегии. Остзейское дворянство, после присоединения Прибалтики к России, быстро нашло опору в петербургских придворных кругах и стало в свою очередь опорой трона. Бироновщина была периодом благополучия дворянства и одновременно периодом усиления эксплуатации крепостного крестьянства в Прибалтике.

Безграничность власти лифляндских феодалов над крестьянами поражала даже русских крепостников, и царская Юстиц-коллегия в связи с делом одного эстонского крепостного запроектировала лифляндское рыцарство о границах его власти над личностью и имуществом крепостных крестьян. Ландрат барон Розен для ответа воспользовался всем арсеналом доводов прибалтийско-немецких историков. В представленной в 1739 г. Юстиц-коллегии от имени лифляндского рыцарства «декларации» Розен утверждал, что крестьяне в Лифляндии являются рабами, прикрепленными к именьям, могут быть проданы, куплены, являются объектом наследования, дарения и не обладают правом личной собственности. Декларация лифляндского дворянства обосновывалась римским правом, правом завоевателя и «культуртрегерством» немцев в Прибалтике. Так, создаваемые прибалтийско-немецкими историками теории и концепции были использованы лифляндским дворянством для обоснования его крепостнических притязаний.

Хотя в Прибалтике (Лифляндии и Эстляндии) в XVIII в. происходило дальнейшее усиление крепостничества, но уже

стали проявляться первые признаки разложения феодального хозяйства и всей системы крепостнических отношений, являвшихся тормозом для развития нарождавшегося капитализма. В прибалтийско-немецкой исторической литературе появилась статья пастора Иоганна Эйзена (1717—1779 гг.), озаглавленная «Описание одним лифляндским патриотом крепостного рабства, как оно учреждено над крестьянами в Лифляндии». В этой статье Эйзен выступал против крепостного права. Автор писал, что «при крепостном строе, который является врагом всех благотворных стремлений, вся страна всегда будет представлять постоянное накладывание заплат, из которого никогда не получится ничего цельного». Эйзен делал вывод: «Ни одна собственность не ограждена законом и обычаем так непоколебимо, чтобы государь, приметивший вред, приносимый государству, не имел бы права по своему усмотрению ввести полезные изменения, хотя бы в ущерб собственнику».

Эйзен был одним из плеяды прибалтийско-немецких историков (Генрих Яннау, Иоганн Петри, Гарлиб Меркель и др.), выходцев из среды прибалтийской городской буржуазии, находившихся под влиянием идей эпохи Просвещения и Французской буржуазной революции. В своих исторических сочинениях они отвергали концепции своих предшественников и критиковали феодальную систему и порожденное ею в Лифляндии крепостное рабство.

В годы серьезных крестьянских волнений в Прибалтике вышла (1786 г.) книга известного историка и публициста, пастора Генриха Яннау — «История рабства и характер крестьян в Лифляндии и Эстляндии. Трактат об улучшении крепостного состояния»¹. Автор труда выдвигал положение, что крепостное рабство является основным препятствием роста благосостояния страны и вредит интересам государства.

Наиболее ярким, талантливым и радикальным публицистом и историком из числа представителей нарождавшегося буржуазного направления в историографии Прибалтики был Гарлиб Меркель (1769—1850 гг.). Родом из семьи мелких рижских бюргеров, сын лютеранского пастора, Гарлиб Меркель юность свою провел в латышской крепостной деревне. В 1796 г. он уехал в Германию и поступил в Лейпцигский университет. Увлечшись французскими просветителями — Вольтером, Райнелем, особенно Руссо и идеями Французской буржуазной революции, находясь под неизгладимым впечатлением

¹ [H. J. von Janna u.] Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauern in Lief- und Ehstland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Dorpat, 1786.

картин крепостного рабства, свидетелем которых он был у себя на родине — в Лифляндии, Гарлиб Меркель стал пламенным и беспощадным обличителем прибалтийских феодалов и борцом против крепостничества. Имеются указания, что формирование взглядов Гарлиба Меркеля происходило и под влиянием «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Объектом своих исторических исследований Меркель взял не лифляндского феодала, а закабаленного латышского крепостного крестьянина. Свою первую работу «Латыши, преимущественно в Лифляндии, на исходе философского столетия»¹ Меркель написал еще на родине, но издать ее в Риге ему не удалось. Вышла она в 1797 г. в Лейпциге и вызвала настолько большой интерес, что уже в 1800 г. была переиздана.

Книга Меркеля сразу приобрела широкую известность. Это обстоятельство, а также то, что в Риге по распоряжению местных властей книга Меркеля была осуждена на сожжение, свидетельствует о большой социальной значимости поднятых Меркелем проблем. Всю силу своего таланта и своего пафоса Гарлиб Меркель направил против феодальных порядков в Прибалтике, борьбу с которыми он не прекращал и в дальнейшем.

В этой книге так же, как и в написанных вслед за тем «Дополнениях к «Латышам»», «Древней истории Лифляндии», «Ваннем Иманта» и других, Меркель с глубокой искренностью выступал в защиту угнетенного населения страны, против немецких поработителей, потопивших в крови древнюю культуру эстов и латышей. Он обвинял немецких крестоносцев-завоевателей и современных ему феодалов в том, что они поработили и низвели до состояния скотов талантливые, стоявшие на высокой ступени развития народы Прибалтики, ограбили их и превратили Ливонию в «разбойничий вертеп попов», и предсказывал, что недалек час, когда латышское крестьянство революционными средствами «разрубит гордые узел латышских оков».

Меркель рассматривал свои исторические труды как обвинительный акт для сурового приговора, который рано или поздно будет вынесен угнетателям латышского народа.

В своей работе «Древняя история Лифляндии», изданной в 1798 г., Меркель, разрушая легенду о культуртрегерской роли ливонских рыцарей, разработал и проблемы древней истории латышского народа. Он доказывал, что латышские племена еще до завоевания Ливонии немцами имели тесные культурные связи со славянами и стояли на сравнительно высоком культурном уровне.

¹ G. Merkel. Die Letten, vorzüglich in Liefland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts, Leipzig, 1797.

Наполеоновские войны застали Меркеля в Берлине, где он к этому времени уже пользовался славой признанного публициста. В эти годы Меркель выступал против идеи Наполеона о всемирном господстве, против проводимой Наполеоном политики угнетения других народов.

Меркель возлагал все свои упования на Россию, как единственную силу, способную дать отпор иноземным завоевателям. В июне 1812 г. Меркель, вернувшись в Ригу, обратился с «Воззванием к населению Остзейских провинций», в котором горячо призывал его в общих рядах с русскими войсками бороться против наполеоновских полчищ.

В последующие годы Меркель снова занимался проблемами аграрных отношений в Латвии. Как типичный представитель просветителей, Гарлиб Меркель ждал облегчения тяжелого положения латышского крестьянства от доброй воли просвещенного монарха — Александра I, от осуществления его аграрных реформ 1817—1819 гг. в Латвии. Меркель не был сторонником идеи разрешения крестьянского вопроса революционным путем. В этом сказывалась его ограниченность. Позднее Меркель выражал удовлетворенность даже законом о крестьянах 1819 г. для Лифляндии, который упрочивал господство помещиков, хотя в некоторой степени и содействовал развитию капиталистических отношений.

Реакционная политика «Священного союза» Александра I и Николая I вызвала глубокое разочарование у Меркеля. В 20-х годах XIX в. Меркель отошел от активной публицистической деятельности. Сохранившиеся его рукописи последующих годов свидетельствуют о том, что Меркель, несмотря на некоторые сдвиги вправо, до конца своей жизни остался верен своим просветительским идеям.

Сочинения Меркеля на латышском языке, вследствие противодействия прибалтийских баронов, могли появиться в свет лишь во время революции 1905 г., т. е. спустя сто с лишним лет после их написания.

На русском языке «Латыши» Меркеля были напечатаны уже в 1870 г.

Меркель, так же как и Яннау и другие представители радикального направления прибалтийской историографии, подчеркивал положительное значение для судьбы латышского народа вхождения страны в состав России.

С резкой критикой господствовавших крепостнических отношений в Прибалтике — преимущественно в Эстонии — на рубеже XVIII и XIX вв. выступил Иоханн Кристоф Петри (1762—1851 гг.). Он считал причиной отсталости страны крепостное право и утверждал, что без уничтожения крепостничества невозможен рост благосостояния страны. Петри пони-

мал, что помещики и крестьяне являются «борющимися между собой классами». Опасаясь революционного взрыва в Прибалтике, Иоганн Петри, подобно Гарлибу Меркелю, был сторонником реформ и постепенного уничтожения крепостной зависимости эстов и латышей.

Петри, как и Меркель, оказал большое влияние на прогрессивное направление ранней эстонской буржуазной историографии. Еще в 1901 г. часть его работы «Эстляндия и эсты» (1802 г.) была переиздана на эстонском языке.

Сочинения Петри и в особенности Гарлиба Меркеля привели в бешеную ярость феодальное дворянство и олигархическую городскую верхушку Прибалтики и вызвали поток памфлетов различных авторов, дошедших до крайних пределов мракобесия. Реакционеры предлагали вести полемику не пером, а оружием.

Передовые идеи нарождавшейся буржуазной историографии Прибалтики сказались и в трудах известного немецкого мыслителя Иоганна Готфрида Гердера (1744—1803 гг.), который более четырех лет прожил в Риге. В книге «Идеи философии истории» Гердер уделил место и народам Прибалтики. Он писал, что «судьба народов на побережье Балтийского моря составляет печальную страницу в истории человечества» и что «человечество ужасается той крови, которая пролилась здесь в диких войнах, продолжавшихся до тех пор, пока древние пруссы не были почти целиком истреблены, а курши и латыши обращены в рабство, под игом которого они до сих пор томятся»¹.

III

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

В XVIII в. народы Закавказья вступают в более благоприятный период своего экономического, политического и культурного развития, чем в предыдущие четыре столетия, растет освободительное движение и усиливается борьба народов Закавказья против ига чужеземных государств — Турции и Персии. Передовые круги армянского, грузинского и азербайджанского народов выступают за сближение с Россией. Военные действия русских войск против шахской Персии в начале XVIII в. были активно поддержаны грузинами и армянами. Все более очевидной становится необходимость объединения всех народов Кавказа совместно с русским народом, для общей борьбы с иноземными угнетателями.

¹ G. Herder, Ideen zur Geschichte der Menschheit, IV Theil. Stuttgart und Tübingen, 1828, s. 21—22. •

Во всех отраслях экономики и культуры Грузии, Армении и Азербайджана наступает заметное оживление, которое благотворно сказывается на развитии исторического знания в этих странах. Поэтому XVIII столетие в историографии народов Кавказа отмечено значительным поступательным движением.

§ 1. Историография Армении

Одна из особенностей армянской историографии XVIII в. заключается в том, что передовые армянские историки этого времени пытаются осмыслить историю армянского народа и наметить те пути, которые приведут его к освобождению от чужеземного ига.

Представители этого нового направления в историографии, выражая мечты и чаяния армянского трудового народа, освобождение Армении и ее будущее связывают с могущественным Русским государством и русским народом. Этот поворот в области политической ориентации был подготовлен вековыми экономическими и культурными связями армянского и русского народов. Укреплению в XVIII в. культурных связей этих народов содействовал перевод ряда сочинений с русского языка на армянский. В 1788 г. был издан первый армяно-русский словарь, были открыты армянские типографии в Петербурге, Астрахани и Нахичевани-на-Дону, которые сыграли значительную роль в культурной жизни армянского народа.

Борьба армянского народа за освобождение из-под ига Ирана и Турции и переход его под покровительство России нашли отражение в произведениях выдающихся представителей армянской историографии этого периода. В их трудах большое место занимает история героической борьбы армянского народа против иноземной деспотии.

С. Шаумян написал историю борьбы сюникских (зангезурских) армян, возглавляемых талантливым полководцем Давид-беком и его соратниками (одним из коих был сам автор) против турецкой и иранской деспотии¹.

Абраам Ереванци (Ереванский) описал историю нашествия турок на Армению и Азербайджан в 1724 г. и героическое сопротивление жителей Еревана турецким регулярным войскам.

Есаи Хасан Джалалян — один из организаторов дела освобождения с помощью русских Нагорного Карабаха, — задался целью написать пространную историю возглавленного им освободительного движения. Однако до нас дошла только незна-

¹ [Степанос Шаумян]. История Давид-бека и войны капанских армян против турок. Вагаршапаг, 1871 (древнеармянский текст).

чительная часть этого труда, которая свидетельствует о широких взглядах автора и о правдивости изложения событий¹.

Петрос ди Саргис Гиланец в 1722—1723 гг.² сообщал в форме дневника из Решта русскому бригадиру Левашеву в Астрахань важные политические сведения о нашествии афганцев, о политическом и экономическом положении Ирана и о стремлениях Османской империи утвердиться в Закавказье. Свои ценные сведения он черпал из уст очевидцев.

Лучшие труды по истории Армении были написаны в XVIII в. светскими людьми. Церковно-феодальная армянская историография не дала в XVIII в. ни одного выдающегося представителя, ею были представлены по преимуществу труды, имеющие источниковедческое значение (вполне достоверная «История Надир-шаха и его войн» католикоса Абраама Критского, «Джамбр» — сборник архивных документов, освещающих экономическую деятельность Эчмиадзинского монастыря, составленный католикосом Симеоном Ереванским и т. п.). Целью авторов этих трудов было укрепление экономических и политических позиций армянской церкви и прославление всех политических деятелей, которые благосклонно относились к армянской церкви и ее представителям. Церковные авторы описывают, главным образом, современные им политические события, не касаясь предыдущих периодов многовековой истории армянского народа.

В XVIII в. стали появляться и труды по истории Армении, написанные за рубежом: в Мадрасе (Индия) и в Венеции, где жило значительное количество армян.

В 70-х годах XVIII в. в Мадрасе, во главе с крупным купцом Шахамиром Шахамиряном был организован буржуазно-патриотический кружок, который ставил своей целью освобождение Армении из-под иноземного ига. Этот кружок издал несколько книг; в 1794 г. им был начат выпуск первого армянского ежемесячника «Аздарар» («Вестник»).

В 1773 г. вышло в свет произведение идеолога мадрасского кружка, Мовсеса Баграмяна, озаглавленное: «Новая книга, называемая увещанием», имевшая большое значение для армянской историографии³. Цель книги — пробудить к активной

¹ Histoire d'Aghovanie par le catholicos Essai Hassem Dchalalians. Trad. par M. Brosset. Coil., t. II, St.-Pb., 1876.

² Петрос ди Саргис Гиланец. Дневник осады Исфагана Афганцами, веденный... в 1722 и 1723 годах. Материалы для истории Персии. Перевел и объяснил К. Патканов, СПб., 1870.

³ «Краткое историческое и географическое описание царства Армянского из древних писателей сего народа, яко верных источников собранное на армянском языке в Индии, изданное Яковом Шамировым, а ныне с армянского на российский язык переведенное подпоручиком Варламом Вагановым...», СПб., 1786.

деятельности армянскую молодежь, воодушевить ее рассказом об историческом прошлом Армении и подготовить к борьбе за освобождение страны от иноплеменного ига.

Располагая небольшим количеством первоисточников, Мовсес Баграмян излагал историю Армении со «всемирного потопа» вплоть до своего времени. Он подробно рассказывал об освободительной борьбе родного Карабаха, сообщая ценные сведения об армянских меликах, об их вооруженных силах и т. д. Описывая героическую борьбу, которую вел армянский народ за свою тысячелетнюю историю против иноземных поработителей, Баграмян примером исторических героев воодушевлял армянскую молодежь на новые подвиги.

Автор подробно описывает те тяжелые налоги, которыми обложили армянский народ персидские и турецкие деспоты, приводит статистические данные о размерах податей.

В то время как представители клерикально-феодальной историографии объясняли тяжелое положение армянского народа грехами самих армян, Баграмян считал это объяснение вредным. Причин падения армянской государственности и порабощения армян, по мнению Баграмяна, несколько: деспотическая власть в Армении, произвол князей, распри и взаимная вражда, лень и невежество. Он обращается к сородичам с пламенным призывом приобретать знания, упражняться в употреблении оружия, чтобы общими усилиями добиться свободы. Баграмян не ограничивается фактами и примерами из истории Армении. Он часто обращается к истории других народов. Так, приводя соответствующие факты из истории русских, испанцев, португальцев, он показывает, как можно, ведя справедливую борьбу, обрести свободу и независимость.

Считая первой и главной причиной утраты армянской независимости деспотический строй, Баграмян представляет общественный и государственный строй освобожденной Армении в форме республики.

Несмотря на большое политическое значение «Новой книги» она, как историографическая работа, имеет ряд недостатков. Баграмян не сумел дать целостную историю тысячелетней жизни армянского народа, хронология истории Армении крайне неточна, в списках царей Багратуни имеются вымышленные имена и т. д. Кроме того, Баграмян чрезмерно идеализировал прошлое Армении и не видел ожесточенной классовой борьбы, раздиравшей средневековое армянское общество.

Тем не менее «Новая книга» оказала на современников огромное влияние, как произведение, проникнутое зарождающейся буржуазной идеологией. Она явилась сильным ударом по церковно-феодальной историографии. Армянский католикос запретил распространение этой книги, а автора ее предал

анафеме. В 1786 г. «Новая книга» была переведена на русский язык.

Католический Рим еще с XII в. развивал среди армян активную деятельность, целью которой было обращение армян в католичество. В Армению приезжали проповедники и всякого рода агенты католицизма. В XVIII в. пропаганда католицизма достигла значительных размеров. В 1717 г. на острове св. Лазаря, близ Венеции была создана армяно-католическая конгрегация, члены которой, по имени основателя Мхитара Себастиа, известны под именем «мхитаристов». Конгрегация «мхитаристов» также преследовала цель обращения армян в католичество. Стремясь обосновать свои идеи доводами из истории, мхитаристы развивали культурную и научную деятельность, собирали армянские рукописи средневековья, издавали труды древних армянских писателей, делали переводы с европейских языков и т. д.

В 1749 г. Мхитар Себастиа выпустил в свет толковый «Словарь армянского языка», с помощью которого облегчалось изучение древних текстов. В 1779 г. из типографии конгрегации была выпущена пространная «Грамматика древнеармянского языка» Микаэла Чамчяна, которая в течение целого столетия оставалась основным руководством по изучению древнеармянского языка. В 1784—1786 гг. была издана «История Армении» Микаэла Чамчяна в трех объемистых томах, которые охватывали армянскую историю с древнейших времен до 70-х годов XVIII в.

Чамчян, хорошо владея греческим, латинским и многими европейскими и восточными языками, широко использовал имевшуюся на этих языках историческую литературу (особенно труды византийских историков) для повествования о политической истории Армении. Он знакомился в рукописях с трудами армянских средневековых историков, проверял и уточнял их данные сопоставлением рукописей, определял степень их достоверности и собирал иные источники. Таким образом, работа Чамчяна является большим сводом разнообразных источников.

Однако по своему научному значению «История» Чамчяна стояла на низком уровне прежде всего в силу реакционных воззрений ее автора. Чамчян, например, утверждал, что армянская церковь с первых же дней своего возникновения была связана с Римом и исповедовала католичество. Все церковные и политические деятели, которые в многовековой истории Армении боролись с католицизмом и защищали самостоятельность армянской церкви, по Чамчяну — еретики и сектанты. Как фанатический представитель клерикального национализма, Чамчян силился «доказать», что Армения была первой

колыбелью человечества, что в Армении происходили события, описанные в Библии.

Клерикализм автора дает о себе знать почти на всех страницах «Истории». Фактором,двигающим историю, при всех обстоятельствах, он считает армяно-католическую церковь и покорных ей князей. Каждый раздел «Истории» он заключает житиями «святых мучеников», погибших во славу церкви и религии. «История Армении» Чамчяна, несмотря на всю эрудицию автора, оказала на развитие армянской историографии вредное влияние, она возвращала армянских историков к временам средневековья.

Дальнейшее развитие армянской историографии было тесно связано с влиянием русской науки и передовых представителей русского народа. Это влияние особенно сказалось в XIX в.

§ 2. Историография Грузии

В XVIII в. Грузия вступила в период подъема своей экономики и культуры. Грузинский народ при поддержке русского народа вел напряженную борьбу против иноземных захватчиков за национальную независимость. Страна экономически усилилась, оживились торговые связи с близлежащими и отдаленными странами, произошли сдвиги и в области культуры¹. С созидательным трудом деятелей грузинской культуры этого времени связано основание в Тбилиси типографии, появление книг по юриспруденции, составление Саба-Сулханом Орбелиани толкового словаря грузинского языка, редактирование «Картлис Цховреба», издание типографским способом поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», научные комментарии к этому изданию, создание поэтических произведений и плодотворная переводческая деятельность.

Видные деятели грузинской культуры указанного периода принадлежали к тому идейно-политическому направлению, которое ставило своей задачей, с одной стороны, ведение неослабной борьбы против Турции и Персии, с другой — содействие экономическому и культурному прогрессу страны, при сохранении существующих в ней феодальных порядков. Представители этого направления стремились к объединению Картли и Кахети в одно государство, а также к союзу с владельцами Имерети и других княжеств, при условии гегемонии Картли.

Эти задачи получили отражение в исторических исследованиях. Образованная по инициативе Вахтанга VI «комиссия

¹ Н. Бердзенишвили. Из истории Грузии XVIII века. «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 1, 1944, стр. 173—175.

ученых людей» пропагандировала идеи политического единства Грузии. На эту «комиссию» было возложено редактирование «Картлис Цховреба» и составление истории Грузии.

«Комиссия ученых людей» уделяла главное внимание истории Грузии XIV—XVIII вв., стремясь установить время и причину распада Грузинского государства. Весьма характерно, что «ученые люди» задумали и составили историю всей Грузии, как единого целого, а не отдельных ее частей¹.

При составлении истории Грузии XIV—XVIII вв. «комиссия» должна была разрешить ряд сложных вопросов: выяснить время и причины распада Грузинского государства на несколько царств и княжеств; уточнить генеалогию царей и владетелей этих царств и княжеств и границы каждого царства и княжества. Ей предстояло провести исследования историко-политического, хронологического, генеалогического и географического характера. Все это не могло не послужить серьезным толчком для дальнейшего развития грузинской историографии в XVIII в.

«Комиссия» начала свою деятельность с собирания и проверки исторических памятников. Она занималась письменными источниками, грузинскими и иностранными (персидскими, армянскими, греческими и др.); историческими сочинениями, летописями, документами; устными сообщениями «старых людей», «очевидцев» и «участников войны»².

«Комиссия» допустила немало ошибок, но своей работой она бесспорно проложила путь для последующих историков, и в первую очередь для Вахушти Багратиони (1695—1772 гг.). Его блестящая деятельность в значительной мере была подготовлена трудами «ученых людей».

Вахушти Багратиони является самым выдающимся грузинским историком и географом XVIII в.³ Он талантливо осваивал богатейшее наследие грузинской исторической литературы, рационально использовал достижения «ученых людей», исправил обнаруженные в их трудах «неправильности», улучшил и развил использованные ими исторические методы (предварительное собирание и проверка материалов, пользование документами, изыскания хронологического и генеалогического порядка). Вахушти расширил историческую тематику, умел обобщать исторические факты, внес в композицию исторического сочинения новые составные элементы (критико-

¹ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература (V—XVIII вв.), стр. 321.

² Там же.

³ Царевич Вахушти. География Грузии. Записки Кавказского отделения Русского географического общества, кн. XXIV, вып. 5, Тифлис, 1904.

историческое введение, выделение в самостоятельные части отдельных вопросов, реальные комментарии, указатели и карты)¹.

Вахушти закончил свой труд «История Грузии» (с древнейших времен до современной автору эпохи) в 1745 г. в Москве. Он принимал активное участие в культурной деятельности московской грузинской колонии. Во время пребывания в России (в Москве и Петербурге) Вахушти установил связи с русскими учеными, что еще больше расширило его научный кругозор. Первым в грузинской историографии Вахушти использовал русские летописи; он пользовался также армянскими, персидскими, греческими, польскими и другими источниками.

Вахушти содействовал развитию вспомогательных исторических дисциплин: хронологии, генеалогии, дипломатики, а также исторической географии и этнографии.

Оригинальными частями произведения Вахушти «История Грузии» являлись: введение, географическое описание страны и вся вторая часть, в которой излагалась история Грузии XIV—XVIII вв.² Географическое описание (с картами) Вахушти до сих пор является замечательным памятником грузинской культуры XVIII в. Примечательно, что еще в 1736 г. географическое бюро Российской Академии наук перевело на русский язык все карты Вахушти³.

На основании географических карт Вахушти в 1766 г. в Париже была издана генеральная карта Грузии, составленная географом-астрономом Делилем.

Во «Введении» к «Истории» Вахушти с большим для того времени искусством и глубиной наметил задачи изучения и основные вопросы истории грузинских государственных учреждений, общественного строя, религии, культуры, искусства, нравов и обычаев. Много страниц «Истории» посвящено описанию стойкой борьбы грузинского народа за независимость, пропаганде идеи политического объединения Грузии, разоблачению феодалов — противников центральной власти. Вахушти считал одной из главнейших причин, тормозивших и препятствовавших развитию Грузии, ставивших под угрозу будущее страны, окружение Грузии отсталыми государствами — Турцией и Персией. Он полностью разделял мысль своего отца Вахтанга VI, что освобождение Грузии от влияния и господства отсталых

¹ В. Габашвили. Вахушти в свете европейской историографии XVII—XVIII вв. «Анналеби», т. 1, 1947, стр. 53—125.

² Первая часть «Истории» Вахушти представляет собой сокращенную редакцию «Картлис Цховреба» с авторскими интерпретациями.

³ В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века, М.—Л., 1946, стр. 272.

стран возможно лишь путем установления прочных связей с передовой Россией.

Вахушти же принадлежит первая попытка обоснованной периодизации истории Грузии. Но вместе с тем он применяет старый прием дополнения и продолжения «Картлис Цховреба»¹, включение полностью сочинений XVI в., разрешение вопроса о происхождении этнархов грузинских племен на основе средневекового принципа и т. д. Несмотря на это, труд Вахушти знаменовал новый этап в развитии грузинской феодальной историографии.

«История» Вахушти Багратиони, подобно историческим произведениям передовых грузинских историков первой половины XVIII в., проникнута патриотическими и политическими мотивами.

Другим крупным трудом по истории Грузии, написанным в XVIII в., было сочинение Папуна Орбелиани «События Грузии»². Труд Орбелиани охватывает историю Грузии 1739—1758 гг. и является продолжением исторического сочинения Сехния Чхеидзе «Жизнь царей», где описана история Восточной Грузии с 1687 по 1723 г.

П. Орбелиани дает подробное описание событий из истории Грузии указанного периода, современником и участником которых был он сам. При описании исторических событий он пользовался также рассказами других лиц, которых автор не забывает рекомендовать, как людей достойных доверия.

Историк стремился описывать не только деяния царей, но вообще историю всей страны. Он сообщает о тех бедствиях, которые претерпела страна под властью турок и персов. Подробно и красочно описывает он события, касающиеся эпохи возрождения Восточной Грузии, правления Теймураза II и Ираклия II, но главное внимание читателя автор останавливает на предшествующем этой эпохе времени испытаний грузинского народа, находившегося под властью турок и персов, чтобы каждый грузин знал, как и по какой причине подверглась страна такому испытанию и приучился бы задумываться о судьбах своей родины.

Свое повествование П. Орбелиани ведет в хронологическом порядке, причем описание того или иного исторического события сопровождается у него объяснением причин и условий его возникновения.

П. Орбелиани — умный и наблюдательный историк, внимание его привлекает обширный круг вопросов. Кроме описания

¹ Ш. Месхия. Вахушти и древнегрузинская историческая литература. «Анналеби», т. 1, 1947, стр. 13—51.

² М. Brosset. Histoire de la Géorgie, II partie, II livraison, St.-Pb., 1857, p. 85—202.

военных и политических событий, он рисует и экономическое состояние Грузии. Богатый материал можно найти в его сочинении и о государственном строе и церковном устройстве Восточной Грузии того времени. Исторический труд П. Орбелиани является содержательным произведением и ценным историческим источником.

§ 3. Историография Азербайджана

Развитие исторических знаний в Азербайджане в XVIII в. происходило в период борьбы азербайджанского народа против агрессии иранских шахов и турецких султанов. Непрерывные войны на территории Азербайджана разоряли азербайджанский народ, который вел героическую борьбу за независимость. Новым и важным явлением было усилившееся тяготение местного населения к России. По сообщению одного путешественника, уже в самом начале XVIII в. жители Шемахи просили, «чтобы русские взяли Ширван и избавили их от туземных правителей»¹.

Историография Азербайджана в XVIII в. отражает на себе черты феодальной раздробленности и складывается из историографий отдельных ханств, на которые дробилась страна. Крупнейшим представителем историографии Азербайджана этого времени был Абдурраззак. Он родился в Хойском ханстве (1762 г.) и был сыном владельца города Хоя. Его историческое сочинение называется «Маасир-и султанийе» («Памятники султанские»). В нем подробно, в хвалебных тонах, излагается история правления Ага Мухаммедшаха и Фахт-али-шаха из династии Каджаров. В этом сочинении приводится много фактов, относящихся к политической истории Азербайджана конца XVIII — начала XIX в.

IV

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

История Средней Азии XVIII в. характеризуется наибольшим упадком и раздроблением некогда единого Узбекского государства. В XVIII в. в Ферганской долине образуется самостоятельное Кокандское ханство. Хива (Хорезм) окончательно перестает быть в вассальной зависимости от Бухары. В последней поднимаются мятежные племенные узбекские вожди

¹ «Очерки по истории Азербайджана». Известия АН Азербайджанской ССР, отд. обществ. наук, вып. II, № 5, Баку, 1946, стр. 92.

(эмиры), искавшие полной самостоятельности от ханов, и правительственная власть теряет свой престиж. Феодалные усобицы, превращение Бухарского и Хивинского ханств в вассальные владения иранской империи Надир-шаха и жесточайшая эксплуатация широких народных масс при их бесправном положении и тяжком обременении всевозможными налогами и поборами были характерными явлениями этого периода в истории Средней Азии.

Таким образом, условия для развития исторических знаний в Средней Азии в XVIII в. были крайне неблагоприятны. Они получили некоторое развитие в Узбекистане и Таджикистане. Изучение истории Казахстана было тесно связано с присоединением Казахстана к России и производилось в XVIII в. прежде всего русскими географами и историками.

§ 1. Историография Таджикистана

Немногие исторические произведения, появившиеся в Таджикистане в XVIII в., отражают глубокий кризис, который в это время переживала Средняя Азия. Они вышли из-под пера раболепных и безмерно лстивых придворных историков и все же не могут скрыть политической и экономической разрухи в Средней Азии. К числу этих работ относятся: «История Убайдулы хана» («Убайдулло-нома») Мир-Мухаммед-Амина Бухари, «История Абул-Фейз хана» («Тарих-и-Абу-л-Файз-хон») бухарского астролога Абдурахмана Тали. Как видно из названия этих сочинений, оба они посвящены деяниям последних ханов из Аштарханидской (или Астраханской) династии.

Сосредоточивая внимание на личностях государей, авторы обоих этих сочинений (имеющихся только в редких рукописях), подробно описывают их военные походы, сражения, феодалные войны, раздоры различных узбекских племен, проiski отдельных честолюбивых эмиров и пр. О внутреннем состоянии государства, его экономическом положении, о тяжелом податном бремени, лежавшем на трудящихся массах, о народных восстаниях и т. п. авторы или совершенно ничего не говорят или говорят мимоходом.

Поход Надир-шаха (1736—1747 гг.) против Мавераннахра, переход на его сторону одного из влиятельнейших бухарских сановников Мухаммед-Рахима, из узбекского племени Мангыт, повлек за собою свержение Аштарханидов и появление на престоле новой династии, Мангытской. Эти и последующие события нашли свое отражение в придворной историографии. В труде Мухаммеда Вефа-и Керминегия «Ханский подарок»

(«Тухфат ул-хони») иначе называемом «Рахим-ханова история» («Тарих-и Рахим-хони»), излагаются события в государствах Мавераннахра (преимущественно в Бухаре) за период 1721—1769 гг. Сочинение это состоит из двух частей, написанных разными лицами; первую, в которой описываются события до смерти первого хана из династии Мангытов, Мухаммед-Рахима, написал в 1758 г. упомянутый Мухаммед Вефа; вторую часть, излагающую правление преемника Мухаммед-Рахима, Даниал-бия, составил уроженец города Карши, Дамулла Алим-бек. Это — объемистое сочинение, до сих пор не изданное, написано крайне напыщенным слогом, полным арабизмов, заумных оборотов и очень длинных периодов. Во второй половине XIX в. оно было сокращено и изложено более простым языком неким Мирзою Абдулкадыром.

Содержание второй части «Ханского подарка» как бы перекликается с материалами интересного труда Ефремова «Десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию»¹. Унтер-офицер Ефремов, захваченный в 1774 г. казаками под Оренбургом в плен, был продан ими в Бухару. Там он служил в армии у Даниил-бека Мангыта. Ефремов в своем «Десятилетнем странствовании» оставил интересное описание событий этого времени.

§ 2. Историография Узбекистана

Главное содержание историографии Узбекистана XVIII в., развивавшейся в условиях феодальной раздробленности, заключалось в освещении взаимоотношений между среднеазиатскими ханствами, их взаимной борьбы, междоусобных феодальных войн.

Авторы некоторых исторических трудов этого периода для обоснования знатного происхождения династии своего государя дают во введении нечто вроде исторического обзора событий, носящего обычно легендарный характер.

В XVIII в. историография Узбекистана получила относительное развитие только в Бухарском ханстве.

Одним из основных исторических сочинений этого периода является «История Муким-хана». Автор этого труда Мухаммед Юсуф (Мюнши), подобно большинству других придворных историков, принадлежал к чиновникам бухарского эмирата. Сочинение посвящено Саид Мухаммеду Муким-хану (1702—1707 гг.) в бытность его балхским правителем. В рассматри-

¹ Ефремов. Десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, СПб., 1786.

ваемом труде излагается история Аштарханидов, главное внимание уделено событиям, происходившим в Балхском округе¹.

При изложении событий автор выступает как защитник интересов класса феодалов; вместе с тем мы находим у него богатый материал, характеризующий тиранию и жестокость ханов и правителей. У автора, например, имеется указание на то, что последний Шейбанид, Абдулмумин-хан (убитый в 1598 г.), восстанавливая стены Балха, замуровывал строителей живыми в стены, если замечал, что они ленились. «И теперь еще, — прибавляет автор, — видны в стенах человеческие кости»².

«История Муким-хана» дает многочисленные сведения о расселении узбекских племен, а также о положении узбекских племен в государстве. Мухаммед Юсуф пишет в своем труде и о своих современниках — поэтах, деятелях искусства, в частности о каллиграфях, об архитектуре возведенных при нем общественных зданий, что служит ценным материалом для изучения истории культуры данного периода. Автор касается и вопросов взаимоотношений бухарских ханов с соседними государствами.

Сохранился целый ряд исторических трудов, излагающих более или менее подробно историю ханов с описанием важнейших событий XVIII в. (главным образом политического характера), но и краткие сведения об одном из лучших исторических сочинений того времени, каким являлась «История Муким-хана», достаточны, чтобы показать характер и содержание историографии узбекских ханств XVIII в.

Порядок изложения исторических сведений в сочинениях XVIII в. носит различный характер. В одних случаях изложение ведется по событиям под определенным заголовком от лица самого автора, даже в том случае, когда автором привлекаются письменные источники, документы или различные сведения, полученные от других лиц. В других случаях автор излагает события в форме рассказов; в начале каждой главы или раздела он обычно ссылается на какого-нибудь рассказчика, от которого якобы слышал данный рассказ.

В то время как в некоторых исторических трудах XVIII в. совершенно не соблюдается хронологический принцип изложения, в других — исторические данные излагаются по годам, что придает им характер летописи. Имеются также труды, представляющие собой сборники исторических дат. В них при-

¹ Балхская область в Бухарском ханстве являлась одной из крупнейших и занимала полузависимое от Бухары положение. Бухарские ханы, будучи еще наследниками престола, обычно сперва назначались наместниками Балха.

² А. А. Семенов. Предисловие к переводу «Истории Муким-хана». Рукопись Института востоковедения АН УзССР.

водятся даты построения различных зданий, крепостей, мостов, библиотек, медресе (училищ), бань, оросительных каналов и т. д., а также даты, касающиеся событий жизни разных лиц — пророков, асхабов («святых»), шейхов, эмиров и, наконец, ученых, поэтов и т. д.

§ 3. Историография Казахстана

До присоединения Казахстана к России история казахского народа фактически не изучалась. Некоторые сведения по истории Казахстана можно найти в трудах среднеазиатских историков феодального периода. История казахского народа сохранялась в различных преданиях и былинах. Однако в этих народных преданиях и эпических произведениях больше вымысла, чем исторической правды.

Многие эпические произведения были сочинены акынами, которые отражали идеологию класса феодалов и трактовали исторические события с антинародных позиций. К таким произведениям относятся эпические поэмы о временщике Золотой Орды — Эдиге, «Орак-Мамай», «Шора-батыр», легенды об Аблае и т. п.

Феодальные акыны вносили в созданные народом произведения феодальную идеологию и придавали им антинародную направленность. Так появились феодальные варианты казахских поэм «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Кыз-Жибек» и др., в которых идеализировался патриархально-родовой быт.

Казахские ханы и баи — феодалы «изучали» и составляли свои родословные и генеалогии того или иного ханского рода. Султаны составляли генеалогические таблицы, которые имели целью вывести их происхождение от Чингиз-хана и его потомков, доказать их исключительное право на власть над казахским народом. Мелкие феодалы также составляли генеалогии своих родов. Эти родословные, так называемые шижре, составлялись с целью доказать кровную близость феодалов к рядовым кочевникам для использования этого мифического родства в классовых интересах, для эксплуатации сородичей-бедняков под видом «родовой помощи».

Раньше чем сам казахский народ смог заняться своей историей и писать о себе на родном языке, это сделали русские ученые.

До присоединения Казахстана к России изучение Казахстана проходило по линии собирания общих сведений об этой огромной и малоизвестной стране, являющейся соседом России. Эти сведения отложились в архивных фондах и в летописях XVI—XVII вв.

Географические известия о Казахстане были обобщены в «Чертежной книге Сибири», составленной в начале XVIII в. (1701 г.) в Москве Семеном Ремезовым, и в атласе к ней, изданном Академией наук в 1737 г.

Более глубокое исследование Казахстана проводилось уже в первые десятилетия после присоединения Казахстана к России. Изучение истории Казахстана русскими учеными началось с его географического исследования. Это объяснялось тем, что перед официальными органами Российской империи назрела потребность в освоении Казахстана. Первоначально изучение Казахстана началось с Оренбургского края, т. е. с Западного Казахстана, где кочевали казахи Младшего жуза.

Первое серьезное исследование было проведено экспедицией И. К. Кирилова. Иван Кириллович Кирилов в конце 20-х — начале 30-х годов XVIII в. руководил подготовкой издания атласа России; естественно, что он заинтересовался и обширной территорией, лежащей на юго-восток от Урала. В 1734 г. он представил записку «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах». В записке он излагал свое мнение о мероприятиях России по укреплению ее влияния на Востоке. Записка была одобрена и Кириллову было поручено проведение так называемой Оренбургской экспедиции. Экспедиция имела цели политического и военного характера. Однако Кириллов включил в план ее работы изучение природных богатств, экономики края и картографическую съемку. За короткое время пребывания в Казахстане экспедиция собрала ценные материалы не только для описания флоры и фауны, но и по истории и этнографии Казахстана. В 50-х годах XVIII в. было составлено несколько подробных карт Казахстана¹.

Большую работу по изучению истории Оренбургского края проделал П. И. Рычков. В 1759 г. им была опубликована «История Оренбургская», а затем в 1762 г. «Топография Оренбургская». В этих работах П. И. Рычков подробно освещает историю принятия Младшим жузом российского подданства. Много места им уделено вопросу торговли с Казахстаном, что было тогда в центре внимания официальных кругов России.

Огромная заслуга в изучении окраин нашей страны, в том числе и Казахстана, принадлежит М. В. Ломоносову. В конце 1760 г. М. В. Ломоносов составил план географических экспедиций на окраины Российской империи. Этот план М. В. Ломоносова был претворен в жизнь уже после его смерти.

В конце 60—70-х годов XVIII в. Академия наук провела ряд крупных экспедиций, имевших большое значение для рас-

¹ См. Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий, М.—Л., 1949, стр. 302—305.

ширения сведений об окраинах Российской империи, в частности о Сибири и Казахстане. В составе экспедиции П. С. Палласа был Н. П. Рычков, который написал весьма ценные «Дневные записки...»¹.

Из путешествий XVIII в. по Средней Азии и Казахстану необходимо отметить поездку Муравина и Гладышева в Хиву в 1740—1741 гг. и Бланкеннагеля в 1793—1794 гг., которые оставили ряд ценных данных о казахах и населяемых ими южных районах Казахстана. Их путевые записки были изданы в середине XIX в.²

Труды русских путешественников и исследователей имели большое значение для развития собственно казахской историографии, так как являлись ценными письменными свидетельствами по истории Казахстана в XVIII в.

¹ См. Н. Рычков. Дневные записки путешествия... в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.

² См. Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах, СПб., 1851; Бланкеннагель. Путевые заметки... о Хиве в 1793—1794 годах с примечаниями В. В. Григорьева. «Вестник Русского географического общества» (далее — «Вестник РГО»), т. 22, 1858, стр. 87—116.

Глава VII

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ

I

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

Первая четверть XIX в. в истории России характеризуется усилением роста капитализма и разложением феодально-крепостнической системы. В экономической жизни страны всё определеннее проявлялось несоответствие между ростом производительных сил и тормозившими их развитие феодальными производственными отношениями.

Вызревание новых, капиталистических производительных сил и складывание буржуазной системы хозяйства наиболее интенсивно протекало в промышленности, значение которой в экономике страны возрастало с каждым десятилетием. При общем росте промышленности в России, особенно в центральных районах, вокруг Москвы, в Костромской и Владимирской губерниях наиболее интенсивно развивались те ее отрасли, в которых преимущественно использовался вольнонаемный труд.

В стране формировались кадры постоянных рабочих из оброчных крестьян и разорившихся ремесленников, совершенствовались их производственные навыки, постепенно усиливалось применение машин, первоначально в бумагопрядильной и ситценабивной промышленности, а затем и в других отраслях производства. Тем самым создавались предпосылки для промышленного переворота, в полосу которого Россия вступила в первой половине XIX в.

Развитие промышленности сопровождалось ростом городов и численности городского населения. Усиливалось общественное разделение труда, закреплялась специализация районов

страны, что содействовало значительному развитию товарно-денежных отношений, росту внутренней торговли и расширению связей России с мировым рынком. Все эти процессы оказывали заметное влияние на сельское хозяйство — основную отрасль экономики страны. Помещичье хозяйство интенсивно втягивалось в рыночные отношения, усиливался экспорт хлеба за границу.

Отдельные помещики в интересах повышения доходности своих имений вводили некоторые агротехнические улучшения; в литературе обсуждались вопросы о способах повышения производительности труда крепостных; некоторые из помещиков склонялись к мысли о замене крепостного труда более выгодным вольнонаемным.

Однако подавляющее большинство помещиков предпочитало повышать товарность своих хозяйств при помощи дальнейшего усиления крепостнической эксплуатации. Вся сила самодержавного государства направлялась на защиту интересов крепостников. Таким образом, старые производственные отношения, вытекавшие из феодальной собственности на землю, являлись главным препятствием для капиталистического развития сельского хозяйства, они же сковывали развитие капитализма и в промышленности, ограничивая расширение внутреннего рынка и возможности для формирования кадров вольнонаемных рабочих. В первой четверти XIX в. в России усиливалось крестьянское движение. Крестьяне упорно сопротивлялись усилению крепостнического гнета. Крестьянские волнения становились более продолжительными, охватывали новые районы, все чаще усмирялись военной силой. Так, в 1818—1820 гг. крестьянские волнения на Дону охватили сотни селений, причем в движении участвовало более 45 тыс. крестьян; в 256 случаях эти волнения были подавлены войсками.

В условиях обострения экономических и социальных противоречий, усилившейся политической реакции в стране и подымавшейся волны буржуазных революционных и национально-освободительных движений в Западной Европе, в России развернулось декабристское движение. Восстание декабристов, которые первые подняли оружие против самодержавно-крепостнического строя, знаменовало собой начало дворянского этапа освободительного движения в России¹. Громадное значение для формирования революционно-патриотических воззрений декабристов и для развития национального самосознания в России имела Отечественная война 1812 г. и ее победоносное завершение.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

Значительные сдвиги в экономической, политической и общественной жизни России первой четверти XIX в. определили собой усиление идеологической борьбы и развитие общественных наук в стране в этот период. Русская историография первой четверти XIX в. достигла в своем развитии новых значительных успехов. Это нашло свое выражение, в частности, в углублении интереса широких общественных кругов к истории России. Изучением русской истории начали заниматься не только Московский, но и Казанский, Харьковский, Петербургский, Одесский университеты. В этих университетах были открыты историко-филологические факультеты и при большинстве из них созданы научные исторические общества.

Развитие историографии протекало в борьбе между ее различными направлениями. Социальная сущность каждого из направлений обуславливала характер понимания их представителями русской истории, проблематика же, вокруг которой разворачивалась борьба, определялась социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в России в рассматриваемый период. Борьба в исторической науке являлась продолжением борьбы между различными общественно-политическими течениями.

Реакционное дворянство пыталось укрепить государственный аппарат, консервировать крепостнические отношения, остановить развитие экономических и социальных процессов, расшатывавших феодально-крепостническую систему.

Рост крестьянского движения в стране, утверждение капиталистических отношений в Западной Европе в результате буржуазной революции во Франции XVIII в. особенно усиливали реакционные стремления крепостников. Идеологом реакционных дворянско-аристократических кругов выступил Н. М. Карамзин, который дал историческое обоснование своей политической программе в обобщающем труде — «История государства Российского».

Карамзин резко противопоставил историю России истории Западной Европы, выступив в этом отношении предшественником славянофилов. Решительно отвергая необходимость прогрессивных преобразований в современный ему период, Карамзин осуждал их и в прошлом.

Отечественная война 1812 г. привлекла внимание передовых представителей русского общества к проблеме роли народа в истории. Карамзин же дал и этой проблеме реакционно-охранительное истолкование, пытаясь доказать преданность народных масс своим монархам и помещикам.

Убежденными противниками реакционной концепции Карамзина выступили декабристы, продолжившие в освещении

истории традиции своего предшественника А. Н. Радищева. Дворянские революционеры, объективно отразившие в своих воззрениях потребности буржуазного развития страны, вслед за Радищевым выдвинули глубоко прогрессивную задачу ликвидации в России самодержавия и крепостничества. Декабристы отвергли политические, философские, правовые и исторические теории крепостников. Дворянские революционеры подвергли критике основные принципы дворянской историографии и выдвинули новые творческие идеи, углублявшие понимание исторического процесса. Декабристы оставались идеалистами при изучении истории, но они понимали, что исторический процесс имеет прогрессивный характер, что поступательное общественное развитие совершается в результате борьбы нового со старым. Историю России декабристы (К. Рылев, Н. Муравьев, М. Лунин и др.) изучали с антикрепостнических позиций. Они решительно выступили против самодержавия, которое, согласно их убеждению, сковывало силы русского народа. Декабристы указывали на необходимость изучения истории не только самодержавия, но и народа. Они освещали героическую борьбу русского народа за национальную независимость на протяжении всей его истории. Противники крепостного права, декабристы разоблачали крепостническую теорию Карамзина о добровольном согласии крестьян на закрепощение и доказывали, что крепостное право установилось в России в результате насилия над крестьянами со стороны помещиков и самодержавной власти.

Таким образом, трактовке дворянскими историками (и прежде всего Карамзиным) основных проблем русской истории декабристы противопоставили собственное, революционно-патриотическое истолкование.

Однако исторические взгляды декабристов несли в себе и черты ограниченности. Дворянская ограниченность декабристов, которые были еще далеки от народа, наиболее определенно выразилась в непонимании ими прогрессивного значения массовых крестьянских движений в истории России. Декабристы, в отличие от Радищева, не поднялись до признания значения революционной самодеятельности народных масс.

Шаг вперед в разрешении этого вопроса сделал единомышленник декабристов великий русский поэт А. С. Пушкин, который уже признавал за народными массами более значительную роль в истории. Пушкин выступил непосредственным предшественником революционных демократов в развитии революционной исторической мысли в России.

ДВОРЯНСКАЯ РЕАКЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (Н. М. КАРАМЗИН)

Наиболее ярким и последовательным выразителем дворянско-монархического взгляда на русскую историю был Н. М. Карамзин. Исторические труды Н. М. Карамзина явились проявлением дворянско-аристократической реакции в условиях кризиса крепостнического строя в России. Под влиянием роста буржуазно-капиталистических отношений в первой четверти XIX в., обострения классовых противоречий и классовой борьбы, в борьбе против идей Французской буржуазной революции определился резко выраженный дворянский характер исторических взглядов Н. М. Карамзина, реакционная сущность его исторической концепции.

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826 гг.) родился в семье помещика Самарской губернии. Первоначальное образование он получил в частных пансионах. После окончания военной службы Карамзин поселился в Москве и занялся литературной деятельностью. В 1789 г. он выехал за границу и побывал в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Свои впечатления о заграничной поездке Карамзин изложил в «Письмах русского путешественника». После полуторагодового пребывания за границей Карамзин вернулся на родину и вновь обратился к литературе. Он издавал литературные сборники и стоял во главе журнала «Вестник Европы». В этом журнале им был опубликован ряд повестей и статей на сюжеты из русской истории.

В самом конце XVIII в. Карамзин приступил к созданию большого труда по истории России, получив крупную материальную поддержку от правительства и официальное звание историографа. Первые восемь томов «Истории государства Российского» были поднесены Карамзиным царю Александру I в 1818 г. Труд Карамзина вызвал большой интерес. Первое издание «Истории», отпечатанное в количестве 3000 экз., разошлось в течение трех недель. Вскоре было осуществлено второе издание (1819—1824 гг.). Последний XII том «Истории» вышел в 1829 г. уже после смерти Карамзина; том обрывается на изложении событий крестьянской войны начала XVII в.

Исторические взгляды Карамзина сложились не сразу. В «Письмах русского путешественника» он выступает апологетом западноевропейской культуры. В связи с этим он с восторгом отзывался о реформах Петра I, которые сделали, по его мнению, русских европейцами. До петровских реформ Россия отставала от Западной Европы, по крайней мере, на

шесть веков. Благодаря этим реформам русские «в несколько лет почти догнали Европу»¹.

Вместе с тем в «Письмах русского путешественника» подчеркивалась мысль о вреде и недопустимости насильственной ломки старых порядков и обычаев. Нужна во всем умеренная добродетель, покорность судьбе, воспитание добрых нравов. Все симпатии автора «Писем» были на стороне легитимной монархии. «Всякие же насильственные потрясения губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»².

Крупными факторами, определившими мировоззрение Карамзина, были кризис феодально-крепостнического строя и усиление крестьянского движения в России. Период расцвета творческой деятельности Карамзина проходил в условиях роста крестьянских волнений. Под влиянием разраставшейся крестьянской войны против помещиков назревали буржуазные реформы государственного аппарата. Карамзин выступал решительным противником каких-либо преобразований, он стал идеологом реакционной части аристократического дворянства, убежденным защитником самодержавия, усиленно отстаивая необходимость сохранения крепостного права. В «Записке о древней и новой России»³ им была развернута теория о необходимости сохранения крепостнических отношений в деревне.

Наиболее полно исторические взгляды Карамзина отразились в его многотомной «Истории государства Российского». Создавая многотомную русскую историю, Карамзин ставил перед собой откровенно реакционно-монархические цели. Основная идея «Истории государства Российского» заключалась в том, что Россия как в прошлом, так и в настоящем держалась и держится на самодержавии. По мнению Карамзина, движущей силой русского исторического процесса всегда выступала самодержавная власть; без самодержавия нет России, русские цари объединили Русь, собрали землю в одно целое, Россия всегда спасалась самодержавием. В этом весь смысл, вся философия русской истории Карамзина. Его «История государства Российского» имела строго официальное, можно сказать, служебное назначение. Об этом служебном назначении своего труда очень хорошо сказал сам Карамзин. В его предисловии к «Истории государства Российского» говорится, что

¹ Н. М. Карамзин. Сочинения (далее — Соч.), т. IV, М., 1803, стр. 286.

² Там же, стр. 193.

³ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, СПб., 1914, стр. 81—82.

«правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей»¹.

Однако и простой гражданин много поучительного может извлечь для себя из занятий историей: «Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось»².

Карамзин четко определил задачи изучения русской истории с точки зрения интересов дворянской аристократии. Для народных масс история — средство смирения перед «несовершенством видимого порядка вещей», средство утешения. Если народ живет в бедствии, подвергается крепостническому гнету и т. д., то ведь «бывали еще ужаснейшие» времена и народ терпел, смирялся перед властью имущими. Надобно, чтобы и сейчас он смирился и терпел, утверждает Карамзин. Следовательно, «История государства Российского» есть изложение взглядов аристократического дворянства на прошлое русского народа.

Одним из крупных вопросов русской историографии XVIII в. был вопрос о происхождении русского народа и возникновении русского государства. Почти все видные историки того времени стремились дать на него ответ. Не обошел его и Карамзин. Свой труд «История государства Российского» он начинает главой «О народах, издревле обитавших в России; о славянах вообще». Территория России с умеренным ее климатом «была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками»³. Об этих народах мы узнаем из сочинений античных авторов. Карамзин перечисляет названия древнейших обитателей Причерноморья, как они даны у Геродота. Он говорит о скифах, готах, венедах, гуннах. В первой главе первого тома ставится вопрос о происхождении славян, причем делается вывод: «следовательно, ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам и римлянам, обитая на юг от моря Бальтийского»⁴.

Расселение восточных славян излагается Карамзиным по летописи. «Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. 1, т. 1, СПб., 1842 (далее — История...), стр. IX.

² Там же.

³ Там же, стб. 1.

⁴ Там же, стб. 8.

губернии и назвались полянами от чистых полей своих»¹. Имя полян впоследствии исчезло, оно сделалось именем поляков. В первом томе «Истории государства Российского» дается описание других восточнославянских племен, вскользь затрагиваются иноплеменные народы — меря, мурома, мордва, чудь и др. Несколькo больше говорится о финнах как о древнем и многочисленном народе.

Таким образом, Карамзин начало русской истории отодвигает в глубокую древность, ко временам скифов. Однако он принимает норманскую теорию «призвания» князей. Славяне добровольно потребовали себе государей от варягов; последние основали у нас монархию. «Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество, и не должны его стыдиться: стечество наше, слабое, разделенное на малыя области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти»². «Варяги основали две самодержавныя области в России: Рюрик на севере, Аскольд и Дир на юге»³. По смерти своих братьев Рюрик «основал монархию Российскую»⁴. Впрочем Карамзин отвергает клеветнические измышления норманистов, прежде всего Шлецера, о сплошном варварстве восточного славянства. «История государства Российского» признает древнее русское государство могущественным и славным.

Могущество Киевского государства поколебалось, как только после смерти Ярослава I самодержавная власть перестала существовать. После раздела русской земли между сыновьями Ярослава началось время бедствий, слабости и разрушения. «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малыя области», Государство русское, «шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трех сот лет»⁵.

Возвышение монархической власти прослеживается на образовании Ростово-Суздальского княжества. Андрей Боголюбский покинул Киев и переселился на север потому, что Суздальская земля была более защищена от нападений кочевников. Как представитель монархическо-дворянской историографии, Карамзин решающую роль в историческом процессе отводит деятельности русских князей. Северо-Восточная Русь обязана своим возвышением личным достоинствам Андрея Бого-

¹ Н. М. Карамзин. История..., кн. 1, т. I, стб. 19.

² Там же, стб. 67.

³ Там же, стб. 72—73.

⁴ Там же, стб. 70.

⁵ Н. М. Карамзин. История..., т. II, СПб., 1816. стб. 39.

любского, «он явно стремился к спасительному единовластию»¹. После смерти этого князя наступил период безвластия, анархии.

Разъединение земель, постоянные усобицы удельных князей привели к завоеванию монголами русских земель. В итоге татаро-монголы отбросили Россию далеко назад в ее культурном развитии. «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались»². Даже характер «россиян», по мнению Карамзина, может быть, «являет пятна, возложенные на него варварством моголов»³. Но бедствия монголо-татарского ига не представляются Карамзину безусловным злом. Историк вводит главу под характерным названием: «Зло имеет и добрые следствия». Без татаро-монголов Россия, по концепции Карамзина, погибла бы от княжеских усобиц. Москва «обязана своим величием ханам»⁴.

Только со времени Ивана Калиты стала крепнуть и развиваться верховная, монархическая власть. Дмитрий Донской перед лицом сильного внешнего врага, какими были татаро-монголы, стремился подавить сепаратизм удельных князей. Его политика была направлена к «утверждению своей власти и к усилению России». Карамзин высоко оценивал значение Куликовской битвы, которая доказала возрождение сил России в борьбе с татаро-монгольским игом, она послужила основанием успехов политики Ивана III.

Карамзин восторженно отзывался об Иване III как создателе самодержавной власти, основателе монархической державы. Больших успехов достигла в это время внешняя политика России, возрос ее международный авторитет. Необычайно большой размах приобрело внутреннее строительство и укрепление государства.

На примерах из русской истории Карамзин стремился как можно ярче изобразить все качества «просвещенного» монарха, который должен править совместно с аристократией. Поэтому он выступает против Ивана Грозного, как против царя, борющегося с боярством самыми крутыми мерами, полностью взяв из Хронографа XVII в. деление правления Ивана IV на два периода — период блестящего царствования и период террора. Карамзин так же некритически использовал показания князя Курбского, чтобы изобразить Ивана IV бессмысленным деспотом, жестоким тираном.

Изложение событий крестьянской войны и польско-шведской

¹ Н. М. Карамзин. История..., кн. 1, т. III, СПб., 1816, стб. 20.

² Н. М. Карамзин. История..., т. V, СПб., 1817, стб. 357.

³ Там же, стб. 360.

⁴ Там же, стб. 369.

интервенции начала XVII в. не было завершено в «Истории государства Российского». При их описании Карамзин сосредоточил главное внимание на личности Бориса Годунова, которую он нарисовал мрачными красками, подчеркивая душевные терзания царя-убийцы. Борис, по Карамзину, жертва неумеренного, незаконного властолюбия¹. Более благосклонно оценивается историком деятельность Василия Шуйского. Шуйский — льстивый царедворец, тайный зложелатель Бориса, однако он имел то преимущество перед Борисом Годуновым, что не был «святоубийцею». Шуйский славился «разумом мужа думного».

«История государства Российского» — это прежде всего история русского самодержавия. Царская монархия, ее возникновение, развитие — вот что является основным стержнем русской истории, ее содержанием. Сюжеты о роли народных масс в историческом процессе, их положении, их выступлениях и т. п. противоречили всей конструкции «Истории государства Российского», ее замыслу и назначению и исключались автором.

Реакционная сущность исторической концепции Карамзина наиболее законченно выражена в известной его «Записке о древней и новой России», в которой он схематично говорит об истории России, вплоть до времени Александра I. «Записка» позволяет судить о взглядах Карамзина на русскую историю XVII—XVIII вв., следовательно, дает понятие о его исторической концепции в задуманных и ненаписанных томах «Истории государства Российского», обрывающейся на 1610 г.

Царствование первых Романовых, по мнению Карамзина, сопровождалось сближением России с Западом², происходило заимствование западных образцов в быту, в воинском деле, в гражданских учреждениях. Однако заимствование происходило как бы «нехотя», применялось иноземное к нашему, новое соединялось со старым³. Но вот явился Петр и началась насильственная ломка старых учреждений, обычаев, быта. Ко времени написания «Записки» Карамзин успел сменить великосветский либерализм периода «Писем русского путешественника» на консерватизм закоренелого крепостника. Теперь он враждебно, с самых реакционных позиций судит о петровских преобразованиях. Петр I «мощною рукою схватил кормило государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг — и

¹ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 14: История..., кн. 3, т. XI, СПб., 1843, стб. 55—57.

² См. Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 22.

³ См. там же.

все переменилось!»¹. Но нельзя оставить без замечаний и вредную сторону преобразований Петра. Вредная сторона состояла в безудержном подражании иноземным образцам. Со времени Петра I «честью и достоинством Россиян сделалось подражание». Благодаря реформам Петра «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»². Петр не останавливался ни перед чем, он прибегал ко всем ужасам самовластия. Он допустил еще одну ошибку, основав новую столицу на северном крае государства, «среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток»³.

После Петра началось ослабление самодержавия. Долгорукие и Голицыны хотели видеть на престоле «слабую тень монарха и господствовать именем Верховного Совета», но это были дерзкие и малодушные замыслы; «пигмеи спорили о наследии великана». Стала остро чувствоваться необходимость «охранения порядка» сильной самодержавной властью⁴. Истинной преемницей величия Петрова и второй преобразовательницей России стала Екатерина II. Однако «блестящее царствование Екатерины» представляет взору наблюдателя «некоторые пятна». В государственных учреждениях этого времени содержалось «более блеска, нежели основательности»⁵. Вступивший на престол после смерти Екатерины Павел I «начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти». В конечном итоге, своим поведением Павел подорвал престиж царского самодержавия, «заставил ненавидеть злоупотребления онаго»⁶. Падение Павла было встречено всеобщим ликованием. На престол вступил Александр I. Карамзин убеждает в «Записке» царя Александра, чтобы он ни под каким видом не ограничивал самодержавие. «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного Устава ея она гибла и должна погибнуть»⁷.

Таково содержание и реакционная сущность исторической концепции Карамзина, которая была призвана обосновать неизблемость феодально-крепостнического строя в период усиления его кризиса.

Этим же целям служил у Карамзина и сам способ рассказа об исторических событиях. История должна быть занимательным чтением — это одна из основных задач, которые ставил себе Карамзин. Уже в «Письмах русского путешественника»

¹ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 22—23.

² Там же, стр. 26—28.

³ Там же, стр. 30—31.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 36, 39—40.

⁶ Там же, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 47.

он мечтал о написании русской истории «с философским умом, с критикой, с благородным красноречием». Карамзин сделал все, чтобы достигнуть этой цели. Он стремился изложить «Историю государства Российского» в доступной и занимательной форме, впрочем, в некоторых случаях намеренно архаизировал свой язык.

Заканчивая описание княжения Василия III и желая как можно скорее перейти к изложению царствования Ивана Грозного, Карамзин в письме к Тургеневу писал: «Какой славный характер для исторической живописи, жаль, что, если выдам историю без сего любопытного царствования; тогда она будет как павлин без хвоста»¹. Сравнение исторических событий периода правления Ивана IV с павлиньим хвостом чрезвычайно характерно для Карамзина, как историка, стремившегося к «живописному» изображению истории России. Карамзин склонен даже иногда несколько отойти от источника, лишь бы дать яркие картины, яркие характеры. Так было при описании им взятия Казани².

Художественная образность изложения связывается у Карамзина с тенденциозным использованием источников. Карамзин формально старался держаться правила, высказанного им в предисловии к своей «Истории» о том, что «не лзя прибавить ни одной черты к известному; не лзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали»³. В действительности Карамзин выбирал из своих источников свидетельства, наиболее эффектные и отвечающие его построениям, отводя в сторону то, что не укладывалось в его схему. Поэтому изложение событий в «Истории государства Российского» носит явно односторонний характер. Несмотря на обещание умолчать, если умолчали современники, Карамзин и не умалчивал и прибавлял к своим характеристикам сомнительные рассуждения моралистического характера. Олег Рязанский, например, «трепетал будущего и раскаивался в своей измене; чувствуя, сколь ужасен страх в злодействе, он завидовал опасности Димитрия, ободряемого чистою совестью, верою и любовию всех добрых россиян»⁴. Так расширяются и передаются слова одного летописного сказания.

Текст «Истории государства Российского» изобилует такими отступлениями, заимствованными из разных источников и переданными Карамзиным его собственным, обычно выпрненным

¹ М. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. ч. II, М., 1866, стр. 86.

² Н. М. Карамзин. История..., т. VIII, СПб., 1817, стб. 135—196.

³ Н. М. Карамзин. История..., кн. I, т. I, стр. XII.

⁴ Н. М. Карамзин. История..., т. V, стб. 66.

слогом. Карамзин в основном тексте своей «Истории» совершенно чужд приемам критического использования источников. Он рассказывает о событиях, даже не заботясь о том, чтобы развить у своих читателей какое-либо критическое чутье. Вся критика перенесена в обширные примечания, помещенные в конце каждого тома.

«Примечания» к «Истории государства Российского», содержащие многочисленные выписки из исторических источников, составляют ценнейшую часть труда Карамзина, они не потеряли своего значения до нашего времени, тогда как само сочинение Карамзина давно уже устарело. При этом следует иметь в виду, что некоторые источники, использованные в «Примечаниях», безвозвратно погибли во время пожара Москвы в 1812 г., (например, пергаментная Троицкая летопись XV в. и др.).

Карамзину были доступны государственные и частные книгохранилища, архивы и библиотеки, в том числе фонды Синодальной библиотеки, собрание рукописей Мусина-Пушкина и др. Им было введено в обиход исторической науки большое количество источников: Ипатьевский, Лаврентьевский, Троицкий, Волынский, Хлебниковский, Ростовский списки летописей. Карамзин пользовался некоторыми списками новгородских летописей, обеими псковскими летописями, Кормчей книгой, церковными уставами, Судебником Ивана III, Стоглавом. Были использованы историко-литературные памятники: «Слово о полку Игореве», «Вопрошание Кирика», «Поучение Мономаха» и т. д. Из иностранных источников Карамзин пользовался текстами путешествий Плано Карпини, Рубруквиса (XIII в.), Герберштейна, Горсея, Таубе и Крузе (XVI в.), Маржерета и т. д. Карамзин привлек обширный круг самых разнообразных и разнородных источников: летописи, акты, мемуары, сказания иностранцев, жития святых и т. д. В этом он превзошел многих своих предшественников.

И тем не менее Карамзина не без основания упрекали в том, что он создал не научную «Историю», а всего лишь занимательное чтение в духе своеобразного исторического романа¹. В интересах логической стройности изложения и риторических красот Карамзин нередко отступал от критического отношения к источнику для того, чтобы обосновать свою точку зрения на события, в угоду своим политическим целям нередко подтасовывал показания источников. Например, дело митрополита Филиппа излагается Карамзиным по такому тенденциозному источ-

¹ См. С. М. Соловьев. Н. М. Карамзин и его «История государства Российского». Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза» стб. 1396—1397: П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, СПб., 1913, стр. 153—154.

нику, как житие этого церковного деятеля. О казнях при Иване IV рассказывается по Гваньини, Одерборну, Таубе и Крузе, по Курбскому, по Псковской летописи. Выписки из этих источников занимают у Карамзина 10 страниц в примечаниях. Таким образом, подбираются только те источники, которые подтверждают взгляды Карамзина; сознательно отвергается все, что не подходит под его схему.

Правда, в примечаниях к «Истории государства Российского» содержится ряд тонких наблюдений источниковедческого характера. Но эти сведения, затерянные между многочисленными выписками из исторических источников, были доступны только для узкого круга историков-специалистов.

Н. М. Карамзина иногда ошибочно рассматривают как представителя русской историографии XVIII в. Однако его взгляды на русскую историю отражали дворянскую реакцию начала XIX в. на усилившееся разложение феодально-крепостнических отношений, обострение классовой борьбы в деревне.

Историографическое значение «Истории государства Российского» в условиях своего времени было очень большое. Карамзин — крупная веха в развитии дворянской историографии конца XVIII — начала XIX в. В его сочинениях содержатся итоги достижений дворянской историографии XVIII в. Карамзин во многом повторял Татищева, особенно Щербатова. Однако он не был простым компилятором произведений дворянской историографии XVIII в., как это утверждали некоторые буржуазные историки.

Резко отрицательные оценки Карамзина-историка были высказаны еще при его жизни. В числе первых критиков Карамзина были декабристы. Н. М. Муравьев подверг резкой критике-концепцию Карамзина¹, многие другие декабристы выступали против стремления Карамзина изобразить русскую историю в дворянско-монархическом духе. Резкой критике подвергли основной труд Карамзина историки М. Т. Каченовский², Н. А. Полевой³, Н. С. Арцыбашев⁴ и другие. Они видели в нем тенденциозное освещение событий, некритическое использование источников в угоду монархической концепции русской истории.

¹ Н. М. Муравьев. Об «Истории» Карамзина. «Избранные социально-политические философские произведения декабристов», т. 1, М., 1951, стр. 333—336.

² М. Т. Каченовский. История государства Российского. «Вестник Европы» (сентябрь — октябрь), 1829, № 17—20.

³ Н. Полевой. История русского народа, т. I—VI, М., 1829—1833.

⁴ Н. С. Арцыбашев. Замечания на Историю государства Российского, «Московский вестник», 1828, ч. 11, стр. 285—318, ч. 12, стр. 254—285.

Исторические труды Карамзина — наиболее яркое выражение идей русской дворянской историографии, показатель того, как господствующий класс дворян пользовался оружием отечественной истории в интересах укрепления своего господства.

Дворянская реакция нашла свое отражение и в исторических работах Эверса. Профессор Дерптского университета Иоанн Филипп Густав Эверс (1781—1830) в 1816 г. напечатал на немецком языке свое первое большое исследование «История руссов»¹. В предисловии к этой работе Эверс писал, что он ставит своей целью изобразить внутреннее состояние народа и для этого устремляет свое внимание на изучение его законов и учреждений. Вопросы политической истории на протяжении всего исследуемого Эверсом периода, т. е. с VI по конец XVII в., затронуты им broadly, изложение этих вопросов носит характер справок. Эверс подробно рассказывает о государственном строе, государственных учреждениях, законодательстве, культуре, религии, правах и т. д. Государство для Эверса «божественное учреждение».

В 1826 г. Эверс издал самое крупное свое исследование — «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии»². В истории права Эверс старается найти реальные основания правовых норм, запечатленных в законодательных памятниках. «Первые учреждения, относящиеся к управлению, всегда основываются на каких-нибудь особенных местных обстоятельствах», — писал он. Эти обстоятельства Эверс видел в некоторых условиях жизни государства, главным образом в торговле. Отсюда его интерес к «купеческой промышленности» (о существовании которой он заключает на основании анализа договоров Руси с Византией), к торговым путям, идущим через Новгород, к способу обмена товарами и т. д.

Государство, по Эверсу, явилось результатом длительных изменений в развитии общественных отношений. Эверс предложил следующую схему происхождения Русского государства, которая в течение длительного времени разрабатывалась в русской историографии: семья — род — племя — государство.

Поставив проблему древнего происхождения государства, Эверс неизбежно должен был обратить внимание на тот период в истории России, который предшествовал «призванию князей». Эверс начал свою «Историю руссов» с 532 г., а в «Древнейшем праве» отвел немало места догосударственному строю славян, рассматривая, согласно своей схеме, семью, как первичную ячейку государства.

¹ I. Ph. G. Ewers. Geschichte der Russen. Dorpat, 1816.

² I. P. G. Ewers. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung, Dorpat und Hamburg, 1826; И. Ф. Г. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Перев. с немецк. И. Платонова, СПб., 1835.

Мировоззрение Эверса в тот момент, когда сложился его основной труд о «Древнейшем русском праве», носило ярко окрашенный реакционный характер. Свои взгляды Эверс излагал в лекциях о политике, которые он читал как раз тогда, когда вышло «Древнейшее русское право» и которые были напечатаны в 1829 г. Здесь Эверс прямо заявляет, что революция является «одним из величайших и самых достойных наказания преступлений». Теории «первоначального договора» для Эверса являются столь «ошибочными и опасными», что он «ни на мгновение не поколебался бы отказаться от преподавания, если бы вынужден был признать истинность этой идеи». Всю всемирную историю Эверс делит на семь эпох; седьмая эпоха — современная Эверсу — эпоха «христианства», воплощенного в Священном союзе. Основы «истинного монархизма» изложены, по Эверсу, в известном манифесте 13 июля 1826 г., изданном в день казни декабристов. Таковы политические взгляды Эверса, сложившиеся ко времени написания его основного труда.

Исторические взгляды Эверса соответствовали его политическому мировоззрению. Для Эверса развитие человечества совершается «весьма медленно» и согласно «естественному ходу развития рода человеческого». Первое «естественное состояние» для Эверса, исключая первого человека, — состояние семейное с отцом во главе семьи; далее «естественная нужда» приводит к образованию рода с родовладыкою; таким же «естественным» путем род превращается в племя со старейшиной; «новообразованное государство» и превращение старейшины или родовладыки в князя — дело «счастливого воина». Так, все развитие, вплоть до образования государства, идет у Эверса органическим путем, без потрясений, разве только исключая последнее «новообразование» (превращение старейшины в князя).

Таким образом, исторические взгляды Эверса, тесно связавшего свою судьбу с прибалтийским дворянством, носили ярко выраженный реакционный характер.

III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ

«В 1825 году, — писал В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года», — Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»¹. Движение декабристов В. И. Ленин относит к дворянскому периоду освободительного

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

движения в России, хронологические грани которого им были определены так: «примерно с 1825 по 1861 год»¹.

Исторические взгляды декабристов органически связаны со всеми другими элементами их идеологии, прежде всего с их политическими взглядами. Декабристы искали опоры для своей революционной деятельности в истории человечества и более всего — в прошлом своего народа. История России, в их собственном понимании, требовала от них служения делу освобождения народа. Декабристы считали себя не зачинателями, а продолжателями освободительного движения в России. Для них история была не предметом кабинетного изучения, а делом, столь же жизненным, как и то, которому они отдали свои силы. История не отвлекала их от революционной борьбы, а, напротив, укрепляла их в решимости вести ее. Лучшее об этом сказал М. С. Лунин с присущей ему краткостью и выразительностью: «история нужна не только для любопытства или умозрений, но путеводит нас в высокой области политики»².

Ничто не могло быть более враждебным политическому самосознанию декабристов, а, следовательно, и их пониманию истории, чем концепция «Донесения следственной комиссии», в котором давалась официальная интерпретация движения, приведшего к 14 декабря. «Донесение следственной комиссии» начисто отрицало связь движения декабристов с историей России и стремилось представить их действия, как чуждые России, не имеющие никакой опоры в ее прошлом. Понятен гневный протест декабристов против этого документа, каждая строчка которого оскорбляла острое патриотическое чувство людей, органически ощущавших свою кровную связь с настоящим и прошлым их родины. М. С. Лунин и Н. М. Муравьев «Разбором донесения» не только защищались от клеветы своих политических врагов, но восстанавливали историческую истину так, как они ее понимали.

Как известно, по вопросам теории и практики политической борьбы полного единства между декабристами не существовало. Нельзя забывать и о разногласиях декабристов по вопросам философии, истории, социологии, искусства и права.

Декабристы жили в такое время, когда к историческим вопросам было привлечено внимание широких кругов дворянской интеллигенции. Насыщенность их эпохи событиями громадной политической важности была велика. Среди них надо в первую очередь назвать Отечественную войну 1812 г., оказавшую сильнейшее влияние на формирование общеполитических взглядов декабристов. Многие декабристы в построении своей политиче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

² «Декабрист М. С. Лунина. Сочинения и письма», Пг., 1923, стр. 32.

ской и исторической концепции прямо отталкивались от войн 1812—1814 гг. Произошедшие после этих войн события — Венский конгресс, образование Царства Польского, революция в Испании, Неаполе, Пьемонте, греческое восстание — возбуждали повышенный интерес к истории. Этот интерес находил выражение во многих публицистических и художественных произведениях, написанных на исторические темы и напечатанных на страницах «Вестника Европы», «Сына отечества», «Соревнователя просвещения», «Северного архива», «Русского вестника» и других журналов. Появление этих произведений свидетельствовало об интересе к вопросам истории в различных по своей политической ориентации общественных кругах. Не могли остаться чужды ему и декабристы — самые передовые представители дворянской интеллигенции эпохи.

Историческая концепция декабристов, как и остальные элементы их идеологии, явилась развитием радищевской традиции. В. К. Кюхельбекер в своих показаниях следственной комиссии писал, что такие произведения «рукописной словесности», как «Вадим» Я. Б. Княжнина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, переписываются «с жадностью», причем читатели «дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них»¹. Н. А. Бестужев, В. И. Штейнгель и другие также говорили о влиянии на них Радищева.

Исторические взгляды декабристов имели много общего с социологической концепцией Радищева. Положения Радищева о том, что человек есть категория социальная — «человек рожден для общежития», что функцией власти должно быть исполнение воли народа, что в современном обществе «естественное право» может быть восстановлено лишь в результате революции — были развиты декабристами.

Органическое единство политических и исторических взглядов декабристов определило и круг их исторических интересов. Декабристы искали в истории то, чего не была в состоянии дать им академическая наука — столкновений противоположных социальных групп, борьбы угнетенных за свободу, закономерности исторического процесса. Этот круг исторических интересов декабристов лег в основу их исторической концепции.

В установлении круга вопросов, являющихся, с точки зрения декабристов предметом исторической науки, и в их разработке они столкнулись с официальной исторической наукой, имевшей в лице Н. М. Карамзина наиболее авторитетного и талантливого представителя. С историческими взглядами Карамзина декабристы вступили в борьбу с первых же шагов своих занятий

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. II, М.—Л., 1926, стр. 167.

историей. Многие из них в своих сочинениях и отдельных высказываниях выступали с положениями, опровергавшими историческую концепцию Карамзина. М. П. Погодин, имевший возможность лично наблюдать впечатление, произведенное «Историей государства Российского» Карамзина в различных общественных кругах, писал: «Гвардейская молодежь, приготовлявшаяся к 14 декабря, была против Истории Карамзина, не находя в ней подтверждения своим теориям и утопиям»¹. Со специальной работой, направленной против исторических воззрений Карамзина, выступил Н. М. Муравьев. Имея превосходную историческую подготовку, он хорошо владел специальной исторической литературой и был знатоком источников. Н. М. Муравьев являлся автором двух важнейших декабристских документов, посвященных вопросам истории: примечаний к «Разбору донесения, представленного Российскому императору тайной комиссией в 1826 году», и записки об «Истории государства Российского» Карамзина. Эта записка была написана в 1818—1819 г. и предназначена для широкого обращения.

Против основного тезиса Карамзина, что «история народа принадлежит царю», Н. М. Муравьев выдвигает прямо противоположный: «история принадлежит народам». Карамзин призывал к примирению с властью и проповедовал гражданский мир. Н. М. Муравьев утверждал, что «не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом», что «в нравственном, равно как и в физическом мире согласие целого основано на борении частей». Муравьев протестует против апологии Карамзиным монархической власти. С точки зрения Муравьева «азиатский деспотизм» — а такова форма правления в России, установившаяся, по его мнению, столетия тому назад, — не может осуществить благополучия на земле. Деспотизм (самодержавие) есть насилие, а «насильственные средства и незаконны и губительны». Муравьев выдвигает тезис о независимости хода истории от воли и сознания одного человека. «Естественный ход вещей», — так формулирует Н. М. Муравьев идею закономерности исторического процесса, — ограничивает волю людей. «Тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, — писал Муравьев, — и тогда мы повинемся прошедшему — дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение... идем, куда влекут нас происшествия». Движущей силой истории, по мнению Н. М. Муравьева, стоявшего в этом вопросе на совершенно идеалистических позициях, являются «новые понятия, новые мысли», «общее мнение». Но реальной силой, изменяющей ход истории, они

¹ М. Погодин. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. II, стр. 198.

становятся лишь тогда, когда они распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система»¹.

Не мог согласиться с общей тенденцией Карамзина и Н. И. Тургенев, хотя он считал выход в свет «Истории государства Российского» событием большого значения. В 1818 г., заносая в свой дневник впечатление, вынесенное им от чтения труда Карамзина, он писал: «История народа принадлежит народу — и никому более! Смешно дарить ею царей»². В другом месте он обвинял Карамзина в стремлении «скрыть и рабство подданных и укореняющийся деспотизм»³. М. А. Фонвизин в своем «Обзрении проявлений политической жизни в России» протестовал против того, что «наши историки, особенно Карамзин», мало или вовсе не говорят о политической свободе в древней Руси, а стараются «выставлять превосходство самодержавия»⁴.

М. С. Лунин также выступает против самодержавия в своем «Розыске историческом», написанном в Сибири. По мысли Лунина, в истории России «корнем зла было самодержавие». Самодержавие — величайшая несправедливость, так как оно, с точки зрения Лунина, противоречит законам природы, устанавливающим ограниченность возможностей человека, и законам религии, требующим признания неограниченной воли только бога. Самодержавие губительным образом отражается на судьбе народа: оно убивает в народе силу сопротивления «беспорядкам и бедствиям», порождаемым властью самодержца.

Враждебное отношение декабристов к дворянской историографии нашло свое выражение в их критических высказываниях не только по адресу Карамзина, но и других официозных историков. Н. И. Тургенев отлично понимал ложь, распространяемую дворянскими историками о крепостном праве, восклицая: «в стране, где писатели и читатели дворяне, и следовательно, рабовладельцы, — ибо народ совсем не читает, — как же ожидать от историка, чтобы он сказал правду о рабстве?»⁵.

Н. А. Бестужев заявлял: «До сих пор история писала только о царях и героях... о народе, его нуждах, о его щастии или бедствиях, мы ничего не ведали»⁶.

Полемика с Карамзиным дала возможность декабристам высказать несколько положений, относящихся к теории

¹ Н. М. Муравьев. Мысли об истории государства Российского Н. М. Карамзина. «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 584.

² «Архив братьев Тургеневых», вып. 5. Пг., 1921, стр. 115.

³ Там же, стр. 123.

⁴ М. А. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. 1, СПб., 1905, стр. 101.

⁵ Н. Тургенев. Россия и русские, ч. 3, т. II; «Библиотека декабристов», кн. 1, 1908, стр. 106.

⁶ Н. А. Бестужев. Статьи и письма, М.—Л., 1933, стр. 93.

исторического процесса. Эти положения составляют важную часть их общей исторической концепции.

В критическом отзыве о книге Лаверня, посвященной биографии А. В. Суворова, Н. М. Муравьев иронизирует по поводу некоторых утверждений французского автора, кажущихся ему недостойными серьезной полемики. Он издевается над рекомендациями Лаверня, обращенными к правительствам, установить «всеобщую нравственность», человеколюбие, терпимость, свободу и мир. Муравьев писал, что человеческая природа не исправляется декретированием сверху, что в истории, как и в современной жизни, добрая воля правителя — ничто, зло не в отсутствии ее, а в социально-политическом строе государства¹. Эта мысль — одна из примечательнейших в исторической концепции декабристов, так как в кругах передового дворянства была распространена идея ликвидации зла через исправление человеческой природы, осуществляемое разумом и волей правителя.

К. Ф. Рылеев, подобно Н. М. Муравьеву, высказывал мысль о не зависящих от воли и сознания людей законах, движущих историю. Воля отдельного человека на судьбы человечества не оказывает никакого влияния. Законы, управляющие жизнью людей, Рылеев понимал идеалистически, он называл их «промыслом», не вкладывая, однако, в это понятие религиозно-мистического смысла. Но такое идеалистическое толкование законов, движущих жизнью людей, не может умалить значения того факта, что Рылеев совершенно отчетливо представлял историю не как цепь случайностей и произвольных явлений, а как закономерное развитие².

П. И. Пестель, П. Г. Каховский, Н. И. Тургенев шли дальше Рылеева в попытке установить закономерность исторических явлений. Пестель говорил о том, что «главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякаго рода»³. О борьбе народа со своими угнетателями за свободу, как о главном содержании истории, говорил Каховский. «Народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним; правительства же, огражденные миллионами штыков, селятся оттолкнуть народы в тьму невежества», — писал он из крепости⁴. В «Опыте теории налогов» Н. И. Тургенев выразил мысль, что «от неравного разделения

¹ См. Н. Муравьев. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова. «Сын отечества», СПб., 1816, № VI, стр. 218—232; № XVI, стр. 121—140.

² См. К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений (далее — Соч.), М.—Л., 1934, стр. 417—418.

³ «Восстание декабристов». Материалы, т. IV, М.—Л., 1927, стр. 91.

⁴ «Из писем и показаний декабристов...», под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 11.

податей между гражданами рождается ненависть одного класса народа к другому, отчего происходит и ненависть к самому правительству»¹. Понимание различия в положении народных масс и привилегированных классов, а следовательно, и невозможности примирения между ними, сказывается в замечании Н. А. Бестужева в его трактате «О свободе торговли»: «до сих пор... наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого народа»².

Декабристы ставили своей задачей преобразование экономического, социального и политического строя России путем уничтожения крепостного права и самодержавия со всеми его институтами и установления республики. Несмотря на наличие среди декабристов людей с ясно выраженными монархическими взглядами, типичным для них все же был республиканизм. Наличие у декабристов республиканских идей отмечал В. И. Ленин³. В результате подготовляемого декабристами революционного переворота в России должен был установиться буржуазный строй — такова объективная классовая направленность их движения. Но они не являлись апологетами буржуазного строя и не думали, что с его установлением поступательное движение истории должно остановиться. Хорошо известны резко отрицательное отношение Пестеля к английской и французской конституциям, Лунина — к буржуазным порядкам в Соединенных Штатах Америки, Бестужева — к парламентаризму.

Интерес многих декабристов к вопросам политической экономики и экономической истории говорит о том, что они улавливали известное значение экономического фактора в развитии общества. Вопросы экономики были затронуты А. А. Корниловичем. В статье «Известие об успехах промышленности в России, и в особенности при царе Алексее Михайловиче» он пишет об ошибках историков, которые всю «славу правителей полагали в воинских успехах», а потому и не уделяли достаточного внимания внутренней политике. Корнилович хотел исправить эту ошибку и сообщал некоторые сведения о хозяйственной жизни России в XVII в.⁴ Автором замечательного для своего времени экономического трактата «Опыт теории налогов» был Н. И. Тургенев. В этом трактате он восставал против феодально-крепостнической системы хозяйства. Той же самой тенденцией отмечено сочинение Н. А. Бестужева «О свободе торговли и промышленности». В вопросах политической экономики и эко-

¹ Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов, М., 1937, стр. 21.

² Н. А. Бестужев. Статьи и письма, стр. 93.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 103.

⁴ А. А. Корнилович. Известие об успехах промышленности в России, и в особенности при царе Алексее Михайловиче. «Северный архив», ч. V, СПб., 1823, № 1, стр. 37—64.

номической истории был осведомлен П. И. Пестель. Достаточно вспомнить разработку аграрного вопроса в «Русской Правде» и специальную работу Пестеля о торговле¹. М. Ф. Орлов в 1819 г. писал военному историку Д. П. Бутурлину: «Мы живем в таком веке, что историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии»².

Декабристы, выступая с критикой положений дворянской историографии, изображавшей исторический процесс как смену царей и героев, не могли, естественно, не задуматься о роли народных масс в истории, совершенно игнорировавшейся дворянскими историками. В решении вопроса о роли народа в истории они не были последовательны. Оценивая события недавнего прошлого, декабристы со всей определенностью указывали на народ, как на единственную движущую силу этих событий. Широко известно отношение декабристов к роли народа в войнах 1812—1814 гг. П. Г. Каховский и другие считали, что роль спасителя России от гибели и порабощения принадлежит народу и никому больше.

Но при оценке роли народа в далеком прошлом России и других стран мнения декабристов были не столь определенны и единодушны. М. С. Лунин в «Розыске историческом» изложил свой взгляд на участие народа в исторических событиях. Он писал, что русский народ, задавленный и покорный, вначале не сопротивлялся татарскому владычеству. Но мера бедствий, перенесенных народом, переполнилась, и народу, а не князьям принадлежит заслуга освобождения Руси от монгольского ига. «Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов»³. Отдельные замечания, свидетельствующие о понимании декабристами значения исторической роли народа, высказывали Н. Крюков, К. Рылеев и другие.

Специальные работы, посвященные истории донского казачества, были написаны В. Д. Сухоруковым⁴. В них автор значительное внимание уделил показу жизни народных масс. Особенно примечателен интерес Сухорукова к восстанию Степана Разина, которому он отвел много места в своем «Историческом описании Земли войска Донского».

В работе В. Д. Сухорукова — «О внутреннем состоянии дон-

¹ См. В. М. Тарасова. Социально-экономические взгляды Пестеля. «Ученые записки Марийского Гос. пед. ин-та», т. VI, вып. II, Йошкар-Ола, 1948, стр. 3—107.

² «Декабристы и их время», т. 1, изд. «Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев», М., 6 г., стр. 201.

³ «Декабрист М. С. Луниң. Сочинения и письма», стр. 79.

⁴ См. В. Д. Сухоруков. Историческое описание Земли войска Донского, Новочеркасск, 1903; егѳ же. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях, Новочеркасск, 1892.

ских казаков в конце XVII столетия» ставится вопрос об общественном устройстве Донского казачества. В казачьей общине Сухоруков видел идеализируемую декабристами «вольность новгородцев». Не замечая классового расслоения среди казаков, Сухоруков идеализировал их общественный порядок, как народный в полном смысле этого слова и самый простой¹. Сухоруков считал, что казачество составляет общество «отдельное, живущее и действующее совсем не так, как живут и действуют в России». Наиболее ярко народность в военном искусстве проявилась в крестьянских и казачьих движениях. В связи с этим Сухоруков писал о восстании Степана Разина.

В свою очередь А. А. Корнилович издал отрывок из «Путешествия Яна Янсена Стрейса», как один из важных источников для изучения восстания Степана Разина².

Поставив вопрос о значении народных движений в истории России, декабристы в то же время были далеки от ясной и последовательной постановки вопроса о роли народа в историческом процессе. Исключая народ из движущих сил революции («Страшно далеки они от народа», — говорил о декабристах В. И. Ленин³), они не могли видеть подлинной роли народа в истории. Печать дворянской ограниченности лежала на всем мировоззрении декабристов. Сказывалась эта ограниченность и на их исторических взглядах.

С особенной ясностью дворянская ограниченность декабристов обнаружилась при решении ими вопроса о происхождении тайных обществ. Этим вопросом занимались М. А. Фонвизин, М. С. Лунин, Н. М. Муравьев. Фонвизин касается его в своем «Обзрении проявлений политической жизни в России», написанном в опровержение французских историков Энно и Шеншо. Оба эти автора напечатали в Париже пятитомную «Историю России», в которой они следовали двум источникам: переведенной на французский язык «Истории государства Российского» Карамзина и «Истории России», написанной на французском языке Левеком. Не увидев в сочинении Энно и Шеншо «проявлений» политической жизни в России, Фонвизин задался целью доказать их существование с самых древних времен до восстания декабристов. Изложению этих «проявлений» Фонвизин и посвятил свой труд⁴.

¹ В. Д. Сухоруков. О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVII столетия. «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. XXVI, СПб., 1824, стр. 189.

² А. А. Корнилович. Ян Янсен Стрейс. «Северный архив», ч. X. СПб., 1824, № 7, стр. 26—40.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

⁴ М. А. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России. «Общественные движения в России в первую половину XIX века». т. 1. СПб., 1905, стр. 97—202.

М. С. Лунин в «Разборе донесения тайной следственной комиссии в 1826 г. Никиты Муравьева» поставил вопрос о связи возникновения декабристских организаций с предшествующей историей России. В этом сочинении Лунин писал: «Надлежит сознаться, что тайный союз не отдельное явление и не новое для России. Он связуется с политическими сообществами, которые одно за другим, в продолжении более века, возникали с тем, чтобы изменить формы самодержавия: он отличается от своих предшественников только большим развитием конституционных начал»¹. Это высказывание не оставляет сомнения в том, что, с точки зрения Лунина, декабристские тайные общества продолжают исторические традиции России. На вопрос, какие же именно события и явления прошлого России послужили историческим примером для декабристов, отвечает не сам Лунин, а Н. М. Муравьев, написавший примечания к «Разбору донесения».

Н. М. Муравьев указывает на такие явления и события в истории России, с которыми, по его мнению, декабристские тайные общества находились в преемственной связи: «вечи народные, повсюду в России происходившие», новгородская и псковская республики, своим существованием опровергающие мнение, что русский народ неспособен к самоуправлению, земские соборы XVI—XVII вв., крестоцеловальная запись Шуйского, боярская дума, «затейка» верховников, борьба А. П. Волынского, П. М. Еропкина и других против Бирона, деятельность Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Я. Б. Княжнина, В. В. Капниста, Г. Р. Державина, проекты Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина — в самое последнее перед возникновением тайных декабристских обществ время, конституционные проекты Н. П. Панина и П. А. Палена, с которыми те якобы выступали в заговоре 11 марта 1801 г. Сделав этот обзор, Муравьев заключает: «Из сего следует, что все люди, отличные в России, видели и чувствовали несовершенство существующего порядка и стремились во все времена явно или скрытно к достижению цели тайного союза»².

Этот перечень, совпадающий с перечнем «проявлений» Фонвизина, позволяет многое понять в политических взглядах декабристов. В нем сопоставлены события и имена, ничего по существу общего друг с другом не имеющие. Н. М. Муравьев рассматривает крестоцеловальную запись Шуйского и «Путешествие из Петербурга в Москву» как явления одного порядка, он не видит разницы между Радищевым и Державиным, он

¹ М. С. Лунин. Разбор донесения тайной следственной комиссии в 1826 г. Никиты Муравьева. «Библиотека декабристов», вып. 5, 1907. стр. III—IV.

² М. С. Лунин. Разбор донесения.... стр. XIV. XXI.

равняет вече с «затейкой» верховников и придает одинаковое значение боярской думе и деятельности Новикова. Отнесение этих фактов и явлений к одной и той же социально-политической категории позволяет отчетливо увидеть не столько незрелость политико-философского мышления декабристов, сколько их классовую природу. В обзоре Н. М. Муравьева не случайно, конечно, нет упоминания ни об одной форме народного движения против самодержавия. Фонвизин, Лунин и Муравьев не нашли возможным упомянуть ни о казачестве, ни, тем более, о Болотникове, Разине, Пугачеве. В сборе Н. М. Муравьева перечислены, если исключить ссылки на вече и Радищева, отнюдь не демократические по своему характеру явления и события, ограничивающие самодержавие или направленные на его ограничение. Отдаленность декабристов от народа нашла в историческом обзоре Лунина и Муравьева полное выражение.

Н. М. Муравьев указал на вече, Новгородскую и Псковскую республики, как на такие явления в истории России, какие, с его точки зрения, являлись свидетельством демократического строя древней Руси. Эта же мысль была высказана Муравьевым в «Любопытном разговоре», написанном в начале 1820-х годов и предназначавшемся к распространению среди солдат. В нем говорилось, что в старину на Руси не было самодержавных властителей, что в ней существовало народное правление, уничтоженное татарами¹.

Декабристы идеализировали политический строй Новгорода и Пскова. Ссылки на древнерусскую свободу, утраченную с течением времени, играли в глазах декабристов роль дополнительного аргумента в пользу необходимости вести борьбу с самодержавием. Такого рода ссылки встречаются в сочинениях М. С. Лунина, Н. А. Бестужева, Н. И. Тургенева. Много внимания этому вопросу уделил в своем «Обзрении» Фонвизин. К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер и А. И. Одоевский воспевали новгородскую «вольность» в своем поэтическом творчестве.

Развивая идею о демократическом строе древней Руси, декабристы сталкивались с вопросом о «призвании князей». Этому вопросу много места отвел в своей «Истории государства Российского» Карамзин, который в «призвании» видел начало самодержавия в России, а в норманских князьях — основателей государства. Революционный патриотизм декабристов не мог мириться с реакционными положениями официальной исторической науки, оскорблявшими их национальное чувство. Поэтому они решительно и резко выступали против так называемой норманской теории.

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. I, М.—Л., 1925, стр. 321—323.

Н. А. Бестужев в своем «Опыте истории российского флота», введение к которому представляет собой по существу сжатый очерк истории России, говорил о высоком уровне материальной и духовной культуры славян в период образования Киевского государства¹. О том же писал Фонвизин, утверждавший, что не варяжские князья, а народ был источником власти². Сходных взглядов в этом вопросе придерживался А. А. Корнилович.

Наиболее развернутую аргументацию против норманской теории привел Лунин. Для Лунина нет сомнений, что летописная «сказка» о «добровольном подданстве» народа норманским завоевателям придумана «потомками Рюрика» с целью придать «законность своему владычеству». Миф о добровольном призвании варягов,— пишет Лунин,— поддерживается правительством и в настоящее время, ибо этот миф выгоден ему³.

Для характеристики исторических взглядов декабристов немаловажное значение имеют рассуждения П. И. Пестеля о централизованном государстве и о национальном вопросе, приведенные им в первых двух главах «Русской Правды».

В первой главе «Русской Правды» рассматривается вопрос о централизованном и федеративном государствах. В числе аргументов в пользу централизованного государственного строя для России Пестель приводит ссылку на ее историю. По его мнению, Россия в период феодальной раздробленности испытала все бедствия федеративного устройства, слишком тяжелые для того, чтобы кто-нибудь мог еще сомневаться в преимуществах централизованного государства перед федеративным. Разрешая вопрос об административном делении будущей России, Пестель также опирается на историю. Даже необходимость перенесения столицы России в Нижний Новгород Пестель обосновывает аргументами историко-географического порядка, из которых особое значение приобретает его мысль с том, что «все воспоминания о древности Нижегородской дышут свободой и прямою любовью к отечеству, а не к тиранам его»⁴.

Вторая глава «Русской Правды», названная Пестелем «О племенах, Россию населяющих», рассматривает национальный вопрос. Отрицание права некоторых народов на независимое политическое существование обосновывается им во второй главе более пространно, чем в первой. Пестель утверждает, что так как украинские и белорусские губернии в старину

¹ См. Н. Бестужев. Опыт истории российского флота. «Соревнователь просвещения и благотворения», ч. XX, СПб., 1824, стр. 137—166, 271—299.

² См. М. А. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России, стр. 102.

³ См. «Декабрист М. С. Луниц. Сочинения и письма», стр. 78.

⁴ П. И. Пестель. Русская Правда, СПб., 1906, стр. 26.

принадлежали России и, более того, были, по его выражению, «колыбелью Российского государства», жителей этих губерний следует «истинными россиянами почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять»¹. Подробно рассматривает Пестель современное положение других нерусских народностей, живущих на территории России, постоянно делая экскурсии в их историю. Отведя этому рассмотрению почти всю вторую главу «Русской Правды», Пестель делает свое известное заключение о необходимости слить всех жителей России в один народ под общим названием русских, с одинаковыми законами, одинаковым образом управления, с тем, чтобы вся Россия на всем своем протяжении «являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия».

Декабристы выступили с рядом военно-исторических работ². Наиболее важными из них были: «Мысли о теории военных знаний» И. Г. Бурцева, «Опыт истории русского флота» Н. А. Бестужева, «Известия о первых маневрах при Петре I и особенно о Кожуховском походе» А. А. Корниловича, «Рассуждения о жизнеописании Суворова» Н. М. Муравьева. «Письма русского офицера», «Письма к другу», «Краткое начертание военного журнала» Ф. Н. Глинки и др.

В «Мыслях о теории военных знаний» Бурцев пытался дать классификацию военных наук. Он разделил их на «знания, относящиеся до войска», и «знания, относящиеся до крепостей». «В общем, пространном смысле, военные знания должны содержать в себе правила, научающие образовывать, приводить в действие и устремлять к цели *силу*, охраняющую безопасность народную»³.

Вопрос о природе войны Бурцев решает в соответствии со своими идеалистическими взглядами. «Война,— говорит Бурцев,— временное состояние некоторого числа людей живою страстию возбужденных». Война,— неизбежное зло, она вечна, и задача гражданских обществ — «на время... отдалить сие зло»⁴.

Общую схему развития русского военного искусства дал Глинка. В его схеме впервые поставлен вопрос о самостоятельности русского военного искусства. «Начиная от Святослава, гремевшего победами в десятом веке, *искусство в войне* не преставало прославлять оружия русского»⁵.

Глинка выступил с утверждением, что русское военное ис-

¹ П. И. Пестель. Русская Правда, стр. 40.

² Текст о военных взглядах декабристов написан Л. Г. Бескровным.

³ И. Бурцев. Мысли о теории военных знаний. «Военный журнал», кн. II, СПб., 1819, стр. 59—60.

⁴ Там же, стр. 56—57.

⁵ Ф. Глинка. Краткое начертание военного журнала, СПб., 1817, стр. 19.

куство имеет свои национальные черты. Опираясь на военную науку, Петр показал огромную силу военного искусства¹. Военная наука «вручила венец победы фельдмаршалу *Румянцеву*», она ввела в «храм бессмертия никогда и никем непобежденного *Суворова*», наконец, «в отечественной войне нашей одно искусство, в лице знаменитого полководца нашего *Кутузова*, победило силу..., защитило нашу честь, возвысило славу..., нерушимость прав, нашу свободу и великое преимущество называться русскими»².

Русское военное искусство, говорит Глинка, — передовое искусство. Особенно ярко это видно на примере войн конца XVIII и начала XIX в., когда Суворов обогатил русское военное искусство «изобретенными им самим правилами и новыми средствами воевать всегда с успехом». Наполеон заимствовал свои правила у Суворова и затем «искусно применил оные к великим движениям многочисленных армий»³. Кутузов дал образцы нового военного искусства, и его полководческое мастерство оказалось выше мастерства Наполеона.

Проблему самостоятельного развития русского военного искусства исследовал в своих работах по истории флота Н. А. Бестужев. Бестужев решительно отверг выдумку норманистов, что русские научились мореходству у варягов, и доказал, что русские корабли задолго до варягов ходили по Черному морю. «Черное море, покрытое русскими кораблями, называлось тогда Русским». Позднее «русские корабли... ходили Невою в Финский залив и Балтийское море до Готланда»⁴.

Бестужев доказывал, что русские люди с давних пор вели неутомимые поиски морских путей. Овладение морскими просторами, расширявшее экономические, политические и культурные связи России, было для нее, как ясно представлял Бестужев, жизненно необходимым делом.

Научно-исторические интересы декабристов не ограничивались одной историей России. Заметное место в их исторических взглядах занимала история античности.

Декабристам, в соответствии с их историческими взглядами, история Греции и Рима представлялась как история борьбы со всеми теми, кто покушался отнять искони принадлежавшую народу свободу. Начальный период истории Греции и Рима, по мнению декабристов, был временем подлинной демократии, уничтоженной позднейшими узурпаторами. Борьба греческого

¹ Ф. Глинка. Краткое начертание военного журнала, стр. 10.

² Там же, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, стр. 168.

и римского народов за свободу была окружена в глазах декабристов героическим ореолом. Высокие образцы гражданского мужества, неподкупности, стойкости, преданности интересам народа видели декабристы во многих событиях античной истории.

Г. С. Батеньков в своем показании Следственной комиссии писал: «Первые мысли о выгодах свободного правления и привязанность к оному, как обыкновенно бывает, получил я во время обучения истории. Древние греки и римляне с детства сделались мне любезны»¹. Н. И. Тургенев в своем дневнике, в записи от 19 октября 1817 г., выражал негодование по поводу того, что в современных государствах для народного представительства существует имущественный ценз, которого якобы не было в античные времена. Это доказывает, по мнению Н. И. Тургенева, «мелкость, ничтожество новейших в сравнении с древними»². В. Ф. Раевский в заметках о «Духе законов» Монтескье видел осуществление подлинной демократии в государственном строе Афин и республиканского Рима³. Н. М. Муравьев, возражая против тезиса Н. М. Карамзина, что варвары погубили Рим, писал о свободном Риме, возвышавшемся среди варваров на протяжении 700 лет, и относил причину падения Рима к внутренним обстоятельствам: Рим «погиб сам от себя, как ржавчина съедает железо, так пороки истребили его силу», а «хитрый деспот Август навеки потушил пламенный свод свободы»⁴. К. Ф. Рылеев высоко оценивал Цицерона как борца против заговора Катилины⁵. Перевод речи Цицерона против Катилины был обнаружен в бумагах М. М. Спиридова⁶. В этой связи приобретает интерес сочинение И. М. Муравьева-Апостола, отца известных декабристов, «Взгляд на заговор Катилины»⁷. Автор в научно-популярной форме знакомит с исторической обстановкой и со всеми перипетиями заговора. Муравьев-Апостол, всецело опираясь на свидетельства античных авторов, даже не пытается критически разобраться в них.

Для Муравьева-Апостола Катилина является врагом свободы. В общем, довольно правильно оценивая властолюбивые

¹ М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, вып. 1, Киев, 1906, стр. 159.

² «Архив братьев Тургеневых», т. III, Пг., 1921, стр. 99.

³ См. П. С. Бейсов. Новое о Раевском. «Ученые записки Ульяновского гос пед. ин-та, Ульяновск, 1949, стр. 253.

⁴ Н. Муравьев. Мысли об истории государства Российского Н. М. Карамзина. «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 588.

⁵ См. К. Ф. Рылеев. Соч., стр. 89—90.

⁶ См. Восстание декабристов». Материалы, т. V, М.—Л., 1926, стр. 148.

⁷ См. И. М. Муравьев-Апостол. Взгляд на заговор Катилины. «Сын отечества», ч. 41, 1818, № XXI, стр. 41—59, № XXII, стр. 81—100, № XXIII, стр. 121—135.

устремления Катилины и разоблачая его демагогические лозунги, Муравьев-Апостол излишне идеализирует Цицерона как «спасителя отечества». Эта идеализация Цицерона как борника республиканской свободы очень характерна для декабристов. Переводами сочинений Цицерона, Тита Ливия, Саллюстия и других авторов декабристы занимались и в Сибири, сохранив воспитанное с юношеских лет преклонение перед античной героиней борьбы за свободу. М. С. Лунин писал в Сибири сочинение, посвященное религии греков. Оно до нас не дошло, но о характере его можно судить по такому восклицанию, вырвавшемуся у Лунина в письме С. Г. Волконскому: «Горе мне, если моя греческая мазня попадет в руки властей»¹.

Если государственное устройство древней Греции и Рима декабристы представляли себе как образец демократии и восхищались гражданской доблестью народа, защищавшего свою свободу, то средневековье и новая история не возбуждали у них интереса. Они считали, что мировая история после падения Рима вступила в полосу упадка. Н. И. Тургенев отмечал низкую степень «нравственной и гражданской образованности» средневековья².

Правда, Н. И. Тургенев признавал «благоразумие» законодателей средних веков, установивших, по его мнению, феодализм законодательным путем. Это «благоразумие» он видел в понимании законодателями соответствия «феодальной системы правления» «тогдашнему духу времени», т. е. в понимании необходимости укреплять абсолютизм и охранять независимость государства. Но «благоразумие» законодателей аннулировалось бесконечными распрями вассалов. Из «ничтожности» средневека стали выходить благодаря городам, давшим новый толчок к развитию экономики и содействовавшим появлению «среднего состояния граждан, сделавшегося весьма важным в составе государственном»³.

Но города, как новый социально-экономический фактор, не обеспечили поступательного развития исторического процесса. Буржуазия не стала тем социальным слоем, который сумел дать народу истинную свободу, содействовать силе и могуществу государства, развитию народного богатства. Эти положения Н. И. Тургенев не мог высказать по соображениям цензуры в своем печатном «Опыте теории налогов», но он остановился на них в дневниках. Там он с негодованием говорил о свободе в современных ему буржуазных государствах⁴. Эта

¹ Сборник «Атений», вып. III, Л., 1926, стр. 19.

² Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов, М., 1937, стр. 8.

³ Там же, стр. 8—9.

⁴ См. «Архив братьев Тургеневых», т. III, стр. 99, 114.

созданная буржуазией «свобода» далека от демократии Афин и Рима.

Другие декабристы также не обольщались иллюзиями по поводу истинной цены свободы, установленной буржуазией в государствах новейшего времени. Особенно резко высказался о государствах новейшего времени П. И. Пестель. Он указывал на «аристокрацию всякого рода» как на истинную хозяйку положения в современных государствах Запада, противопоставляя им «блаженные времена» республиканской Греции и «величественную славу» республиканского Рима¹.

Высказывания декабристов по всеобщей истории, хотя и гораздо более скудные, чем по истории России, позволяют определить одну существенно важную черту их общего исторического мировоззрения. Они нигде и никогда не ставили вопроса о принципиально отличных путях исторического развития России и Западной Европы. Народ везде борется со своими угнетателями, а «аристокрация всякого рода» везде стремится к возможно большей эксплуатации его. В этом отношении декабристы стояли на противоположных точках зрения с официальной историографией в лице Н. М. Карамзина.

Единство исторических взглядов и политического мировоззрения декабристов дало им возможность создать в русской историографии новую историческую концепцию. Это была революционная концепция, носившая, однако, черты дворянской ограниченности, присущей общему мировоззрению декабристов. Наполнив свою теорию исторического процесса революционным содержанием и расширив круг вопросов, подлежащих историческому исследованию, декабристы оказали большое влияние на передовую историческую науку, которая получила развитие в произведениях Пушкина и публицистических сочинениях революционных демократов. Декабристы явились носителями идей той демократической национальной культуры, которую В. И. Ленин противопоставлял культуре господствующих классов. В этом и заключается историческое значение вклада, внесенного декабристами в историческую науку.

IV

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. С. ПУШКИНА

Мировоззрение А. С. Пушкина складывалось в ту эпоху, которая породила и декабристов. Идеи близость Пушкина к декабристам обусловила много общего между ними в их исторических взглядах. Но Пушкин вовсе не повторял декабри-

¹ «Восстание декабристов». Материалы, т. IV М.—Л., 1927, стр. 91.

стов. В некоторых вопросах истории он не сходил с ними, решая их по-своему, с присущей ему глубиной.

Широта кругозора Пушкина, любовь к своему народу, острое чувство ненависти к самодержавию подсказывали ему, что осмыслить современность до конца нельзя без обращения к прошлому. С исчерпывающей ясностью он сам выразил это в следующих словах своего отзыва об «Истории Малороссии»: «одна только история народа может объяснить истинные требования оного...»¹.

Отечественная война 1812 г. оставила в сознании Пушкина след на всю жизнь. События этой войны поставили перед ним, как и перед всей передовой дворянской интеллигенцией, проблему народа. Постоянно возвращаясь к мысли об Отечественной войне, Пушкин понял, что народ не может быть объектом истории, что он является ее главным действующим лицом. У Пушкина возникла потребность ближе познакомиться с прошлым народа, вынесшего на своих плечах все испытания, пережитые родиной за многовековый период ее существования. Он понимал, что борьба народов за свободу составляет неотъемлемую часть их истории.

В художественном творчестве интерес Пушкина к социальной борьбе нашел наиболее полное выражение в «Борисе Годунове». Пушкин даже одно время предполагал назвать трагедию «Летописью о многих мятежах», как называлась одна редакция «Нового летописца» в издании XVIII в.²

В «Борисе Годунове» народ — главное действующее лицо. Он незримо присутствует в трагедии даже тогда, когда сцена занята другими лицами. Реплика боярина Пушкина в диалоге с Басмановым

«Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным»³

является ключом к решению великим поэтом вопроса о роли народа в истории. Народ открывает трагедию (вторая сцена), участвует во всех важнейших ее сценах (избрание царя, сцена с юродивым, сцена у Лобного места) и заключает ее — знаменитая последняя ремарка в последней сцене раскрывает смысл всей трагедии, еще раз давая понять, кто был в ней главным действующим лицом.

У народа в «Борисе Годунове» есть свой характер, свои мысли, свои страсти. Поэтому народ в «Борисе Годунове»

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах (далее — Соч.), М.—Л., 1949, т. VII, стр. 335..

² См. «Летопись о многих мятежах», изд. 2-е, М., 1788.

³ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 93.

действует, а не выполняет функции какого-то говорящего фона, нужного драматургу только для того, чтобы резче оттенить индивидуальные качества других персонажей.

Вместе с тем Пушкин отнюдь не представлял себе народ как безликую массу; народ в изображении Пушкина — совокупность индивидуальных характеров.

Замечательна конкретность исторического мышления, обнаруженная Пушкиным в «Борисе Годунове». Действующие лица носят черты, точно определенные временем. Пушкин не сочинял, он толковал исторические события. Стремление к исторической точности нашло выражение даже в дате, которой помечена первая сцена «Бориса Годунова» — 20 февраля 1598 г. Пушкину история давала не подсобный материал для художественного творчества, не служила ему средством обогащения его художественных приемов, а являлась объектом прямого и непосредственного изучения. Художник и историк сливались в Пушкине в органическое целое.

После восстания декабристов интерес Пушкина к проблемам социальной борьбы еще более обострился. Замечательные мысли, обнаруживающие глубокое понимание сущности исторического процесса, были высказаны им в стихотворении «К вельможе» (1830 г.). Французская революция 1789 г. рисуется Пушкину событием такого громадного значения, что предшествующие ей явления, когда-то приковывавшие внимание всего мира, потускнели. Пушкин не просто признал совершившийся переворот, но и приветствовал его преобразующее значение. Французская революция открыла новую страницу в истории. К власти пришли новые люди. Что они принесли с собой? В ответ на этот вопрос Пушкин показал, что, как и декабристы, он отнюдь не является апологетом буржуазного строя. Захватившая в свои руки власть буржуазия бессильна создать что-либо значительное. Все ее внимание устремлено на безудержное обогащение. «Младые поколения... торопятся с расходом свесть приход», — в таких замечательных словах заклеил Пушкин сущность буржуазного строя. В статье «Джон Теннер» он с еще большим негодованием отозвался о буржуазии и буржуазной демократии: «С изумлением увидели, — писал он, — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); ... рабство негров посреди образованности и свободы...»¹.

В 30-х годах XIX в. Пушкин обращает самое пристальное внимание на изучение истории. Проблемы социальной борьбы

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 449.

занимают его теперь особенно сильно. Массовое движение в России, давшее новую вспышку в 1830 и 1831 гг., а также Июльская революция во Франции и отклики на нее в странах Западной Европы и в Польше, обострили его интерес к борьбе народа за свою свободу. В этот период он задумал писать историю Французской буржуазной революции и даже набросал план предполагаемого труда. Пушкин написал несколько заметок по русской истории, по истории Украины, работал в архивах и библиотеках, изучал исторические сочинения и т. д. Смерть оборвала его занятия. Из всех многообразных замыслов Пушкина окончательное завершение получила только «История Пугачева». Остальное сохранилось лишь в виде предварительных набросков и выписок из различных источников.

Пушкин пришел к ясным и твердым выводам о характере исторического процесса. В набросках третьей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого, он со всей определенностью высказал мысль о закономерности исторического процесса: в истории действуют законы необходимости. Они и дают возможность уму человеческому видеть «общий ход вещей» и «выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем»¹. Но история вовсе не исключает случайности. Если бы, с точки зрения Пушкина, в истории-вовсе не было случайностей, то, как писал он, «историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные»².

Стремясь отыскать «глубокие предположения», которые помогли бы проникнуть в тайны будущего, Пушкин обратился к изучению «общего хода вещей». Самым важным вопросом будущего, а, следовательно, и прошлого, для него был вопрос социальной борьбы.

Занимаясь изучением Французской буржуазной революции, Пушкин обратил внимание на происхождение феодальных отношений, считая революцию результатом их развития. В заметках о французской революции он писал: «Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили все между собою». Короли были абсолютными монархами только на территории своих владений. Слабость королевского абсолютизма позволила созреть силам, могущим ему противостоять, «стихия независимости сохранилась в народе»³.

Обратившись к изучению истории русского абсолютизма, Пушкин пришел к выводу, что феодализма, как системы

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 147.

² Там же.

³ Там же, стр. 131—132.

политических отношений, в России не было. В России «бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий... не враждуя противу королей, не продавая своей помощи городам... Феодализма у нас не было, и тем хуже»¹. Но отрицание Пушкиным феодализма в России в тех формах, какие он принял во Франции, не означало, что Пушкин отрицал вообще наличие в России феодальных отношений. Он писал: «феодализм мог наконец родиться как первый шаг учреждений независимости..., но не успел. Он развился во время татар»², а потом был подавлен московскими царями. Окончательный удар ему был нанесен Петром.

Пушкин не связывал процесса формирования феодальных отношений с завоеванием, с создавшимися после завоевания взаимоотношениями победителей и побежденных. В этом заключалась новизна в постановке Пушкиным вопроса о генезисе русского феодализма. В этом отношении он пошел значительно дальше декабристов, не только не предлагавших решения подобного рода проблем, но даже и не ставивших их.

Придя к заключению об отсутствии в России условий, породивших революцию во Франции, Пушкин тем не менее считал, что в России имеются силы, способные свергнуть самодержавие. Эти силы он усматривал в народе. Пушкин стал работать над историей борьбы народных масс под предводительством Пугачева.

С необычайной тщательностью Пушкин изучил всю вышедшую до 30-х годов XIX в. литературу о Пугачеве на русском и иностранном языках. Он пересмотрел множество материалов, хранившихся в государственных архивохранилищах и частных собраниях. Он собирал свидетельства оставшихся в живых участников и современников восстания. Глубоко заинтересовал Пушкина и фольклорный материал о Пугачеве. Результатом внимательнейшего изучения громадного, собранного Пушкиным материала явился труд, не потерявший своего значения и до настоящего времени.

Первая глава «Истории Пугачева» уже обнаруживает с предельной ясностью концепцию Пушкина. Он рассматривает восстание, как естественную и справедливую защиту народом своих прав. Движение было вызвано усиливавшимся с каждым десятилетием угнетением яицких казков, с тех пор как Петр I принял меры «для введения яицких казаков в общую систему государственного управления»³. Оно было подготовлено всем предшествующим ходом борьбы казаков против своих угнетателей. «Все предвещало новый мятеж. Недоставало пред-

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 145—146.

² Там же, стр. 629.

³ А. С. Пушкин. Соч., т. VIII, стр. 150

водителя. Предводитель сыскался»¹,— такими словами заканчивает Пушкин первую главу.

В последующих главах «Истории Пугачева» Пушкин подчеркивал, что «Пугачев не был самовластен», указывая на подлинно народный характер движения. Движущей силой был не предводитель, который «сыскался», когда это стало необходимым, а сам народ. Требования народа легли в основу программы восстания, выраженной в исходивших от предводителя объявлениях и в действиях повстанцев. «Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли»,— писал Пушкин². Пушкин понял антидворянский характер восстания. Он нашел нужным указать на то, что отряды повстанцев «устремлялись во все стороны..., грабя казну и достояния дворян, но не касаясь крестьянской собственности»³. А в «Общих замечаниях» к своему труду Пушкин написал: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства»⁴.

Пушкин показал непримиримость интересов крестьян и помещиков. Он разрушил создаваемую как раз в его время официальными историками легенду о патриархальных отношениях между двумя этими антагонистическими классами. Недаром же реакционеры подняли неистовый шум вокруг книги Пушкина. Великий поэт писал в своем дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева... Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении»⁵. Смелость Пушкина, взявшегося за такую тему как крестьянское восстание и трактовавшего ее в ясно выраженном антидворянском духе, заслуживает особого внимания при сопоставлении с тем, что даже из декабристов никто, за исключением А. В. Поджио, не говорил о Пугачеве.

До конца жизни Пушкина не переставал волновать вопрос о путях освобождения народа, хотя он и не был сторонником народной революции.

Другая тема, особенно волновавшая Пушкина, была посвящена преобразованиям времени Петра I. В «Заметках по русской истории XVIII века» он отмечал: «История представляет около его всеобщее рабство... Все дрожало, все безмолвно повиновалось»⁶. Деспотизм Петра охарактеризован в «Заметках» скупыми, но выразительными чертами. Таким же деспотом

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VIII, стр. 154

² Там же, стр. 247.

³ Там же, стр. 179.

⁴ Там же, стр. 357.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ Там же, стр. 122.

предстает Петр и в «Медном всаднике». В «Арапе Петра Великого», материал для которого, кстати сказать, Пушкин заимствовал, помимо других источников, из «Русской старины» А. О. Корниловича, показана преобразовательная деятельность Петра. Прогрессивное значение петровских преобразований никогда не вызывало у Пушкина сомнений. Вместе с тем внимание великого поэта на протяжении всей его жизни было приковано к проблеме борьбы народа, находящегося под игом царя-деспота.

В самом конце 1834 г., т. е. за два с небольшим года до смерти, Пушкин приступил к серьезной работе над историей петровского времени. Он начал собирать материал для задуманного большого труда. Результатом этой работы явился конспект известных «Деяний» И. И. Голикова, сопровождаемый краткими примечаниями и комментариями.

Пушкин отметил все народные движения петровского времени, о которых он мог узнать из труда Голикова: башкирское восстание, астраханский бунт, восстание Булавина. Он несколько раз говорил о нищете народных масс, разоренных рекрутчиной и бесчисленными поборами. Особое внимание Пушкина привлекли деспотические указы Петра. Пушкин писал, что они *«нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом»*, что они *«вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»*¹. Пушкин называл петровские указы «тиранскими», «варварскими», постоянно указывал на бешеный нрав царя, на его ничем и никем неограниченное самовластие.

Заслуга Пушкина в деле пропаганды исторических знаний, которые воспитывали ненависть к деспотизму и любовь к угнетенному народу, огромна. Исторические воззрения Пушкина, в силу широчайшей популярности его произведений, оказывали могучее революционизирующее влияние на читательскую массу.

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. IX, стр. 413.

Глава VIII

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РОССИИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ 30—50-х ГОДОВ XIX в.

В истории России 30—50-е годы XIX в. были кануном отмены крепостного права и перехода страны к новой общественно-экономической формации — капиталистической. В этот период в экономической жизни России с особой силой проявилось несоответствие между ростом капиталистических производительных сил и сковывавшими их развитие феодальными производственными отношениями.

Развитие промышленности в рассматриваемый период характеризовалось не только ее дальнейшим расширением и увеличением удельного веса в экономике страны, но и новыми качественными особенностями, связанными со значительным увеличением применения машин и вольнонаемного труда, в особенности в таких передовых отраслях, как хлопчатобумажное производство. В 30—40-х годах в России начался промышленный переворот, что знаменовало собой достижение серьезных успехов в развитии производительных сил и сопровождалось глубокими общественными изменениями. В связи с развитием промышленности росло население городов, расширялась внутренняя и внешняя торговля, развивался транспорт: появились первые пароходы на Волге, в 1851 году открылось движение на железной дороге, связавшей Петербург с Москвой. В этих условиях все более отчетливо выявлялось, что основным препятствием экономического развития страны являлось дальнейшее сохранение крепостного права, задерживавшего расширение внутреннего рынка, образование кадров вольнонаемных рабочих и концентрацию капиталов.

Сохранение крепостного права задерживало и развитие сельского хозяйства. Дальнейшее усиление крепостнической эксплуатации в дворянских имениях, осуществлявшееся помещиками в интересах приспособления их хозяйств к новым экономическим условиям, не выводило эти хозяйства из затяжного кризиса, но приводило к резкому обострению классовых противоречий между крестьянами и помещиками. Последние десятилетия существования крепостного права были временем непрерывного подъема крестьянского движения, которое могло перерасти в большое крестьянское восстание и потому угрожало господствующему классу и царизму уничтожением крепостничества «снизу».

Обострение классовой борьбы в стране определило новые особенности в общественно-политическом движении России рассматриваемого периода. Важнейшим являлось оформление, начиная с 40-х годов, лагеря революционной демократии, выражавшего и защищавшего интересы угнетенного крестьянства. Революционные демократы развернули борьбу против представителей официально-монархической идеологии, против славянофилов и буржуазных либералов, которые, при всех различиях в их воззрениях, смыкались в защите интересов господствующего класса. В центре общественно-политической борьбы стоял вопрос о крепостном праве, о способах его ликвидации.

Значительное влияние на развитие и углубление общественно-политической борьбы в России оказал новый подъем революционного движения в Европе, в особенности буржуазные революции 1830 и 1848 годов.

Русская историография развивалась накануне отмены крепостного права в сложных условиях. Официальная дворянская историография находилась в состоянии упадка. В условиях николаевской реакции, когда крепостники, напуганные восстанием декабристов, усиливавшимся с каждым годом крестьянским движением в стране и революциями в Западной Европе, стремились удержать свое господство, представители официальной дворянской историографии (М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов и др.) видели свою основную задачу в пропаганде казенно-монархической идеологии. В самодержавии и крепостном праве они усматривали основу «процветания» и могущества России. В период предельного обострения всех противоречий феодально-крепостнического строя эти историки безуспешно пытались доказать его прочность и незыблемость, ссылаясь в этих целях на якобы полную противоположность исторического развития России развитию западноевропейских государств. Историки официального направления извращали вопрос о роли народных масс в истории. Национальные качества русского

народа они, в духе уваровской «теории» официальной народности, сводили к религиозности, монархизму и смирению.

В соответствии с такой трактовкой вопроса официальные историки — А. М. Михайловский-Данилевский, а затем М. И. Богданович исказили роль народа в Отечественной войне 1812 г. Почти не упоминая о самоотверженности и героизме народных масс в борьбе за национальную независимость, эти авторы рисовали русский народ покорным исполнителем воли самодержца — Александра I. Последнему они и приписывали заслугу победоносного завершения войны с Наполеоном.

Важнейшие принципы официальной историографии разделялись славянофилами. Они выступали в качестве идеологов помещиков и защищали коренные устои самодержавно-крепостнического строя, добиваясь лишь некоторого ограничения самодержавного произвола и отдельных частных преобразований «сверху» в интересах предотвращения народной революции в стране. Славянофилы, вслед за представителями официальной историографии, стремились доказать противоположность исторических судеб России и Западной Европы и тем самым якобы невозможность революционных потрясений в России. Славянофилы приписывали русскому народу угодные для господствующего класса якобы «национальные» качества — религиозность, царелюбие, покорность, рассматривая их как качества вечные и неизменные.

Новым явлением в развитии русской исторической науки первой половины XIX в. было оформление буржуазной историографии. В монументальном обобщающем труде ее виднейшего представителя С. М. Соловьева была широко и обстоятельно освещена история России с древнейших времен до середины 70-х годов XVIII в., при этом XVII—XVIII вв. изучались во многом впервые и на основе ранее неизвестных источников. Этот основной труд Соловьева дополнялся его монографиями, посвященными отдельным проблемам русской истории XVIII—XIX вв., а также рядом статей. С. М. Соловьев, таким образом, раздвинул хронологические рамки изучения истории России, значительно расширил источниковедческую основу русской исторической науки, применяя более совершенные, сравнительно с дворянскими историками, методы критического изучения источников. Труды Соловьева имели большое значение в русской и мировой историографии.

Историческая концепция Соловьева и других представителей так называемой «государственной школы» во главе с Кавелиным и Чичериным определялась либерально-буржуазной направленностью их политических воззрений и идеализмом философской теории, которой они руководствовались в истолковании исторического процесса. Эта концепция оконча-

тельно сложилась к середине XIX в. В ней отразились убеждения буржуазных кругов русского общества в благодетельности для России капиталистического развития, в необходимости для его ускорения реформ «сверху». Поэтому буржуазные историки не идеализировали, в отличие от славянофилов, патриархальной старины и не преклонялись слепо перед самодержавно-крепостнической системой, подобно представителям официальной историографии. Соловьев рассматривал историю в качестве закономерного процесса, обусловленного внутренними причинами. Он отмечал черты принципиального тождества исторического развития России и стран Западной Европы. Однако и Соловьев и другие представители «государственной школы» стремились противопоставить Россию странам Западной Европы. Особенности исторического развития России заключались, по их мнению, в своеобразной географической среде, в борьбе с кочевниками, в необходимости колонизации обширных пространств и т. д. Преодоление этих неблагоприятных условий, делали вывод буржуазные историки, требовало сильной государственной организации. Конечным результатом исторического развития России, полагали они, должно быть установление в ней капиталистического строя по образцу западноевропейских государств, утверждение в России буржуазных отношений и буржуазной государственности.

При всех различиях между теориями буржуазной и дворянской историографии в них содержались черты принципиального сходства, прежде всего их антидемократическая и антиреволюционная направленность. Дворянских и буржуазных историков объединял страх перед народной революцией, ненависть к революционной демократии, первые представители которой, выступая выразителями интересов закрепощенного крестьянства, еще в 40-х годах выдвинули программу коренных социально-политических преобразований в России, ориентируясь на народную революцию в стране. Буржуазные либералы в борьбе с революционной демократией вступали в союз с силами крепостнической реакции, потому что «...либералы,— как указывал В. И. Ленин,— хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96—97.

Эти политические взгляды нашли свое выражение в либерально-буржуазной исторической концепции. Буржуазные историки, как и дворянские, прославляли сильную государственную власть. Нуждаясь в этой власти для предотвращения народной революции, буржуазные историки превратили ее в сильнейший фактор исторического развития России. Самодержавие изображалось ими как власть надклассовая, якобы равно заботящаяся о благополучии всех социальных слоев и в могуществе которой поэтому должны были быть заинтересованы все классы русского общества. Буржуазные и дворянские историки рассматривали народные движения, имевшие место в истории России, как «антигосударственные», «анархические», и решительно осуждали их.

Таким образом, буржуазная историография, хотя и сделала шаг вперед сравнительно с дворянской, в силу своей классовой ограниченности была далека от научного понимания исторического процесса. Буржуазные историки и социологи давали, как указывал В. И. Ленин, «в лучшем случае... накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹.

В 40-х годах XIX в. началось оформление революционно-демократического направления в русской историографии, принципиально противостоявшего по своему характеру как дворянской, так и буржуазной историографии. Его основоположниками выступили Белинский и Герцен, которые продолжили традиции Радищева и декабристов в истолковании истории с революционных позиций и подняли на новую ступень революционную историческую мысль в России, обогатив ее признанием решающей роли народных масс в истории. Демократические основы и революционная направленность исторических взглядов Белинского и Герцена, сочетавшаяся с диалектическим подходом к истории, определили глубокое понимание ими исторического процесса, как процесса закономерного, развивающегося на основе борьбы нового со старым. Белинский и Герцен приближались к пониманию роли экономического фактора в историческом процессе, значения классовой борьбы и роли народных масс как движущего начала истории. В. И. Ленин отмечал, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»².

Белинский и Герцен выдвинули новые задачи перед исторической наукой. Они требовали преодоления узких рамок политической истории, глубокого изучения всех сторон жизни народных масс, как истинного творца истории, и оценки

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

исторических явлений с демократических позиций. Белинский и Герцен дали освещение важнейших событий всеобщей истории и особенно ее переломных и революционных периодов, в частности буржуазных революций 1789, 1830 и 1848 гг. в Западной Европе, упорно овладевали революционным опытом всех народов и приближались к пониманию роли классовой борьбы в истории. Характеристики и оценки событий всеобщей истории Белинским и Герценом были направлены против идеализации идеологиями господствующих классов феодальных и буржуазных отношений, они разоблачали пороки буржуазного строя и лживость буржуазных «свобод», выражали твердую уверенность в неизбежности торжества в будущем социалистических отношений, утверждение которых связывали с революционной борьбой народных масс.

Особенности исторических воззрений Белинского и Герцена с наибольшей полнотой раскрылись в разработке ими проблем истории России, которая всегда находилась в центре их внимания. Глубокое изучение истории своего отечества и народа носило у Белинского и Герцена систематический характер.

В противоположность представителям дворянско-буржуазной историографии, Белинский и Герцен приветствовали борьбу народных масс за освобождение от крепостного гнета. Герцен с глубоким сочувствием писал об антикрепостнических движениях Степана Разина и Емельяна Пугачева, дал восторженную оценку деятельности Радищева и славной плеяды декабристов, боровшихся за освобождение крестьянства от крепостного гнета и за уничтожение самодержавия. Он гордился тем, что выступал продолжателем их революционного дела. Герцен вместе с Огаревым явились основоположниками изучения истории освободительного движения в России.

Белинский и Герцен рассматривали передовую русскую культуру как органический и важный по своему значению элемент русского исторического процесса. Эта культура проявила себя, указывали Белинский и Герцен, в замечательном народном творчестве, в деятельности великого русского ученого М. В. Ломоносова, прославившего Россию своими гениальными открытиями, в творчестве великих русских поэтов и писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и других выдающихся русских художников слова.

Революционные демократы, как и декабристы, в своем большинстве не были историками-специалистами. Но именно они выдвигали и раскрывали в своих произведениях передовые для того времени идеи, углублявшие понимание исторического процесса. Декабристы и великие русские демократы вели решительную борьбу против идей и представлений господствующих классов, расчищая пути для развития передовой историче-

ской науки. Именно поэтому русские революционные деятели первой половины XIX в., несмотря на то, что им не удалось создать подлинно-научного материалистического понимания истории, сумели высоко подняться над уровнем современной им дворянско-буржуазной историографии.

II

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вплоть до начала 30-х годов наиболее авторитетным представителем официальной историографии был Карамзин. «История государства Российского» вполне удовлетворяла тем требованиям, которые ставились перед историей представителями официальной России до тех пор, пока условия, породившие концепцию Карамзина, оставались в основных своих чертах неизменными. Но по мере того как кризис феодально-крепостнической монархии углублялся, правящий класс оказывался перед необходимостью принимать новые меры, чтобы предотвратить гибель крепостнического строя. Карамзин писал «Историю государства Российского» в период наибольших внешнеполитических успехов самодержавия, суливших российским крепостникам надежды на вечную незыблемость их власти. Самодержавие было и остается палладиумом России — это положение Карамзина на фоне утверждавшейся гегемонии самодержавия в Европе казалось российским крепостникам непререкаемым.

Но действительность очень скоро обманула их надежды. На самодержавно-крепостническую монархию обрушивались один за другим удары: восстание Семеновского полка, восстание декабристов, вспышка массового движения в 1830 и 1831 гг., июльское восстание в Польше 1831 г., а также Июльская революция во Франции. Все это свидетельствовало о дальнейшем углублении кризиса феодально-крепостнической монархии, колебало почву под ногами крепостников. Карамзинская точка зрения на исторический процесс перестала казаться правящему классу достаточно «охранительной». Возникла необходимость поисков новых обоснований нерушимости самодержавно-крепостнического государства. Из арсенала реакционных публицистов и ученых предшествующего времени идеологи самодержавия заимствовали старую, высказывавшуюся еще С. Н. Глинкой, А. С. Шишковым, Ф. В. Ростопчиным, Н. М. Карамзиным идею исключительности России, несхожести пути ее исторического развития с историей Западной Европы. Так родилась реакционная «теория официальной народности».

Она была создана усилиями президента Академии наук и министра народного просвещения С. С. Уварова, писателей Н. В. Кукольника, Н. И. Греча, О. И. Сенковского, особенно Ф. В. Булгарина, профессоров Московского университета М. П. Погодина и С. П. Шевырева и целого сонма второстепенных публицистов и писателей. В наиболее отчетливой форме основные положения этой «теории» были высказаны Уваровым в его отчете Николаю I об итогах его десятилетней министерской службы, написанном в 1843 г.

Уваров указывал на повсеместное распространение «разрушительных понятий», т. е. развитие революционного движения в стране. Это заставило его искать в России «начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие», которые должны были послужить опорой для правительства в его внутренней политике. По уверению Уварова, исконной и отличительной особенностью русского народа является преданность православной религии и царю. «Наряду с сими двумя национальными началами,— продолжал Уваров,— находится и третье, не менее важное, не менее сильное — народность». «Народность», т. е. «единение» царя с народом, якобы существовала в старой Руси, все дело заключается в том, чтобы сохранить это единение в современной России. Для этого нужно вернуться к старым формам государственного управления (вече, земские соборы и т. д.), видоизменив их в соответствии с новым этапом развития самодержавия¹.

Мысль о необходимости восстановить и укрепить «единение» царя с народом была, с точки зрения теоретиков «официальной народности», наиболее действенным элементом их теории. Борьба народа против крепостной неволи и политического гнета свидетельствовала о непримиримой ненависти русского народа к помещикам. Борьба народа активизировала прогрессивную дворянскую и разночинскую интеллигенцию и толкала ее на выступления против царизма. Было необходимо ослабить процесс революционирования народных масс и близких к ним представителей интеллигенции. Для этого нужно было пропагандировать идею близости царя к народу, внушать ему, что царь отечески заботится о нем и составляет вместе с ним единое целое. Так заняла свое место «народность» в трехчленной формуле Уварова.

Полностью раскрывает суть «теории официальной народности» следующий афоризм шефа жандармов Бенкендорфа. В нем нашла свое выражение жандармская концепция не только на-

¹ См. И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников, вып. I, СПб., 1914, стр. 53—55.

стоящего, но прошлого и даже будущего России. «Прошедшее России было удивительно, — говорил он, — ее настоящее более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Вот, мой друг, точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана»¹.

Представители «теории официальной народности» пытались создать историческую концепцию в духе «начал» Уварова. Лежавшая в основе уваровской формулы идея исключительности России являлась отправным моментом в их попытках разработать теорию исторического процесса.

Наиболее видным историографом официального направления был Михаил Петрович Погодин (1800—1875 гг.). Он написал много исторических работ, выступал в качестве публициста, издавал исторические памятники, с 1825 г. вел педагогическую работу, а в 1835—1844 гг. был профессором Московского университета. Все вместе создавало ему в университетских и академических кругах авторитет, державшийся в течение длительного времени.

Свои теоретические взгляды на историю Погодин высказывал при разработке отдельных исторических проблем. Некоторую долю внимания этому вопросу он уделил в «Исторических афоризмах». В одном из афоризмов он говорил, что перед историком стоит задача анализа и синтеза исторических событий, систематизации их и установления в них «какого-нибудь порядка, гармонии». Только после этого можно «прочитать историю так, как глухой Бетховен читал партитуры»². Но ни в «Исторических афоризмах», ни в каком-либо другом своем произведении Погодин так и не показал, чем нужно руководствоваться, чтобы «прочитать» историю. То он говорил, что история человечества есть единый и целостный процесс, то утверждал, что нет ничего более несхожего, чем история России и история западноевропейских стран. То он отождествлял историю государства с историей страны, то, напротив, противопоставлял одно другому.

В действительности у Погодина была одна единственная «теория»: он писал, что *«российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия»*³. В этом он видел свою задачу как историка. Подлинное понимание им сущности исторического процесса выражено в следующих словах: «кто помешает русскому царю решать

¹ См. М. И. Жихарев. П. Я. Чаадаев. «Вестник Европы», т. 5, кн. 9. П., 1871, стр. 38 (перевод с французского).

² М. Погодин. Исторические афоризмы. М., 1836, стр. 9—10.

³ М. П. Погодин. Взгляд на русскую историю. «Историко-критические отрывки», кн. I, М., 1946, стр. 16.*

судьбу Европы, судьбу всего человечества, при известных условиях?.. Вот, какое будущее открывается при одном взгляде на Россию в одну минуту ее бытия! *Какое же прошедшее соответствовало этому блистательному, почти бесконечному будущему!*¹.

Реакционность исторических взглядов Погодина нашла яркое выражение также в пропагандировавшемся им норманизме. Для него история России начинается с «призвания» варягов, он даже называет начальный период истории Киевской Руси норманским.

Варяги, по мнению Погодина, явились создателями Русского государства, творцами русской культуры. Даже такие явления национальной культуры, как былины, Погодин считал созданными под влиянием скандинавских саг. Так холопская преданность самодержавию органически сочеталась у Погодина с космополитическими взглядами.

Во взглядах его на народ как нельзя лучше раскрывается истинный смысл понятия «народности», как одного из трех элементов уваровской формулы. Погодин отмечает «безусловную покорность, равнодушие» народа, его «преданность» монархии, отрицательное отношение ко всяким новшествам. Погодин презирает народ, но вместе с тем и боится его. С особой откровенностью он высказал это в написанных уже во время Крымской войны «Историко-политических письмах», в которых признавался: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев»².

Погодин, уделивший в своих работах много внимания Петру I, выступил в качестве апологета петровского царствования. Некоторые погодинские характеристики петровских реформ отлично раскрывают подоплеку его панегириков Петру. «Во всей истории не было революции обширнее, продолжительнее, радикальнее» по сравнению с тем, что было сделано Петром,— пишет Погодин³. Эта же мысль повторена им в «Историко-политических письмах»: «Переворот государственный, революцию... начинает у нас первый император». Мысль о «революции», произведенной монархом, которая должна предотвратить народную революцию, представляет собой вариант темы, звучавшей в позднейших высказываниях Николая I и Александра II: лучше освободить крестьян сверху, пока не началось крестьянское освобождение снизу.

¹ М. П. Погодин. Взгляд на русскую историю, стр. 4.

² М. П. Погодин. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856 гг., М., 1874, стр. 262.

³ М. П. Погодин. Очерк русской истории. «Историко-критические отрывки». кн. I, стр. 32.

Позднее, когда в связи с подготовкой крестьянской реформы внимание правительства было привлечено к крестьянскому вопросу, Погодин занялся историей происхождения крепостного права. В работе «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?», написанной в 1858 г., он ставил вопрос о происхождении крепостного права. В результате изучения указа 1597 г. о пятилетнем сыске беглых крестьян Погодин высказал предположение о постепенности процесса закрепощения крестьян. Он отвергал участие в этом государства, приписывая помещикам инициативу лишения крестьян свободы¹. Погодин стремился доказать, что государство, готовясь к крестьянской реформе, совершает по отношению к крестьянам благодеяние, избавляя их от помещичьей неволи, установление которой произошло безо всякого участия государства.

Среди работ Погодина наибольшее значение имела его диссертация о летописи Нестора, напечатанная в 1839 г. и направленная прежде всего против нигилизма Каченовского. В ней он поставил своей задачей доказать, что Начальная летопись представляет собой единый и законченный исторический памятник. Вместе с тем он отстаивал подлинность самого содержания Начальной летописи.

М. П. Погодин был автором многочисленных печатных трудов по истории Руси X—XIII вв.² Кроме того, он занимался большой публикаторской деятельностью, в частности, впервые подготовил издание псковских летописей, сочинения Посошкова и др. Погодин также собрал большое количество древних рукописей, которые были им проданы в Публичную библиотеку в Петербурге, где они составили так называемое Погодинское собрание. Публикаторская и собирательская деятельность Погодина оставила более прочные следы в науке, чем его исторические работы, имеющие теперь главным образом историографическое значение.

Другим видным историком официального направления был Николай Герасимович Устрялов (1805—1870 гг.). Свои теоретические воззрения он изложил в особом сочинении «О системе прагматической русской истории». В нем Устрялов, как и другие историки официального направления, выступает с критикой карамзинской концепции. Отдавая должное ученому, носившему официальное звание историографа, и рассыпаясь перед

¹ М. П. Погодин. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? «Историко-критические отрывки», кн. 2, М., 1867, стр. 197—256.

² М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. I—VII, М., 1846—1856; его же. Историко-критические отрывки; его же. Древняя русская история до-монгольского ига, т. I—III, М., 1871, и др.

ним во всяческих комплиментах, он все же позволяет себе указать на слабые стороны концепции Карамзина. Автор «Истории государства Российского», по мнению Устрялова, «ведет не нить событий, постепенно обнаружившихся в нашем отечестве, а ряд великих князей и царей»¹. «Никакая память не в силах объять того, что рассказывает историограф об удельных бранях. Князья являются, спорят, толпятся, исчезают, уступают место другим князьям»²,— пишет Устрялов дальше. В противовес этому Устрялов выдвигает иной так называемый прагматический принцип, который он формулирует следующим образом: «История должна показывать постепенный переход государства из одного состояния в другое». Историк необходимо поставить перед собой задачу рассмотрения, «какие были главные общие явления, как одно явление уступало место другому, как переходила Русь постепенно из известного положения в другое, отличное»³.

Однако эти рассуждения остаются только декларацией, так как Устрялов тут же утверждает, что переходы «из известного положения в другое» являются в большинстве случаев следствием действия тех людей, которые обладают властью. Поэтому «главные действующие» (т. е. монархи) должны стоять, по мнению Устрялова, на первом плане картины прошлого, воссоздаваемой историком⁴. Эта мысль по существу сводила на нет прагматическую точку зрения Устрялова, возвещенную в заглавии книги.

Но Устрялов не был бы последователем «теории официальной народности», если бы он оставил без внимания идею, лежащую в основе этой «теории». В самом начале своего труда он провозглашает, что «у нас развитие государственной и гражданской жизни совершалось по иным началам, под влиянием иных обстоятельств» (по сравнению с Западной Европой)⁵. Устрялов категорически отрицает возможность сопоставления истории России с историей других стран.

Из трудов Устрялова наибольшее значение имела «История царствования Петра Великого»⁶. К истории Петра I Устрялов обратился, как и Погодин, в поисках ответа на те вопросы, которые вставали перед правящим классом в ходе текущей жизни. Жизнь требовала найти «героя» русской истории. В официальной историографии 30—50-х годов таким «героем»

¹ Н. Устрялов. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836, стр. 21.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ См. Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 1—4, 6, СПб., 1858—1864.

стал Петр I. Для собирания материалов, относящихся к петровскому царствованию, Устрялов был допущен к архивным фондам, доступным далеко не каждому. Он потратил массу времени и труда на их изучение, в результате чего издание его работы затянулось.

В «Истории царствования Петра Великого» Устрялов опубликовал много документов, сохраняющих большую ценность и до настоящего времени. В этом — основное значение названного труда. Вместе с тем Устрялов не отнесся сколько-нибудь критически к массе извлеченного им материала и не смог дать правильную оценку деятельности Петра. Н. А. Добролюбов с большой прозорливостью и тонкостью разгадал научную несостоятельность труда Устрялова и откликнулся на него рецензией, представляющей образец революционно-демократической исторической критики. Н. А. Добролюбов писал: «Истинной истории, во всей обширности ее философского и прагматического значения, нельзя видеть в ныне изданных томах «Истории Петра Великого»¹. Устрялов, указывая Добролюбов, придал своему труду характер биографический и тем самым отнял у него право быть «истинной историей». «Истинная история» может быть воссоздана лишь при условии, если историк поставит перед собой задачу изображения народной жизни. Только тогда исследователь может понять «общие законы исторического развития». «Общая историческая идея» не была положена в основание работы Устрялова, а потому его «история» превратилась в картину деятельности Петра, в изложение «государственных событий»².

Для полноты характеристики Устрялова как историка должно быть отмечено, что он явился автором учебников по истории для средних учебных заведений. Учебники Устрялова в течение длительного времени были единственными, допущенными министерством народного просвещения. А. И. Герцен говорил, что они написаны «по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича»³. «Русская история», написанная Устряловым и доведенная им до событий царствования Николая I, была первым печатным университетским курсом лекций. Она представляла собой изложение русской истории с позиций официальной историографии.

Другие историки официального направления не создали сколько-нибудь значительных произведений. Барон М. А. Корф написал проникнутое самым верноподданническим духом сочинение «Восшествие на престол императора Николая I», первые

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений (далее — Соч.), т. II, М., 1936, стр. 121.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 377.

два издания которого предназначались лишь для членов царской семьи. «Доступное для всей публики» издание было напечатано только в 1857 г. Клеветническая книга Корфа, в которой он пытался изобразить восстание декабристов как бунт горсточки чуждых России людей и всячески возвеличить Николая I, вызвала в рядах прогрессивной интеллигенции возмущение и протест. Корф явился также автором книги «Жизнь графа Сперанского»¹. К этому времени уваровская формула потеряла свое значение в качестве руководящего принципа официальной историографии. Книга Корфа отразила на себе эту перемену. Автор поставил перед собой задачу показать, что правительство Александра II готово опереться в своей деятельности на «либеральную» бюрократию, что «хороший» чиновник, каким был Сперанский, способен исправить все «неустройства». На выход книги Корфа откликнулся Н. Г. Чернышевский статьей «Русский реформатор». Великий революционный демократ показывал полное бессилие либеральных реформаторов внести сколько-нибудь существенные изменения в социально-политический строй. Деятельность Сперанского, по словам Чернышевского, лучше всего доказывает, что правительственные намерения произвести серьезные преобразования являются только «праздной теоретической игрой» и кончаются при первой попытке их реализации².

Официальное направление русской историографии нашло свое отражение и в военной истории³ в стремлении официальных военных историков всячески принизить значение народной борьбы против полчищ Наполеона, представив императора Александра I спасителем России и Западной Европы.

Первая крупная работа, посвященная Отечественной войне 1812 г., была написана в 1823 г. Д. П. Бутурлиным, флигель-адъютантом императора Александра I. Вначале она была опубликована в Париже, а затем на русском языке в России. Бутурлин в своей «Истории нашествия императора Наполеона в Россию в 1812 году» стремился показать, что главной общественной силой, вокруг которой сплотилось все общество во время войны 1812 г., было дворянство и что руководящая роль в войне принадлежала не Кутузову, а «освободителю России» — Александру I. Бутурлин отрицает народный характер войны против Наполеона. Главной и единственной силой, решившей судьбу войны, была армия, руководимая Александром I и его правительством. Фальсифицируя историю, Бутур-

¹ См. М. А. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. 1—2, СПб., 1861.

² См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений (далее — Соч.), т. VII, М., 1950, стр. 827.

³ Текст об официальном направлении в области военной истории написан Л. Г. Бескровным.

лин изображает Александра I идейным вдохновителем и руководителем борьбы армии и народа против захватчиков. Кутузов представлен в этой работе как исполнитель предначертаний Александра: «Александрю наиболее принадлежит слава сего блистательного похода»¹.

Польское восстание и Французская буржуазная революция 1830—1831 гг. вызвали усиление реакции в России. Перед военными историками была поставлена задача напомнить Европе об «охранительной» роли России после событий 1812—1815 гг. в период создания Священного союза. Этот социальный заказ должна была выполнить работа А. М. Михайловского-Данилевского — «Описание Отечественной войны в 1812 г.»², вышедшая после празднования 25-летнего юбилея этой войны.

Михайловский-Данилевский выдвигает также тезис, что во время войны произошло «общее воспламенение душ, повсеместные усилия против грозившего нам иноплеменного ига», от которого Россию якобы избавил Александр I. Как и Бутурлин, Михайловский-Данилевский принижает роль Кутузова, изображая его лишь как исполнителя планов императора. Книга Михайловского-Данилевского была воспринята благосклонно в реакционной среде. Николай I даже отметил ее специальным рескриптом. В широких же общественных кругах она встретила резкую критику, так как от автора книги — адъютанта Кутузова — ожидали правдивого изображения, а не придворной лести. Михайловский-Данилевский прослыл «военным баснописцем».

III

СЛАВЯНОФИЛЫ

Близкой к «теории официальной народности», но не совпадающей с ней, была славянофильская концепция исторического процесса. Славянофилы являлись идеологами той части помещичьего класса, которая в отличие от помещиков-крепостников считала необходимым внести некоторые изменения в социальные отношения и политический строй России. Программа реформ славянофилов сводилась к отмене крепостного права, упрощению бюрократического аппарата, созыву Земского собора, распространению просвещения. Все эти реформы должны были быть осуществлены мирным путем, в порядке «милости», оказанной России с высоты престола. Политиче-

¹ Д. Бутурлин. История нашествия императора Наполеона в Россию в 1812 году, ч. II, СПб., 1838, стр. 326.

² См. Михайловский-Данилевский. Описание отечественной войны в 1812 году, ч. 1—4, СПб., 1839.

ская программа славянофилов определяла и их историческую концепцию.

Одним из основных положений исторической концепции славянофилов было непоколебимое убеждение в исключительности исторических судеб России. Ее прошлое якобы было абсолютно не схожим с прошлым всего остального мира. Это реакционное положение совпадало с утверждениями представителей официальной историографии. Более того, славянофилы развили это положение, потратив много труда на его аргументацию.

Другим положением славянофильской исторической концепции, сближавшей ее с «теорией официальной народности», был норманизм. Для славянофилов «призвание» варягов являлось непререкаемым фактом и никто из них не пытался подвергнуть критике норманистскую схему русского исторического процесса. Те новые черты, которые были внесены славянофилами в эту схему, ни в какой мере не изменяли ее принципиальной основы.

Ясное представление об исторических взглядах славянофилов дают сочинения Константина Сергеевича Аксакова (1817—1860 гг.), написавшего несколько работ по общетеоретическим вопросам истории России. В наброске «Об основных началах русской истории» К. С. Аксаков сформулировал положение о принципиальном отличии истории России от истории Западной Европы. Он утверждал, что у славян до IX в. не было государства, что до этого времени существовала «земля» или «община», т. е. безгосударственная форма общежития. Внешняя опасность со стороны «бранных, неугомонных» соседей и «внутренние несовершенства» заставили славян, по выражению К. С. Аксакова, «призвать на защиту государство». «Славяне,— говорит Аксаков,— не образуют из себя государство, они призывают его; они не из себя избирают князя, а ищут его за морем... они не смешивают земли с государством, прибегая к последнему как к необходимости для сохранения первой». «Ничья история не начинается так», заявляет К. С. Аксаков. У других народов государство, по мнению Аксакова, началось с завоевания, что определило всю дальнейшую историю этих народов. Только Русское государство возникло путем добровольного призвания варяжских князей, что в свою очередь и определило особый, неповторимый путь исторического развития России. «Россия—земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны»,— пишет К. С. Аксаков¹.

Народ и власть, по мнению Аксакова, после призвания варягов продолжали существовать, как «отдельные, но дру-

¹ К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений (далее — Соч.), т. I, М., 1889, стр. 13, 16.

жественные союзные силы, признаваемые в их раздельности и взаимно признающие одна другую». Народ, установивший добровольно над собою власть, не имел оснований относиться к ней враждебно. Он выступает, по выражению К. С. Аксакова, в роли «первого стража власти». С другой стороны, власть видит в народе не покоренного раба, втайне мечтающего о бунте, но «свободного подданного», «друга неизменного»¹.

Но этим различия между историческими судьбами России и Запада не исчерпываются. «Важнейший,— по выражению К. С. Аксакова,— вопрос для человечества» — вопрос о религии — был разрешен славянами и народами Западной Европы по-разному: славяне приняли православие, Запад же пошел по дороге католицизма. Это положило непереходимую черту между Россией и Западом.

Отличие истории России от истории Западной Европы, по мнению К. С. Аксакова, столь сильно, что никогда народы, идущие такими различными путями, «не согласятся в своих воззрениях». Не согласятся Россия и Запад и в том вопросе, который особенно беспокоил славянофилов — в вопросе о революции. Запад, по мнению К. С. Аксакова, не имея подлинной свободы, прибегает к бунту, хвалится своей свободой, в действительности ею не располагая, и видит рабство в России. Россия же, добровольно установившая у себя власть, обладает «истинной свободой», а потому в бунтовщике видит только раба, унижающегося перед «идолом бунта»².

Тезис славянофилов о коренном отличии исторических путей России и Западной Европы вызывал резкое осуждение со стороны революционных демократов. Герцен уже в 1842 г. в своем дневнике дал замечательную по меткости характеристику основного положения славянофильской исторической концепции. Он писал: «Славянофильство приносит ежедневно пышные плоды; открытая ненависть к Западу есть открытая ненависть ко всему процессу развития рода человеческого... Вместе с ненавистью и пренебрежением к Западу — ненависть и пренебрежение к свободе мысли, к праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации»³.

Как было уже сказано, славянофильская историческая концепция не во всем совпадала со взглядами сторонников «теории официальной народности». В то время как эти последние отождествляли народ и государство, славянофилы отделяли одно от другого. В представлении К. С. Аксакова, это — две различные исторические категории. Жизнь народа есть реализация той «внутренней правды», сознание которой

¹ К. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 14, 18.

² Там же, стр. 17.

³ А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 53.

присуще, по мнению К. С. Аксакова, народу (причем «внутреннюю правду» составляет, по его разумению, религиозность). Государственная власть идет по пути реализации «внешней правды», т. е. законодательной деятельности. «Народу — сила мнения, государству — сила власти», заявляет К. С. Аксаков. Эти две силы сосуществуют одна рядом с другой, не смешиваясь, не вступая ни в какие конфликты, доверяя одна другой и поддерживая друг друга. Так утешали себя славянофилы отрицанием возможности революции в России.

Мирное сосуществование народа и власти славянофилы усматривали на протяжении многих столетий истории России. Добровольное «призвание» варягов не внесло изменений в правовое положение народа. Народ не считал установление княжеской власти нарушением его «самостоятельности», он и при князьях оставался свободным — утверждал славянофил Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873 гг.)¹. Содружество власти и народа, по мнению славянофилов, сохранилось и в дальнейшем. В Московской Руси оно нашло выражение в Земских соборах. К. С. Аксаков говорил, что на Земских соборах проявлялось «обоюдное искреннее желание пользы»². И. Д. Беляев писал, что соборы были формой необходимой и должной помощи царю со стороны земли. Земский собор «был потребностью, вызванною самою историей, целою жизнью, прожитою русским обществом»³. По мнению И. Д. Беляева, только во второй половине XVII в. правительство стало противопоставлять себя «земским людям» и принимало решение вопреки их воле, опираясь при этом на дворянство, интересы которого якобы только к этому времени можно отделить от интересов народа.

Идеи, лежащие в основе исторической концепции славянофилов, определили их отношение к другим вопросам истории. Славянофилы осуждали петровские реформы. К. С. Аксаков утверждал, что Петр I нарушил гармонию, якобы всегда существовавшую между народом и властью. Петровские реформы коснулись только высших классов, «простой народ» остался вне их воздействия. Это привело к нарушению исконной связи между «верхними классами» и народом. Неумеренная страсть Петра к перениманию чужеземного привела к тому, что все, даже то полезное, что было заимствовано Петром, стало носить печать «рабского подражания». По существу Петр I, по мнению славянофилов, действовал вопреки нацио-

¹ И. Д. Беляев. Судьбы земщины и выборного начала на Руси, М., 1905, стр. 45.

² К. С. Аксаков, Соч., т. I, стр. 19.

³ И. Д. Беляев. Земские соборы на Руси. «Московские университетские известия», 1867, № 4, стр. 6.

нальным традициям, насильно разрывая связь с ними¹. К. С. Аксаков предлагал даже установить особую периодизацию истории России: «петербургский» период он резко противопоставлял «московскому», подчеркивая антинациональный характер петровских реформ. Историческая концепция славянофилов обусловила их взгляд на историко-культурное развитие России и Западной Европы, как на два совершенно различных процесса. Она привела славянофилов к высказыванию таких положений, как признание благотельности татарского ига. И. В. Киреевский говорил, что татары выполнили благую миссию: они помешали сближению России с Западной Европой. И. Д. Беляев же утверждал, что татарское иго помогло объединению народа и власти, одинаково страдавших от него.

Интерес славянофилов к народному быту обусловил их занятия этнографией и фольклором. Известна громадная работа П. В. Киреевского по собиранию народных песен². Цензурные затруднения не позволили появиться в печати сборнику песен П. В. Киреевского при его жизни. Он был издан только в 1860—1874 гг. Немало было сделано для развития русской этнографии и другими историками и публицистами славянофильского направления. Важное значение имели относящиеся, правда, уже к 1860-м годам, труды по славянской филологии, истории славян и по фольклору А. Ф. Гильфердинга.

Обращение славянофилов к теме о народе заставило их устремить особое внимание на крестьянский вопрос. Разработка его представлялась славянофилам тем более необходимой, что он стал сильно занимать помещичьи и правительственные круги: усиливающиеся крестьянские волнения придавали ему чрезвычайную остроту.

Славянофилы рассматривали крепостное право как результат законодательства Петра I. К. С. Аксаков утверждал, что крепостное право есть «дело преобразованной России»³, т. е. России петровского времени, а А. С. Хомяков прямо заявлял, что «крепостное состояние крестьян введено Петром Первым»⁴. И. Д. Беляев разделял два явления: прикрепление крестьян к земле и крепостное право. Первое, по его мнению, было введено в конце XVI в., второе же — только во втором десятилетии XVIII в. К крепостному праву отношение славянофилов было резко отрицательным. «В России крепостное право,— писал А. С. Хомяков,— есть ни что иное, как грубая

¹ См. К. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 30—31, 48.

² См. П. В. Киреевский. Песни, ч. I—III, М., 1860—1874.

³ К. С. Аксаков. Соч. т. I, стр. 489.

⁴ А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений (далее — Соч.), т. I, М., 1878, стр. 364.

полицейская мера»¹. К. С. Аксаков называл его «делом возмутительным»².

Но закрепощение крестьян, по представлению славянофилов, не отразилось на якобы существовавшем в допетровской Руси единении народа с властью. Прикрепленные к земле крестьяне не утратили, как говорил К. С. Аксаков, «ни прав своих, ни устройства». Они смотрели на землю как на собственность общины. Помещики, напротив, считали землю своей собственностью. Так жили они дружно и мирно, оставаясь каждый при своем убеждении и пользуясь землей на взаимных началах. Только со времени Петра I эта идиллия была нарушена. Убеждение крестьян в своем праве на землю и возможность мирного сотрудничества их с помещиками определялись, по мнению славянофилов, общинным землевладением, которое, с их точки зрения, являлось самым драгоценным, глубоко национальным достижением исторической жизни русского народа. Идеализация общины составляет одну из отличительных черт исторической концепции славянофилов.

Самым значительным в славянофильской литературе сочинением по истории крестьянства был труд И. Д. Беляева — «Крестьяне на Руси»³ (1860 г.). Исследование Беляева явилось в русской историографии первым серьезным трудом, посвященным общей истории крестьян.

В основу его положена славянофильская схема исторического процесса. Но в сочинении Беляева была использована масса многообразных источников, что придавало ему для своего времени безусловную научную ценность. Беляев подробно остановился на законодательстве о крестьянах, реальных отношениях между помещиками и крестьянами, на крестьянском быте. Изучение актов и летописного материала позволило Беляеву осветить историю крестьянского законодательства с возможной для его времени полнотой.

Убеждение славянофилов в том, что сущность исторического процесса заключается в раскрытии народом присущей ему «внутренней правды», т. е. религиозного идеала, обозначало по существу отрицание истории как науки. Славянофилы в лице А. С. Хомякова пришли к заключению, что история не может быть предметом научного исследования. А. С. Хомяков писал в «Записках о всемирной истории», что «самый дух жизни целой семьи человеческой» «неуловим для исследователя». Этот «дух жизни» можно «чувствовать, угадывать, глубоко сознавать; но нельзя заключить в определения...»

¹ А. С. Хомяков. Соч., т. III, М., 1882, стр. 131.

² К. С. Аксаков. Соч., т. I, стр. 398.

³ См. И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе, М., 1903 (4-е изд.)

«Логические формулы недостаточны для понимания жизни», — заявлял А. С. Хомяков¹.

Эта точка зрения была свойственна в той или иной степени всем историкам-славянофилам. Поэтому историческими исследованиями в собственном смысле они занимались мало. За исключением И. Д. Беляева, они выступали как публицисты, подчиняя конкретно-исторический материал своей схеме, весьма близкой к построениям М. П. Погодина и других сторонников теории «официальной народности».

IV

БУРЖУАЗНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Наиболее ярким представителем русской буржуазной историографии первой половины XIX в. был Николай Алексеевич Полевой (1796—1846 гг.). В его трудах с большой определенностью отразилась мысль о буржуазном развитии России. Она нашла выражение в том внимании к вопросам буржуазного развития России, которое Полевой уделял в руководимом им «Московском Телеграфе». Особенно показательны симпатии Полевого к июльской монархии во Франции, в которой он видел самый совершенный образец государства. Относясь враждебно к революционным идеям, Полевой тем не менее в первый период своей общественно-литературной деятельности стоял на прогрессивных позициях, ратуя за экономическое и культурное развитие России и борясь с теми реакционными силами, которые препятствовали этому развитию.

В основание первых томов «Истории русского народа» Полевого положена идея отрицания в историческом процессе исключительности организующей роли правительственной (в данном случае дворянской) власти.

В 1829 г. в «Московском Телеграфе» Полевой поместил свою статью об «Истории государства Российского» Карамзина. В ней он заявлял, что сочинение Карамзина устарело, что Карамзин был «литератор, философ, историк прошедшего века, прежнего, не нашего поколения», что «истинная идея истории была недоступна Карамзину». Подлинная история, по мнению Полевого, должна быть пронизана философской идеей, суть которой сводится к установлению существования единого всемирно-исторического процесса, включающего в себя историю отдельных стран и народов. «Всеобщая история, — пишет Полевой, — есть тот огромный круг, в котором вращаются другие бесчисленные круги: истории частные, народов, государств, земель, верований, знаний. Условия всеоб-

¹ А. С. Хомяков. Соч., т. III, стр. 49.

щей истории уже определяют, каковы должны быть частные истории»¹.

Ко времени напечатания статьи, направленной против Карамзина, Полевой уже подготовил часть своей «Истории русского народа». Вышла она в свет между 1829 и 1833 гг. в шести томах². В предисловии к первому тому Полевой, развивая мысли, высказанные по поводу «Истории государства Российского» Карамзина, дает развернутое изложение своих взглядов. Он утверждает, что история не должна заниматься отдельными событиями, могущими быть истолкованными произвольно. Если история претендует быть наукой, она обязана исследовать исторический процесс «в общности, целостности». Эта общность толкуется Полевым, как взаимосвязь явлений, относящихся не только непосредственно к истории России, но и взаимосвязь явлений ее истории с всемирно-историческим процессом. Историк не может ставить перед собой задач нравоучительных, не может брать на себя роль судьи, произносящего обвинительные или оправдательные приговоры. Он должен подходить к изучаемым им явлениям, руководствуясь только требованиями науки. Это требование научной объективности было по своей классовой направленности антидворянским — оно отрицало научное значение трудов дворянских историков, в которых содержалась апология самодержавной власти.

Полевой решительно выступал против космополитизма, утверждая, что «в настоящей жизни, в действиях своих мы должны быть сынами отечества, гражданами России, ибо космополит будет в сем отношении безумец, самоубийца в гражданском обществе»³. Но это требование, по мнению Полевого, может быть предъявлено только к настоящему; что же касается прошлого, то отношение к нему должно быть иным.

Требование научной объективности, с точки зрения Полевого, влекло за собой необходимость одинакового отношения историка к истории его страны и других стран. Историк, по его выражению, должен быть «беспристрастным повествователем»⁴. Полевой, следовательно, допускал возможность относиться патриотически к тому государству, в котором он жил сам и в котором положение дворянства, как господствующего класса, начинало колебаться вследствие повышения экономического и общественного удельного веса буржуазии. Но его

¹ Н. Полевой. История государства Российского (сочинение Н. М. Карамзина). «Московский Телеграф», ч. 27, М., 1829, № 12, июнь, стр. 467—500.

² См. Н. Полевой. История русского народа. т. I—VI, М., 1829—1833.

³ Н. Полевой. История русского народа, т. I, стр. XXIX.

⁴ Там же.

патриотизм угасал, когда речь шла об отдаленном прошлом России, когда господство дворян было безраздельным.

Даже в названии сочинения Полевого сказалось его стремление противопоставить свою «Историю русского народа» дворянской «Истории государства Российского». Впрочем, ни о каком народе в сочинении Полевого не говорилось. Давая название своему сочинению, автор, по его собственным словам, хотел показать, что о начальном периоде истории России нельзя говорить как об истории государства. По мнению Полевого, Русское государство начало существовать только со времени свержения монгольского ига. Следовательно, в предшествующее этому событию время государство, т. е. опять-таки дворянское государство, и не существовало. Так выступал Полевой против положения дворянской историографии о единственной организующей исторический процесс силе — дворянстве.

В своих теоретических воззрениях Полевой опирался на положения буржуазных историков Запада. В качестве «важнейших предметов предварительного изучения, коих требует всякая история», он называет сочинения Нибура, Гизо, Тьерри и других буржуазных авторов. Русские ученые (Калайдович, Шлецер, Востоков и др.) рассматриваются им прежде всего как авторы, накопившие исторический материал. Заслугу некоторых из них Полевой видит не столько в высказанных ими положительных идеях, сколько в критической направленности их творчества¹.

Стремление подчеркнуть связь русского исторического процесса с западноевропейским, вытекавшее из буржуазной идеологии Полевого, сказалось во введении им в историю России периода, который он назвал периодом «нормандской феодальной истории» (с 862 по 1054 гг.). Феодальные отношения Полевой усматривал и во втором из тех периодов, на которые он делил историю России. Время с 1055 по 1224 гг. он называет временем «феодализма семейного»; начало ему, по мнению Полевого, было положено Ярославом, разделившим русские земли между своими сыновьями. Следует заметить, что под феодализмом Полевой понимал отнюдь не экономическую, а политико-юридическую категорию.

Полевой не был последователен ни в своих общих политических, ни в исторических воззрениях. В «Истории русского народа», он, переходя к описанию событий XIV—XV вв., начинает излагать историю государства. В этом он идет по следам Карамзина. Полевой начинает все чаще рассматривать в качестве двигателя исторического процесса провидение,

¹ Н. Полевой. История русского народа, т. I, стр. LXXXII.

говорить о самобытности истории России и т. д. О царствовании Ивана III он говорит уже почти словами Карамзина.

После закрытия «Московского Телеграфа» Полевой стал писать встречавшие поддержку Николая I казенно-патриотические драмы. В 1846 г. он напечатал «Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого», представлявшее собой апологию сильной государственной власти. Во вводной части к этой книге Полевой писал, что «история без высшей мысли о судьбах божиих, ею излагаемых» есть «грустное, печальное, тяжкое повествование», что такое повествование становится историей лишь тогда, когда историк будет руководим мыслью, что «все представляемое нам в минувших событиях было развитием воли и судьбы божественной»¹. Так изменились требования Полевого к исторической науке.

В статье, посвященной памяти Полевого, Белинский неодобрительно отозвался об «Истории русского народа». Он говорил, что Полевой вовсе не понял русской истории. «Ему казалось,— писал Белинский,— что смутный хаос, образовавшийся в его голове из идей Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри, очень удобоприложим к русской истории». Белинский отмечал сходство идей в последних томах «Истории русского народа» и «Истории государства Российского»².

Белинский справедливо заметил, что «Историю русского народа» Полевой писал не как историк, а как журналист. Полевой мало занимался изучением источников и на эту сторону исторического исследования не обращал внимания. Его интересовала не критика источников, а критика концепции, производившаяся им по-журналистски. Но Белинский, как и Чернышевский, не считал «Историю русского народа» бесполезной книгой. Для дальнейшего развития исторической науки основная работа Полевого имела несомненное значение. Она в известной мере подрывала позиции официальной историографии, ставила вопрос о взаимосвязях истории России и других стран, отрицала теорию сплошного заимствования Россией всего, идущего с Запада. Это дает основание расценивать «Историю русского народа» как явление в русской историографии прогрессивное и оказавшее положительное влияние на развитие русской исторической науки.

Буржуазное направление, развивавшееся в русской историографии первой половины XIX в., нашло свое отражение и в работах так называемой «скептической школы» во главе с Михаилом Трофимовичем Каченовским (1775—1842 гг.),

¹ Н. Полевой. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого, СПб., 1846, стр. XIX—XX.

² См. В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, СПб., 1914, стр. 332.

профессором истории (с 1821 г.), а затем истории и литературы славянских народов (с 1835 г.) в Московском университете.

Каченовский прежде всего выступил с отрицанием тех положений, какие устанавливала официальная историография в отношении начального периода истории России. Еще в своей ранней работе «Параллельные места в русских летописях»¹, Каченовский говорил о необходимости строго критического отношения к летописям. «Доныне у нас мало о том заботились», — подчеркивает он. Сравнивая русские летописные сказания с древними историческими источниками других народов, Каченовский пришел к выводу, что «у всех народов первые времена бытия их или скрываются во тьме неизвестности, или помрачены вымыслами».

В письмах «От киевского жителя к его другу», напечатанных в «Вестнике Европы» в 1818 и 1819 гг., Каченовский разбирает предисловие к «Истории государства Российского» Карамзина. Этот разбор направлен против методологии Карамзина, недостаточно критически относившегося к источникам и потому допустившего многие ошибки при освещении раннего периода истории России. «Век подобный нашему, — писал Каченовский, — неблагоприятствует изобретению систем баснословных»². Между тем Карамзин повинен в этом грехе. Из «мутных» и «весьма скудных» источников древнейшей истории России Карамзин черпал материал для своего труда, приняв его на полную веру. Каченовский упрекал автора «Истории государства Российского» в пристрастии к литературному щегольству. Критика Каченовского была чрезвычайно осторожной, потому что официальное положение Карамзина не допускало появления в печати отзывов более резких и откровенных. Но все же «письма» Каченовского были публичным заявлением об отказе следовать концепции официальной историографии.

В 30-х годах XIX в. критическое отношение Каченовского к положениям, выдвигавшимся представителями официальной историографии, стало еще более резким. Неверие в официальную науку заставляло Каченовского все настойчивее требовать критического отношения к источникам, лежавшим в основе концепции официальной историографии. Он поместил в «Вестнике Европы» перевод французской рецензии на «Римскую историю» Нибура. Помещение этой статьи, не сопровождаемой никаким примечанием редактора (Каченовский редактировал «Вестник Европы» с 1815 по 1830 г.), сви-

¹ См. М. Т. Каченовский. Параллельные места в русских летописях, «Вестник Европы», 1809, ч. XLVII, № 18, стр. 133—145.

² М. Т. Каченовский. От киевского жителя к его другу, «Вестник Европы», 1819, ч. CIV, № 5, стр. 53.

детельствовало о солидарности Каченовского с автором рецензии. В рецензии говорилось, что «для науки нет ничего приличнее, как скептицизм — не поверхностный и легкомысленный, но — основанный на сравнении текстов, на критике свидетельств... Народы отменно любят освящать свое м л а д е н ч е с т в о сверхъестественными происшествиями, божественными посредствами или даже и одними лишь темными воспоминаниями о доблести и славе, которые как бы возвеличивают судьбу отечества; но рано или поздно настанет минута, в которую безжалостная критика, углубляясь в прошедшее, не устрасится уже таинственного мрака»¹.

В работе «О баснословном времени в Российской истории» (1833 г.) Каченовский дословно повторяет только что цитированное место из рецензии на работу Нибура, не оставляя уже никакого сомнения в своем полном согласии с высказанным положением. Статья Каченовского является попыткой доказать, что Киевский период истории «баснословен». Автор утверждает, что многие сообщаемые Начальной летописью сведения, ставшие благодаря некритическому к ним отношению достоянием науки, вымышлены. Поэтому нельзя говорить о «небывалых триумфах» древних славян, о «политических видах Ольги и Святослава», о «древнем могуществе, богатстве и славе» России, об обширности пространства, населенного нашими предками, и т. д. Если, говорил Каченовский, очистить древнюю историю России от всех измышлений и басен, то она заняла бы вместо тяжелых томов едва две ссти страниц².

Статьи Каченовского о кожаных деньгах и о Русской Правде³ развивают основную его мысль о низкой культуре древних славян, о совершенной примитивности их общественного строя. По мнению Каченовского, история России начинается только с XII—XIII вв. Весь предшествующий период должен рассматриваться как баснословный.

Придя к такому заключению, сделанному на основании изучения Начальной летописи и Русской Правды, Каченовский ставит под сомнение существование и древнейших списков самих этих памятников. Основываясь на том, что ранние списки их относятся к XIII или к XIV вв., он склонен отнести и самое их возникновение к этому времени. К таким нигили-

¹ «О Римской истории Нибура». «Вестник Европы», 1830, № 17—18, стр. 75, 77—78.

² См. М. Т. Каченовский. О баснословном времени в Российской истории. «Ученые записки Московского университета», ч. I, М., 1833, стр. 273—298.

³ См. М. Т. Каченовский. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде, М., 1849.

стическим выводам пришел Каченовский, задаваясь целью опровергнуть точку зрения официальной историографии.

Каченовский выступил в русской историографии в качестве основателя того направления, которое получило название «скептической школы». Его последователями были С. М. Строев (брат археографа П. М. Строева), писавший под псевдонимом «Скромненка», П. В. Станкевич и др. Большая часть критических замечаний представителей «скептической школы» не утвердилась в науке, так как они не были подкреплены глубоким изучением источников. Но в их трудах заметно стремление отыскать исторические закономерности. Яснее всего писал об этом Станкевич, видя в своей работе «возвышенную цель» и надеясь «открыть какой-нибудь важный закон, общий всему человечеству».

Из трудов историков, в некоторой степени примыкавших к «скептикам», наибольшее значение имели сочинения Н. С. Арцыбашева¹ (1773—1841 гг.).

Еще в 1821 г. Арцыбашев напечатал две статьи², в которых он обвинял Карамзина в некритическом отношении к используемым им источникам. В 1829 г. Арцыбашев напечатал в «Вестнике Европы» еще несколько статей, ставивших перед собой задачу указать на ошибочность заключений Карамзина, проистекавшую, по его мнению, все из того же некритического отношения к источникам. В своих «Замечаниях на Историю государства Российского»³, Арцыбашев в очень резкой форме выразил свое несогласие с Карамзиным.

Результатом работы Арцыбашева над летописными и другими источниками явилось «Повествование о России»⁴, представлявшее собой критическую сводку источников, доведенную до 1628 г.

По своей форме этот обширный труд представляет пересказ летописных и других источников, снабженный примечаниями, критически проверяющими хронологию и другие показания летописей.

Выводы представителей «скептической школы» не были поддержаны позднейшими исследователями. Напротив, историческая наука в своем дальнейшем развитии настолько

¹ Об Н. С. Арцыбашеве см. В. С. Иконников. Исторические заметки. «Русский архив», вып. 12, М., 1886, стр. 523—527; Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, стр. 135—140; 234—264.

² Н. Арцыбашев. О степени доверия к Истории, сочиненной князем Курбским, «Вестник Европы», 1821, ч. СХVIII, стр. 278—317; его же. О свойствах царя Иоанна Васильевича, «Вестник Европы», 182, ч. СХХ, стр. 126—141, 184—191.

³ Н. Арцыбашев. Замечания на Историю государства Российского, «Московский вестник», 1828, ч. 11, стр. 285—318, ч. 12, стр. 254—285.

⁴ Н. Арцыбашев. Повествование о России, т. 1—4, М., 1838—1843.

прочно доказала неверность положений Каченовского, касавшихся Руси X—XIII вв., что их никто не пытался воскресить. Однако требование критического отношения к источникам, выдвигаемое «скептической школой», оказалось полезным для развития источниковедения и подрывало многие положения, выдвигавшиеся представителями официального направления, как бесспорные.

V

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Возникновение и развитие «государственного направления» в русской историографии относится к середине XIX в. Свое название это направление русской историографии получило оттого, что в основу всего исторического процесса, совершавшегося в России с глубокой древности, оно на первое место ставило государство, его деятельность.

Как прямая реакция на обострение классовых противоречий периода революционной ситуации, «государственная школа» получает свое оформление в работах Б. Н. Чичерина, к которым примкнул в своих многочисленных статьях К. Д. Кавелин. Этих вождей либерализма заклеил в своих работах В. И. Ленин. В работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Ленин указывал на Чичерина как на идеолога сильной и либеральной власти с его теорией «спокойной инициативы самой верховной власти»¹. Ленин охарактеризовал Кавелина как одного из «отвратительнейших типов либерального хамства»² и определил его выступления 60-х годов как «образчик профессорски-лакейского глубокомыслия»³. Яркое разоблачение классовой сущности либерализма Кавелина дано было и Чернышевским в «Прологе».

Тамбовский помещик, земский деятель и профессор Борис Николаевич Чичерин (1828—1904 гг.) выступил идеологом либерализма и ярким врагом марксизма как глава «государственной школы» в исторической науке, как теоретик государственного права.

Основные работы Чичерина по русской истории относятся к периоду 1856—1866 гг. В 1857 г. издана его диссертация «Областные учреждения России в XVII в.». К этому времени относится серия его исторических этюдов, собранных в 1858 г. в сборнике «Опыты по истории русского права». Наконец, в работе «О народном представительстве» (1866 г.) дано его исследование о Земских соборах в России, содержа-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 50.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30.

щее законченную общую концепцию «государственной школы» о русском историческом процессе.

Как указано выше, исходное положение для Чичерина состояло прежде всего в решительном противопоставлении государства народу, в прямом подчинении народа государству. В речи на защите магистерской диссертации («Областные учреждения России в XVII в.»), опубликованной в «Опытах» под заголовком «О развитии древнерусской администрации», Чичерин утверждал: «Государство организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»¹. Характерно при этом разделение Чичериным государства и правительства, причем в конечном счете определяющая историческая роль переходит именно к последнему: В соответствии с этим в статье «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» Чичерин отводит исключительно князьям созидательную роль в древней русской истории: «князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно целое разрозненные части»².

За этими построениями скрывается идеалистическая, гегельянская теория государства, определяемого как «органический союз народа», в котором «воплощаются сознание и воля народа, как единого целого»³. В итоге именно государству присваивается решающая роль в истории народа: «Государство призвано к осуществлению верховных начал человеческой жизни; оно, как самостоятельное лицо, играет всемирно-историческую роль, участвует в решении судеб человечества»⁴. Этому соответствовала и развивавшаяся Чичериным теория общества и общественных классов, направленная против учения революционных демократов, утверждавших, что вся история общества представляет борьбу «людей трудящихся и дармоедов»⁵, против теории классовой борьбы Маркса и Энгельса. По Чичерину, оказывалось, что отдельные классы, возникающие «из неравного распределения богатства», как явления естественного и закономерного, не стоят в борьбе между собой, а «незаметно переходят один в другой», так что «все вливается более или менее в одно целое». Не случайно уже в 1859 г. в «Очерках Англии и Франции» Чичерин, как отметил Чернышевский, выразил полное сочувствие

¹ Б. Чичерин. Опыты по истории русского права (далее — Опыты...), М., 1858, стр. 381.

² Там же, стр. 285.

³ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866, стр. 389.

⁴ Там же, стр. 402.

⁵ Н. А. Добролюбов. Соч., т. III, стр. 267.

французскому историку права Даресту, доказывавшему «полное почти общение чувств и интересов» «между рабочими классами и высшими сословиями»¹.

Эта картина социального мира, по Чичерину, дополняется соответствующей характеристикой природных свойств отдельных классов: «нижние классы по своему характеру склонны к подчинению... высшие, напротив, по своему первенствующему положению, непременно стремятся к власти и правам»; этим обеим группам противостоят в качестве «посредствующего звена «средние классы» — «люди с средним состоянием, которые, соединяя собою крайности, служат между ними переходом, составляют в обществе главный связующий элемент». Основная характеристика этих средних классов, по Чичерину, — «образование и достаток», — что не мешает ему утверждать именно за ними «демократический характер»: «это самый народ, на сколько он предан не физической, а умственной работе»².

Предоставленное самому себе в своем внутреннем развитии, опирающееся на исконное и неизменное разделение общества на классы, государство, утверждает Чичерин, выражает столь же неизменное стремление к «полноте и гармонии жизни», нарушаемое, однако, столь же неизбежными и вечными стремлениями «одностороннего характера», выступающими как «исключительное начало, требующее безусловного господства над другими». Но эта борьба противоречий, временно нарушая первоначальную гармонию, сама в конечном счете «содействует установлению высшего единства, которое составляет цель движения». В итоге Чичерин возрождает теорию цикличности в историческом процессе — «процесс созидания и разложения, сопровождающий всю историю человечества»: соответственно в истории государства, «в силу внутреннего закона, история представляет попеременно эпохи либеральные и периоды единовластия»³.

Формально-юридический характер исторической трактовки составляет определяющую черту государственной школы. Историческое развитие России представляется Чичериним как последовательная смена замкнутых в себе, самостоятельных и обособленных друг от друга форм политической организации: родовой строй Киевской Руси сменяется вотчинным строем в период «Московской Руси», государственный строй устанавливается петровскими преобразованиями.

Для Западной Европы Чичерин был готов сохранить зако-

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. V. М., 1950, стр. 665.

² Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 418, 419, 420, 421.

³ Там же, стр. 198—199.

номерное развитие общества, которое само строит свое государство и остается основной действующей силой. Но в России, по мнению Чичерина, все происходило совсем иначе. Свое «закономерное» объяснение этой противоположности Чичерин находит в принципиальном различии географических условий: «...степь способствовала кочеванию народонаселения», отдельное лицо, «затерянное в необозримом, едва заселенном пространстве..., более подлежало влиянию природных стихий, нежели общественных начал»¹. «На Западе народонаселение было оседлое,— повторяет Чичерин в статье «Холопы и крестьяне в России до XVI в.»,— ...у нас не было ничего подобного... всеобщее брожение по всей Русской земле»². Именно в этом Чичерин усматривал источник основного противоречия русской жизни; «брожение», «шаткость всех отношений» определили слабость общественных сил народа и тем самым обусловили всеислие государства: «крайнее развитие личного начала повело к водворению начала совершенно противоположного — начала государственного»³. Согласно Чичерину, сила государства в России коренится в слабости народных сил. Эта общая тема получает конкретизацию в отдельных статьях Чичерина.

Статья «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей»⁴ посвящена непосредственно истории становления Русского государства, точнее,— «догосударственному» периоду господства «вотчинного права князей». Вотчинное право объявляется причиной политического раздробления Руси. Договорные отношения между князьями составляют единственную политическую связь, в которой, однако, отсутствует самое понятие государственных отношений. При этом создавался полный разрыв между первым этапом родового строя и идущим ему на смену вотчинным периодом. Объяснение совершившейся смены политического строя Чичерин ищет во внешнем вмешательстве: «вотчинные права князей коренились в завоевании»; название «Русская земля» обозначало первоначально «владение пришлого племени руссов»⁵.

Вотчинно-княжеский строй определил «сверху» всю систему общественных отношений. Вотчинное хозяйство и княжеская служба, которая также «управлялась началами частного права», определили внутренний строй русского общества. В этой связи Чичериным впервые последовательно формулируется решительное противопоставление исторического развития России и Западной Европы. Подобное противопоставление возвращает нас к основам дворянской историографии, провозглашенным

¹ Б. Чичерин. *Опыты...*, стр. 379—380.

² Там же, стр. 173—175.

³ Там же, стр. 336.

⁴ Там же, стр. 232—375.

⁵ Там же, стр. 285—286.

Погодиным и славянофилами, хотя по форме и отличалось от нее. Славянофилы противопоставляли «общность» русского, славянского строя индивидуалистическому началу Западной Европы. Чичерин объявляет «союзное начало» основным началом западноевропейской истории: люди соединялись там в прочные союзы, образовали сословия; эти сословия представляли общественное начало, противостоящее королевской власти, они вступали с ней в договорные отношения, определявшие и ограничивавшие государственную власть. У нас «одиначные блуждающие лица», «затерянные... в необозримом пространстве, продолжали выступать изолированно»; «у нас, вследствие шаткости всех отношений, вследствие временного характера договоров, сословия не могли получить такой определенности, как на Западе». Если на Западе князь с самого начала встречался с крепким феодальным сословием, то на Руси только договорные отношения к князю-сюзерену создают связь между его вассалами, объединяя их в феодальное служилое сословие. Таким же образом тягло, хозяйственные повинности превратили в сословия наше городское и сельское население. Княжеская власть прикреплением к определенной повинности — тяглу или службе — создала у нас сословия. Отсюда и резкие различия в самом общественном строе: «Сословия из разрядов вольных людей превратились у нас в крепостные союзы»¹.

В работе «Областные учреждения в России в XVII в.» Чичерин распространяет эту свою характеристику на отношения государства и общества в России XVII в.²

Общественная жизнь, по мнению Чичерина, порождается не развитием материального производства и борьбы классов, а исключительно запросами и нуждами самого государства. Это положение распространяется им и на органы местного самоуправления — земские учреждения XVI—XVII вв. Последние, по Чичерину, оказывались простым дополнением того же центрального государственного аппарата, пополняемого за счет местных ресурсов в порядке очередной повинности или тягла, возложенного государством на общество, еще не поднявшееся до понимания начал самоуправления и думающее лишь о том, чтобы освободиться от этой новой повинности. Так искажалась подлинная история земских учреждений XVI—XVII вв. Теория подчиненности земского начала, начала самоуправления власти самодержавия развивается либералом Чичериным именно в период революционной ситуации и растущей борьбы народа за свои классовые интересы и политические права.

Прямым развитием этой теории являлось положение Чичерина о государственной, а потому крепостной природе общест-

¹ Б. Чичерин. Опыты..., стр. 352, 354.

² Б. Чичерин. Областные учреждения в России в XVII веке, М., 1856

венных сословий. В статье «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» Чичерин развивал это положение применительно к служилому феодальному сословию. Статья «Холопы и крестьяне в России до XVI в.» представляла попытку объяснить «государственное» происхождение крепостного права в России. Она являлась прямым обоснованием классовой помещичье-буржуазной позиции по крестьянскому вопросу в период непосредственной подготовки «пресловутой крестьянской реформы», в тот период, когда, по определению В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹. Крепостной строй и крепостное право объявлялись Чичериным не выражением классовых противоречий феодального общества, не результатом насильственного закабаления народных масс господствующим классом феодалов, а осуществлением общественной необходимости, результатом государственной созидательной деятельности.

В основе этого была все та же теория «всеобщего брожения». Вотчина положила начало оседанию крестьянства с его обязанностью тягла, но не сняла свободы перехода: крестьянство сохраняло «бродячий», «кочевой» характер до конца XVI в., и эта неустойчивость хозяйственных отношений лишала прочной основы политическую организацию, мешала переходу к государственному быту. Прикрепление крестьян к земле и к тяглу вместе с прикреплением служилого сословия к службе государству служило непосредственно развитию общественных сил и государственного строя. «Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец, вотчинные крестьяне... также службою своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству»². Так создалась теория закрепощения и раскрепощения сословий, обоснование реформы «сверху». Рассеянность народных сил породила закрепощение. В результате постепенного создания государством сословного начала может начаться процесс государственного раскрепощения. Сначала жалованной грамотой раскрепостили дворян, такой же жалованной грамотой раскрепостили горожан, теперь путем реформы начали раскрепо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

² Б. Чичерин. Опыты..., стр. 227—228.

щать крестьянство. Все, по мысли Чичерина, было проведено государством, все будет проводиться государством и далее.

Та же программа буржуазного либерализма определила и полемику Чичерина против славянофилов по вопросу об общине, изложенную в его статьях «Обзор истории развития сельской общины в России» и «Еще о сельской общине». В этой полемике Чичерин в известной мере правильно нащупал слабые стороны позиции славянофилов. Опровергая учение славянофилов об общине как специфическом явлении русской жизни, он показывал, что общину знала и Западная Европа, что германская марка есть та же территориальная община. Община, доказывал он далее, не оставалась неизменной на протяжении веков, поэтому нельзя механически отождествлять современную и первоначальную общину. Но вместе с тем, отрицание Чичериным самостоятельного развития общественной жизни, подчинение общественной организации вмешательству государственной власти привело его к непониманию развития самой общины как единого закономерного исторического процесса. Чичерин полагал, что первоначальная община исчезла с утверждением вотчинного периода: «У нас княжеская власть сделалась единственным двигателем народной жизни, а вольная община исчезла перед нею, не оставив по себе и следа в истории»¹. Новая «поземельная община» создана вотчинной властью на свою потребу, для обеспечения поступления тягла². Общину владельческую или поземельную сменяет «община государственная», орган центрального правительства, с ее в первую очередь фискальными задачами обеспечения государственных повинностей³. Направленность этого рассуждения все та же: государство само «сверху» создало современную общину, государство вольно ее ликвидировать, расчищая путь буржуазной частной собственности.

В своих исследованиях Чичерин полностью обходит классовую борьбу, несмотря на мощное движение крестьянских масс и городские восстания, так ярко проявившиеся в XVII в., составивших предмет специальных исследований Чичерина.

Уже после реформы Б. Н. Чичерин еще раз сформулировал положения своей исторической концепции в работе «О народном представительстве», одна глава которой была посвящена истории Земских соборов в России. Самая тема непосредственно подсказана либерализмом 60-х годов, и книга Чичерина как нельзя лучше отразила идеологию либералов, которые «...фарисейски умывали руки и оправдывали правительство»⁴. В раз-

¹ Б. Чичерин. Опыты..., стр. 10—11.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 27 и сл.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 33.

ных общественных кругах этого времени раздавались голоса в пользу организации Земских соборов, поэтому Чичерин спешил успокоить правительство утверждением, что Земский собор XVI—XVII вв. отнюдь не являлся органом общественной самостоятельности, противостоящим правительству, а создан был все тем же правительством «действием сверху, вследствие потребностей государства»¹.

Фактический возврат к концепции дворянской историографии приводит в конечном итоге Б. Н. Чичерина и других представителей «государственной школы» к подчинению всего исторического развития воздействию внешних политических сил. Уже в первых своих статьях Чичерин связывал с варяжским завоеванием ликвидацию родовых отношений и первоначальной вольной общины, внесение в русскую жизнь дружинного начала и установление вотчинного строя². Если варяжское завоевание лежит в основе перехода к вотчинному строю, то «татарское владычество», по мысли Чичерина, «способствовало установлению единой, сильной, центральной власти, без которой русское общество не могло обойтись, которая сделала Россию тем, что она есть». Согласно Чичерину, татарское иго пошло на пользу России: оно, «подчиняя народ внешнему игу, приучило его к покорности»³.

Эта глубоко антинародная теория сочетается с полным историческим нигилизмом, искажением истории русского народа. По Чичерину, особый путь русской истории определен не только природными условиями страны, но и свойствами самого русского народа. Неспособность к политической свободе будто бы принадлежит к природным свойствам русских людей и славян вообще. «Славяне издавна известны были неумением жить в ладу между собою». К великим достоинствам русского народа, «которые сделали Россию одною из первенствующих европейских держав», принадлежит, полагает Чичерин, «готовность всем жертвовать для царя и отечества»⁴. Полностью оправдалось предсказание Чернышевского, что Чичерин «не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость каждой статьи Свода законов сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него в разумность»⁵.

К «государственной школе» русской историографии принадлежал также профессор Константин Дмитриевич Кавелин

¹ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 358.

² Б. Чичерин. Опыты..., стр. 62, 163, 285 и др.

³ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 360, 361.

⁴ Там же, стр. 412, 413.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. V, 669.

(1818—1885 гг.). Основной специальностью Кавелина было русское гражданское право и судопроизводство. Он занимался также вопросами этнографии, психологии, этики, политической публицистикой. В исторических работах он непосредственно примыкает к Чичерину.

Первая работа Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» появилась в 1846 г., одновременно с первыми работами Соловьева и в ряде положений близко примыкала к исторической концепции последнего.

Согласно первоначальной схеме Кавелина распад кровного родового начала ведет непосредственно, в силу внутреннего развития, к созданию территориальной общины и вотчинного владения, устраняя внешнее вмешательство варяжской дружины: создается «естественная преемственность быта юридического после родового». Таким же образом в дальнейшем в процессе последовательного собирания земель «образовалась огромная вотчина» — Московское государство. Уже при Иване III и Иване IV «из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство», но окончательная «победа государства» связана только с «великой реформой Петра»¹.

Уже в этой работе Кавелина обозначаются черты формально-юридической трактовки истории России, характерные в дальнейшем для всей «государственной школы»: вотчинный строй отрывается от предшествующей стадии родовых отношений. Точно так же вотчинный порядок противостоит государству: деятельность Ивана IV представляет собою лишь «мечту» о государстве, еще лишенную необходимых условий для своей реализации. У Кавелина подчеркивается «глубокое, совершенное различие», решительное противопоставление истории России и истории западноевропейских стран, в которых нет «ни одной черты сходной, и много противоположных»².

В рецензии на первую монографию Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» Кавелин, при отдельных расхождениях, уже полностью принимает основные положения чичеринской схемы и это относится прежде всего к его решительной антитезе России и Западной Европы, к его утверждению, что «в Европе все делалось снизу, а у нас сверху», так же как к указаниям «на другие явления, столь же резко выказывающие противоположный ход европейской и нашей истории»³. Хотя и с некоторыми оговорками, он принимает и второе основное положение Чичерина о созидательной и организующей роли государства в России: «бесспорно, что государство принимало у нас очень деятельное участие в образовании

¹ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, СПб., 1897, стр. 22, 23, 46, 55 и др.

² Там же, стр. 6—7.

³ Там же, стр. 566.

сословий. Оно приложило печать к разложению общин на их составные стихии; оно закрепило звания в их раздельности и исключительности»¹. Кавелин принимает и определение Чичериным основных стадий исторического развития России: родовую, вотчинную, государственную.

На этих началах оформляются собственные исторические взгляды Кавелина в его последних статьях 1864—1866 гг. — «Краткий взгляд на русскую историю» и «Мысли и заметки о русской истории». В них проявляется, как и у Чичерина, нигилизм в оценке русского народа и противопоставление народу всеилия государства. Так же как у Чичерина, это подчинение народа государству возводится в природное свойство народа, закрепляемое у Кавелина еще своеобразным этнографическим подходом. В известной записи высказываний Кавелина, сделанной Д. Корсаковым, великорус противопоставляется европейцу как «сельчанин» — «горожанину, буржуа»: «Россия — мужицкое царство... Народные массы у нас не сформировались еще, не осели; они в периоде формирования. Это какая-то этнографическая протоплазма, как лужское тесто». Кроме сильной монархической власти никакой иной власти в России быть не может. Кавелин объявляет конституционные требования для России «мечтаниями» и «химерой»².

Так называемое государственное направление русской историографии оказало большое влияние на многих буржуазных историков царской России.

VI

РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ТРУДЫ С. М. СОЛОВЬЕВА

Оформление исторических взглядов Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879 гг.) и широкое развитие его научной деятельности в 40—50-е годы XIX в. совпадают с завершением эпохи поднимающегося капитализма. Этим определились исторические условия научной деятельности Соловьева как наиболее выдающегося представителя русской буржуазной исторической науки периода ее подъема.

Первые научные сочинения Соловьева резко заострены против Погодина и его антиисторической схемы русской истории. Именно в этой связи должно быть рассматриваемо высказывание Н. Г. Чернышевского, указывавшего, что в лице Соловьева «мы встречаем строго ученый взгляд новой историче-

¹ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, стр. 552.

² Д. А. Корсаков. К. Д. Кавелин. «Вестник Европы», т. 5, кн. 10, П., 1886, стр. 745—746.

ской школы», противостоящей дворянской истории Карамзина, а также «скептической школе» и Полевому¹.

В то же время исторической концепции самого Соловьева в 40-е годы противостояло оформлявшееся в России революционно-демократическое направление, которое нашло свое яркое выражение в творчестве Белинского и Герцена и показало ограниченность буржуазной историографии. Эта буржуазная ограниченность построений Соловьева выступает с еще большей остротой в пореформенный период, в 60—70-е годы XIX в., в условиях дальнейшего обострения классовой борьбы, деятельности революционных демократов, Чернышевского и Добролюбова, их борьбы против буржуазного либерализма.

Отец Соловьева был священником. В Московский университет Соловьев пришел после разгрома студенческих кружков Белинского, а затем Герцена и Огарева, оставаясь в стороне от общественно-революционного движения этих лет. В конце 30-х годов кафедрой русской истории в Московском университете заведывал М. П. Погодин, и на первых порах его влияние сказывалось на исторических взглядах Соловьева. В бумагах Соловьева сохранилась его² ранняя рукопись «Теософический взгляд на историю России», относящаяся к 1841 г., последнему году пребывания в Московском университете в качестве студента. В этой рукописи ярко отразились феодально-теологические и церковно-монархические воззрения, характерные для Погодина, с определенной идеализацией николаевской монархии, чуждые позднейшим высказываниям Соловьева³.

В то же время Соловьев вынес из университета критические воззрения, утверждавшиеся Каченовским и его школой. Соловьев дал впоследствии высокую оценку Каченовскому и историографическому значению его критического метода⁴. Записки Соловьева говорят также о большом впечатлении, произведенном на него лекциями Грановского и примкнувшей к нему новой молодой профессуры, начавшей свою деятельность в Московском университете конца 30-х годов. Уже после окончания университета, в начале 40-х годов, в ходе самостоятельной работы над изучением истории, Соловьев сумел преодолеть влияние погодинской концепции. Большую роль в этом отношении сыграли интенсивные занятия С. М. Соловьева, наряду с русской историей, историей славянства и всеобщей историей, отраженные в его многочисленных записных тетрадях

¹ См. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. III, М., 1947, стр. 181.

² Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Соловьева, д. № 73 за 1841 г. Сокращенный текст в Гос. публ. биб-ке им. В. И. Ленина, отдел рукописей.

³ Ср. «Записки С. М. Соловьева». Изд. «Общественная польза».

⁴ С. М. Соловьев. Каченовский. «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. 1755—1855», ч. I, М., 1855, стр. 383—403.

этих лет¹. В работе над трудом Шафарика «Славянские древности» и в критическом пересмотре некоторых его положений сложилась своеобразная концепция славянского этногенеза, частично отраженная в работах Соловьева 50-х годов. К этому времени относится, повидимому, и составление первоначальной редакции «Наблюдений над исторической жизнью народов», опубликованных в 60-е годы.

Итогом этих занятий явилась та новая концепция «органического» развития русской истории, которую Соловьев изложил в двух первых своих исследованиях — в магистерской диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (1845 г.) и в последовавшей затем докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрика дома» (1847 г.). Эти исследования представляли попытку решения вопроса о внутренней закономерности в процессе образования Русского централизованного государства XVI в., в противовес утверждавшемуся Погодиным определяющему влиянию внешних событий — варяжского и монгольского завоеваний. Определившиеся исторические воззрения Соловьева сразу же связали его с группой либерально-буржуазной профессуры Московского университета во главе с Грановским. К. Д. Кавелин, принадлежавший к этой группе, в то время развивал концепцию, близкую в ряде своих положений к взглядам Соловьева.

Успешная защита названных диссертаций поставила Соловьева во главе кафедры русской истории Московского университета, которую до того занимал Погодин, уступивший ее не без сопротивления.

Уже в 50-е годы XIX в. исторические взгляды Соловьева нашли свое выражение в его обширной и многообразной научно-литературной деятельности этого периода. В 1851 г. Соловьев приступил к изданию «Истории России с древнейших времен» и выпускал по одному тому ежегодно, пока смерть не оборвала его труда на XXIX томе, доводившем историю России до 70-х годов XVIII в. В предисловии к I тому он сформулировал «основную мысль труда», свое понимание основных вопросов русской истории. Своей задачей Соловьев считал раскрытие «связи явлений» в их взаимодействии и объяснение каждого явления из внутренних причин.

Отсюда следовало решительное отрицание понятий «норманского» и «татарского» периодов русской истории, которые «прерывают естественную нить событий», «закрывают главные явления, главные причины этих явлений». Соловьев видел внутреннее развитие в «переходе родовых княжеских отноше-

¹ Гос. публ. биб-ка им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. Соловьева, VI/19/4 — выписки из тетрадей С. М. Соловьева, сделанные Н. Поповым.

ний в государственные», окончательно торжествующие при Иване IV, внутреннюю связь преобразований Петра I с XVII в., а второй половины XVIII в. — с первой половиной XIX в. Сам Соловьев смотрел на свою «Историю России», как на работу, идущую на смену «Истории государства Российского» Карамзина, оставшейся до того времени последним общим трудом по истории России, пользовавшимся официальным признанием¹.

Одновременно Соловьев обращается к определению теоретических основ своей научной позиции. Они решаются прежде всего в историографическом плане. В 1853 г. он пишет серию статей — «Н. М. Карамзин и его „История государства Российского“», — отмечая в личных письмах критическую направленность своих статей, лишь прикрытую «некоторым видом панегирика» от посягательств цензуры. Затем последовал обзор русской исторической науки XVIII в. («Русские писатели истории XVIII в.»), а также статья о М. Т. Каченовском.

Именно Соловьев кладет начало разработке русской буржуазной историографии, так как более ранние историографические работы носили еще характер сводных историко-библиографических обзоров.

Оценка различных направлений в русской историографии дается Соловьевым с позиций буржуазного либерализма. В статьях о Карамзине начала 50-х годов уже нельзя найти оценки его концепции как дворянской, которую давал Соловьев в своих ранних заметках. Формальным, абстрактным и в силу этого не лишенным противоречий остается спор со славянофилами, сведенный к вопросу об исторической роли государства и о критическом методе Шлецера².

Методологические положения с наибольшей полнотой были сформулированы Соловьевым в «Началах Русской земли» и в полемических статьях против славянофилов. Соловьев пытается подвести известные итоги изучения истории России, обобщить свои взгляды на историю России в ряде «общедоступных» и, «публичных чтений» и статей. Эти обобщения ставились Соловьевым в непосредственную связь с вопросами общественной жизни России XIX в., с общественно-политическими вопросами современности. Принципиальное обоснование этой общественно-политической направленности Соловьев сформулировал в «Исторических письмах» (1858 г.): «Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни»³.

¹ См. «Записки С. М. Соловьева, стр. 145.

² С. М. Соловьев. Шлецер и антиисторическое направление. Собрание сочинений (далее — Соч.), изд. «Общественная польза», стб. 1577—1616.

³ С. М. Соловьев. Исторические письма, Соч., стб. 887.

Оформление системы исторических взглядов Соловьева падает на 50-е годы XIX в. и стоит в непосредственной связи с революционной ситуацией в России и последующим периодом буржуазных реформ. Эта связь определила сущность общественной идеологии Соловьева как представителя либеральной буржуазии, «которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков», которая хочет «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков»¹. Отсюда вытекала и ограниченность исторических взглядов Соловьева.

Исторические взгляды Соловьева явились шагом вперед по сравнению со взглядами предшествующих ему дворянских и буржуазных историков. Критика старой дворянской историографии в трудах Соловьева обращена прежде всего против Карамзина, тем более, что «История государства Российского» считалась официальной историей России, когда начинал свою деятельность Соловьев.

В своих работах 50-х годов Соловьев приходит и к резкому осуждению славянофильства, с его идеализацией патриархальной старины и фактическим отрицанием закономерности исторического развития. Соловьев определил славянофильство как философию застоя в истории, утверждающую неизменное господство исконных, «вечных» начал, как «буддизм в науке», противопоставив этому положение об историческом развитии народной жизни и народного духа. Дворянской историографии Соловьев противопоставляет растущую буржуазную историческую науку. Крупный сдвиг в развитии русской исторической науки связывается для Соловьева с выступлением Грановского, объединившего группу молодых профессоров Московского университета. В некрологе Грановского Соловьев подчеркнул значение нового направления, отвечавшего, по его мнению, «великим стремлениям... молодого поколения», «господствовавшим в исторической науке стремлениям уяснить законы, которым подчинены судьбы человечества».

В то же время круг научных связей самого Соловьева был ограничен либерально-буржуазной профессорской средой, с ним были связаны историки К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, историки литературы Ф. Буслаев и Н. Тихонравов.

В обширной литературной, в частности журнальной деятельности, даже в личных заметках Соловьева не встречается ни одного прямого указания или упоминания о представителях революционной общественно-научной мысли — о Белин-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

ском, Чернышевском, Добролюбова, об исторических работах Щапова. Характеристика революционных общественных настроений периода революционной ситуации конца 50-х годов и проведения реформы 1861 г., сделанная в «Записках» Соловьева, показывает его отрицательно-враждебное отношение к этим направлениям, к распространению их влияния на науку и школу.

С наибольшей полнотой взгляды С. М. Соловьева на основные этапы русской истории выражены в его многотомной «Истории России», опирающейся в отдельных случаях на его же монографические работы.

Соловьев противопоставляет дробной периодизации русской истории по отдельным политическим признакам решительное требование «показать связь между событиями, показать, как новое проистекло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое...»¹. Представление о неразделенности отдельных частей исторического процесса, стремление сохранить единство и связь повествования отразились даже во внешней структуре «Истории России»: у Соловьева как бы нарочито отсутствует обозначение и выделение периодов, «ибо в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается»².

Это не значит, однако, что Соловьев со своей стороны не выделяет основных этапов развития. Эти этапы определены для Соловьева отдельными, наиболее крупными периодами исторического развития России.

Первая тема, которая привлекала к себе внимание исследователя — образование Русского государства или Московского, как говорит Соловьев, — переход от родового строя Киевской Руси к торжеству государственного начала в XVI в. Такова тема докторской диссертации Соловьева: «Об отношении между князьями Рюрикова дома»; она последовательно сформулирована в «Предисловии» к «Истории России», вновь определена в итогах XV в. в III главе IV тома и в VI томе, посвященном Ивану IV, «Главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные»³. Соответственно определяются и основные этапы этого процесса: Киевская Русь — время родовых отношений; вторая половина XII в. — «начало перемены в означенном порядке вещей», связанное, в частности, с тем, что «северная

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен (далее — История России), кн. I, изд. «Общественная польза», стб. 1339.

² Там же.

³ Там же, стб. 4.

Русь выступает на сцену»; XV—XVI вв. — завершение этого процесса, «образование Московского государства».

Вторая крупная тема — петровские преобразования. И здесь Соловьев рассматривает исторические явления в их тесной связи. XVII в. выступает у него как «приготовления» к новому порядку вещей — петровским реформам. Вторая половина XVIII в. в свою очередь связывается с петровскими преобразованиями как с «результатом этого движения»¹. И в то же время «во второй половине XVIII в. замечаем новое направление»², т. е. утверждается связь второй половины XVIII в. с XIX в., а реформа 60-х годов XIX в. окажется в прямой связи с петровскими преобразованиями.

Внутренние связи определяли для Соловьева внешние грани в русской истории. Такой гранью является прежде всего «эпоха преобразований», которая резко отделяет Русь допетровскую от последующей истории России и получает определяющее значение и для предшествующей и для последующей ее истории. Так возрождается в «Истории России» представление дворянско-буржуазной историографии середины XIX в. об определяющей роли преобразований Петра I в истории России, уже преодоленное революционно-демократической исторической наукой в лице Белинского, Добролюбова, Чернышевского.

Не менее резко выделен и период конца XV — середины XVI в.: переход от родового к государственному строю выступает законченным и замкнутым периодом. «Страшные смуты» начала XVII в. и смена династии отделяют для Соловьева конец первого раздела от «подготовки» петровских преобразований, что будет повторено в «Курсе русской истории» Ключевского.

В соответствии с установившейся традицией предшествующей дворянско-буржуазной историографии, фактическая история России начинается для Соловьева с легенды о призвании Рюрика; предшествующие события даются лишь в виде краткого введения. В пределах первой большей темы Киевский период русской истории характеризуется господством родового строя. Однако в самой концепции родового строя Соловьев пытается преодолеть формальную трактовку, свойственную Эверсу и в дальнейшем государственной школе. Правда, и у Соловьева в рамках политической истории система междукняжеских отношений, единство княжеского рода продолжают стоять на первом плане. Но Соловьев пытается раскрыть содержание родового строя применительно ко всему многообразию общественных отношений Киевского периода. Родовые отношения характеризуют весь внутренний строй и домашний быт

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. IV, стб. 862.

² С. М. Соловьев. История России, кн. I, стб. 6.

общества. Родовые отношения в смысле отношений старейшинства Соловьев усматривает и в отношении новых городов к старым: «...города новопостроенные вошли к древним в отношение младших к старшим, т. е. должны были находиться в воле последних...»¹. Родовые отношения княжеской власти в свою очередь представляют лишь отражение родовых отношений во всем обществе.

В самой системе родовых отношений Соловьев видел явление, общее всем народам на определенной стадии исторического развития, свидетельство общности исторического развития России и других народов. С этой точки зрения он выступал против общинной теории славянофилов с ее абстрактным противопоставлением общинного и родового начала, ведущим к утверждению якобы принципиальной противоположности исторического развития России и Западной Европы. Однако Соловьев в то же время пытается установить определенную связь между общиной и родом, рассматривая общину как некоторое развитие или усложнение родовой организации². В этом положении Соловьева заключается известный отход от позиций «государственной школы», утверждавшей противоположность рода общине. В связи со спором Чичерина и Беляева о сельской общине Соловьев, возражая Чичерину, признает преемственность современной сельской общины с ее переделами от древней родовой общины, отрицает утверждение, будто «варяги» привели к упразднению общины (родовой) и к торжеству княжеско-боярской собственности на землю³.

В XII в., по Соловьеву, происходит перемещение исторического центра из Киева в Северо-Восточную Русь. Датировка нового периода и связь с перемещением географического центра напоминают старые схемы периодизации. Но Соловьев пытался наполнить старую схему иным содержанием. Новый период характеризуется торжеством нового начала «отдельной собственности». В Северо-Восточной Руси «собственность господствует над родовыми отношениями», «понятия собственности, наследственности владения, начали господствовать над понятиями семейными»⁴.

Это общее положение ставится в прямую связь с изменениями политического строя, княжеских отношений: Андрей Боголюбский — «первый пример привязанности к своему, особо-

¹ С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям, М., 1845, стр. 26.

² Ср. С. М. Соловьев. Начала Русской земли. Соч., стб. 761—792.

³ С. Соловьев. Спор о сельской общине. «Русский вестник», т. VI, М., 1856, стр. 285—304.

⁴ С. М. Соловьев. Об отношениях Новгорода к великим князьям, стр. 32, 35.

му, первый пример оседлости... и отсюда начинается новый порядок вещей»¹.

Именно в этой интерпретации, данной Соловьевым, выделение нового исторического этапа войдет в позднейшую буржуазную историческую литературу, в частности в работы Ключевского и Павлова-Сильванского. «Государственная школа» в лице Чичерина и Кавелина видела в вотчинном начале форму политического строя, слияние гражданских и государственных отношений, противопоставляя вотчинную систему государству. Соловьев в вотчинном владении видит складывание нового общественного типа — землевладельческого вотчинного хозяйства и в связи с этим общественную основу развития нового государственного порядка. В борьбе вотчинного и родового владения он видит основу борьбы государственного начала с родовым, которое завершается «окончательным торжеством государственных отношений над родовыми»². При этом и сами родовые отношения отчасти приобретают новое содержание, как закономерное звено в историческом становлении нового государственного порядка. Соловьев сопоставлял родовой порядок в России с феодальными отношениями на Западе. «Феодальная цепь на западе и родовая связь на востоке кажутся так слабы, так ничтожны при страшной борьбе материальных сил, и, несмотря на то, благодаря известной экономии человеческих обществ, эти две нравственные связи, нравственные силы так могущественны, что в состоянии охранить государственное единство»³.

Исходя из своих основных представлений об историческом процессе России, Соловьев пытается по-новому решить и некоторые вопросы политической истории страны XII—XV вв. Таков прежде всего вопрос о возвышении Москвы. В освещении Соловьева на первое место выдвигаются общие исторические условия. Значение Москвы как географического центра Северо-Восточной Руси и «пограничного места между старою, Южною, и новою, Северною Русью»⁴, получает свое раскрытие прежде всего в сосредоточении здесь значительной массы населения и накоплении материальных богатств, определивших в конечном счете реальную силу московского князя. С этим оказывалась неразрывно связанной и роль Москвы как торгового центра Руси, что также содействовало ее материальному усилению. Таким образом, не субъективные свойства князей-«соби-

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. III, стб. 641.

² См. С. М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома, М., 1847, стр. I—X.

³ С. М. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1343.

⁴ Там же, стб. 1119.

рателей», а материальные ресурсы определили историческую роль Московского княжества.

Отсюда у Соловьева естественно вытекало отрицание решающего значения татарского ига в установлении русского единогодержавия, утверждавшегося Карамзиным и возобновленного, с одной стороны, «государственной школой» в лице Чичегина, с другой — Костомаровым. При этом, однако, Соловьев не указывал на другую сторону вопроса — тормозящую роль татарского нашествия в историческом развитии Русской земли и на значение народной борьбы с татарским игом.

Непосредственным завершением предшествующей борьбы за торжество государственного начала является у Соловьева деятельность Ивана IV. Опричнину Соловьев рассматривает как сознательный и исторически оправданный прогрессивный акт борьбы за централизацию государственной власти. Для дворянской историографии, для Щербатова и Карамзина, опричнина была лишена реального исторического смысла, являлась продуктом патологического состояния Ивана IV, а разрыв царя с боярством оказывался причиной неисчислимых бедствий. Пересмотр этой точки зрения представляет крупное научное достижение С. М. Соловьева.

В «Истории России» Соловьев не смог поставить и решить основные вопросы русской истории конца XVI — начала XVII в., хотя и дал впервые систематизированный обзор исторических событий этого периода. Установление крепостного права для Соловьева, как и для историков-государственников, — необходимый акт, продиктованный, как и сама государственная централизация, общенародными интересами, так как оно, будто бы, обеспечивало несение государственной службы всеми условиями.

Классовая ограниченность взглядов С. М. Соловьева сказалась на трактовке им крестьянских войн, как анархии и бунтов праздной массы казачества, отказывающегося от всякого труда, направляющего свои силы на разрушение государственного организма. Внешней историей казацкого похода и картиной разрушений исчерпывается история крестьянской войны под руководством Степана Разина. К политике правительства Алексея Михайловича и Богдана Хмельницкого сведена история воссоединения Украины с Россией в XVII в.

История России XVII в. излагается Соловьевым, в основном, как подготовка петровских преобразований, притом чисто идеологическая — в плане определения нужд и задач, стоявших перед Российским государством, а не создания материальных основ для их реализации. Преобразования Петра — это «наша революция начала XVIII в.», в которой «один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление револю-

ционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства»¹. Впоследствии, в «Публичных чтениях о Петре Великом», повторена та же основная мысль: «народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя;— вождь явился»². Именно «эпоха Петра» — «эпоха преобразований», по Соловьеву, превращалась в поворотный пункт русской истории.

И все же согласно основным положениям своей исторической концепции Соловьев с особенной настойчивостью подчеркивал историческую обусловленность петровских преобразований. «Преобразователь воспитывался уже в духе преобразования», — писал Соловьев в предисловии к I тому «Истории России». «Он является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру»³. Мысль о связи петровских преобразований с предшествующим и последующим развитием России особенно подчеркивалась в «Публичных чтениях о Петре Великом» в связи с общим положением, что каждое историческое явление «объясняется рядом предшествовавших явлений и потом всем последующим»⁴.

Из этого общего положения вытекает постановка и решение общих вопросов в трактовке петровских преобразований Соловьевым. Автор выдвигал на первый план именно вопросы внутренней политики и тем самым подчинял ей военные и внешнеполитические вопросы: «Война входила в общий план преобразования; как средство для достижения ясно сознанных, определенных целей этого преобразования, входила в общий план, как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам»⁵.

Трактовка петровского времени у Соловьева этими положениями решительно противостоит не только дворянской истории Щербатова, Карамзина, славянофилов, но и позднейшей буржуазной исторической науке времени ее кризиса. В это время Милюков, а до него в известной мере уже Ключевский, все более развивают утверждение о беспочвенности и бесплодности преобразований, подчиняя всю внутреннюю политику Петра I задачам войны и внешней политики, выводя самое содержание внутренних реформ из механического заимствования иностранных образцов.

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. III, стб. 1053, 1055.

² С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. Соч., стб. 1001.

³ С. М. Соловьев. История России, кн. III, стб. 1055.

⁴ С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом Соч., стб. 969.

⁵ Там же, стб. 1060.

В этом отношении в ряду буржуазных историков Соловьев стоял на прогрессивных позициях. Но его концепция ограничена рамками либерально-буржуазных воззрений. От революционно-демократической концепции, в частности от точки зрения Белинского, его отделяет непонимание исторической ограниченности петровских реформ. Соловьев утверждает только положительное значение реформы Петра I, для него буржуазные реформы 60-х годов XIX в. являются непосредственным продолжением и развитием, тогда как Белинский уже в 1847 г. пришел к ясному выводу, что «...Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразования...»¹ Это положение последовательно развили великие революционные демократы Герцен, Добролюбов, Чернышевский.

При изучении истории России второй и третьей четверти XVIII в. Соловьеву пришлось уже столкнуться с большими трудностями, поскольку в этой области у него не было предшественников. Последние томы его «Истории России» вводят в оборот огромный, ранее нетронутый исторический материал, но все более сводятся к своего рода хронике исторических событий.

Только ряд специальных исторических монографий, относящихся к этому периоду, оказывается связанным общей тематикой, выдвинутой Соловьевым, — тематикой международных отношений; таковы его работы: «История падения Польши», «Император Александр I. Политика. Дипломатия», «Восточный вопрос». Кроме непосредственной связи с текущими вопросами политической жизни, эта тематика приобретает у Соловьева еще известное принципиальное обоснование в утверждении роста международных связей и общности исторического развития народов в период новой истории, с XVII в., «после того, как политический организм ее (Европы. — *Ред.*) сложился», выработал «общую жизнь народов или государств при их самостоятельности»².

В этой связи особый интерес представляет работа — «Император Александр I. Политика. Дипломатия». Поставив внешнюю политику начала XIX в. в связь с внутренним развитием народной жизни, Соловьев выделяет начало XIX в. как новый период в истории европейских народов, для которой переломной гранью выступает Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. Он противопоставляет «идеям XVIII века» — новое начало, ставившееся в повестку дня — начало народности³. В этом смысле им выделяется новый тип «народной вой-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 399.

² С. М. Соловьев. Император Александр I. Политика. Дипломатия. Соч., стб. 249.

³ Там же, стб. 446.

ны», представленный прежде всего борьбой Испании против наполеоновского завоевания¹.

Таков в конечном счете обширный круг вопросов, охваченных Соловьевым в его научной деятельности, продолжавшейся около 40 лет.

Расширение хронологических рамок исторических исследований, распространившихся теперь на весь XVIII и частично на XIX в., определило исключительную обширность источниковедческой базы трудов С. М. Соловьева. Он использовал огромный документальный материал, в значительной части впервые извлеченный из архивов Москвы и Петербурга.

«История России» С. М. Соловьева насыщена огромным количеством выписок из документов, в значительной части ранее не публиковавшихся. Много материалов приведено в изложении. По объему источников, использованных Соловьевым, его труды, в особенности «История России», представляют собой выдающееся явление, равное которому трудно указать в мировой буржуазной литературе.

Источниковедческий подход Соловьева страдал методологической ограниченностью, отсутствием всестороннего анализа. Документ, как правило, воспроизводится или пересказывается Соловьевым при непосредственном описании того или иного события или явления, без дальнейших попыток раскрытия его внутреннего содержания. Соловьев ищет в источнике лишь конкретных сведений, исторических фактов, а не выражение классовых противоречий эпохи, классовых отношений, породивших эти явления, и в том числе самый источник. Общественные взгляды Соловьева оформились под непосредственным влиянием общественной жизни России 40—50-х годов XIX в. Соловьеву была чужда система николаевской монархии («Николаевской тюрьмы») ² с ее полицейской гнетом и гонением на просвещение. «Он инстинктивно ненавидел просвещение... он был воплощением: *«не рассуждать!»*», — писал Соловьев о Николае I в своих «Записках» ³. Опыт николаевской монархии привел историка к критической оценке «либерализма» Александра I, который в своей заботе о подданных «даже хотел их выпустить на волю — под надзор Аракчеева» ⁴. Отсюда и его общее критическое отношение к абсолютной монархии — к «русским благочестивейшим и самодержавнейшим папашам и мамашам», как он называет в «Записках» русских царей и цариц XVIII и XIX вв. Со своей стороны Соловьев противопо-

¹ С. М. Соловьев. Император Александр I. Политика. Дипломатия. Соч., стб. 418.

² «Записки С. М. Соловьева», стр. 156.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же.

ставляет дворянско-помещичьей, крепостнической монархии в качестве идеала лишь буржуазную монархию типа монархии Людовика-Филиппа во Франции.

Соловьев боялся народных движений, и это сказалось на его трактовке русской истории. Он мечтает о реформах, проведенных «сверху», чтобы предотвратить революцию. Это определило его враждебное отношение к последующему подъему революционного движения и недовольство правительственной политикой Александра II: «Преобразования производятся успешно Петрами Великими; но беда, если за них принимаются Людовики XVI-ые и Александры II-ые. Преобразователь, вроде Петра Великого, при самом крутом спуске держит лошадей в сильной руке — и экипаж безопасен; но преобразователи второго рода пустят лошадей во всю прыть с горы, а силы сдерживать их не имеют, и потому экипажу предстоит гибель»¹. Программа либеральных реформ соединяется у Соловьева с идеалом государственного буржуазного «правопорядка» и страхом всякого революционного потрясения. Отсюда — последовательная идеализация государства, характерная для Соловьева как буржуазного историка. Отсюда и превращение петровских преобразований в центральное и определяющее звено русского исторического процесса.

Исходное положение исторических воззрений Соловьева, противопоставленное им предшествовавшим историческим концепциям, — утверждение закономерности исторического развития. С этого положения начал Соловьев свое предисловие к «Истории России». Понятие закономерности исторического развития находит свое конкретное выражение у Соловьева в утверждении тождества исторического развития России и Западной Европы. «Пора бросить старые толки о различии наших и западных общественных отношений», — писал Соловьев в «Исторических письмах»², показывая несостоятельность противопоставления процесса возникновения государства путем завоевания на Западе и призвания (варягов) в Россию. В этом плане стоит и признание Соловьевым тождественности для России и для Западной Европы родового строя как общей стадии исторического развития. В IV томе «Истории России» он попытался провести параллель между феодализмом на Западе и развитием родовых отношений на Руси. «Феодализму на западе и родовым княжеским отношениям на востоке бесспорно принадлежала опека над новорожденными европейскими обществами в опасный период их младенчества»³. Развитию Русского государства при Иване IV соответствовали, по мнению

¹ «Записки С. М. Соловьева», стр. 168.

² С. М. Соловьев. Исторические письма. Соч., стб. 870.

³ С. М. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1343.

Соловьева, тождественные явления западной истории (царствование Людовика XI во Франции). Изменения в культурной жизни России времени Петра I сближались им с явлениями западноевропейского «возрождения» и «гуманизма». Наконец в работе «Император Александр I. Политика. Дипломатия» Соловьев показал общность буржуазного развития Западной Европы и России в начале XIX в.

В статье «Начала Русской земли» Соловьев пытается раскрыть конкретное содержание утверждаемой им причинной связи, закономерного развития исторических событий: «Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают»¹. В этой системе отношений, устанавливаемой Соловьевым, отсутствует основное — общественное производство и общественный строй. Это и определило конечную порочность и внутренние противоречия его системы исторических взглядов.

Соловьев пытается внести принципиальные ограничения в роль географического фактора, получившего особенное распространение в буржуазной науке середины XIX в. Он выступает против «односторонности» и переоценки природных условий. «Если народ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природным условиям обитаемой им местности, то, с постепенным развитием его духовных сил, замечается обратное действие, изменение природных условий под влиянием народной деятельности»². При этом географические условия действуют не сами по себе, а лишь во взаимодействии с другими условиями исторического развития; сами географические условия в сущности не создают и не упраздняют закономерностей развития, а должны только влиять на его темпы. Этим для Соловьева определились границы противопоставления Восточной и Западной Европы: природные условия тормозили государственное развитие древней Руси³. Однако историку не удается удержаться в этих первоначально намеченных границах.

Уже в IV томе «Истории России» Соловьев выводит именно из природных условий одно из основных положений буржуазной исторической схемы, определяющее историю России, как историю страны, которая колонизируется. На Западе — «камень», горы разделили территорию и с самого начала обеспечили устойчивость государственных образований с прочными

¹ С. М. Соловьев. Начала Русской земли. Соч., стб. 761.

² С. М. Соловьев. Наблюдения над исторической жизнью народов, Соч., стб. 1118.

³ См. С. М. Соловьев. Начала Русской земли. Соч., стб. 763—764.

феодалными замками и городскими укреплениями. У нас — дерево, лес, непрочные деревянные строения и городские частоты, где ничто не привязывает к месту, не создает прочной оседлости. В поздних литографированных курсах лекций Соловьева из этой формулы выводится историческая необходимость государственного закрепощения крестьян как средство организации народного труда, своеобразная буржуазная попытка исторического оправдания крепостного права. Точно также другая географическая антитеза — борьба леса со степью — послужила буржуазно-националистическому решению вопроса исторического развития отношений между народами России.

Второму звену в раскрытии закономерности — «природа племени» — Соловьев стремился придать более широкий, исторический, а не чисто этнографический характер. Таково, в частности, историческое и географическое значение «украинского положения России», как «европейской окраины, или украинцы, со стороны Азии».

Эти мысли, сформулированные уже в ранних заметках Соловьева, в связи с его работой над трудами Шафарика, повторяются и в «Началах Русской земли» и в «Истории России». Но и здесь идеалистическая природа воззрений Соловьева приводит его, особенно в поздних лекционных курсах, к этнографической трактовке, характерной для буржуазного националистического и великодержавного шовинизма, развивающего идею об особой исторической миссии арийской расы, о принадлежности к «любимому историю арийскому племени»¹.

Для понимания Соловьевым закономерности исторического развития особенно характерно его третье положение — о значении «внешнего хода событий». В одном из рукописных набросков он поясняет это определение: «Исторические обстоятельства (влияние других народов, ранняя усидчивость, движение, борьба, различный ее характер)»². В этом определении речь идет, таким образом, о целой совокупности исторических явлений в их неразрывной связи. Отсюда же его требование «соединить разрозненные части в одно органическое целое»³.

Наиболее последовательно и полно эта мысль раскрыта Соловьевым в «Исторических письмах». «Историк не имеет права, бросивши то, что действует, и своим действием объясняет нам все в прошедшем и настоящем, обратить внимание преимущественно на то, что находится в бездействии или дей-

¹ С. М. Соловьев. Начала Русской земли. Соч., стб. 764.

² Гос. б-ка им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. Соловьева, п. VI, д. № 10, л. 65 (с. 129) — из рукописного варианта «Наблюдения над исторической жизнью народов» (подлинник названия не имеет).

³ С. М. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1339.

ствуется слабо, развивается медленно... обязанность историка показать причины, почему одно начало действует на первом плане, а другие действуют слабо, медленно... Здесь обязанность его оканчивается, ибо этим он вполне освещает настоящее, как результат прошедшего... настоящее есть такая же проверка прошедшего и наоборот...»¹. На этой основе формулировалась Соловьевым его концепция «органического» развития общества, в которой идея закономерности сочеталась с идеей исторического прогресса. В то же время в понимании «органического развития» заключалась и слабая сторона концепции Соловьева, определенная ее буржуазно-идеалистической ограниченностью. Самое развитие понималось Соловьевым как своеобразное подобие физического роста организма: «Народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, органическое», — пишет Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом».

При такой трактовке вопроса должна была выступить на первый план собственно политическая история, история событий, в которых растворялись материальные условия жизни — хозяйственная деятельность и общественные отношения. Представление о закономерности развития получило у Соловьева внешний, абстрактный характер, лишенное подлинно научного обоснования в действии материальных и социальных сил самой общественной жизни.

Противоречивость и ограниченность исторических взглядов Соловьева особенно сказались на разрешении им двух проблем: об отношениях народа и государства и о роли личности в истории. Революционно-демократическая мысль в лице Белинского и Герцена уже выдвинула свое понимание народа как эксплуатируемой массы трудящихся в его противопоставлении господствующему классу. Однако это положение встретило со стороны Соловьева резко враждебное отношение. Он пытался преодолеть противопоставление государства народу, требуя исторического объяснения самого государственного развития путем обращения к истории народной жизни, понимаемой им как «народный быт». Но вместе с тем, с точки зрения его «органической теории» исторического развития, государство и народ выступают в полном единстве, представляют лишь разные стороны одного целого, разные проявления одного и того же процесса: «государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства», «правительство, в той или другой форме своей, есть

¹ С. М. Соловьев. Исторические письма. Соч., стб. 895.

произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни»¹. Государство оказывается прямым отражением народной жизни, взятой в ее основном единстве, а не продуктом классовых противоречий.

Государство у Соловьева получает самодовлеющий характер, становится прямым выразителем и лучшим представителем народа. Историк должен изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится «самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни»². Это положение в своем логическом развитии должно было вести к фактическому растворению истории народа в истории государства, получающего порой даже самодовлеющее, независимое значение. Такие утверждения Соловьева характерны и для «государственной школы» Кавелина и Чичерина.

Такие же противоречия определили трактовку Соловьевым исторической роли личности. Если дворянская историческая наука сводила всю историю к «деяниям» исторических лиц — полководцев и правителей, понимаемых разве только в их психологической обусловленности, то буржуазная историческая наука, противопоставляя дворянской историографии принцип закономерности, выдвигала положение о народном начале, хотя и рассматривала его с идеалистических позиций.

История, по Соловьеву, — «связное и стройное представление народной жизни», а «не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей»; «великий человек является сыном своего времени, своего народа... его деятельность теряет характер случайности, произвола». «Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы»³.

Это положение нашло свое отражение у Соловьева в попытках исторического истолкования деятельности Петра I. Однако, лишенная прочной материальной основы, эта связь личности с народом получает у Соловьева чисто идеалистическое истолкование. На первом плане оказываются исторические личности — «представительные типы», по выражению Соловьева, за которыми снова выступает то же государственное начало; в конечном счете эта представительная роль отводится именно «правительственным лицам», от высказывания государей и их министров «зависит судьба целого народа и очень часто судьба

¹ С. М. Соловьев. Наблюдения над исторической жизнью народов. Соч., стб. 1122, 1126.

² С. М. Соловьев. Наблюдения над исторической жизнью народов. Соч., стб. 1124.

³ С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. Соч., стб. 971, 974.

многих народов»¹. Таким образом, снова оказывается, что государственное начало торжествует.

Отсюда — отрицательная трактовка Соловьевым народных движений в истории России. Если отдельные крестьянские выступления, по его мнению, могут происходить от злоупотребления частных лиц, то массовое народное движение, обращенное против общественного и государственного гнета и тем самым против установленной государственной власти, характеризуется Соловьевым как проявление анархии, как антигосударственное и потому антинародное действие. Непосредственному выступлению народных масс противопоставляется государство как единственный законный представитель народа.

Буржуазное понимание народа и государства лежит также в основе трактовки Соловьевым истории отдельных народов России в их отношении к истории русского народа.

Основное содержание русской колонизации — «борьба с азиатцами», «борьба леса со степью»: оттесненный на север «стремительным движением азиатских племен» русский народ, собравшись с силами, в свою очередь переходит в наступление². «Наступательное движение на Азию» составляет в этом смысле, по Соловьеву, содержание нового периода русской истории с XVI в., со времени укрепления Русского государства при Иване IV. В этом плане и история украинского народа есть лишь история борьбы северной Руси с королевством польским за «соединение обеих половин Руси под одну державой»³.

В буржуазной исторической науке Соловьев, может быть, ближе всех подошел к реализации принципов историзма в стремлении раскрыть историческую действительность в ее конкретности и взаимообусловленности, насколько это могло быть осуществлено в рамках идеалистической концепции. В силу этого в таких вопросах, как история политического объединения русских земель и возвышения Москвы, как утверждение самодержавия при Иване IV или преобразовательная деятельность Петра I, — труды Соловьева явились в известной мере вершиной буржуазной исторической науки в России.

Но говоря об относительной прогрессивности научных воззрений Соловьева, необходимо отметить и буржуазную ограниченность его построений. Соловьев рассматривал историю в целом с идеалистических позиций, непомерно преувеличивая роль государства в ее развитии. Как буржуазный историк, он не мог раскрыть действительную роль народных масс в истории и враждебно относился к классовой борьбе трудящихся масс.

¹ С. М. Соловьев. Наблюдения над исторической жизнью народов. Соч., стб. 1123.

² См. С. М. Соловьев. История России, кн. I, стб. 1335—1338.

³ Там же, стб. 4—5.

Истинными выразителями новых задач исторической науки в условиях обострения классовой борьбы первой половины XIX в. выступили революционные демократы Белинский и Герцен.

VII

ОФОРМЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 40-х годах XIX в. революционная историческая мысль в России поднялась на новую ступень в своем развитии. В этот период великие русские мыслители В. Г. Белинский и А. И. Герцен, опиравшиеся на традиции А. Н. Радищева и декабристов, выступили основоположниками революционно-демократического направления в русской историографии.

В. И. Ленин рассматривал Герцена в период его совместной деятельности с Белинским, как дворянского революционера, Белинского же характеризовал, как предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»¹, как носителя новой, более высокой по своему типу революционности — демократической. Герцен являлся соратником Белинского в революционной борьбе за освобождение русского народа от самодержавно-крепостнического гнета и в процессе этой борьбы он успешно эволюционировал к революционному демократизму. В период революции 1848 г. Герцен выступал, как указывал В. И. Ленин, демократом, революционером, социалистом². В. И. Ленин видел в Белинском и Герцене самых выдающихся представителей русского освободительного движения 40-х годов прошлого века. К этому периоду он относит начало поисков в России правильной революционной теории³, завершившихся утверждением в нашей стране великого учения марксизма, и зачинателями этих исканий считал Белинского и Герцена.

Исторические взгляды Белинского и Герцена были важной стороной их революционного мировоззрения. На протяжении всей своей сознательной жизни они проявляли неослабевающий интерес к изучению истории. Им были знакомы основные исторические источники и наиболее значительные для их времени работы по русской и всеобщей истории. В литературном наследстве Белинского и Герцена освещение вопросов истории занимает значительное место. Перу Герцена принадлежит обобщающая историческая работа «О развитии революционных идей в России», статьи о декабристах, предисловия к историче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

² См. В. И. Ленин, т. 18, стр. 10.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

ским сочинениям и сборникам исторических материалов, изданным Вольной русской типографией в Лондоне. Белинским написаны многочисленные рецензии на книги исторического содержания. В его литературно-критических статьях, так же как в публицистических произведениях и дневнике Герцена, содержатся обширные исторические экскурсы, в письмах каждого из них мы находим ценные высказывания по вопросам истории. В процессе формирования и развития исторических взглядов Белинского и Герцена, как и их мировоззрения в целом, имелось много общих моментов.

Единство Герцена и Белинского при освещении важнейших исторических событий, патриотический характер их исторических взглядов и общую направленность этих взглядов против дворянской официальной историографии легко проследить в произведениях, написанных ими в 30-х годах прошлого века. Но с особой отчетливостью принципиальное единство исторических взглядов Белинского и Герцена выявилось в 40-е годы, когда они объединили свои усилия в революционной борьбе против крепостничества и самодержавия.

Однако общие с Герценом черты исторических воззрений Белинского не исключали их своеобразия. Исторические взгляды Герцена, как дворянского революционера, не могли не содержать существенных особенностей, которые обуславливались также и тем обстоятельством, что его деятельность достигла наибольшей интенсивности и размаха уже после смерти Белинского — в 50—60-х годах XIX в. Новые исторические особенности, характеризующие эти десятилетия, наложили свой отпечаток на мировоззрение Герцена, в частности на его исторические взгляды.

VIII

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848 гг.) к началу 40-х годов прошлого века преодолел свойственные ему ранее просветительские иллюзии и в последующий период выступил в качестве революционера-демократа. Выражая интересы закрепощенного крестьянства, он пришел к выводу о необходимости революционного уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России и подчинил всю свою деятельность задаче пропаганды революционных идей. В 40-е годы развитие мировоззрения Белинского совершалось на революционно-демократической основе, что отразилось и на его исторических взглядах¹.

¹ Подробнее см. В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды В. Г. Белинского, М., 1953.

В 40-х годах разворачивается напряженная борьба формирующегося лагеря революционной демократии сначала против славянофилов, а затем и против западников. Необходимость борьбы с либерально-монархическим лагерем, в частности критики их исторических теорий, настоятельно требовала от Белинского, как идейного вдохновителя демократического лагеря, разработки самостоятельной исторической концепции. В такой концепции Белинский видел средство теоретического обоснования своих революционных политических воззрений.

Белинский отчетливо понимал выдающееся значение исторической науки, которое она приобрела в XIX в.: «Наш век, — писал он, — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве»¹.

Характеризуя общественное назначение передовой исторической науки, Белинский заявлял: «мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»².

Белинский уделял пристальное внимание разработке теоретических основ исторической науки. Он прежде всего подчеркивал объективный характер исторических закономерностей. «Отвергать возможность истории, как науки, — писал Белинский, — значит — отвергать в развитии общественности неизменные законы, и в судьбах человека ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая»³.

Существенным условием обнаружения историком подлинных закономерностей исторического развития Белинский считал его вооруженность передовой философской теорией, основанной на прогрессивных общественно-политических воззрениях. Передовая философская теория призвана избавить историка от простой фотографии исторических фактов, она должна направить его внимание на раскрытие внутреннего смысла событий прошлого, на обнаружение за разрозненными и случайными фактами исторической необходимости закономерностей исторического процесса. Для достижения этого результата, отмечал Белинский, историки должны «подвести многообразие частных явлений под общее значение, открыть в многообразии частных явлений органическую связь, взаимодействие»⁴.

В отмеченных особенностях исторических взглядов Белинского заключалось их коренное отличие от взглядов буржуазных историков и социологов. Историзм буржуазных идеологов

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений под редакцией С. А. Венгерова. СПб., 1900, М.—Л., 1948 (далее — Соч.) т. VI. стр. 37.

² Там же, стр. 398.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 453.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 530.

был обращен в прошлое и потому был ограниченным. Они полагали, что историческое развитие завершается достижением буржуазных отношений и решительно отвергали закономерность борьбы трудящихся против буржуазии. Историзм Белинского, напротив, был устремлен в будущее, служил теоретическому обоснованию его революционных убеждений и основывался на передовой философской теории диалектического развития, что позволило ему приблизиться к научному пониманию объективных закономерностей исторического процесса.

Основным законом истории Белинский считал закон прогрессивного развития человечества и каждого народа в отдельности. Развитие человечества, утверждал Белинский, представляет собой непрерывный процесс поступательного, прогрессивного движения от низшей ступени к высшей. «Ничто не является вдруг, — заявлял он, — ...но все... развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве»¹. Будучи идеалистом в понимании истории, Белинский в то же время подчеркивал неодолимость исторического развития. В этом ярко обнаруживался революционный характер его исторических взглядов. Он заявлял: «Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: *стой, довольно, больше итти некуда!*.. Жизнь только в движении; в покое — смерть»².

Объективной основой неодолимого исторического прогресса Белинский считал борьбу противоположных начал, возникающего нового с отживающим старым, осужденным историей на гибель. Он утверждал, что «без борьбы... не было бы движения, развития, прогресса, словом — жизни»³. Человеческое общество он рассматривал как «единство противоположностей, которых борьба и взаимные отношения составляют его жизнь»⁴. Противоречивость общественного развития Белинский рассматривал в качестве его важнейшей закономерности.

Содержательность и глубина теоретических обобщений Белинского в истолковании исторического процесса являлись в значительной мере результатом его вдумчивого изучения истории, в которой носителями противоречивых начал выступали борющиеся между собой социальные силы. Так, Белинский писал о напряженной социальной борьбе в истории Западной Европы: «Феодализм (имеются в виду феодалы — противники создания единого государства.— *Ред.*) боролся с королевской

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. VIII, стр. 61.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 460.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. IX, стр. 307.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 414.

властью и, побежденный ею, ограничил ее, явившись аристократиею, среднее сословие боролось и с феодализмом, и с аристократиею, демократия — с средним сословием»¹.

Особенно внимательно изучал Белинский переломные периоды в истории различных народов, в частности историю Реформации и буржуазной революции во Франции конца XVIII в. В одном из писем он заявлял: «В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты...»².

В революционных движениях прошлого великий русский демократ подчеркивал роль народных масс и выделял наиболее радикальные политические течения, изучая революционный опыт всех народов.

С неменьшей внимательностью изучал Белинский опыт революционных движений XIX в. Он дал глубокую и яркую характеристику революции 1830 г. во Франции. В рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны», написанной в 1844 г., Белинский указывал, что революцию совершил народ, но плодами ее воспользовались буржуазные политики, которые «повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребя жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности. А народ, который, в безумной ревности, лил свою кровь, ...что же выиграл себе этот народ?— Увы! тотчас же после июльских происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего»³.

В этой статье, замечательной своим гневным пафосом обличения предательского поведения буржуазии, отчетливо обнаружилась сила теоретической мысли Белинского и его натура страстного революционера-демократа.

Наблюдая бедственное положение трудящихся в странах Западной Европы, Белинский проследил назревание предпосылок революции 1848 г.

Исторический опыт убеждал Белинского в том, что движущей силой истории являются не государство, не абсолютная идея и не «народный дух», а творческая деятельность народных масс. Изучение им многовековой самоотверженной борьбы народных масс с угнетателями в разных странах, активного участия масс в революционных событиях, их героической борьбы за сохранение национальной независимости, неопровержимо подтверждали вывод о решающей роли народных масс в общественном развитии. Признание народных масс творческой силой исторического процесса представляло важнейшую отли-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 345.

² В. Г. Белинский. Письма. СПб., 1914, т. II, стр. 267.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. VIII, стр. 471.

чительную особенность революционно-демократической исторической концепции, которая определяла ее принципиальную противоположность дворянско-буржуазной историографии. Разработка этого вопроса первостепенной значимости составляла выдающуюся заслугу Белинского.

Суждения Белинского о неодолимости исторического прогресса и решающем значении творческой деятельности народных масс, явившиеся результатом его разностороннего изучения истории, не были для великого русского демократа только теоретической истиной. Они определили его практическую революционную деятельность, лежали в основе решительного отрицания им прогнившего самодержавно-крепостнического строя в России и буржуазного строя в Западной Европе и Америке, служили источником его непоколебимой уверенности в торжестве социалистических отношений в будущем.

Глубина понимания Белинским исторического развития особенно раскрывается в его отчетливом представлении о национальных формах этого развития. В своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он писал: «борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура, но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса»¹. Отчетливое понимание этого вопроса определяло позицию Белинского в борьбе со славянофилами, рассматривавшими Россию изолированно от общечеловеческого исторического процесса, стремившимися вернуть ее к допетровским временам, и с буржуазными либералами-западниками. Белинский, решительно разоблачивший национальный нигилизм буржуазных либералов, их неверие в творческие силы русского народа, первым заклеил западников метким наименованием «фантастических космополитов», «беспаспортных бродяг в человечестве».

Обличая антинародный характер устремлений буржуазных либералов, ложно утверждавших, что установление в России буржуазных отношений по образцу западноевропейских приведет ее к всеобщему «благоденствию», Белинский решительно отвергал фальшивую идеализацию ими буржуазного строя в Западной Европе. На примере революции 1830 г. во Франции Белинский показал, что победа в Париже, купленная ценой крови парижских рабочих, привела к захвату власти буржуазией, установившей для трудящихся режим нищеты и бесправия. Белинский обнажил видимость того «равенства», которое провозгласили идеологи буржуазии, чтобы прикрыть эксплуа-

¹ В. Г. Белинский, Соч., т. X, стр. 409.

таторскую сущность буржуазных отношений. «Хорошо равенство! — восклицал Белинский. — ...Собственник... смотрит на работника..., как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода»¹. Характеризуя буржуазное общество, Белинский писал, что там «все продажно, от голоса до совести, там нет никакой другой веры кроме веры во власть денег»².

Как бы делая вывод из своего разоблачения буржуазного строя, Белинский заявлял: «горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»³.

Белинский был глубоко убежден в необходимости насильственного уничтожения всякого эксплуататорского строя, видя в народной революции единственное средство перехода к социалистическому обществу, основанному на справедливости и подлинной свободе, но об этом он мог писать только в своих письмах. Говоря о путях перехода к такому обществу, Белинский утверждал: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов». Свои рассуждения он заключал следующими знаменательными словами: «Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают»⁴.

Разрешение всех вопросов, касающихся истолкования закономерностей и движущих сил истории, Белинский неизменно связывал с основной проблемой революционно-демократического понимания исторического процесса — проблемой решающей роли народных масс в истории. Отвергая утверждения дворянских и буржуазных историков относительно решающей роли государства в истории, Белинский разоблачал представления этих историков о народных массах, как инертной силе, лишенной способности к самостоятельной деятельности.

Не поднявшись до материалистического понимания истории, Белинский не мог научно решить вопроса о возникновении, развитии и сущности государства. Однако, оставаясь на позициях историзма, он высказывал глубокие суждения о значении государства в общественном развитии. Белинский отмечал

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. VIII, стр. 471.

² А. Дубовиков. Новое о статье Белинского «Парижские тайны». «Литературное наследство» № 56, М., 1950, стр. 489.

³ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 329.

⁴ В. Г. Белинский. Письма, т. II, стр. 269.

прогрессивную роль государственной организации на этапе преодоления в различных странах феодального дробления в борьбе с децентрализаторскими стремлениями аристократических кругов. Он указывал также на значение государства в организации отпора внешним врагам. Но и в борьбе за создание единого государства и в отпоре внешним врагам Белинский подчеркивал решающую роль народных масс, отмечал самоотверженность, патриотическое воодушевление и героизм народа, выступающего на защиту своей национальной независимости. Убедительные примеры, подтверждающие исключительную роль народных масс, Белинскому давала прежде всего история России.

Белинский отчетливо понимал антинародную сущность российского самодержавно-крепостнического государства и буржуазных государств Западной Европы. Он сочувствовал борьбе трудящихся против антинародных государственных режимов, признавал необходимость их революционной ликвидации в интересах исторического прогресса.

Глубоко решал Белинский и вопрос о роли выдающихся деятелей в историческом развитии. Преодолев свою первоначальную переоценку роли личности в истории, Белинский выдвинул формулу о том, что личность без народа — призрак. Великие деятели, их сила и значение определяются тем, в какой мере они выражают и понимают запросы исторического момента, потребности прогрессивного развития. «Каждый великий человек, — указывал Белинский, — совершает дело своего времени, решает современные ему вопросы, выражает свою деятельность духом того времени, в которое он родился и развился»¹. Белинский полагал, что выдающиеся деятели при всем своем значении не могли направлять жизнь народа по своему произволу. «Жизнь народа, — заявлял он, — не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла»². Подчеркивая зависимость деятельности выдающихся людей от решающей роли народных масс, Белинский разоблачал антинаучную переоценку роли личности в истории, характерную для дворянско-буржуазной историографии.

Выдвигая свои новые, исключительно плодотворные идеи в истолковании исторического процесса, Белинский еще не смог выйти за пределы идеалистического понимания истории. Однако его революционно-демократический подход к объяснению исторических явлений давал ему возможность выдвинуть ряд материалистических догадок в понимании истории:

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 505.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 399.

Важнейшая из них заключается в признании народных масс решающей силой истории. К ним относится также понимание роли классовой борьбы в историческом процессе, роли государства и выдающихся деятелей в истории.

В последние годы своей жизни Белинский уже испытывал неудовлетворенность тесными пределами идеалистического истолкования истории, его ищущая мысль начала развиваться в направлении к историческому материализму. В статьях и рецензиях Белинского, написанных в эти годы, мы находим отдельные материалистические положения. Он высказывает мысль о важном значении материальных потребностей и видит в них движущую силу истории. «Историк должен показать,— заявлял Белинский,— что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность, и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни,— он навсегда остался бы в животном состоянии»¹.

Белинский выдвигал перед историками требование уделять внимание в исторических трудах экономическому фактору и выяснять его роль в общественном развитии. Он указывал на важную роль развития промышленности в историческом прогрессе, утверждая, что, например, в Англии его времени промышленность является основной общественной стихией, краеугольным камнем здания общества².

Белинский никогда не идеализировал русскую общину, не видел в ней зародыша социалистических отношений, и в этом смысле его взгляды отличаются от утопических воззрений Герцена.

Придя к выводу о прогрессивности капитализма сравнительно с феодально-крепостническим строем, Белинский связывал дальнейшее экономическое развитие России с распространением в ней промышленного производства. Но капитализм, по мнению Белинского, должен быть лишь преходящим этапом в движении России к социалистическому обществу.

Самостоятельная разработка теоретических основ революционно-демократического понимания исторического процесса и высказанные при этом по ряду вопросов материалистические догадки свидетельствуют о том, как далеко ушел великий русский мыслитель-революционер сравнительно с предшествующей ему историографией домарксова периода, которая видела в истории, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «только выдающиеся государственно-политические выступления и религиоз-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 463.

² См. В. Г. Белинский. Соч., т. VIII, стр. 136.

ную, вообще теоретическую, борьбу и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи*»¹.

Замечательные достижения Белинского в раскрытии закономерностей и движущих сил исторического процесса давали ему возможность глубоко анализировать конкретные исторические явления, деятельность выдающихся исторических личностей всеобщей и особенно отечественной истории, которой великий русский патриот всегда уделял особое внимание.

В произведениях Белинского получил освещение широкий круг проблем истории России с древнейших времен до середины XIX в., прежде всего те ее проблемы, освещение которых способствовало революционной борьбе с самодержавно-крепостническим строем в России.

Белинский справедливо был невысокого мнения о степени изученности отечественной истории в его время. В 1841 г. он писал: «русская история совершенно не обработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своем значении и характере»².

Основную причину неудовлетворительного изучения русской истории Белинский видел в методологической порочности дворянско-буржуазной историографии. Белинский указывал на стремление историков ограничиваться освещением преимущественно политической истории России, крайнюю переоценку ими в той или иной форме роли государства в историческом развитии, на игнорирование деятельности народных масс. Так, отмечая насыщенность «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина фактическим материалом и живописность ее повествования, Белинский решительно осуждал возвеличение самодержавия дворянским историком. Он подчеркивал реакционность Карамзина, идеализировавшего допетровскую Русь. «С Иоанна III Московское царство, в глазах Карамзина,— писал Белинский,— становится высшим идеалом государства,— и вместо истории до-петровской России он пишет ее панегирик. Все в ней кажется ему безусловно великим, прекрасным, мудрым, образцовым»³. Крайне отрицательно относился Белинский к искусственным, антинаучным построениям славянофилов. Он справедливо указывал на фальшивую идеализацию ими старины и решительно отвергал реакционную философию истории славянофилов.

В истории России Белинский прежде всего выделял допетровский и послепетровский периоды. «Как ни дробите нашу

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 29.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 295.

³ Там же, стр. 150—151.

историю, — писал он, — в ней все будет разительно заметно два только отдела — *до* и *после* Петра»¹. Вместе с тем Белинский считал возможным распространять на историю России периодизацию всеобщей истории — разделение ее на древнюю, среднюю и новую. Преобразования Петра I Белинский рассматривал как начало новой истории России.

Белинский вообще находит сходные черты в истории отдельных народов, развивающихся, как он полагал, на основе единых закономерностей. Поэтому историю России Белинский рассматривал на фоне общеевропейской. Однако это отнюдь не исключало для Белинского необходимости раскрытия своеобразия национальных особенностей в историческом развитии отдельных народов, в частности и в особенности — русского народа.

Историю России до реформ Петра I Белинский делил на периоды — древний, удельный, период татарского ига и начала централизации России, период укрепления Московского государства, каждому из которых он давал самостоятельное истолкование.

Белинский в отличие от дворянских и буржуазных историков-норманистов не связывал начала русской истории с варяжским «призванием». Он решительно выступал против норманистов, утверждая, что норманны «не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве»². Белинский был убежден в том, что государственность в нашей стране создана самими славянами и до прихода норманнов.

В оценке Белинским исторического развития русского народа до реформ Петра I содержались некоторые ошибочные суждения. Белинский первоначально недооценивал важности изучения древнейшей истории России, излишне подчеркивал отличие исторического развития России до реформ Петра I от развития западноевропейских народов. Вместе с тем Белинский не упускал случая использовать события древнего периода истории России для разоблачения реакционных воззрений своих политических противников. Так, опровергая ложное мнение славянофилов относительно якобы исконных национальных качеств русского народа — его «смирения» и «религиозности», Белинский ссылаясь на героическую борьбу славян с внешними врагами — печенегами и половцами³, на легкость искоренения язычества в Киевской Руси князем Владимиром при введении христианства⁴. Характеризуя так называемый удельный

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 311.

² В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 121.

³ См. В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 405.

⁴ См. В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 272.

период в истории России, Белинский ошибочно противопоставлял его западноевропейскому феодализму. Он полагал, что источником феодальных отношений в Западной Европе являлось завоевание, основу же удельного дробления в России видел в родовом начале, в постепенном разделении княжеских владений между возрастающим числом наследников¹. В то же самое время Белинский справедливо указывал, что княжеские междоусобицы, наполнявшие «удельный период», свою тяжестью ложились на народные массы. Они ослабили силы русского народа ко времени нашествия татар².

Белинский подчеркивал значение борьбы русского народа против жестоких завоевателей. Своим героическим сопротивлением татарам русский народ обессилил своих врагов и предотвратил завоевание монголами Западной Европы, народы которой получили возможность нормального развития. Русский народ совершил подвиг всемирно-исторического значения, но его собственное развитие оказалось задержанным. Однако двухвековое жестокое угнетение татар не сломило духа русского народа. В ходе борьбы с завоевателями русские земли сплотились в единое государство, постепенно преодолевалась удельная раздробленность. Прогрессивность этого исторического процесса подчеркивалась Белинским. Он утверждал: «Татарский период был началом централизации древней Руси. Общее бедствие мало-по-малу воспитало в русских чувство единокровности и единоверия; удельные княжества ослабевают по мере возвышения Москвы»³.

Понимание Белинским значения борьбы русского народа с татарским игом и процесса объединения русских земель в единое государство противостояло выводам дворянских и буржуазных историков о роли татар в централизации Руси.

Белинский подчеркивал, что освобождение от варварского ига татар явилось результатом героических усилий русского народа, который в борьбе с завоевателями выковал свои национальные качества — героизм и храбрость, патриотическое воодушевление. Успешность объединения русских земель в единое государство, полагал он, также определялась в решающей степени деятельностью народных масс. Вместе с тем Белинский не отрицал прогрессивного характера деятельности наиболее выдающихся московских князей в создании единого Русского государства.

Важным событием, содействовавшим укреплению могущества Русского государства, Белинский считал присоединение

¹ См. В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 373; т. IX, стр. 447.

² См. В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 404.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 405.

Новгорода к Москве. Белинский отказался, в отличие от Радищева и декабристов, видеть в этом акте только насилие со стороны Ивана III, указывая, что «если бы Москва допустила существование Новгорода, — он пал бы сам собою и стал бы легкой добычей Польши, или Швеции»¹. Белинский отказался также от идеализации внутреннего строя Новгорода, характерной для дворянских революционеров. Он отмечал отсутствие в Новгороде народовластия и подчеркивал засилие в городе боярско-купеческой верхушки, вызывавшее обострение социальных противоречий².

Неправильно противопоставляя удельные отношения России феодальным отношениям в Западной Европе, Белинский справедливо отмечал общие черты в процессе образования централизованных государств. Важнейшим фактором укрепления централизованных государств в Европе он считал победоносный исход борьбы королевской власти с децентрализаторскими тенденциями крупных феодалов, а в России — победу самодержавной власти над боярством — носителем сепаратистских стремлений. Белинский именно с этой точки зрения оценивал деятельность французского короля Людовика XI, которого сравнивал с Иваном Грозным, полагая, что деятельность как того, так и другого сводилась к борьбе за создание единого, централизованного государства³.

В оценке деятельности Ивана Грозного и прогрессивного значения осуществленных им преобразований, направленных на укрепление единого Русского государства, Белинский выступал новатором в русской исторической науке.

В противоположность дворянским и многим буржуазным историкам, которые отрицали прогрессивное значение преобразований Ивана Грозного, Белинский подчеркивал их мудрый государственный смысл, их направленность на искоренение децентрализаторских стремлений реакционного боярства и на укрепление могущества единого Русского государства. «Царствование Грозного, — писал Белинский, — было периодом окончательного сформирования физиономии и духа старой Руси, а вместе с тем — и началом отрицания того и другого. В лице Грозного выразилась идея этого отрицания... По натуре своей Иван Грозный был великий человек»⁴. Белинский признавал прогрессивным мероприятием Ивана IV введение опричнины, высоко оценивал широту его замыслов по реформированию государства и считал его предшественником Петра I. Но Грозный был деятелем, который явился слишком рано, — полагал

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 444.

² См. В. Г. Белинский. Соч., т. XI, стр. 43.

³ См. В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 123.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 406.

Белинский,— когда еще не созрели исторические условия для реализации его обширных планов, и потому последние не могли осуществиться полностью.

Белинский дал разностороннюю оценку Годунова как государственного деятеля. «Чтоб утвердиться самому на престоле и упрочить его за своим потомством,— писал Белинский,— ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести в ее жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Он был только умнее своего времени, но не выше его». Борис Годунов учредил патриаршество на Руси, а также ввел Юрьев день, ограничивший право перехода крестьян. В последнем мероприятии обнаружилась подлинная антинародная сущность политики Годунова, являвшегося основоположником крепостного права¹.

При всей глубине оценок Белинским деятельности Ивана Грозного и Бориса Годунова в них содержатся и слабые стороны. В центре внимания Белинского оказались личные особенности этих выдающихся государственных деятелей, он не вскрыл социальной обусловленности их политики.

Белинский с патриотических позиций оценил события в истории России начала XVII в. Он подчеркивал, что Россия до Петра I рассматривалась на Западе или как объект завоевания или как противовес Турции. Пользуясь относительной отсталостью России, явившейся прежде всего результатом двухвекового татаро-монгольского ига, внешние враги России неоднократно предпринимали попытки ее завоевания. Таков же был, по Белинскому, источник польско-шведской интервенции в начале XVII в., поставившей Россию под угрозу утраты политической и национальной независимости. Но силы русского народа явились надежной защитой национальной независимости. О великом русском народе Белинский с гордостью писал: «Дух народный всегда был велик и могущ; это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия»².

Среди важнейших событий середины XVII в. Белинский выделял воссоединение украинского и русского народов. В этом историческом акте он усматривал показатель упрочения могущества обоих народов. Белинский подчеркивал общность исторических судеб русского и украинского народов, неизбежность и прогрессивный характер объединения их в едином государстве.

¹ См. В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 163—164.

² Там же, стр. 274.

Белинский высоко ценил замечательные национальные качества украинского народа, его патриотизм, мужество, замечательную храбрость в борьбе за свою независимость. В рецензии на книгу Н. Маркевича «История Малороссии» (1843 г.) он с восхищением писал об украинских казаках: «Они умели храбро биться и великодушно умирать за свою родину, им не в диковину было побеждать сильного врага с малыми средствами»¹.

Белинский отмечал историческое значение деятельности Богдана Хмельницкого, высоко ценя его более всего за глубокое понимание необходимости воссоединения Украины с Россией. Он «был герой и великий человек в полном смысле этого слова,— писал Белинский,— ...он был великий воин и великий политик. Поэтому-то и понял он, что Малороссия не может существовать независимым и самостоятельным государством»².

Оценивая результаты воссоединения Украины с Россией, Белинский подчеркивал прогрессивное значение этого акта прежде всего для самого украинского народа: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россиею, ей предстоит теперь великая будущность...»³ — предсказывал великий русский революционер-демократ. Белинский отчетливо понимал значение воссоединения двух родственных народов и для последующего государственного развития России — осуществления реформ Петра и особенно для борьбы с внешними врагами.

Освещению исторического значения реформ Петра I Белинский уделял особенное внимание на протяжении всей своей литературной деятельности. Оценка Белинским различных сторон петровских реформ рождалась в напряженной борьбе с политическими противниками — славянофилами, а затем также и с либералами-западниками. Это придавало суждениям Белинского острую полемическую направленность.

Белинский подчеркивал историческую подготовленность реформ Петра I. Характеризуя вторую половину XVII в., он писал: «при царе Алексии Михайловиче пробудился дух реформы, как выражение внутренней, еще бессознательной потребности России... Петр возрос и воспитался в атмосфере преобразований»⁴. Белинский глубоко оценил конкретные исторические обстоятельства, определившие неотложную необходимость реформ Петра I. Перед лицом растущей мощи европейских государств Петр должен был создать условия для

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 409.

² Там же, стр. 412.

³ Там же стр. 413.

⁴ Там же, стр. 406.

надежной охраны независимости страны. «Петру некогда было медлить, — писал Белинский, — ибо дело шло уже не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился во время»¹. Говоря о сближении России с Европой в результате реформ Петра I, Белинский замечал: «и без реформы Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европою и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия сблизилась с Англиею»². Мысль о том, что Петр спас Россию от превращения ее в колонию являлась для великого патриота подтверждением прогрессивной роли реформ Петра I и служила оправданием тех мер, которые применялись реформатором для их успешного осуществления. Выступая против Карамзина и славянофилов, которые осуждали решительные меры Петра I, направленные против защитников старины, Белинский заявлял: «Петр своими делами писал историю, а не роман, он действовал, как царь, а не как семьянин»³.

Белинский решительно опровергал вымыслы славянофилов о том, что реформы Петра I якобы исказили национальные качества русского народа, направили его по ложному пути развития. Белинский писал, что «преобразование Петра Великого, и введенный им европеизм несколько не изменили и не могли изменить нашей народности, но только оживили ее духом новой и богатейшей жизни, и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности»⁴. Белинский был глубоко убежден в способности русского народа творчески воспринимать культурные ценности других народов.

Подчеркивал Белинский и значительное влияние реформ Петра I на последующее развитие России. Он указывал на серьезные изменения внутренней жизни России в результате петровских преобразований: быстрее стала развиваться промышленность, значительно возросла торговля — внутренняя и особенно внешняя, углубились социальные противоречия, поднялся уровень культуры, зародилась дворянская интеллигенция, просвещение стало охватывать новые общественные слои. Особенно значительны были последствия реформ для усиления военной мощи России и ее международного значения. Реформы Петра I, по мнению Белинского, прочно обеспечили национальную независимость русскому народу и оказали влияние на события, отдаленные от них многими десятилетиями, например на победоносный исход Отечественной войны 1812 г.

Белинскому не чужда была идеализация деятельности Петра I. Правда, Белинский высказывал отдельные критические

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 280.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 286.

⁴ Там же, стр. 260.

замечания по поводу тяжести деятельности Петра для народных масс и насильственных мер их осуществления. Так, он отмечал, что «вся реформа... была тяжким испытанием для народа, годиною трудною и грозною»¹. Однако эти суждения длительное время не приводили его к серьезным коррективам в оценке реформ Петра I.

Только в последние годы своей жизни Белинский высказал новые суждения, углубившие и несколько изменившие его прежнюю оценку реформ Петра I. Начав борьбу с либерально-буржуазной историографией, явно идеализировавшей реформы Петра I (Кавелин, Соловьев) и видевшей в них образец для предстоящих реформ, как реформ «сверху», призванных предотвратить революционное выступление народных масс, он должен был переосмыслить свою оценку петровских преобразований. Белинский указывал на то, что преобразования эти не означали собой радикальной ломки допетровских отношений и сохранили много старого, и решительно отказывался видеть в реформах Петра I образец для осуществления предстоящих преобразований в России. Белинский считал, что «Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразований... реформа совершила в ней свое дело, сделала для нее все, что могла и должна была сделать и... настало для России время развиваться самобытно, из самой себя»².

Исключительно плодотворная разработка Белинским проблемы петровских преобразований, имевшей важное научное и общественно-политическое значение, явилась крупнейшим вкладом великого русского демократа в развитие революционной исторической мысли в России.

Цензурные условия крайне ограничивали возможности Белинского в освещении времени, наступившего после реформ Петра I, поскольку этот период во многих вопросах политической истории непосредственно смыкался с его современностью. Однако суждения Белинского по истории XVIII в. представляют несомненный интерес.

Белинский указывал, что ближайшие преемники Петра I не оказались достойными продолжателями своего предшественника. Оценивая время, непосредственно следовавшее за смертью Петра I, Белинский называл его «темной годиною» русской истории, в продолжение которой Русь влачила «поколее, проложенной Петром, не двигаясь вперед»³.

Характеризуя царствование Анны Ивановны, Белинский с негодованием писал о засилье иностранцев, о «тирании

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 286.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 399.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 198.

ужасного Бирона»¹. В эти годы Россия могла сохранить свое могущество только благодаря плодотворным результатам петровских преобразований.

Белинский высоко ценил тех передовых русских деятелей, которые боролись в XVIII в. за самостоятельное развитие русской культуры. Среди них он выделял прежде всего М. В. Ломоносова, как последовательного борца за национальную культуру, как замечательно одаренного ученого, прославившего Россию своими гениальными научными открытиями в самых различных областях науки. Белинский сравнивал Ломоносова с Петром I по той роли, которую он сыграл в русской науке и литературе. «Между Ломоносовым,— писал он,— и Петром большое сходство, тот и другой положили начало великому делу, которое потом пошло другим путем, другим образом, но которое не пошло бы без них»².

Белинский гордился Ломоносовым, как носителем национальных качеств русского народа. Отмечая, что Ломоносов был «человек великий и ознаменованный печатю гения»³, Белинский видел в его деятельности доказательство того, что «русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца»⁴.

С гордостью Белинский писал об успехах в развитии русской культуры во второй половине XVIII в. Осуждая преклонение перед иностранщиной в среде дворянства, он в развитии национальной культуры видел основу прогресса России и выражение духовного богатства русского народа. Белинский отмечал большую заслугу Н. И. Новикова в развитии просвещения в России⁵.

В 1835 г. Белинский с сочувствием отзывался о выходящем из печати труде А. С. Пушкина «История пугачевского бунта», оценив это исследование гениального писателя, как примечательное явление в области нашей ученой литературы⁶. Однако собственной оценки этого восстания Белинский не мог дать из-за царской цензуры.

В освещении истории России второй половины XVIII в. Белинский не ограничивался внутренними ее событиями. Он отмечал возрастающий международный авторитет России, явившийся результатом ее победоносных войн — участия в Семилетней войне, побед над Турцией и в конце века над Францией. Среди русских полководцев того времени Белинский

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. III, стр. 39.

² Там же, стр. 8.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 331.

⁴ Там же.

⁵ См. В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 310.

⁶ См. В. Г. Белинский. Соч., т. II, стр. 115.

выделял А. В. Суворова. Для Белинского Суворов был «чудобогатырь, выигравший столько же побед, сколько давший сражений, опора и рушитель царств, он, которого видевшие еще живы, и который стал уже каким-то мифом, каким-то фантастическим героем фантастической поэмы»¹. Белинский подчеркивал выдающееся значение деятельности Суворова, полководческий гений которого создал всемирную славу русскому оружию и способствовал развитию в России самого передового для своего времени военного искусства.

Среди событий начала XIX в. Белинский выделял Отечественную войну 1812 г., когда русский народ с честью выдержал грозное испытание и, отстояв свою национальную независимость, разгромил армию Наполеона.

Белинский разоблачал апофеоз личности Наполеона в буржуазной историографии, особенно французской. В рецензии на книгу Тьера «История консульства и империи» Белинский писал в 1846 г.: «В самом деле, чего он (Наполеон.— *Ред.*) хотел? Сделать Францию могущественнейшею землею в мире, чтобы, опираясь на ее порабощении, самому деспотически владычествовать над всем миром, ругаясь над народным правом, и упрочить это владычество за своею династиею. А чего достиг он? Разорения, обезлюдения и позора Франции, а себе — тюрьмы на бесплодной скале Атлантического океана»².

Войну 1812 г. для русского народа Белинский считал глубоко справедливой войной за сохранение национальной независимости, и вместе с тем войной за освобождение европейских народов от наполеоновского ига. В этой войне, писал он, «дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно — всего мира»³. Именно поэтому Отечественная война породила столь мощный патриотический подъем, ставший подлинным источником победы.

При освещении Отечественной войны 1812 г. у Белинского на первом плане всегда находится народ как решающая сила, определившая ее исход.

Среди событий великого 1812 г., отразивших героическую борьбу русского народа с французскими завоевателями, Белинский выделял Бородинское сражение, отмечая, что эта битва «самим Наполеоном названная *битвою гигантов*, была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы XII-го года»⁴.

Высоко оценивал Белинский роль в Отечественной войне 1812 г. великого русского полководца М. И. Кутузова, имя ко-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. V, стр. 100.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 40.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 422.

⁴ Там же.

того неразрывно связано с всемирно-исторической победой русского народа. Гениальное руководство Кутузова было одним из важнейших условий, обеспечивших победу русских вооруженных сил над полчищами интервентов. «Кутузов,— писал Белинский,— спаситель России, муж доблестный и великий»¹. Он был выразителем стремлений народа к независимости, представителем «нравственного могущества своего народа»².

Белинский отмечал значительное влияние Отечественной войны 1812 г. на последующее историческое развитие России. В 1844 г. Белинский писал: «Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года... 12 год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил, ...возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения»³. Белинский замечал, что 1812 г. открыл собой эпоху, «с которой началась новая жизнь для России»⁴. Этим он, очевидно, хотел сказать, что народный патриотический подъем породил освободительное движение в России. Однако цензурные преследования исключали для великого русского демократа возможность осветить деятельность его славных предшественников в борьбе с самодержавием и крепостничеством — декабристов.

Освещение исторических взглядов Белинского было бы неполным, если бы оказалась забытой его деятельность в качестве историка передовой русской культуры, в особенности русской литературы. Дать хотя бы общую оценку этой деятельности тем более необходимо, что Белинский выступал как наиболее выдающийся во второй четверти XIX в. критик, теоретик и историк русской литературы.

Белинский проследил развитие русской литературы со времен Ломоносова, которого он называл «ее отцом и пестуном»⁵, до своего времени. Белинский раскрыл ее ведущие тенденции и отличительные особенности. Он показал, что еще в XVIII в. русская литература выступила носителем прогрессивных общественных убеждений. В произведениях Фонвизина и Крылова обличались пороки дворянского общества, осуждалось его преклонение перед иностранщиной.

В первой половине XIX в. крепнут связи передовой русской

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 37.

² В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 424.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 89.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 399.

⁵ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 331.

литературы с освободительным движением. Литература становится деятельным пропагандистом прогрессивных общественных идей: «она,— писал Белинский,— живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия»¹. Белинский показал величественные достижения русской литературы, нашедшие выражение в творчестве наиболее выдающихся художников слова — Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Белинский — гениальный критик, выдающийся теоретик и историк отечественной литературы, навсегда связал свое имя с русской литературой. «Что бы ни случилось с русской литературой,— писал Добролюбов,— как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением»².

Прогрессивные исторические идеи великого русского революционера-демократа и патриота В. Г. Белинского, выступившего основоположником революционно-демократического направления в русской историографии, оказались действенными и жизненными.

IX

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ А. И. ГЕРЦЕНА

Уже с 40-х годов XIX в., как было отмечено выше, в разработке революционно-демократической исторической концепции деятельное участие принял Александр Иванович Герцен (1812—1870 гг.). Герцен уже тогда обнаружил принципиальное единство своих исторических воззрений со взглядами на историю Белинского. Однако черты ограниченности дворянской революционности Герцена определили собой и некоторые особенности его исторических взглядов как в 40-х годах, так и в последующее десятилетие. Они были им в основном преодолены лишь в начале 60-х годов.

Наибольшей интенсивности деятельность Герцена достигает в 50—60-е годы прошлого века. Возможность использовать вольную русскую прессу для пропаганды своих революционных убеждений позволила ему широко осветить такие вопросы истории, особенно истории России, которые не могли открыто затрагивать в своих подцензурных произведениях ни Белинский, ни позже Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

¹ В. Г. Белинский, Соч., т. X, стр. 137.

² Н. А. Добролюбов, Соч., т. II, стр. 470.

В 40-х годах Герцен наибольшее внимание уделял разработке теоретических основ передовой исторической науки и освещению вопросов всеобщей истории.

Общественно-политическое значение передовой исторической науки Герцен видел в том, что она должна помогать уяснению современности. «Полнее сознавая прошедшее,— писал он,— мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед»¹.

Доказывая объективный характер закономерностей истории, Герцен едко высмеивал субъективистов, которым «вся всемирная история кажется делом личных выдумок и странного сплетения случайностей» и которые рады тому, «что во вселенной такой же беспорядок, как в их голове»².

Задачу передового историка Герцен видел в выявлении объективных закономерностей исторического развития и важным условием реализации этой задачи считал овладение историком передовой теорией. «Где нет философии, как науки,— писал Герцен,— там не может быть и твердой, последовательной философии истории, как бы ярки и блестящи ни были отдельные мнения, высказанные тем или другим»³. Изучение прошлого с позиций передовой философской теории,— заявлял он,— представляет не только большой теоретический интерес, но и практическую общественную необходимость, потому что его объектом является «мир человеческий, мир истории, из которого двери отворяются прямо в деятельность, в собственное участие в современных вопросах»⁴.

Основным законом истории Герцен считал закон прогрессивного развития человечества. Новое в истории неодолимо; «у развивающейся жизни ничего нет заветного»⁵. Герцен заявлял, что боятся прогресса и цепляются за изжитые общественные формы только реакционеры.

Утверждение нового в общественной жизни всегда сопровождается его борьбой с отживающим, старым, осужденным историей на гибель, и эту борьбу нового со старым Герцен считал объективной основой неодолимого исторического прогресса. Герцен указывал, что отречение от старого во имя торжества нового отчетливо прослеживается в истории человечества. «Во все времена долгой жизни человечества,— отмечал Герцен,— заметны два противоположных движения: развитие

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, Пг., 1919, М.—Л., 1925 (далее — Соч.), т. III, стр. 177.

² А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 40.

³ А. И. Герцен. Соч., т. II, стр. 410—411.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 377.

⁵ Там же, стр. 2.

одного обуславливает возникновение другого, с тем вместе — борьбу и разрушение первого»¹.

Герцен не преодолел идеализма в понимании истории, но его теоретические обобщения основывались на внимательном и глубоком изучении общественного развития, на сознательном применении диалектики, понимаемой им в качестве «алгебры революции».

Идеалистический характер исторических взглядов Герцена в 40-х годах нашел свое выражение в трактовке им развития человечества как процесса духовного обогащения. Историю человечества он делил на периоды, определявшиеся развитием мысли: классический, романтический, реалистический. Герцен пытался раскрыть содержание каждого периода, но основное внимание уделял освещению переломных этапов в истории человечества — временам перехода от одного периода к другому. По мнению Герцена, крушение древнего классического мира в результате падения Римской империи открыло собою новый период в истории человечества — романтический или средневековый.

Герцен полагал в 40-х годах, что новый, романтический период в истории человечества радикально отличается от старого — классического периода характером общественных отношений в средневековых европейских государствах, а также своей культурой. Он явно переоценивал степень различия двух этих периодов, когда заявлял, что оно было большим, нежели различие между феодальным и буржуазным периодами.

Проследивая развитие средневекового общества, Герцен обратил внимание и на положение народных масс, стонавших под гнетом крепостничества. Осуждая закрепощение крестьянства, произвол феодалов, засилье церкви в средневековых европейских государствах, Герцен тем самым осуждал современный ему крепостнический строй в России.

Основную движущую силу в развитии средневекового общества Герцен усматривал в той напряженной сословной и внутрисословной борьбе, которая протекала в Западной Европе в период средних веков. Еще в юношеской статье «28 января» (1833 г.) он писал, что история европейских народов в этот период была наполнена борьбой «пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, с коммунами, с народом»². Глубокий интерес проявлял Герцен к массовым народным движениям средневековья, особенно к крестьянской войне в Германии. Он дал также оценку

¹ А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 193.

² А. И. Герцен. Соч., т. I, стр. 87.

реформационному движению, раскрыл как его прогрессивный смысл, так и его историческую ограниченность. По мнению Герцена, Реформация остановилась на полдороге, потому что это движение совершалось в религиозной оболочке, когда «на сооружение новых зданий шел старый кирпич»¹. Религиозная оболочка движения мешала открытому проявлению социальной и политической борьбы, составлявшей существо Реформации.

Герцен, как и Белинский, понимал прогрессивное значение образования централизованных государств в средневековый период, он видел в этом процессе начало перехода от средних веков к новому времени.

Особенно пристально изучал Герцен переход от «романтического» периода к «реалистическому», т. е. переход от феодальных отношений к буржуазным в Западной Европе. Этот период совершался длительное время, он составил целую историческую эпоху в развитии европейских народов, переживших такие крупнейшие революционные события, как английская революция XVII в., французская революция конца XVIII в.

Революционные преобразования в общественной жизни всегда привлекали внимание Герцена, потому что в революциях, по его мнению, осуществлялось «открытое противодействие старому и водворение нового»². В дневнике молодого Герцена содержатся записи, ярко запечатлевшие его интерес к революционным событиям, знаменовавшим переход от феодального строя к буржуазному в истории Западной Европы. Он последовательно изучил «Историю английской революции» Гизо, «Историю контрреволюции в Англии» Армана Корреля, «Историю XVIII века» Шлоссера. Герцен подчеркивал большое прогрессивное значение революционных событий в Англии и Франции в развитии человечества. Но он глубоко осознавал, что эти революции не принесли массам социального освобождения, что их результаты свелись к замене старых, феодальных отношений — новыми, буржуазными, к замене «феодализма крови» — «феодализмом денег»³.

Характерной особенностью суждений Герцена о революционных событиях в Западной Европе является их неразрывная связь с преобладающим вниманием молодого революционера к судьбам своей родины. Мысль Герцена неизменно возвращалась от европейских событий XVII—XVIII вв. к современному состоянию России. Герцен приветствовал сокращение абсолютизма в Англии и Франции, делая отсюда вывод о необходи-

¹ А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 134.

² А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 463.

³ См. А. И. Герцен. Соч., т. IV, стр. 134.

мости уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России, препятствовавшего прогрессивному развитию страны. В русской истории пристальное внимание Герцена привлекали мощные крестьянские движения под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, направленные против крепостнического строя.

Герцен считал, что движущей силой истории являются народные массы. Это убеждение делало Герцена соратником Белинского в разработке важнейшего принципиального положения революционно-демократической исторической концепции и определяло его позицию в борьбе с дворянско-буржуазной историографией. Однако в 40-х годах Герцен был менее последователен в вопросе о роли народных масс в истории, не делал вывода о решающем значении народных масс в борьбе за радикальное преобразование общественных отношений — крепостнических в России, буржуазных в Западной Европе. Тогда Герцен «не видел революционного народа и не мог верить в него»¹. С этим были связаны его либеральные иллюзии в последующем периоде, в 50-х годах. Только в начале 60-х годов Герцен признал решающую роль народных масс не только в прошлом, но и в революционных преобразованиях будущего, как в России, так и в других странах. Когда Герцен увидел в 60-х годах революционный народ в России, «он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма», — указывал В. И. Ленин².

Важным этапом в развитии политических и исторических взглядов Герцена явилось осмысление им уроков революции 1848 г. в Западной Европе. Не понимая буржуазной сущности этой революции, Герцен первоначально полагал, что она может открыть собой эру социализма в Европе. Убедившись в том, что эта революция привела к торжеству буржуазного либерализма, к гнусной расправе буржуазии с рабочими в июне 1848 г., Герцен глубоко разочаровался в возможности осуществления социалистических преобразований в Западной Европе. Он пережил ту «духовную драму», сущность и объективную основу которой гениально раскрыл В. И. Ленин. «Духовная драма Герцена, — писал В. И. Ленин, — была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 10.

Критика Герценом буржуазных отношений в Западной Европе и созданного буржуазией эксплуататорского строя достигает исключительной силы после поражения революции 1848 года. Герцен гневно разоблачал измышления идеологов имущих классов о современном буржуазном строе, как «абсолютной» и потому конечной форме общественного развития. Критика Герценом буржуазных отношений свидетельствовала о дальнейшем развитии его политических взглядов, а также о значительном углублении его понимания исторического процесса.

В критике буржуазных отношений Герцен пошел дальше своих революционных предшественников — Радищева и декабристов, во времена которых противоречия буржуазного строя еще не обнажились в такой мере, как в середине XIX в. Вместе с тем, критика буржуазных отношений Герценом, пережившим революцию 1848 г. и наблюдавшим в течение двух десятилетий после нее развитие капитализма в Англии, Франции и других европейских странах, а также в США, отличалась от критики Белинского, будучи более разносторонней. Так, Герцен в период своей заграничной деятельности получил возможность подвергнуть уничтожающей критике пороки буржуазного строя США — страны, которая превозносилась либералами как «идеальная» буржуазная страна. Обличая либералов, он подчеркивал также пороки социально-политического строя США, которыми они превосходили европейские буржуазные государства. «В Американских Штатах осуществилось все, о чем либералы мечтали,— иронически писал Герцен в 1859 г.,— да, сверх того, такое развитие невольнического труда, его признания, его оправдания, о котором они и не мечтали... понятия так изменились в пользу рабства, что оно теперь возводится в одно из краеугольных оснований союза, в одно из неотъемлемых прав республики»¹.

В США, по убеждению Герцена, с наибольшей отчетливостью обнажились язвы буржуазного общества, основанного на хищническом стяжании, соединенном с выгодными для буржуазии пережитками феодальных и рабских отношений. «До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание,— писал Герцен в 1862 г.,— но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение,— это ново и принадлежит Америке»².

Решительно отвергая капиталистический строй, основанный на угнетении трудящихся, Герцен первоначально не видел в

¹ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 118.

² А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 5.

буржуазных странах социальных сил, способных этот строй преодолеть. После революции 1848 г. он начинает деятельно разрабатывать утопическую теорию «русского социализма», усматривая в русской сельской общине средство утверждения социалистических отношений и рассматривая в связи с этим Россию как страну, призванную указать человечеству путь к социализму. Вместе с тем Герцен в 50-х годах допускает либеральные колебания, проявив иллюзорную надежду на возможность преобразования крепостнических отношений в России царским правительством, которое он считал надклассовой силой. В этом выразилась непоследовательность Герцена в решении вопроса о соотношении реформы и революции в общественном развитии, его опасение народной революции, отличавшее Герцена, еще не преодолевшего ограниченности дворянской революционности, от Белинского и в еще большей мере от Чернышевского и Добролюбова.

Однако Герцен постепенно преодолевал свои либеральные колебания и, утверждаясь на позициях революционного демократизма, все более глубоко осознавал необходимость насильственного преобразования отживших общественных отношений. Герцен все более убеждался в том, что «маленькие реформы и республики», «маленькие революции» совершенно недостаточны для радикального переустройства общественных отношений. Мысль о том, что «человечество не пойдет узким и грязным проселком, ему надобно широкую дорогу. Для того, чтоб расчистить ее, оно ничего не пожалеет»¹, — эта мысль, высказанная Герценом еще в 1851 г., становилась основной и определяющей в понимании им путей преобразования общественных отношений на социалистических началах.

И впоследствии, даже в моменты либеральных колебаний, например, в 1857 г., когда Герцен в статье «Революция в России» заявлял, что от души предпочитает «путь мирного человеческого развития пути развития кровавого», он в той же статье, указав, что «нынешние государственные формы России никуда негодны», подчеркивал возможность революционного преобразования России. Герцен писал, что предпочитает «самое бурное и необузданное развитие застою николаевского *statu quo*»². События, развернувшиеся в России: ограбление крестьян помещиками в результате реформы 1861 г., кровавая расправа с крестьянами, выступившими с протестом против этого ограбления, революционная деятельность Чернышевского и его соратников в годы революционной ситуации — более всего убедили Герцена в необходимости ликвидации самодер-

¹ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 428.

² А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 2.

жавия и крепостничества посредством народной революции.

С течением времени Герцен убедился не только в необходимости насильственного уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России, но и буржуазных отношений на Западе политически созревшими народными массами. Герцен все более утверждался в своем выводе о том, что «мир буржуазии... не имеет более возможности обновления», что когда против него начнется революционная борьба трудящихся — этот мир нельзя будет спасти «ни осадным положением, ни республикой, ни казнями, ни благотворениями, ни даже разделением полей»¹.

Великого русского демократа перестало останавливать сознание неизбежности кровавой борьбы трудящихся против буржуазии: «я не предвижу без страшной кровавой борьбы, — писал он, — близкого падения мещанства и обновления старого государственного строя»². Герцен, как и Белинский, а позднее Чернышевский и Добролюбов, пришел к заключению, что интересы трудящихся могут быть удовлетворены только в результате революционной борьбы: «сколько социализм ни ходит около своего вопроса, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья»³.

Герцен приветствовал сокрушение буржуазного строя, полагая, что когда «погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему»⁴, то человечество совершит гигантский шаг вперед.

Конечно, представление о путях перехода к социализму и о самом социализме у Герцена, как и у других революционеров-демократов, не было научным, так как он не понял всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и создателя социалистического общества, но признание им необходимости революционной борьбы за утверждение социализма высоко поднимало русского мыслителя-революционера над западноевропейскими социалистами-утопистами. Герцен, отмечая, что утопические социалисты Западной Европы были преисполнены желанием общего блага, вместе с тем справедливо указывал, что они «не знали как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение»⁵.

Продолжая разработку теоретических основ исторической науки, Герцен осветил некоторые вопросы, которые по тем или иным причинам не получили обстоятельного толкования у

¹ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 426.

² А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 488.

³ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 117.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 417—418.

⁵ Там же, стр. 521.

Белинского. К их числу относился национальный вопрос. Герцен подчеркивал самостоятельность развития каждого народа. Он указывал, что историческое творчество народов совсем не подчинялось цели раскрытия различных сторон мистической «абсолютной идеи» или «народного духа», как утверждали Гегель, Шеллинг и славянофилы. Герцен, вопреки им, решительно выступал против деления народов на «исторические» и «неисторические». В 50—60-х годах XIX в. Герцен гневно ополчился против реакционных расистских «теорий» немецких и других шовинистов. «Нет народа, взошедшего в историю, которого можно было бы считать стадом животных,— писал он в 1851 г.,— как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных»¹.

Вместе с тем Герцен был столь же решительным, как и Белинский, противником космополитизма. Разоблачая космополитические извращения, он указывал на то, что успешное развитие общечеловеческой культуры имеет своим важнейшим и непременным условием всестороннее развитие национальной культуры каждого отдельного народа.

Герцен был убежденным сторонником дружбы народов. Он призывал народы к братской взаимопомощи в борьбе с социальным и национальным угнетением. Ярким выражением этих убеждений Герцена явился его призыв к русскому народу о поддержке борьбы польского народа против царизма в 1863 г. Оказав искреннюю поддержку делу польского национального освобождения, Герцен, по словам В. И. Ленина, «спас честь русской демократии»².

Герцен более разносторонне, сравнительно с Белинским, разработал также вопрос о роли государства в общественном развитии, попытавшись определить значение государственной организации в грядущих революционных преобразованиях и в утверждении социалистических отношений. Полемизируя с Бакуниным, отрицавшим государство с анархических позиций, Герцен указывал за несколько месяцев до своей смерти в «Письмах к старому товарищу», что государство «идет к самоуничтожению — и его нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста». «Из того,— писал Герцен,— что государство — форма *преходящая*, не следует, что это форма уже *прешедшая*». Он высказывался за необходимость использования государства в интересах народной революции и социализма. Герцен ссылался при этом на исторический опыт, когда в период буржуазной революции во Франции конца XVIII в. «Комитет общественного спасения представлял

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 442.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.

«сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии»¹. Никакой народ, совершающий революцию, не может сразу отказаться от сильной государственной власти, «окруженный другими народами, страстно держащимися за государство», т. е. оказавшись после революции лицом к лицу с враждебными государствами, в условиях, когда «уничтожение постоянных войск и разоружение составляют дальние идеалы»².

Герцен осветил в своих произведениях важнейшие теоретические вопросы исторической науки. В их решении он обнаружил революционную и демократическую направленность своей исторической мысли, развивавшейся в направлении к историческому материализму. Конечно, Герцен, не будучи пролетарским революционером, не поднялся до этой единственно научной теории общественного развития, но он сумел выдвинуть отдельные материалистические догадки в истолковании исторического процесса — о роли народных масс и государства в истории. Вместе с тем Герцен, как и Белинский, подчеркивал важное значение материальных, экономических интересов в историческом развитии. Еще в начале 50-х годов он замечал: «кто не видит, что вопрос о материальном благосостоянии составляет великую половину всех вопросов современности, тот вовсе не знает, что делается на свете»³. Анализируя характер предшествующих революций, совершавшихся в интересах имущих классов и оставлявших народные массы в голоде и нищете, Герцен писал: «Все несчастье прошлых переворотов состояло именно в упущении экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрела, чтоб занять свое место. Тут — одна из причин, почему великие слова и идеи остались словами и идеями и, — что хуже всего, страшно выговорить: надоели»⁴.

Герцен все более отчетливо сознавал, что развертывавшаяся на его глазах борьба пролетариев с буржуазией была борьбой против владельцев орудий труда, захватывающих основную долю общественных богатств. Герцен считал глубоко справедливым стремление пролетариев «вырвать у слепой случайности и у наследников насилия орудия труда и скопившиеся силы, привести ценность труда, обладание и обращение богатств к разумным началам»⁵. Поэтому, оказавшись свидетелем нового подъема в борьбе между трудом и капиталом

¹ А. И. Герцен. Письма к старому товарищу. «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 170.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 162.

в 60-х годах, Герцен «обратил свои взоры,— как указывал В. И. Ленин,— ... к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»¹. Он начал обретать веру в революционные силы пролетариев, хотя и не поднялся до понимания всемирно-исторической роли пролетариата. Герцен пришел к выводу, что революция в будущем не сможет «шагу итти дальше,... не касаясь экономического вопроса»², не устранив нищеты трудящихся.

Убеждаясь в огромном значении экономических проблем в общественном развитии, Герцен выдвигал определенные требования перед исторической наукой. В противоположность старой историографии, обслуживающей господствующие классы, которая толковала «о фасаде, о гербах, о заборах и сеньях, о границах и церемониалах», новая историческая наука, обслуживающая народные массы, должна, по мнению Герцена, «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические,— в этом вся задача современности»³.

Однако значительные материалистические догадки в истолковании исторического процесса не привели Герцена к последовательному пересмотру идеалистической системы его исторических воззрений. Научное истолкование истории было впервые дано идеологами революционного пролетариата К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но и те высоты, которых достиг великий русский мыслитель-революционер в понимании исторического процесса, свидетельствовали о его огромном превосходстве над домарксовской социологией и историографией в России и в Западной Европе, о критической направленности его исторической мысли против идеологов господствующих классов. Эти особенности исторических взглядов Герцена обнаружили и в истолковании им конкретных проблем всеобщей и русской истории.

Вопросы отечественной истории оказались в центре внимания Герцена с начала 50-х годов. Разработка этих вопросов выражала революционно-патриотические устремления Герцена, давая ему возможность открыто вести борьбу с самодержавно-крепостническим строем и реакционной политикой царизма на страницах вольной русской прессы.

Герцен и Белинский рассматривали историю России как историю народа, а не самодержавно-помещичьего государства, что вполне соответствовало их пониманию народных масс как творческой силы исторического процесса. В этом заключалась

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

² А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 135—136.

³ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 522.

основа принципиального единства в истолковании Белинским и Герценом коренных проблем истории России.

Но в освещении Герценом истории России содержались черты отличия от взглядов Белинского, которому, например, была чужда утопическая теория «русского социализма». В интересах обоснования этой теории Герцен невольно искажал представление о некоторых сторонах русского исторического процесса.

Герцен, как и Белинский, был невысокого мнения о степени разработки в их время отечественной истории и ее источников. Ориентируя историков на изучение отечественных источников, Герцен указывал на враждебную тенденциозность иностранных исторических сочинений и источников, посвященных русской истории. «Нет недостатка в книгах о России, — писал он, — но большая их часть — политические памфлеты, они писались не для лучшего ознакомления с этой страной... Цель их была пугать Европу и поучать ее картину русского деспотизма»¹.

Вместе с тем Герцен основную причину неудовлетворительного изучения русской истории видел в ложных принципах дворянско-буржуазной историографии, игнорировавшей творческую деятельность народных масс в истории. Так, Герцен решительно отвергал ведущую идею «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — идею «великой неограниченной монархии», которую он, вслед за декабристами, называл идеей «великого порабощения»². Герцен решительно выступал против современной ему официальной историографии. Он дал уничтожающую характеристику реакционным воззрениям М. П. Погодина.

Не менее отрицательно Герцен относился к реакционным взглядам славянофилов, отметив их стремление всему «отыскать отгадки в прошедшем»³.

Раскрывая свои воззрения на историю России, Герцен стремился установить определенные ее этапы. Он, как и Белинский, наиболее общим подразделением русской истории считал ее деление на допетровский и послепетровский периоды. Эту периодизацию Герцен положил в основу своей обобщающей исторической работы «О развитии революционных идей в России», указав вместе с тем и на другой, не менее важный исторический рубеж — Отечественную войну 1812 г., породившую освободительное движение против самодержавия.

Герцен, как и Белинский, не связывал начала русской истории с приходом варягов. Он утверждал, что славяне задолго

¹ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 334.

² А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 345.

³ А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 309.

до этого имели свою славную историю. Славяне с древнейших времен выступали участниками крупнейших событий мировой истории. Они вместе с другими европейскими народами приходили «окончить насильственной смертью дряхлый Рим и терзать в агонии находившуюся Византию» и уже в те времена составляли органический элемент «живой части Европы»¹. По мнению Герцена, «варяжские князья и их дружины, спустя несколько поколений, потеряли свои национальные черты и смешались со славянами»², они «потонули в славянском элементе»³. Герцен признавал решающую роль внутренних факторов в развитии каждого народа, следовательно и славян, но он, в отличие от Белинского и особенно от Чернышевского и Добролюбова, не понимал политического значения норманского вопроса для своего времени, ошибочно утверждая, что это вопрос «чисто исторический»⁴.

Стремление Герцена исторически обосновать теорию «русского социализма» привело его к ошибочному противопоставлению русского исторического процесса до времени реформ Петра I — западноевропейскому. В этом выразилась непоследовательность Герцена в раскрытии принципа закономерности в истории. Так, Герцен утверждал, что древняя Русь якобы не знала разделения на классы⁵, не видел в допетровском периоде русской истории борьбы разнородных социальных сил.

Герцен с патриотической гордостью отмечал успехи в культурном развитии древней Руси. «Ничто не дает права предполагать,— писал он, сравнивая древнерусское государство с западноевропейскими,— чтобы оно стояло ниже их до XIV столетия»⁶. Высказывая эту мысль, Герцен далеко опередил современную ему дворянско-буржуазную историографию.

Дальнейшее развитие русского народа было приостановлено татарским завоеванием. «Татары пронесли над Россией,— писал Герцен,— как туча саранчи, как ураган, все разрушивший на своем пути. Они разорили города, сжигали деревни...»⁷. Русский народ оказался жертвой завоевателей вследствие княжеских междоусобиц, помешавших народным массам сплотиться для отпора хищному врагу. Оценивая тяжкие последствия татарского нашествия на Русь, Герцен указывал: «монгольское иго нанесло страшный удар стране; не раз повторявшиеся опустошения фактически истощили народ... С этого

¹ А. И. Герцен. Соч., т. I, стр. 86—87.

² А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 312.

³ А. И. Герцен. Соч., т. I, стр. 87.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 312, прим.

⁵ См. там же, стр. 313.

⁶ Там же, стр. 314.

⁷ Там же, стр. 316.

злосчастливого времени, длившегося около двух столетий, Россия и позволила Европе обогнать себя»¹.

В ходе напряженной и героической борьбы русского народа против жестокого гнета татарских завоевателей сложились условия для образования единого русского государства. Герцен подчеркивал прогрессивность этого процесса. «Необходимость централизации,— писал он,— была очевидна: без нее нельзя было бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства»². Герцен признавал заслугу московских князей в образовании Русского государства и Москву рассматривал в качестве центра собирания русских земель³.

Характеризуя завершающий этап в объединении русских земель вокруг Москвы, Герцен отмечал большое историческое значение присоединения Новгорода с его обширными владениями к Московскому княжеству. Правда, он, в отличие от Белинского, не был свободен от революционно-романтической идеализации новгородского общественного и государственного строя, полагая, вслед за Радищевым и декабристами, что в Новгороде имело место народовластие.

Герцен раскрывал реакционное существо децентрализаторской политики боярства — «дерзкой аристократии», «крамольных бояр»⁴, выступавших против политики Ивана Грозного и обреченных на поражение.

Герцен отводил решающую роль народным массам и в борьбе русского народа за сохранение национальной независимости. Он ярко и разносторонне осветил героическую борьбу русского народа с польско-шведскими интервентами. Национально-освободительное движение в начале XVII в., как и в 1812 г., по мнению Герцена, не было организовано «сверху», правительством, а развернулось как результат народной инициативы⁵.

Герцен подчеркивал роль Москвы в событиях начала XVII в. «Она является в истории на первом плане, когда беда грозит всему народу.... вся Русь встает на ее выручку, льет свою лучшую кровь, тратит последний алтын»⁶. Герцен с восхищением отзывался о деятельности вождей народного ополчения Минина и Пожарского, которые «спасли отечество», однако вслед за этими словами он с горечью замечал: «но они его спасли только от иностранцев»⁷. Народ, своюю кровью

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 316—317.

² Там же, стр. 318.

³ См. А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 32.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. I, стр. 88.

⁵ См. А. И. Герцен. Соч., т. VII, стр. 230.

⁶ А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 185.

⁷ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 322, 707.

добившийся победы над внешними врагами, оказался устранным своими внутренними врагами — боярами и помещиками от участия в политических судьбах страны: «устроены были поспешно выборы,— писал Герцен,— вне всякой законности; не обратившись к народу провозгласили молодого Романова царем всей России»¹.

Герцен указывал на резкое ухудшение положения народных масс в результате усиления крепостной зависимости крестьянства в течение XVII—XVIII вв. Он, как и Белинский, относил возникновение крепостного права в России к концу XVI в., к царствованию Бориса Годунова, отменившему Юрьев день, ошибочно рассматривая крестьян до осуществления этого акта в качестве вольных². Но вместе с тем Герцен сумел раскрыть классовую заинтересованность помещиков в закреплении крестьян и зависимость крепостнической политики правительства от их воли: «Царизм,— писал он,— сам основанный на неограниченной власти, должен был по необходимости покровительствовать покушениям помещиков»³.

В постепенном усилении крепостнических отношений Герцен видел глубочайшую основу возраставшего крестьянского движения в стране на протяжении всего периода существования крепостничества. В XVII в. происходила, указывал Герцен, непрерывная борьба крестьян против утверждавшихся крепостнических отношений, которая переросла в восстание под руководством Степана Разина. В XVIII в. усиление крепостнического гнета привело к восстанию под руководством Емельяна Пугачева.

Герцен гневно обличал русскую и западноевропейскую дворянско-буржуазную историографию, представители которой или замалчивали, или фальсифицировали историю непрерывной героической борьбы русского крестьянства за освобождение от угнетения помещиков: «Преданный, проданный, обманутый земледелец,— писал Герцен,— боролся целое столетие (XVII-ое), проливал свой пот, проливал свою кровь и упал, наконец, избитый и связанный во власть свирепой солдатчины и низкой бюрократии, которые — вместе с государем — работают на пользу дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной и непонятой на Западе; ее оклеветали на родине. До сих пор изображают Стеньку Разина, Пугачева разбойниками с большой дороги»⁴.

Освоение новых территорий юга России и особенно Сибири, широко развернувшееся в XVI—XVII вв., было, по мне-

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 322, 707.

² См. А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 431.

³ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 324.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 154.

нию Герцена, прежде всего результатом самостоятельного почина народных масс, которые действовали независимо от правительства, а иногда и вопреки ему. Герцен с гордостью писал: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки на мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана»¹.

Дворянско-буржуазная историография, игнорировавшая роль народных масс в истории, не оценила великого подвига русского народа в освоении колоссальных пространств Сибири, благодаря которому она приобрела возможность прогрессивного развития. Герцен с сожалением писал: «И такие колоссальные события едва помечены историей или помечены для того, чтобы поразить воображение дантовским образом ледяного острога в несколько тысяч верст...»².

Важным рубежом в истории России Герцен считал реформы Петра I. Со времени их осуществления, полагал он, началось ускоренное историческое развитие страны.

С юных лет Герцен проявлял исключительный интерес к изучению петровских преобразований. Но на различных этапах своего идейно-политического развития он сосредоточивал внимание на разных сторонах реформ Петра I. Если в начале 40-х годов, борясь со славянофилами, Герцен уделял основное внимание оценке исторически прогрессивных особенностей этих реформ, то с середины 40-х годов он начал отмечать и их ограниченность.

Преобразования Петра I представлялись Герцену необходимой ломкой старых, отживших отношений. «Петровский период,— указывал он,— важен именно, как разрыв, как критика и отрицание»³. Подчеркивая прогрессивность реформ Петра I, Герцен писал: «мы считаем переворот этот необходимым, он разбудил Россию, он ее повел вперед»⁴. Но Герцен, в отличие от Белинского, недооценивал степень подготовленности преобразований Петра I предшествующим историческим развитием России. Первоначально ему как дворянскому революционеру была свойственна идеализация реформ Петра I и переоценка личной роли реформатора. В произведениях Герцена, относящихся к 40—50-м годам, часто встречаются определения деятельности Петра I как революционной⁵.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 458.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 316.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. VII, стр. 281—282.

⁵ См., например, А. И. Герцен, Соч., т. VI, стр. 325.

В противоположность славянофилам, решительно отрицавшим политическую необходимость реформ Петра I, Герцен стойчиво защищал свою точку зрения относительно их прогрессивного значения. Он отмечал значительное укрепление внешнеполитического могущества России, обеспечивавшего русскому народу национальную независимость, подъем культуры в России¹.

Однако, указывая на прогрессивные стороны в деятельности Петра I, Герцен сознавал, что петровские реформы носили насильственный характер и были тяжелы для народных масс. Поэтому даже в период борьбы Герцена со славянофилами он высказывал отдельные критические замечания по поводу реформ Петра I. Герцен гневно заявлял: «...хочется произнести анафему на все эти громкие улучшения, о которых толкуют с Петра Великого и которые вносятся на конце штыка или привязаны к кнуту. Не надобно благодеей, когда они даются с презрением и с целью задушить ими облагодетельствованных»².

С течением времени критическое отношение Герцена к реформам Петра все более усиливалось, оно направлялось против слащавой идеализации этих реформ либерально-буржуазными историками.

Эволюция взглядов Герцена на рассматриваемый вопрос отражала постепенный процесс преодоления им ограниченности дворянской революционности и утверждения на позициях революционного демократизма. Этот процесс особенно интенсивно протекал у Герцена в конце 50 — начале 60-х годов прошлого века и был связан с обострением классовой борьбы в России накануне крестьянской реформы и в ходе ее проведения. В этот период он изживал свою идеализацию петровских преобразований.

Теперь Герцен подчеркивал, что для Петра I «государство было все, а человек — ничего»³, он начинал приближаться к пониманию социальной обусловленности политики Петра I, который «с преступным легкомыслием... усилил права дворянства и еще крепче стянул цепь крепостничества»⁴. Герцен указывал на то, что обратной стороной дворянской политики Петра I являлось угнетение народных масс: «Империя Петра была установлена при помощи жестоких средств, посредством насилия, кнута и Сибири»⁵. Он заявлял, что Петр I заставлял народные массы нести всю тяжесть преобразований, стремясь

¹ См. А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 123.

² А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 315.

³ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 247.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 350.

⁵ А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 412.

«создать сильное государство с пассивным народом»¹. Такая оценка реформ Петра I Герценом исключала для него возможность увидеть в них прообраз грядущего обновления социально-экономического строя России. Теперь он связывал надежды на коренную ломку самодержавно-крепостнического строя с народной революцией.

В 50—60-х годах Герцен осветил и такую сторону петровских преобразований, как некритическое восприятие Петром I многих отрицательных сторон европейской культуры, а также некоторых ненужных иностранных учреждений. «Ненавидя все в старой России, хорошее и дурное,— писал Герцен о Петре I,— он подражал всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была совершенно антипатична духу русского народа»².

В своей оценке реформ Петра I Герцен не только высоко поднялся над уровнем современной ему дворянско-буржуазной историографии. Он внес также ценнейший вклад в развитие революционной исторической мысли в России.

Для Герцена в период его заграничной деятельности открылись широкие возможности в освещении истории России после реформ Петра I. Не связанный царской цензурой, Герцен разностороннее других революционеров-демократов осветил события истории России, совершившиеся после реформ Петра I. Именно это время давало великому русскому революционеру обильный обличительный материал для борьбы с самодержавием и крепостничеством.

Герцен справедливо указывал, что история России XVIII—XIX вв. была наименее изучена историками и наиболее искажена усилиями правительства. «Всякое правдивое сказание,— писал он,— всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинает быть известным... История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторику подобострастия... правительство... открыто лжет в официальных расказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках»³.

Считая своей первоочередной обязанностью освещение истории России XVIII—XIX вв., Герцен уделил значительное внимание публикации исторических источников. Им было переиздано «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1858 г.) и впервые опубликованы: «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова (1858 г.), «Записки» Екатерины II и княгини Е. Р. Дашковой (1859 г.), «Записки» сенатора

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 221.

² А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 349; ср. там же, т. IX, стр. 263.

³ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 376.

И. В. Лопухина (1860 г.), воспоминания некоторых декабристов. Все эти издания были снабжены предисловиями Герцена. Кроме того, им были изданы два выпуска «Исторических сборников» (1859 и 1861 гг.), содержавшие материалы по истории России XVIII—XIX вв.

Наряду с публикацией источников, Герцен в своих произведениях дал многостороннее освещение важнейших событий русской истории XVIII—XIX вв. Обличая антинародную политику самодержавного правительства, Герцен вместе с тем внимательно проследил нарастание в России протеста против самодержавно-крепостнического строя со стороны народных масс и дворянских революционеров.

Давая общую характеристику правительственной деятельности на протяжении «петербургского периода», как называл Герцен в истории России время, открытое реформами Петра I, он писал, что этот период представлял собою «классическую эпоху насильственных образователей и беспощадных цивилизаторов»¹.

Цари из дома Романовых, не ограничиваясь заимствованием иностранных государственных форм для утверждения деспотизма в России, отдали, как указывал Герцен, «родную мать чужому вотчиму в кабалу»², окружая себя иностранцами и остзейскими немецкими помещиками, с помощью которых им легче было проводить свою антинародную политику. Особенно это было характерно для ближайших десятилетий после смерти Петра I³. Он гневно разоблачал утверждения о том, что «немецкая партия», представленная «разными Минихами, Остерманами, Биронами, Нессельродами, Клейнмихелями»⁴, была якобы проводником цивилизации в России. На самом деле они «были далеки от изображения собою прогресса; без всякой связи со страной, которую они не трудились изучать и презирали, как варварскую, высокомерные до наглости, они были самыми раболепными орудиями императорской власти»⁵. Герцен отмечал распространение вредоносного поклонения перед иностранщиной не только в правящих сферах, но и в более широких кругах дворянства⁶.

Герцен, как и Белинский, гордился деятельностью представителей русской национальной культуры, которые энергично боролись с засилием иностранцев. Он гордился универсальной деятельностью Ломоносова и видел в ней выражение духовной

¹ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 124.

² А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 163.

³ См. А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 94.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. XVI, стр. 198.

⁵ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 333.

⁶ См. А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 95.

мощи русской нации. Герцен писал: «Этот знаменитый ученый был типом русского как по своей энциклопедичности, так и по остроте своего понимания»¹.

Герцен дал содержательную и многостороннюю оценку многим событиям и явлениям времени царствования Екатерины II. Он, вслед за декабристами и Пушкиным, разоблачал то лживое восхваление личности и деятельности этой императрицы, которым была пронизана историческая литература в результате дружных усилий официальных историков. Герцен подчеркивал демагогический характер внутренней политики Екатерины II, обнажал лицемерную игру императрицы в либерализм в целях упрочения абсолютизма. Говоря об учреждениях и законодательных нововведениях Екатерины II, Герцен писал: «Никто серьезно не вглядывался в их эксцентрический характер, в них было странное соединение демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Иоанна Грозного и Монтескье»².

С течением времени игра в либерализм стала представляться Екатерине II вредной для прочности ее самодержавной власти. Герцен метко отметил причины, которые привели императрицу к отказу от этой игры: «После раздела Польши,— писал он,— и «ужасных» новостей, приходивших из революционной Франции, пугавших Екатерину II, она откровенно отбросила всякую маску либерализма и явилась, наконец, тем, чем она была на самом деле: старой Мессалиной без сердца, Лукрецией Борджиа с немецкой лимфой в жилах»³.

Оценивая итоги внутренней и внешней политики Екатерины II, Герцен писал, что она, как и Петр I, пожертвовала «всем и, прежде всего, счастьем народа, чтоб создать русскую империю, чтобы организовать сильное государство и сделать его европейским»⁴.

Сильная империя держалась на страданиях миллионных народных масс, отданных в беспросветную кабалу дворянству, служившему надежной опорой императорской власти. В результате сложилась противоположность между двумя Россиями — Россией самодержавно-помещичьей, господствующей, с одной стороны, и Россией народной, крестьянской, угнетенной — с другой. «Это — две России,— писал Герцен в 1860 г.,— из которых одна — не народ, а только правительство, а другая — народ, но вытолкнутый вне закона и отданный в работу»⁵. Ничего нет общего между «шляхетской» Русью и

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 341.

² А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 50.

³ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 207.

⁴ Там же, стр. 206.

⁵ А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 252.

Русью крестьянской,— подчеркивал Герцен. Он указывал на непрестанную борьбу между ними, с особой силой проявлявшуюся в периоды широких крестьянских движений.

Из всех крестьянских движений в истории России Герцен выделял, как наиболее мощное, восстание под руководством Емельяна Пугачева. Его причины он видел в резком усилении крепостного гнета во второй половине XVIII в. и территориальном распространении крепостнических отношений, отяготивших при Екатерине II новые миллионы крестьян. Определяя характер восстания Пугачева, Герцен писал, что оно представляло собой «усилие казака и крепостного освободиться от жестокого ига, которое давило его с каждым днем сильнее». В связи с этим он сделал пронизательное замечание: «имя Петра III послужило только предлогом; одно оно не могло бы поднять несколько губерний»¹. Герцен подчеркивал огромный размах крестьянского восстания под руководством Пугачева и отмечал участие в нем угнетенных народностей².

Не ограничиваясь указанием на сопротивление народных масс крепостническому гнету, Герцен дал оценку выступлению Радищева, первого русского революционера, впервые открыто и решительно осудившего крепостничество и самодержавный произвол. Раскрывая истоки революционного протеста Радищева, Герцен писал: «Он написал серьезную, печальную, полную слез книгу. Он осмелился поднять голос в защиту несчастных крепостных. Екатерина II сослала его в Сибирь, сказав, что он опаснее Пугачева»³.

Герцен рассматривал Радищева как провозвестника революционной России, как ее первого мужественного представителя, предшественника декабристов. Себя Герцен считал продолжателем Радищева в борьбе с самодержавием и крепостничеством. Идеалы Радищева, писал он,— «это наши мечты, мечты декабристов... И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рыльева, и в собственном нашем сердце»⁴.

Характеризуя царствование Павла I, Герцен рисует мрачную картину состояния России в этот период. Указывая на общую основу системы произвола, проводимой императором, он отмечал и особенности эпохи, усугублявшие неистовства этого деспота. «Пунктом помешательства у Павла I,— писал Герцен,— была ненависть к революции и боязнь, как бы ее прин-

¹ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 354.

² См. А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 87; т. XVII, стр. 89.

³ А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 223.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 271; ср. там же, стр. 277.

ципы не проникли в его империю. Во время его царствования ум замер, мысль была парализована»¹.

Многостороннее освещение русской истории XVIII в. дополнялось у Герцена указанием на возросший международный авторитет России, явившийся результатом ее победоносных войн с рядом государств. Он высоко оценил победы Суворова над французами в Италии: «Суворов на Альпах, под Требией и Нови, завязывает ту борьбу, которая привела всю континентальную Европу в Кремль, а нашу армию — в Париж»².

Из событий начала XIX в. Герцен, как и Белинский, выделял Отечественную войну 1812 г. и придавал этой войне важнейшее значение, полагая, что она является знаменательным рубежом не только в истории России, но и в истории всей Европы. Он писал: «с 1812 года начинается наша новая история и кончается старая история Запада»³.

Усматривая причину Отечественной войны 1812 г. в завоевательной политике Наполеона, стремившегося к мировому господству, Герцен указывал, что героическое сопротивление русского народа армии захватчиков и последующий разгром этой армии на полях России привели к краху империю Наполеона⁴.

Отечественная война 1812 г. была глубоко справедливой войной со стороны русского народа. Она продемонстрировала творческую роль народных масс в истории, самоотверженно поднявшихся на борьбу за свои интересы. «Народ,— писал Герцен,— забытый даже в это время всеобщего несчастья или же слишком презираемый, чтобы просили у него крови, которую считали в праве проливать без его согласия, — народ поднялся массами, не дожидаясь призыва, в своем деле... победитель с Кремля начал свое отступление, которое должно было остановиться только на св. Елене»⁵.

Герцен многократно указывал, что и в событиях 1812 г. ведущая роль в сплочении народных масс для отпора наглому врагу принадлежала Москве. Еще в юношеском письме он писал: «Москва всегда становится в уровень с обстоятельствами, когда над Россией гремит гроза, как в 1612 и в 1812 гг.»⁶.

Герцен подчеркивал всемирно-историческое значение Отечественной войны 1812 г. В возвращении европейским народам национальной независимости после разгрома Наполеона

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XX, стр. 215.

² А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 274.

³ А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 414.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. V, стр. 336.

⁵ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 346.

⁶ А. И. Герцен. Соч., т. I, стр. 61; ср. там же, т. XII, стр. 124.

он видел доказательство могучего воздействия русского народа на исторические судьбы Западной Европы. Герцен с гневом писал по адресу представителей господствующих классов Западной Европы, ненавидевших Россию и пытавшихся принизить или вообще отрицать роль русского народа в мировой истории: «Все то, что ставится так дорого другим народам, России не было зачтено ни во что или, хуже, послужило ей же в обвинение: ни то, что она уцелела под татарским игом, ни то, что втихомолку выросла и сложилась в огромное государство, отбившееся от всех соседей и сохранившее свою самостоятельность; ни ее 1612, ни ее 1812 год»¹.

Герцен восхищался героизмом русского народа, проявленным в Отечественной войне 1812 г. Но он с горечью указывал, что господствующее сословие дворян оставило победоносный народ в крепостническом угнетении. «Крестьянин-солдат,— писал он,— взявший оружие в руки в 1812 г., вернулся покрытый рубцами после геройской борьбы с чужеземцами к той же позорной цепи рабства»².

Крупнейшее историческое значение Отечественной войны 1812 г. Герцен усматривал не только в спасении национальной независимости русского народа и освобождении народов Европы от ига Наполеона, но и в том, что эта война породила в России освободительное движение против самодержавия и крепостничества.

Герцен и его единомышленник Н. П. Огарев в заграничный период их деятельности получили возможность систематически освещать историю революционного движения в России, зачинателями которого они считали декабристов. Учитывая невозможность разработки истории декабристского движения в России, Герцен считал своим политическим и моральным долгом правдиво осветить это движение и выступил зачинателем его изучения.

Если других исторических тем Герцен касался, как правило, в своих экскурсах, содержащихся в его публицистических и иных произведениях, то истории декабристского движения он посвятил ряд специальных произведений. Важнейшими из них являются: книга «14 декабря и император Николай» (1858 г.), написанная Герценом совместно с Огаревым, сокращенное изложение этой книги в статье «Русский заговор 1825 года» (1858 г.), «Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках по их мемуарам» (1868 г.), «Кондратий Рылеев и Николай Бестужев» (1868 г.) и ряд мелких статей, заметок и некрологов.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 457.

² Там же, стр. 155.

Большой заслугой Герцена являлась публикация ценнейших источников по истории декабристского движения. Им были изданы в 1862 и 1863 гг. три выпуска «Записок декабристов», в которых напечатаны воспоминания И. Д. Якушкина, кн. Трубецкого, И. Пущина, разбор донесений тайной следственной комиссии в 1826 г., написанный Никитой Муравьевым и Луниным, и некоторые другие материалы.

Рассматривая вопрос об исторических истоках декабризма, Герцен проникательно отмечал, что они коренятся в условиях русской действительности первой четверти XIX в. Он, как и Белинский, справедливо подчеркивал огромное значение патриотического подъема во время Отечественной войны 1812 г. для формирования идеологии декабристов. Прогрессивно настроенная дворянская молодежь горела патриотическим стремлением к освобождению отечества не только от иноземного нашествия, но и от самодержавного деспотизма и крепостничества. После войны 1812 г. для русского крестьянина ничего не изменилось: «ему не дали никакой вольности в награду за победу, купленную его кровью. Чтобы вознаградить мужика, Александр подготовлял чудовищный проект военных поселений»¹. Жесточайший аракчеевский режим скоро убедил тех из будущих декабристов, которые первоначально надеялись на осуществление реформ Александром I, что ждать от него преобразований нет никаких оснований².

Реакционная политика Александра I породила острое недовольство. Наиболее энергичные деятели решили им воспользоваться. «Они задумали тайное общество,— писал Герцен,— которое должно было заняться политическим воспитанием молодого поколения, распространять идеи свободы и разработать сложный вопрос радикальной и полной реформы русского правительства»³. Герцен подчеркивал и даже несколько преувеличивал силу и размах движения декабристов⁴.

Герцен неоднократно указывал, что в движение декабристов были вовлечены лучшие, наиболее передовые и талантливые люди России. Он отмечал значительное распространение декабристских идей в литературе и в среде молодого поколения. Декабристы — «люди образованные, энергичные и чистые,— писал Герцен,— ... господствовали над частью аристократии, а посредством находившейся в их руках литературы — над всем молодым поколением»⁵.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 347.

² См. А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 176.

³ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 348.

⁴ См. А. И. Герцен. Соч., т. VII, стр. 231.

⁵ А. И. Герцен. Соч., т. XXII, стр. 102.

Раскрывая глубокие корни, историческую закономерность и широкое распространение движения декабристов, Герцен полностью разрушал фальсификации Блудова, Корфа и других реакционеров, пытавшихся представить декабристов как какую-то ничтожную «кучку злодеев», бессильных «мятежников».

Герцен отчетливо понимал основные цели декабристов — уничтожение самодержавия и крепостничества в России — и глубоко им сочувствовал. Он справедливо полагал, что наиболее решительной декабристской организацией, настойчиво и последовательно стремившейся к реализации этих целей, было Южное общество во главе с П. И. Пестелем. Руководители Южного общества «вырабатывали революционную диктатуру, — указывал Герцен, — которая должна была организовать республиканские формы»¹. Герцен с полным основанием выделял Пестеля как самого замечательного деятеля декабристского движения, считал его «Русскую Правду» наиболее радикальной политической программой декабристов². Южное общество, возглавленное Пестелем, с «самого начала... приняло характер решительный и революционный»³. Своим радикализмом оно отличалось от Северного общества. Но Герцен неправомерно приписывал Пестелю социалистические идеи, усматривая их, в соответствии с своей утопической теорией «русского социализма», в его стремлении «дать землю крестьянам»⁴.

Герцен нарисовал довольно полную и достаточно верную картину восстания декабристов на Сенатской площади и событий на юге страны. Неудача декабристов никогда не приводила Герцена к ложному выводу о том, что восстание было заранее обречено на поражение и поэтому якобы было бессмысленным. Он, напротив, утверждал, что заговорщики должны были лучше воспользоваться обстановкой междуцарствия⁵.

Герцен горячо одобрял мужество и упорство декабристов, проявленное ими на Сенатской площади, когда уже ясна стала неудача восстания. Слова Герцена о героической самоотверженности декабристов, пошедших в этих условиях на явную гибель, приведены В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена»: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»⁶.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 351.

² См. А. И. Герцен. Соч., т. XXII, стр. 96—97.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ См. там же, стр. 104.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 9; см. А. И. Герцен. Соч., т. XV, стр. 280.

Настойчиво размышляя с юных лет над уяснением причин поражения декабристов, Герцен пришел в итоге к выводам, которые он отчетливо сформулировал в своих произведениях 50—60-х годов. Основную и самую глубокую причину поражения декабристов Герцен справедливо увидел в том, что они не опирались на поддержку народных масс. «В день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам не хватало именно народа»¹.

Герцен настойчиво подчеркивал огромное историческое значение первого открытого вооруженного выступления против самодержавия и колоссального нравственного воздействия этого революционного акта на молодое поколение: «Нравственное действие, произведенное днем 14 декабря, было удивительно... До тех пор не верили в возможность политического восстания, идущего с оружием в руках напасть в самом центре Петербурга на гиганта — императорский царизм»². Величайшую заслугу декабристов Герцен видел в том, что они силой своего примера учили молодое поколение революционной борьбе с самодержавием³.

Отправляясь от уроков декабристского движения, правильно поняв основную причину его поражения, Герцен — наследник революционного дела декабристов — вооружил и обогатил своими выводами революционно-демократическое движение. Однако Герцену не удалось раскрыть глубочайших экономических и социальных противоречий русской действительности первой четверти XIX в., породивших движение декабристов. Он склонен был даже переоценивать, в соответствии с своим идеалистическим пониманием истории, «умственное движение» в среде дворянства, которое поставило его «во враждебные отношения с самодержавием»⁴. Не был в состоянии Герцен всесторонне и глубоко раскрыть и классовую ограниченность идеологии дворянских революционеров. Но характеристика Герценом тех сторон декабристского движения, которые освещены в его произведениях, составляет выдающуюся заслугу великого русского революционера, его замечательный вклад в развитие революционной исторической мысли в России.

Период 30—40-х годов XIX в. в истории России являлся для Герцена уже современностью. В некоторых событиях этого периода, особенно связанных с общественно-политической и литературной жизнью, он выступал в качестве непосредственного участника.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XXII, стр. 108.

² Там же, стр. 105.

³ См. А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 352.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 149.

Однако для Герцена грань между историей и современностью была условной. Сам он в 50—60-х годах рассматривал события двух предшествующих десятилетий уже как относящиеся к области истории и выступал в качестве их историка, например, в своем замечательном произведении «Былое и думы». Условность грани между историей и современностью для Герцена, с другой стороны, подчеркивается и тем обстоятельством, что прошлое и настоящее в его произведениях выступают в неразрывном единстве. Ему были одинаково чужды как игнорирование истории, так и уход от современности в прошлое. «Мы не бежим от настоящего в прошедшее, — заявлял Герцен, — потому что знаем, что последняя страница истории есть наша современная действительность»¹. Поэтому политические и исторические взгляды великого русского революционера находились в органическом единстве.

Неразрывное единство истории и современности в воззрениях Герцена ярко выявляется в его понимании противоположности между Россией реакционной — самодержавно-крепостнической и Россией народной — крестьянской и революционной, являвшейся носителем национального прогресса. Борьбу между ними Герцен прослеживал в прошлом, характеризуя крестьянские движения под руководством Разина и Пугачева, революционную деятельность Радищева и декабристов. Эту же борьбу он подчеркивал и тогда, когда писал о своей современности: «В России сверх царя есть народ; сверх люда казенного, притесняющего, есть люди страждущие, несчастные; кроме России Зимнего дворца есть Русь крепостная, Русь рудников»². Это позволяло Герцену определять водораздел между силами реакции и прогресса не только в прошлом, но и в настоящем, помогало ему ориентироваться в общественной борьбе своего времени. Герцен вел решительную борьбу против открытых реакционных поборников теории «официальной народности» — Булгарина, Греча, Погодина, Шевырева, а также против славянофилов, прикрывавших свою реакционность фразами о «народолюбии». «Славянофильство, — указывал Герцен, — ожидавшее спасение России только при восстановлении византийско-московского строя, не освобождало, а только связывало; шло не вперед, а назад»³.

В этой борьбе Герцен выступал верным соратником Белинского, в котором он в 40-х годах справедливо видел самого яркого и последовательного представителя революционной России. «Этот человек, — писал Герцен, — трепетал от негодования и содрогался от бешенства при бесконечном зрелище

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 394.

² А. И. Герцен. Соч., т. VIII, стр. 143.

³ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 382.

русского самодержавия»¹. Белинский «уже в 25 лет взял на себя роль учителя,— отмечал Герцен,— и был признан, действительно, учителем всей учащейся молодежи в России»². Белинский, по словам Герцена, «всегда стоял на страже критики, готовый обличить, заклеить все то, что считал реакционным», он проповедовал «беспредельную любовь к свободе мысли и такую же сильную ненависть ко всему, что ей препятствовало: к власти, насилию и вере»³.

Герцен вместе с Белинским начал борьбу против буржуазных либералов-западников. Когда он в первом своем заграничном произведении «Письма из Avenue Marigny» подверг резкой критике пороки буржуазного строя и вызвал этим острое недовольство Боткина, Анненкова и других западников, преклонявшихся перед буржуазной «цивилизацией», то его единомышленником и защитником выступил Белинский.

В 50-х годах прошлого века Герцен допускал временные отступления от демократизма, колебания в сторону либерализма. Но, как указывал В. И. Ленин, «демократ все же брал в нем верх»⁴. Никогда не отделяя себя от революционной России и являясь одним из наиболее ярких ее представителей, Герцен в конечном счете всегда солидаризировался в своем понимании важнейших вопросов русской общественной жизни с вождями лагеря революционной демократии Чернышевским и Добролюбовым. Наблюдая резкое обострение борьбы между крестьянами и помещиками в 50—60-х годах, дошедшее до массовых крестьянских выступлений в 1861 г., беспощадные расправы над крестьянами царского правительства, Герцен должен был согласиться с их оценкой крестьянской реформы как грабительской. Он присоединился к выводу Чернышевского и Добролюбова о необходимости народной революции в России. Герцен вместе с ними боролся против либералов как пособников реакции, мешавших сплочению революционных сил. От имени всей революционной России он заклеил либералов в 1863 г. как соучастников кровавого подавления польского национально-освободительного движения. Он гневно обличал либерала Кавелина, одобрявшего арест и ссылку на каторгу вождя революционной демократии Чернышевского.

Противоположность между Россией реакционной и Россией народной Герцен прослеживал также и в развитии русской культуры. Герцен отделял народную культуру от культуры господствующих классов. Он указывал, что и в условиях крепостнического гнета, задерживавшего развитие прогрессивной

¹ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 369.

² А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 256.

³ А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 385—386.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

национальной культуры, проявлялась могучая духовная одаренность великого русского народа — в народном творчестве, в деятельности передовых русских ученых, в творчестве выдающихся художников слова.

Подчеркивая самостоятельность русской национальной культуры, Герцен отмечал, что в России «все, носившее характер чего-то навязанного, антинациональный, не пережило своего времени»¹; утверждались же и развивались лишь те культурные ценности, которые имели глубокие национальные корни, порождались требованиями русской общественной жизни. Он с особой силой подчеркивал значение передовой русской литературы, как могучего средства распространения освободительных идей. «Литература у народа, не имеющего политической свободы,— писал Герцен,— единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести»².

Этой общественно-политической функцией передовой русской литературы объяснял Герцен ее ведущую роль в развитии прогрессивной культуры в России. Он дал ценный обзор развития передовой русской литературы в книге «О развитии революционных идей в России», касался этого вопроса и в других произведениях. Герцен указывал, что все лучшие, наиболее талантливые и передовые русские писатели и поэты сознательно проводили в своем творчестве революционные идеи борьбы с самодержавно-крепостническим строем и разоблачали реакционную культуру господствующих классов, содействуя тем самым политическому просвещению передовых современников, как это делали Радищев, Рылеев, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и Некрасов. Они объективно связывали свое творчество с защитой интересов народных масс, правдиво раскрывая пороки крепостнического общества.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 93.

² А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 350.

Глава IX

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ (ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.)

I

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Развитие изучения всемирной истории в дореформенной России сделало большие шаги в первой половине XIX в. Однако развитие этих отраслей исторического знания, как и исторической науки в целом, тормозилось условиями, порожденными существовавшими в стране крепостническими порядками. Гнет царского режима тяжело сказывался особенно на развитии изучения истории европейских стран, так как многие темы, в частности, о Французской буржуазной революции, были фактически запретными или трактовались с позиций самодержавия. Учебники истории средних веков и древнего мира, как правило, представляли собой набор различного рода сведений из политической истории, нередко с прибавлением анекдотических рассказов из жизни королей и полководцев.

Впрочем, вопросы древней и средневековой истории Западной Европы получили некоторую разработку уже в XVIII в. В частности, уже в этом столетии была переведена на русский язык древняя история Роллена. (1661—1741 гг.), а также некоторые сочинения греческих и латинских авторов античного времени.

Изучение древней и средневековой истории Западной Европы резко усиливается в первой половине XIX в. Крупнейшее значение в этом отношении имела деятельность Т. Н. Грановского и его учеников и последователей. К этому же времени относится начало систематической разработки таких отраслей всемирной истории, как славяноведение и византиноведение.

Значительно раньше, чем изучение древней и средневековой истории Западной Европы, началось исследование стран

Ближнего и Дальнего Востока. Русское востоковедение, в особенности изучение Китая и других стран Дальнего Востока, получившее большое развитие уже в XVIII в., было передовым по сравнению со многими странами Западной Европы.

II

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

в 30—40-х годах XIX в.

В первые десятилетия XIX в. интерес к всеобщей истории вообще и к древнему миру в частности был связан с подъемом общественного движения в России после победоносного окончания Отечественной войны 1812 года. Дворянские революционеры, выступая против феодально-крепостнического строя и царского деспотизма, вдохновлялись примерами вольнолюбивых героев Греции и Рима¹.

Интерес передовых общественных кругов к событиям и деятелям античного мира, к истории средних веков не находил, однако, особого отклика в среде академических ученых. Университетское преподавание всеобщей истории, включающей ее основные разделы, находилось на невысоком уровне. Примером может служить Московский университет до половины 30-х годов. В конце XVIII и в начале XIX в. в нем существовала объединенная кафедра всеобщей истории, статистики и географии, которую занимал профессор Н. Е. Черепанов. Некоторое время преподавание всеобщей истории вел профессор М. Т. Каченовский, которого совершенно неправильно пытались изобразить как пропагандиста критического метода Нибура. Критический метод Каченовского, достаточно оригинальный, носит скорее черты гиперкритицизма. После перехода Каченовского на другую кафедру преподавание всеобщей истории сосредоточилось в руках М. П. Погодина (до 1835 года).

В 1835—1837 гг. М. П. Погодин издал в двух томах «Лекции по Геерену о политике, связи и торговле древнего мира». Уже само заглавие показывает, что лекции эти носили чисто компилятивный характер.

Гораздо больший интерес к культурам древнего Востока и античности вызывали лекции по археологии и теории изящных искусств, которые читались в 1831—1835 гг. профессором Н. И. Надеждиным, известным литературным критиком и этнографом. Разделы курса по археологии давались на общеполитическом фоне. Лектором приводились данные по истории

¹ Подробнее см. гл. VIII, § 3.

и по истории культуры народов древнего Востока, Греции и Рима. До нас дошли студенческие записи курса по археологии¹. В курсе даны описания памятников искусства и материальной культуры древней Индии, Финикии, Ассирии, Вавилонии, греческих памятников изящных искусств, этрусских древностей. Сосредоточивая внимание слушателей на памятниках изобразительных искусств, Н. И. Надеждин давал в то же время сведения по общей истории древнего мира.

В Петербургском университете короткое время (1834—1835) адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории был Н. В. Гоголь. Особое внимание Гоголя привлекали вопросы преподавания всеобщей истории (история древнего мира и средних веков), историографии.

Из профессоров, читавших всеобщую историю в провинциальных университетах, следует назвать В. Ф. Цыха (1805—1837 гг.), серба по происхождению, преподававшего сначала в Харьковском (1831—1834), а затем в Киевском университетах. Профессор Цых, читавший курсы по всем основным разделам всеобщей истории, особенно интересовался историей древнего мира. Ему принадлежит первая по времени русская работа по истории эллинизма — статья «Взгляд на историческую жизнь народа Эллино-Македонского»².

Коренной перелом в изучении и преподавании всеобщей истории относится ко второй половине 30-х и к 40-м гг. XIX в., когда в Московском университете развернулась деятельность Т. Н. Грановского и Д. Л. Крюкова, в Петербурге — М. С. Курторги, в Харькове — М. М. Лунина.

* * *

В изучении и постановке преподавания истории древнего мира в России значительную роль сыграл Д. Л. Крюков (1809—1845 гг.), профессор Московского университета по кафедре классической филологии (с 1835 по 1845 г.), читавший наряду с филологическими дисциплинами курс по истории древнего мира. Эрудированный ученый, прошедший хорошую филологическую школу, Д. Л. Крюков пользовался популярностью как талантливый лектор, умевший возбудить интерес студенческой аудитории к истории и филологии. Крюков примыкал к той группе либеральной профессуры, которой в 30—40-х годах приходилось вести борьбу с профессорами-реакционерами, апологетами пресловутой теории «официальной народности».

¹ См. Н. К. Козмин. Николай Николаевич Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность (1804—1836). СПб., 1912.

² В. Ф. Цых. Взгляд на историческую жизнь народа Эллино-Македонского. Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП), 1835, № 5.

Большим другом Крюкова был Т. Н. Грановский, тяжело переживавший его раннюю смерть и не раз с сочувствием вспоминавший о нем. А. И. Герцен характеризовал Крюкова как «милого, блестящего, умного ученого». Строгий в своих критических оценках, Н. Г. Чернышевский называет Крюкова «замечательным ученым», много сделавшим для распространения классической филологии в России.

Д. Л. Крюков опубликовал небольшое количество трудов; они лишь частично могут дать представление о нем как ученом.

К сожалению, лекции Д. Л. Крюкова, читанные им в Московском университете, не опубликованы. Известно, что в его курсе римской истории освещались древнейший период и первые века римской республики. В источниковедческом введении Д. Л. Крюков знакомил слушателей с основными римскими источниками.

Д. Л. Крюкову принадлежит докторская диссертация «*In Taciti Agricolam Observationes*» (1832 г.), издание «Агриколы» Тацита с примечаниями (1836 г.), актовая речь в Московском университете «*De Q. Curtii Rufi aetate*» (1836 г.), статья «О трагическом характере истории Тацита»¹, наконец, напечатанное уже после смерти автора исследование «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении»², оставшееся незаконченным.

Эта работа свидетельствует о большой эрудиции автора, его умении тщательно и скрупулезно разбираться в противоречивых свидетельствах источников. Д. Л. Крюков ставил своей задачей доказать, что у патрициев и плебеев были различные религии, которые первоначально существовали одновременно.

Автор исследования противопоставляет «символическую» религию патрициев (квиритов) «антропоморфической» религии плебеев.

При этом Крюков полагал, что патриции были латинского происхождения; в плебейях же, наряду с латинским, играл большую роль этрусский элемент. Все эти весьма спорные положения Д. Л. Крюков пытается аргументировать тщательным критическим разбором дошедших до нас источников. Таким образом, отцом теории этнической двойственности происхождения патрициев и плебеев по справедливости надо считать Д. Л. Крюкова³. Теория Крюкова оказала некоторое влияние

¹ См. Д. Л. Крюков. О трагическом характере истории Тацита. «Москвитянин», 1841, ч. II, № 3, стр. 119—128.

² См. Д. Л. Крюков. Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении. «Пропагандист», кн. IV, М., 1854, стр. 33—80.

³ См. С. И. Ковалев. Проблема происхождения патрициев и плебеев. Труды юбилейной научной сессии. Ленингр. гос. ун-т. Секция исторических наук, Л., 1948, стр. 220.

на последующих исследователей — Джиованни Оберцинера, И. В. Негушила и др., но широкого признания не получила. Опубликование исследования Крюкова на русском языке вызвало критические выступления петербургского профессора-антиковеда Н. М. Благовещенского и Н. Г. Чернышевского.

Отмечая значение труда Д. Л. Крюкова и особо подчеркивая большую эрудицию автора, Н. Г. Чернышевский выступил с сурьезной критикой положений Крюкова, метко указав их слабые и уязвимые стороны.

В противоположность Крюкову Чернышевский считал, что «первоначальное религиозное различие между патрициями и плебеями состояло не в том, что одни имели одну, другие — другую религию, а в том, что патриции имели богослужение, признанное государственным, а плебеи не имели в нем участия»¹. Не согласен Чернышевский и с трактовкой Крюковым вопроса об этрусском влиянии, полагая, что «патриции были несколько не чужды этрусскому влиянию»².

Если исследование Д. Л. Крюкова о патрициях и плебеях вызвало отклики, то его весьма примечательная статья «О трагическом характере истории Тацита» прошла мало замеченной. Между тем эта статья характеризует некоторые общесоциологические взгляды Крюкова. Тацит, как уже указывалось, привлекал особое внимание Крюкова. Статья «О трагическом характере истории Тацита» является как бы обобщением взглядов Крюкова на значение трудов прославленного римского историка. Тацит — суровый обличитель деспотизма римских императоров — особо интересовал представителей русского передового общества. В эпоху господства самодержавно-крепостнического строя в России с его непереносимым гнетом выступления Тацита против террористического режима Тиберия и других носителей императорской власти в Риме вызывали интерес и сочувствие. Но внимание Д. Л. Крюкова привлекало не только изображение Тацитом деспотизма римских императоров. «Трагический» характер истории Тацита, на его взгляд, отображал трагедию римского народа, его «нравственный упадок».

Идеалист по своей методологии и умеренный либерал по своим политическим убеждениям, Д. Л. Крюков писал: «Трагическое в эпохе римского упадка состоит в том, что все существенное (субстанциональное), нравственное и человеческое в народе римском, гибнет постепенно в борьбе развращенного произвола индивидуумов с произволом черни, еще более развращенным. Эти два деятеля всемирной римской трагедии... уничтожают друг друга, но вместе с тем уничтожают и народную

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, стр. 577.

² Там же, стр. 578.

нравственность и оскорбляют вечную правду»¹. Произволу «черни» Крюков придает особое значение: «Чернь губит виновных не потому, что они нарушают правду и нравственность, за которую она вступается, а потому, что произвол черни, — этого стоглавого чудовища, сильнее произвола индивидуумов. Этот народ, губящий виновных, и сам впадает в вину, ибо губит их несправедливым образом»². В этих высказываниях Крюкова обращает внимание его отношение к «черни». С отношением Крюкова к черни связана и оценка им афинской демократии эпохи Перикла³. С нескрываемым презрением относился Крюков к римским рабам и варварам эпохи Тацита: «Нравственное падение народа римского отняло всякую цену у жизни государственной. Не велика была честь называться римским гражданином, когда рабы и варвары, носившие некогда римские цепи, надели римскую тогу»⁴. В подобных высказываниях филолога-классика, почитателя и ревнителя римской поэзии, видны недоверие, страх перед «*proflapit vulgus*».

Д. Л. Крюков принадлежал к числу тех умеренных русских либералов, которые боялись революционного выступления народных масс. Исторические труды Д. Л. Крюкова и его преподавательская деятельность сыграли известную роль в дальнейшем изучении античной истории.

* * *

Всеобщая история в 30—40-х годах XIX в. изучалась не только в столичных университетах. Кафедра всеобщей истории в Харьковском университете, руководимая профессором М. М. Луниным, также внесла свой определенный вклад в ее изучение. М. М. Лунин (1806—1844 гг.) по окончании Дерптского университета поступил в 1830 г. в Профессорский институт в Дерпте, учрежденный в 1829 г. и имевший целью подготовку контингента профессоров для русских университетов. В институте М. М. Лунин находился одновременно с виднейшим русским историком античного мира М. С. Куторгой. В 1832 г. Лунин напечатал на латинском языке свою докторскую диссертацию «*Prolegomena ad res Achaeeorum*» («Повествование о делах ахейцев»), в 1833 г. для усовершенствования в науках он был командирован за границу, в Берлин. С 1835 по 1844 г. М. М. Лунин занимал кафедру всеобщей истории в Харьковском университете.

¹ Д. Л. Крюков. О трагическом характере истории Тацита, стр. 124—125.

² Там же, стр. 125.

³ См. там же, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 122.

Лунин как лектор пользовался большой популярностью, лекции его привлекали широкую аудиторию. Его университетский слушатель — историк Н. И. Костомаров говорил, что Лунин «был бесспорно один из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-нибудь являлись в наших университетах». По степени культурно-общественного влияния Лунина иногда даже сравнивали с Грановским, его называли «Харьковским Грановским»¹.

К сожалению, курс лекций Лунина напечатан не был. Печатная продукция Лунина вообще очень невелика и ограничивается диссертацией и несколькими статьями, опубликованными в журналах и Харьковском сборнике актовых речей.

Известный интерес представляет актовая речь Лунина в Харьковском университете: «О влиянии Вальтера Скотта на новейшие изыскания по части средней истории». Характерен сам по себе выбор темы. Хорошо известно, как высоко расценивали исторические романы Вальтера Скотта французские историки-романтики (особенно Огюстен Тьерри). Русский ученый дал не менее восторженную оценку английского романиста; он считал, что Вальтер Скотт «бесспорно величайший исторический гений новых времен». «В его романах, — пишет Лунин, — более истинной истории, нежели в исторических произведениях большей части писателей-философов, изображавших одну с ним эпоху... творец Веверлея был первый, который вывел на сцену разнообразные племена, постепенное слияние которых в течении времени образовало великие нации Европы: ...показал нам совершенно новый мир причин и побуждений, усложнявших в продолжение веков борьбу основных частей этих великих масс, и породивших постепенно политические и нравственные явления западной цивилизации!»².

М. М. Лунин особенно отмечал «многосложность» истории, причем он считал, что история должна заниматься не только государствами, но и народами. Лунин критикует английского историка XVIII в. Юма за «одностороннюю наклонность к изображению королей и пренебрежение народного начала». Его широкое определение содержания истории далеко выходило за рамки политической истории. В той же академической речи он витиевато говорил: «По нашему мнению, история проникает все, и мрамор, и холст, и пергамент, и шелк, и домашнюю

¹ См. В. П. Бузескул. Профессор М. М. Лунин, «Харьковский Грановский». ЖМНП, СПб., февраль, стр. 321—374; см. также В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX в., ч. 1, Л., 1929.

² М. М. Лунин. О влиянии Вальтера Скотта на новейшие изыскания по части средней истории. «Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета», Харьков, 1836, стр. 15, 16.

утварь: ее отголосок слышен и в тысящелетних сводах рыцарского замка, и в развалинах древнего аббатства, и в гордых стенах великолепного ратсгауза; она говорит к нам в обломках древней колоны, и в торзе Бельведерского Геркулеса, и в застольном кубке феодального владельца; она отражается и в картинах Джиотто и Альбрехта Дюрера, и в убогой одежде смиренного пильгрима, и в тяжелых латах крестового воина: она так сказать питается этою живительною атмосферою»¹.

Общий взгляд на историю древнего мира представляет небольшая статья М. М. Лунина: «Несколько слов о римской истории»². В этой статье Лунин дает обобщающую характеристику истории древнего Востока, истории Греции и истории Рима. Статья написана довольно вычурным языком с несомненным стремлением к бьющим на эффект образам и сравнениям. Но для исторического мирозерцания Лунина и самого стиля его работ небезинтересно его определение исторической роли государств древнего Востока, Греции и Рима. «Всемирные монархии Востока, — писал он, — подобны исполинским рекам Азии: они быстры, обширны, величественны во время таяния Альпийских снегов; — застоины, мелки и однообразны, когда прекращается источник их роста и жизни; — в том и другом случае пагубны для человека». И далее он продолжал: «Основание и существование государств Востока слишком тесно связаны с индивидуальностью человека; счастливый и умный завоеватель появляется неожиданно, подобно зловещему облаку, над восточными странами, изливается кровавым дождем подавленных народов, и делается основанием обширного политического тела; но вместе со смертью этого завоевателя, если уже не прежде, начинается падение его создания»³.

С особым подъемом говорил Лунин о значении Рима в мировой истории; он писал, что «закаленный в политических бурях, гордый своими законами и институтами, римский гений пошел смело на завоевание вселенной. ...*Orbis terrarum* превратился уже в *Orbis Romanus*, и римские орлы уселись гордо и величаво на могилах народных самостоятельности древности»⁴. Сугубо подчеркивая творческую, созидательную роль Рима, римских учреждений, римского права, Лунин видит их благотворное влияние и в средние века.

Если статья «Несколько слов о римской истории» посвящена историческим обобщениям, то более конкретный характер носят две другие большие статьи Лунина по истории древнего

¹ М. М. Луни н. О влиянии Вальтера Скотта..., стр. 14—15.

² См. М. М. Луни н. Несколько слов о римской истории. «Москвитянин», 1841, ч. V, № 10, стр. 405—423.

³ Там же, стр. 412.

⁴ Там же, стр. 422.

мира: «Взгляд на историографию древнейших народов Востока»¹ и «Индия. Взгляд на жизнь индоостанского народа»². Здесь прежде всего необходимо отметить интерес Лунина к истории народов древнего Востока, которая не привлекала особого внимания наших всеобщих историков. Лунин изучал имевшиеся тогда в наличии материалы и литературу по истории древнего Востока, дал обстоятельные работы обзорного характера. В статье «Взгляд на историографию древнейших народов Востока», отличающейся более специальным характером, автор дает очерк историографии Китая, древней Индии и Ирана, стоящий на уровне тогдашнего знания первоисточников и литературы предмета.

В вводных замечаниях содержится определение Луниным историографии. «Историографическое искусство,— писал он,— развивалось у каждого народа по индивидуальным законам его отдельного проявления на поприще человечества, на Востоке иначе нежели на Западе: ибо историография есть не что иное как воссоздание жизни человечества в общности (всеобщая история) или частности (специальная история), в систематическом целом, или другими словами, картина человеческого существования в религии и государстве, в судьбах и опытах, в науке и гражданственности, в литературе и промышленности»³.

Статья М. М. Лунина об Индии принадлежит к числу тех первых исторических работ, которые были написаны русскими учеными и знакомили русских читателей с историческими судьбами индийского народа.

Хорошо ориентированный в источниках и литературе предмета, М. М. Лунин сумел поставить на должную высоту кафедру всеобщей истории в Харьковском университете. Опубликованные им работы, хотя они и не являются капитальными научно-исследовательскими трудами, а также его университетское преподавание стояли на уровне тогдашних достижений исторической науки.

III

ТРУДЫ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

Крупнейшим представителем русской науки в области изучения западного средневековья явился Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855 гг.). Уже современники Грановского

¹ См. М. М. Лунина. Взгляд на историографию древнейших народов Востока. «Москвитянин», 1842, ч. IV, № 8, стр. 284—323; ч. V, № 9, стр. 104—147.

² См. М. М. Лунина. Индия. Взгляд на жизнь индоостанского народа, ЖМНП, СПб., 1837, июль, стр. 1—86.

³ М. М. Лунина. Взгляд на историографию древнейших народов Востока, стр. 289.

отмечали большое значение его научной и просветительской деятельности. А. И. Герцен посвятил ему в «Былом и думах» немало восторженных строк. Н. Г. Чернышевский, скупой на похвалы и беспощадный к либералам, отозвался на издание сочинений Грановского большой статьей¹, в которой чрезвычайно высоко оценил деятельность прогрессивного русского ученого. Н. А. Добролюбов также высоко ставил ученый авторитет Грановского². Для русских революционеров-демократов Грановский был ценен как союзник в их борьбе с крепостничеством и самодержавием. Они подчеркивали, прежде всего, антикрепостническую сторону ученой деятельности Грановского.

Наоборот, друзья и ученики Грановского, его современники из либерального лагеря — П. Н. Кудрявцев и другие замалчивали демократические черты его воззрений³.

Последующее поколение русских буржуазных историков — Б. Н. Чичерин, Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков — пошли еще дальше в этом направлении⁴. Они не только замалчивали, но прямо отрицали антикрепостнический характер взглядов Грановского. В противоположность Н. Г. Чернышевскому, говорившему о самобытности взглядов Грановского, русские буржуазные историки изображали его как простого популяризатора западноевропейской науки в России.

Получался чрезвычайно искаженный образ Грановского, созданный по канонам русского либерала более позднего времени, насмерть перепуганного революцией. Именно такому образу Грановского русские историки-либералы начала XX в. воздавали восторженную хвалу, создавая о нем многочисленную панегирическую литературу.

Ученая и преподавательская деятельность Грановского (с 1839 г. и до самой смерти он возглавлял кафедру всеобщей истории Московского университета) оказала огромное влияние на развитие русской исторической науки в области зарубежной истории. Чернышевский писал, что в лице Грановского нужно признать «не только ученого, имевшего огромное значение для Московского университета, русской литературы, рус-

¹ См. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. III, стр. 346—368.

² См. Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, т. I, М., 1950, стр. 363.

³ См. П. Н. Кудрявцев. Сочинения, т. II, М., 1887; Записки С. М. Соловьева. Изд. «Общественная польза»; П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки, ч. III, СПб., 1881.

⁴ См. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1929; Н. Кареев. Историческое миросозерцание Грановского, СПб., 1896; П. Г. Виноградов. Т. Н. Грановский. «Русская мысль», кн. IV, М., 1893; П. Г. Виноградов. Грановский. Энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон, т. IXa, СПб., 1893; П. Милуков. Из истории русской интеллигенции, СПб., 1902.

ского просвещения вообще, признать в нем не только первого из немногочисленного круга ученых, занимающихся у нас всеобщую историю, но и одного из замечательнейших между современными европейскими учеными по обширности и современности знания, по широте и верности взгляда и по самобытности воззрения»¹.

Деятельность Грановского протекала в тот период истории России, когда, по определению В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом...»². В борьбе с крепостничеством уже в первой половине XIX в., как известно, обозначились две тенденции — революционно-демократическая и либеральная³, но тогда обе они еще выступали союзниками против крепостничества и царского деспотизма. Именно это переплетение тенденций — демократической и либеральной — составляет характерную черту всего облика Грановского. С одной стороны, он — друг Белинского и Герцена, окруженный сочувствием русской революционной демократии, ученый и общественный деятель, ненавидевший николаевский режим крепостничества и произвола, выражавший симпатии народным массам, борец за передовые идеи в науке. С другой стороны, Грановский — либерал, вносивший всюду половинчатость и нерешительность, пытавшийся все примирить, противник революционной борьбы народа. Грановский был живым олицетворением этих обеих, еще не размежевавшихся тенденций. Своим прогрессивным значением в истории русской исторической мысли Грановский целиком обязан тенденции демократической.

В своих университетских курсах, а также в публичных чтениях 1842—1844, 1845—1846 и 1851 гг., собиравших большую аудиторию, Грановский сумел мастерски использовать материал западного средневековья для обличения николаевского режима. Сила Грановского, как подчеркивал Герцен, состояла «в постоянном глубоко протесте против существующего порядка в России». О впечатлении, производимом на слушателей лекциями Грановского, можно судить по отзыву Чаадаева, приведенному в «Былом и думах» Герцена. «„Лекции Грановского,— сказал мне Чаадаев, выходя с третьего или четвертого чтения из аудитории... имеют историческое значение“. Я совершенно с ним согласен», — прибавляет Герцен⁴.

На лекции Грановского собиралось прогрессивное студенчество и интеллигенция Москвы. В годы николаевской реакции, рассказывает Герцен, «когда все было прибито к земле,

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. III, стр. 363.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96—98.

⁴ А. И. Герцен. Соч., т. III, стр. 113.

одна официальная низость громко говорила, литература была приостановлена и, вместо науки, преподавали теорию рабства; цензура качала головой, читая притчи Христа, вымарывала басни Крылова, в то время,—встречая Грановского на кафедре, становилось легче на душе. „Не все еще погибло, если он продолжает свою речь“, думал каждый и свободнее дышал»¹. Это же подчеркивает и Чернышевский: «Все, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединилось вокруг него»². Антиклерикальная направленность идей, пропаганда освободительных идей, способность придать науке большой общественный резонанс позволили Чернышевскому оценить Грановского как «просветителя своей нации», как одного из «сильнейших посредников между наукою и нашим обществом», как служителя «не столько своей частной науки, сколько просвещения вообще — задача, несравненно более обширная»³. Именно этого и не хотела признать за Грановским русская либеральная историография.

Но вместе с тем, как политическим взглядам, так и исторической концепции Грановского с самого начала были свойственны те черты, которые уводили его в лагерь либерализма. Наличие этих двух тенденций прослеживается, прежде всего, в той философской концепции, на которой строилась его историческая теория.

По своим философским взглядам Грановский был объективным идеалистом, совершенно сознательно применявшим свои философские положения в исторической науке. Он писал, что «быть может, ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история»⁴. Творящим историю началом Грановский считал абсолютный дух, независимый от материального мира. «Пусть погаснет *это* солнце и охладет *эта* земля,— писал Грановский, — дух будет продолжать начатую им здесь работу где-нибудь в другом месте»⁵.

И природа, и общество, с этой точки зрения, являются не чем иным, как воплощением абсолютного духа, осуществлением его целей и законов. Однако законы эти в природе и обществе проявляются по-разному. «Явления природы совершаются гораздо однообразнее и правильнее, чем явления истории... Такого правильного, определенного развития нет в истории»⁶.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 109.

² Н. Г. Чернышевский. Соч., т. III, стр. 222.

³ Там же, стр. 349, 350, 352.

⁴ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, М., 1892, стр. 19.

⁵ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I, М., 1897, стр. 203.

⁶ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. 2, стр. 276.

Исходный тезис Грановского в понимании исторического процесса состоит в том, что воплощением абсолютного духа является народ — основная сила исторического развития. Именно народ, — «...живая, деятельная сила,... он усваивает себе все приходящее извне и кладет на него свою печать, как господин и хозяин... Дела народа, его судьбы, учреждения, религия, язык, искусство — суть откровения народного духа, органы его деятельности, деятельные силы истории»¹.

Деятельность людей Грановский считал определяющей силой и по отношению к природе: «Природа противник ему (человеку.— *Ред.*) не равносильный: ее сопротивление страдательное. Она есть только подножие истории, в сфере которой совершается главный подвиг человека, где он сам является зодчим и матерьялом»². Такой взгляд на движущие силы исторического процесса приводил Грановского к переоценке роли личности в истории.

Исторический процесс носит прогрессивный, поступательный характер: «Прогрессивное движение человечества перестало быть вопросом для большинства мыслящих людей нашего века»³. Прогресс развития заключается в смене старого новым. Смена старого новым протекает не в форме мирного развития, а в форме ожесточенной борьбы. В ходе этой борьбы «самая могучая сила одолевает другие и делается господствующею... пока она не достигнет высшего напряжения своего и не произведет сама собственной гибели. Эти колебания от одного к другому до крайностей суть шаги истории»⁴.

Грановский, естественно, не мог дать научное определение классов, он оперировал такими понятиями, как «круги, на которые подразделяется народ», но он всегда исходил из того, что между ними идет напряженная борьба вплоть до «крайностей».

Борьба противоположностей в истории протекает скачкообразно. «С непрерывно ускоряющейся скоростью повторяются эти переходы от периодов спокойного образования к переворотам, разрушающим эти формы и зияющим новыми»⁵. Рассматривая исторический процесс в целом, Грановский считал, что «история являет нам зрелище непрерывных перемен, процветания и увядания, жизни и смерти»⁶. В соответствии с этим

¹ Т. Н. Грановский. Задачи всеобщей истории. «Сборник в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира», СПб., 1895, стр. 317—318.

² Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 210.

³ Там же, стр. 254.

⁴ Т. Н. Грановский. Задачи всеобщей истории, стр. 318.

⁵ Там же, стр. 319.

⁶ Там же, стр. 313.

исторический процесс представляется Грановскому в виде последовательной смены определенных ступеней исторического развития. Каждая из этих ступеней является той эпохой, когда определенные народы совершают свой жизненный путь, проходят период детства, зрелости и старости. Древняя история, средние века и новое время — таковы эти главные ступени исторического развития.

Грановского особенно привлекали «переходные эпохи» от одной ступени к другой. Его влекло к ним стремление «услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей. Мне казалось, что только здесь возможно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле»¹. Грановский подчеркивал, что это были такие эпохи, когда «реформы не могут быть делом так называемого правильного развития» и когда между требованиями нового времени и между требованиями и притязаниями уцелевших исторических остатков — существует противоречие, которое может быть уничтожено только насильем. Такое насилие совершено было в древнем мире через германцев, в XVIII в. через французскую революцию. Иначе говоря, Грановский признает революционный характер перехода от одного исторического этапа к другому.

История, подчеркивал Грановский, есть, прежде всего, история отдельных народов, развивающихся во взаимосвязи. Народ восходящий является преемником культурного наследия народа отжившего; это наследие он умножает и передает народу, пришедшему ему на смену.

В этом общем процессе исторического развития решающее место Грановский отводил двум сферам исторической жизни, в которых якобы дух народа находил особое проявление. Этими сферами были государство и церковь. «Государство есть самая обширная и существенная из внешних форм народа, путеводная нить в его истории», но свой высший авторитет «получает оно от других духовных сил, именно от религии, в которых дух народа гораздо непосредственнее и чище отражается»². Государство, освящаемое религией как наивысшее проявление народного духа, превращается в исторической схеме Грановского в своего рода цель исторической деятельности народа.

Анализ трудов Грановского дает возможность вполне отчетливо определить его политический идеал. «Отдельный человек и целое общество равно нуждаются в порядке и законе;

¹ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I, стр. 246.

² Т. Н. Грановский. Задачи всеобщей истории, стр. 320.

для них равно невыносимо безначалие»¹, — писал Грановский. Таким «порядком», с его точки зрения, была конституционная монархия, воплощенная в английском политическом строе, т. е. система конституционных учреждений, «развившихся в пользу всех сословий английского народа из хартии, вынужденной мятежными баронами у Иоанна Безземельного»², и получивших свое дальнейшее развитие после «славной революции» 1688 г.

Исходя из этих положений, Грановский определяет задачи исторической науки. Он очерчивает круг проблем, которые должны быть в центре внимания историка: помимо народа — основного носителя абсолютного духа, — предметом изучения должны быть «великие люди, цвет народа, дух которого в них является в наибольшей красоте; между событиями — великие перевороты, которыми начинаются новые круги развития; между положениями — те, в которых развитие достигает полноты своей; наконец, между формами..., в которых народная жизнь просторнее движется и чище выражается: церковь и государство»³.

В философии истории Грановского нетрудно увидеть некоторые черты гегельянства, однако правоверным гегельянцем Грановский никогда не был. Приступая к чтению своего первого курса (1839 г.), Грановский охарактеризовал «Философию истории» Гегеля как «одно из его слабых произведений»⁴.

Коренным вопросом, который разделял Грановского и Гегеля, был вопрос об отношении к народным массам. Гегель, как известно, третировал народ, его революционные усилия были для Гегеля «неразумны, дики и ужасны». Взгляды Грановского проникнуты прямым сочувствием к народу, его борьбе с угнетателями. Революцию Грановский считает закономерным явлением. Понимание роли государства у Гегеля и Грановского также далеко не совпадает. Монархия, согласно Гегелю, является главным воплощением абсолютного духа, в то время как для Грановского таким воплощением являлся народ. Прусской реакционной монархии Грановский противопоставлял буржуазно-либеральную монархию английского типа, которая в первой половине XIX в. представляла несомненный прогресс по сравнению с прусскими порядками.

Философия истории Гегеля, как известно, отличалась крайним шовинизмом. Гегель делил исторический процесс на три

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, стр. 376.

² Там же, стр. 271.

³ Т. Н. Грановский. Задачи всеобщей истории, стр. 320.

⁴ Там же, стр. 315.

мировые эпохи — восточную, античную и германскую — и рассматривал две первые как предисторию для «германской» эпохи. В противоположность Гегелю Грановский исходил из того, что все народы в равной степени способны к историческому развитию, и чрезвычайно интересовался историей народов, которые были вне поля зрения западной науки, в частности, собирал материал о народах Океании; в своем учебнике по всеобщей истории он уделил внимание истории Китая и Индии, что было большим новаторством в тогдашней науке. Наконец, Гегель подменял живую историю безжизненной схемой. Грановский всегда протестовал против этого надуманного схематизма, считая, что содержание истории «составляют факты, данные опытом, определенные обстоятельствами... Подобно естественным наукам должна она ограничиться наблюдением однообразно повторяющихся случаев и выводом закона или общего правила»¹.

Выводить философские взгляды Грановского из гегельянства, следовательно, совершенно неправомерно. Речь может идти лишь об элементах гегельянства, переработанных Грановским в духе своей антикрепостнической теории. В буржуазной историографии говорилось также о влиянии на Грановского Савиньи. Поводом для такого рода утверждений послужило то обстоятельство, что и у Савиньи, и у Грановского речь идет о «духе народа» как основе исторического процесса. Однако сходство здесь чисто терминологическое, ибо содержание этого термина у Савиньи и у Грановского совершенно различно. Савиньи, глава «исторической школы права», был реакционным историком, объявлявшим «мятежным всякий крик крепостных против кнута», в то время как Грановский обличал крепостничество и деспотизм, горячо сочувствовал борьбе крепостных против их угнетателей. Нельзя, понятно, игнорировать западное влияние на Грановского, но еще более неправильно видеть в этом влиянии главный источник его мировоззрения. Корни мировоззрения Грановского нужно искать в исторической обстановке, сложившейся в России.

Грановский резко возражал против обвинений его в преклонении перед Западом и неустанно ратовал за интересы русской исторической науки. Говоря об отношении русской науки к науке западной, он подчеркивал: «Мы принимаем от Европы только чистейший результат ее духовного развития, устраняя все сторонние или случайные примеси»². Сравнивая русскую и западноевропейскую историографию, Грановский приходил к выводу, что западная буржуазная историогра-

¹ Т. Н. Грановский. Задачи всеобщей истории, стр. 316.

² Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, стр. 406.

фия в целом уже не способна давать плодотворных теорий. Это отразилось на трудах западных историков, «утративших веру в идею, заменивших ее нечестивым поклонением факту»¹. Русская наука имеет все данные стать выше западной, ибо «узкие понятия о мнимом достоинстве науки... возникшие в удушливой атмосфере немецких ученых кабинетов, несвойственны русскому уму, любящему свет и простор»². Кроме превосходства теоретического, русская историческая наука должна отличаться также своим демократизмом. «Одно из главных препятствий, мешающих благотворному действию истории на общественное мнение, заключается в пренебрежении, какое историки обыкновенно оказывают к большинству читателей. Они, повидимому, пишут только для ученых, как будто история может допустить такое ограничение, как будто она по самому существу своему не есть самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого»³.

Грановский специально подчеркивал необходимость для русских историков заниматься проблемами всеобщей истории⁴. Грановский радовался каждому серьезному русскому сочинению в области всеобщей истории. Примером может служить рецензия Грановского на книгу П. Кудрявцева «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим». Дав анализ содержания книги, Грановский приходит к выводу, что следует высоко оценить по заслугам «самостоятельные и остроумные исследования нашего автора на трудном поприще»⁵, и высказывает желание, чтобы книга была переведена на иностранные языки. Это «показало бы заграничным ученым с самой выгодной стороны научную деятельность в нашем отечестве»⁶.

Критическое отношение Грановского к западной науке является прямым результатом его представления о том, что страны Западной Европы уже вступили в полосу своего упадка. Новое время, начавшееся в Европе с французской революции конца XVIII в., по его мнению, уже стало для Западной Европы временем обострения противоречий, временем увядания. Наиболее отчетливо этот тезис Грановский сформулировал в своей статье «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году», где он сравнивает современную ему Западную Европу с последними веками Римской империи. «Для обоих наступила пора усталости после страстного напря-

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, стр. 27.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 180

⁶ Там же, стр. 182.

жения сил. Новое поколение холодно смотрит на цели, достижение которых составляло жизненную задачу отцов, но до сих пор ему не удалось уяснить своих собственных, более достойных целей. Господствующий образ мыслей отнял много побуждений, господствующий порядок вещей много средств к деятельности. Положение не нормальное, не удовлетворяющее самым законным потребностям отдельных лиц и народов»¹. Грановский, слывший на родине завзятым «западником», на деле не только не был поклонником «европейских» порядков и «европейской» культуры, но смотрел на капиталистические страны как на дряхлеющий, идущий к своей гибели, обреченный мир. Наиболее характерным симптомом разложения западного мира Грановский считал обострение классовой борьбы. В этой борьбе он неизменно сочувствовал угнетенным. Чрезвычайно остро пережил Грановский революцию 1848 г. Он был бесконечно возмущен жестокостью буржуазии. «Опять там восторжествовала картечь,— писал он под свежим впечатлением июньских расстрелов,— угнетатели ликуют. Они думают вернуть рабочих и пролетариат в прежнее рабство... Надежды на все рухнули. Мне тяжело, я не нахожу себе места»².

Западному миру Грановский противопоставлял прогрессивные силы России. Обращаясь к студентам, он говорил: «И вам и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение нашей великой России, России, преобразованной Петром, России, идущей вперед и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания,— и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются пред кумиром, созданным их праздным воображением»³. Грановский служил прогрессу России, будучи глубоко убежденным, что «настоящая деятельность возможна человеку только на родной почве»⁴.

Вместе с тем Грановский под прогрессом России понимал путь реформ, допуская революцию на Западе. Именно с этой точки зрения он пытался противопоставить Россию и Запад. Основная идея, которая сближала либералов-«западников» со славянофилами, состояла именно в таком противопоставлении Запада и России; и те и другие сходились в основном, считая,

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 208; ср. стр. 239.

² «Грановский о революции 1848 года». «Литературное наследство», № 7—8, М., 1933, стр. 53.

³ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 141.

что если историческое развитие западных стран шло через революции, то, в противовес этому, Россия якобы может избежать революций. Решение этого основного вопроса и делали тех и других сторонниками одного и того же либерального лагеря, противостоящего революционной демократии.

Это противопоставление Грановским Запада и России в соединении с его идеей конституционной монархии и якобы прогрессивной роли церкви дает в зародыше историческую концепцию русской либеральной буржуазии. Ученик Грановского Чичерин, его друзья — Соловьев и Кавелин — придадут впоследствии этой концепции законченный вид. Генеральной идеей этой концепции станет идея борьбы с революцией, идея, которая у Грановского еще не была сформулирована.

Такова социологическая, внутренне противоречивая концепция Грановского. Несмотря на идеализм Грановского, диалектический подход к явлениям общественной жизни дал ему возможность сделать вывод о прогрессивном ходе истории, о скачкообразности исторического развития, о революционности перехода от одного этапа истории к другому, о закономерности борьбы народных масс против угнетателей. Однако Грановский не пришел к выводу о неизбежности революции, сделанному его другом А. И. Герценом. Прогрессивное развитие он свел к реформе и ограничил это развитие рамками конституционной монархии. В этом нашло свое красноречивое выражение противоречие между революционно-демократической и либеральной стороной политических взглядов Грановского.

Научное наследство Грановского сравнительно невелико. Кроме лекционных курсов, изданных лишь частично¹, в это наследство входят: магистерская диссертация «Волин, Иомсбург и Винета» (1845 г.), докторская диссертация «Аббат Сугерий» (1849 г.), историко-критические статьи, среди которых наиболее крупными являются «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году» (1847—1848 гг.), «Четыре исторические характеристики» (1851 г.), «О родовом быте

¹ Виноградов в «Сборнике в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира» опубликовал собственноручный конспект Грановского — введение к его первому курсу 1839 г. Конспект дополнен сведениями из студенческой записи 1843/44 учебного года. Бабст в журнале «Время» за 1862 г. издал свои записи нескольких лекций Грановского — введение в историю средних веков и начало курса древней истории. Этот текст впоследствии был перепечатан в Полном собрании сочинений Т. Н. Грановского (СПб., 1905). Милюков в книге «Из истории русской интеллигенции» издал курс Грановского 1845/46 учебного года в записи М. М. Латышева. Другие сохранившиеся студенческие записи университетских чтений Грановского хранятся в Историческом музее и в рукописных фондах Гос. публ. биб-ки им. В. И. Ленина.

у древних германцев» (1855 г.), его речь на торжественном собрании Московского университета в 1852 г., озаглавленная «О современном состоянии и значении всеобщей истории», а также неоконченный учебник по всеобщей истории для средних учебных заведений.

Политические и философские воззрения Грановского прослеживаются в его исторических произведениях достаточно отчетливо. Обращаясь однажды к слушателям, он говорил: «Меня обвиняют... в том, что история служит мне только для высказывания моего воззрения. Это отчасти справедливо, я имею убеждения и провожу их в моих чтениях; если б я не имел их, я не вышел бы публично перед вами, для того чтобы рассказывать, больше или меньше занимательно, ряд событий»¹.

Очеркам средневековой истории Грановский предпосылал краткий обзор причин падения Римской империи. Период ее разложения (от установления империи и до ее падения), как и период формирования феодализма (от падения империи и до времени Карла Великого включительно) Грановский считал переходной эпохой. В столетия, следовавшие за ней, средневековье постепенно достигает своей зрелости. Конечную причину разложения античности Грановский ищет в сфере развития абсолютного духа. Религия — это, с точки зрения Грановского, воплощение всего общественного строя, всей культуры, всей истории: язычество олицетворяло старый разлагающийся мир античности, христианство — новый, нарождающийся мир средневековья. Борьба между ними и есть, как считал Грановский, наивысшее проявление абсолютного духа, наивысшее выражение борьбы старого и нового.

Однако при анализе конкретных исторических явлений Грановский старался нащупать их реальную основу. Так, характеризуя старый римский мир в период его разложения, Грановский обращает внимание на хозяйственную слабость Италии. За «блестящей поверхностью» процветающего Рима, жившего за счет грабежа чужих земель, таилась причина хозяйственного кризиса. Особенно Грановский подчеркивает ту опасность, которую для римского общества представляли рабы. «Положение этих рабов было ужасное; их держали, как диких зверей, на ночь запирали в огромные дома; такому рабу не было ни брака, ни надежды на свободу. Можно представить себе положение общества, среди которого жили миллионы этих людей, полудиких и ожесточенных. Уже не раз Рим стоял на краю гибели от рабского населения. Победа, одержанная Крассом

¹ «Т. Н. Грановский в его переписка», т. I, стр. 130.

над рабами, возмущившимися под начальством Спартака, имела не менее значения, чем победа над карфагенянами»¹.

Рабство, говорил далее Грановский, имело и другое тяжелое последствие для римского общества, оно делало «невозможным свободный труд и свободные ремесла». Свободное трудовое население разорялось. В то время как «богатые аристократические фамилии владели почти всей землей и число этих фамилий было незначительно», огромная масса крестьянства лишалась земли. Разоряемые крестьяне и городские ремесленники пополняли ряды римского пролетариата, численность которого все время росла².

Таков социальный строй Рима, сложившийся уже к концу республики. Образцом строя политического Грановский считает республику. Старая римская аристократия, борющаяся за республику, была той консервативной силой, которая охраняла отживающий строй. Высшей санкцией старого мира было язычество. С этим отживающим миром ведут борьбу различные силы, и прежде всего римские императоры. Причиной перехода от республики к империи, по мнению Грановского, «было не честолюбие Цезаря, а внутренние причины, таившиеся в самом организме римского государства. Долготерпение провинций было истощено; притеснениям и злоупотреблениям проконсульской власти не было меры и границ. Во имя страданий угнетенных провинций, во имя требований низших классов Рима и Италии Цезарь подымает оружие против сената, хранителя республиканских форм»³. Кровавыми мерами римские цезари создали свою диктатуру, установили империю. Грановский не жалеет красок, чтобы нарисовать картину произвола и жестокости римских императоров, но вместе с тем считает, что положительным итогом империи было создание «административной монархии», которая оказала, по его мнению, большое влияние на формирование монархии в средние века.

Другой силой, которая вела борьбу со старым античным миром,— по другим причинам и в других целях,— были народные массы. Кроме рабов, которые всегда боролись против своих угнетателей, теперь на борьбу поднялись народные массы провинций. Особое внимание Грановский обращает на движение багаудов. «Это был новый враг, явный, не извне, а в самом сердце общества,— плод, которого семя давно лежало в земле. Багауды были те низшие классы общества, которым римские законы отказывали даже в человеческой личности и достоинстве, которых коснулись новые идеи, напол-

¹ Полное собрание сочинений Т. Н. Грановского, т. II, стр. 308.

² См. там же, стр. 300, 311.

³ Там же, стр. 320.

яввшие атмосферу и высказанные высочайшими умами тогдашнего времени, александрийскими философами и христианскими проповедниками, и в грубой, материальной форме своей падали в народные массы: это была идея эмансипации общества»¹.

Все эти борющиеся против античного строя силы Грановский объединяет знаменем христианства. Под этим знаменем выступает не только народ, но и сами императоры. В результате борьбы этих сил «огромное, богатое, цветущее государство начало разлагаться... Причина этого разложения заключалась в нем самом; не германцы сокрушили Римскую империю, а сама она отдалась им, вследствие внутренней органической порчи, точившей ее»².

Однако, указывая на разложение Римской империи, на ожесточенную борьбу различных классов и даже на неизбежность насилия для победы нового строя, Грановский в то же время отдавал свои симпатии не этой борьбе, а, наоборот, примирению борющихся сил. Одна из причин высокой оценки христианства Грановским состояла именно в том, что христианская церковь, по его убеждению, смягчала борьбу враждующих сил. Грановский сочувствует народным массам, считает закономерной их борьбу, но в то же время наиболее целесообразным считает не путь борьбы, а путь реформаторов — братьев Гракхов, которые требовали раздачи государственных земель, находящихся в пользовании аристократов. «Если бы эта попытка удалась, то она подействовала бы благотворно как на аристократию, так и на демократию»³. Либеральная тенденция Грановского сказывается, в частности, в переоценке так называемого «среднего класса» римского общества — всадников, о которых Грановский судит по аналогии с буржуазией. «В таких обстоятельствах один только средний класс, совершенно усвоивший римскую цивилизацию, мог выступить на поприще и спасти империю; но его не было. Он был уничтожен, разорен римскою системою податей и налогов»⁴.

Таково, в трактовке Грановского, состояние Римской империи накануне ее падения. Решающее значение он придает причинам внутренним, в силу которых Римская империя оказалась неспособной выдержать натиск внешних врагов. Этими врагами были варварские племена, главным образом германцы. В V в. варварские вторжения на римскую территорию оказались тем толчком, от которого рухнуло подгнившее здание империи.

¹ П. М и л ю к о в. Из истории русской интеллигенции, стр. 227.

² Полное собрание сочинений Т. Н. Грановского, т. II, стр. 312.

³ Там же, стр. 300.

⁴ П. М и л ю к о в. Из истории русской интеллигенции, стр. 229.

Эпоху средневековья Грановский делил на три периода: от падения Западной Римской империи и до начала IX в. — период «приготовления форм средневековой жизни», который, как уже было сказано, Грановский включал в переходную эпоху от античности к средневековью; от начала IX до начала XIV в. — период зрелого средневековья, его «цвет и плод»; наконец, XIV—XV вв. «представляют нам эпоху разложения; они служат переходом к новой истории». Высказанная мысль о том, что рубежом между средневековьем и новой историей должна служить французская революция, не получила, в условиях николаевского режима, дальнейшего развития в работах Грановского.

Из периода раннего средневековья наибольший интерес для Грановского представляла проблема древних германцев, которой он посвятил статью «О родовом быте у древних германцев». Будучи не в состоянии правильно определить причины возникновения частной собственности, формирования классов и государства, Грановский тем не менее занимал в этом вопросе позиции, прогрессивные для того времени, и сформулировал ряд важных научных положений о характере общественного строя древних германцев.

Грановский считал, что немецкая националистическая историография, уделявшая огромное внимание древним германцам, искажает историческую правду в угоду своей предвзятой концепции. Он попытался определить причины шовинизма, как распространенного явления в немецкой историографии. Германия в начале XIX в. оказалась в тяжелой зависимости от наполеоновской Франции. «Национальное чувство было глубоко оскорблено такой зависимостью... Недовольные действительностью, германские ученые обратились к прошедшему, и в средних веках они нашли удовлетворение своему самолюбию»¹. Все это нашло свое выражение в явном преувеличении уровня развития древних германцев, в игнорировании их общинно-родового строя.

Не проводя разницы между общественным строем древних германцев эпохи Цезаря и эпохи Тацита, Грановский в целом правильно определил уровень и характер общественного развития древнегерманских племен. Это было «состояние народа, только что переходящего от кочевой к оседлой жизни, еще незнакомого с настоящей поземельной собственностью»². Древнегерманская община времен Цезаря и Тацита «есть не что иное, как род. Члены рода живут соседями в деревнях или отдельных дворами на общей земле, марке... Почва делилась

¹ Полное собрание сочинений Т. Н. Грановского, т. II, стр. 291.

² Там же, стр. 124.

на две части: одна содержала в себе усадьбы и пашни, в которых родичи должны были ежегодно меняться участками; в другой заключались общие выгоны, луга и леса. В первой половине мог, под влиянием известных исторических условий, совершиться постепенный переход к полной частной собственности; вторая несравненно долее носила характер общего владения»¹. Но родовой строй не есть только германское явление, он — результат «общих законов, которым подчинено в развитии своем всякое гражданское общество. Родовой быт не только стоит в начале такого развития, но действует на него впоследствии и отражается в учреждениях позднейшего, чисто государственного порядка»². Многочисленными аналогиями Грановский показывает распространенность родового строя и его значение у других народов. Территориальную марку Грановский рассматривал как результат разложения рода, хотя и не мог правильно определить причины этого разложения.

Тема о родовом строе и общине не являлась для Грановского случайной. Вопрос о судьбе крестьянской общины был во времена Грановского злободневным вопросом. Передовое для своего времени решение проблемы общины русскими буржуазными историками объяснялось тем важнейшим обстоятельством, что прогрессивная русская историография находилась под значительным воздействием революционно-демократической традиции. Не случайно Чернышевский очень высоко оценил работу Грановского «О родовом быте у древних германцев», подчеркивая, что она «составила эпоху в прениях о родовом и общинном быте» и что факты, указанные Грановским, «полагают конец многим ошибочным мнениям о совершенном, будто бы, различии славянской общины от общин, какие застают история у германских и кельтских племен»³. Взгляды Грановского на родовой строй и общину, по существу, совпадали со взглядами Чернышевского по этому вопросу и были направлены как против шовинистических концепций немецких историков, так и против концепций русских славянофилов.

Одной из наиболее важных проблем зрелого средневековья для Грановского была проблема феодализма. Вопрос о феодальных порядках, как подчеркивал сам Грановский, имел далеко не академическое значение. «Еще доселе европейское общество борется против остатков феодального быта, хочет очистить от него совершенно свою почву... окончательный приговор феодальной эпохе принадлежит собственно нашему

¹ Полное собрание сочинений Т. Н. Грановского, т. II, стр. 131 — 132.

² Там же, стр. 130.

³ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. III, стр. 366—367.

времени»¹. Грановский не ставил своей задачей всесторонний научный анализ феодализма, к тому же определения, которые он давал феодализму, не принадлежат к сильным сторонам Грановского. Так, определяя, например, феодальную собственность, он подчеркивает только ее условный характер. Сила Грановского состояла в обличении феодализма. В этом сказывалась основная политическая направленность исторической концепции Грановского, ее антикрепостнический характер. Свое внимание Грановский обращал на характеристику феодализма как системы бесчеловечного угнетения народных масс. Картину социальных отношений между господином и крепостным Грановский осложняет отношениями завоевателей и завоеванных. Эту идею он заимствовал у Гизо, книги которого он считал лучшими среди книг по феодализму. «Господин был германец, пришелец, завоеватель; подданные большей частью — остатки римского народонаселения»². Но в противовес Гизо, который подчеркивал, что права крепостного, в отличие от раба, находились под защитой закона, Грановский доказывал, что феодальные порядки — это полный произвол помещика. Чтобы это сильнее подчеркнуть, он, как правило, обозначал крепостных термином «рабы». «Права господина относительно рабов его не были определены законом в X—XI веке. Он имел право жизни и смерти, брал с них денежные и другие подати; на них падала вся тягость феодальных войн, войн непрерывных. Словом, это был деспотизм самый тяжелый и безотрадный»³. Грановский перечисляет крестьянские повинности, в которых было выражено «в высшей степени оскорбляющее нравственное чувство — отношение господина к рабам», указывает, что одним из проявлений этого было право господина иметь свои частные тюрьмы⁴.

Рисуя картину произвола и бесправия, характерную для истории западного феодализма, Грановский имел в виду и современные ему крепостные порядки в России, подводил слушателей к выводам о необходимости ликвидации подобных порядков, к оправданию борьбы крепостного крестьянства против угнетения. «Этим объясняется глубокая ненависть к феодальным учреждениям, которая доньше видна во Франции у простолюдинов», — оценивал Грановский феодальные порядки во Франции, предоставляя слушателям делать выводы относительно России⁵. Это была та пропаганда историей, о которой говорил Герцен.

¹ П. М я л ю к о в. Из истории русской интеллигенции, стр. 252.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ Там же.

Однако подобно тому, как мы это видели на примере римской истории, Грановский, сочувствуя борьбе народа против угнетения, в то же время был против «крайностей» этой борьбы. Касаясь, например, гуситского движения, он отдавал свои симпатии чашникам и не одобрял решительные действия таборитов, не говоря уже о более радикальных течениях. Сочувственно относясь к крестьянской войне 1525 г. в Германии, он, в противоположность революционным демократам, решительно осуждал Томаса Мюнцера за революционную расправу с помещиками. Грановский неизменно заявлял себя сторонником примирения классов, настойчиво искал в истории факты, свидетельствующие, по его мнению, о примирении враждующих сторон. Главной умиротворяющей силой он считал христианскую церковь. Правда, Грановский не один раз подчеркивал, что церковь была феодальным учреждением, ибо она, «чтобы не упустить из рук той власти, которою она доселе пользовалась, вошла в состав феодальной системы»¹, что духовенство «не стояло выше своей паствы..., было грубое, невежественное»², тем не менее он высоко ставил церковь как якобы всеобщего примирителя, а также как хранителя культуры, ибо в христианстве, по убеждению Грановского, «лежат начала и основание общей европейской образованности». Церковь, по мнению Грановского, опиралась в своей деятельности на рыцарство. Увлеченный идеей умиротворения, Грановский без всяких на то оснований считал, что духовенство старалось воспользоваться всеми средствами, чтобы смягчить жестокий феодальный быт.

Следующей проблемой средневековья, привлекавшей внимание Грановского, была проблема формирования королевской власти, приходившей на смену феодальной раздробленности. Взгляды на этот вопрос Грановский изложил главным образом в своей докторской диссертации «Аббат Сугерий». Он считал, что деятельность Сугерия заслуживает внимания именно потому, что она дает историку ясное представление «о господствующем над всеми другими явлениями, т. е. о первом, решительном выступлении монархии на то поприще, на котором дотоле происходила анархическая борьба вытеснивших ее феодальных властей»³. Иначе говоря, Грановский объявляет себя сторонником монархии. Он считает ее необходимой как для Запада, так и для России.

Но Грановский — сторонник не всякой монархии. Он — сторонник монархии, ограниченной сословно-представительными учреждениями. Из всех форм средневекового государства со-

¹ П. Миллюков. Из истории русской интеллигенции, стр. 243.

² Там же, стр. 245.

³ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, стр. 300.

словная монархия ближе всего была к идеалу Грановского — к идеалу конституционной монархии. Именно в форме сословной монархии государство, как думал Грановский, приобретает надклассовый характер. Своего рода идеалом монарха Грановский, в частности, считал французского короля Людовика IX, который, по убеждению Грановского, основывал свою власть не на силе, а на праве. Подобная характеристика сословной монархии у Грановского была тесно связана с его идеалистической трактовкой сущности государства. Не понимая классовой природы государственной власти, Грановский видел причину появления государства в развитии правовых понятий. Наивысшим их воплощением для Грановского и являлась сословная монархия.

Сословную монархию Грановский противопоставлял как феодальному безначалию, так и абсолютизму, основанному на силе. Он особенно подчеркивал превосходство сословной монархии над абсолютизмом, зачастую отождествляя сословный строй с конституционными порядками. В частности, он считал, что испанцы, создавшие в XIV в. представительный орган в виде кортесов, «понимали конституционные формы тогда, когда об этом нигде не имели понятия... Теперешняя Европа еще борется за то, что у них тогда было»¹.

Грановский останавливал внимание слушателей на таком своеобразном явлении, как крестовые походы. В противовес подавляющему большинству западноевропейских историков, искавших причину крестовых походов в религиозных мотивах, Грановский старался обнаруживать мотивы социальные.

«Во всех классах европейского общества поднялись вместе с религиозным воодушевлением иные темные надежды. Там... думала церковь создать, по идеалу своему, феократическое государство; там, в земле той, завоеванной у врагов христианства, надеялся феодальный барон утвердить незыблемо права свои, не стесняясь как в Европе, возражениями других... Наконец сюда же шли горожане в надежде жизни более твердой, более обеспеченной против притеснений феодализма, и бедный раб (*villanus*), мечтавший найти свободу... Младшие сыновья ленных владельцев, бездомные рыцари, которым в наследие от отца шло только вооружение и конь, пошли на Восток добывать себе новые лены. В Европе им не было места и надежд»².

Одной из главных проблем средневековья для Грановского была история городских коммун. Его докторская диссертация первоначально носила название «Об общинах во Франции».

¹ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 351.

² Сочинения Т. Н. Грановского, т. II, стр. 431—432.

Однако тема для николаевских времен оказалась слишком одиозной. Вместо нее Грановский написал диссертацию «Аббат Сугерий». Средневековые городские коммуны Грановский рассматривал как силу антифеодальную, зародившуюся в недрах феодальных порядков. В средневековом горожанине Грановский склонен был видеть антипода феодализма во всех отношениях, ибо «язвительный и сухой ум горожанина осмеивал не одни только идеи и доблести, составлявшие как бы исключительную принадлежность рыцаря, но вообще все идеалы, все поэтические стороны Среднего века. В труверах можно узнать праотцов Рабле и Вольтера»¹. Кроме того, антифеодальный характер коммун Грановский видел в их поддержке централизаторской деятельности королей, в их помощи созданию сословной монархии. Несмотря на то, что коммуны действовали зачастую не лучше феодалов, защищая свой сепаратизм, тем не менее коммуны в целом выступали как сила, стремившаяся к установлению единого порядка против феодальной анархии. Грановский соглашается с положением Мишле о том, что «во Франции общины основали монархию, а не наоборот»².

Грановский указывал на социальное расслоение внутри средневекового города, подчеркивая, что завоеванной городом свободой пользовался лишь городской патрициат, угнетавший городские низы. Однако Грановскому из-за политических условий своего времени так и не удалось заняться историей коммун.

Не в меньшей степени, чем история городских коммун, Грановского интересовала проблема буржуазных революций. Ее он касался при чтении курса, но писать о ней не решался из-за политических условий своего времени. Грановский с сочувствием относился к народу, поднявшемуся на революцию, но неизменно порицал его решительность, отдавая свои симпатии умеренным элементам. В этом он расходился с революционными демократами. По характеристике Герцена, Грановский «по нелюбви к крайностям скорее был бы гугенот и жирондист, чем анабаптист или монтаньяр»³. Характерно для взглядов Грановского на революцию его поведение в 1844 г., когда ему было предложено давать в лекционном курсе реакционно-конфессиональное освещение реформации и революции в западной истории. В одном из писем Грановского по этому поводу читаем: «Реформация и революция должны быть излагаемы с католической точки зрения и как шаги назад. Я предложил не читать вовсе о революции. Реформации уступить я не мог. Что же бы это была за история?»⁴. Иначе говоря, если

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, стр. 374.

² Там же, стр. 278.

³ А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 110.

⁴ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I, стр. 133.

его вынуждают сделать выбор между реформацией и революцией, то Грановский выбирает первую.

Немало внимания Грановский отдал истории славян и Византии. В разработке этих разделов истории Грановский отводил видное место русской науке. Он явился продолжателем прогрессивной традиции русской науки в изучении истории славян, научная разработка которой была начата Ломоносовым. Взгляды Грановского на роль славян во всемирной истории претерпели заметную эволюцию. В 1838 г. во время своей заграничной командировки Грановский писал: «я не могу согласиться, что славяне не менее немцев участвовали во всемирной истории. Мне кажется, что нам принадлежит будущее; а от прошедшего мы должны отказаться в пользу других»¹. В 1850 г. в рецензии «Латинская империя» на книгу П. Медовикова Грановский выступил уже с иных позиций, придав большое значение роли славян в истории Византии.

Исходя из своей концепции, Грановский считает, что прочность Византии была обусловлена прочностью византийской монархии и византийской церкви. К этому он прибавляет еще одну причину — Византия в защите от внешних врагов опиралась на славян, заселявших почти все европейские фемы и составлявших значительную часть византийского населения. Отсюда следовал прямой вывод — крушение Византии началось с тех пор, как стало меняться положение монархии, как нарушились отношения со славянами. Ослабление монархии, вызванное ростом феодальной раздробленности, ослабление церкви под ударами иконоборчества подорвало силы Византии. Положение стало безнадежным, когда отношение славян к Византии коренным образом изменилось. «Переход от быта общинного и дружинного к государственному положил конец их зависимости от Византии»². В силу этих причин Византия не смогла выстоять против внешних врагов — завоевание ее крестоносцами в 1204 г., а затем турками в 1453 г. положило конец ее существованию. В этой концепции Грановского по существу намечены все основные положения, развитые впоследствии в работах Васильевского и Успенского.

Таковы взгляды Грановского на те вопросы исторического процесса, которые представляли для него наибольший интерес. При этом Грановский не ограничивался установлением особенностей отдельных исторических периодов. Характерной чертой исследовательской работы Грановского была попытка объяснять явления одного исторического периода при помощи аналогии с «подобными» явлениями другого периода. Особое зна-

¹ «Т. Н. Грановский и его переписка», т. I, стр. 75—76.

² Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 125—126.

чение для Грановского имело сопоставление событий прошлого с событиями современными и извлечение исторического опыта для объяснения настоящего. «История по самому содержанию своему,— писал Грановский,— должна более других наук принимать в себя современные идеи. Мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснения собственной»¹.

Подобные приемы исторической критики мы встречаем, в частности, в его рецензии на книгу Нича «История Гракхов и их ближайших предшественников», помещенной в обзоре «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году». Грановский не только разделяет попытки Нича проводить исторические аналогии, но заканчивает свою рецензию собственной попыткой приложить этот прием к новому историческому материалу — он проводит аналогию между движением Гракхов и аграрным движением в США 40-х годов. Аграрный вопрос в первой половине XIX в. был одним из крупнейших вопросов социальной истории США. В 40-х годах, когда в США назревала гражданская война, Грановский искал в аграрном движении американских фермеров черты, якобы сходные с чертами гракханского движения, иначе говоря, ратовал за разрешение аграрного вопроса в США путем реформ, а не путем гражданской войны. «Таким образом,— заключал он,— чрез две тысячи лет, за пределами древнего мира, поднялись вопросы, над решением которых потратили столько сил Фламинии, Сципионы, Катон и Гракхи»².

Вместе с тем Грановский, находившийся в то время под впечатлением начавшейся революции 1848 г., отнесся весьма скептически к попыткам Нича при помощи аналогии между временем Гракхов и современностью доказывать невозможность рабочей революции в Западной Европе.

В последние годы жизни Грановский стал эволюционировать вправо, что было отражением эволюции всего русского либерализма в связи с обострением классовой борьбы в стране накануне реформы 1861 г. Либеральная тенденция в творчестве Грановского стала постепенно усиливаться. Это сказалось в отрицательных оценках Грановским революционно-демократических идей. Как уже говорилось, философская концепция Грановского была крайне противоречива. Теперь Грановский пытается преодолеть противоречия путем усиления консервативной стороны своей концепции. Все это нашло свое выражение в отказе от элементов идеалистической диалектики, в замене их методологией позитивистского толка.

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 211.

² Там же, стр. 238.

50-е годы были тем периодом, когда в историографии ряда европейских стран стал намечаться известный поворот от гегельянства к позитивизму. Это был несомненный шаг назад по сравнению с гегельянством. Огюст Конт, считающийся основоположником позитивизма, — «по сравнению с Гегелем это нечто жалкое, хотя Конт превосходит его в качестве специалиста-математика и физика, т. е. превосходит в деталях, в целом же Гегель бесконечно выше даже здесь. И этот ординарный позитивизм появился в 1832 году!»¹.

Позитивизм, получивший распространение в то время, когда уже существовал марксизм, играл, как известно, реакционную роль, использовался идеологами буржуазии против марксизма. Поворот к позитивизму в известной мере коснулся и Грановского, который выступил с пропагандой ряда положений, свидетелемствовавших об эволюции его философских взглядов.

Как известно, одним из основных положений позитивизма был тезис о прямой метафизической зависимости общества от природы. Впоследствии этот тезис наиболее популярно был сформулирован в сжатой формуле Ипполита Тэна — «идти от астрономии к геологии, от геологии к наукам физическим и естественным, а от последних к изучению человека». Другим, не менее важным, тезисом было требование заменить философию, якобы ставшую ненужной, «позитивными данными» наук; Грановский заявил себя прямым сторонником этих положений.

В 1852 г. в актовой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» Грановский решительно выступает против гегельянства, следы которого носила его концепция в своем первоначальном виде. Гегелевская философия истории, по словам Грановского, «есть не что иное, как отрывочное и не всегда в частностях верное изложение всеобщей истории, вставленной в рамку произвольного построения»². Ранее отстаивавший тезис об определяющем значении человеческой деятельности по отношению к природе, Грановский старается теперь подчеркнуть зависимость общества от природы.

Грановский пристально интересуется биологическими особенностями народов, считая, что эти особенности влияют на историю.

Он перевел с французского и прокомментировал статью натуралиста В. Эдвардса «О физиологических признаках человеческих пород», будучи убежденным, что исследование вопроса о влиянии биологических свойств народов на их историю принесет науке «большую положительность и точность». Все это приводит Грановского к выводу о том, что «история, по необходимости, должна выступить из круга наук филолого-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 363.

² Сочинения Т. Н. Грановского, т. I, стр. 20.

юридических, в котором она так долго была заключена, на обширное поприще естественных наук»¹. Историческая наука, включенная в состав естественных наук, делает, по мнению Грановского, излишним существование особой науки философии истории, которая должна быть слита с наукой истории.

Таковы главные изменения в философской концепции Грановского, политический смысл которых разъяснил он сам. Грановский подчеркивает, что изучение влияния природы на общество будет иметь важные последствия. Человек, знакомый с законами природы, говорит Грановский, «перестал приписывать ей несуществующие свойства и не требует от нее невозможных уступок. Уяснение исторических законов приведет к результатам такого же рода. Оно положит конец несбыточным теориям и стремлениям, нарушающим правильный ход общественной жизни, ибо обличит их противоречие с вечными целями, поставленными человеку провидением»². Перенесение законов природы на развитие общества должно, по мнению Грановского, убедить сторонников революции в ее невозможности в силу непреложных законов самой природы. Подобная философская концепция не могла не повлиять на трактовку Грановским конкретных вопросов истории. Примером тому служит учебник всеобщей истории, который начал писать Грановский в последние годы своей жизни.

Революция 1848 г. вызвала ненависть и страх как у крепостников, так и у либералов, быструю реакцию всего николаевского режима. В связи с этим был предпринят пересмотр учебных планов средних и высших учебных заведений. Его задачей было усиление среди молодежи пропаганды монархических идей и религии.

Выполнение этой задачи тогдашний министр просвещения Ширинский-Шихматов возложил на Грановского. Программа и объяснительная записка к ней были написаны Грановским в 1850 г.; в последующие годы он успел написать для учебника только историю древнего Востока. Дальнейшая работа была оборвана смертью Грановского.

При анализе материалов, связанных с учебником Грановского, надо учитывать то обстоятельство, что автор писал казенный учебник и был обязан развивать идеи, предписанные циркуляром царского министра просвещения. Однако верно и то, что на учебнике лежит отпечаток методологии самого Грановского. Здесь были поставлены те же вопросы, которые мы встречаем в концепции раннего Грановского, они приобрели лишь более резкую форму. В тех случаях, когда Грановский

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. I, стр. 12.

² Там же, стр. 24.

был не согласен с предписанными идеями, он вовсе не стеснялся заявлять о своем несогласии.

В объяснительной записке к программе Грановский пишет, что все иностранные курсы всеобщей истории «составлены под влиянием совершенно других научных и общественных условий. Они не в состоянии удовлетворить ни учебным, ни гражданским потребностям русского юношества»¹. Излагая историю Византии, иностранные учебники, по словам Грановского, «не обращают внимания на живое религиозное начало», ими также неудовлетворительно «оценена и объяснена в историческом развитии своем монархическая форма правления»².

Задача русского учебника, по мнению Грановского, именно в том и состоит, чтобы «достаточным образом» оценить, прежде всего, идею монархизма. «Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе»³. Грановский пытается доказать, что русское самодержавие стоит значительно выше монархий в других странах, в том числе и в Западной Европе. Основной чертой этого «превосходства» якобы был надклассовый характер русского самодержавия в противовес западному абсолютизму. Другими словами, тезис «государственной школы» о всеопределяющем значении и бесклассовом характере русского самодержавия был в основном сформулирован Грановским в его учебнике.

Вместе с этим Грановский привнес в учебник и свою позднюю методологию. В введении к учебнику он пытается доказать, что история должна по существу стать в один ряд с науками естественными. Основным, «вечным» законом в развитии всякого общества Грановский считал определяющую роль географических условий. «В климате, формах почвы и произведениях данной страны должен историк искать ключа к характеру народа, в ней живущего...»⁴. Перенесение законов природы на развитие общества должно было, по мнению Грановского, привести учащегося к убеждению, что революция незаконна, мерна в силу законов самой природы.

В соответствии с этим Грановский стремится представить революцию как случайное явление, не вытекающее из законов развития общества. В программе всеобщей истории Грановского об английской буржуазной революции XVII в. говорится как об очередном междоусобии, завершившемся «восстановлением

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 437.

² Там же, стр. 438.

³ Там же, стр. 439.

⁴ Там же, стр. 453.

порядка» под эгидой реставрированной монархии Стюартов. О Французской буржуазной революции конца XVIII в. сказано следующим образом: «Изложение причин: порча нравов; влияние вредных сочинений, беспечность правительства во Франции. Запутанные финансы». На этом программа обрывается, дальше идет приписка, заканчивающаяся фразой: «Крайним пределом, до которого может быть доведено изложение событий в учебной книге всеобщей истории, должно принять 1815 год»¹. Вопреки своему обыкновению относить современность к компетенции исторической науки, Грановский заканчивает изложение западной истории Венским конгрессом. Это давало возможность заключить изложение Французской буржуазной революции торжеством «законного порядка» и освобождало от необходимости излагать революцию 1830 г., а особенно революцию 1848 г.

Так воплощались предписания николаевского министра просвещения в учебнике Грановского. Однако не со всеми предписанными идеями был согласен Грановский. В числе обязательных требований министерства было, как уже сказано, требование перестроить изложение античности в реакционном духе. Вопреки точке зрения министерства, Грановский уделил в своей программе большое внимание истории Греции и республиканского периода Рима, а на отмену в 1851 г. преподавания греческого языка в большей части гимназий он откликнулся статьей «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены».

Грановский считает, что пугаться античности, возлагать на нее вину за распространение революционных идей нет никаких оснований. Французская революция конца XVIII в. не была порождением античных воззрений, она «не одинокое, не беспримерное явление в новой истории. Ей предшествовала свобода Нидерландов, английская революция семнадцатого века, провозглашение республики Северо-Американских Штатов. Она теснее связана с этими событиями, нежели с преданиями классического мира». Тем более, подчеркивает далее Грановский, нет никакой связи между античными идеями и революцией 1848 г., ибо «что общего между греко-римским миром и идеями коммунизма и социализма, возмущающими западные массы?»².

Таков Грановский к концу жизни. Налицо несомненное усиление тенденции либеральной за счет тенденции демократической, даже если сделать скидку на официальный характер учебника. Однако при всем усилении либерализма Грановского

¹ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 450, 451.

² Там же, стр. 421, 423.

его воззрения не утратили своего антифеодалного характера. Грановский остался решительным противником крепостничества, никогда не мирился с николаевским абсолютистским режимом, до конца сохранил горячие симпатии к угнетенному народу. Положительное значение Грановского в истории русской исторической науки состоит именно в этой антифеодалной направленности его взглядов и его исторической концепции. И первыми, кто подчеркивал эту прогрессивную сторону деятельности Грановского, были революционные демократы. Герцен в «Былом и думах» писал: «Страшно мне и больно думать, что впоследствии мы надолго расходимся с Грановским в теоретических убеждениях,— они для нас не составляли постороннее, а истинную основу жизни. Но я тороплюсь вперед заявить, что, если время доказало, что мы могли разно понимать, могли не понимать друг друга и огорчать, то еще больше времени доказало вдвое, что мы не могли ни разойтись, ни сделаться чужими, что на это и самая смерть была бессильна»¹. О том же говорят и письма Грановского к Герцену, приводимые последним в «Былом и думах»: «На дружбу мою к вам двум (т. е. к Огареву и ко мне) ушли лучшие силы моей души... Почти с отчаянием заметил я, что вы прикреплены к моей душе такими нитками, которых нельзя перерезать, не захватив живого мяса»².

Невозможность для Грановского порвать личную дружбу с Герценом и Огаревым, глубокое уважение, которое он всегда питал к Белинскому, несмотря на существенные разногласия между ними, было выражением того обстоятельства, что Грановский не мог полностью порвать с демократической традицией. Об этом говорят письма Грановского к тому же Герцену. В 1850 г., т. е. в тот момент, когда Грановский приступил к работе над учебником, в своем письме к Герцену, где не нужно было оглядываться на цензуру, он писал: «Положение наше... становится нестерпимее день от дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительной мерой. Доносы идут тысячами. Обо мне в течение трех месяцев два раза собирали справки. Но что значит личная опасность в сравнении с общим страданием и гнетом... Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением... Учитель истории должен разоблачать мишурные добродетели древних республик и показать величие непонятой историком римской империи, которой недоставало только одного — наследственности!.. Есть с чего сойти с ума. Благо Белинскому, умершему во-время. Много порядочных людей впало в отчаяние и с

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 112.

² Там же, стр. 113.

тупым спокойствием смотрит на происходящее, — когда же развалится этот мир?»¹.

Герцен, с которым Грановский и в последние годы жизни не прекращал переписки, был осведомлен о его политических настроениях и с полной убежденностью утверждал, что «Грановский сумел в мрачную годину гонений, от 1848 года до смерти Николая, сохранить не только кафедру, но и свой независимый образ мыслей»². Это сказывалось в его работах не только раннего, но и позднего периода. В них Грановский неизменно клеймил инквизицию как «дурное» учреждение, восставал против западных историков, оправдывавших Варфоломеевскую ночь, осуждал американских аболиционистов за их нерешительность в борьбе за освобождение негров и т. д. Говоря о расах, Грановский подчеркивал «способность всех пород к образованности и совершенствованию»³.

И нет сомнения в том, что преждевременная смерть Грановского была ускорена тяжелыми общественными условиями, в которых работал Грановский. Это прямо утверждает Герцен⁴. К этому же выводу приводят и последние письма Грановского к Герцену: «Тяжело, брат, а выхода нет *живому*. Быстро на нашем севере дикое самовластье изнашивает людей. Я с внутреннею боязнью осматриваюся назад; точно на поле сражения: мертвые да изуродованные»⁵.

Оценивая деятельность Грановского, Герцен считал ее глубоко прогрессивной. «Он умер, окруженный любовью нового поколения, сочувствием всей образованной России...»⁶. Чернышевский, подобно Герцену, был глубоко убежден, что жизнь Грановского — это «служение отечественному просвещению», что Грановский — один из «могущественнейших и благороднейших деятелей на этом священном поприще»⁷. В этом выражена объективная оценка Грановского, не потерявшая своего значения и в наше время.

IV

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. Н. КУДРЯВЦЕВА, С. В. ЕШЕВСКОГО И М. С. КУТОРГИ

Преемником Грановского по кафедре в Московском университете, первым биографом и первым издателем его сочинений был Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858 гг.).

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 117—118.

² Там же, стр. 109.

³ Сочинения Т. Н. Грановского, ч. II, стр. 462.

⁴ См. А. И. Герцен. Соч., т. XIII, стр. 117.

⁵ Там же, стр. 118.

⁶ Там же, стр. 117.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. III, стр. 365.

Круг интересов Кудрявцева чрезвычайно широк. Кудрявцев был известен как беллетрист, автор ряда повестей и рассказов. Выступал он также как искусствовед — автор статей по истории западноевропейского искусства; был в числе видных журналистов — одним из редакторов «Русского вестника», где он вел отдел международного обозрения. Своей основной специальностью Кудрявцев избрал всеобщую историю.

Значительный интерес представляют прежде всего взгляды Кудрявцева на задачи исторической науки, чему он посвятил две специальные статьи. Первая была озаглавлена «О достоверности истории», поводом к ее появлению послужило весьма характерное обстоятельство. В № 1 «Москвитянина» в 1851 г. был опубликован «мемуар» тогдашнего президента Академии наук графа С. С. Уварова «Достовернее ли становится история?». Сановный автор требовал ликвидации истории как науки и пытался мотивировать свое требование рядом соображений.

Кудрявцев самым решительным образом выступил против идей Уварова. Правда, его критика велась с идеалистических, «внеклассовых» позиций и потому была половинчатой, тем не менее выступление Кудрявцева с позиций прогрессивной буржуазной науки того времени против попыток дворянского идеолога «ликвидировать» историю представляет значительный историографический интерес.

В противоположность Уварову Кудрявцев подчеркивает, что наши знания о древней истории могут быть вполне достоверными. Изучая документы и древних авторов, мы «нисколько не обязаны принимать от них историю в том самом виде, в каком они ее построили, и верить им на слово»¹. Для установления достоверности исторических фактов наука располагает достаточными средствами.

Касаясь изучения более близких времен, Кудрявцев считал, что помехой в этом изучении является вовсе не изобилие источников, как считал Уваров, а как раз наоборот — недостаток их. «Если бы нас одолевало излишество, то любовь к архивным исследованиям не отнимала бы у нас столько времени»². Однако документов вполне достаточно, чтобы с полной достоверностью изучать историю.

Вторым выступлением Кудрявцева по методологическим вопросам была его статья «О современных задачах истории» (1853 г.), представлявшая ответ на речь Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории». Кудрявцев высоко оценивал историческую теорию и методологию своего учителя, высмеивал его оппонентов, но вместе с тем вступил

¹ Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. I, М., 1887, стр. 6.

² Там же, стр. 25.

с Грановским в открытую полемику по ряду вопросов. Он возражал против тезиса Грановского о повторяемости событий, против его попытки «в событиях прошлой жизни искать разгадки многим явлениям современности». Основное значение современной ему исторической науки Кудрявцев видел совсем в другом, а именно в том, что история «вышла из тесных рам одностороннего обзора политических событий, что в нее вошли... все элементы общественной жизни и важнейшие явления народного быта, что она обняла собою все учреждения, верования, литературу, самую науку»¹.

Кудрявцев решительно расхотелся с Грановским в оценке влияния географического фактора на историю. Он готов признать, что на заре истории природные условия оказывали чрезвычайно сильное влияние на человека². Но с течением времени влияние природных факторов все более ослабевало. Задача исторической науки, по мнению Кудрявцева, состоит вовсе не в том, чтобы изучать всеислие природы над человеком, а как раз в обратном, — «внимание историка естественно должно быть занято гораздо более обратным действием человека на природу, усовершенствованием его искусственных средств...»³.

Кудрявцев не согласен также и с переоценкой Грановским исторического значения биологических особенностей отдельных народов. Он считает, что их влияние совершенно незначительно, что на формирование характера народа значительно большее влияние оказывала не природа, а история⁴.

К изучению всеобщей истории Кудрявцев подходил как ученый, заботившийся об интересах отечественной науки. «Во всеобщей истории лежит мера заслуг каждой народности общему человеческому делу»⁵, и Россия, по глубокому убеждению Кудрявцева, должна занять в этом не последнее место. К этой мысли Кудрявцев не раз возвращается в своих трудах.

Кудрявцев внимательно следил за успехами отечественной науки в области всеобщей истории. В рецензии на магистерскую диссертацию своего ученика С. В. Ешевского «Аполлинарий Сидоний» Кудрявцев уже имел возможность сказать, что самостоятельное изучение русскими учеными всеобщей истории начинает приносить свои плоды. «Мы всегда были за него и радуемся каждому новому его успеху. Нам всегда приятно было думать, что рядом с деятельною разработкою русской истории может идти у нас с успехом и основательное знаком-

¹ Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. I, стр. 46.

² См. там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 49.

⁴ См. там же, стр. 61.

⁵ Там же, стр. 255.

ство с общими историческими вопросами»¹. Эту работу Ешевского Кудрявцев ставил выше работ западных ученых по истории Галлии².

Научное наследство Кудрявцева состоит из большой монографии «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим» (1850 г.), монографии «Римские женщины» (1856 г.), статей и рецензий. Лекции Кудрявцева, читанные в университете, сохранялись только в записях слушателей и в настоящее время для науки утеряны.

Времени упадка древней Греции посвящена работа Кудрявцева «Последнее время греческой независимости» (1852 г.), представляющая собою рецензию на книгу И. Бабста «Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада».

Бабст считал государство определяющей силой исторического процесса. Международные отношения, по мнению Бабста, это отношения господства и подчинения между сильными и слабыми государствами, что Бабст вполне оправдывал. Рассматривая в своей книге отношения между древнегреческими полисами, Бабст приходил к выводу, что история этих отношений есть история четырех гегемоний: афинской, спартанской, фиванской и, наконец, македонской.

Кудрявцев решительно выступал против подобной «государственной» интерпретации отношений между греческими государствами. Фиванское преобладание он гегемонией не считал, спартанскую гегемонию называл злом, а македонскую — катастрофой. Соглашаясь с тем, что македонская гегемония была результатом всего предшествующего развития Греции, Кудрявцев тем не менее считал, что эта гегемония была не только не единственным выходом из кризиса Греции, но и выходом самым неразумным³.

В римской истории Кудрявцева интересовали главным образом две проблемы: начало римского государства и падение Римской империи. Началу римской истории посвящена статья Кудрявцева «Древнейшая римская история по исследованию Шwegлера» (1854 г.). Эта статья Кудрявцева появилась в свет в то время, когда археологический и лингвистический материал по Италии был еще весьма скудный. Однако на основании имевшихся тогда в распоряжении науки источников Кудрявцев высказал много чрезвычайно ценных соображений о древнейшем периоде римской истории.

Кудрявцев занял самостоятельную позицию по отношению к западной науке. В форме большой рецензии на книгу тюринген-

¹ Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. I, стр. 254.

² См. там же, стр. 271.

³ См. там же, стр. 95.

ского профессора Адольфа Шwegлера «Римская история» была фактически дана критика современной Кудрявцеву зарубежной буржуазной науки по вопросу о древнейшем периоде римской истории. Кроме анализа концепции Шwegлера, в рецензии дается критический разбор взглядов Нибура, Герлаха и Бахофена, Денниса, Гирша, Нейгебауэра, М. Коха и Лепсиуса. Вместе с Грановским высоко оценивая Нибура, Кудрявцев в то же время подверг критическому пересмотру выводы этого историка Рима. Кудрявцев высмеивал тех, кто пытался пересматривать труды Нибура с до-нибуровских позиций. Отказавшись от критицизма Нибура, они пошли не вперед, а назад, приняв на веру все свидетельства древних авторов. Под пером таких критиков Нибура римская история вновь принимает легендарный характер. С этой точки зрения Кудрявцев особенно низко ставил взгляды Герлаха и Бахофена. В противовес им он подчеркивал, что задача науки «состоит в том, чтоб из темных преданий и отрывочных известий извлечь историческое зерно; чтоб под мифическим наростом открыть настоящую историческую почву»¹.

Проблема падения Римской империи у Кудрявцева трактуется в статье «О сочинении Ешевского „Аполлинарий Сидоний“». В этой статье Кудрявцев пишет, что такие давние события, как крушение Римской империи и начало средневековой Европы, имеют весьма злободневный интерес для стран Западной Европы, в частности для Франции. В этих далеких событиях «искала и ищет до сих пор французская историография первоначальных и твердых основ для себя. Вопросы, поднятые впервые еще в XVII веке, в конце прошлого столетия вызвали несколько новых опытов решения»². Кудрявцев, в противовес французским историкам, старался подчеркнуть роль германских элементов как зародыша формирующегося феодального общества. Именно за недооценку этих элементов упрекал Кудрявцев Ешевского, книгу которого он оценивал очень высоко. Задача историка, исследующего переход от Римской империи к средним векам, состоит, по мнению Кудрявцева, в том, чтобы указать, как в старом обществе росли зародыши нового общества. С проблемой упадка Римской империи связано и другое произведение Кудрявцева «Римские женщины». По своей форме этот труд является художественным рассказом на исторические сюжеты и основывается на сведениях из «Анналов» Тацита и отчасти на данных Светония и Диона Кассия. Труд этот посвящен «глубокому падению нравов и учреждений» в Римской империи. Нравственный упадок для

¹ Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. I, стр. 232—233.

² Там же, стр. 252.

идеалиста Кудрявцева был одной из коренных причин падения римского мира. Как известно, подобный взгляд является чрезвычайно распространенным в буржуазной историографии. В этом нравственном упадке Кудрявцев особое значение придавал падению морали среди женщин, в частности, среди женщин высшего круга. Об этом Кудрявцев говорит неоднократно в своих работах, с этой же мысли он начинает и свою книгу о римских женщинах. «Судьба женщины, материальная и нравственная, нераздельно соединена с историей общества, среди которого она поставлена. С ним она возвышается, с ним же и падает. Скажем более: нравственный переворот в обществе ни на чем не отражается так живо и ярко, как на нравственном состоянии женщины»¹.

В своих рассказах Кудрявцев следует за Тацитом, которого он считает правдивым и талантливым рассказчиком. Тацит интересует Кудрявцева прежде всего как мастер психологического анализа, как автор повествования, эмоционально воздействующего на читателя. И нужно сказать, что Кудрявцев справился со своей задачей весьма успешно. Книга «Римские женщины» написана с большим талантом и производила на читателя большое впечатление. Именно поэтому Н. Г. Чернышевский на страницах «Современника» в 1856 г. дал положительный отзыв о книге Кудрявцева².

Среди работ Кудрявцева, посвященных истории средневековой Европы, значительное место занимают исследования по истории Италии. Интерес Кудрявцева к Италии был навеян революцией 1848 г. Основным вопросом для итальянского народа тогда был, как известно, вопрос о национальном объединении страны. Как буржуазный либерал, Кудрявцев был далек от симпатий к народным массам Италии, к их борьбе за объединение страны революционным путем. Он был сторонником объединения Италии сверху, под руководством итальянской буржуазии, вокруг Савойской династии. В этом не оставляют никакого сомнения международные обзоры «Русского вестника», которые велись под руководством Кудрявцева.

Ставя задачу исследовать основной вопрос внутренней истории Италии, — почему итальянское государство на протяжении многих веков оставалось раздробленным, — Кудрявцев развивал идеи Маккиавели, ратовавшего за объединение Италии. «Маккиавели, который сам был не что иное, как самое умное и верное выражение всей предшествующей итальянской истории, первый дал ключ к уразумению истинного хода ее; но, к сожалению, политик рано заслонил в нем историка, и я не знаю, кто

¹ П. Н. Кудрявцев. Римские женщины, М., 1875, стр. 1.

² См. Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, стр. 597.

бы потом воспользовался его историческими идеями, чтобы при свете их распутать хотя главные узлы истории его отечества»¹.

Свое исследование истории Италии Кудрявцев начал с наиболее раннего периода. Этому начальному периоду итальянской истории посвящена магистерская диссертация Кудрявцева «Судьбы Италии от падения Римской империи до восстановления ее Карлом Великим».

Падение Римской империи — исходный момент, с которого Кудрявцев начинает свое изложение, — автор рассматривает как крупную социальную катастрофу, совершившуюся в форме варварского завоевания. «Совершалось великое дело, зачинался новый мир на развалинах старого»². Однако это завоевание стало возможным лишь потому, что Римская империя пришла в упадок в силу внутренних причин. Кудрявцев, естественно, не мог видеть коренную причину упадка Римской империи — эта причина, как известно, состояла в кризисе рабовладельческого способа производства, — но характерно, что среди причин разложения империи Кудрявцев на первый план ставит причины социально-политические.

Историк рисует картину хозяйственного запустения Италии. Уже в начале V в. она представляла собою «печальные следы покинутой культуры, разрушенной гражданственности»³. Люди, обрабатывавшие землю, прикреплялись к этой земле, «они были рабами той земли, среди которой жили», города также пришли в упадок, старая римская аристократия — оплот римского государства — сходила со сцены. Римская армия, некогда являвшаяся частью римского народа, давно уже отделилась от народа; пополняемая варварами, она стала орудием достижения власти отдельными честолюбцами; от варваров Рим защищался силами варваров же. Начался развал государства. В этом хаосе Кудрявцев ищет зародыши нового, средневекового мира, в частности, средневековой Италии, и находит их в христианстве и новой варварской знати.

В нарисованной Кудрявцевым картине разложения Римской империи совершенно отсутствуют рабы, отсутствуют народные массы, борьба которых, как известно, была главной причиной, положившей конец господству рабовладельцев. Для Кудрявцева борьба народных масс была всего лишь движением «разбойников», причиной которого были «бедность, голод и недостаток крепкой власти».

Началом средневековой Италии Кудрявцев считает не переворот Одоакра, как явление кратковременное, а нашествие

¹ П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии..., М., 1850, стр. V—VI.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 13.

остготов Теодориха. Религиозным несогласиям Кудрявцев придает исключительное значение. Религиозная борьба, по его мнению, привела к тому, что римская знать стала создавать заговоры против Теодориха, а затем обратилась за помощью к Юстиниану. Последовало византийское завоевание Италии, которое было проведено силами варварских дружин, в том числе славянских.

Однако Византия оказалась не в состоянии защитить Италию от нового чужеземного (лангобардского) нашествия; «никогда опасность, угрожавшая римской национальности, не была так велика, как со времени лангобардского нашествия», не только потому, что лангобарды оказались жестокими завоевателями, но и потому, что с тех пор Италия оказалась разорванной на три части: лангобардскую, византийскую и собственно итальянскую, где хозяином был римский папа. Итальянская «нация», по мнению Кудрявцева, на этот раз не погибла только потому, что успел сформироваться общетальянский центр в лице папства. Папской политике по объединению Италии мешали Византия и лангобарды.

Задача, по мнению Кудрявцева, состояла в том, чтобы объединить усилия папства и городов и основой объединения страны сделать политическую централизацию, созданную лангобардами. Однако вместо этого папство продолжало вести ожесточенную борьбу с лангобардами, в ходе которой оно обратилось за помощью к франкам. Причиной этому было то обстоятельство, что лангобарды задевали интересы папства — захватывали его земли, ущемляли папскую власть. Иначе говоря, папство теперь превратилось в силу антиитальянскую, свои корыстные интересы оно ставило выше интересов «национальных». Союзники папства — франкские короли — принесли Италии новое завоевание и новое раздробление страны. С тех пор как Карл Великий стал императором, Италия потеряла свою самостоятельность. Ранняя история Италии, таким образом, представляет собою не что иное, как ряд чужеземных завоеваний и ряд безуспешных попыток создать политическое единство страны. В этом же направлении развивалась и вся последующая история Италии. Таковы основные идеи главного труда Кудрявцева. К этому необходимо прибавить, что, проследивая историю борьбы за «национальное» единство Италии, Кудрявцев не раз пытается доказывать, что одной из причин крушения «национальной» идеи в Италии были революционные выступления народных масс. По мнению Кудрявцева, эти выступления были вредны как с точки зрения социальной, так и с точки зрения государственного единства Италии.

К каролингскому периоду в истории Италии Кудрявцев вернулся в целой серии своих статей, объединенных впоследствии

под названием «Каролинги в Италии». В этих статьях вопрос о судьбе «национального» единства Италии при Каролингах связывается с проблемой феодализма. В феодальных отношениях Кудрявцев видит не только отношения политические, как это делали многие позднейшие буржуазные историки, а прежде всего отношения поземельные, целую систему общественных отношений, основу которых составляла земельная собственность. Возникновение феодальных отношений Кудрявцев связывает с германским завоеванием. «Начало ему было положено занятием старых исторических земель новыми пришельцами, т. е. германским завоеванием. В быту германских народов произошел решительный кризис: между ними явился новый общественный факт чрезвычайной важности — началось постоянное территориальное владение»¹.

Истории Италии первой половины XVI в. посвящена статья Кудрявцева «Юность Катерины Медичи». Статья эта представляет собой рецензию на книгу немецкого историка Альфреда Реймонта под таким же названием, однако книга Реймонта послужила Кудрявцеву лишь предлогом для изложения своих взглядов на итальянские события. Главная задача, которую ставил перед собой Кудрявцев, состояла в том, чтобы показать социально-политическую борьбу, мешавшую единству Италии. При этом политические взгляды Кудрявцева-либерала целиком определили подход к оценке событий Кудрявцева-историка.

Либерал Кудрявцев недолюбливает деспотизм и при случае весьма изрядно его бранит. Правление одного из Медичи он характеризует, например, такими словами: «Александр Медичи провозглашен был герцогом Флоренции, и бывшая республика скоро почувствовала над собою тяжелую руку деспота, которого мстительность не хотела удовлетвориться никакими жертвами»². Другое дело, если эти жестокости проявляет флорентийское «третье сословие», под которым Кудрявцев понимает складывающуюся буржуазию. Ее автор целиком оправдывает.

Но автор никогда не находит оправдания для народных масс, если они выступают против своих угнетателей. Рассказывая, например, о свержении Медичи в 1527 г., Кудрявцев старается подчеркнуть, что речь шла о замене власти одной имущей группы властью другой группы флорентийских богачей и что эта смена власти могла совершиться вполне мирно, путем сделки между этими конкурирующими группами. «К сожалению, как бывает обыкновенно во время всякого общественного переворота, вместе с законными требованиями в народе возбуждены были самые неумеренные притязания... Оттого, когда

¹ Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. I, стр. 447.

² Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. II, стр. 516.

движение поднялось снизу, когда заколебались самые массы, прежнее равновесие между партиями было нарушено, и никакие границы не казались уже довольно широкими, чтобы можно было надеяться сдержать в них народное своеволие»¹. При изложении общественных движений ярче всего сказывается либерально-буржуазная суть политических взглядов Кудрявцева.

Истории Италии в годы наполеоновского господства Кудрявцев посвятил статью «Жозеф Бонапарт в Италии». Эта статья представляет разработку основной идеи автора на итальянском материале нового времени; здесь показано, как чужеземное владычество Наполеона явилось новым тормозом для национального единства Италии. Новое в этой статье состояло, однако, в том, что в наполеоновской власти автор усматривал опасность не только Италии, но и для всей Европы. Кудрявцев подчеркнул наиболее существенный момент — роль русского оружия в разгроме Наполеона и в освобождении стран Европы от потери национальной независимости, момент, который многие зарубежные авторы старались не замечать.

Несколько особняком стоят статьи, посвященные другим странам, — «Карл V» и «Осада Лейдена». В статье «Карл V», представляющей собою рецензию на книги французских историков Минье и Пишо и английского историка Стирлинга о Карле V, Кудрявцев отвечает на вопрос о том, почему политика Карла V — главы обширной и могущественной империи, потерпела поражение. В противовес многим зарубежным историкам, оперировавшим, как правило, различными психологическими мотивами, Кудрявцев приходит к выводу, что причину неудач императора Священной Римской империи следует искать в противоречии между реакционной политикой Карла и прогрессивным ходом исторического процесса. Выражением этого прогрессивного шествия истории была реформация в Германии. Кудрявцев высоко оценивает деятельность Лютера и резко осуждает восставшее крестьянство и его вождя Т. Мюнцера.

Если статья «Карл V» выражает негодование Кудрявцева по поводу восстания народных масс, то статья «Осада Лейдена» выражает восхищение Кудрявцева Нидерландской буржуазной революцией. Причина восторженности Кудрявцева в отношении Нидерландской революции состояла в том, что там руководство событиями удержала буржуазия, движение народных масс не вылилось во всеобщую борьбу против эксплуататоров. Кудрявцев поэтому рисовал Нидерландскую буржуазную революцию XVI в. как всенародное движение против абсолютизма, олицетворяемого Филиппом II, который унасле-

¹ Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. II, стр. 478—479.

давал от своего отца Карла V беспредельную ненависть ко всякому прогрессу.

Время Нидерландской буржуазной революции Кудрявцев именуется великой эпохой, а участников революции изображает беззаветными героями и энтузиастами. Весьма характерно, что при всем своем восхищении Нидерландской революцией Кудрявцев никогда не употребляет термин «революция», а упорно именуется ее Нидерландской реформой¹.

Кудрявцев выступает представителем русского либерализма первой половины XIX в., когда он еще не утерял своего прогрессивного характера. Именно это обусловило постановку Кудрявцевым ряда крупных исторических проблем и разрешение их с позиций тогдашней передовой буржуазной науки. В частности, Кудрявцев явился одним из носителей той прогрессивной тенденции русской буржуазной науки, которая нашла свое выражение в разработке внутренних, главным образом социально-экономических вопросов не только в истории России, но и в истории зарубежных стран.

* * *

Продолжателем традиции Грановского и Кудрявцева был Степан Васильевич Ешевский (1829—1865 гг.), занимавшийся отчасти русской историей, но в основном посвятивший себя изучению истории всеобщей.

Ешевский стал заниматься историей западного средневековья по настоянию Кудрявцева, учеником которого он был, но по своим идеям он стоял ближе к Грановскому. Грановский и Кудрявцев были оппонентами Ешевского при защите им магистерской диссертации и дали ей чрезвычайно высокую оценку. Ешевский явился преемником Кудрявцева по кафедре всеобщей истории в Московском университете.

Оставаясь либералом и идеалистом, Ешевский сохранил демократические симпатии в значительно большей мере, чем Кудрявцев. Можно полагать, что обострение классовой борьбы в России в период подготовки и проведения реформы 1861 г. оказало влияние на Ешевского в сторону усиления демократических тенденций. Работы Ешевского дают достаточно материала, чтобы со всей отчетливостью судить о его политических взглядах.

Большая статья «О значении рас в истории» явилась откликом на события гражданской войны в США. Ешевский горячо восставал против тезиса рабовладельцев о том, что рабство негров связано якобы с их расовыми особенностями. «Ни одно племя не может считаться отверженным по своей природе, выделенным из общего призвания человечества к постепенному

¹ См. Сочинения П. Н. Кудрявцева, т. II, стр. 1—54.

совершенствованию», — подчеркивал Ешевский. «Бесчисленное разнообразие племенных особенностей не должно скрывать от сознания высших представителей человечества внутреннего единства, царящего над этим разнообразием, придающего ему смысл и значение...»¹. Ешевский указывал на единство происхождения людей². Он резко выступал против тех, кто говорил о способности или неспособности тех или иных рас, утверждая, что так называемых «чистых» рас в природе не бывает. «Вопрос о смешении пород и об его следствиях едва ли не самый главный в исследованиях о племенах»³. История каждой расы есть история ее смешения с другими расами, история ее отношений с другими народами. Вымирание отдельных народов объясняется не расовыми, а общественными причинами. «Одних беспощадных войн, которые вел европеец с туземцами Северной Америки, пользуясь огромным преимуществом, которое давало ему огнестрельное оружие, было достаточно чтоб на много уменьшить количество туземного населения». Кроме того, «англо-саксонский колонист беспощадно теснил в глубь лесов и в неприступные ущелья краснокожие племена, мало заботясь об их просвещении». Если к этому прибавить грабеж, спаивание водкой, поселения в резервациях и т. д., то причина «такого грустного явления, как бесследное уничтожение целых племен»⁴ будет совершенно очевидна.

Ешевский заканчивал статью гневными словами, направленными против европейских колонизаторов, которые хотят «сложить на ответственность провидения или судьбы печальные следствия своего собственного эгоизма...». В каждом человеке другой расы, утверждал Ешевский, мы должны «признать брата не только по природе, но и по призванию»⁵.

Протест Ешевского против порабощения людей относился не только к колониальной политике западных держав, не только к рабству американских негров, борьба за освобождение которых велась в то время. Этот протест относился также и к крепостничеству в России, потому что статья писалась под свежим впечатлением отмены крепостного права. В форме этой академической статьи Ешевский выразил свое отношение к угнетенному народу как других стран, так и России.

Вопрос о расах для Ешевского имел принципиальное значение; он был прямым образом связан с определением задач исторической науки. Сама его статья о расах была написана как введение к курсу древней истории. Вопрос о расах,

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, М., 1870, стр. 120—121.

² См. там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 86.

⁴ См. там же, стр. 90—91.

⁵ Там же, стр. 120.

подчеркивал Ешевский, «прежде... всего вопрос исторический... Для истории, как науки, этот вопрос ни более ни менее, как вопрос возможности или невозможности истории человечества — того, что мы привыкли называть всеобщей, всемирной историей»¹.

Ешевский решительно отказывался делить народы на «исторические» и «неисторические» — как известно, такое деление является одной из непреложных догм буржуазной историографии — и считал, что все народы, без различия их рас, в одинаковой мере имеют право на историю.

Решение этого вопроса, естественно, было лишь частью более широкого вопроса о задачах исторической науки в целом. При определении общих задач истории Ешевский подчеркивал важность связи исторической науки с жизнью, особенно в его время, «когда кипучая практическая деятельность увлекла и увлекает в свой водоворот всех и каждого, когда даже стены ученого кабинета плохо защищают от тревожных запросов современной действительности»².

Связь истории с современной действительностью, по мысли Ешевского, состоит в том, что опыт истории помогает людям понять современность. Одним из примеров этого Ешевский считал Соединенные Штаты, где в связи с гражданской войной, в которой решался вопрос о рабстве, повысился интерес, казалось бы, к такой далекой эпохе, как античность³.

При этом Ешевский различал два типа людей, по-разному использующих выводы истории. К одному из них он относил тех, у кого историческое исследование ведется лишь с «целью послужить оружием для политической и социальной борьбы, охватившей Северную Америку»⁴. Ешевский не сочувствовал такому подходу к истории. Его симпатии на стороне тех американцев, которые изучают историю «с благородным, страстным желанием дознания истины ради самой истины, помимо всех практических соображений, хотя поводом к ним и была настоящая политическая и социальная борьба севера с югом Американских Штатов»⁵.

Чтобы получить «общепризнанные» выводы, историк обязан всесторонне и глубоко изучать исторический процесс во взаимной связи отдельных его сторон. По мнению Ешевского, при «глубоком и полном изучении какого-нибудь народа, все ясней и ясней раскрывается тесная, необходимая и неизбежная связь между природою страны, этнографическими особенностями

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 27.

² Там же, стр. 18—19.

³ См. там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 21—22.

⁵ Там же, стр. 22.

физического и нравственного характера населяющего ее племена с его бытом, экономическим, общественным и частным, с его политическими учреждениями, умственной деятельностью и, наконец, в известной степени с его религиозными убеждениями и верованиями»¹.

Изучая этот разносторонний процесс, историк, по мысли Ешевского, должен постоянно учиться непрерывное совершенствование исторической науки. Это совершенствование обусловлено двумя причинами: во-первых, «бесконечно широко раздвинулись ее пределы как науки, увеличилось количество материала, которым до сих пор располагала история», — а, во-вторых «пришли новые интересы, влекущие к ее изучению». «Оба явления неразрывно связаны между собою, обуславливают одно другое»².

Подобно своим учителям, Ешевский боролся за самостоятельность русской исторической науки. Он тщательно изучал зарубежную историческую литературу, но сплошь и рядом не находил там ответа на интересовавшие его вопросы. Работая, например, над «Аполлинарием Сидонием», он нашел в тогдашней зарубежной литературе всего две книги на эту тему. Из них одна — А. Жермена «Литературный и исторический очерк об Аполлинарии Сидонии» — по словам Ешевского, представляла «любопытный пример довольно полного изучения предмета вместе с полнейшим его непониманием и с отсутствием всякой критики»³, а другая — М. Фертига «Аполлинарий Сидоний и его время» — стояла «еще ниже, нежели опыт Жермена»⁴. Можно также указать на отрицательный отзыв Ешевского о лекциях Л. Ранке, которые он слушал во время заграничной командировки. «Ранке слишком много дает места ненужным подробностям, останавливается слишком долго на военных движениях; а между тем внутренняя сторона: народное движение, постановка партий, как-то уходят слишком на задний план»⁵.

Ешевский предполагал разработать подробный курс истории западного средневековья. Однако ранняя смерть оборвала его работу почти в самом начале. Отдельные курсы, прочитанные им в Московском университете, и магистерская диссертация «Аполлинарий Сидоний» посвящены последним векам Римской империи и первому периоду средних веков. Это и составляет наследие Ешевского в области изучения всеобщей истории.

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 28.

² Там же, стр. 24—25.

³ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 16.

⁵ К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. Биографии и характеристики, СПб., 1882. стр. 335.

Рассматривая античность, Ешевский исходил из того, что все хозяйство там покоится на рабском труде. «Раб есть полная собственность господина, и ничто, кроме воли господина, не может изменить характера этой собственности»¹. Цель господина — эксплуатация раба; и даже если рабовладелец бывал милостив к рабу, то это вызывалось «собственными интересами рабовладельцев, а никак не человечностью воззрений»². Попутно Ешевский иронически замечал: «Вообще хозяйственное воззрение римских плантаторов представляет разительное сходство с их собратиями по ремеслу в южных штатах Северной Америки»³.

Ешевского интересовал вопрос об источниках рабства; он указывал на войну, как на наиболее распространенный способ добывания рабов. «Сколько врагов, столько рабов» — эта римская поговорка, приводимая Ешевским, выражала главный смысл войны для государства рабовладельцев. Однако война — не единственный поставщик рабов. «Рабом мог сделаться и римлянин, в силу родительской власти, требования кредитора, наконец, судебного приговора»⁴.

Рабский труд изменил хозяйственный и социальный облик Римского государства, в результате чего «...исчезала мелкая позсмельная собственность и свободный труд, уступая место громадным латифундиям, обрабатываемым целыми полчищами рабов...»⁵. В этом коренилась слабость Римского государства, что нашло свое выражение в известном тезисе Плиния: «Латифундии погубили Италию».

Ешевский решительно подчеркивал, что античная демократия, которая, кстати сказать, часто являлась для буржуазных историков непревзойденным образцом демократии, на деле покоилась на рабстве. «Артистическое совершенство греческих республик было возможно только под условием рабства, составившего тяжелое основание, на котором строились прихотливые и разнообразные формы древних конституций»⁶. Античная демократия была демократией лишь для узкого круга свободных. «Граждане античных государств привыкли соединять требования политической свободы для самих себя с полным домашним деспотизмом»⁷. Ешевский не только констатировал подобный факт, он вел настойчивую полемику против тех, кто восторгался античной демократией. «Глубоко ошибаются те мечтатели, которые в республиках древнего мира

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 482.

² Там же, стр. 487.

³ Там же, стр. 488.

⁴ Там же, стр. 480.

⁵ Там же, стр. 478, 485.

⁶ Там же, стр. 474.

⁷ Там же, стр. 495.

видят полное торжество человеческой свободы. Свобода была, но это свобода избранного меньшинства, покупаемая ценою унижения и рабства огромного большинства»¹.

Вместе с тем античные республики (афинскую демократию, римскую республику) Ешевский ставил несравненно выше монархии (государства Александра Македонского, Римской империи) как строя абсолютистского. Он решительно стоял на стороне республиканского строя. Но осуждая абсолютизм, Ешевский указывал на отдельные исторические моменты, когда роль единоличной диктатуры была прогрессивной. «Абсолютизм является иногда исторической необходимостью, шагом вперед в государственном развитии народов»². Таким шагом вперед он считал раннюю греческую тиранию, которая в борьбе с аристократией прокладывала дорогу греческому демократическому строю; таким шагом он считал складывавшийся абсолютизм в средние века, поскольку он выступал как сила, направленная против феодальной анархии.

Вне подобного рода исторических условий роль абсолютизма реакционна. «Поставленный сам себе целью, абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества»³. С этой точки зрения Ешевский оценивает, например, македонское завоевание Греции. Политика македонских царей, «сгубившая свободу Греции», была в глазах Ешевского наихудшим явлением всей древнегреческой истории⁴.

Еще более резко Ешевский оценивал историческую роль абсолютизма римских императоров. За Римской империей Ешевский признавал только одну заслугу — дарование прав римского гражданства всему населению империи, в целом же императорскую власть он оценивал резко отрицательно. Римский абсолютизм, получив богатое историческое наследие республики, оказался способным только погубить это наследие, ничего к нему не прибавив, ибо «абсолютизм не мог стать сам движущим началом нового развития»⁵.

Ешевский подчеркивал, что в противоположность республике империя задушила политическую свободу. «Народ совершенно сошел с политической сцены»⁶. Императоры, которых Ешевский называл «сумасшедшими извергами», правили, опираясь не на народ, а на войско⁷.

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 347.

² Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 126.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 203.

⁵ Там же, стр. 128.

⁶ Там же, стр. 268.

⁷ См. там же, стр. 251.

Защитники империи утверждали, что начало империи ознаменовалось «золотым веком Августа» — расцветом римской культуры. Ешевский решительно восставал против подобного довода. «Золотой век Августа не был произведением империи. Это был результат предшествовавшего развития, последнее завещание умиравшей свободы»¹. Ешевский доказывал, что деспотизм является врагом культуры и не способен создать условия для ее расцвета. «Развитие духовных сил государства прекратилось с падением свободных учреждений» и в конечном счете «всем своим могуществом империя была обязана республике»².

При изучении римской истории Ешевский обратил особое внимание на вопрос о римских провинциях. Разработка вопроса о роли провинций в истории Римской империи составляет крупную заслугу Ешевского, поставившего эту проблему значительно раньше, чем Т. Моммзен в V томе своей «Истории Рима». Основной тезис Ешевского состоял в том, что Римская империя не представляла и не могла представлять какого-либо единства³. Это отсутствие единства Ешевский рассматривал в двух планах. Во-первых, как невозможность единства гражданского, обусловленную самим характером римского общественного строя. В римском обществе постоянно существовало «гибельное, мертвящее разделение, распадение общества на рабов и свободных»⁴. Кроме этого основного деления, существовали резкие различия «между лично свободными подданными одного и того же государства: между полноправными и неполноправными гражданами. В неполноправности было также много степеней, целая иерархия. Между римским гражданином времен республики и провинциалом, в политическом отношении, лежала целая бездна»⁵.

Во-вторых, Ешевский указывал на невозможность единства между отдельными частями империи, между народами, населявшими эти части. Именно этим противоречиям между Римом и покоренными им народами Ешевский посвятил свой курс «Центр римского мира и его провинции». Основное внимание здесь уделено не Риму, а именно провинциям. Последовательно прослеживая отношения провинций с их завоевателем — Римом, Ешевский показывал, что подчинение римской власти вовсе не влекло за собой утерю племенной или, по выражению автора, национальной самобытности населения провинций. «Как бы глубоко ни проникало в жизнь чуждых народов гре-

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 129.

² Там же.

³ См. там же, стр. 246.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 127.

ческое или римское влияние, оно не могло однакоже совершенно стереть следов прежних национальностей»¹.

Одним из показателей этого является живучесть языков покоренных народов; эти языки пережили Римскую империю. Особенно непрочным было римское влияние в отдаленных провинциях, в особенности в Британии².

Сохранение самобытных особенностей было связано с упорной никогда не прекращавшейся борьбой подвластных Риму народов за свою независимость. Примером тому может служить Галлия³. Таким образом, Римская империя, под которой обычно разумели централизованное, абсолютистское государство, каким оно выступало официально, была на деле сложным конгломератом отдельных народов.

Наиболее видное место в работе Ешевского занимала проблема падения Римской империи и образования средневековых государств. Этот исторический период интересовал Ешевского как время, когда гибло старое и возникало новое. «Время падения древнего мира... время основания новых европейских государств неодолимо влечет к себе внимание историка. Быть может никогда так наглядно и полно не обнаруживался весь процесс общественного разложения и созидания»⁴. Этот процесс для Ешевского был явлением многогранным, имевшим социальную, политическую и идеологическую стороны. Ешевский старался понять прежде всего внутренние причины разложения Римской империи, которым он придавал решающее значение.

Падение империи явилось прямым следствием тех исторических процессов, которые развивались веками в недрах самой рабовладельческой державы. Чем более «раздвигались пределы римских владений, тем более усиливался приток к Риму рабов, число которых увеличилось в огромных размерах в последнее время республики и, конечно, не уменьшилось во время империи»⁵. Давно начавшийся процесс разорения свободного крестьянства рабовладельческими латифундиями принял во времена империи большие размеры. «В областях Западной империи класс мелких свободных землевладельцев давно уже исчез. Вместо них мы видим земледельцев, не владеющих своею собственною землей, а приписанных к земле другого (*glebae adscripti*). Их общее имя было *колоны*». Разорение и закабаление колоннов усиливалось из-за непрерывно возрастающего налогового гнета со стороны государства. «Чтобы избе-

¹ Там же, стр. 133.

² См. там же, стр. 175.

³ Там же, стр. 169.

⁴ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 9.

⁵ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 267.

жать от тягостных требований фиска, свободный землевладелец передавал свою землю богатому и сильному соседу и получал от него ее обратно уже не в собственность, а во владение, становясь к нему в зависимые, подчиненные отношения»¹.

Разорению крестьянства Ешевский придает большое значение, ибо исчезало «земледельческое население, составлявшее главную силу Италии»². Наряду с разорением сельского хозяйства приходили в упадок и города.

Второй стороной этого разорения трудящегося населения было обогащение аристократии. «Чем ниже падали города и сословие мелких землевладельцев, тем более поднималось значение аристократии, имевшей в своих руках громадные поместья, образовавшиеся из земель разоренных мелких собственников»³.

Ешевский рисовал высшие классы империи, как силу антиобщественную, ибо главной целью их деятельности являлось обогащение: они становятся все более независимы от центральной власти, присваивая себе ее функции; они не считаются ни с какими законами, ибо «самые исполнители закона находили прямую выгоду в его нарушении»⁴.

Неизбежным результатом всего этого была борьба народных масс со своими угнетателями. Наиболее ярким выражением этой борьбы было движение багаудов. К восставшим багаудам «бегут все отверженники общества, разоренные куриалы, колоны. Они ведут ожесточенную войну с обществом, доведшим их до отчаяния, они разрывают всякую связь с ним, отвергают все его законы»⁵. Ешевский приводил слова Сальвиана Марсельского, чтобы характеризовать с несомненным сочувствием багаудов, которых реакционная наука считала простыми грабителями⁶. Ешевский подчеркивал огромный размах народных движений: «нужны целые армии, чтобы подавить восстание»⁷.

Ешевского интересовал вопрос и о народных движениях в провинциях. На примере Галлии он показывал, что в борьбе за независимость народ и аристократия ставили совершенно разные задачи. Народные массы «не имели ничего общего с высшим сословием, совершенно олатинившимся и подымавшим вопрос о самостоятельности Галлии вовсе не ради восстановления кельтской национальности, а для своих сословных интересов... Низшие классы общества протестовали по-своему:

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 80, 81.

² Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 134.

³ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 85.

⁴ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 65.

⁵ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 83.

⁶ См. там же, стр. 84.

⁷ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 63.

они уходили к варварам, призывали их в области Римской империи, или подымали страшные восстания багодов»¹.

Большое внимание уделил Ешевский идеологическим явлениям, связанным с разложением Римской империи, посвятив этой проблеме особый курс «Очерки язычества и христианства». В трактовке роли язычества и христианства особенно сказался буржуазный характер и идеализм методологии Ешевского. Народные массы, по его мнению, не могут жить без религии в силу некоей нравственной потребности верить; атеизм Ешевский считал уделом лишь незначительного, просвещенного меньшинства. Все это якобы и было причиной того, что на смену язычеству пришло не безверие, а новая религия — христианство.

Однако, говоря о язычестве и христианстве, как конкретных формах религии, Ешевский неизменно связывал их с определенными общественными условиями.

Характеризуя язычество, он подчеркивал ту большую государственную роль, которую играли языческие верования и языческая обрядность в Риме². Как явление, вызванное определенными историческими условиями, язычество начинает себя изживать по мере того, как эти условия начинают изменяться. С тех пор, как Римская держава стала включать в себя множество народов, римская языческая религия, как религия одного народа, оказалась не в состоянии играть роль связующего идеологического центра. Покоренные народы оказали большое влияние на религию победителей³.

Постепенно Рим становился средоточием не только власти и награбленных богатств, но и различных религий. «Как разрозненные, с характером исключительности древние государства слились в громадную империю, так боги всей древности сошлись в римском Пантеоне...»⁴. Однако это сосуществование многих религий в рамках империи не отвечало назревшим потребностям единства империи. Выдвигалась необходимость монотеистической религии, в которой слились бы отдельные культы. И такой всеобъемлющей, космополитической религией явилось христианство.

Одним из непрременных условий появления христианства Ешевский считал развитие философии в античное время.

Большую роль в формировании христианства Ешевский отводил неоплатонизму, в котором сочетались элементы верований самых различных народов⁵.

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 165.

² См. Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 322, 323.

³ См. там же, стр. 351.

⁴ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 14.

⁵ См. Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 396.

Ешевский явно переоценивал роль христианства в социальной и политической борьбе, развернувшейся в период крушения Римской империи. Он оценивал христианство как полную противоположность язычеству, как коренной переворот в социальных отношениях и в идеологии. Этот переворот Ешевский видел в том, что именно христианство якобы выработало иное отношение к труду; из презренного занятия, удела рабов, труд превратился в подвиг, достойный праведника. С этой идеей Ешевский связывал и новое отношение к рабу; из существа отвергнутого, в котором не признавали человека, раб в глазах христианина превращался в равноправного члена общества. Христианству же Ешевский приписывал и ту заслугу, что оно проповедью милосердия якобы смягчало остроту социальных столкновений, наполнивших последние века Римской империи. Несмотря на идеалистические положения в оценке христианства, Ешевский пришел к выводу, что, став государственной религией, христианство не смогло, как и язычество, задержать падение империи; «христианская Римская империя точно также разрушилась, как бы разрушилась языческая»¹. Причиной этому являлась невозможность примирения обострившихся социальных противоречий.

Поэтому Ешевский, в поисках причины падения Римской империи, обращался прежде всего к области социально-политических отношений, изучению которых он уделял серьезное внимание в своих работах. Основными причинами гибели империи он считал борьбу народа против своих угнетателей, слившуюся с варварским завоеванием. На примере багаудов мы уже видели, какое значение Ешевский придавал борьбе народа, показывая ее неизбежность. Борьбу народа он обычно рассматривал в сочетании с варварским нашествием. Народ не хотел защищать империю от варваров. «И откуда бы взяться патриотизму в массах населения, когда каждое десятилетие существования Рима прибавляло только новую тяжесть к их и без того тяжелому положению»². Вот почему «с чувством злобной радости смотрели массы народонаселения на падение империи»³. И это Ешевский показывал на конкретных примерах помощи варварам как со стороны рабов, так и со стороны свободного населения, особенно в провинциях. «В знаменитую ночь на 24 августа 410 г. рабы отворили готам Саларийские ворота и 6 дней варвары беспрепятственно грабили столицу римского мира»⁴. Так было по всей территории империи. «Фракийские поселяне указывают дорогу готам во внутренние

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 472.

² Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 63.

³ Там же, стр. 62; ср. стр. 64; ср. т. II, стр. 45—46.

⁴ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 45—46.

области Восточной империи... В Галлии восстание багодов около 345 года совпадает с попыткой бургундов утвердиться по ту сторону Вогезов, и, отбивши варваров, Аэций тотчас должен был обратить силы против врагов домашних. Нашествие Аттилы едва ли не нашло союзников между тем же классом. Осада города варварами весьма часто сопровождалась восстанием внутри, и защитникам осажденного города приходилось отбиваться в одно и то же время от врагов внешних и внутренних»¹.

Слияние варварского нашествия с народным движением в значительной мере облегчалось тем, что варвары для Римской империи не были только внешней силой; в том или ином качестве они уже в течение нескольких веков проникали на римскую почву. «В беспрестанных войнах с германцами тысячи пленных приводились в римские провинции и поселялись там или в качестве рабов, или в качестве подданных (*dedititii*). Наконец, вспомогательные когорты варваров, постоянно находившиеся на римской службе, оставляли не малый осадок на римской почве. Многие союзные племена германцев платили свою подать римскому государству не иначе, как солдатами»².

Варвары, в противоположность разлагающейся Римской империи представляли собою свежие силы, готовые «на смелую борьбу, на кипучую деятельность». Опираясь на данные Цезаря и Тацита, Ешевский рисовал общинно-родовой строй германцев, где «земельной собственности еще не существовало»³, где класс феодалов и королевская власть только зарождались, где народ имел прямое влияние на общественные дела⁴.

Опираясь на помощь народа в самой империи, сплошь и рядом на помощь своих же соплеменников, варвары покончили с Римской империей. Ешевский подчеркивал, что падение Римской державы не было единовременным актом и что 476 год — дата свержения последнего римского императора Ромул-Августула — является датой чисто условной⁵.

Своеобразие эпохи, наступившей после падения Римской империи, состояло в формировании нового общественного строя — феодализма. Он вырос из германского, так и из романского корня. У германцев феодализм вырос из разложения общинно-родового строя. «Со времени завоевания Галлии франками, если понижалось значение простых свобод-

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 64.

² Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 19.

³ Там же, стр. 163.

⁴ См. Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 175.

⁵ См. Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 3.

ных франков, рассеянных по своим участкам, зато росли значение и сила вождей и богатых землевладельцев, аристократии»¹. Во всех германских государствах это значение знати основывалось на владении землей, захваченной варварами на римской территории. Шел процесс формирования феодальной собственности. Ешевский различал три формы этой собственности — бенефиций, наследственное владение и полную собственность. Верховным сюзереном и собственником бенефиций и наследственных владений считается король.

Формирование класса феодалов и королевской власти шло под сильным влиянием римских порядков. Ешевский считал, что историческая роль Римской империи состояла в передаче средним векам идеи монархической власти, римского права, основанного на частной собственности, и христианства. Последнему Ешевский придавал особое значение, ибо, по его мнению, «среди общего разложения государственных учреждений и общественных связей римского мира, только христианская церковь имеет прочную организацию, способную выдержать самые страшные политические бури»². Кроме централизованной организации, сила церкви состояла и в том, что она выступала как крупный земельный собственник³.

Между феодалами — светскими и духовными, с одной стороны, и королевской властью — с другой, началась борьба за влияние в государстве. Исход этой борьбы зависел от степени зрелости феодализма. Начало феодализма Ешевский относил к возникновению между земельными собственниками отношений земельного характера, основанных «на соединении клятвы в верности сеньору с пользованием известною бенефицией, землей»⁴; завершается формирование феодализма моментом, когда земля из условного владения становится собственностью феодала. Иначе говоря, Ешевский усматривал суть феодализма лишь в земельных отношениях внутри господствующего класса, в системе соподчиненности феодалов между собою. Формирование феодализма завершается в правление Карла Великого. В то время, когда единство средневекового Запада, казалось бы, достигло высшей точки в империи Карла, созрели все предпосылки для феодальной раздробленности, которая и наступает при преемниках Карла; дело кончается «победой феодальной аристократии и уничтожением центральной королевской власти».

Разбирая вопрос о формировании феодального государства франков, Ешевский вступает в полемику с Гизо, который, как

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 239.

² Сочинения С. В. Ешевского, т. I, стр. 560.

³ См. Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 187, 188.

⁴ Там же, стр. 263.

известно, считал возвышение династии Каролингов, вышедшей из австразийских майордомов, вторым германским завоеванием территории Римской империи. Ешевский ищет причину возвышения австразийских майордомов совсем в другом. Отдавая должное талантам первых Каролингов, он видит главную причину их возвышения в том, «что они, по своему материальному положению, по количеству своих имений занимали первое место между франкскими оптиматами и лейдами»¹.

Ешевский решительно полемизирует по вопросу о распадения империи Карла Великого с О. Тьерри, который считал Верденский договор 843 г., завершивший раздел империи Карла, выражением национальной (расовой) борьбы между отдельными народами, ибо «народности, которые потом выступили на сцену с такими характеристическими, резко обозначенными особенностями, тогда еще не сложились»².

Не относя эксплуатацию крестьянства к сущности феодализма, Ешевский прямо указывал на самый факт эксплуатации и оправдывал борьбу угнетенных против их господ. Приход варваров принес облегчение рабам и колонам, однако это продолжалось недолго; положение средневекового крестьянства начинает ухудшаться, ибо «развивающийся феодализм своей тяжестью налег на него». Появляется крепостничество. По сравнению с рабством оно было известным шагом вперед; «рабы почти исчезают и уступают место крепостному сословию, во всяком случае представляющему высшую ступень сравнительно с рабством»³, однако положение крепостных было чрезвычайно тяжелым. «Все земледельческое сословие обратилось в крепостных, принадлежавших или королям, или баронам, или епископам и монастырям. Положение крепостных ухудшалось постепенно, пока не дошло до состояния полной незащитности и несправности. Крестьянин был прикреплен навеки к земле, для него не было спасения даже в бегстве... Тяжелые повинности всякого рода падали на низшее сословие, и значительная часть их была не только тяжела, но вместе с тем унижительна, оскорбительна. Ни в доме, ни в семье крестьянина не было ничего заветного и святого, чего бы не могла коснуться рука феодального владельца»⁴. Именно поэтому «униженный, загнанный крестьянин», искал выхода «в страшных восстаниях, каковы были восстания *pastoureaux*, Жакерия во Франции, крестьянские войны в Германии»⁵.

¹ Сочинения С. В. Ешевского, т. II, стр. 270.

² Там же, стр. 317.

³ Сочинения С. В. Ешевского, т. III, стр. 396.

⁴ Там же, стр. 396—397.

⁵ Там же, стр. 397.

Таковы взгляды Ешевского по коренным вопросам всеобщей истории. Либерал и идеалист, он в то же время высказал много мыслей, свидетельствовавших о передовом для того времени характере его исторических взглядов. Основой прогрессивности мировоззрения Ешевского являлись демократические традиции. Это обстоятельство явилось главной причиной того, что позднейшая русская реакционная историография замалчивала вклад Ешевского в изучение вопросов всемирной истории.

* * *

Михаил Семенович Куторга (1809—1886 гг.) был современником Грановского, Кудрявцева и Ешевского. Грановский и Куторга почти одновременно начали свою деятельность: первый в Московском университете (1839 г.), второй — в Петербургском (1835 г.). В 1869 г. Куторга перешел в Московский университет, заняв кафедру всеобщей истории вскоре после смерти Ешевского, в 1874 г. вышел в отставку и последние 12 лет своей жизни посвятил исследовательской работе.

В течение всей своей преподавательской и научной деятельности Куторга, как и Грановский, выступал противником крепостничества и самодержавия. В оценке современной ему русской действительности Куторга в отдельных вопросах занимал более радикальные позиции, чем Грановский. В работах Куторги мы не встречаем никаких симпатий к монархии; он явно не сочувствовал идеям русской «государственной школы» и не считал монархическое государство ведущим началом в истории народа. В плане лекций Куторги 1864/65 учебного года значится специальная тема «Различие между историей народа и историей государства»¹.

Среди русских историков-либералов того времени Куторга был единственный, кто уделял огромное внимание изучению положения основных творцов материальных благ античной Греции — рабов, тщательно изучив для этого многочисленные древнегреческие источники.

По свидетельству современников, начало преподавательской деятельности Куторги ознаменовалось рядом его либеральных выпадов против николаевского режима. После окрика начальства эти выпады прекратились, однако в дальнейшем в работах Куторги продолжают встречаться отдельные критические высказывания о современной ему русской действительности. Касаясь положения древнегреческих рабов, Куторга писал: «Изучение политического быта древних эллинских рабов представляет много любопытного, в особенности

¹ См. Архив АН СССР, ф. 216, оп. 3, л. 1154.

для нас русских, так как в общем положении сих рабов оказывается чрезвычайное сходство с положением бывших в России крепостных, и устройство различных разрядов афинских рабов совершенно напоминает прекратившееся ныне устройство разрядов крепостных людей»¹. Это сопоставление положения крепостных в России с положением рабов, характеризующее отношение Куторги к крепостному праву, дополняется иногда прозрачными намеками по адресу русского дворянства. Так, явно имея в виду сословную замкнутость русских дворян, Куторга писал: «В древней Греции никогда не существовало безотрадного и вредного для отечественного образования обычая, чтобы семейства высших сословий говорили в своей среде, не на эллинском, а на каком-либо иноземном, непонятном большинству жителей, наречии, отделяясь этим способом от прочих сословий и выставляя себя вне их и выше их, а вместе с тем подавляя умственное развитие в духе народности»².

Этому феодально-дворянскому порядку Куторга противопоставляет порядок буржуазной демократии. При этом Куторга четко определяет, что его политический идеал не имеет ничего общего с народной революцией, именуемой им своеволием; понятие свободы он постоянно связывает с «законностью».

По убеждению Куторги, разум «живет и дышит свободой, но отвергает своеволие, видя в нем отрицание свободы. Своеволие есть господство страстей, не следующее никаким требованиям ума и заботящееся только об удовлетворении своих личных намерений и выгод. Свобода напротив ищет сама разумных правил и, подчиняясь им, утверждает законность». Свобода и законность, по словам Куторги, «составляют духовную и нравственную потребность человека, и, никогда не разлучаясь, идут в согласии к одной цели. Их совокупность выражают теперь словами: свобода и порядок»³. В этом требовании «законности» и «порядка» — в чем всегда сходились либералы и крепостники — выражается сущность либерализма Куторги.

В русской буржуазной историографии прочно утвердилась традиция, созданная учеником Куторги проф. Бауэром⁴, отнести Куторгу к числу последователей Нибура. Однако критическое отношение к древним источникам, чем отличался Куторга, еще вовсе не является доказательством его принад-

¹ Собрание сочинений М. С. Куторги, т. I, СПб., 1894, стр. 160—161.

² Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, СПб., 1896, стр. 428.

³ М. С. Куторга. О науке и ее значении в государстве. «Русский вестник», т. 104, № 3, М., 1873, стр. 40.

⁴ См. биографию М. С. Куторги, написанную Бауэром для книги — В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 213—218.

лежности к нибуровской школе. Больше того, подобное утверждение стоит в прямом противоречии со взглядами Куторги.

Как известно, скептицизм Нибура фактически приводил к отрицанию достоверности античной традиции о древнейшем периоде римской истории. Куторга, изучавший древнейший период греческой истории, выступил горячим защитником достоверности античной традиции. Он написал специальное исследование «О достоверности древнейшей греческой истории». Здесь Куторга подвергал критическому разбору скептицизм в исторической науке, начиная со времен Вико. Он считал, что скептицизм в прошлом сыграл свою положительную роль¹, но в XIX в., по мысли Куторги, наступило время подняться на следующую ступень, на ступень положительного знания; это знание должно вырастать на основе использования всего критического опыта скептицизма.

Формулируя в этом свете свой взгляд на древнейшую историю Греции, Куторга писал: «Мы думаем, что история древнейшего периода Греции не в такой степени недостоверна, как смотрят на нее теперь писатели, посвящающие себя ее изучению; что в повествованиях историков содержится истина, основанная не на изустном предании, а на подлинных исторических памятниках; что с древнейших времен существовала в Греции письменность, доставившая историкам возможность приобрести положительные данные; и что рассмотрение древнейших событий подтверждает эти положения, нисколько их не опровергая»². Эти положения Куторги стоят в явном противоречии с положениями Нибура.

Если говорить о влиянии на Куторгу зарубежной историографии, то либеральным симпатиям Куторги больше всего импонировала французская историческая наука, создавшая передовую для того времени историческую концепцию — буржуазную теорию классовой борьбы, авторами которой были О. Тьерри, Гизо и Минье. На это обстоятельство еще в 40-х годах обратил внимание Н. Г. Чернышевский³. Гизо был почти единственный из зарубежных историков, выводы которого Куторга высоко ценил. Следы влияния теории классовой борьбы, одним из авторов которой был Гизо, явственно выступают в работах Куторги. Применяя эту теорию французских буржуазных историков к совершенно иному материалу, Куторга пошел гораздо дальше своих французских коллег; в отличие от французских историков, решительно игнорировавших положение трудящихся масс в средние века, Куторга

¹ См. Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 1.

² Там же, стр. 19—20; см. также, стр. 21.

³ См. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. I, стр. 105.

предпринял крупное исследование о положении рабов в Греции и о борьбе их с рабовладельцами.

В специальной работе «О науке и ее значении в государстве» Куторга формулировал задачи исторической науки¹. Он исходил из того, что наука должна иметь национальный облик, ибо «у различных наций она облекается в различные формы и как бы налагает на себя различную одежду»². В связи с этим он выражал прямой протест против того низкопоклонства, которое было характерным для интеллигенции царской России. «Мы думаем теперь о Западе... наши взоры обращены к Германии, Франции, Англии, как к идеалу жизни литературной, политической и промышленной. Мы старательно подражаем тому, что там происходит и что там принято; спешим, с трепетным нетерпением, как бы изменить самих себя по чужеземному образцу»³.

Куторга считал, что заимствования достижений у чужого народа не только возможны, но и необходимы, однако они служат развитию культуры народа лишь при том условии, если сам народ создает свою самобытную культуру. Внешние влияния особенно опасны, если они реакционны. В качестве примера Куторга указывал на иезуитов, засилье которых низвело передовые страны Европы в разряд стран отсталых⁴.

Основным условием развития науки является свобода мысли. «Нет необходимости доказывать что свобода мысли есть первое и самое главное условие, без которого наука не только не разрабатывается и не процветает, но вообще не зарождается»⁵. Куторга старается подчеркнуть, что наука не терпит каких-либо внешних предписаний, что «успех общества зависит от самого общества», а не от воздействия на него извне. В условиях царского режима и цензуры, полицейской опеки над наукой тезис Куторги о свободе мысли имел несомненно прогрессивное значение.

Коренной вопрос о предмете исторической науки Куторга решал с идеалистических позиций. Весь ход истории он в конечном счете сводил к духовной деятельности людей. «События зависят от тех духовных начал, которыми нация проникнута, и от той степени образованности, на которой она находится;... причина событий лежит глубоко в состоянии народа и только из него исходит»⁶. Куторга делил общественные явле-

¹ К сожалению, работа осталась незаконченной. Не была написана часть, в которой должна была идти речь об исторической науке в России.

² М. С. Куторга. Введение в историю древней греческой образованности. ЖМНП, СПб., 1867, ч. СXXXIII, стр. 172.

³ М. С. Куторга. О науке и ее значении в государстве, стр. 9.

⁴ См. там же, стр. 44.

⁵ Там же, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 55.

ния на события или так называемые великие дела, и происшествия, под которыми разумелись явления мелкие, несущественные. «События» являются результатом деятельности всего народа, результатом его «общественного и умственного быта» и представляют основу исторического процесса. От событий или великих дел «существенно отличаются дела малые или происшествия, хотя они и тесно между собою связаны. Происшествия вытекают не из общих начал человечества, а из свободной воли человека, а потому... служат не причиною, чем они никогда не бывают, а только поводом деяний»¹.

Исторический процесс Куторга рассматривал с точки зрения идеалистической диалектики, усматривая во всех событиях, больших и малых, борьбу двух начал, которые он называл действием и воздействием. «Изучение этих двух начал: действия и воздействия, принадлежит к числу самых главных предметов истории и есть первостепенная задача историка, при описании событий»². Куторга подчеркивал все положительное значение этой борьбы противоположных начал, пронизывающей собою историю. «Где нет ни преград, ни борьбы, нет ни могущества, ни образованности. История выставляет эту истину в виде положительного закона». Наиболее существенное проявление этой борьбы в истории состоит в смене одного общественного порядка другим. «Большую частью борьба оканчивается поражением одного из них и видимым преобладанием другого торжествующего свою победу... Но торжество только временно; в могуществе и процветании таится уже зародыш падения... Дела влекут за собою последствия часто совершенно противоположные намерениям с коими они были задуманы и приводимы в исполнение. Разрушив существующее, они вводят порядок новый, основанный на других началах»³. Идеалистическая диалектика, которая у Гегеля была насильственно подчинена прославлению реакционного прусского государства, у Куторги служила для обоснования прогрессивного движения общества.

Задача историка, по мнению Куторги, состоит не в коллекционировании фактов, а в изучении основных тенденций исторического процесса, что на его языке идеалиста формировалось как изучение основной идеи истории. «Науку составляют знания, логически соединенные в систему и проникнутые идеею»⁴ — так определял Куторга науку. Идея, т. е. изучение генеральных путей истории, прежде всего изучение смены од-

¹ М. С. Куторга. О науке и ее значении в государстве. стр. 57.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 50, 51; ср. стр. 57.

⁴ М. С. Куторга. Введение в историю греческой образованности, стр. 167.

них общественных форм другими, входит неотъемлемой и главной частью в определение науки, как ее понимал Куторга.

Такова сильная сторона методологических взглядов Куторги, сложившихся у него еще в 30-е годы. Но либерализм и идеалистическая основа этих взглядов приводили Куторгу в ряде вопросов к прямым антинаучным выводам. Типичным примером может служить вопрос об исторической роли отдельных народов. Говоря, что задача каждого народа состоит в создании своего независимого существования и самобытной культуры, Куторга сводил этот вопрос к духовным особенностям народа. Он считал, что если народ не создал своей независимости и своей культуры, то он якобы не может называться историческим. Поэтому Куторга, следуя укоренившейся традиции буржуазной историографии, делил народы на «исторические» и «неисторические». Не менее типичным примером является вопрос об оценке общественной роли науки. Правильно отстаивая свободу мысли и защищая свободу науки от вмешательства дворянского государства, он, следуя идеалистической догме, возводил эту свободу в абсолют и проповедывал тезис «наука для науки». Он считал, что наука «изучается сама в себе и для себя самой; она не средство для чего-либо, а сама себе цель, так что изучение науки имеет в виду только науку, а не ее приложение к жизни. Если бы стали изучать науку с желанием удовлетворять общественным и житейским потребностям, то она перестала бы существовать как наука...»¹. Как увидим в дальнейшем, Куторга при анализе

¹ М. С. Куторга. О науке и ее значении в государстве, стр. 24. В противоположность тезису Куторги «наука для науки» Грановский, как известно, отстаивал идею общественного значения исторической науки. Расхождение между Куторгой и Грановским по этому вопросу послужило основным содержанием полемики между учеником Куторги Стасюлевичем и сторонниками Грановского по поводу диссертации последнего «Аббат Сугерий». Эта полемика явилась поводом к появлению легенды о «петербургской» и «московской» школах русских историков, получившей распространение не только в буржуазной историографии, но и среди некоторых советских историков (см., например, статью С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» в сб. «Труды юбилейной научной сессии», изд. ЛГУ, 1948). Подобный «географический» принцип в определении исторических школ является совершенно неправильным. Принадлежность историка к той или иной школе определяется, как известно, содержанием его политических взглядов и его исторической концепции. С этой единственно правильной точки зрения Куторга и Грановский принадлежали к одной и той же школе историков-либералов первой половины XIX в. Разногласия между ними по отдельным вопросам были разногласиями внутри одного и того же лагеря. С точки зрения сторонников идей о «петербургской» и «московской» школах Куторга и Грановский были представителями разных «школ», зато Грановский и

конкретных исторических явлений нередко отступал от этого взгляда.

Куторга читал курсы древней, средневековой и новой истории Европы, но большую часть своей жизни отдал изучению античной Греции. Явно отступая от своего тезиса о «чистой» науке, он писал: «...наука, а следовательно, и история, не лишена применения; и в этом смысле история Греции имеет, именно для нас, русских, особенный вес и значение: она служит к точнейшему уразумению нашей народности»¹.

В своих работах Куторга не раз подчеркивал, что Европа исторически складывалась из двух главных частей: из мира романо-германского и мира греко-славянского. Ученые западноевропейских стран, изучая историю своего народа, всегда обращаются к Римской империи, как своему предшественнику, от которого Западная Европа получила общественное и культурное наследие. Задача русских ученых, по мнению Куторги, состоит в том, чтобы обратиться к изучению древней Греции, как предшественнице славянских государств, оказавшей большое и разностороннее влияние на историю славянских народов².

Скудость источников о древнейших обитателях Греции заставила Куторгу искать исторических параллелей, чтобы иметь возможность, хотя бы косвенно, при помощи аналогий судить об общественном строе древнейших племен Балканского полуострова. Такой параллелью Куторга считал сравнительно хорошо изученный общественный строй древних германцев. Одной из ранних работ Куторги поэтому была книга «Политическое устройство германцев до шестого столетия» (1837 г.), дающая возможность судить о некоторых его основных методологических взглядах.

Прежде всего заслуживает внимания историографическое введение к этой книге. Куторга считал, что правильно оценить труд историка можно лишь в том случае, если принять во вни-

реакционер Леонтьев оказываются представителями одной «школы». К тому же все аргументы сторонников этой легенды противоречат фактам. Основной их довод о том, что в Петербурге политические порядки были якобы более суровыми, чем в Москве, не соответствует действительности, ибо известно, в каких тяжелых условиях находился Грановский, работавший в Москве и считавший, что из подобных условий «нет выхода живому». Кроме того, никто из сторонников «петербургской» и «московской» школ не сформулировал «признаков» этих «школ». Нельзя же всерьез считать, что в Петербурге сидели эрудиты, излагавшие историю по источникам, а в Москве — мастера «повествовательного» изложения.

¹ М. С. Куторга. Введение в историю греческой образованности, стр. 167.

² См. там же, стр. 171.

мание влияние общественных условий, в которых работал автор. Это, в частности, не нужно забывать при оценке авторов, писавших о древних германцах, ибо «национальные предрассудки, положение сочинителя в государстве и даже политические мнения, руководили весьма часто пером, при исследовании этого предмета». Касаясь французской историографии XVIII в., Куторга писал, что аристократ граф Буленвилье оценивал германцев с точки зрения аристократии, представитель «среднего сословия» Дюбо — подходил к германцам совсем с иной точки зрения, а Мабли, «руководимый духом политической партии», старался отстоять у древних германцев нечто третье¹. Говоря о немецкой историографии, Куторга прежде всего подчеркивал, что над нею часто тяготеет «ложно понимаемый патриотизм», кроме того, некоторым немецким историкам свойствен такой недостаток, как простое собиранье фактов. Эта манера была свойственна, например, известному Гриму². Что касается Мезера и Эйхгорна, которые от фактов пытаются идти к обобщениям, то и они это делают довольно робко и часто подменяют общую мысль скоплением ссылок и цитат. Из всех современных ему зарубежных историков Куторга выделяет Гизо, у которого, по мнению Куторги, все проникнуто единой идеей и который обратил внимание на главное — на социально-политические отношения германцев и в особенности на отношения земельной собственности.

Исходным пунктом в анализе общественного строя древних германцев у Куторги служит ходячее в буржуазной историографии представление, что общество произошло якобы из соединения моногамных семей в целях общей защиты. Род и племя, с этой точки зрения, — только различные масштабы «увеличенного семейства». Общая защита — цель такого соединения семейств, его хозяйственная основа — земельная собственность³. Куторга решительно отвергает мысль об извечности частной собственности. В противовес этому он выдвигает мнение о коллективном характере древней собственности. «Первоначально, вся земля, вновь занятая, рассматривалась собственностью целого общества... каждый приобретал свой участок несвоевольно, но по назначению народного собрания...»⁴. Частная собственность у древних германцев формировалась постепенно. При Цезаре они были еще народом кочующим и не имели частной собственности на землю, при Таците появляется частное земельное владение отдельных семей, зависи-

¹ См. М. С. Куторга. Политическое устройство германцев до шестого столетия, СПб., 1837, стр. 1—2.

² См. там же, стр. 6—7.

³ См. там же, стр. 80—81.

⁴ Там же, стр. 54.

мое от общей родовой собственности. Эта родовая зависимость сказывается и при завоевании германцами Римской империи, когда каждый свободный германец получал по жребью участок земли; «...такие участки не делались этим полною собственностью частных лиц, но оставались в зависимости от общества»¹. В конечном счете побеждает частная собственность, но остается непреложным тот факт, что «владения частных лиц произошли от общественных»².

В соответствии с общей родовой собственностью у древних германцев не было «политически разделенных сословий», другими словами, у них «не было ни дворянства, ни низшего класса народа...», не было также «особенного наследственного сословия жрецов»³. Древние германцы делились только на «граждан и не-граждан»; к последним принадлежали рабы. Основной причиной, порождавшей рабство, Куторга считал войну. Государства у германцев времен Цезаря и Тацита также не было, «каждый гражданин был в одно и то же время воином, владельцем, правителем и законодателем», осуществляя все это через свое народное собрание, на котором «все, без различия, имели право подавать голоса, или делать предложения»⁴. Дворянство и государство у германцев более позднего происхождения. В этом вопросе Куторга разделял распространенную в буржуазной историографии точку зрения. Общественные функции с течением времени усложнялись, второстепенные из них народное собрание поручало наиболее уважаемым лицам; так произошло, по мнению Куторги, дворянство. Государство, по представлению Куторги, возникло из необходимости внешней защиты, поэтому оно является не чем иным, как расширением масштаба более ранних объединений, созданных в этих же целях: семья, род, племя; эта формула теперь пополняется еще одним членом — государство.

С тех же позиций, с каких Куторга рассматривал общественный строй древних германцев, он подходил и к древнейшему периоду Греции. Этот период занимает в работах Куторги особое место — ему посвящена докторская диссертация Куторги «Колена и сословия аттические» (1838 г.), а также работы «История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» (1848 г.), «Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клизфена» (1853 г.), «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках перед Персидскими войнами» (1875 г.). Иначе говоря, вплоть

¹ М. С. Куторга. Политическое устройство германцев до шестого столетия, стр. 57

² Там же, стр. 81.

³ Там же, стр. 114, 91.

⁴ Там же, стр. 33, 88.

до 80-х годов внимание Куторги сосредоточено главным образом на раннем периоде в истории Греции. В противовес нибуровскому критицизму, имевшему многочисленных последователей на Западе, в противовес гиперкритике, выросшей на этой почве, Куторга ставил своей задачей на основании исторической традиции самих греков воссоздать коллективные формы древнейшей собственности, формирование классов и их борьбу, историю древнейшего греческого государства. Все это характеризует Куторгу как одного из представителей лучшей традиции русской буржуазной историографии.

Опираясь на данные Исократы, которые он сравнивает с данными Тацита, Куторга приходит к выводу, что у древнейшего населения Греции господствовала общественная собственность на землю. Возникновение классов и государства у греков Куторга связывает с иноземным завоеванием — ионян в Аттике, дорян в Пелопоннесе. Происхождение классов и государства из завоевания Куторга считает общим правилом¹. С тех пор как завоеватели осели на новых местах в силу социального расслоения, началось формирование новых классов. «Следствием этого события было наконец прекращение двух прежних классов, победителей и побежденных, и происхождение сословий, остававшихся в республике до законодательства Солона»².

В Аттике состоятельные землевладельцы составляли класс эвпатридов, господствовавший над земледельческим населением — демотами и метеками, а также ремесленниками — демиургами. Известное время народ мирился с господством эвпатридов, но затем повел борьбу против этого господства. Это стояло в прямой связи с увеличением социального значения простого народа (димотов, или дима, по терминологии Куторги)³. Аристократы, «увлеченные корыстию, всего же более побуждаемые надменностию», стремились «подавить это движение, но тем увеличивали только раздражение димотов и сами были виновниками того, что дим, не ограничиваясь представлениями мирными, восстал с оружием в руках против своих правителей. Эта эпоха древней греческой истории носит название борьбы димократии с аристократией и составляет важнейший политический переворот или революцию...»⁴.

¹ См. М. С. Куторга. Колена и сословия аттические, СПб., 1838, стр. 24.

² М. С. Куторга. Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клизфена, М., 1853, стр. 40.

³ М. С. Куторга, обозначая народ словом «дим», производил отсюда «димоты» и «димократия».

⁴ М. С. Куторга. Борьба димократии с аристократией..., «Русский вестник», М., 1875, т. 120, стр. 6—7.

Куторга не раз подчеркивает, что борьба народа с аристократией в греческих государствах была настоящей гражданской войной. В этих условиях какие-либо половинчатые уступки были явно недостаточны.

Ожесточенный характер носила борьба в Афинах, где она имела результатом реформы Солона. Оценивая социальные мероприятия Солона, Куторга считает их чрезвычайно разумными вследствие их умеренного характера. «Солон предупредил те ужасные требования о разделе поместий и уничтожении долгов, которые могли погубить республику»¹. Куторга решительно выступает против покушения на собственность со стороны народа. Политические же реформы Солона Куторга находит «слабыми и нерешительными». Реформатор стремился к компромиссу между враждующими сторонами, и это, как подчеркивает Куторга, было обусловлено социальной принадлежностью Солона — эпатрида, занимавшего почетное место среди самой высшей афинской аристократии².

Компромиссная политика Солона была недостаточна. В этой обстановке вырастает тирания, которую Куторга рассматривает как орудие борьбы народа с эпатридами³. Несмотря на все свои отрицательные стороны, тирания расчищала демократии путь к власти, хотя и не привела к ее установлению.

Актом, который, по мнению Куторги, сыграл решающую роль в победе народа над аристократией, была реформа Клисфена. Куторга нигде не указывает на то, что основной мерой Клисфена, наносившей удар аристократии, была замена родового деления Аттики делением территориальным, но он выражает эту же мысль, противопоставляя десять политических фил, созданных по реформе Клисфена, четырем родовым филам, существовавшим до этой реформы. Кроме того, Куторга подчеркивает, что реформа Клисфена означала дальнейшее расширение состава афинских граждан. Если законы Солона сделали гражданами геоморов, то законы Клисфена наделили правами гражданства метеков; в дальнейшем, по предложению Аристида, афинскими гражданами стали и демигурги. Так закончилось формирование афинской демократии, вступившей при Перикле в период своего расцвета. Победа афинской демократии и установление «правильного и законного исполнения государственных постановлений» вовсе не означали прекращения борьбы между народом и аристократией. Эта борьба продолжалась в Афинах в форме борьбы аристократической и демократической партий, протекавшей в рамках афин-

¹ М. С. Куторга. Борьба демократии с аристократией... стр. 32.

² См. там же, стр. 33.

³ См. там же, стр. 14.

ской демократии и особенно дававшей о себе знать во время Персидских и Пелопоннесской войн.

Но борьба народа с аристократией тесно переплеталась с борьбой внешней и оказывала сильное влияние на внешнюю политику всех греческих государств. «Вся Греция распалась, в политическом отношении, на два противоположных и неприязненных отдела, из коих один состоял из государств аристократических, а другой демократических»¹. Во главе первых стояла Спарта, во главе вторых — Афины. Аристократия в борьбе с народом своего государства, как правило, апеллировала к внешней силе — к Спарте или к Персии, несмотря на то, что в последнем случае это означало полную измену общегреческому делу².

Борьба демократии с аристократией была одной из главных причин столкновений между греческими государствами. Однако она не была единственной, к ней часто прибавлялись причины экономического порядка. Примером может служить война Афин с Эгиной, причины которой Куторга усматривал в выгодах торговых и политических. «Здесь не только боролась аристократия с демократией; но могущественное морское и промышленное государство, господствовавшее доселе в архипелаге, встретилось... с новым соперником, дерзнувшим оспаривать у него первенство. Их встреча была кровопролитною; ибо они сражались за свое существование»³. Войны между греческими государствами, переплетавшиеся с борьбой социальных групп и вмешательством Персии, становились все более ожесточенными. Во время Персидских войн Греция еще сохраняла единство перед лицом врага, война же Пелопоннесская означала ожесточенную борьбу между народом и аристократией.

Наряду с социально-политической историей Куторга занимался и историей культуры древней Греции, в особенности ранней греческой историографией. Он написал специальное исследование о догеродотовском периоде греческой исторической литературы⁴. В этом сочинении Куторга разбирает ранние исторические известия греческих писателей с точки зрения филиации идей, что большого интереса ныне не представляет. Однако заслуживают внимания попытки Куторги связать некоторые явления греческой культуры с политической борьбой. Куторга настойчиво подчеркивает, что классовая борьба в древней Греции была тем живительным источником,

¹ М. С. Куторга. История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада, СПб., 1848, стр. 4.

² См. там же, стр. 5—7.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 1—193.

из которого питалась культура древних греков. «Такова была древняя Греция: в ней все исполнено было противоположностей, и политика, и искусства и литература. Но эта самая противоположность и происходящая оттуда борьба обнаруживает постоянную деятельность и умственное развитие греков. Без нее этот гениальный народ походил бы на египетские мумии и не представил бы потомству тех великих дел, которым не перестает удивляться образованная Европа»¹.

Говоря о древнейших исторических писателях и ранних поэтах, Куторга видел источник их идей в современной им действительности². Греческие поэты «никогда не отделялись от общества, принимали живое участие во всем, что происходило в государстве и, следовательно, непременно принадлежали к какой-нибудь политической партии. Феогид и Пиндар прославляли аристократию, Симонид, напротив, демократию»³. Источником расцвета философии древней Греции классического периода, по мнению Куторги, была завоеванная греками демократия. «Философское учение не шло у эллинов в разрез с политической жизнью и не опровергало оной: оно, напротив, ее улучшало и облагораживало, ибо развивало нравственные понятия и заботилось об их водворении». Именно поэтому философия греков падает с падением самой демократии⁴.

Таков, по мнению Куторги, общий ход древнегреческой истории, сводящийся в основном к борьбе и установлению демократии. Но изображая древнегреческую демократию как образец гражданской свободы, Куторга не игнорировал того обстоятельства, что эта демократия была рабовладельческой. «Рабство составляло неотъемлемую, присущую часть древних республик и без знания оно не изучение греческой истории не будет полным»⁵. Изучению рабства в Греции Куторга посвятил большую монографию — «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике»⁶.

Рабов Куторга рассматривал как «людей, составлявших самую многочисленную часть населения древней Греции..., людей трудолюбивых, полезных, обративших в цветущий сад даже горные местности, но лишенных свободы и угнетенных, хотя содействовавших благополучию своих повелителей и подерживавших их блеск и славу»⁷. Куторга подчеркивал, что

¹ М. С. Куторга. История Афинской республики..., стр. 12.

² См. Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 60.

³ М. С. Куторга. История Афинской республики..., стр. 8.

⁴ См. Собрание сочинений М. С. Куторги, т. I, стр. 134.

⁵ Там же, стр. 117.

⁶ Там же, стр. 153—560.

⁷ Там же, стр. 461.

все здание греческой демократии и греческой культуры было воздвигнуто на труде рабов¹.

Куторга рассматривал рабов как категорию историческую. В эпоху родового строя рабства не было, оно возникло постепенно в силу общественных причин. Завоевание, плен, купля, долги являлись обычными источниками рабства, которое развивалось вместе с развитием хозяйства древних греков и стало основой всей гражданской жизни. Рабовладельцы в Греции были ничтожным меньшинством². Это господствующее меньшинство презирало труд. Рабовладельцы «только обогащались, никогда лично не трудясь и не работая над ремеслами, ибо почитали подобное занятие унижением достоинства гражданина»³. Целью рабовладельца была эксплуатация раба⁴.

Куторга подробно исследует размеры рабовладения, формы эксплуатации рабов, бесчеловечный режим, которому рабы подвергались. Даже в тех случаях, когда рабовладельцы создавали более сносный режим для рабов,— как это было, по мнению Куторги, в Афинах по сравнению со Спартой,— то и тогда это делалось в интересах рабовладельцев. «Трудно предположить, чтобы сами рабовладельцы, без какой-либо важной, личной необходимости, лишали себя добровольно своих доходов»⁵.

Однако и в Афинах положение рабов было чрезвычайно тяжелым. Еще суровее оно было в Спарте, ибо нигде безжалостные меры против рабов «не дошли до тех ужасов, какими сопровождались у спартанцев, где переродились в явные, утверждаемые правительственными лицами кровопролития, исполняемые с единственной целью поддержать незыблемым господство гражданского сословия»⁶.

Бесчеловечные жестокости к рабам, пишет Куторга, выражали страх рабовладельцев перед рабами, в котором находились «эллинские владельцы рабов при виде постоянно грозившей им опасности...»⁷.

Борьбу рабов против угнетателей Куторга безоговорочно оправдывает, ибо стремление рабов «к облегчению своей участи было естественным и законным: оно вытекало из врожденного человеку чувства свободы...»⁸ и вызывалось гнетом самих же

¹ См. Собрание сочинений М. С. Куторги, т. I, стр. 465.

² См. там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 181.

⁴ См. там же, стр. 178.

⁵ Там же, стр. 474.

⁶ Там же, стр. 266.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 269.

рабовладельцев, главной целью которых было «незыблемое сохранение своих верховных прав»¹.

Куторга тщательно отыскивал в греческих источниках факты борьбы рабов за свою свободу. Из показания Афиняе он заключал о крупном восстании рабов в Греции, когда «многие мириады аттических рабов... завладели Сунийским акрополем и долгое время опустошали Аттику. Это происходило в эпоху второго восстания рабов в Сицилии»². Более частыми возмущения рабов были во время войн, являвшихся «всегда для рабов желанным событием, ибо, мнимые обещаниями, они без труда могли перебежать к неприятелю». Так, «восстание фессалийских работ вспыхнуло во время войны фессалийцев с ... ахейцами, перрэвами и магнитами»³. Учитывая поведение рабов во время войны, афиняне «издали закон, которым воспрещалось господам бить своих рабов в продолжении военных действий»⁴. Рабовладельцы иногда были вынуждены во время войны даже давать свободу целым группам рабов, делая это под влиянием крайней необходимости.

Такова в основных чертах концепция истории древней Греции, созданная Куторгой. Ее характерными чертами были идея классовой борьбы, идея демократии, внимание к положению трудящихся. Принцип классовой борьбы Куторга распространял на всю мировую историю; тот «эгоизм», который он находил в отношениях между рабами и рабовладельцами, он видел в отношениях между враждебными классами во всех странах и во все времена, ибо, писал Куторга, «история неумолима: она убеждает, что эгоизм существует и при высокой образованности; что он чужд человеколюбию, и что даже христианство не устраняет деяний, превосходящих если возможно само порабощение илотов. Наше время богато событиями и примерами, которым могли бы позавидовать и спартанские ефоры, посылавшие молодых людей в тайницкую засаду»⁵.

В последний период своей жизни Куторга проделал заметную эволюцию вправо, что стояло в тесной связи с поправлением русского либерализма, особенно в условиях реакции 80-х годов. В свою историческую концепцию он внес ряд существенных поправок, идущих в сторону отказа от идей клас-

¹ Собрание сочинений М. С. Куторги, т. I, стр. 270.

² Там же, стр. 161—162. Приведенные слова являются сокращенной цитатой из Афиняе.

³ Там же, стр. 269.

⁴ Там же, стр. 468.

⁵ Там же, стр. 276. Под тайницкой засадой разумеются спартанские криптии.

совой борьбы. Свидетельством этого является его большая монография последних лет — «Афинская политика. Ее состав, свойство и всемирно-историческое значение» (1885—1886 гг.)¹. Переход Куторги от признания классовой борьбы к проповеди классового мира не является чем-то новым и неожиданным. Для него с самого начала демократия и «законность» сочетались в едином понятии. Выступая против феодализма, Куторга всегда был решительным противником его революционных изменений. Эта либеральная основа его взглядов сказывалась уже в ранних произведениях Куторги. В своей докторской диссертации «Колена и сословия аттические» (1838 г.) он писал: «Самая трудная и едва ли разрешимая для человека задача состоит в том, чтобы уклониться, как от непрерывных перемен и нововведений, так и от совершенного противоборствия всякому усовершенствованию и успеху, что оканчивается обыкновенно внутреннею смертью»². Высказывания подобного рода встречаются и в других произведениях раннего периода. Куторгу прежде всего интересовала тогда борьба противоположностей, «эгоизм» борющихся классов и те общественные перемены, которые происходили в результате классовых столкновений и которые привели к образованию афинской демократии. Теперь же либеральная тенденция, боязнь перемен выступили на первый план, привели к пересмотру всей концепции Куторги, построенной на буржуазной теории классовой борьбы.

Эта теория основывалась, как известно, на двух главных идеях — на идее завоевания и идее борьбы сословий. Идея завоевания нашла у Куторги свое полное применение к древнейшей истории Греции. Что же касается борьбы сословий, то Куторга здесь пошел значительно дальше французских авторов этой теории. Если у тех речь шла почти исключительно о борьбе между имущими классами — буржуазией и дворянством, то Куторга говорил не только о борьбе между демократическими и аристократическими лагерями рабовладельцев, но и пристально интересовался положением рабов и их борьбой с рабовладельцами; другими словами, у Куторги теория борьбы классов охватывает более широкую область социальных отношений, чем у историков Франции.

Пересмотр Куторгой созданной им исторической концепции коснулся ее обоих исходных моментов. В противоположность своим прежним работам Куторга в работе об Афинской политике отказался от теории завоевания. Если раньше он полагал, что ионяне и доряне являлись завоевателями греческой территории и это завоевание было исходным моментом в борьбе

¹ См. Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 195—438.

² М. С. Куторга. Колена и сословия аттические, стр. 30.

двух «сословий» — завоевателей и завоеванных, то теперь он утверждает, что древние греки были исконным населением своей территории, «прямыми потомками первобытных жителей страны» и что греческий язык «не насильственно водворился посредством завоеваний пришельцами и не возник из смешения разноплеменных говоров; он выработался из языка древнейших жителей Греции, и с к о н н ы х з е м ц е в автохфонов, и в нем почерпал свою силу и свою народность, что и составляет его отличительный признак»¹. Куторга решительно отвергает возможность завоевания одного народа другим в древнейший период Греции, ибо, по его словам, древние историки совершенно «не упоминают о переселениях целыми народами», что речь может идти лишь о набегах отдельных дружин, которые не имели каких-либо существенных последствий для местного населения.

Теория завоевания Куторги в ее первоначальной интерпретации, как исходного момента в образовании первых сословий в Греции, не соответствует исторической действительности. Однако при всей антиисторичности эта теория подчиняла исторический процесс идее борьбы противоположностей. Отказ от теории завоевания у Куторги был связан с отказом от идеи борьбы противоположных сил в истории.

Проявлением этой же тенденции был новый подход Куторги к оценке афинской демократии. В прежних работах Куторга рассматривал афинскую рабовладельческую демократию как результат победы народа над аристократией. Теперь же он дает иную трактовку истории установления демократии. Демократия, свергнув державшуюся насильственными мерами аристократию, в свою очередь явилась строем весьма несовершенным; «в ней хранился зародыш будущих смут и волнений, ибо, преобладая над... своими прежними властителями, она пробуждала в них всегдашнюю готовность возратить утраченное и лишит в свою очередь димократов приобретенного ими господства»². То обстоятельство, что афинская демократия была «видом воинствующей республики», делало ее в глазах Куторги «диктаторским режимом» по отношению к аристократии и новым источником гражданской войны.

Куторга старается теперь отыскать новый строй, в котором не было бы, по его мнению, преобладания одной части общества над другой, ибо, подчеркивает он, «преобладанию или господству, поддерживаемому только многочисленностью, не суждена долговечность: в нем таится зародыш собственного падения»³. Куторга находит удовлетворяющие его по-

¹ Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 429.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 299—300.

литические порядки в «политии» Перикла. Куторга рассматривает афинскую демократию при Перикле не как продолжение и развитие предшествующих порядков Афинской республики, а как совершенно новый строй, якобы пришедший на смену демократии и поэтому обозначаемый новым термином «полития». Аристократия, демократия и полития — таковы, по мысли Куторги, ступени древнегреческой истории эпохи ее восхождения и расцвета. Преимущества политии по сравнению с демократией, как полагает Куторга, состоят прежде всего в том, что, в противоположность демократии, она устанавливается без революции. «Демократия учредилась вследствие внутренних раздоров, сопровождающихся часто кровопролитными междоусобиями, и представляла собою политический переворот... полития, напротив, была преобразованием, не переворотом» и выработывалась постепенно «рядом законов, свободно обсуждавшихся в вече граждан афинян, и принятых большинством оного»¹.

Но помимо способа установления, полития отличается от демократии и по своему существу. Задача, которая, по словам Куторги, стояла тогда перед Афинами, заключалась в том, чтобы «признать всех как прежних аристократов, так и прежних димократов равными гражданами республики, соединить всех в единую нераздельную гражданскую общину..., распространив на всех граждан равноправность... предоставлять первенство, не рождению и не богатству, а уму и даровитости»². Что на деле означало это «преобладание по уму и даровитости», показывают слова Куторги, когда он оценивает деятельность Перикла, своего героя, установившего политию. Перикл, пишет Куторга, лишил аристократов всех сословных преимуществ, но «не только не коснулся их имуществ, а еще более оградил оные», «возвысил и политически образовал дим», но уничтожил в корне анархические стремления, «присущие демократической толпе, преобладающей численностью и руководимой димагогами»³. Во всем этом нетрудно видеть идеал либерала, мечтающего о таком общественном строе, где сочетается формальное равенство перед законом, неприкосновенность частной собственности и борьба с революцией.

Считавший раньше, что именно непрерывная борьба противоположных сил создала греческую демократию и всю греческую культуру, Куторга теперь исходит из противоположного тезиса. «Успех... общества и с ним процветание государ-

¹ Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 290.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 343.

ства зависят от внутреннего спокойствия и от единодушного стремления всех граждан содействовать общему благосостоянию»¹. Видевший ранее в борьбе всемогущую внутреннюю причину развития Греции, Куторга теперь склонен искать эту причину во-вне. В 70-е годы он пишет специальную монографию «Влияние Востока на развитие эллинской образованности»², где он приходит к выводу, что весь общественный строй и вся древнегреческая культура складывались под сильнейшим влиянием Востока. Даже наивысшее, с его точки зрения, достижение греков — «полития», оказывается заимствованной у финикийцев; «...истинное величие финикийян состоит в учреждении ими гражданской общины..., которую они изобрели первые и которая, быв перенесена ими в Грецию, послужила корнем... республиканскому правлению, известному у эллинов под именем политии... Эта заслуга принадлежит финикийцам нераздельно ни с кем, и дает им право на всемирно-историческое значение»³.

В русской историографии всеобщей истории М. С. Куторга занимает важное место. Куторга полагал, что именно на его долю выпало увенчать изучение истории древних греков открытием главного их деяния — афинской политии. Однако он заблуждался. Трактовка афинской политии не принадлежала к числу лучших страниц его творчества. Горячее сочувствие к положению рабов античного мира, стремление изучить исторический процесс в древности, как борьбу противодействующих сил, — таковы некоторые из важнейших моментов, характеризующих его творческую деятельность. Куторга положил начало самостоятельному изучению античной Греции русскими историками, проделав эту работу с позиций передовой буржуазной науки того времени и пережив затем значительную эволюцию своих исторических взглядов, обусловленную политической эволюцией всего русского либерализма.

V

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Истоки русского византиноведения восходят ко временам Киевской Руси. Связи, существовавшие тогда с Византией, и особенно борьба со стремлением последней подчинить себе Русь, обусловили интерес наших предков не только к различным сторонам современной им жизни Византии, но и к ее прошлому, к ее исторической роли. Уже в X—XI вв., намного

¹ Собрание сочинений М. С. Куторги, т. II, стр. 204.

² Там же, стр. 439—613.

³ Там же, стр. 469.

раньше, чем в Западной Европе, на Руси появились переводы византийских хроник, в том числе Иоанна Малалы, Георгия Синкелла и Георгия Амартола. Активно выступая против притязаний Византии, древнерусская историческая литература широко, но вполне самостоятельно использовала фактическую сторону этих хроник, давая свою концепцию всемирно-исторического процесса и места в нем Византийской империи.

Идеи второго Рима, «богоизбранности», провиденциальной исключительности Византии, типичной для византийской публицистики и историографии, деятели Киевской Руси противопоставили более прогрессивную идею равенства, равноправия всех «христианских» народов. Именно с этой точки зрения и расценивалась история Византии в таких выдающихся произведениях древнерусской письменности, как «Слово о законе и благодати» Илариона и «Повесть временных лет»¹.

Интерес к истории Византийского государства и древностям его столицы Константинополя проявляется и в «хождениях» русских путешественников в Царьград. Из них особенно большой интерес представляют: хождение новгородского архиепископа Антония около 1200 г., незадолго до разорения столицы Византийской империи крестоносцами; хождение Стефана Новгородца в XIV в.; описание Константинополя начала XIV в.².

Еще более пристально рассматривалась история Византии в литературе периода оформления и укрепления русского централизованного государства — в летописных сводах XV—XVI вв., в хронографах, в полемических произведениях против Флорентийской унии³.

В памятниках русской публицистики середины XVI в. и прежде всего в сочинениях И. С. Пересветова обнаруживается стремление выяснить вопрос о внутренних причинах гибели Византии.

Древняя Русь оставила нам целый ряд повествовательных памятников, которые и до настоящего времени являются первоклассными источниками для научной разработки византийской истории. Таковы, например, некоторые из «хождений», т. е. описаний путешествий русских людей в Константинополь,

¹ См. выше главу II.

² См. «Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия» с предисловием П. Саввантова, СПб., 1872. М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. «Памятники древнерусской литературы», вып. 4, Л., 1934.

³ Изданы А. Поповым в «Историко-литературном обзоре древнерусских полемических сочинений против латинян», М., 1875.

а иногда через него и в Палестину. Такова повесть Нестора Искандера о Царьграде¹.

В XVIII в. появляются уже специальные издания византийских источников. В 1771—1779 гг. был напечатан обширный труд Стриттера, содержащий извлечения из сочинений византийских писателей о странах и народах, живших к северу от Черного моря и на Кавказе. Эта работа в сокращении была переведена на русский язык².

Некоторые интересные материалы были опубликованы в изданиях Н. И. Новикова. Но если не считать нескольких тенденциозно-агитационных брошюр, изданных в связи с так называемым греческим проектом Екатерины II³, или несколько позже в связи с политикой «Священного Союза»⁴, византийские источники использовались в этот период почти исключительно в плане изучения русско-византийских отношений.

Однако уже во второй четверти XIX в. под влиянием усиления национально-освободительного движения балканских народов (греков, болгар и др.) и обострения так называемого восточного вопроса, в России, как и в других странах, явно намечается расширение интереса к прошлому Балканского полуострова вообще и к Византии в частности. В 30—40-х годах начинают появляться как общие обзоры византийской истории, рассчитанные на широкие круги читателей⁵, так и специальные исследования, посвященные ее отдельным периодам или вопросам (работы С. Дестуниса, Медовикова и др.)⁶.

В дальнейшем развитии византиноведения в России решающую роль сыграло то общественное движение конца 40—50-х годов, которое было связано с резким обострением

¹ См. «Сказание о Царьграде по древним рукописям», изд. В. Яковлев, СПб., 1868; П. Д. Погodin. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году. ЖМНП, СПб., 1889, август, стр. 205—258.

² См. И. Стриттер. Известия византийских историков, объясняющих российскую историю древних времен, и преселение народов, ч. 1—4, СПб., 1770—1776.

³ См., например, «История. О разорении последнем святого града Иерусалима, от римского цесаря Тита сына Веспасианова. Вторая о взятии славного столичного града греческого Константинополя [иже и Царь Град] от турецкого султана Махомета второго», СПб., 1723.

⁴ См., например, П. Наумов. Рассуждение, каким образом Константинопольская империя, при всей слабости своей и несмотря на великие нападения разных народов, смогла держаться более тысячи лет, между тем как Римская разрушена варварами менее, нежели во сто лет, М., 1818.

⁵ См. И. Д. Ертов. История Восточно-Римской или Константинопольской империи, выбранная из всеобщей истории, ч. 1—3, СПб., 1837.

⁶ См. С. Дестунис. Нечто о византийских историках, ЖМНП. СПб., 1841, октябрь, стр. 69—90; П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще, М., 1849.

кризиса крепостничества и нарастанием в России революционной ситуации. На примеры из истории Византии, крайне тенденциозно подобранные, постоянно ссылались славянофилы, защищая свою реакционно-помещичью программу. К изучению Византии призывали и их противники, надеясь таким образом разоблачить исторические фальсификации славянофилов.

Выдающуюся роль славян в истории Византии первым в русской литературе отметил Т. Н. Грановский¹.

Несомненно, что известную роль в оживлении византиноведческих занятий сыграли Крымская война и ее последствия. В связи со всем этим в середине XIX в. количество византиноведческих изданий еще более возрастает (работы Гагарина, Григоровича, Стасюлевича, Муральта, Порфирия Успенского, А. Энгельмана² и др., переводы византийских историков и других материалов³), еще более расширяется их тематика. Именно с этого времени византиноведение становится особым разделом русской дворянско-буржуазной историографии.

Общие итоги развития русского византиноведения в середине XIX в. были уже значительными. Труды русских историков приведены были в известность многие произведения, относящиеся к истории Византии. Дальнейшее свое развитие русское византиноведение получает во второй половине того же столетия.

VI

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

История славянских, в первую очередь южнославянских, стран всегда интересовала русских авторов. Этот интерес нашел свое отражение уже в летописях и хронографах XVI—XVII вв. Однако славяноведение, как особая отрасль знаний, получило в России свое развитие в первой половине XIX в., что было связано с большими сдвигами в общественном развитии славянских стран в это время. Развитие капиталистических отношений в славянских странах и рост национального движения привлекали к себе внимание представителей русской передовой общественности, дипломатических деятелей, ученых и публицистов, которые проявляли стремление к озна-

¹ См. выше, стр. 423—450.

² См. А. Энгельман. Об ученой обработке греко-римского права, с обозрением новейшей его литературы, СПб., 1857.

³ См. «Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии», т. 1—10, СПб., 1858—1863.

комлению со славянством, его историей и современным положением, языком и литературой.

В 1811 г. в Московском университете была основана «кафедра славянской словесности». В том же году Н. П. Румянцев получил разрешение публиковать «Собрание государственных грамот и договоров». В подготовке этой работы принимали участие ученые, занимавшиеся не только русской историей, но и историей славян, в том числе Калайдович, который обнаружил в Синодальной библиотеке сочинения Иоанна Экзарха, болгарского писателя X в. Это открытие впервые познакомило с болгарской литературой X в.

Большое внимание к славянам, их современному положению и прошлому, проявляла русская журналистика начала XIX в. Так, «Вестник Европы» на протяжении первого и второго десятилетий XIX в. опубликовал ряд статей, посвященных славянской тематике. Позже статьи на славяноведческие темы появлялись в «Московском вестнике», издаваемом Погодиным и другими. Интерес к положению славянства подчеркивался и поездками русских путешественников (Н. Тургенева, Кайсарова, Новосильцева и др.) в славянские страны. Появление путевых записок Д. Н. Бантыша-Каменского¹ и В. Броневского² было выражением таких интересов. Интерес к славянским странам широко распространился в передовых дворянских кругах — в среде декабристов. Выразителями этих интересов были Кюхельбекер, Одоевский, деятели общества «Соединенных славян».

Все это создавало предпосылки для возникновения славяноведения как отрасли русской исторической науки. Первоначально развитие славяноведения шло в направлении изучения славянских языков и памятников средневековой славянской литературы (А. Х. Востоков, М. Т. Каченовский и др.). Только в конце 20-х годов появилась первая оригинальная работа по истории славян. Это была книга Ю. Венелина «Древние и нынешние болгары в... их отношении к россиянам»³. Уроженец Западной Украины, первоначально учившийся во Львовском университете, Венелин (1802—1839 гг.) переехал из Австрии в Россию в 1823 г., жил в Кишиневе, где познакомился с жизнью и бытом болгарских колонистов Бессарабии, интересовался прошлым болгарского народа и посвятил себя его изучению. В 1830 г. он на средства Академии наук совершил

¹ См. Д. Н. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, М., 1810.

² См. В. Броневский. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году, ч. I—II, М., 1828; его же. Записки морского офицера, ч. 1—3, СПб., 1818—1819.

³ См. Ю. Венелин. Древние и нынешние болгары в... их отношении к россиянам, М., 1829.

экспедицию в Болгарию, однако вглубь страны проникнуть не смог. Все же и эта поездка позволила ему собрать материал по этнографии, фольклору, языку и литературе. Как и все слависты этой поры, Венелин интересовался и филологией и историей.

Решая вопрос о происхождении болгарского народа, Венелин возражал против мнения немецких ученых, которые признавали древних болгар народом тюркского происхождения. Отмечая примитивизм и тенденциозность их построений, Венелин писал об именах болгарских ханов: «То-то и беда, что сии имена вождей прозвенели Енгелю по татарски; то-то и беда, что участь древних болгар зависит от состояния слуха сочинителя!»¹. Но сам Венелин не был в состоянии подняться выше уровня оспаривавшейся им аргументации. При помощи произвольных сопоставлений и расчленений слов, он старался доказать славянское происхождение имен первых болгарских ханов. Так, имя Аспарух он сопоставлял со словами: кожух, конюх, сплюх (укр.) и др. Сходство окончаний он расценивал, как доказательство славянского происхождения этого имени.

Венелин пытался для доказательства своего тезиса опереться на не использованные его предшественниками исторические источники, в частности, на записки Приска о поездке в лагерь Аттилы. Отрицая тюркское происхождение гуннов, он признавал их славянами; славянами он считал и скифов, и авар, и хазар. Язык древних болгар Венелин считал наречием русского языка.

Взгляды Венелина сыграли немалую роль в истории развития болгарского национального самосознания. Но в истории науки они не имели большого значения. Натянутые суждения о близости или тождестве разных неславянских народов со славянами вызывали отрицательное отношение в передовых научных и общественных кругах. Его хорошо высказал Белинский, иронически замечавший: «Ведь ученый и трудолюбивый Венелин находит же Аттилу славянином, а в Меролинггах франкских видел славянских «мировых» или «мировых» — не помним, право...»².

Новый университетский устав 1835 г., отражая политические интересы царского правительства, учреждал в четырех университетах (Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском) кафедры славяноведения. Кафедры рассматривались как центры изучения славянских языков, литературы, истории. Никакого деления этих специальностей между разными лицами не предусматривалось. Поэтому, на первых

¹ Ю. Венелин. Древние и нынешние болгары..., стр. 30.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 425.

порах, в силу еще слабой разработанности славянской истории и преимущественных филологических интересов первых славистов, университетские кафедры главным образом занимались вопросами славянской филологии.

Московский университет выделил на славянскую кафедру окончившего словесное отделение филологического факультета О. М. Бодянского (1808—1876 гг.), который защитил в 1837 г. магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен», после чего был командирован за границу. Преподавание Бодянский начал с 1842 г. и продолжал с небольшим перерывом до 1868 г.

Бодянский занимался преимущественно филологией. Его исторические работы немногочисленны, сводятся к переводам некоторых хорватских источников. Бодянский подготовил ряд историков: Е. П. Новикова, А. А. Котляревского, А. А. Кочубинского, А. А. Майкова и др.¹, которые не создали единой школы. По своим взглядам Бодянский примыкал к реакционному буржуазно-дворянскому лагерю. В своей диссертации Бодянский идеализировал славянский мир, характеризуя его как отличный от мира других европейских народов.

Кафедру славяноведения в Петербургском университете занимал П. И. Прейс (1810—1846 гг.), сын обрусевшего чеха. После заграничного путешествия, совершенного им в 1839—1841 гг., Прейс приступил к работе, читал курсы сравнительной грамматики славянских языков, истории славянских народов, преподавал славянские языки и литературу. Он готовил большую работу о богомилстве, но не довел ее до конца. Короткий период ученой деятельности Прейса был плодотворным. Сам Прейс был знатоком в области сравнительного языкознания. Он был чужд распространенным в кругах славяноведов славянофильским идеям, по своим общественно-политическим воззрениям являясь буржуазным либералом. Научная работа Прейса получила положительную оценку Н. Г. Чернышевского, который считал ее «прекрасной и плодотворной», а у самого Прейса отмечал ученость, глубокомыслие и страстную любовь к науке².

Харьковский университет выдвинул кандидатом на славянскую кафедру Измаила Измаиловича Срезневского (1812—1880 гг.), учившегося на юридическом факультете, занимавшегося вопросами экономики и этнографии. После заграничной поездки, в 1842 г. Срезневский начал преподавание в университете. В 1846 г. он защитил докторскую диссертацию: «Святилища и обряды языческого богослужения древних

¹ См. А. Кочубинский. Осип Максимович Бодянский. «Славянское обозрение», 1892, т. III, кн. 11 и 12.

² Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, стр. 574.

славян по свидетельствам современным и преданиям». Но в Харькове он работал лишь до 1846 г., когда в связи со смертью Прейса был переведен в Петербургский университет. Срезневский сосредоточил свои занятия на изучении и издании памятников древней славянской письменности, занимаясь, кроме того, некоторыми вопросами истории литературы.

Казанский университет пригласил на славянскую кафедру В. И. Григоровича (1815—1876 гг.), окончившего Юрьевский (Тартуский) университет. В 1865 г. он перешел во вновь открытый Новороссийский университет в Одессе, где преподавал до 1876 г. Григорович являлся крупным ученым, занимавшимся и вопросами филологии и вопросами истории. Он прекрасно знал византийские источники по истории южных славян, интересовался гуситским движением и идеологией¹. Правда, крупных работ В. И. Григорович не создал, но написал ряд небольших исследований. Некоторые из них свидетельствуют об огромной эрудиции автора, прекрасном знании им материала, умении привлекать новые источники для решения вопроса. В этом отношении показательна речь Григоровича, произнесенная в торжественном собрании Казанского университета — «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях»². Речь, занимавшая всего 36 страниц печатного текста и дополненная справочным аппаратом и приложениями, содержащими публикацию документов на 90 страницах, для того времени представляла несомненный интерес, хотя и была окрашена славянофильскими тонами.

Поездка Григоровича в страны Балканского полуострова представляет важную страницу в истории русского славяноведения. Григорович посетил такие пункты, которые позволили ему познакомиться с еще мало изученными собраниями документов. Так, свыше трех месяцев он провел в афонских монастырях, изучая их библиотеки и хранилища, откуда вывез большое количество ценного материала. Он обследовал болгарские и македонские монастыри, где также обнаружил ряд новых и до того неизвестных документов.

Путешествие Григоровича было важно и в том отношении, что он был первым русским ученым, совершившим путешествие вглубь Европейской Турции, много ездил по Болгарии и Македонии, имел возможность наблюдать жизнь болгар того времени, о чем оставил в своем путевом дневнике ряд

¹ См. И. В. Ягич. История славянской филологии. «Энциклопедия славянской философии», вып. I, СПб., 1910, стр. 480.

² См. В. И. Григорович. О Сербии в ее отношениях к соседним державам преимущественно в XIV и XV столетиях. Казань, 1859.

существенных и ценных заметок. Дневник Григоровича представляет важный источник для изучения Болгарии в первой половине XIX в.¹

В результате работы кафедр славяноведения были созданы новые кадры русских славистов. Русская славяноведческая школа возникла в своеобразных исторических условиях. Университеты николаевской России обслуживали интересы господствующего класса — дворянства, наука находилась под контролем правительства. В этих условиях изучение славянства стало делом преимущественно тех, кто стоял на позициях славянофильства или теории официальной народности. Подавляющее большинство русских славяноведов первой половины XIX в. принадлежало к этим направлениям. Это вело не только к определенной идеологической окраске научных работ, в которых часто звучат идеи панславизма, проводится противопоставление славянского мира миру западному, защита политики царского правительства, но вызывало и определенное направление в работе исследователей. Для славянофилов принадлежность к славянству сочеталась с принадлежностью к православию. «Без объединения духовного не совершится объединение славянского мира», — писал И. С. Аксаков, теоретик славянофильства 60—70-х годов XIX в. Славяне, говорил он, «должны отречься от Рима и всех его дел». Поэтому настоящими славянами славянофилы считали только православных славян и ими преимущественно интересовались. Вот почему в центре внимания русских славяноведов первой половины XIX в. находились южные славяне, вот почему историки реакционного лагеря почти не занимались историей Польши, историей Хорватии, вовсе не занимались историей Словении. Что же касается истории чешского народа, то она привлекала к себе больше внимания, хотя чехи и не были православными. В раннюю пору чешской истории в чешских землях вели проповедь христианства на славянском языке Кирилл и Мефодий. Хотя результаты их трудов были уничтожены немецким католическим духовенством, позже в Чехии возникло движение протеста против католицизма, движение, во главе которого стоял Ян Гус. Из вопросов истории Чехии гусизм привлекал всего больше внимание русских ученых во второй половине XIX в.

Чешская буржуазия, которая вела национальную борьбу против Австро-Венгерской империи, искала поддержку во-вне и стремилась к сближению с Россией, прежде всего с теми русскими кругами, которые питали интерес к славянским про-

¹ См. «Донесение В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям». Казань, 1915.

блемам. На эти круги смотрели как на посредников в возможных связях с русским правительством. Эти взаимные интересы и связи способствовали поддержанию научных интересов в области чешской истории.

Взглядам историков-славянофилов на процесс исторического развития славян противостояли воззрения революционных демократов. Но мнения последних не были восприняты официальной наукой, они находили себе место лишь в журнальных рецензиях и публицистических статьях. Там были сформулированы положения огромного принципиального значения. Так, В. Г. Белинский возражал против положения славянофилов, утверждавших, что общинный строй был свойственен только славянским племенам. Он решительно утверждал, что общинный строй был у всех народов на определенной стадии их исторического развития. Вопросу об общественном строе славян он придавал большое значение, видя в правильном его решении опровержение славянофильского тезиса о «любовности, как общественной стихии, отличающей славянские племена от всех других»¹.

Большое внимание вопросу о путях развития славян уделял А. И. Герцен. Уже в 1844 г. он критиковал А. Мицкевича за религиозно-мистические элементы его проповеди. Он разделял мысли Мицкевича о союзе всех славянских народов, но признавал тяготение польского поэта к бонапартистской Франции серьезной ошибкой и звал к братскому союзу будущей демократической России с другими славянскими народами. Считая славян «грядущей частью человечества, вступающей в историю»², он предостерегал славян от союза с царской Россией и ее «квартильными пропагандистами». Герцен признавал первоочередным делом государственное воссоздание Польши и верил в будущее польской демократии, что доказал своими связями с польскими революционерами и защитой польского восстания 1863 г., которой он «спас честь русской демократии»³.

Русское славяноведение середины XIX в. достигло значительного развития. Особенно крупные успехи оно имело в области выявления памятников старославянской письменности, преимущественно болгарской и сербской. В деле опубликования и изучения этих памятников русское славяноведение первой половины XIX в. заняло почетное место в мировой науке.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XI, стр. 44.

² А. И. Герцен. Соч., т. X, стр. 8.

³ В. И. Ленин. Соч. т. 18, стр. 13.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

Первые сведения в русских письменных памятниках о странах и народах Востока относятся ко времени Киевской Руси. Военные столкновения, торговля, дипломатические связи, путешествия или «хождения» отдельных лиц в Византию и Палестину содействовали расширению географических познаний и ознакомлению русских людей с жизнью, бытом, историей, языками и культурой Востока. Уже в первых вариантах «Толковой Палеи», появление которой может быть отнесено к XI в., встречается рассказ об «истинных верах», в котором говорится о «вере Бохмича» (Мухаммеда), т. е. об исламе. Ценное описание Палестины в конце XI—XII вв. находим в хождении Даниила Паломника, носящем название «Сказание о пути от Царяграда ко Еросалиму», и т. д.

Хотя сведения о Востоке в памятниках XI—XII вв. носили случайный, эпизодический характер, они все же показывали достаточно хорошее знакомство Руси с соседними странами Востока. Борьба русского народа против монгольского ига, против нашествий кочевников обуславливала повышенный интерес русских людей к Востоку. Этот интерес возрос в связи с появлением на Востоке могущественных империй Тимура в Средней Азии, Сефевидов в Иране, Империи Великих Моголов в Индии, Османского государства в Передней Азии. Турецкие завоевания на Балканах, взятие Константинополя турками, подчинение Крымского ханства поставили перед русским государством необходимость оборонять свои владения от турецкого наступления, повысили интерес к странам Ближнего Востока.

В XIV—XV вв. любопытные сведения о Востоке дают так называемые хождения, в которых описываются путешествия русских людей в зарубежные страны. К ним относятся: «Странник» Стефана Новгородца (1348—1349 гг.), побывавшего в Константинополе¹; описание путешествия от Москвы до Иерусалима митрополита Пимена и дьякона Игнатия Смольнянина (конец XIV в.)². «Хождение инокa Зосимы 1419—1422 гг.» в Иерусалим³.

В XV в. возникла историческая повесть Нестора Искан-

¹ «Хождение Стефана Новгородца» см. М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века. «Памятники древнерусской литературы», вып. 4, Л., 1934, стр. 50—59.

² См. ПСРЛ, т. XI, стр. 95—108.

³ См. «Хождение инокa Зосимы 1419—1422 гг.». «Православный Палестинский сборник», т. VIII, вып. III, СПб., 1889.

дера «О взятии Царьграда турками». Труд Нестора Искандера представляет собой единственный в своем роде исторический памятник, описывающий военные действия турецкой стороны, дающий представление о состоянии вооруженных сил турок, особенно их артиллерии, равно как и о штурме городских стен и последних часах защиты города. Повесть «О взятии Царьграда» принадлежит к уникальным памятникам мировой истории¹.

Среди путешествий русских людей на Восток особое значение имеет путешествие русского купца Афанасия Никитина в Индию. В 1466 г. Никитин вместе с посольством Василия Папина отправился в Иран, откуда самостоятельно добрался до Индии, где и пробыл четыре года. Главное внимание в своих записках («Хождение за три моря Афанасия Никитина») автор уделяет Южной Индии. Кратко и правдиво Никитин рассказывает о местных достопримечательностях, обычаях и нравах народов Востока, причем делает ценнейшие наблюдения по истории, экономике, политике и торговле Индии. Труд Афанасия Никитина об Индии XV в. следует рассматривать как ценнейший вклад русских людей в сокровищницу мировой литературы².

В XV—XVI вв. Русское государство вступило в непосредственные торговые и дипломатические отношения с Османской империей и некоторыми подвластными ей странами, а также с монархией Сефевидов в Иране и странами Средней Азии. В XVI—XVII вв. предпринимались неоднократные попытки установить дружественные отношения и торговлю с империей Великих Моголов и Индией.

Задачи, связанные с обороной государства, побуждали правительство России вести систематический сбор сведений об Османской империи и Крымском ханстве, используя для этой цели официальных представителей — послов, а также купцов и различных информаторов.

К летописям и «хождениям» теперь прибавляются новые источники, содержащие богатейшие сведения о Востоке. Сюда прежде всего надо отнести: «Посольские книги», «Статейные списки послов», «отписки» и прочие материалы, доставляемые посольствами. В это время появляются оригинальные сочинения русских авторов, посвященные восточной тематике.

Так зарождается в России оригинальная литература о Востоке, отражающая преимущественно точку зрения господствующего класса и в то же время проникнутая идеями патрио-

¹ См. Н. А. Смирнов. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. «Византийский временник», т. VII, стр. 50—71.

² См. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, М.—Л., 1948,

тизма. Так как о многих памятниках русской письменности XVI—XVII вв. более подробно говорилось уже выше (см. главу II), мы здесь ограничиваемся только несколькими замечаниями справочного характера.

В русском Хронографе редакции 1512 г. мы находим любопытный материал о турках, их завоеваниях, религии, о борьбе против турок народов Балканского полуострова, характеристику отдельных турецких султанов и пр. Заключительная статья Хронографа первой редакции содержит рассказ о взятии Царьграда.

В сочинениях Ивана Пересветова имеются интересные данные и рассуждения о Турции, о мусульманской вере, написанные на основе личных наблюдений автора¹. В таком крупном произведении русской литературы XVI в., как «Казанский летописец», содержится большой фактический материал не только о покорении Казани, но и об истории Казанского ханства². Оригинальным сводным трудом о Востоке является путешествие Трифона Коробейникова, московского купца, «с товарищами» в Иерусалим, Египет и к Синайской горе, совершенное в 1583 г. Сейчас, впрочем, считается установленным, что «хождение» Трифона Коробейникова представляет переделку «хождения» В. Познякава 1558—1561 гг.³. В «хождении» Коробейникова описывается путь из Москвы через Константинополь в Иерусалим. С течением времени «хождение» Коробейникова превратилось как бы в сводку всего того, что дали русские паломники о Палестине.

В XVII в. появился ряд переводных и оригинальных сочинений по Востоку. В 1611 г. был переведен полемический трактат Абу-Курры, направленный против мусульманства, причем в русском переводе имя автора переделано на Федора Авукара. Во второй редакции Хронографа (1617 г.) приводился ряд новых, по сравнению с первой редакцией, глав, посвященных Востоку. В третьей редакции Хронографа (1620—1646 гг.) помещены два новых рассказа о турках. Еще более разнообразный характер приобретают «хождения» XVII в. Кроме описаний Константинополя, Афона и Палестины, как традиционных пунктов путешествий в предшествующие века, теперь можно встретить обстоятельные отчеты о путешествиях посольских людей и купцов в Персию, Бухару и Хиву. К числу наиболее интересных произведений следует отнести описание путешествия купца Федора

¹ См. В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI века. «Чтения ОИДР» 1908, кн. I.

² См. «Казанская история». М.—Л., 1954.

³ См. «Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока 1558—1561 гг.». «Православный Палестинский сборник», т. VI, вып. 3. СПб., 1887.

Афанасьева сына Котова в 1622—1624 гг. в Иран под названием: «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турескую землю и в Индию, и в Урмуз, где корабли приходят»¹. Очень внимательный и умный наблюдатель Ф. Котов дал краткое, но насыщенное фактами описание восточных стран и народов, их жизни, быта, торговли и пр. Из дипломатических документов большое значение имеют: «Статейные списки посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова» (1620—1622 гг.), Бориса и Семена Пазухиных в Бухару, Балх и Юргенч (1673 г.). В 1669 г. в Тобольске «изысканием» стольника и Сибирского воеводы Петра Ивановича Годунова написан труд под названием «Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи»². В этом оригинальном труде, наряду с обстоятельными сведениями о государственном устройстве Китая XVII в., торговле, религии и природных богатствах страны, даны, как бы в качестве приложения, очень краткие сведения об Индии, Тибете и распространенной там религии — ламаизме.

В 1692 г. появилось богатое по содержанию произведение стольника Андрея Лызлова под названием «Скифская история»³, неоднократно переписывавшаяся в течение XVIII в. В последней ее части дан перевод труда польского автора Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого», содержащий обстоятельное описание Константинополя XVII в.

Подводя итог работам русских авторов по Востоку в XVII в., следует отметить, что хотя научного изучения истории Востока в то время в России еще не было, но благодаря трудам отдельных авторов, стараниям русских дипломатов и купцов был уже собран ценнейший исторический и географический материал, которым широко пользовалось русское правительство и отдельные лица в своей деятельности на Востоке.

Развитие торговых и дипломатических отношений России со странами Востока в XVIII в., войны, которые вела Россия с Турцией и Ираном за выходы к морю, за расширение внешней торговли и стратегические пункты в бассейне Черного, Азовского и Каспийского морей, задачи освобождения от турецкого ига славян Балканского полуострова, — все это служило серьезной побудительной причиной для систематического изучения Востока.

С именем Петра I связано создание первого в России научного учреждения для изучения Востока — «Кабинета редкостей», который послужил основой для Азиатского музея Акаде-

¹ См. «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века», СПб., 1907.

² См. «Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи», Изд. С. О. Долгова, СПб., 1899.

³ См. «Скифская история». Изд. Н. Новиков, ч. I—III, М., 1787.

мии наук, открытого в 1818 г. В нем были собраны ценнейшие восточные рукописи, приобретенные во время персидского похода Петра I и собранные специальными экспедициями, направленными в различные пункты России для розыска памятников материальной культуры Востока, в том числе восточных монет.

В XVIII в. начинается систематическое обучение восточным языкам, для чего открываются не только специальные школы, но и вводится практика прикомандирования к посольствам, отправленным в Персию, Турцию, а позднее к духовной миссии в Китай, учеников для изучения восточных языков.

По приказу Петра I один из видных русских ученых Петр Постников, доктор Падуанского университета, перевел с французского на русский язык текст Корана, под названием «Алкоран о Магомете»¹. Молдавский господарь Дмитрий Кантемир, перешедший на сторону России и в ней обосновавшийся, написал по поручению Петра I труд под названием «Книга систима или состояние мухаммеданския религии»².

Постепенно центром изучения Востока становится Академия наук, причем основное внимание уделяется восточным языкам и отчасти нумизматике. В 1733 г. был выдвинут проект об учреждении «Академии или общества наук и языков восточных». Эта «Восточная академия» должна была готовить ученых-ориенталистов в области филологии, истории, археологии, нумизматики, библиографии и т. д. Лица, окончившие Академию, должны были отправляться в страны Востока и в Европу для приобретения восточных рукописей или их копирования. Этот проект, требовавший больших затрат, не был утвержден правительством, но и он убедительно доказывает, что вопросы научного изучения Востока приобрели в XVIII в. серьезное значение. Всестороннее ознакомление с восточными соседями, их языком, культурой, с их прошлым и настоящим — все это глубоко интересовало как правящие круги, так и круги ученых, стремившихся путем изучения восточных языков освоить восточные рукописи, содержавшие богатейший исторический материал.

Русские историки приступили к этой работе еще тогда, когда в Европе не были изданы важнейшие произведения восточных историков, когда главная задача русских исследователей состояла в том, чтобы отыскать наиболее важные исторические источники и их перевести. От востоковедов того времени требовалась подготовка в области истории и хорошее знание восточных языков. В 1765 г. была сделана попытка направить для изучения восточных языков русских молодых

¹ См. «Алкоран о Магомете», перевел П. Постников, М., 1716.

² См. Д. Кантемир. Книга система или состояние мухаммеданския религии, СПб., 1722.

людей в Англию, в Оксфордский университет, но опыт этот оказался неудачным, и обучение восточным языкам было организовано в самой России. М. В. Ломоносов в выработанном положении (регламенте) об Академии и университетах предусматривал создание восточных кафедр «ориентальных языков и древностей». Однако идея М. В. Ломоносова была осуществлена в стенах университета только на основе устава университетов 1804 г. Согласно этому уставу в существовавших тогда Московском, Казанском и Харьковском университетах были открыты кафедры восточных языков, где, помимо языков, изучались литература и история Востока.

Ученые и любители истории Востока были заняты в XVIII в. описанием новых владений России на Востоке, ознакомлением с бытом населения и главным образом, с мусульманской религией. В конце XVIII в. появилась работа П. Богдановича «Магомет с Алкораном»¹, а также содержательные статьи на ту же тему в журнале «Зеркало света» и других изданиях.

К числу наиболее интересных оригинальных трудов этого времени следует отнести книгу «Плен и страдание россиян у турок, или обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-Граде по объявлении войны и при войске...»². В книге описано пребывание в турецком плену русского посольства Обрескова во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Есть все основания предполагать, что автором книги является поверенный в делах П. Левашов.

К числу любопытных наблюдений анонимного русского автора над жизнью в Константинополе, над нравами и обычаями турок следует отнести книгу «Цареградские письма»³. Из путешествий русских людей конца XVIII в. особое значение имеет, благодаря знанию автором восточных языков, странствование по Востоку Филиппа Ефремова, взятого в плен яицкими казаками около Оренбургской линии во время восстания Пугачева и затем попавшего в Бухару. Автор пробыл в странах Востока с 1774 по 1782 г. Книга его настолько заинтересовала современников, что выдержала три издания⁴.

Большое историческое значение имеет сделанный в 1776 г. Михаилом Поповым перевод с французского текста описания путешествия Бея, состоявшего на русской службе. Путеше-

¹ См. П. Богданович. Магомет с Алкораном, СПб., 1774.

² См. П. Левашов. Плен и страдание россиян у турок, или обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-Граде по объявлении войны и при войске..., СПб., 1790.

³ См. «Письма цареградские о древних и нынешних турках, и состоянии их войск, о Цареграде и о всех окрестностях оного»..., СПб., 1789.

⁴ См. Ф. Ефремов. Десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение его оттуда через Англию в Россию, изд. 1-е, СПб., 1786; изд. 2^е, СПб., 1794; изд. 3-е, Казань, 1811.

ствия были им совершены в составе посольств, направленных Петром I в Персию в 1715 г., в Китай в 1718 г., в Дербент в 1722 г. и в Константинополь в 1737 и 1738 гг.¹

Прогрессивное направление в русском востоковедении усиливается особенно в связи с Отечественной войной 1812 г. Новые идеи захватили в это время передовое русское общество, университетскую молодежь, способствуя усилению патриотического подъема в России. Присоединение к России Грузии, Восточной Армении и Азербайджана дало толчок развитию кавказоведения. Все большее внимание в XIX в. приковывали к себе страны Средней Азии, экономически тяготевшие к России, к русскому народу.

Усиленный интерес к Востоку отразился прежде всего на университетском образовании. В четырех существовавших университетах функционировали кафедры арабского, персидского и турецкого языков. В Московском университете с 1811 г. кафедру арабско-персидского языка возглавил крупнейший русский востоковед проф. А. В. Болдырев (1780—1842 гг.). С 1822 г. во главе кафедры арабоведения Петербургского университета стоял двадцатидвухлетний профессор О. И. Сенковский (1800—1858 гг.), оказавший заметное влияние на дело изучения восточных языков и истории восточных народов. Ему принадлежит перевод ряда турецких и персидских исторических трудов на русский язык.

Особенно больших успехов в первой половине XIX в. добился Казанский университет, воспитавший целую плеяду выдающихся русских востоковедов, особенно монголоведов и китаеведов.

В первой половине XIX в. страны Востока становятся объектом серьезного изучения русских ученых. Изучение истории и культуры арабов, турок, персов, китайцев и монголов обогатило русскую историческую науку и позволило глубже и полнее понять отдельные стороны русской истории и истории многих народов России.

Гениальные русские писатели Пушкин, Лермонтов, Грибоедов с большой теплотой и любовью изучали быт народов Кавказа и сопредельных стран, создав выдающиеся произведения, посвященные Востоку.

В блестящих статьях, посвященных критическому разбору сочинений И. И. Голикова и В. Бергмана о Петре Первом, В. Г. Белинский показал отношение России до Петра I к Европе и Азии. Белинский подверг также всестороннему раз-

¹ См. «Путешествие Белевы через Россию, в разные Азиатские земли, в Испанию, Пекин, Дербент и Константинополь»; перев. с франц. М. Попов, ч. 1—3, СПб., 1776.

бору сочинение Фридриха Лоренца «Руководство к всеобщей истории», обратив особое внимание на неправильную постановку вопроса относительно Китая и Индии. Белинский выражает несогласие с мнением автора о том, что «эти две страны будто бы не могут и не должны иметь места в истории по причине их совершенно изолированного развития». Критикуя эту концепцию, Белинский пишет: «Только тот народ имеет право назваться «историческим», который выразил, своею жизнью, момент диалектически развивающейся идеи человечества, — и, с этой точки зрения, Китай и Индия — страны, в высшей степени исторические»¹. Большое научное значение для изучения Малой Азии имела содержательная работа М. Вронченко².

Наряду с этим появлялись и произведения таких авторов, писавших о Востоке, как А. Н. Муравьев³ или А. Норв⁴, которые тенденциозно изображали историю, быт, политическую и религиозную жизнь народов Востока.

Большое значение в развитии русского передового востоковедения имела деятельность крупного русского ученого И. Н. Березина (1818—1896 гг.)⁵. Березиным переведены труды крупнейших восточных авторов: «Собрание летописей» Рашид ад-дина (часть труда), Шейбани и Абулгази. Характерной чертой исторических трудов Березина является исследование истории монголов и относящихся к ним первоисточников, что должно было, по мысли автора, содействовать более глубокому изучению истории монгольского ита в России. Березин первым показал важнейшее значение ярлыков монгольских ханов для изучения истории Золотой Орды. Однако, разносторонне и широко образованный востоковед, Березин находился в плену буржуазного мировоззрения. В своих трудах он явно идеализировал прошлую историю Востока, исходя из предвзятого представления, что современные ему восточные народы якобы неспособны стать на путь прогресса.

¹ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, т. I, 1948, стр. 388.

² См. М. Вронченко. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, т. 1—2, СПб., 1839—1840.

³ См. А. Н. Муравьев. Письма о Востоке, М., 1850.

⁴ См. Норв. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. ч. I—II, СПб., 1840.

⁵ Главными трудами И. Н. Березина, написанными в эти годы, являются: «Путешествие по Дагестану и Закавказью», ч. 1—2, Казань, 1850, и «Путешествие по Северной Персии», Казань, 1852; «Мусульманская религия в отношении к образованности», «Отечественные записки», 1855, № 1, 2; «Внутреннее устройство Золотой Орды», ЖМНП, 1850, № 10; «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева», «Труды Восточного отделения имп. Археологического общества». VIII, СПб., 1864.

Березин не только сам неутомимо трудился над изучением истории Востока, но и умел организовать работу молодых исследователей.

Крупным ученым, оставившим большой след в русском востоковедении, был профессор Мирза Александр Казем-бек (1802—1870 гг.), начавший свою научно-педагогическую деятельность в Казанском университете (1826—1845 гг.) и продолжавший ее в Петербургском университете (1845—1870 гг.). Наряду с Болдыревым (Московский университет) и Сенковским (Петербургский университет), Казем-бек по праву может считаться ведущей фигурой и основателем школы русских востоковедов. Еще в 1846 г. он издал в Казани «Общую грамматику турецко-татарского языка», в которой большое внимание уделено азербайджанскому языку. Среди исторических работ Казем-бека видное место занимает труд под названием «Баб и бабиды; религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 годах». В этой книге, написанной на основе первоисточников и показаний очевидцев, равно как и участников движения бабидов, Казем-бек дал биографию Мухаммеда-Али (Баба), создателя религиозного движения, послужившего идеологической оболочкой для политических выступлений либеральных и прогрессивных кругов Персии, поднявшихся на борьбу против произвола шахской феодальной власти. Политическую сторону движения автор изложил гораздо полнее и лучше, чем религиозную. В последнем вопросе он обнаружил определенную методологическую беспомощность и идеалистический подход к изучению религиозных явлений. В еще большей степени этим пороком страдают труды Казем-бека, посвященные исламу и мюридизму на Кавказе¹.

Общие итоги русского исторического знания в области изучения истории Ближнего и Среднего Востока к середине XIX в. следует признать весьма значительными. Русское востоковедение дало ряд замечательных произведений уже в период средневековья. С XVIII в. изучение истории Ближнего и Среднего Востока в России становится задачей крупнейших научных учреждений страны — Академии наук и университета. Особенно большое значение имели труды русских востоковедов, посвященные истории Передней Азии, Средней Азии, Поволжья и Золотой Орды. В первой половине XIX в. русские востоковеды выявили, изучили и опирались в своей работе на крупнейшие собрания восточных рукописей, что позволило им достигнуть больших успехов в деле изучения истории не только соседних восточных народов, но и истории России.

¹ М. А. Казем-бек. Мюридизм и Шамиль. «Русское слово», СПб., 1859, № XII, стр. 182—242.

ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Накопление сведений и материалов о зарубежных странах Дальнего Востока и изучение этих стран (прежде всего Монголии, Китая и Японии) началось в России одновременно с присоединением Сибири. Русские, осваивая Сибирь, первыми из европейских народов стали соседями китайцев, монголов, а выйдя на побережье Тихого океана и начав плавание по Охотскому морю — и соседями японцев. Реальные экономические интересы толкали правительство, а также торговых и промышленных людей России, к изучению народного хозяйства, торговых связей этих стран и торговых путей к ним.

Уже с первых шагов проникновения русских в Сибирь русские обогатили европейскую науку многочисленными важными сведениями о народах и странах Дальнего Востока, о морях, островах и жителях островов Тихоокеанского бассейна. Сведения эти первоначально носили по преимуществу географический и этнографический характер, освещали политическое устройство, народное хозяйство, торговлю зарубежных стран. Исторические данные вкрапливались в эти материалы лишь в небольшом количестве. Однако при скудости сведений тогдашней науки о Дальнем Востоке русские материалы об этом районе являлись и сейчас являются ценнейшим историческим источником для изучения Дальнего Востока того времени¹.

В инструкциях, дававшихся русским дипломатам, направлявшимся в Китай, и в описаниях их путешествий ярко обнаруживается тот значительный интерес, который московское правительство, промышленные и торговые люди России проявляли к вопросам торговли с Китаем, пытаясь в Китае же получить сведения о торговле Японии. Так, в правительственной инструкции Байкову (1654 г.) прямо указывается на необходимость собирать сведения о торговле, о том, какие китайские товары покупать, какие русские посылать, узнавать о путях в Китай водных или сухопутных и т. д.².

¹ См. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, Киев, 1908, т. II, кн. II, стр. 1900—1904. Путешествие Петлина переведено на английский, французский, латинский, немецкий, голландский языки; маршрут Байкова напечатан у Витзена в искаженном виде, чем и пользовался Риттер в своем «Землеведении». Сочинения Спафария о Китае и путешествии Байкова переведены на греческий язык. В Парижской национальной библиотеке имеется один из списков сочинения Спафария о Китае; см. И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677), Киев, 1897.

² См. Н. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, Казань, 1882, стр. 9—12.

Однако даже первые русские посланники в Китай, Иван Петлин и Федор Байков, описание путешествий которых сохранилось¹, далеко не ограничивались сбором необходимых для русской торговли сведений, а представляли подробные данные этнографического, географического и иного порядка о монголах, китайцах, об их быте, о пройденных маршрутах, о Великой Китайской стене, о городах и особенно о столице Китая — Пекине. Большинство этих сведений, особенно приводившиеся в путевых записях Байкова, отличаются большой точностью. Они были широко использованы за границей, где сведения о северных районах Китая были особенно скудны. Миллер приводил выдержки из путешествия Байкова, взятые им из французских и голландских переводов².

Наиболее важные результаты для расширения сведений русских людей о странах Дальнего Востока (Китай, Япония и Корея) и крупным вкладом в русскую и мировую науку явилось «Описание первая части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями»³, составленное Н. Г. Спафарием во время его посольства в Китай 1675—1678 гг. Спафарий, располагая еще при выезде из Москвы всеми материалами предшествующих русских путешествий по Китаю, значительно пополнил свои сведения в Пекине, где он пробыл свыше трех месяцев, изучением западной литературы⁴. В результате такого всестороннего ознакомления с доступными европейцам материалами о Китае «Описание», составленное Спафарием, при скудности тогдашних сведений об этой стране, являлось весьма подробным и достоверным экономическо-географическим описанием Китая с краткой его историей. Вместе с тем большую ценность этому сочинению придавало и то, что последние его главы (57 и 58) были посвящены Корее и Японии, что свидетельствовало о большом интересе в России к этим странам, особенно к Японии⁵, но сведения об этих странах, в которых Спафарий

¹ См. «Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1620 году». «Сибирский вестник», ч. I, СПб., 1818, стр. 1—26; «Путешествие Федора Исаковича Байкова в Китай с 1654 по 1658 год». «Сибирский вестник», ч. II, СПб., 1820, стр. 113—136, 137—166.

² См. Д. М. Лебедев. География в России XVII века, М.—Л., 1949, стр. 121.

³ См. Н. Г. Спафарий. Описание первая части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями Казань, 1910.

⁴ См. А. Ю. Арсеньев. «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678)», «Вестник археологии и истории», вып. XVII, СПб., 1906, стр. 162—339.

⁵ В дополнении к наказу, данному Спафарию в Москве, сообщались краткие сведения о сопредельных с Китаем странах и поручалось проверить эти данные. См. «Наказы и маршруты, данные Спафарию пред отправле-

сам не был, уступают в достоверности его же сведениям о Китае.

Сведения, собранные русскими в XVII в. о приграничных с Россией государствах на Дальнем Востоке, нашли отражение в картографии того времени, в чертеже Сибири, составленном по распоряжению тобольского воеводы П. И. Годунова в 1667 г., и особенно в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (1697—1698 гг.), суммировавшей как европейские данные, так и данные Спафария, полученные им в Китае. На этом чертеже были обозначены не только Китай, но и Япония и Корея. Чертежи как Годунова, так и Ремезова были широко использованы и оказали большое влияние на развитие европейской картографии¹.

С первой четверти XVIII в. в России было положено начало государственной организации преподавания дальневосточных языков. Важно при этом отметить, что Петр I из всех восточных языков уделил особое внимание дальневосточным (китайскому, монгольскому, японскому), исходя главным образом из торговых интересов России. Однако казенная организация дела и другие трудности помешали полному успеху этих начинаний². Точно так же при жизни Петра I не удалось добиться осуществления задачи, которой он придавал большое значение,— завязать непосредственную торговлю между Россией и Японией. Наиболее крупные результаты в области изучения дальневосточных языков дало создание духовной миссии в Пекине, прибывшей в столицу Китая в 1716 г. Деятельность миссии и право изучения ее членами китайского языка были оформлены Кяхтинским договором 1727 г. За сто с лишним лет своего существования миссия дала большое количество переводчиков с китайского, монгольского, маньчжурского языков, крупнейших русских историков, лингвистов и других спе-

нием его в Китай». «Записки РГО по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882, стр. 153; указы эти цитируются также в кн.: Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946, стр. 156.

¹ См. Д. М. Лебедев. География в России XVII века, стр. 41; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII-й — первая половина XVIII в., М., 1950, стр. 74.

² Петр I поручил преподавание японского языка Денбею, первому из японцев, попавшему в Россию. (См. Н. Н. Оглоблин. Первый японец в России «Русская старина», СПб., 1891, октябрь, стр. 11—24). Сведения, данные Денбеем в Москве в Сибирском приказе, представляют до сегодняшнего дня большой интерес, как один из немногочисленных европейских источников по истории Японии на рубеже XVII—XVIII вв., рисующий оживленные торговые сношения между различными районами феодальной Японии.

циалистов по Китаю, Монголии, Маньчжурии, Тибету, Средней Азии.

В 1725 г. была создана школа монгольского языка в Иркутске, которая просуществовала, правда, недолго (до 1741 г.), однако в пограничном с Монголией районе с этого времени всегда были отдельные знатоки монгольского языка (Игумнов и др.), которые обучали молодежь. В 40—60-х годах XVIII в. китайский и маньчжурский языки стали преподаваться и при Академии наук, и при Коллегии иностранных дел. Шло также обучение японскому языку¹. Хотя преподавание было нерегулярным, тем не менее во второй половине XVIII в. уже были сделаны и частично опубликованы переводы с китайского, монгольского и маньчжурского языков нескольких исторических и историко-географических сочинений. Большое внимание уделял истории Китая, русско-китайским отношениям, морским путешествиям русских по Тихому океану Г. Ф. Миллер². Он понимал необходимость изучения источников на языках народов Востока и привлек для написания первой главы своей «Истории Сибири» (§ 29 и 30) русского синолог И. Россохина, составившего на основании лучших китайских и маньчжурских летописей китайскую историю³. Миллер, уже после смерти Россохина опубликовал некоторые из его переводов⁴.

В самом конце XVIII — начале XIX в., на основе архивных документов, было составлено Н. Н. Бантыш-Каменским исключительное ценное сочинение по истории русско-китайских дипломатических сношений, сохранившее свое значение и до нашего времени⁵. Оно было издано спустя много десятилетий Б. М. Флоринским. Это сочинение является подробным и добросовестным изложением почти всех актов по истории русско-китайских дипломатических и отчасти торговых сношений, начиная с посольства И. Петлина.

Значительное место Китаю уделено в капитальном многотомном труде М. Чулкова «Историческое описание российской коммерции» (1781—1788 гг.). Книга вторая третьего тома

¹ См. А. Сгибнев. Об обучении в России японскому языку. «Морской сборник», т. ХСІХ, № 12, СПб., стр. 55—61.

² См. «История о странах при реке Амуре лежащих, когда оныя состояли под Российским владением». «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (далее — «Ежемесячные соч.»), июль — август 1757, стр. 3—39, 99—130.

³ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 181.

⁴ См., например, «Сибирская история», «Ежемесячные соч.», январь — июнь 1764, стр. 3—43, 99—135, 195—237, 291—324, 387—418;

⁵ См. Н. Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским с Китайским государствами с 1619 по 1792-й год.

этого сочинения посвящена Китаю, торговле Китая с Россией (с приведением многих архивных документов, относящихся к этой торговле, и статистических данных о ней)¹, торговле Китая со странами Тихого океана — Японией, по которой даются наиболее подробные сведения, Камбоджей, Кохинхиной, Сиамом, Филиппинами, а также торговле Китая со странами Западной Европы. В этом же томе дается раздел о торговле Камчатки с Восточным Архипелагом, с историческими данными о морских путешествиях русских. Основной интерес автора сосредоточен на современном ему состоянии и перспективах торговли России с Китаем, Японией и другими странами Тихого океана.

Передовые слои русского общества конца XVIII в. далеко не ограничивались изучением экономики и торговых связей стран Востока. Общий рост русской культуры, развитие университетского образования, деятельность Академии наук, многочисленные ею организованные экспедиции, в частности в Сибирь, — все это способствовало углублению интереса к истории родины и соседних стран. Это нашло отражение в переводах на русский язык европейских сочинений о Китае (Дюгальд и др.), Японии (Рейхель). В большом труде академика Палласа — «Собрание исторических сведений о монгольских народностях»² опубликованы главным образом этнографические сведения о монголах и других родственных им народностях, в нем имеется и значительный исторический материал — родословные монгольских князей, выдержки из монгольских рукописей и т. д.

В этот период публикуются первые русские переводные труды с китайского и маньчжурского языков. Первыми русскими синологами, специалистами по китайскому, монгольскому, маньчжурскому языкам, опубликовавшими свои труды, главным образом переводы, были Иларий Россохин (1717—1761 гг.) и Алексей Леонтьев (1716—1786 гг.). Оба начали изучение восточных языков в России (Россохин — монгольский, Леонтьев — китайский), затем усовершенствовали свои знания в этих языках и приобрели знания маньчжурского, а Россохин и китайского языков, при Пекинской духовной миссии, где были около 10 лет³.

Крупнейшей их работой является перевод с китайского большого труда, изданного при императоре Цянь Луне в

¹ Статистические данные за 1758—1788 гг. см. М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. III, кн. 2, т. VII, кн. 1.

² *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerchaften* durch P. S. Pallas, St.-Pb., 1776.

³ См. В. П. Таранович. Иларий Россохин и его труды по китайскому языку. «Советское востоковедение», т. III, М.—Л., 1945, стр. 225—241.

1739 г.: «Описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»¹. Русское издание снабжено ценными и обширными комментариями переводчиков (главным образом Россохина), касающимися географических названий, происхождения маньчжур, различных маньчжурских племен, их размещения и т. д. Этот труд является справочной историко-географической работой с большим количеством статистических данных (в частности, о сборах в казну хлеба и серебра по различным провинциям Китая), с подробнейшими родословными виднейших феодалов, с описанием знамен и т. д. Труд представлял большую ценность для русской и мировой науки, обладавшей тогда чрезвычайно скудными данными, особенно по Маньчжурии и Восточной Монголии, которые наиболее подробно освещены в работе.

Россохин и Леонтьев перевели большое количество работ с китайского на русский язык по истории, географии Китая, по экономике, работ прикладного характера по языку. Однако подавляющее большинство переводов Россохина, хотя он работал при Академии наук и, очевидно, по ее заданиям, не было издано².

Таким образом, во второй половине XVIII в. на русский язык были переведены и изданы многочисленные работы по истории и географии Маньчжурии, Китая, Монголии, которые могли послужить важными первоисточниками для написания серьезных исторических работ по Дальнему Востоку³.

Большой интерес к Китаю, Сибири, Дальнему Востоку, к американским владениям России проявляли передовые люди русского общества. В 1792 г., находясь в ссылке в Илимском остроге в Сибири, А. Н. Радищев написал свое известное «Письмо о Китайском торге»⁴. В этом письме Радищев осуждает крепостническую систему торга, выдвигает требование о развитии сельского хозяйства и промыслов в Сибири и от Охотска до американских берегов.

¹ О значении этой работы см. А. В. Стренина. У истоков русского и мирового китаеведения. «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 170—177.

² В. П. Таранович указывает, что книги Россохина на китайском и маньчжурском языках положили начало созданию восточного отдела Библиотеки Академии наук.

³ Среди многочисленных переводных работ Леонтьева укажем следующие: «Книга китайского и маньчжурского хана Кансия. Перевод с китайского». СПб., 1780; «Уведомление о бывшей с 1677 по 1689 г. войне у китайцев с сенгорцами. Выписал из Китайской истории секретарь Леонтьев». СПб., 1777.

⁴ См. А. Н. Радищев. Соч., т. II, стр. 5—35.

Конец XVIII — начало XIX в. — период утверждения капитализма в передовых странах Европы, сопровождался чрезвычайной активизацией колониальной экспансии. Буржуазное востоковедение, проповедуя и «обосновывая» расистские теории, доказывало неполноценность всех не белых рас, пытаясь объяснить этим их культурную и особенно экономическую отсталость и неизбежность и целесообразность во имя мировой капиталистической цивилизации подчинения этих рас европейскому и американскому капитализму. Расистская пропаганда особенно усилилась в период подготовки и нападения Англии на Китай (опиумная война 1839—1842 гг.).

Передовые русские востоковеды, отражая взгляды русской демократической общественности, резко отрицательно отнеслись к этой расистской пропаганде.

В начале XIX в. изучение зарубежного Дальнего Востока в России значительно продвинулось вперед и стало приобретать прочные научные основы. Путешествие Лаксмана в Японию¹ (1792 г.) и первая русская кругосветная экспедиция И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803—1806 гг.) дали новые ценные сведения о Японии, об островах Тихоокеанского архипелага и их жителях, подробное описание берегов Японии. Полугодовая стоянка судна «Надежда» с русским послом Резановым в Нагасакском порту, первое посещение русскими судами («Надежда» и «Нева») Кантона в Китае и т. д. — все это способствовало значительному расширению сведений о Дальнем Востоке. За первым кругосветным путешествием последовали в первой половине XIX в. другие кругосветные экспедиции, которые делали все новые географические открытия, давали ценные этнографические и другие научные сведения о жителях стран и островов Дальнего Востока и Тихого океана. Особенно крупное значение имело путешествие В. М. Головнина на шлюпе «Диана». Захваченный в плен японцами, Головин составил во время двухлетнего пребывания в плену ценнейшие «Записки» о Японии с целым рядом новых и интереснейших данных о быте, административном аппарате, географии, истории Японии². Записки В. М. Головнина в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 гг., напечатанные в России в 1815 г., были вскоре переведены на многие европейские языки и считаются до сего времени одним из первостепенных источников по истории Японии начала XIX в.

В 1818 г. в Академии наук был открыт Азиатский музей — крупнейшее собрание книг и рукописей по Востоку. Азиатский

¹ См. Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана», М., 1805.

² См. В. М. Головнин. Сочинения, М.—Л., 1949.

музей обеспечил русским востоковедам научную базу для развития востоковедения¹. В том же 1818 г. известный историк и археолог Сибири Григорий Иванович Спасский начал издавать журнал «Сибирский вестник» (1818—1825 гг.), в котором было опубликовано большое количество ценных статей и материалов (летописей и др.) по истории Сибири, а также по сношениям России с Китаем (путешествие И. Петлина, Ф. Байкова и т. д.), переводы с китайских исторических памятников², статей, посвященных описанию монголов, их быта, с рядом исторических данных. В 1825—1827 гг. этот журнал издавался тем же Г. И. Спасским под названием «Азиатский вестник»; в нем был увеличен раздел, посвященный зарубежным странам (Тибету, Монголии, Афганистану и т. д.), включая даже такую отдаленную от границ России и малоизвестную тогда и в России и в Европе страну, как Бирма. В журнале помещались также переводы с монгольского и других языков. Много статей по Дальнему Востоку печаталось в «Ученых записках Казанского университета».

В 1830 г. при Академии наук была учреждена кафедра восточных языков и древностей. Еще до этого, в 1829 г., в академии был избран Я. И. Шмидт, знаток монгольского языка³. В тех же 30-х годах в Казанском университете были созданы кафедры монгольского (1833—1834 гг.), китайского (1837 г.) и несколько позднее (1844 г.) маньчжурского языков⁴. Казанский университет сыграл крупнейшую роль в развитии востоковедения в России; он стал важным центром мирового востоковедения. «Всемирно известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными заведениями... но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы»⁵.

Первыми профессорами монгольского языка в Казанском университете были прогрессивный ученый, основоположник

¹ С основания Академии наук в ней уже было небольшое собрание азиатских рукописей и до 2500 книг на китайском языке.

² См., например, Цишань. О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. Перевод с китайского С. В. Липовцова. «Сибирский вестник», ч. 12, СПб., 1820, стр. 167—226.

³ См. Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб., 1879, стр. 11—12.

⁴ Ближневосточные языки стали преподавать в Казанском университете с 1807 г. О преподавании дальневосточных языков вопрос был поставлен Харьковским университетом в 1811 г. с целью изучения китайской исторической литературы на маньчжурском языке. Проект Харьковского университета не получил движения в правительственных органах. См. В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России, СПб., 1911.

⁵ «Отечественные записки», т. 9, 1840, стр. 16—18.

научного монголоведения О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Они обучались монгольскому языку у А. В. Игумнова, жившего в Иркутске, большого знатока монгольского языка. Сосланные в Сибирь декабристы, еще до декабрьского восстания проявлявшие живейший интерес к Сибири и к зарубежному Дальнему Востоку, сыграли большую роль в распространении в России передовых взглядов на народы Азии. Декабристы в Сибири продолжали интересоваться взаимоотношениями России с Китаем, Японией, а также с другими странами¹. Декабристы поддерживали тесные связи с жителями Кяхты, а некоторые из них даже бывали там, находясь на поселении в 90 верстах от Кяхты (Селенгинск). В Кяхте сосредоточивалась во второй половине XVIII и первой половине XIX в. вся русско-китайская торговля.

Таким образом, в 20—40-х годах XIX в. русское востоковедение приобрело прочную научную базу для своего успешного развития². Вместе с тем передовые круги русского общества сумели положить начало прогрессивному русскому востоковедению. В этой обстановке протекала научная деятельность Бичурина, крупнейшего русского ученого, изучавшего Дальний Восток в первой половине XIX в.

Н. Я. Бичурин, в монашестве Иакинф (1777—1853 гг.)³, сын сельского дьячка, получил образование в Казанской семинарии. В 1807 г. он был послан в качестве начальника духовной миссии в Пекин, где пробыл 14 лет, изучая китайский язык, историю, географию, экономику, социальный строй, культуру Китая, Монголии, Тибета, Синьцзяня; о Тибете почти ничего не было известно европейской науке того времени.

В Пекине были написаны или подготовлены материалы важнейших монографий Бичурина, изданных в дальнейшем в России. Вернувшись в 1821 г. в Россию и привезя с собой, помимо личного научного архива, огромное количество ценнейших китайских книг (около 400 пудов), Бичурин, по доносу, был предан церковному суду и сослан в Валаамский монастырь, где он не прекращал своих научных занятий. Острая нужда в знатоках китайского языка в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел заставила царское прави-

¹ См. Л. Чуковская. Декабристы — исследователи Сибири, М., 1951; Декабристы М. и Н. Бестужевы. «Письма из Сибири», Иркутск, 1929.

² В 1820 г. в России вышел большой труд по Китаю, посвященный физической и экономической географии, государственному устройству, быту этой страны, с исторической справкой обо всех китайских династиях. Автор книги был в Китае и изучал китайский и маньчжурский языки (Иван Орлов. Новейшее и подробнейшее историко-географическое описание Китайской империи, ч. I—II. М., 1820).

³ См. Л. В. Симонивская. Бичурин как историк Китая. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 7, М., 1948, стр. 46—61.

тельство спустя четыре года вернуть Бичурина из ссылки и причислить его к департаменту.

В Петербурге Н. Я. Бичурин начал издание своих многочисленных капитальных трудов (переводных и самостоятельных) по Китаю и другим странам Азии.

За свои труды Н. Я. Бичурин четыре раза получал демидовские премии, был избран членом-корреспондентом Академии наук (1837 г.) и членом Азиатского общества в Париже (1831 г.). Научная деятельность Н. Я. Бичурина в области синологии имела огромное значение; Бичурин поставил русское китаеведение на одно из первых мест в мире.

Научная деятельность Иакинфа была поразительно разносторонней. Она охватывала почти все страны Восточной и Средней Азии; его работы представляют и по сей день значительную ценность для историков, лингвистов, экономистов, географов. Он с одинаковым интересом изучал и древность, и средневековье, и современное положение в странах Востока. Особенно велико значение Бичурина как историка древности и средневековья стран Восточной и Средней Азии, как ученого, впервые введшего в оборот мировой науки огромное богатство исторических памятников Китая.

В своем «предуведомлении» к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», Бичурин пишет, что ученые Западной Европы вначале основывались на трудах греческих историков и географов, а затем лишь начали разрабатывать и китайские источники¹. Разногласия, постоянно встречавшиеся между данными греческих и китайских исторических памятников, обычно разрешались западноевропейской наукой в пользу греков. Западноевропейские ученые «единогласно заключили, что китайцы, по своему невежеству, перепутали древнюю историю Средней Азии»². В противовес этим положениям Бичурин выступает с утверждениями, что если читать «китайскую историю в подлиннике, притом без предубеждения против азиатского невежества», то она может существенно дополнить и уточнить сведения греков. Таким образом, даже в своих многочисленных переводных трудах Бичурин выступал не только как переводчик и комментатор, но как выдающийся представитель исторической науки, новатор, введший в оборот науки новые принципиальные положения и обогативший эту науку новыми материалами большой научной ценности.

Из переводных работ Бичурина надо отметить семнадцатитомный перевод Тун-цзянь-ган-му (погодной истории Китая).

¹ См. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.

² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, «Предуведомление», стр. 10.

Этой обширной рукописью далеко не исчерпываются многочисленные переводные труды Н. Я. Бичурина, до сего времени еще не опубликованные.

Самостоятельные (не переводные) исторические труды Н. Я. Бичурина, опубликованные и неопубликованные, также чрезвычайно многочисленны. Они выходили отдельными монографиями¹ или были помещены в различных периодических изданиях того времени. Многочисленные исторические и историко-географические данные, справки, значительные отступления в историческое прошлое разбросаны по всем произведениям Бичурина, посвященным современному положению Китая². Бичурин отзывался в журналах, статьях и рецензиях на подавляющее большинство выходивших в России и за границей работ о Китае и других странах Востока. Он считался авторитетом по вопросам китайского языка и истории Китая в России и Европе.

Бичурин был самым передовым ученым среди современных ему синологов-историков. Он подходил к изучению истории Китая и других стран Восточной и Средней Азии с позиций буржуазной исторической науки того времени, но без расовых или религиозных предрассудков. Однако, хотя социальные вопросы были всегда в поле его зрения, историю он понимал больше как политическую и дипломатическую, мало интересовался движением народных масс³. Отдавая должное китайскому народу, что является его заслугой, Бичурин в то же время идеализировал прогнивший феодальный строй Китая. Бичурин говорил, что в Китае образ правления справедливый, обосновывая это тем, что всевластие богдыхана ограничено законами, и не желал замечать сплошной коррупции чиновничества, чудовищной эксплуатации крестьянских масс, политического угнетения народа и т. д.

За эту защиту китайской феодально-бюрократической системы справедливо критиковал Бичурин В. Г. Белинский, хотя он неоднократно в своих обзорах русской литературы (например, в 1840, 1841 гг. и др.) особо отмечал среди ученой и учебной литературы труды Иакинфа как «примечательные», «достойные внимания» и т. д.⁴

Несмотря на известную ограниченность мировоззрения Бичурина, горячая защита им китайского народа в те годы, когда

¹ См., например, Н. Я. Бичурин (Иакинф). Записки о Монголии, т. I—II, СПб., 1828; его же. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834, и др.

² См. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение, СПб., 1840; его же. Статистическое описание Китайской империи, ч. I—II, СПб., 1842; его же. Китай в гражданском и нравственном состоянии, ч. 1—4, СПб., 1848 и др.

³ См. Л. В. Симоновская. Бичурин как историк Китая, стр. 55.

⁴ См. В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 265; т. VII, стр. 60; т. XI, стр. 153—158 и др.

началось его порабощение странами Запада, свидетельствует о прогрессивных взглядах Бичурина в этом вопросе. Бичурин подвергался нападкам со стороны реакционеров в науке и публицистике. Тем не менее Бичурин продолжал писать все свои работы на русском языке, хотя он знал древние и западноевропейские языки. Он не переставал выступать в ряде журнальных статей в защиту китайского народа в период опиумной войны и после нее, когда Англия, Франция и США методически проводили политику превращения Китая в зависимую страну.

Бичурин был тесно связан с прогрессивными кругами русского общества. Советскими историками-востоковедами собрано значительное количество свидетельств современников о близости Бичурина во время его пребывания в Сибири к декабристу Н. А. Бестужеву, а в Петербурге к А. С. Пушкину, В. Г. Белинскому и другим передовым людям России. Во введении к «Собранию сведений...» приведены фотоснимки титульных листов произведений Бичурина с дарственной надписью автора А. С. Пушкину. Бичурин, по словам современников, пробудил интерес Пушкина к Китаю.

Таким образом, Бичурин был не только общепризнанным крупнейшим синологом, но и ученым, связанным с передовыми кругами русского общества. В то время, когда востоковедная буржуазная литература пыталась найти оправдание хищнической агрессии в расовой теории о неполноценности азиатских народов в «цивилизаторской роли» Западной Европы и США, научная и публицистическая деятельность Бичурина была направлена на противодействие этой человеконенавистнической пропаганде.

В 40-х годах в России были созданы новые научные общества — Русское Географическое общество и Русское Археологическое общество, которые сыграли крупную роль и в развитии русского востоковедения. Русское Географическое общество открыло отделения: Иркутское, Троицкосавско-Кяхтинское (1851 г.) и Приморское; Русское Археологическое общество — отделение Восточной Археологии (1851 г.). Публикации этих обществ и их отделений включали большое количество монографий и статей по истории стран Дальнего Востока.

Особенно большую роль в развитии русского востоковедения и, в частности, истории стран Дальнего Востока сыграл Восточный факультет Петербургского университета, открытый летом 1855 г., который, наряду с Азиатским музеем Академии наук, являлся главным центром русского научного востоковедения вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Глава X

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

I

АРХЕОЛОГИЯ

Историю русской археологии можно начинать с XVII в., когда была создана Московская Оружейная палата, это во многих отношениях единственное в мире собрание предметов прикладного искусства и бытовых древностей¹. Некоторые из этих предметов имели археологическое значение уже в XVI—XVII вв. Наибольший прирост коллекций Оружейной палаты падает на время царя Алексея Михайловича, когда начальником Палаты являлся боярин и оружничий Б. М. Хитрово, ближайшими сотрудниками которого были лучшие художники того времени — С. Ф. Ушаков и другие.

Музейный характер, который уже в это время имела Оружейная палата, доказывают дошедшие до нас ее описи XVII в. Они не только обстоятельны и тщательны, но и свидетельствуют об археологической любознательности людей, составлявших эти описи 300 лет назад. Люди эти не ограничивались обязательным для царской сокровищницы вывешиванием золота и серебра, описанием резьбы и инкрустаций, оценкой стали и т. д. При описании шлемов, например, неоднократно названы лица, которым эти шлемы лет за 100 или больше до составления описи принадлежали: «а в прежних переписных книгах под тою статьею написано, по сказке мастеров та шапка бывала князя Федора Ивановича Мстиславского», «та шапка Кучюмовская, ударил челом государю Борис Петрович Шереметев»² и т. д. Подобные сведения позволяют нам теперь отделить подлинные боевые шлемы XVI в. от парадных шлемов XVII в. Есть такие записи и для других частей вооружения, напри-

¹ См. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля», М., 1954.

² «Опись Московской Оружейной палаты», ч. 3, кн. 2, М., 1884, стр. 22, 30—31.

мер, о щите, привезенном из Персии в 1569 г., опись 1687 г. говорит: «привез из кызылбаш Василий Коробьин»¹. Сталь сабель определяется не только по сортам, но и по происхождению, например, «сабля булат красный, турецкой выков», «сабля полоса будет красной, кызылбашской выков» и т. д. Часто указывается также московское изготовление сабель и иного оружия, притом почти всегда с упоминанием имени мастера, что позволяет теперь индивидуально характеризовать творчество оружейников-художников Московской Руси. Иногда определению помогают надписи на самом оружии: они вносятся и в опись. Еще чаще русские надписи на золотой и серебряной посуде сообщают имена царей или бояр, для которых посуда изготовлена; эти надписи тоже неизменно переписываются в описи. Дары иностранных послов регистрируются точно. Иногда автор описи особо отмечает неуспех своих разысканий, записывая, например, о кубке в описи 1663 г.: «прислал к великому государю польской король, а которой король и в котором году, того имянно не написано»².

Более широкие археологические интересы возникли повсеместно в Европе только в XVIII в. Россия — одна из первых стран, где стала развиваться археология. Безграничная любознательность и неутомимая распорядительность Петра I оставили свой след в истории многих наук. Это относится и к археологии. В феврале 1718 г. в указе о сборе редкостей Петр, упомянув о необыкновенных камнях и костях, пишет: «Также ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: ...какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье (т. е. оружие.— *Ред.*), посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно: також бы приносили, за что давана будет довольная дача»³.

Распоряжение это не осталось на бумаге, и уже через четыре месяца в ответ на запросы было дано разъяснение о размерах обещанной «довольной дачи». В собственноручной записке в июне того же 1718 г. Петр I пишет: «За денги и прочие вещи, кои с потписью, вдвое чего оне стоят. За камни с потписью по разсуждению. Один гроб с костми привезть не трогая. Где найдутца такие всему делать чертежи, как что найдут»⁴. Это последнее требование особенно знаменательно.

Из собранных древностей наибольшее научное значение имеют многочисленные золотые бляхи с художественной резь-

¹ «Опись Московской Оружейной палаты», ч. 3, кн. 2, стр. 283.

² «Опись Московской Оружейной палаты», ч. 2, кн. 1, стр. 100.

³ «Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года», т. V, № 3159, СПб., 1830, стр. 542.

⁴ «Распоряжение Петра I о вознаграждении за археологические находки». Сообщ. П. И. Баранов. См. «Русская старина», СПб., 1872, т. VI, стр. 474.

бой скифского стиля, найденные в сибирских курганах тогдашними кладоискателями и со времени Петра I хранящиеся в музее.

Серьезные археологические интересы Петр I проявил в 1722 г., когда ехал по Волге в персидский поход и посетил развалины древнего города Болгара. Он приказал там снять копии с древних мусульманских надгробий, которые до нас не дошли, но известны по петровским копиям.

Большое значение вещественным историческим источникам придавал В. Н. Татищев¹. В 1739 г. он составил «Предложение о сочинении истории и географии российской», подробную инструкцию для научных экспедиций. В ней помещено много вопросов, в том числе о запустелых местах перенесенных городов, о деревянных и каменных кремлях, о древней церковной утвари, о следах исчезнувших городов, о каменных болванах, о вещах с надписями, о вещах, находимых в древних могилах, о металлических фигурках. Здесь имеются даже практические советы для производителей раскопок, например: «особливо находятя горшки и кувшины в гробах, да когда их откопав скоро вынять, то оно истрескается или развалится, того ради оные откопав, надобно не скоро вынимать, проветрить на том месте». Доныне многие археологи пренебрегают этой необходимой предосторожностью, хотя она предусмотрена русской археологической инструкцией уже более 200 лет тому назад. Инструкция применялась на местах. Например, в Томске ею руководствовался в 40-х годах XVIII в. поручик Шишков, собравший коллекцию курганных древностей².

В результате подобных сборов в Петербурге постепенно нарастали археологические коллекции универсального музея-кунсткамеры. В Москве были сохранены унаследованные от предыдущей эпохи древности Оружейной палаты. Научное их значение оценил первый директор Московского университета А. М. Аргамаков. В 1755 г., в год основания университета, он представил в Сенат проект переустройства Оружейной палаты, предлагая разложить вещи в надлежащем порядке, составить опись с объяснением значения каждой вещи, с лучших вещей снять рисунки и каталог напечатать на русском и иностранных языках, «дабы столь богатые и курьозные вещи, которые приносят славу империи, не преданы были забвению»³. Проект не был осуществлен.

В XVIII в. в России создались более широкие возможности для развития археологии. Еще до выхода России к Черному

¹ См. Нил Попов. В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 679—683.

² См. там же, стр. 573—574.

³ См. С. М. Соловьев. История России..., кн. 5, стр. 864.

морю, в 1763 г. были предприняты первые большие археологические раскопки скифских древностей. Инициативу проявил здесь генерал А. П. Мельгунов. Под его руководством был раскопан около крепости св. Елизаветы (ныне город Кировоград) большой скифский курган. Работы носили научный характер, слои были промерены и описаны, сделан ряд наблюдений¹. Во всех странах Европы раскопки в это время, если и производились, то обыкновенно без всяких промеров и описаний. Найденные в кургане золотые вещи имеют теперь определяющее значение для характеристики архаического периода скифского искусства (особенно золотые ножны меча).

Во второй половине XVIII в. Россия прочно утвердилась на северном побережье Черного моря, в том числе на территории бывших античных государств (Боспорское царство, Херсонес Таврический и т. д.). Это возбудило археологические интересы, однако добытые сведения ограничивались лишь разведочными описаниями развалин городов и случайно добывавшихся древностей. В этом направлении особенно много сделал в конце XVIII и в начале XIX в. П. И. Сумароков². Его тщательно составленные описания были важны для первого ознакомления с богатыми и разнородными древностями Крыма. В частности, Сумароков правильно установил местоположение античных городов и обратил внимание русской науки на богатство Крыма древнегреческими надписями; так им найдена в 1794 г. в Херсонесе надпись III в. до н. э. в честь Агасикла, важная для характеристики политического и хозяйственного быта греческого города-государства. В XVIII в. была открыта древнейшая из русских надписей, притом именно там, где меньше всего можно было ожидать найти русские древности. В 1792 г. солдатами на кубанском берегу Керченского пролива в Тамани найден был мраморный камень с русской надписью 1068 г. тмутараканского князя Глеба. Историки знали из летописей о Тмутараканском княжестве, но никто не подозревал, что оно находилось так далеко на юге. Счастливый случай позволил установить его место, после того как русские после многовекового промежутка вторично обосновались на берегах Черного и Азовского морей. Первое издание и исследование Тмутараканского камня (под этим названием надпись вошла в науку) принадлежит графу А. И. Мусину-Пушкину, известному в нашей филологии открытием «Слова о полку Игореве»³.

¹ См. Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 года, СПб., 1911, стр. 2.

² См. П. И. Сумароков. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду, ч. I—II, СПб., 1803—1805.

³ См. А. И. Мусин-Пушкин. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения, СПб., 1794.

Текст Тмутараканского камня оставался, впрочем, не совсем ясен, и самая подлинность его не была доказана. Но вскоре появилось серьезное исследование о нем А. Н. Оленина, которому удалось полностью прочесть и правильно истолковать надпись¹. Оленин сравнил с формой ее букв формы букв других надписей, обосновав таким образом подлинность находки и заложив основы русской эпитафики.

Темы исследований А. Н. Оленина всегда узки, и широких научных выводов и у него нет. Но по точности исследовательских приемов он был для своего времени выдающимся ученым.

Оленина интересовала прежде всего античная и русская археология. Занимался он и греческой вазописью. Этот вид античного искусства в 20-х годах XIX в. стал привлекать должное внимание ученого мира в связи с находками эллинской керамики в этрусских гробницах. Оленин не ограничивался определением мифологического содержания рисунков, что преимущественно интересовало тогдашних ученых. В работе о греческих шлемах он устанавливает их облик, основываясь преимущественно на вазописи, но постоянно сопоставляя с ней скульптуры, геммы, монеты и немногочисленные подлинные античные шлемы, дополняя все эти данные известиями древних авторов². Подобное использование разнородных научных материалов, вообще характерное для Оленина, было тогда новым научным приемом.

Еще шире привлечены различные источники, не только греческие, но и римские, в его работе о вооружении гладиаторов. Эта работа шире своего названия; в ней дается исследование античного оружия вообще. А. Н. Оленин доказал, что так называемые статуи гладиаторов классифицированы подобным образом в XVIII в. по ошибке³.

Занимаясь исследованиями по древней Руси, Оленин применял и к этому материалу методику научной аргументации, лучше всего разработанную тогда на античных древностях. Вслед за Тмутараканским камнем в его руки попала другая первоклассная находка: шлем с русской надписью и рельефными фигурами, найденный в 1809 г. вблизи города Юрьева-Польского к северо-востоку от Москвы. По надписи с именем Федора и по месту находки Оленин остроумно доказал, что шлем принадлежал Ярославу Всеволодовичу, в крещении Федору, и был утерян во время Липицкой битвы 1216 г. Этот вывод принят современной наукой.

¹ См. А. Н. Оленин. Письмо... о камне Тмутараканском..., СПб. 1806.

² См. А. Н. Оленин. Археологические труды, т. 1, вып. 2, СПб., 1881.

³ См. А. Н. Оленин. Археологические труды, т. 2, СПб., 1882.

А Н. Оленин подвел итоги многих своих изысканий, выпустив общий труд об одежде и оружии русских славян¹. Здесь проявилось то характерное для автора умение использовать и сопоставлять разнородные источники, которое он выработал, изучая античное оружие. Оленин оставляет письменные известия о древнерусской одежде и оружии со шлемами Оружейной палаты и Белозерского Кириллова монастыря, с найденными в курганах мечами, с изображениями воинов на печатях новгородских посадников, с инициалами новгородских рукописей, с разнородными миниатюрами, с церковными фресками и т. д.

Развитие археологии в России шло дальше по четырем руслам, поскольку наши древности делятся на античные, русские, первобытные и восточные.

Систематические исследования по эллино-скифской археологии начались в том русском городе, который стоит на месте древней столицы эллино-скифского мира, в Керчи, возникшей на развалинах Пантикапея. Два археолога были зачинателями этих работ, П. А. Дюбрюкс и И. А. Стемповский.

Француз-эмигрант П. А. Дюбрюкс начал свои археологические разведки в Керчи с 1811 г. На раскопки он получал скудные правительственные субсидии. Тем не менее пантикапейская земля, насыщенная древностями, дала ему возможность найти греческие надписи и скульптуры, золотые изделия, фигурную керамику.

Вскоре в Керчи появился человек, более подготовленный для руководства раскопками — И. А. Стемповский. Русский офицер, находившийся 4 года в Париже в русском оккупационном корпусе, Стемповский изучил там специально античные древности и вернулся в 1819 г. в Россию археологом. Он знал древние языки (этого недоставало Дюбрюксу) и издал ряд найденных в Керчи античных надписей. Значение древнего Пантикапея он оценил правильно. Вместе с П. А. Дюбрюксом Стемповский изучил, обмерил и определил многочисленные античные города и городки, которыми так богата территория Боспорского царства. В этом отношении Стемповский стоял значительно выше последующих археологов. После него в течение целого столетия никто этими городищами не интересовался, в большинстве своем они исчезли тем временем с лица земли, и это придает особую ценность материалам Стемповского. В Западной Европе подобных исследований тогда вовсе не было: систематическое исследование древнегреческих городов Стемповский начал первый в мире.

¹ См. А. Н. Оленин. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар, СПб., 1832.

22 сентября 1830 г. произошло событие, надолго определившее дальнейшие судьбы археологии в Керчи, да и вообще в России. На кургане Куль-Оба в 6 км от Керчи матросы, ломавшие камень, случайно натолкнулись на склеп, и в нем оказалось невиданное до того изобилие художественных золотых вещей. К счастью, при ломке камня присутствовал Дюбрюкс, который во время сообщения Стемпковскому об открытии склепа и находящихся в нем предметов. Стемпковский немедленно прибыл на курган, и вдвоем они составили обстоятельное описание открытого погребения. Здесь были похоронены скифский царь, живший в IV в., его жена и раб. Куль-обские находки, знаменитый сосуд греческой работы с фигурами скифских воинов и предметы с изображениями из античной мифологии, произвели огромное впечатление на современников в России и в Западной Европе своей художественной работой. Благодаря этим находкам наука впервые ознакомилась с шедеврами ювелирного искусства древности.

Правительство, до этого жалевшее деньги на раскопки, теперь стало отпускать их щедро, но не во имя науки, а ради украшения подобными вещами Эрмитажа. Раскопки в Керчи сделали его одним из международных археологических центров.

Надежды на находки золота и произведений искусства оправдались. Ни в Греции, ни в Италии, нигде античное ювелирное дело не было представлено так богато, как на северном берегу Черного моря. Здесь могилы греческих колонистов и скифов содержали в изобилии золотые вещи, позволявшие утверждать, что и эта отрасль искусства находилась в античности на большой высоте.

К сожалению, после смерти И. А. Стемпковского и П. А. Дюбрюкса руководителем начавшихся больших раскопок стал А. Б. Ашик, любитель эффектных открытий, небрежно составлявший свои отчеты. Его публикации, в которых поверхностные и часто неверные описания перемежаются с подобострастными рассуждениями о прелестях николаевского режима, характерны для эпохи реакции¹. Показательно, что найденные в Керчи две превосходные мраморные статуи А. Б. Ашик приписал Фидию, хотя они лет на 500 моложе, и не афинские, а местные: он просто считал Фидия единственным крупным античным скульптором. Античность Ашик знал плохо и не мог должным образом разобраться в раскопанных им многочисленных курганах, которые в отличие от Куль-Обы принадлежали не скифам, а грекам.

¹ См. А. Б. Ашик. Воспорское царство..., Одесса. 1848; е го же. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях, Одесса, 1850.

Некоторые открытые сооружения представляли значительный научный интерес. Так, в 1837 г. был вскрыт склеп огромного Царского кургана. Он, как и многие другие, оказался ограбленным: пантикапейское золото издревле привлекало внимание кладоискателей. Зато сам по себе склеп оказался оригинальным произведением архитектуры; его увенчивал единственный по красоте и грандиозности уступчатый свод из белокаменных концентрических кругов. Многие другие склепы оказались украшенными живописью. В 1832 г. был открыт склеп II в. до н. э. На его стенах сохранились фрески, которые изображают пигмеев, сражающихся с журавлями. В 1842 г. был найден склеп римского времени с изображением гладиаторских боев и т. д. По вине Ашика, фрески не были сохранены и погибли. В 1854 г. вышло роскошное издание «Древности Боспора Киммерийского»¹, где в цветных таблицах изданы были вещи из керченских раскопок.

При всем обилии и ценности найденных научных материалов общий уровень археологических работ в Керчи был в это время несомненно ниже, чем при И. А. Стемпковском. В конце 40-х годов XIX в., когда помощником А. Б. Ашика стал К. Р. Бегичев, оставивший множество точных чертежей и зарисовок, качество археологических раскопок значительно улучшилось. Бегичев стал помощником нового руководителя раскопок А. Е. Люценко, работавшего по строго научному плану.

В 50—60-х годах был подвергнут научным раскопкам некрополь, где были погребены граждане города Пантикапея. В мужских могилах было найдено оружие и спортивный инвентарь древнего эллина; в богатых женских могилах оказалось много золотых украшений, отличавшихся изящной эллинской простотой. План раскопок был составлен вперед на ряд лет и точно выполнялся, работы одинаково внимательно велись на обоих берегах Керченского пролива, поскольку оба они составляли в древности Боспорское царство. Но раскопкам самого города Пантикапея должного внимания не уделялось.

В середине XIX в. и другие античные города Северного Причерноморья начали привлекать к себе внимание. В 1853 г. граф А. С. Уваров посетил Херсонес Таврический, возле современного Севастополя, где небольшие исследования и до того производились офицерами Черноморского флота. Довольно обширные раскопки Херсонеса производились А. С. Уваровым небрежно, что затрудняет датировку открытых им зданий². Этот высокопоставленный дилетант принес в Херсонесе (как

¹ «Древности Боспора Киммерийского», т. 1. СПб., 1854.

² См. А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, СПб., 1851.

и в Средней России, см. ниже) больше вреда, чем пользы, разорив древние сооружения и запутав их хронологию.

После Отечественной войны 1812 г., в связи с возросшим интересом к истории России, увеличились поиски источников по истории древней Руси. К. Ф. Калайдович, пораженный своей предприимчивостью и прозорливостью, понимал значение археологических памятников, и именно этому энергичному собирателю рукописей принадлежит открытие и русских кладов.

Древнерусские города богаты кладами золотых и серебряных вещей XI—XIII вв. Вещи эти блестяще характеризуют прикладное искусство древней Руси. В руки Калайдовича в 1822 г. попал огромный клад золотых вещей, обнаруженный на городище Старая Рязань. Калайдович немедленно его издал, довольно правильно комментировал вещи и эмалевые изображения на них, наметил (преимущественно по надписям) дату и сам обследовал место находки¹. С тех пор возникает некоторый научный интерес к русскимкладам. Впрочем, должное внимание они привлекли значительно позднее.

Основными археологическими источниками по истории древней Руси являются массовые материалы курганов и городищ. Наша родина богаче курганами и городищами, чем любая другая страна. Обилие городищ на Руси первый заметил и оценил З. Я. Ходаковский в 20-х годах XIX в.² Он обратил внимание на многочисленные валы древнерусских укреплений. З. Я. Ходаковский во время своих пешеходных путешествий исходил Северо-Западную и Среднюю Россию и составил длинные списки городищ, и доныне, несмотря на все позднейшие разведки, полезные для археологов. Многие сведения он черпал во время своих бесед с крестьянами. Ходаковский интересовался также курганами и раскапывал их под Новгородом и Тверью, но с небольшими результатами. Для раскопок он не имел необходимых средств, ограничиваясь в лучшем случае снятием планов городищ. Эти наши древние укрепления Ходаковский считал святилищами славян-язычников; фантастичность такой теории была тогда же установлена Калайдовичем, который правильно утверждал, что большую часть городищ составляют «ограждение городов, селений и крепостей».

Несмотря на подобные ошибки, Ходаковский имеет перед наукой несомненную заслугу, так как он ввел в научный обиход новые виды археологических материалов.

Первым научным издателем древностей XIV—XVII вв. из собраний Оружейной палаты и русских монастырей был

¹ См. К. Ф. Калайдович. Письма... об археологических исследованиях в Рязанской губернии..., М., 1823.

² См. М. П. Погодин. Судьбы археологии в России. «Труды первого Археологического съезда в Москве. 1869», т. I, М., 1871, стр. 1—44.

художник, выходец из крепостных крестьян Ф. Г. Солнцев. С 1830 г. начинаются его систематические командировки «для срисования старинных одеяний, оружия, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и т. п.». Ф. Г. Солнцев объездил все старинные города, открыл много совершенно новых для науки вещей в монастырях, где, помимо церковных вещей, оказалось немало оружия и посуды. Но больше всего он работал в Оружейной палате. Ф. Г. Солнцев был прежде всего собирателем материалов и сам даже почти не писал, а только рисовал. В 1849—1853 гг. его рисунки вышли цветными таблицами в роскошном издании под заглавием «Древности Российского государства»¹. Они были распределены на шесть томов: 1) церковные вещи, 2) царские вещи, 3) оружие, 4) одежды, 5) посуда, 6) архитектура. Это издание впервые познакомило читателей с предметами русского прикладного искусства, в первую очередь с предметами обихода русских царей и высшего духовенства.

Уже в начале XIX в. в России развилось нумизматическое коллекционерство. Монеты XVI—XVII вв. определялись сравнительно легко при единообразии их общерусских эмблем и четких именах сравнительно немногочисленных царей. Гораздо труднее было с монетами XIV—XV вв., столь важными для изучения периода феодальной раздробленности. Имена князей, повторявшиеся в разных княжествах, давали мало, а эмблемы были разнообразны и неустойчивы. Этим пользовались фальсификаторы, которые в целях наживы изготовляли монеты с самыми разнообразными надписями. Довольно рано (с 1792 г.) стали известны монеты XI в., но и они осторожными исследователями принимались за подделки.

В деле создания научной русской нумизматики большая заслуга принадлежит А. Д. Черткову, в молодости — герою войн с Наполеоном. Осторожный и остроумный ученый, он определил монеты многих княжеств XIV—XV вв., и определения его были подтверждены позднейшими находками². Он составил сложную классификацию надписей и эмблем. Проще было разбираться в монетах Новгорода и Пскова XV в. ввиду выдержанности их республиканских надписей и эмблем, а также ясности летописных известий.

Уже скоро выяснилось, что в XII—XIII вв. монеты у нас не изготовлялись, причины чего и теперь не вполне ясны. Сомнения в подлинности монет XI в. были опровергнуты рядом бесспорных находок в кладах на территории России и Западной

¹ См. Ф. Солнцев. Древности Российского государства, отд. I—VI, М., (без даты).

² См. А. Д. Чертков. Описание древних русских монет, М., 1834.

Европы. Решающее значение в полемике по этому вопросу имел большой клад монет князей Владимира, Святополка и Ярослава, найденный в 1852 г. в Нежине.

В археологии А. Д. Чертков известен не только в качестве нумизмата. Ему принадлежит заслуга первых научных раскопок подмосковных курганов. Раскопки эти были произведены в 1838 г. в селе Верхогрязье, и притом с точностью, предвосхищающей многие требования позднейшей археологической методики; точно описаны форма насыпей, их структура и положение костяков, вещи разделены по погребальным комплексам. Отчеты о своих раскопках А. Д. Чертков издавал, сопровождая их рисунками найденных вещей¹. Так стали известны науке изящные семилопастные височные кольца, которые впоследствии оказались типичными для племени вятичей. От этнического и хронологического определения своих находок при отсутствии сравнительного материала А. Д. Чертков воздержался.

В 1851—1854 гг. граф А. С. Уваров предпринял раскопки курганов Владимирской земли. За четыре года сумели разрыть 7729 курганов. В результате добыли много вещей, но вещи эти, не разделенные даже по погребениям, оказались для науки почти бесполезными, никаких правильных отчетов и описей составлено не было. Предметы всех веков, от VII до XIV, лежали в одной музейной груде, вперемешку.

При всей незрелости тогдашней археологической методики некоторые предшественники Уварова, как, например, Чертков, и многие его современники, особенно И. Е. Забелин, производили археологические раскопки более правильно и точно. При попытке исследовать свои огромные коллекции А. С. Уваров допустил грубую ошибку, приписав эти вещи племени мерян. Между тем количества их уже было достаточно, чтобы определить их принадлежность русским славянам². В деятельности А. С. Уварова ярко проявились типичные признаки дворянского коллекционерства: стремление к собиранию красивых вещей и пренебрежение рядовыми материалами, которые в силу своей массовости наиболее ценны для науки.

Археология первобытных древностей возникла в России значительно позже, чем те отрасли археологической науки, о которых шла речь выше. Каменные и бронзовые орудия в XVIII и первой половине XIX в. накапливались в музеях и в частных собраниях, но исследовать их никто не пытался.

Первая серьезная работа по первобытным древностям Рос-

¹ См. А. Д. Чертков. О древних вещах, найденных в 1838 году... «Русский исторический сборник», т. III, кн. 3, М., 1838, стр. 284—292.

² См. А. С. Уваров. Мерыне и их быт по курганным раскопкам, М., 1872.

сии принадлежит К. И. Невоструеву, по специальности археографу, известному своими трудами по древнерусской церковной письменности. Тему для этой работы дало открытие Ананьинского могильника близ Елабуги на Каме. Ананьинские находки доныне имеют руководящее значение для характеристики раннего железного века нашей страны. Поэтому их открытие в середине прошлого века при полном отсутствии подобных материалов было важным событием в археологической науке.

Ананьинский могильник открыт в 1854 г. елабужским купцом и историком родного города И. В. Шишкиным. Невоструев, тоже елабужский уроженец, тогда же заинтересовался этим материалом, но удельное ведомство, которому принадлежала земля, не разрешило раскопок. Оно само их произвело в 1858 г., притом довольно небрежно, но при этом присутствовал И. В. Шишкин, сделавший ценные наблюдения. Найдены были в изобилии бронзовые кинжалы, копья, стрелы, топоры и т. п., встречались и железные вещи, но реже; много было и украшений бронзовых. Невоструев подробно и обстоятельно исследовал погребальный инвентарь и типы находок; он сам впоследствии работал на могильнике и изучил в связи с ним западноевропейские материалы. Невоструев определил время возникновения могильника (грань бронзового и железного веков); он правильно сопоставил его хронологически и культурно с гальштатскими древностями Западной Европы и со скифскими древностями нашего юга. Все основные его выводы прочно вошли в науку¹.

Восточная археология стала развиваться в России только в первой половине XIX в., причем восточные монеты вошли в орбиту внимания русской науки раньше, чем все остальные восточные древности. Русская земля содержит множество кладов мусульманских монет. Когда в начале XIX в. в государственных хранилищах была накоплена масса монет, нетрудно было заметить, что большая часть их, найденная в Восточной Европе, принадлежит арабо-иранскому чекану VIII—X вв. Научное значение восточных монет, найденных на Руси, сознавалось многими историками, но для выводов описания отдельных кладов были недостаточны, требовалась сводка всего нумизматического материала. Этот серьезный труд выполнил ориенталист П. С. Савельев². Оказалось, что больше всего кладов оставил X век, время расцвета древнерусского государства.

¹ См. К. И. Невоструев. Ананьинский могильник. «Труды первого Археологического съезда в Москве. 1869», т. 2, М., 1871, стр. 595—632.

² См. П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века, в России и Прибалтийских странах..., СПб., 1846.

На первом месте по количеству были монеты среднеазиатских эмиров Саманидов, чеканенные преимущественно в Самарканде и Бухаре. Это наблюдение помогает выяснить истинные связи среднеазиатских культурных центров с Русью. На втором месте были монеты халифов Аббасидов, чеканенные преимущественно в Багдаде.

От этих кладов П. С. Савельев перешел к более поздним. Изучение восточных монет позволяет уточнить существенные вопросы истории Золотой Орды и русских княжеств периода татаро-монгольского ига. Прежде всего нумизматика дает прочное основание для хронологии, ибо даты золотоордынской истории могут быть изучены в основном по монетам¹. Савельев наметил эпохи экономического подъема и упадка Золотой Орды, определил порядок наследования ханов и их генеалогию; никакие другие источники не позволяли этого сделать, ибо своей исторической традиции Золотая Орда не оставила, а русские и среднеазиатские известия о ней отрывочны.

Из городищ на Волге большой популярностью среди историков пользовался всегда Болгар. В середине XIX в. петербургский профессор турецкой словесности И. Н. Березин написал о нем исследование². Внутренняя топография городища намечена им на основе археологических разведок, но в основном эта работа эпиграфическая. Надгробные надписи города изучены как по снятым при Петре I копиям, так и по уцелевшим оригиналам. Расшифровка их и хронологизация при сложности арабского шрифта потребовали больших усилий, надписи много дали для выяснения состава населения. Доныне исследование И. Н. Березина — главная работа по эпиграфике Волжской Болгарии.

Археологическая наука в первой половине XIX в. развивалась в основном трудами археологов-любителей. Наибольшее внимание привлекали к себе античные древности на юге России, в меньшей степени древности русские и восточные. Однако в Западной Европе археология развивалась тогда еще медленнее, и русские археологи были для своего времени передовыми учеными.

II ЭТНОГРАФИЯ

Начало накопления этнографического материала в России почти совпадает с началом русской письменности. Уже в

¹ См. П. С. Савельев. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелайридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша, СПб., 1858.

² См. И. Н. Березин. Булгар на Волге, Казань, 1853. О трудах Березина также см. выше, в главе IX.

«Повести временных лет» (ок. 1100 г.) мы находим и краткий рассказ о происхождении славянских народов, и сжатый, но очень точный, очерк этнического состава населения Восточно-европейской равнины, притом с четким подразделением на славянские и неславянские племена. В летописях XII—XV вв., в житиях (например, Стефана Пермского) и других памятниках периода феодальной раздробленности содержатся ценные сведения этнографического характера о народах Севера и Поволжья.

Дальнейшее расширение этнографических знаний начинается на Руси с XVI в. и связано с проникновением русских в Сибирь и с присоединением ее к России.

Русские люди впервые столкнулись с разноплеменным населением Сибири, с таежными охотниками, речными рыболовами, тундровыми оленеводами, степными кочевниками-пастухами. Об этих народах они прежде или вовсе не имели никакого представления или слышали полуфантастические рассказы, вроде тех, какие записаны в «Сказании о человеках неизвестных в восточной стране» (XV в.).

Русские «землепроходцы» XVI—XVIII вв. собирали поразительно точные сведения о местообитании сибирских родов и племен, об их численности, образе жизни, иногда и об их обычаях и верованиях. Собираение этих сведений обычно имело практические цели: надо было установить для туземного населения «ясак», вести учет сбора ясачной и прочей «мягкой рухляди» т. е. мехов, содержать под караулом «аманатов» — заложников — представителей отдельных родов и пр.

В результате было накоплено огромное количество разнообразного письменного материала, относящегося к народам Сибири; это всевозможные «отписки» (донесения) воевод и служилых людей; «доезды» и «статейные списки» казачьих атаманов о посещении новых земель; «челобитные» служилых и промышленных людей с описанием их походов, открытых «землиц», вновь объясаченных племен; «росписи» — систематические описания маршрутов с указанием расселения тех или иных «родов» сибирских народов, «ясачные окладные книги» с более или менее полными перечнями плательщиков ясака по «волостям» или «родам», иной раз со сведениями о составе семьи и экономических показателями, например, о поголовье скота, и пр. Подобных документов особенно много именно по Сибири XVII — начала XVIII в. Они входят в состав «столбцов» и «книг» Сибирского приказа, ведавшего управлением Сибирью в 1637—1710 гг. Аналогичны документы местных воеводских управлений; особенно обильны сохранившиеся дела Якутской приказной избы.

Только со второй половины XVII в. появляются специальные работы по истории и этнографии России и сопредельных с нею стран. Богатый и полноценный этнографический материал находится в описании путешествия Николая Спафария через Сибирь в Китай¹, и особенно в его «Описании первая части вселенная, именуемой Азней, в ней же находится Китайское государство» (1677 г.). Наиболее показательное проявление научного интереса к изучению стран и народов дает литературно-картографическая деятельность Семена Ремезова. Этот тобольский служилый человек составил по поручению Сибирского приказа «Чертежную книгу Сибири» (1701 г.) — огромный географический атлас сибирских земель. Чертежную книгу сопровождало «Описание народов Сибири» — первое сводное этнографическое сочинение в нашей литературе, от которого, к сожалению, дошли до нас только фрагменты².

В 1715 г. была написана первая в русской литературе специальная этнографическая монография «Краткое описание о народе остяцком» — одна из первых подобных монографий и в мировой литературе. Она составлена ссылкой украинцем Григорием Новицким, принимавшим участие в миссионерских поездках для крещения сибирских народов. Сочинение Новицкого, написанное витиевато-ученым языком и полное благочестиво-церковных рассуждений, однако, включает много ценнейшего фактического материала о хозяйстве, обычаях, верованиях народов Западной Сибири. Сочинение Новицкого опубликовано впервые в 1884 г., вторично — в 1941 г.³

С наибольшей силой проявление чисто научного интереса к народам нашей страны сказалось в трудах В. Н. Татищева. Этот видный русский историк и географ пытался организовать плановое и систематическое собирание и изучение материалов, которые могли бы лечь в основу полного историко-географического описания России. Пользуясь влиятельным административным положением (в качестве управляющего сибирскими горными заводами), Татищев разослал местным властям разработанную им специальную анкету для собирания географических, исторических и этнографических сведений об отдельных местностях страны. Эта анкета, или программа, в первой редакции (1734 г.) насчитывавшая 92 вопроса, а во второй (1737 г.) — 198, говорит о чрезвычайной широте намеченного

¹ См. Н. Спафарий. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая..., «Записки Русского Географического общества (далее — РГО) по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882.

² См. А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века, Л., 1939, стр. 108—115.

³ См. Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, Новосибирск, 1941.

плана. Программа включает вопросы, касающиеся природных условий и хозяйства, исторического прошлого, происхождения данного народа, далее вопросы о его обычаях, обрядах, верованиях, народных знаниях и пр. Составленная Татищевым анкета, возможно, является самой ранней в мировой науке этнографической программой¹. О ее значении для археологии говорилось уже выше.

Наиболее важным событием в истории этнографической науки России XVIII в. были экспедиции, проводившиеся главным образом в восточных и северо-восточных областях страны. По своему огромному масштабу эти экспедиции не имели себе равных ни в какой стране того времени. Начало им было положено указами Петра I. Ближайшая цель, намеченная указом Петра (1725 г.), состояла в выяснении того, «сошлась» ли на северо-востоке Азия с Америкой или между ними существует морской пролив. В действительности перед экспедициями стояли более широкие задачи: всестороннее обследование северо-восточных окраин нашей страны, описание ее берегов, изучение морских и сухопутных сообщений, изучение природы этих областей и быта их населения. Если «Первая Камчатская экспедиция», проведенная в более скромных размерах (1726—1728 гг.), не дала существенных результатов, то развернувшаяся вслед за ней «Вторая Камчатская (или Великая северная) экспедиция», длившаяся 11 лет (1733—1743 гг.) и охватившая колоссальную территорию, знаменовала собой целую эпоху в изучении Сибири. Кроме исследования морских путей и побережий, группа участников экспедиции занималась сбором материалов по истории, хозяйству, быту, культуре народов Сибири, частично используя при этом татищевскую программу. Под руководством Г. Ф. Миллера систематически собирался и переписывался актовый материал из сибирских архивов, касающийся местных народов. Часть этих материалов, а также собранные им лично во время путешествия фольклорно-этнографические данные Миллер обработал и положил в основу своей «Истории Сибири»².

Немало этнографического материала содержится и в путевых записках другого участника экспедиции — И. Г. Гмелина, по специальности ботаника. Несколько специальных этнографических монографий о якутах, тунгусах, ламутах и коряках составил Яков Линденау³. Ценный материал по народам Кам-

¹ См. А. И. Андреев. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. «Советская этнография», 1936, № 6, стр. 93—103; В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, М., 1950; Н. Н. Степанов. В. Н. Татищев и русская этнография. «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 149—165.

² См. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I—II, М.—Л., 1937—1941.

³ Они до сих пор еще не опубликованы.

чатки и Алеутских островов был собран Штеллером. Но наиболее выдающимся деятелем из состава участников экспедиции был бесспорно Степан Петрович Крашенинников¹ (впоследствии академик), сделавший неопределимый вклад в мировую этнографическую литературу своим замечательным «Описанием земли Камчатки»² (первое издание вышло в 1755 г.). Этот классический труд, плод неутомимых исследований на месте (1737—1740 гг.), по полноте и разносторонности охваченного материала, по точности и тщательности изложения оставляет далеко за собой все этнографические сочинения своего времени.

Из других путешествий и экспедиций XVIII в. следует особенно отметить обширную серию научных поездок 1768—1774 гг. Видные ученые, принимавшие участие в этих экспедициях, объехали в течение нескольких лет огромные области Поволжья, Европейского севера, Приуралья, Кавказа, Западной и Восточной Сибири. Путешественники (Паллас, Фальк, Зуев, Озерецковский, Георги, Гмелин младший, Лепехин и др.) занимались всесторонним обследованием посещенных местностей, уделяя большое внимание и быту народов. Из историко-этнографических материалов, добытых трудами участников экспедиции, особенно интересны сведения по истории монгольских народов, собранные Палласом, многочисленные этнографические заметки в «Дневных записках» Ивана Лепехина³ и очень содержательная монография Василия Зуева — «Описание... иноверческих народов остяков и самоедов»⁴.

Один из участников экспедиции, И. Г. Георги, обработав ее этнографические материалы и добавив к ним ранее собранные сведения, составил обширную этнографическую сводку о населении нашей страны (3-томное в первом и 4-томное во втором издании) «Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов»⁵, одновременно на немецком и русском языках. Такого обширного сводного обзора мировая наука в то время еще не знала.

Главная заслуга в накоплении этнографических знаний в России в XVIII в. принадлежала Академии наук, силами которой снаряжались названные экспедиции. Помимо упоминавшихся капитальных трудов, в академических изданиях

¹ См. «Сборник статей, посвященных памяти С. П. Крашенинникова». «Советский север», № 2, Л., 1939.

² См. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.

³ См. И. Лепехин. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1771 году, ч. 1—4, СПб., 1771—1785.

⁴ См. В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772), М.—Л., 1947, стр. 17—84.

⁵ См. И. Г. Георги. Описание всех, обитающих в Российском государстве, народов..., т. I—IV, СПб., *1799.

помещались этнографические очерки. Они появлялись, например, в так называемых месяцесловах — своего рода популярных календарях. В 1785 г. Н. Озерецковский по поручению Академии переиздал многие статьи из этих календарей. В изданном им «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов» (10 книжек), встречаются статьи этнографического содержания: «О тунгусах вообще», «О происхождении молдавцев и их языке», «Описание Курильских островов» и пр.¹

Этнографическое изучение русского народа несколько отставало от собирания сведений о других народах России.

Впервые этнографический интерес к русскому народу проявил М. В. Ломоносов. Правда, этнографические интересы занимали сравнительно скромное место в кругу многогранных интересов этого великого ученого, философа, историка и поэта. Однако в его научном наследстве можно найти немало этнографических материалов. В «Российской грамматике» Ломоносова (1755 г.) впервые сделана попытка разделить русский язык на диалекты: он выделяет в нем «московское», «поморское» и «украинское» наречия. Хотя подобное деление в настоящее время и устарело, но оно важно как зачин русской диалектологии, тесно связанной с этнографией. В другом своем сочинении Ломоносов касается отдельных обрядов и обычаев русского населения². Он резко критически высказывается по поводу некоторых вредных обычаев, в том числе даже и освященных церковью (например, крещение в холодной воде).

В XVIII в. начали появляться первые публикации материалов русского народного творчества. М. Д. Чулков напечатал «Собрание разных песен»³, где вместе с песнями книжного происхождения были помещены и чисто народные. Позже он выпустил собрание русских сказок⁴ и «Словарь русских суеверий»⁵ где, впрочем, говорит не только о русских народных верованиях, но и о верованиях других народов.

Зародился интерес и к народной музыке. С 1776 г. начало выходить «Собрание русских простых песен с нотами» Василия Трутовского, а в 1790 г. появился сборник Ивана Прача «Собрание русских народных песен с их голосами». Прач, чех родом, предпослал нотной записи вводную статью, где пытался схарактеризовать музыкальную культуру русского народа сравнительно с другими народами, оценивая ее очень высоко.

¹ «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», СПб., 1785—1790; см. ч. I, III, IV, V, VI.

² См. «Письмо М. В. Ломоносова к Ив. Ив. Шувалову». «Беседы в обществе любителей российской словесности», вып. 3, М., 1871, стр. 72—86.

³ См. М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. I—III, СПб., 1770—1773.

⁴ См. «Русские сказки», ч. 1—10, М., 1780—1783.

⁵ См. М. Д. Чулков. Словарь русских суеверий, СПб., 1782.

В 1804 г. вышел в свет известный сборник русских былин и песен Кирши Данилова. Наконец, в эту же эпоху появляются и первые работы по украинской этнографии: «Описание свадебных украинских простонародных обрядов» Гр. Калиновского (1777 г.), «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» (1798 г.) Якова Марковича.

Все перечисленные издания были проникнуты сочувствием и интересом к культуре, творчеству, мировоззрению народа. Но дальше этого авторы не шли. Совсем иной характер имели работы А. Н. Радищева. В «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790 г.) Радищев с революционно-демократических позиций дал яркие картины быта русского крестьянина, бившегося в тисках бесправия и нужды. Не лишены этнографического интереса и статьи Радищева, написанные им в годы ссылки в Сибири, а также его позднейшая, посмертно напечатанная рукопись: «Описание моего владения». В ней есть сведения о крестьянском земледельческом инвентаре и о приемах ведения сельского хозяйства.

Начало XIX в. ознаменовано первыми русскими кругосветными плаваниями. Перед русскими моряками ставились широкие задачи обследования берегов океанов и островов, особенно великого островного мира Океании. К экспедициям прикомандировывались ученые. Начиная с первой кругосветной экспедиции кораблей «Надежда» и «Нева» (капитаны Крузенштерн и Лисянский, 1803—1806 гг.) русские суда нередко посещают южные моря¹.

В числе открытий и исследований русских моряков и сопровождавших их ученых почетное место занимают этнографические наблюдения о народах Океании, Австралии, Южной Америки, побережья Северо-Западной Америки, Алеутских островов и Северо-Восточной Азии. Особенно много этнографических материалов было привезено с Гавайских островов (Лисянский, Крузенштерн, Коцебу и др.), Маркизских (Лисянский, Крузенштерн), острова Танна в Ново-Гебридском архипелаге (Головнин) и еще больше с Маршалловых островов (Коцебу) и Каролинских (Литке). Эти два последних архипелага, как и Антарктика, были по-настоящему открыты и впервые описаны именно русскими мореплавателями.

Русские моряки и ученые ставили широкие научные проблемы. Участник плавания на «Рюрике», ученый Шамиссо, впервые в науке установил языковую и этническую связь островитян Океании с коренным населением Индонезии —

¹ «Диана» в 1807—1809 гг., «Камчатка» в 1817—1819 гг. (Головнин), «Рюрик» в 1815—1817 гг. и «Предприятие» в 1823—1826 гг. (Коцебу), «Восток» и «Мирный» в 1819—1821 гг. (Беллинсгаузен и Лазарев), «Сенявин» в 1826—1829 гг. (Литке). •

«малайско-полинезийская семья языков». Этим он впервые дал прочное научное обоснование гипотезам о происхождении народов Океании.

Немалая научная работа была проведена в русских владениях Северной Америки. Крупнейшим исследователем этих территорий был известный миссионер-этнограф И. Е. Вениаминов. Около 15 лет прожил он среди алеутов и тлинкитов (1823—1839 гг.), хорошо изучил местные языки и быт населения. В своей капитальной монографии «Записки об островах Уналашкинского отдела» Вениаминов дает всестороннее описание быта коренного населения¹. Ценные материалы об Аляске («Русской Америке») собрали также жившие и путешествовавшие там Загоскин, Кашеваров, Введенский и др. В целом русские этнографические исследования первых десятилетий XIX в. как по островам Океании, так и по владениям России в Америке представляют собой неоценимый вклад в мировую этнографическую литературу.

Из крупных явлений в этнографической науке этого времени следует упомянуть о собирании сведений об обычном праве народов Сибири при М. М. Сперанском, в бытность его генерал-губернатором Восточной Сибири (1819—1822 гг.). Для подготовленного им нового «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) были широко использованы собранные по его приказу через местных «родоначальников» сведения об обычном праве, а также об образе жизни, обычаях, верованиях народов Сибири. Эти материалы впоследствии несколько раз публиковались, хотя и не целиком². Они составляют немаловажный источник изучения народов Сибири.

Одним из показателей возрастающего интереса к народному быту было появление этнографического материала в литературно-публицистических журналах. Особенно часто печатались статьи по этнографии в «Московском телеграфе» Николая Полевого. В 1825 г. в нем впервые в русской литературе появляется и самый термин «этнография»³. Постоянный отдел под названием «Этнография» был открыт с 1826 г. в журнале «Северный архив».

В этнографическом изучении русского народа в первой половине XIX в. явно обнаруживается борьба двух основных направлений: дворянско-буржуазного и революционно-демократического. Странники дворянско-буржуазного направления

¹ См. И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, СПб., 1840.

² См. «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», СПб., 1841; Д. Я. Самоквасов. Сборник обычного права сибирских инородцев, Варшава, 1876.

³ См. «Московский телеграф», М., 1825, ч. II, № V, стр. 15.

идеализировали старый патриархальный быт. Типичным представителем этого направления был этнограф-самоучка И. П. Сахаров. В 30-е годы XIX в. он считался первым авторитетом в области этнографии. Этому способствовало его трудолюбие в собирании и публикации памятников древнерусской письменности и фольклора. Сахаров, мало заботясь о научной доброкачественности издаваемого материала, не останавливался порой и перед прямой фальсификацией текстов. С 1836 г. выходили в свет его «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков»¹. За ними последовали «Путешествия русских людей в чужие земли»², «Песни русского народа»³, «Записки русских людей»⁴, «Русские народные сказки»⁵. Кроме Сахарова, были в те годы и другие любители русской старины, собирали старых обычаев и произведений народного творчества. Таковыми были И. М. Снегирев⁶, В. И. Даль⁷, А. Терещенко⁸, Вадим Пассек⁹. Общественно-научные взгляды этих авторов были неодинаковы, но все они были отмечены романтическим преклонением перед стариной.

Демократическое направление в этнографии было связано с деятельностью декабристов, проявлявших большой интерес к народному творчеству, фольклору и быту.

Правда, эти дворяне-революционеры народа почти не знали. Но они тянулись к нему, и эта тяга отразилась и на их научных интересах. В журналах «Соревнователь просвещения и благотворения» (издававшемся Вольным обществом любителей российской словесности), «Невский зритель», «Полярная звезда», «Мнемозина» печатались статьи, обзоры и пр., выражавшие взгляды декабристов. Там затрагивались и вопросы быта и культуры русского и других народов. Подобного рода материал нередок и в отдельно издававшихся сочинениях

¹ См. И. П. Сахаров. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. 1—3, СПб., 1837.

² См. И. П. Сахаров. Путешествия русских людей в чужие земли, ч. 1—2, СПб., 1837.

³ См. И. П. Сахаров. Песни русского народа, ч. 1—5, СПб., 1838—1839.

⁴ См. И. П. Сахаров. Записки русских людей, СПб., 1841.

⁵ См. И. П. Сахаров. Русские народные сказки, СПб., 1841.

⁶ См. И. М. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. 1—4, М., 1831—1834; его же. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, т. 1—4, М., 1837—1839; его же. Лубочные картинки русского народа в московском мире, М., 1861.

⁷ См. В. И. Даль. Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую, переложенные... казаком Владимиром Луганским. Пяток первый. СПб., 1832; его же. Пословьцы русского народа, М., 1862, ■ мн. др.

⁸ См. А. Терещенко. Быт русского народа, т. I—IV, СПб., 1848.

⁹ См. В. Пассек. Очерки России, СПб., 1838, М., 1840.

будущих участников восстания 14 декабря: интересны, например, «Письма русского офицера» Федора Глинки¹, «Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях» В. Сухорукова².

О современном быте народа, в частности русского, в этих сочинениях писалось мало, ибо о крепостном праве писать было нельзя, а другие стороны быта крестьян меньше интересовали авторов. Но русская старина привлекала декабристов не меньше, чем писателей консервативного лагеря, — только как раз из противоположных мотивов: они с интересом описывали не косный патриархальный быт крестьянства, а традиции древней вольности: новгородскую республику, казачество, героическую русскую народную поэзию, где отразилась борьба за родную землю. Народное творчество интересовало их больше всего. Этот интерес к народному творчеству разделял и близкий к кругам декабристов А. С. Пушкин.

Попав в сибирскую ссылку, декабристы ближе соприкоснулись с повседневным бытом народа. В записках и воспоминаниях, в литературных произведениях некоторых из них встречается любопытный этнографический материал: у Николая и Михаила Бестужевых, Кюхельбекера — о бурятах, у Бестужева-Марлинского, Чижова, М. И. Муравьева-Апостола — о якутах, у Басаргина, Розена, Беляева и др. — о русских сибиряках. Записи наблюдений над бытом этих народов проникнуты гуманным духом, уважением к их труду, умственным способностям³.

Если декабристы, интересуясь народным творчеством, идеализировали его, идеализировали в той или иной мере и старый быт народа, — то более критическое отношение к тому и другому находим мы у В. Г. Белинского.

Роль Белинского в развитии русской этнографии и фольклористики до сих пор недостаточно оценена⁴. Долгое время держался взгляд, что Белинский вообще будто бы не интересовался народным творчеством. В действительности Белинский неоднократно подчеркивал важность собирания и изучения произведений народного творчества. Белинский только не терпел

¹ См. Ф. Г л и н к а. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, ч. 1—8, М., 1815—1816.

² См. В. Сухоруков. Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях. Новочеркасск, 1892.

³ См. В. К. Соколов. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора. «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 131—151.

⁴ См. А. Скафтымов. Белинский и устное народное творчество. «Литературный критик», М., 1936, кн. 7, стр. 134—154; М. Азадовский. Белинский и русская народная поэзия. «Литературное наследство», М., 1948, т. 55, стр. 117—150; Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии. «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 133—148.

некритического преклонения перед стариной, как он выражался, перед «татарщиной». Он ценил народное творчество как отражение быта народа, в изучении его он видел средство познания народа, его нужд, его мировоззрения. Белинский резко критиковал все отсталое, консервативное в народной жизни, выступал против «стоячести жизни»; он далек был от любования этой «стоячестью» и тогда, когда она отражалась в народной поэзии. Поэтому Белинский резко отрицательно относился ко всяким попыткам подражать народной поэзии, что было тогда в большой моде¹.

Слабо выявлено идейное наследство Герцена в изучении народной поэзии, народной культуры. Этнографические интересы Герцена отразились, например, в его статье «Вотяки и черемисы» (1837 г.)².

Осенью 1845 г. было основано Русское Географическое общество, и одним из отделений его стало Отделение этнографии, ставшее центром русской этнографической науки. Это Общество, в котором работали передовые деятели русской науки, очень скоро втянуло в свою деятельность довольно широкие круги общественности.

Отделение этнографии, во главе которого в первые годы стоял зоолог, географ и антрополог, академик К. М. Бэр, с самого начала развернуло энергичную работу. Оно разослало повсюду «циркуляры», программы сбора этнографического материала и обратилось с призывом присылать описания отдельных районов, местностей, сел. Уже в 1850 г. руководство Отделения этнографии имело в своих руках около 600 описаний отдельных местностей, а еще через несколько лет число этих описаний возросло до двух тысяч. Разработка полученных материалов была поручена активным деятелям Общества — Н. И. Надеждину и К. Д. Кавелину³. Наиболее интересные описания стали помещаться в специальных «Этнографических сборниках», которых за 1853—1864 гг. вышло 6 томов; позже сборники были сменены «Записками Русского Географического общества по Отделению этнографии». Однако количественно большая часть собранных Отделением материалов осталась неопубликованной и вошла в «ученый

¹ См., например, рецензию на сказку «Конек-Горбунок» Ершова. В. Г. Белинский. Соч., т. 2, стр. 70—71 и др.

² А. И. Герцен. Соч., т. II, стр. 422—426.

³ См. «Основание в С.-Петербурге Русского Географического общества и занятия его с сентября 1845 по май 1846 г.». «Записки РГО», кн I, СПб., 1846; К. Кавелин. Некоторые извлечения из собираемых в ИРГ обществе этнографических материалов о России... Соч., ч. 4, М., 1859, стр. 201—230; Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общество за сто лет, М.—Л., 1946.

архив» Общества, которыми с тех пор многократно пользовались и до сих пор пользуются исследователи¹.

Географическое общество устраивало специальные экспедиции и научные поездки своих членов: можно отметить поездки в Прибалтику, на Северный Урал в 1846—1847 гг.; известную «Литературную экспедицию» середины 50-х годов, проведенную совместно с морским ведомством для изучения морских и речных путей и экономики связанных с ними районов. В этой экспедиции участвовали писатели, публицисты и этнографы (Писемский, Островский, Мельников-Печерский, Максимов и др.), посетившие Поволжье, Север, Поднепровье и другие районы страны. Несколько позже была проведена богатая по результатам этнографическо-статистическая экспедиция в Западно-русский край (конца 60-х годов) под руководством этнографа П. П. Чубинского².

После избрания Н. И. Надеждина председателем Отделения этнографии (в 1848 г.) деятельность Общества направилась в основном в сторону этнографического изучения русского народа. Надеждин составил новую обширную программу этого изучения. А. Н. Афанасьев начал издавать сборники русских сказок³, главным образом по текстам, хранившимся в архиве Общества (1855—1863 гг.); за ними последовали «Народные русские легенды»⁴. С 1860 г. во главе Отделения стал Н. В. Калачов, составивший в 1864 г. программу собрания сведений о нормах обычного права.

На середину XIX в. приходится и оживление научных поездок в разные, преимущественно восточные области России. Сюда относятся поездки М. А. Кастрена по Европейскому Северу и Сибири (1838—1848 гг.). Этот неутомимый путешественник-лингвист впервые обследовал ряд бесписьменных языков, главным образом малых народов Севера, составив для них грамматики, словари и указав на родство их языков (так называемая урало-алтайская гипотеза)⁵. Большое научное значение имели экспедиции Миддендорфа по Северо-Восточной Сибири (1843—1844 гг.), доставившие первые сведения

¹ См., например, Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества, вып. 1—3, Л., 1914—1916.

² См. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край», т. 1—7, под ред. П. П. Чубинского, СПб., 1872—1878.

³ См. А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I—III, М., 1936—1940.

⁴ См. А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, М., 1859.

⁵ См. М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. «Магазин земледения и путешествий». Географический сборник Н. Фролова, т. VI, ч. II, М., 1860; Сб. «Памяти М. А. Кастрена», Л., 1927.

о бассейне Нижнего Амура и его народах¹; Л. Шренка — по Нижнему Амуру и Сахалину (середина 50-х годов)², поездки Р. Маака³, первые путешествия Г. Н. Потанина⁴, экспедиция Н. Ханькова в Среднюю Азию и пр.⁵

В 40-х годах XIX в. были впервые провозглашены задачи и принципы этнографии, как особой дисциплины, притом первые не только в истории русской, но и в истории мировой науки. Задачи и принципы этнографии были изложены руководителями Русского Географического общества Бэром, Надеждиным и Кавелиным. В докладе Бэра, прочитанном на одном из первых заседаний Отделения этнографии (март 1846 г.)⁶, была высказана мысль о том, что сравнительная этнография призвана дополнять историческую науку именно там, где ощущается недостаток прямых исторических свидетельств. Этнографические наблюдения не только очень важны, но и неотложны, потому что «запасы для работ этнографических уменьшаются с каждым днем вследствие распространяющегося просвещения, которое сглаживает различия племен». Следовательно, говорил Бэр, «все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене»⁷.

Начало работы Н. И. Надеждина в Русском Географическом обществе ознаменовалось большим программным выступлением. Он прочел доклад на заседании Отделения этнографии на тему «Об этнографическом изучении народности русской»⁸ и в этом докладе попытался дать определение сущности этнографии в духе гегельянского мировоззрения. Содержанием этнографии, по Надеждину, являются «народности», которые составляют «естественные разряды в человечестве». Задача этнографии приурочивать «людское» к «народному» и через то обозначать в нем «общечеловеческое». Надеждин проводил принципиальное различие между этнографическим материалом и этнографией как наукой. «Собирать материал для науки, — говорил он, — может всякий охотник личным усердием и

¹ См. А. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. I—II, СПб., 1860—1878.

² См. Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 1—3, СПб., 1883—1903.

³ См. Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, ч. 1—III, СПб., 1886—1887; его же. Путешествие на Амур, СПб., 1859.

⁴ См. Г. Н. Потанин. Путешествие на озеро Зайсан. «Записки РГО по общей географии», т. 1, 1867.

⁵ См. Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

⁶ См. К. М. Бэр. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности. «Записки РГО», кн. 1, СПб., 1846, стр. 93—115.

⁷ Там же, стр. 94.

⁸ См. Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской. «Записки РГО», кн. 2, СПб., 1847, стр. 60—115.

личными средствами. Но самая наука является только тогда, когда, во-первых, сбор материалов производится... систематически в порядке, связи и полноте, требуемых наукою». Собираемый материал должен быть пропущен, по словам Надеждина, через «чистительное горнило строгой, разборчивой критики». Критика при этом должна выделить в быту и культуре каждого народа — в данном случае русского, который специально интересовал Надеждина, — всякие наносные, заимствованные элементы, продукты влияний соседних и других народов, и оставить только то, что свойственно данному народу самому по себе, в частности, то, что свойственно «первобытной, основной, чистой, беспримесной русской натуре»¹.

Третьим теоретиком этнографии тех же лет был К. Д. Кавелин². В своей обстоятельной рецензии на книгу А. Терещенко «Быт русского народа» (1848 г.) Кавелин изложил свои взгляды на этнографию, как на остатки существенных сторон народной жизни, сложившихся в разные исторические эпохи. Задачей науки Кавелин считал распределение этих остатков прошлого «по эпохам, к которым они относятся, по элементам, под влиянием которых они образовались. По примеру геологии, критика должна найти ключ к этим ископаемым исчезнувшего исторического мира». Этим пониманием задач этнографии Кавелин предвосхитил то, что через двадцать лет излагал Тэйлор, классик буржуазной этнографии, и что получило известность как связанное с его именем учение о «пережитках». В отличие от Тэйлора Кавелин не придавал большого значения сравнительному методу и решительно высказался против увлечения точкой зрения «заимствования». Сходное — не значит заимствованное, говорил Кавелин. Эти мысли Кавелина и сейчас сохраняют свое значение.

В середине XIX в. в русской буржуазной этнографии господствовала «мифологическая» школа, зародившаяся незадолго перед тем в Германии и распространившаяся и в других европейских странах. Главными последователями ее в России были фольклористы-литературоведы А. Афанасьев, Ф. Буслаев, А. Потебня, Орест Миллер.

Подобно своим зарубежным единомышленникам, эти ученые рассматривали всевозможные народные верования, предания, народную поэзию, разные обряды и обычаи как разрозненные остатки некоего древнего натур-мифологического мировоззрения, которое якобы господствовало у наших отдаленных пред-

¹ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской, стр. 64, 81.

² См. К. Д. Кавелин. Собрание сочинений, СПб., 1900, т. 4. Об исторических взглядах этого либерально-буржуазного историка и правоведа см. выше, гл. VIII.

ков. Это мировоззрение было будто бы целиком основано на наблюдениях над небесными явлениями, которых древние люди не понимали и потому олицетворяли в образах великих богов. Впоследствии же образы небесных богов превратились в человеческие фигуры, в мотивы народных поверий и обрядов.

Основная идея «мифологической школы» состояла в признании всей духовной жизни современных народов — по крайней мере крестьянства — результатом не развития, но деградации и упадка. Изменение духовной культуры народа идет, с точки зрения последователей этой школы, скорее по нисходящей, чем по восходящей линии. Эта реакционная идея была тесно связана с идеалистическим мировоззрением отживавшего свой век класса феодалов.

Подобными толкованиями полна, например, книга А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»¹, впрочем, очень ценная собранным в ней богатым сравнительным материалом.

Общие итоги развития русской этнографии к середине XIX в. могут быть признаны значительными. К этому времени был накоплен существенный этнографический материал и сделаны некоторые общие выводы, в ряде случаев предвосхитившие то, к чему пришли западноевропейские ученые значительно позднее.

¹ См. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1—3, М., 1865—1869.

Глава XI

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ И АРХИВОВ, ИЗУЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

1

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В первой половине XIX в. собрание и издание письменных исторических источников получило большой размах, сосредоточиваясь в руках особых государственных комиссий. Значительно расширился круг издаваемых источников. Кроме летописей и других повествовательных произведений, было предпринято издание различных актов публичного и частного характера, а также мемуаров и записок иностранцев о России. Основным типом публикации исторических документов становятся многотомные собрания, иногда издаваемые на протяжении многих лет.

В связи с изданием многочисленных и разнообразных исторических источников возник вопрос о создании правил публикации того или иного вида исторических материалов, что заставило обратить внимание на разработку вспомогательных исторических дисциплин, в первую очередь палеографии, дипломатики, сфрагистики и нумизматики. В архивном деле проводится упорядочение хранения и описания документов. Впервые появляются печатные описания рукописных собраний, составленные специалистами.

Таким образом, в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в первой половине XIX в. наметился большой сдвиг. Однако общее направление дворянской и буржуазной историографии носило тенденциозный характер: собирались и изучались исторические источники, которые должны были возвеличить самодержавие и дворянство, а также православную церковь. Основное внимание издателей исторических документов в дореформенное время было обращено на политическую и церковную историю. Попытки издания

материалов, в какой-то мере бросающих тень на самодержавие, тщательно преследовались.

Издание и собирание исторических источников особенно возросло после Отечественной войны 1812 г., сыгравшей большую роль в формировании национального сознания русских людей и вызвавшей особый интерес к прошлому России. Однако некоторые мероприятия по собиранию исторических источников стали проводиться уже с самого начала XIX в. Поисками древних рукописей и грамот в провинциальных, прежде всего в монастырских, архивах занимался Евгений Болховитинов (новгородский архиепископ, позже киевский митрополит). Объезжая в 1804 г. разные епархии, он ознакомился со многими церковными библиотеками и архивами и собрал в них материалы для своих трудов¹. В частности, им была найдена древнейшая русская грамота, дошедшая в подлиннике, — жалованная грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю XII в.² В 1809 г. была создана комиссия, обследовавшая археологические и архивные памятники северных украинских городов, а в 1811 г. — «Комиссия печатания государственных грамот и договоров» при Московском архиве Министерства иностранных дел.

Деятельность комиссии при Московском архиве в основном развернулась уже после Отечественной войны 1812 г., при поддержке канцлера гр. Н. П. Румянцева. Крупнейшей публикацией комиссии, не потерявшей своего значения и до нашего времени, является монументальное «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел». В состав этого издания вошли государственные акты с 1229 по 1696 г.³ При печатании отдельных томов этого издания возникли большие разногласия между инициатором этого издания Н. П. Румянцевым и сотрудниками комиссии П. М. Строевым и К. Ф. Калайдовичем по вопросам о приемах публикации документов. Румянецв, следуя приемам Шлецера, требовал, чтобы печатание актов производилось «без малейших в правописании поправок, сохраняя всевозможную точность подлинников в отношении букв и самых знаков препинания»⁴. Выполнение этого требования о буквальном воспроизведении подлинника должно было привести к потере смыслового содержания документа. Строев, ученик проф. Тимковского,

¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1, Киев, 1891, стр. 151—152; И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. 1, М., 1941, стр. 222.

² См. подробнее § 2.

³ «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел», ч. 1—5, М., 1813—1894.

⁴ «Переписка... Н. П. Румянцева с московскими учеными». «Чтения ОИДР», кн. 1, М., 1882, стр. 21. •

издателя первого научного издания русской летописи, держался других взглядов. Он считал, что не имеет смысла сохранять ошибки и описки писцов и произвольно расставленные ими знаки препинания; точно так же он считал, что нецелесообразно воспроизводить титла и буквы, уже вышедшие из употребления. В предисловии к изданному им «Софийскому временнику» — Софийской новгородской летописи Строев писал: «Неоднократные опыты доказали уже, что *буквальное* издание рукописей — какого требовал Шлецер, а за ним другие, еще строжайшие — со всеми *ошибками* писцов, *неупотребительными буквами, титлами* и даже с удержанием неверного *словоразделения*, не только не принесло ожидаемой от сего пользы, напротив того вводило читателей в одно излишнее затруднение»¹. Поэтому при издании текста «Софийского временника» он сделал следующее: 1) Исключил буквы, не употребительные в нынешней гражданской печати, 2) дополнил слова, стоящие под титлами, 3) расставил в приличных местах препинательные знаки и 4) выправил орфографические ошибки писцов, ни мало не касаясь древних грамматических форм, невразумительных архаизмов и самого выговора».

Румянцев, понимая, что сохранение в тексте ошибок и описок писцов приводит к «затемнению смысла речи», требовал в то же время выполнения данных им предписаний. Члены комиссии решили держаться уклончивой, компромиссной тактики. Поэтому, если при издании II тома «Собрания» были удержаны сокращения и титла и вышедшие из употребления буквы, то знаки препинания члены комиссии расставили согласно правилам начала XIX в.; а при издании III и IV томов «Собрания», под предлогом, что в них печатаются не древние документы, настояли на том, чтобы «не наблюдалась прежняя затруднительная точность в буквах, ныне из употребления вышедших, а при том и не нужные в гражданской азбуке титла исключены». Таким образом, при печатании текста «Собрания государственных грамот и договоров» происходила скрытая борьба взглядов Румянцева с новыми взглядами Строева и Калайдовича. «Вынужденные считаться с соображениями хозяина предприятия, молодые ученые осторожно и постепенно меняли приемы передачи текста»². Впрочем, эти новые приемы не лишены были недостатков.

Важно было также то, что каждый документ был снабжен заголовком, содержащим указание, с чего он напечатан, с под-

¹ «Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год», изд. П. Строев, ч. I, М., 1820, стр. XX—XXI.

² П. Г. Софинов. Развитие русской археографии в первой четверти XIX в. «Труды Историко-Архивного института», т. IV, М., 1948, стр. 236.

линника или с копии. В легендах был указан род материала, на котором написан документ, и наличие печатей.

При печатании комиссией других документов она была менее зависима от чрезмерных требований Румянцева и потому могла шире применять новые (по сравнению с XVIII в.) приемы издания. Особенно ярко это проявилось при печатании Строевым «Софийского временника», принципы издания которого приведены выше. С применением новых, более совершенных приемов вышли из печати в 1819 г. подготовленные Строевым и Калайдовичем «Законы великого князя Иоанна Васильевича и внука его царя Иоанна Васильевича».

Так постепенно в начале XIX в. совершенствовалась русская археография.

При непосредственной поддержке Румянцева были предприняты поиски новых исторических материалов в монастырских библиотеках, которые до этого времени оставались почти неизученными. Особенно крупные заслуги в области собирания и описания рукописных богатств принадлежат уже упоминавшимся выше П. М. Строеву (1796—1876 гг.) и К. Ф. Калайдовичу (1792—1832 гг.).

Получив задание осмотреть и описать монастырские библиотеки Московской губернии, Строев и Калайдович посетили Волоколамский, Ново-Иерусалимский и другие монастыри. В них они обнаружили замечательные памятники древнерусской письменности. В их числе был «Изборник» Святослава 1073 г., полное описание которого сделал Калайдович, «похвала когану Владимиру», произведения Кирилла Туровского и другие ценнейшие памятники. В ходе разысканий Строев составлял подробные описания рукописей Волоколамского и других монастырей. Это были первые ученые описания источников по тогдашним требованиям библиографии¹. В 1825 г. Строев совместно с Калайдовичем издал «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Ф. А. Толстого»², а через 4 года — «Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских...»³ той же библиотеки. Строев также напечатал Судебники и Софийскую первую летопись (под названием «Софийского временника»)⁴.

¹ См. П. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского, СПб., 1889.

² См. «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Ф. А. Толстого». Изд. К. Калайдович и П. Строев, М., 1825.

³ См. «Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Ф. А. Толстого». Изд. П. Строев, М., 1829.

⁴ См. «Софийский временник...», ч. 1—2, М., 1820—1821.

Открытия, сделанные Строевым и Калайдовичем, показали необходимость организации специальной археографической экспедиции для отыскания письменных исторических источников. В заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете 14 июня 1823 г. Строев произнес речь «О средствах удобнейших к открытию памятников отечественной истории и об успешнейшем способе обрабатывать оные»¹.

По проекту Строева, работы экспедиции должны были состоять из трех этапов. На первом этапе члены экспедиции должны были обследовать библиотеки и архивохранилища в 10 северных губерниях, на втором — в 12 губерниях средней части Европейской России, на третьем этапе — в 9 западных, украинских и части центральных губерний. В течение 4—5 лет члены экспедиции должны были «обозреть, разобрать и с возможною точностью описать» все собрания документов и рукописей. Составленные в результате этой работы каталоги предполагалось напечатать в виде систематически расположенной общей росписи. Только после этого наступит время «изданий и критики». Речь Строева была встречена холодно, но спустя несколько лет проект Строева нашел поддержку в Академии наук. В 1829 г. Археографическая экспедиция в составе Строева и двух приглашенных им сотрудников Московского архива иностранных дел выехала из Москвы. Позже к Строеву присоединился Я. И. Бередников (1793—1854 гг.). В течение трех лет экспедиция объехала 12 губерний. Было осмотрено около 200 библиотек и архивов, принадлежавших главным образом монастырям и духовным учебным заведениям, собрано до 3000 актов². Деятельность экспедиции встретила сопротивление со стороны синода, который дал свое согласие на осмотр церковных и монастырских библиотек только на третий год экспедиционных работ.

В организации и проведении первой Археографической экспедиции было много недостатков. Она была получастным, полугосударственным предприятием. Строев и Бередников составляли в ходе работы свои собственные коллекции документов, передавали некоторые памятники крупным коллекционерам-меценатам, фонды архивохранилищ и книгоохранилищ разрушались и распылялись; многие памятники были сознательно скрыты от членов экспедиции монастырскими и церковными властями.

¹ См. «Труды и Летописи Общества истории и древностей российских...», М., 1828, ч. IV, кн. 1, стр. 277—301; «Северный архив...», СПб., 1823, ч. 8, стр. 1—27.

² Подробности см. в «Отчетах о занятиях и изданиях Археографической комиссии за двадцатипятилетие ее существования (1834—1859)...», СПб., 1860, стр. 6—8.

ми. Так как Академия предписывала отбирать только те материалы, которые находятся в ближайшем отношении к отечественной истории и не требуют крупных затрат, то археографы не приобретали пергаментных рукописей, дорогих по цене. Эти недостатки были присущи и другим археографическим поездкам первой половины XIX в., например, экспедиции Н. В. Калачова, предпринятой им в 1853—1854 гг., когда он объехал 11 губерний. Калачов обследовал как архивы присутственных мест, так и частные архивы¹.

Тем не менее общие результаты Археографической экспедиции, возглавленной Строевым, были положительными. Экспедиция привела в известность богатства многих архивных хранилищ. Собранные экспедицией документы легли в основу многотомных публикаций актов, которые дали возможность исследователям опираться на обширный и разнообразный материал по истории России.

С 1834 г. издание исторических документов было сосредоточено в особом учреждении — Археографической комиссии, созданной при Министерстве народного просвещения. Комиссия была организована по типу других правительственных учреждений первой половины XIX в. Во главе ее стоял директор департамента министерства, крайний реакционер, кн. Ширинский-Шихматов, не имевший никакого отношения к науке. П. М. Строев вошел в комиссию только в качестве рядового члена, а позже выбыл из нее. В том же году были утверждены «Правила Комиссии для издания собранных Археографической экспедицией актов».

Печатание громадного актового материала, собранного Археографической экспедицией, началось с 1836 г. В течение одного года были изданы «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею...»². В дальнейшем были изданы в одном томе «Акты юридические»³, в трех томах «Акты, относящиеся до юридического быта древней России»⁴, в пяти томах «Акты исторические»⁵, в двенадцати томах «Дополнения к Актам историческим»⁶, в

¹ См. И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, ч. I, М., 1941, стр. 276.

² См. «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею...», т. 1—4, СПб., 1836.

³ См. «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства», СПб., 1838.

⁴ См. «Акты относящиеся до юридического быта древней России», т. 1—3, СПб., 1857—1884.

⁵ См. «Акты исторические», т. 1—5, СПб., 1841—1842.

⁶ См. «Дополнения к Актам историческим», т. 1—12, СПб., 1846—1872.

пяти томах «Акты, относящиеся к истории Западной России»¹, «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России»².

Для облегчения пользования этими обширными изданиями к ним составлялись указатели имен и географических названий, сделавшиеся с этого времени обязательной принадлежностью научной публикации исторических источников. Инициатива этой большой работы принадлежала Строеву, который уже в 1828 г. составил «ключ» к одиннадцати томам «Истории государства Российского» Карамзина. О значении указателей Строев пишет во вступлении к своему ключу: «Не буду рассказывать каких трудов, терпения и постоянства стоило мне долговременное *составление и издание сего Ключа*: знающие поймут сами, для незнающих пусть будет механизм»³.

В названных изданиях было напечатано громадное количество документов, необходимых для всякого, кто занимается русской историей XIII—XVII вв.: различные грамоты (договорные, уставные, жалованные, таможенные и пр.), уставы и указы, указы о крестьянах, судебники, розыскные дела, соборные определения, материалы по истории городов, о торговле и промыслах, о государственных доходах и расходах, о сношениях с различными государствами, о военном деле и пр. Однако подбор актов был сделан с определенных классовых позиций дворянско-буржуазной историографии. Главное внимание было обращено на актовые материалы, связанные с церковным и боярским землевладением. В то же время в изданных актах почти не было документов по истории классовой борьбы, массовых народных движений (по истории восстания под руководством Степана Разина было напечатано, например, несколько малозначительных документов и пр.).

Даже хронологические рамки, поставленные для актов, показывали желание издателей при их публикации ограничиться только временем, отдаленным от современности,— не позже 1700 г.

Занимаясь преимущественно публикацией актовых материалов, Археографическая комиссия предприняла также систематическое издание русских летописей. В 1837 г. были утверждены правила издания «Полного собрания русских летописей». При издании летописей Археографическая комиссия решила исходить из следующих правил. Каждый разряд летописей печатать отдельно по основным и побочным спис-

¹ См. «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 1—5, СПб., 1846—1853.

² См. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. 1—15, СПб., 1863—1892.

³ П. М. Строев. Ключ или алфавитный указатель к Истории государства Российского Н. М. Карамзина, СПб., 1844, вступление.

кам, не смешивая его текста с другими разрядами. Выбрать лучший список по каждому разряду летописей, его текст положить в основу издания, а из побочных списков заимствовать варианты. Повторяющиеся в разных списках части летописного текста не воспроизводить каждый раз, а ссылаться на предыдущие томы; при этом подновления и переименования отдельных мест не исключать, но в конце соответствующего текста делать отсылку к точным словам подлинников. Явно испорченные выражения основных списков показывать в вариантах, а взамен их вносить в текст исправнейшие из побочных списков. В случаях расхождения обширных частей основного и побочного списков печатать эти части двумя параллельными колоннами. Вводные статьи, не состоящие в связи с изложением событий — повести, жития и пр., исключать из текста, но помещать их в дополнение к тем спискам, в которых они встречаются¹.

Правила издания русских летописей, принятые Археографической комиссией, были несомненным шагом вперед по сравнению с приемами издания исторических источников в предшествующее им время. Однако на деятельность редакторов «Полного собрания русских летописей» вредное влияние оказали положения Шлецера, полагавшего, что все изменения летописного текста являются только искажениями позднейших переписчиков². Поэтому при издании первых томов русских летописей были допущены большие ошибки. Так, в одном томе объединялись тексты различных летописных сводов. Например, текст Повести временных лет был издан по Лаврентьевской летописи, а Ипатьевский список дан в вариантах. Издатели иногда исправляли текст по своему разумению, далеко не всегда оговаривая свои исправления в примечаниях.

В результате некоторые летописные своды появились в совершенно неудовлетворительном виде. Это в первую очередь относится к третьему тому Полного собрания русских летописей: новгородские летописи в этом томе были изданы фактически в отрывках.

Третий том вышел в 1841 г. За ним, с перерывами в несколько лет, последовали еще 7 томов: том второй (Ипатьевская летопись), том первый (Лаврентьевская летопись), том четвертый (Новгородская четвертая и Псковская летописи) и т. д. Главным редактором первых томов Полного собрания русских летописей был участник Археографической экспедиции

¹ См. «Отчеты о занятиях и изданиях Археографической комиссии...», стр. 76.

² См. подробнее § 2.

Я. И. Бередников. В течение 18 лет появилось восемь томов Полного собрания русских летописей¹.

Несмотря на несовершенство и спорность приемов издания, Полное собрание русских летописей явилось крупным вкладом в русскую историографию феодального периода.

В задачи Археографической комиссии входило также издание сочинений исторического содержания, а с 1839 г. — и документов по русской истории, написанных на иностранных языках.

С целью выявления подобных исторических материалов было продолжено обследование некоторых иностранных архивов, начатое еще при Румянцеве. Особенно плодотворной была поездка в 1839 г. в Швецию профессора Соловьева.

Из его находок особенно интересны так называемые Делгардиевское собрание актов, вывезенных шведами из Новгорода в начале XVII в., уставная Смоленская грамота XII в., сочинение Котошихина и др.

В результате обследований в зарубежных архивах появились два тома «Актов исторических, относящихся к России, извлеченных из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым» и «Дополнения к Актам историческим, относящимся к России»². В этих изданиях были напечатаны выпуски о событиях за период с 1075 по 1719 г. из Ватиканского тайного архива и других библиотек и архивов, рисующие сношения с Тевтонским орденом, Ливонией, Литвой и т. д. Позже вышло из печати крупнейшее издание дипломатических документов «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными»³.

Неизмеримо меньшее значение для истории России имело предпринятое Археографической комиссией издание — «Собрание русских медалей»⁴ и «Медалионы в память военных событий 1812, 1813, 1814 и 1815 годов...»⁵, а также «Выходы государей, царей и великих князей...»⁶. Эти издания отвечали

¹ См. «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. I, СПб., 1846; т. II, СПб., 1843; т. III, СПб., 1841; т. IV, СПб., 1848; т. V, СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853; т. VII, СПб., 1856; т. VIII, СПб., 1859.

² См. «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым», т. I—II, СПб. 1841—1842; «Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собрания в иностранных архивах и библиотеках», СПб., 1848.

³ См. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I—X, СПб., 1851—1871.

⁴ См. «Собрание русских медалей», СПб., 1840.

⁵ См. «Медалионы в память военных событий 1812, 1813, 1814 и 1815 годов...», СПб., 1838.

⁶ См. «Выходы государей царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев» (с 1632 по 1682 г.), М., 1844.

классовым интересам русского дворянства, возвеличению самодержавия и его представителей.

Деятельность Археографической комиссии за первые 25 лет ее существования внесла существенный вклад в развитие исторических знаний в России. Изданиям Археографической комиссии дал высокую оценку Н. Г. Чернышевский. В рецензии на том IV «Истории России» С. М. Соловьева, напечатанной в «Современнике» (№ 10 за 1859 г.), он писал: «...излишне также повторять, что труд этот составляет, вместе с изданиями Археографической комиссии, важнейшее приобретение нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет»¹. Высоко оценивал издания Археографической комиссии В. Г. Белинский².

Выявлением и изданием исторических материалов в первой половине XIX в., наряду с Археографической комиссией, занимались и другие учреждения. Крупнейшим из них являлась Археографическая комиссия в Киеве, учрежденная в 1843 г.

Издательская деятельность «Киевской комиссии для разбора древних актов» ставила прежде всего цели прославления самодержавия и православия. Инициатор ее учреждения киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков считал, что научная разработка истории Юго-Западного края должна быть поручена «не ученому обществу, а ученому правительственному учреждению, всецело подчиненному представителю высшей власти в крае»³. Основное внимание «Архива Юго-Западной России», издававшегося Киевской комиссией, сосредоточивалось на издании документов по истории православной церкви, постановлений сеймов и судебных учреждений, документов по истории отдельных дворянских фамилий на Украине в XV—XVII вв. и пр.

Деятельность Археографической комиссии, как мы видели, в основном сосредоточивалась на издании материалов с древнейших времен до конца XVII в. Издание же исторических материалов XVIII—XIX вв. производилось лишь спорадически.

К 30-м годам XIX в. царским правительством по политическим соображениям был выдвинут вопрос об издании кодекса законов Российской империи. В эпоху разложения феодально-крепостнических отношений и зарождения капитализма нужны были новые кодексы гражданских и уголовных законов. Было решено сначала собрать все законы, изданные после 1649 г., а потом на основании их составить свод действующих законов.

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. II, стр. 405.

² См. В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 246—249 и 306—329.

³ О. И. Левицкий. Пятидесятилетие Киевской комиссии для разбора древних актов (1843—1893). Историческая записка о ее деятельности, Киев, 1893, стр. 11.

Во главе этого дела был поставлен М. М. Сперанский (1772—1839 гг.). Результатом деятельности комиссии Сперанского явились 45 томов «Полного собрания законов Российской империи». «Собрание первое», вышедшее в 1830 г., охватывало время от издания Уложения 1649 г. по 12 декабря 1825 г.¹ Добавлением к нему были «Алфавитно-предметный» и хронологический указатели, книги штатов и тарифов.

После выхода в свет первого «Полного собрания законов» стало печататься второе издание, которое начиналось актами 12 декабря 1825 г. и было доведено по 28 февраля 1881 г.² Несмотря на большую неполноту этих «полных собраний законов», зависевшую от тенденциозного подбора документов, и неправильную археографическую обработку включенных в них законодательных актов, оба издания обогатили русскую историческую науку громадным количеством источников.

Кроме государственных учреждений, изданием исторических материалов занимались также частные лица и общества.

Совершенно новым по приемам публикации было издание Русской Правды, выпущенное в 1846 г. Н. В. Калачовым³. Найдя в разных хранилищах более 40 списков этого памятника, Калачов дал их классификацию, привел к основному взятому им тексту варианты отдельных списков, которые, как ему казалось, имеют «важность в юридическом отношении», и разбил Русскую Правду на статьи, избрав «некоторую систему общих юридических понятий». Согласно своей юридической системе, он разделил статьи Русской Правды на группы, относившиеся к государственному, гражданскому, уголовному и процессуальному праву. Несмотря на искусственность публикаторских приемов Калачова, его издание на протяжении почти целого века служило единственным полным пособием при изучении Русской Правды.

Почин Строева, его поездки по подмосковным монастырям и организованная им Археографическая экспедиция нашли широкий отклик в провинции. Уже в 1821 г. вышли два издания, подготовленные к печати Василием Берхом: «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» и «Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии»⁴.

¹ См. «Полное собрание законов Российской империи» (далее — ПСЗ), т. I—XLV, СПб., 1830.

² См. ПСЗ, т. I—LV, СПб., 1830—1884.

³ См. «Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций», изд. Н. Калачов, М., 1846.

⁴ См. В. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей, СПб., 1821, «Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии», изд. В. Берх, СПб., 1821.

В 1845 г. вышел «Синбирский сборник», изданный П. Н. и А. Н. Языковыми, А. С. Хомяковым и Д. Валуевым, в котором впервые были напечатаны разрядные книги, т. е. записи о посылке воевод и других ратных людей в XVI—XVII вв., и пр.¹ Большое издание документов в трех частях было напечатано в Воронеже под названием «Воронежские акты»².

Интерес к истории в первой половине XIX в. сказался в расширении исторической тематики и круга исторических источников, в привлечении различного рода записок и дневников русского и иностранного происхождения. В 1830 г. были напечатаны важные для истории начала XVII в. записки Маржета («Состояние Российской державы»), «Записки дюка Лирийского (1727—1730)» и пр. Первое систематическое издание русских дневников и мемуаров предпринял И. П. Сахаров, выпустивший «Записки русских людей»³. В них вошли записки русских деятелей конца XVII — начала XVIII в.: А. А. Матвеева, П. Н. Крекшина, И. А. Желябужского, Сильвестра Медведева. Следует отметить и такие издания, как «Записки» Семена Порошина, «Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писаны им для детей своих», «Записки Миниха-отца» и пр. Большое количество всякого рода записок, мемуаров, писем было напечатано в первой половине XIX в. в журналах: «Русский вестник», «Сын отечества», «Азиатский вестник», «Вестник Европы» и др.⁴

В 1859 г. было положено начало изданию писцовых книг. В этом году вышел первый том Новгородских писцовых книг, именно первая половина переписной оброчной книги Деревской пятины, составленной около 1495 г., и писцовые книги Ижорской земли⁵. Продолжение этих книг вышло в 1862 г. Таким образом, стало возможным изучение одного из важнейших памятников по социально-экономической истории России конца XV — начала XVI в.

Господство дворянской, а потом наряду с ней буржуазной историографии определяло основной характер публикаций исторических источников: эти публикации должны были подкрепить стремление дворянства и буржуазии к укреплению тогдашнего социально-политического строя России. Публикова-

¹ См. «Синбирский сборник», М., 1845.

² См. «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова», кн. 1—3, Воронеж, 1851—1853.

³ См. И. П. Сахаров. Записки русских людей, СПб., 1841.

⁴ См. С. Р. Минцлов. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке, вып. I—III, Новгород, 1911—1912.

⁵ См. «Новгородские писцовые книги», т. 1—6, СПб., 1859—1910; «Писцовые книги Ижорской земли», т. 1, отд. 1 и 2, СПб., 1859—1862.

лись преимущественно юридические памятники. Поддерживая начинания Строева и Академии наук, правительство взяло дело организации Археографической экспедиции и печатание собранных ею материалов в свои руки.

Археографическая комиссия публиковала преимущественно юридические и исторические акты, главным образом изданные до 1700 г., а также летописи. Материалы XVII — первой половины XVIII в., рисующие разложение феодально-крепостнического строя и обострение классовой борьбы трудящихся масс, оставались в основной своей массе неизданными.

II

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

• Публикация исторических источников, проводившаяся во второй половине XVIII в. и особенно широко в первой половине XIX в., сопровождалась выходом в свет работ, посвященных критике источников.

Крупной работой, посвященной изучению летописей, явилась книга А. Л. Шлецера, написанная им в самом начале XIX в. и озаглавленная: «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные»¹. Август Людвиг Шлецер (1735—1809 гг.) написал это сочинение в последние годы своей жизни в Германии, куда он вернулся в 1769 г. после кратковременного пребывания в России. «Нестор» Шлецера на долгое время сделался образцом для подражания дворянско-буржуазных источниковедов.

«Нестор» был написан на немецком языке, но вскоре был переведен на русский. В этом труде Шлецер подробно разбирает тексты Повести временных лет, подвергая их критическому изучению. Однако сложная задача, поставленная Шлецером, — объяснить весь текст Повести временных лет — не дала ему закончить «Нестора»; написанная же часть его работы заняла в русском переводе три больших тома.

Труд Шлецера представлял собой типичный образец исторической критики XVIII в. и явно отставал от исторической науки начала XIX в. Шлецер видел в Повести временных лет сочинение монаха Нестора, а не летописный свод. Поэтому все спорные и неясные места в Повести он старался объяснить

¹ Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von Aug. Ludw. Schlözer, т. 1—4, Göttingen, 1802—1805; А. Л. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные, ч. 1—3, СПб., 1809—1819.

позднейшими искажениями первоначального текста, стремясь восстановить «очищенного Нестора». Влияние Шлецера вредно сказалось на издании первых томов Полного собрания русских летописей. Издатели их следовали построениям Шлецера и «очищали», т. е. по существу искажали, текст летописей произвольными поправками.

Значительно большее источниковедческое значение имели примечания к «Истории государства Российского» Карамзина, в которых критически разбирались известные ему повествовательные источники русской истории вплоть до начала XVII в. Карамзин, как правило, дает точные указания, откуда им заимствованы те или иные известия, а также делает краткое описание рукописей. В его труде много палеографических наблюдений. Однако эти наблюдения имеют по преимуществу описательный характер. Они обнаруживают неумение автора свести их в какую-либо общую палеографическую систему. В силу этого замечания Карамзина, относящиеся к ныне утраченным памятникам (например, его замечания к рукописи «Слова о полку Игореве»), оставляют впечатление неуверенности самого исследователя в их правильной датировке.

Оживлению интереса к источниковедению способствовала и так называемая скептическая школа во главе с М. Т. Каченовским. Несмотря на свою крайнюю методологическую беспомощность, школа все же будила критическую мысль в русской историографии.

Прямым ответом на преувеличения и ошибки скептической школы явилось сочинение П. Г. Буткова «Оборона летописи русской...», в котором был поставлен вопрос о подлинности русской Начальной летописи и ее источниках. Бутков в сущности первым подошел к вопросу о времени появления основных редакций Повести временных лет. Его книга является одним из лучших источниковедческих трудов первой половины XIX в.¹ Значительно меньший интерес представляет книга М. П. Погодина, написанная на ту же тему².

Попыткой собрать сведения о русских писателях XI—XVII вв. явился «Библиологический словарь» П. М. Строева, где в алфавитном порядке давались сведения о многих русских авторах³. К числу наиболее интересных источниковедческих работ первой половины XIX в. относятся также труды: Н. Лавровского — «О византийском элементе в языке договоров русских

¹ См. П. Г. Бутков. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков, СПб., 1840.

² См. М. П. Погодин. Нестор, историческо-критическое рассуждение о начале русских летописей, М., 1839.

³ См. П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. «Записки имп. Академии наук», т. 41, прилож. № 2, СПб., 1882.

с греками», И. Андреевского — «О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом» и др.¹

Публикация исторических материалов была тесно связана с развитием вспомогательных исторических дисциплин, без которых невозможно не только правильное определение и объяснение публикуемых текстов, но даже их передача в печати.

Некоторые элементы палеографии и дипломатики уже встречаются в произведениях XVIII в. В особенности большое внимание обращал на них В. Н. Татищев. В той или иной мере палеографические сведения давались и в изданиях Новикова. Тем не менее само понятие о палеографии, дипломатике, сфрагистике как особых исторических дисциплинах получает развитие только в XIX в.

Первый специальный палеографический труд, основанный главным образом на материале вещевой палеографии, появился в 1806 г. Это было «Письмо... о камне Тмутороканском»² А. Н. Оленина. В письме был дан анализ текста, сделанного на камне в 1068 г. при князе Глебе. Анализ надписи сопровождался выписками из летописей, которые тоже были подвергнуты палеографическому изучению. К письму было приложено «Оглавление книг, на коих основаны рассуждения, помещенные в письме и в описании картин», и 5 больших таблиц³. После появления письма Оленина интерес к надписям исторического характера увеличился. При описании материалов почти каждого музея, монастыря или церкви давалось собрание списков с надписей, но палеографические снимки делались редко.

Создателями русской палеографии и отчасти дипломатики были составители различных описаний рукописей, в первую очередь А. Х. Востоков, А. В. Горский и К. И. Невоструев. Еще в 1817 г. гр. Н. П. Румянцев мечтал о создании русской палеографии, но ему не пришлось даже дожидаться описания рукописей с его собственной обширной коллекции. Оно было составлено А. Х. Востоковым и вышло в свет только в 1842 г.⁴ Работа Востокова имела большое значение для развития научной палеографии. Востоков впервые дал палеографическое описание рукописей, указав их датировки, в большинстве случаев удовлетворяющие и современных исследователей. Вместе с тем он наметил путь дальнейшего развития славяно-русской

¹ См. Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, СПб., 1853; И. Андреевский. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году, СПб., 1855.

² См. А. Н. Оленин. Письмо... о камне Тмутороканском, СПб., 1806.

³ Об Оленине см. также выше, в главе X, § 1.

⁴ См. А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, СПб., 1842.

палеографии, используя для своих выводов не только разбор внешней формы рукописей и их почерков, но и язык самих рукописей.

Для развития палеографии имел большое значение также обширный, но незаконченный труд А. В. Горского и К. И. Невоструева — «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки»¹. В этом труде содержалось тщательное описание рукописей одного из наиболее значительных собраний древнейших рукописных книг. Горский и Невоструев при этом дали образцы анализа текстов, переведенных на русский язык с греческого и латинского.

Трудами тех же русских исследователей впервые было положено начало изучению палеографии южнославянских и молдавских рукописей, написанных славянскими азбуками, кириллицей и глаголицей.

Крупным достижением русской исторической науки явилось расширение самого понятия палеографии и дипломатики. В то время как западноевропейские палеографы изучали главным образом письмо рукописей, русский любитель-палеограф вологодский купец Иван Лаптев впервые в мире обратил серьезное внимание на бумажные водяные знаки. В 1824 г. он выпустил книгу «Опыт в старинной русской дипломатике...»², где наряду с небольшим вводным текстом содержались 28 таблиц изображений водяных знаков. В 1844 г. была издана книжка художника К. Тромонина: «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге»³. В книге Лаптева было напечатано 152 знака, в книге Тромонина — 1827 знаков. Книга Тромонина, особенно в части, содержащей изображения бумажных водяных знаков XVII—XVIII вв., не утратила своего значения и до настоящего времени. В том же году П. Иванов издал «Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма...»⁴. За три года до этого изданы составленные Сахаровым «Образцы древней письменности» (в таблицах)⁵.

¹ См. А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей. т. 1—5. М., 1855—1869, т. 6, М., 1917.

² См. И. Лаптев. Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков, СПб., 1824.

³ См. К. Тромонин. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать когда написаны или напечатаны какие-либо книги..., М., 1844.

⁴ См. П. Иванов. Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма, разных периодов времени, изданный для воспитанников межевого ведомства, М., 1844.

⁵ См. И. П. Сахаров. Образцы древней письменности. Снимки с судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII вв.), СПб., 1841.

Все эти труды заложили прочную основу развития палеографии русских и славянских рукописей.

Почти одновременно с палеографией складывается и другая вспомогательная историческая дисциплина — дипломатика, изучающая состав и методику исследования актовых материалов. Начало ее как особой дисциплины, было положено трудами Евгения Болховитинова, Калайдовича и др. Болховитинов выступил со статьей, посвященной грамоте князя Мстислава XII в., в которой он остановился на различного рода дипломатических особенностях этого древнейшего русского акта, дошедшего до нас в подлиннике. Он обратил внимание на материал грамоты (пергамен), на чернила, которыми она написана, и т. д. Особо были изучены «признаки удостоверения», которыми князья, пожаловавшие грамоту, подтверждали ее подлинность (печати и пр.)¹.

К. Ф. Калайдович написал статью о двух новгородских грамотах, в которой содержалось также объяснение их текста².

Впервые С. Г. Саларевым в его «Описании разного рода российских грамот» была сделана и попытка дать общую характеристику и классификацию русских грамот³. В первой половине XIX в. начинают привлекаться к изучению уже так называемые частнопровольные акты. Специальное издание «Актов юридических», где многочисленные образцы русских актов были распределены под рубриками «купчие», «порядные» и т. д., имело своей целью дать представление о различного рода русских документах XIII—XVII вв.⁴ Особенностью первого этапа в развитии русской дипломатики было полное исключение из нее документов XVIII в., не говоря уже о позднейших.

В самом конце рассматриваемого периода было положено начало исторической библиографии. С 1861 г. стала выходить «Русская историческая библиография»⁵, составленная Петром и Борисом Ламбинами, — самый капитальный труд того времени по этому вопросу. Первый ее том охватывал историческую литературу (книги, журнальные и газетные статьи, рецензии) за 1855 г. Всего было издано Ламбинами 10 томов, которые схватывали литературу за 1855 — 1864 гг. по вспомогательным

¹ См. Е. Болховитинов. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича... «Вестник Европы», М., 1818, август, № 15—16, стр. 201—255.

² См. К. Калайдович. Замечания на объяснения двух грамот новгородских. «Вестник Европы», 1812, февраль, № 3, стр. 204—232.

³ См. С. Саларев. Описание разного рода российских грамот. «Вестник Европы». 1819, февраль, № 4, стр. 272—289; март, № 5, стр. 26—44.

⁴ См. «Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства», СПб., 1838.

⁵ См. П. и Б. Ламбины. Русская историческая библиография, т. 1—10, СПб., 1861—1884.

историческим дисциплинам, по истории финансов, торговли и промышленности, просвещения и пр.

Публикация большого количества повествовательного и актового материала требовала для его разработки справочного и объяснительного аппарата. Это приводило к необходимости, в частности, разобраться в различных мерах веса, емкости, длины и пр., т. е. оформлении особой вспомогательной дисциплины — метрологии. В различных журналах первой половины XIX в. печатались статьи о сошном письме в XVII в., о старинных руководствах по торговле, о ценах на хлеб и хлебные изделия и пр.

Как бы обобщением всех этих сведений по вопросам метрологии была книга Ф. И. Петрушевского «Общая метрология»¹. Первая часть содержала описание «мер, весов, монет и времяисчисления нынешних и древних народов», во второй части были помещены таблицы, примечания, метрологический словарь и указатель географических названий.

В первой половине XIX в. впервые появились статьи по сфрагистике, т. е. по вспомогательной дисциплине, занимавшейся изучением печатей, а также по русской нумизматике.

В соответствии с общим характером историографии первой половины XIX в. наибольшее внимание среди вспомогательных дисциплин уделялось генеалогии. Составлялись многочисленные родословия русских царей и дворянских фамилий. Еще в 1787 г. в Москве вышла в двух частях «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих». Эта книга содержала родословные росписи дворянских фамилий, доходившие до конца XVI в. В основу ее был положен Государев Родословец 1555 г. Цель этого издания определялась тем, что «всякий почти дворянин имеет надобность в подобной книге»². Первые родословные таблицы были составлены одним из крупнейших идеологов дворянства, кн. М. И. Щербатовым³.

Особенно много книг и статей по генеалогии вышло во второй четверти XIX в. По мере того как усиливался процесс разложения феодально-крепостнических отношений, дворянство стремилось обосновать и оправдать свое право на первое место в государстве, на древность своего происхождения, на заслуги перед царствовавшим домом. Обобщающим генеалогическим трудом была 4-томная «Российская родословная книга» кн. Петра Долгорукова⁴.

¹ См. Ф. И. Петрушевский. Общая метрология, СПб., 1849.

² «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...», ч. I, М., 1787, к читателю.

³ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, СПб., 1878, стр. 7.

⁴ См. П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. I—4, СПб., 1854—1857. Тем же целям служили: «Дворцовые разряды...», изданные

Так как внешним выражением принадлежности к тому или иному дворянскому роду служили гербы, то одновременно с генеалогией дворянства много внимания уделялось геральдике. В 1805 г. в Петербурге вышло специальное пособие И. Х. Гаттерера «Начертание гербоведения», в переводе с немецкого Глеба Мальгина, с рисунками¹. Через 50 лет после выхода в свет книги Мальгина появилась в двух томах книга А. Лакиера «Русская геральдика»², представлявшая собой сводный труд по вопросам геральдики. В книге I была помещена «История гербов Западной Европы», «История печатей в России» и пр. Вся книга II была посвящена истории дворянских гербов. В приложении были даны многочисленные снимки с гербов.

Показателем большого интереса дворянства к вопросам гербоведения является тот факт, что в «Русской исторической библиографии за 1800—1854 гг.» В. И. Межова зарегистрировано за первую половину XIX в. почти сорок названий книг и статей, посвященных гербоведению.

III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Историческая география в России, как особая дисциплина, ведет свое начало с XVIII в. Ее основоположником был В. Н. Татищев. М. В. Ломоносов и И. Н. Болтин также уделяли значительное внимание в своих сочинениях историко-географическим вопросам. А. И. Мусин-Пушкин был автором специальной работы на историко-географическую тему: в 1794 г. он напечатал «Историческое исследование о местонахождении древнего Российского Тмутараканского княжения»³.

В первой половине XIX в. уже появляется ряд исследований историко-географического характера. Автором специального труда в этой области был А. Х. Лерберг. В своих «Исследованиях, служащих к объяснению древней русской истории», он старался разрешить вопросы о местонахождении географи-

II отделением собственной е. и. в. канцелярии», т. 1—4, СПб., 1850—1855; «Дополнения к III тому Дворцовых разрядов», СПб., 1854; «Книги разрядные по официальным оных спискам», т. 1, СПб., 1853; «Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции», М., 1853.

¹ См. И. Х. Гаттерер. Начертание гербоведения, СПб., 1805.

² См. А. Лакиер. Русская геральдика, кн. 1—2, СПб., 1855.

³ См. гл. X, § 1.

ческих объектов на севере Руси, упоминаемых в источниках X—XV вв. и впоследствии исчезнувших с карты¹. Отдельные историко-географические замечания встречаются также в общих трудах по истории России, особенно у Карамзина, Арцыбашева и Погодина. Однако более полная разработка историко-географических вопросов была впервые осуществлена только в трудах Надеждина и Невוליной.

Н. И. Надеждин напечатал в 1837 г. статью «Опыт исторической географии русского мира». В этой статье Н. И. Надеждин выдвинул значение топонимики как исторического источника. «Первой страницей истории,— писал он,— должна быть географическая ландкарта: должна, не как только вспомогательное средство, чтобы знать, где что случилось, но как богатый архив самых документов, источников»².

Географические названия, по мнению Надеждина, являются важным историческим источником. Определяя, например, к какому языку принадлежат названия, можно выяснить, какая народность дала это название, и тем определить древнее население изучаемой страны. Н. И. Надеждин, исходя из анализа современных ему географических названий Европейской России, сделал попытку определить в общих чертах размещение славянских и финских племен в эпоху возникновения Киевского государства. Он же разработал вопрос о значении топонимики как историко-географического источника.

В том же 1837 г., когда вышла в свет статья Н. И. Надеждина, З. Я. Ходаковский напечатал исследование «Пути сообщения в древней России»³. Он первый в русской историографии подверг систематическому изучению направление торговых путей древней России, собрал материал о судоходных реках и волоках между ними. Ходаковский расширил содержание исторической географии, введя в нее элементы историко-экономического характера⁴.

Однако недостатком его исследовательских работ было стремление к фантастическим построениям о жизни древних славян, плохое знание письменных источников и еще худший критический анализ их. Поэтому труды Ходаковского оказали сравнительно небольшое влияние на развитие исторической географии России.

¹ См. А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, СПб., 1819.

² Н. И. Надеждин. Опыт исторической географии русского мира. «Библиотека для чтения», т. 22, СПб., 1837, раздел III, стр. 27.

³ См. З. Я. Ходаковский. Пути сообщения в древней России. «Русский исторический сборник», т. 1, кн. 1, М., 1837, стр. 1—50.

⁴ См. главу X.

В 1853 г. Географическое общество напечатало труд историка права К. А. Неволлина — «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке». К работе была приложена составленная автором «Карта пятин новгородских в XVI веке с показанием в них городов и погостов»¹.

К. А. Неволлин выяснил конкретную картину административного деления территории новгородских пятин в XVI в. и одним из первых оценил значение писцовых книг как исторического источника.

Работы Надеждина, Ходаковского и Неволлина были наиболее выдающимися историко-географическими исследованиями первой половины XIX в.

Наряду с разработкой исторической географии в первой половине XIX в. развернулось в довольно значительных размерах и на сравнительно высоком научном уровне изучение русских географических открытий. Основными объектами его были плавания русских моряков в северной части Тихого океана и в Северном Ледовитом океане в XVIII в. Истории этих плаваний были посвящены специальные научные труды. Кроме того, изучалась история русских кругосветных плаваний, совершенных в первой половине XIX в., а также плавания русских мореходов в допетровское время. Наиболее выдающиеся работы по истории плаваний в северной части Тихого океана принадлежали В. Н. Берху и А. П. Соколову.

Берх напечатал две монографии: «Первое морское путешествие россиян...»² и «Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества»³. Берх опубликовал также архивные документы по истории этих плаваний. Фактические данные работы Берха не утратили своего значения и до нашего времени.

Гидрографу А. П. Соколову принадлежит несколько ценных исследований, основанных на неизданных архивных документах и опубликованных в начале 50-х годов. Наиболее крупное из них было посвящено деятельности Великой Северной экспедиции — «Северная экспедиция 1733—1743 годов»⁴. Соколов посвятил также ряд статей истории плаваний русских в северной части Тихого океана в XVIII в. «Первый поход рус-

¹ См. К. А. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты (без места изд.), 1853.

² См. В. Берх. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга..., СПб., 1823.

³ См. В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле, СПб., 1823.

⁴ См. А. П. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 годов, СПб., 1851.

ских к Америке»¹, «Экспедиция к Алеутским островам, капитанов Креницына и Левашева»². Соколов — внимательный исследователь, критически относящийся к сообщениям документов. Его обстоятельные работы представляют собою крупный вклад в изучение русских географических открытий.

Знаменитые русские мореплаватели XIX в., совершавшие путешествия у северных и северо-восточных берегов Азии, изучали историю плавания своих предшественников.

Г. А. Сарычеву принадлежит работа «О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, а также и от города Архангельска к Востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год»³. Ф. П. Врангель⁴ и Ф. П. Литке⁵ дали обзор плаваний своих предшественников в описаниях собственных экспедиций. Известный историк Сибири Г. И. Спасский опубликовал в 1821—1822 гг. «Историю плаваний россиян из рек Сибирских в Ледовитое море»⁶, где он дал обзор плаваний с конца XVI по конец XVIII в.

Известный русский естествоиспытатель академик К. Л. Бэр в статье «Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний»⁷ дал очерк мероприятий Петра I по организации географических экспедиций. Руководители русских кругосветных плаваний — Ф. Ф. Беллингсгаузен⁸, Ю. Ф. Лисянский⁹ и др. — публиковали описания и научные

¹ См. А. П. Соколов. Первый поход русских к Америке 1732 года. «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. IX, СПб., 1851, стр. 78—107.

² См. А. П. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам, капитанов Креницына и Левашева. «Записки гидрографического департамента», ч. X, СПб., 1852, стр. 70—103.

³ См. Г. А. Сарычев. О плавании российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея; а также и от города Архангельска к Востоку по Ледовитому морю, с 1734 по 1742 год. «Записки, издаваемые государственным адмиралтейским департаментом...», ч. 4, СПб., 1820, стр. 306—378.

⁴ См. Ф. П. Врангель. Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1823 и 1824 гг., М., 1948.

⁵ См. Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826—1829, М., 1948.

⁶ См. Г. И. Спасский. История плавания россиян из рек Сибирских в Ледовитое море, «Сибирский вестник», 1821, ч. 15, стр. 17—28, 79—90, 102—236 (136), ч. 16, стр. 270—281; 1822, ч. 17, стр. 39—48, 117—128, 185—196, ч. 18, стр. 305—314, 379—398, ч. 19, 167—180.

⁷ См. К. Л. Бэр. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. «Записки РГО», кн. III, СПб., 1849, стр. 217—253, кн. IV, СПб., 1850, стр. 260—283.

⁸ См. Ф. Ф. Беллингсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном», М., 1949.

⁹ См. Ю. Ф. Лисянский. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах, М., 1947.

результаты своих экспедиций Н. Ивашинцов дал общую историю этих плаваний в своей книге «Русские кругосветные путешествия»¹.

В первой половине XIX в. усиливается и разработка вопросов местной истории. Среди местных историков можно назвать Ф. А. Волегова, изучавшего историю Приуралья (в частности, деятельность Строгановых), И. С. Гагина, Т. Воздвиженского и Д. П. Тихомирова — историков Рязанского края, В. Н. Доброхотова, Я. Е. Протопопова и В. А. Борисова — историков Владимирской губернии, Н. П. Дубровина, П. А. Протопопова, М. П. Мясникова — историков Севера и некоторых других.

В огромном большинстве случаев научный уровень и источниковедческая база произведений этих историков-краеведов невысоки, но материал, собранный в некоторых из них, сохранил надолго свое значение. Такой работой, в частности, является книга В. А. Борисова, где содержатся данные по экономической истории Шуи и ее района². Иногда историки, работавшие в столицах, были авторами сочинений на темы краевой истории. В качестве примера можно назвать «Историю Рязанского княжества» X—XV вв. Д. И. Иловайского³. Эта книга до сих пор еще сохранила некоторое значение.

По истории Сибири надо отметить большой труд П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», написанный автором в Тобольске и опубликованный в 1838—1844 гг.⁴ Этот труд был крупным вкладом в развитие сибирской историографии.

Г. И. Спасский издавал в 1818—1824 гг. в Петербурге журнал «Сибирский вестник», в котором помещались работы по истории Сибири как его самого, так и других авторов⁵.

В первой половине XIX в. работы по местной истории выходили разрозненно в разных местах. Едва ли не единственным исключением была Одесса. Там сложилось местное Общество истории и древностей, развернувшее значительную работу. В Одессе составилась группа местных работников, разрабатывавших проблемы истории Новороссийского края. Из них в первую очередь надо назвать А. А. Скальковского и Ф. К. Бруна, Н. Н. Мурзакевича.

Таким образом, русское историческое краеведение в первой половине XIX в. делает уже некоторые успехи.

¹ См. Н. Ивашинцов. Русские кругосветные путешествия. «Записки гидрографического департамента», ч. VII, СПб., 1849, стр. 1—116; ч. VIII, СПб., 1850, стр. 1—190.

² См. В. А. Борисов. Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов, М., 1851.

³ См. Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества, М., 1858.

⁴ См. П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, СПб., 1838—1844.

⁵ Его продолжением служил «Азиатский вестник», который в 1825—1827 гг. издавал тот же Г. И. Спасский.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ И АРХИВОВ

Заметную роль в изучении разнообразных исторических источников в первой половине XIX в. сыграло Общество истории и древностей российских при Московском университете. Оно возникло в 1804 г. по инициативе первого министра народного просвещения гр. П. В. Завадовского и попечителя Московского университета М. Н. Муравьева. Совет университета избрал председателем Общества ректора Х. А. Чеботарева, а в действительные члены несколько профессоров¹.

Такое официозное происхождение Общества наложило отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. Общество истории и древностей российских было всегда замкнутым по своему составу и консервативным по характеру деятельности. По уставу 1811 г. число его членов не могло быть более 30; председатель утверждался министром народного просвещения. Общество имело право получать необходимые для его работ «летописи или записки, касающиеся до российских древностей» из Государственного архива министерства иностранных дел, из патриаршей и типографской синодальных библиотек, из библиотек Троицкой лавры и других монастырей и из библиотеки Академии наук. Главная задача Общества должна была заключаться «в критическом разборе древних русских летописей».

Издательская деятельность Общества в первые годы его существования развивалась чрезвычайно медленно. Общество возобновило издание летописей, которым с конца XVIII в. Академия наук не занималась. В 1804 г. профессорам Х. А. Чеботареву и Н. Е. Черепанову было поручено заняться печатанием древнейшего Лаврентьевского списка летописи, который был назван Пушкинским. К 1811 г. было напечатано только 10 листов. Это издание выполнялось по трем рукописям: Лаврентьевской, Троицкой пергаменной, погибшей во время пожара в Москве в 1812 г., и Радзивилловской. За основной текст был взят Лаврентьевский список, два других были привлечены для вариантов. Издание Чеботарева и Черепанова так и не вышло в свет, сохранились только корректурные листы².

¹ Нил Попов. История имп. Московского общества истории и древностей российских (далее — История ОИДР), М., 1884, стр. 11—12. К этому же времени относится возникновение аналогичных научных обществ при Казанском и Харьковском университетах: Казанского общества любителей отечественной словесности (1805 г.) и, несколько позже (1817 г.), — Харьковского общества наук. Оба общества издавали свои «Труды».

² См. М. Д. Приселков. Троицкая летопись, М.—Л., 1950, стр. 11—13.

По представлению нового попечителя университета П. И. Голенищева-Кутузова в конце 1810 г. Общество было закрыто¹. Тогда же было предписано учредить другое общество. В 1811 г. был утвержден устав нового общества, которое занялось печатанием летописей. На этот раз издание летописи было поручено проф. Тимковскому. В первой половине 1812 г. было отпечатано 18 листов. Позже это издание вышло в незаконченном виде².

Московское общество истории и древностей российских возобновило печатание летописей в 30-х годах: в 1836 г. вышла Супрасльская летопись, а в 1837 г.— Псковская. Издателем первой был кн. М. А. Оболенский³, вторая была подготовлена к печати М. Погодиным⁴. В дальнейшем издание летописей перешло к Археографической комиссии, а Общество публиковало исторические материалы в более широких хронологических рамках, чем Археографическая комиссия, частично затрагивая и XVIII в. В издававшихся Обществом, начиная с 1815 г., «Русских достопамятностях» были помещены различные древние акты. Особенно ценен второй том названного издания, где Д. Дубенский напечатал юридический сборник XIV в., содержащий Русскую Правду и «Закон судный людем» (памятник древнеболгарского права).

Одновременно Общество выпускало «Русские исторические сборники». Первый том их, под редакцией М. П. Погодина, вышел в 1837 г.

Тематика изданий Московского общества истории и древностей российских была первоначально близкой к изданию Археографической комиссии. В дальнейшем на тематику его изданий наложили свой отпечаток годы подготовки революционной ситуации. Так, в 1857 г. вышли «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина», собранные А. Поповым⁵.

Деятельность Московского общества истории и древностей отличалась в первой половине XIX в., как и в более позднее время, консервативным характером и реакционной направленностью. Главными его деятелями были такие фигуры, как профессора М. П. Погодин и О. М. Бодянский, примыкавшие к теоретикам «официальной народности». Но даже деятельность этих историков показалась николаевскому правительству опас-

¹ См. Н. Попов. История ОИДР, стр. 52—54.

² См. «Летопись Несторова, по древнейшему списку мниха Лаврентия», М., 1824.

³ См. «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи», изд. М. А. Оболенский, М., 1836.

⁴ См. «Псковская летопись», изд. М. Погодин, М., 1837.

⁵ См. А. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, М., 1857.

ной. За напечатание сочинения Флетчера «О Московском государстве в XVI в.», издававшиеся в 1846—1848 гг., «Чтения» (вышло 23 книги) были прекращены. Вместо «Чтений» в 1849—1857 гг. выходил «Временник» (25 книг), в котором печатались преимущественно историко-юридические материалы, летописи, разрядные и писцовые книги и пр. С 1858 г. Бодянский возобновил публикацию «Чтений»¹, которые отныне делались периодическим изданием Общества: ежегодно выходило четыре книги «Чтений».

Издавания Московского общества истории и древностей российских большое значение придавал Н. Г. Чернышевский. В рецензии на № 16—19 «Временника» Общества за 1853—1854 гг. Чернышевский писал, что многочисленные издания Общества «приобрели ему право на глубокую благодарность всех, занимающихся родною историею»². К числу лучших и обширнейших отделов «Временника» Чернышевский относил отделы, содержавшие публикации новых материалов³.

Через 35 лет после образования Московского общества истории и древностей российских возникло Одесское общество истории и древностей — второе по времени образования исторического общества в России⁴. Основателями его были несколько сановных лиц, а почетным президентом новороссийский и бессарабский генерал-губернатор гр. М. С. Воронцов. Это накладывало определенный отпечаток на всю деятельность Общества и на издававшиеся им «Записки» (первый том вышел в 1844 г., до 1861 г. было издано четыре тома). Одесское общество занималось преимущественно археологией и этнографией южной России. В «Записках» Общества печатались статьи и заметки по археологии южной России и Крыма, в особенности о раскопках, о монастырях, церквях, об изысканиях в отдельных городах, о курганах, надписях и т. п.⁵ Все это уводило читателей от актуальных вопросов исторического прошлого южной России в область изучения отдельных памятников древностей. Летописный и актовый материал занимал в изданиях Одесского общества гораздо меньше места, чем в изданиях Московского общества. По своему составу Одесское общество истории и древностей было также кастово замкнутым. Так, например, в первый год его существования в

¹ См. В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, стр. 300—301.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 318.

³ См. там же, стр. 330.

⁴ См. В. Юргевич. Исторический очерк пятидесятилетия имп. Одесского общества истории и древностей 1839—1889 гг., Одесса, 1889.

⁵ См. М. Г. Попруженко. Указатель статей, помещенных в I—XXX томах Записок имп. Одесского общества истории и древностей, Одесса, 1914.

нем, кроме учредителей и президента, было 49 действительных, 6 почетных членов, 20 членов-корреспондентов в России и три за границей.

С 30-х годов XIX в. в губернских городах начали издаваться «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости». В них печатались местными краеведами многочисленные материалы по истории того или иного края. При всем несовершенстве этих публикаций, они часто содержали очень ценные сведения по археологии, истории, этнографии.

С того же времени стали возникать губернские статистические комитеты. В «Памятных книжках», «Ежегодниках» и тому подобных изданиях ими публиковались разнообразные исторические памятники и материалы.

Развитие вспомогательных исторических дисциплин и публикация источников были неразрывно связаны с улучшением работы архивов. В конце XVIII в. сотрудники Московского генерального архива коллегии иностранных дел составили десятки описей, реестров и алфавитов. Н. Н. Бантыш-Каменский написал обзор дипломатических сношений России с западными державами, Польшей, Крымом и др.¹ В 1800 г. был разобран архив Киевской духовной консистории².

С начала XIX в. началась концентрация дробных ведомственных архивов. В 1819 г. был основан Московский архив главного штаба, куда стали поступать оконченные дела военного ведомства и его местных управлений. В 1827 г. был создан единый Центральный архив морского министерства, в который стягивались важнейшие материалы из разных местных учреждений. В следующем году был образован Общий контрольный архив, т. е. собрание документов Государственного контроля. Пожар Москвы в 1812 г. и разгром города наполеоновской армией привели московские архивы в хаотическое состояние. Нужно было собрать уцелевшие дела, упорядочить и инвентаризировать их. Но только в 1855 г. была учреждена особая комиссия для описания московских архивов. В 1852 г. три архива: Разрядно-сенатский, Поместно-вотчинный и Московский архив старых дел, были объединены в единый Московский архив министерства юстиции.

Одновременно происходил разбор дел петербургских архивов. При этом была выдвинута специальная задача: выделить дела особого, с точки зрения царского правительства, политического значения. Местом хранения их был выбран Петербургский архив иностранных дел. Сюда стали передаваться «се-

¹ См. Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. 1—4, М., 1894—1902.

² См. В. И. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, стр. 590.

кретные» дела из других архивов. Доступ к этим делам был почти совершенно закрыт. Одновременно шла разборка дел крупных петербургских архивов — Старых дел и Сенатского; часть их материалов была отправлена в Москву. В 30—40-х годах в изданиях Археографической комиссии были напечатаны старинные описи древних архивных собраний¹.

На важное значение церковных архивов было обращено внимание в 1850 г., когда в Синод было представлено «Предположение» об устройстве церковно-археологических комитетов для приведения в известность церковно-исторических материалов². Позже было составлено описание Синодального архива и начался систематический разбор дел в архивах консисторий. С 1853 г. стали печататься в разных изданиях документы из архивов новгородской, архангельской, вологодской и других духовных семинарий³.

Большое значение для знакомства с архивными фондами и для их использования имели вышедшие в 1839—1850 гг. описания отдельных архивов. В 1839 г. вышло небольшое «Описание первой степени архива Вотчинного департамента»⁴. Вслед за этим изданием вышли три книги, составленные П. Ивановым. Первая из них — «Описание государственного Разрядного архива...» — давал сведения о составе материалов, хранившихся в Разряде. Здесь же были напечатаны извлечения из документов Разрядного архива; в приложении были помещены выписки из боярских книг и списков, из десятичных и смотренных списков, из дел по местничеству, родословия, хранившиеся в Разрядном архиве, и пр.⁵ Все это отвечало генеалогическим запросам дворянства, представители которого проявляли интерес к придворной и ратной службе своих предков. Вторая книга П. Иванова — «Путеводитель по государственным архивам...» — давала обзор и характеристику содержания архивов Разрядного, старых дел и поместных и вотчинных дел⁶. В «Описании Государственного архива старых дел» был напечатан краткий очерк его истории, перечень учреждений, дела которых вошли в архив, выписки из документов и пр.⁷

¹ См. И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР, стр. 25.

² См. В. И. Иконников. Опыт русской историографии, стр. 578.

³ Там же, стр. 581—582.

⁴ См. «Описание первой степени архива Вотчинного департамента, составленное учрежденным для сего особым комитетом», М., 1839.

⁵ См. П. Иванов. Описание государственного Разрядного архива, с присовокуплением со многих хранящихся в оном любопытных документов, М., 1842.

⁶ См. П. Иванов. Путеводитель по государственным архивам, состоящим при правительствующем сенате в Москве, М., 1845.

⁷ См. П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, М., 1850.

Описания и обзоры архивных материалов, вышедшие в первой половине XIX в., несмотря на все их несовершенство, помогли введению в научный оборот новых исторических источников.

V

ИЗУЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Интерес к экономической истории России, ярко проявившийся уже в трудах Чулкова, Крестинина и других авторов XVIII в., значительно усилился в первой четверти XIX в. Это стояло в тесной связи с крупными хозяйственными сдвигами в России, знаменовавшими складывание капиталистического уклада, — развитием промышленности, усилением внутренней и внешней торговли и т. д.

В первой четверти XIX в. появилось несколько крупных работ по истории промышленности. Одним из крупных историков промышленности конца XVIII — начала XIX в. был И. Ф. Герман, металлург и статистик¹, академик минералогии, по своей практической работе тесно связанный с металлургической промышленностью. Герман оставил ряд сочинений, в которых он дал описание горных заводов своего времени. Не довольствуясь описанием одного лишь современного состояния заводов, Герман делал экскурсии в их историю. Так, в «Сочинениях о сибирских рудниках и заводах»² он сообщал ряд сведений по истории Колывано-Воскресенских рудников и заводов, отчасти и по истории уральских золотых промыслов.

В бытность свою начальником Екатеринбургских горных заводов И. Ф. Герман напечатал «Историческое начертание горного производства в Российской империи». Автор писал в предисловии, что он поставил своей задачей не только выяснить современное состояние горнозаводского производства, но и собрать подробнейшие сведения «как о прежних, так и о ныне существующих *законоположениях и учреждениях, относящихся до сего важного отрасля государственного хозяйства*»³.

И. Ф. Герман дал историю горнозаводского законодательства и кратко изложил историю горнозаводского производства, вскользь отметив прогресс техники в русской металлургии XVIII в. Таким образом, мы имеем здесь историко-экономиче-

¹ Об этой стороне деятельности И. Ф. Германа см. М. Птуха. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945, глава VIII.

² См. И. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, ч. 1—3. СПб., 1797—1801.

³ См. И. Ф. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. 1, Екатеринбург, 1810, л. 1.

скую работу, сделанную широко образованным специалистом и видным администратором.

История горного дела в России представлена была и в труде Дерябина, главного начальника Гороблагодатских и Пермских заводов. А. Ф. Дерябин, крупный специалист горного дела, составил в 1803—1804 гг. обстоятельное «Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших эпох до нынешних»¹.

В первой главе этой работы давался краткий очерк истории русского горного дела до 1804 г., который автор делит на пять периодов: 1) с XVI в. до 1700 г., когда был учрежден Рудный приказ, 2) с 1700 до 1719 г. и учреждения Берг-коллегии, 3) с 1719 г. до упразднения Берг-коллегии в 1781 г., 4) с 1781 по 1797 г., когда заводами управляли казенные палаты, и 5) с восстановления в 1797 г. Берг-коллегии до 1804 г. Вторая, важнейшая глава «Исторического описания» посвящена истории Уральских, Колывано-Воскресенских, Нерчинских и Олонецких заводов. В третьей главе рассмотрена история центральных административных учреждений горного ведомства. В четвертой главе была дана краткая характеристика управления заводами и центральных учреждений горного ведомства в момент составления «Исторического описания». К описанию приложены историко-статистические ведомости о динамике горнозаводской продукции.

В своей работе А. Ф. Дерябин излагал историю горнозаводской промышленности России почти исключительно с административно-управленческой точки зрения. С той же точки зрения он касался положения рабочих, ограничиваясь лишь историей горного законодательства и административных мероприятий, относившихся к горнозаводским рабочим. Таким образом, содержание «Исторического описания» А. Ф. Дерябина определялось той целью, ради которой оно было составлено как материал для проекта горного положения 1806 г.²

История Олонецких заводов была освещена в книге известного статистика дореформенной эпохи К. И. Арсеньева³

¹ См. А. Ф. Дерябин. Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших эпох до нынешних, напечатано в издании: «Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов», ч. 1, СПб., 1807, стр. 1—184.

² Один из участников комиссии, выработывавший проект горного положения и автор докладной записки Александру I — «Начертание заводов уральского хребта», А. С. Ярцов составил несколькими годами позже А. Ф. Дерябина труд «История горного промысла в России». Рукопись, оставшаяся неопубликованной, хранится в библиотеке Ленинградского горного института.

³ О К. И. Арсеньеве см. П. П. Пекарский. О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева. «Записки имп. Академии наук», т. 20, при-

«Описание Олонецких заводов с самого их основания до последних времен»¹. Арсеньев разделил историю Олонецких заводов на три периода: 1) от основания заводов до назначения управляющим заводами Гаскойна (1703—1786 гг.), 2) управление Гаскойна (1786—1806 гг.), 3) управление Армстронга (с 1806 до 1812 г.). Арсеньев указывал причину основания заводов, давал характеристику природных ресурсов, являвшихся для них базой, подробно останавливался на деятельности администраторов, описывал технический прогресс заводов. По своей структуре очерк Арсеньева близок к «Историческому начертанию» Дерябина.

Академик по кафедре технологии И. Х. Гамель написал на основании архивных документов историческую часть работы «Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении»². Часть архивных документов была опубликована в приложениях к книге. Гамель дал историю русской металлургии Тульского района и соседних с ним территорий в XVII и начале XVIII в. и историю Тульского оружейного завода в XVIII и начале XIX в. Он рассказал в своей книге также и об основании первых заводов на Урале. Работа И. Х. Гамеля была для своего времени выдающейся. Она впервые давала обстоятельную историю русской крупной металлургической промышленности XVII столетия.

Издание специального «Горного журнала» способствовало изучению истории горной промышленности в России.

«Горный журнал» с самого своего возникновения стал время от времени помещать на своих страницах статьи, заметки и материалы на эту тему. В нем было помещено составленное В. Н. Берхом «Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов»³, написанное на архивном материале. К «Жизнеописанию» приложены многочисленные донесения и письма Геннина к Петру I и другим лицам. Там же были напечатаны значительные

лож. № 1, СПб., 1871, и в «Сборнике отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 9, СПб., 1872; Н. П. Никитин. Академик К. И. Арсеньев и его роль в развитии экономической географии в России. «Вопросы географии», сборник 10, М., 1948, стр. 3—40.

¹ См. К. И. Арсеньев. Описание Олонецких заводов, с самого их основания, до последних времен, с кратким обзорением Олонецкой губернии. «Труды Минералогического общества», т. I, СПб., 1830, стр. 281—332. Описание было составлено в 1812 г., когда Главный педагогический институт, где работал К. И. Арсеньев, был эвакуирован из Петербурга в Петрозаводск.

² См. И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода, в историческом и техническом отношении, М., 1826.

³ См. В. Н. Берх. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов (без года и места изд.).

выдержки из описания уральских заводов, составленного в 30-х годах XVIII в. В. И. Генниным¹.

Горный инженер Кулибин напечатал в «Горном журнале» исторический очерк алтайских заводов². Инженер Носов опубликовал в том же журнале «Исторический очерк Луганского литейного завода»³.

Этот завод был основан еще в 90-х годах XVIII в. и положил начало выплавке металла на минеральном топливе Донецкого бассейна. Задача эта, несмотря на неоднократные попытки, к 1854 г. разрешена не была. Носов в своей статье дал краткий исторический обзор как этих попыток, так и деятельности завода по литью снарядов из уральского чугуна.

Кроме названных статей, в «Горном журнале» в дореформенное время было напечатано еще несколько статей и заметок на исторические темы.

История обрабатывающей промышленности привлекла к себе внимание позже, чем история горного дела.

Первыми работами по истории нашей обрабатывающей промышленности были статьи декабриста-историка А. О. Корниловича⁴ и крупного статистика первой четверти XIX в. академика К. Ф. Германа⁵.

К. Ф. Герман в 1820 г. представил в Академию наук статью «Взгляд на состояние мануфактур в России, и на законы, к оным относящиеся, с XVI столетия по 1814 год»⁶.

К. Ф. Герман начинает статью с указания, что история обрабатывающей промышленности большого государства представляет интерес, так как она составляет часть истории его культуры.

¹ См. Вильгельм де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937 г. Полностью эта замечательная работа, представляющая собою целую энциклопедию горнозаводского дела, была напечатана только в 1937 г. Указанные выдержки напечатаны в 1828 г.

² См. Кулибин. Описание Кольвано-Воскресенских заводов по 1833 год. «Горный журнал...», ч. I, кн. I, СПб., 1836, стр. 158—180; кн. II, стр. 326—361; кн. III, стр. 568—599; ч. II, кн. IV, стр. 144—164; кн. V, стр. 314—342; кн. VI, стр. 546—571; ч. III, кн. VII, стр. 158—182.

³ См. Носов. Исторический очерк Луганского литейного завода. «Горный журнал...», ч. IV, кн. X, СПб., 1854, стр. 78—93.

⁴ О Корниловиче см. главу VII.

⁵ Не надо смешивать с И. Ф. Германом, о котором говорилось выше. К. Ф. Герман был учителем К. И. Арсеньева. Оба они принадлежали к числу прогрессивных ученых своего времени и были за это уволены из профессоров Петербургского университета.

⁶ См. К. Ф. Герман. Взгляд на состояние мануфактур в России, и на законы, к оным относящиеся, с XVI столетия по 1814 год, «Сын Отечества», 1822, № L—LII, стр. 145—172, 193—206, 241—256. Первоначально статья была опубликована на французском языке под заглавием «*Cour. d'oeil sur l'état des manufactures en Russie et sur les principes de la législation manufacturière depuis le seizième siècle jusqu'en 1814*»

Во введении, посвященном XVI—XVII вв., автор кратко и в очень общих чертах говорит, что еще до XVI в. Киев, Москва, Казань, Новгород, Псков, Ярославль, Смоленск и Нижний Новгород имели значительную промышленность. Он делит дальнейшую промышленную историю России на три периода — от Петра I до Екатерины II, или 1701—1762 гг., от Екатерины II до 1803 г. и от 1803 до 1814 г.

Приступая к характеристике первого из этих периодов, К. Ф. Герман указывает, что гений Петра I ускорил естественный ход развития русской промышленности; таким образом, Герман считает мануфактуры XVIII в. естественным продуктом хозяйственного развития страны. Характеризуя промышленную политику Петра I, Герман подчеркивает, что руководящим мотивом Петра I было стремление освободиться от импорта в деле снабжения армии и флота. К. Ф. Герман отмечает усиленный рост мануфактур в 40—50-х годах XVIII в. Рассмотрение истории русских мануфактур за 1762—1803 и 1803—1814 гг. Герман сводит к изложению промышленной политики и правительства.

В 1833 г. В. Бурнашев, чиновник департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, опубликовал брошюру «Очерк истории мануфактур в России». Бурнашев начинает свое изложение с утверждения, что до Петра I в России не было мануфактур: «оныя родились по воле Петра»¹. Алексей Михайлович первый из царей стал заботиться о возникновении мануфактур, но результаты его деятельности в этом отношении были очень скромны. Бурнашев в панегирическом тоне излагает мероприятия Петра I о суконных, шелковых и полотняных фабриках, говорит о предприятиях Затрапезного и Тамеса, о табачных фабриках и шпалерной мануфактуре, об оружейном заводе в Туле и о предприятиях по выработке стекла, зеркал, иголок, упоминает о применении труда посессионных и вольнонаемных рабочих. Останавливается он и на таможенном тарифе 1724 г. и на учреждении Мануфактур-коллегии.

Отмечая рост числа мануфактур в царствование Екатерины II, Бурнашев указывает вместе с тем на плохое качество изделий и недостаточную заботу правительства о развитии мануфактур, связывая это с влиянием физиократов. Лишь в царствование Николая I, по мнению Бурнашева, правительство стало проявлять достаточную заботливость о развитии обрабатывающей промышленности. При описании состояния мануфактур в царствование Александра I Бурнашев сообщает о таможенных тарифах и других мероприятиях правительства, а так-

¹ В. Бурнашев. Очерк истории мануфактур в России, СПб., 1833.

же приводит цифры о числе фабрик и численности рабочих за 1812—1825 гг.

Последняя часть брошюры посвящена мануфактурам в первые годы царствования Николая I. Здесь автор говорит о техническом образовании, об учреждении Мануфактурного совета, о состоянии промышленности за 1828 г. Заканчивается брошюра перечнем предприятий, выдающихся по качеству изделий.

Приводимые Бурнашевым цифры количества мануфактур в начале (984) и в конце (3161 мануфактура) царствования Екатерины II были приняты М. И. Туган-Барановским¹, а от последнего их заимствовал М. Н. Покровский². Это надолго упрочило в русской исторической литературе измерение динамики промышленности числом предприятий без анализа того, какой круг предприятий охвачен каждой из сравниваемых между собою цифр.

П. И. Иванов, крупный архивный деятель первой половины XIX в.³, напечатал обширную статью «История управления мануфактурной промышленности в России». Свою работу Иванов начинал с утверждения, что «история мануфактурной промышленности государства есть история его просвещения. Рассматривать ее, значит наблюдать за ходом постепенного образования богатства, силы и могущества народа»⁴. Иванов делил историю русской промышленности на пять периодов: 1) от основания Русского государства «до... Петра Великого, или до учреждения Мануфактур-коллегии», 2) от Петра I до уничтожения Мануфактур-коллегии, 3) от уничтожения Мануфактур-коллегии до передачи мануфактур в ведение Министерства внутренних дел, 4) от поступления мануфактур в ведение Министерства внутренних дел до передачи их в ведение Министерства финансов по департаменту мануфактур и внутренней торговли, 5) от подчинения мануфактур Министерству финансов до момента написания статьи.

Нетрудно видеть, что эта периодизация построена на тех же основаниях, что и периодизация К. Ф. Германа. На развитии промышленности и мероприятиях правительства в данной области в первый период Иванов останавливается очень коротко. Уровень промышленного развития допетровской России он считает низким. Время Петра I он оценивает как переломный момент в истории русской промышленности. Мотивы промыш-

¹ См. М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, СПб., 1907, стр. 45.

² См. М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, М., 1920, стр. 136.

³ О П. И. Иванове см. выше, § 4.

⁴ П. И. Иванов. История управления мануфактурной промышленности в России, Журнал министерства внутренних дел, 1844, ч. 5, стр. 48.

ленной политики Петра, подобно К. Ф. Герману, Иванов видит в его стремлении освободиться от импорта иностранных товаров для снабжения армии и флота.

Таким образом, по своему построению статья П. И. Иванова является не оригинальной, а по уровню экономического мышления автор стоит явно ниже К. Ф. Германа, понимавшего обусловленность экономической политики Петра I предшествующим развитием России. Но большим достоинством работы П. И. Иванова является довольно значительный для его времени фактический материал о конкретных мероприятиях правительства по отношению к обрабатывающей промышленности, собранный автором.

Гораздо меньшее значение имела статья М. И. Семевского, написавшего «Очерк управления мануфактурной промышленности от Петра I до Екатерины II»¹. В своих оценках основных моментов промышленного развития России М. И. Семевский следует Иванову, а материал берет главным образом из Полного собрания законов, сделав лишь небольшие добавления к конкретным данным, опубликованным его предшественниками.

Рассмотрению отдельных отраслей промышленности были посвящены статьи И. Е. Забелина «О металлическом производстве в России до конца XVII века»² и «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России»³. В этих работах И. Е. Забелин останавливается на производстве из металла и из эмали (финифть) изделий художественной работы (чеканное, резное дело, художественное литье и т. п.).

Указанные выше работы по истории промышленности в России, давая ценный материал по истории организации, административного управления и производственных особенностей на русских заводах, в то же время, как правило, лишены всякой попытки осветить историю промышленности как части социально-экономической жизни страны. Основание заводов приписывалось деятельности царей и отдельных предпринимателей, а не общему экономическому развитию России. Отсюда восторженные похвалы деятельности Петра I, инициативе которого приписывались основные заслуги в развитии русской промышленности. Труды по истории промышленности в России, написанные в первой половине XIX в., почти полностью игно-

¹ См. М. И. Семевский. Очерк управления мануфактурной промышленности от Петра I до Екатерины II. ЖМНП, СПб., 1859, ч. СIII, отд. II, стр. 193—232.

² См. И. Е. Забелин. О металлическом производстве в России до конца XVII века. «Записки имп. Археологического общества», т. V, СПб., 1853, стр. 1—109.

³ См. И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России, СПб., 1853.

рировали вопрос о самих производителях материальных благ — рабочих. Положение рабочих на заводах обрисовывалось лишь в связи с административными и правительственными распоряжениями о рабочей силе, обслуживавшей заводы.

Только на рубеже дореформенной и пореформенной эпохи была сделана попытка разработать историю русской промышленности с целью использования ее данных для изучения закономерностей в развитии народного хозяйства. Эта попытка была сделана А. К. Корсаком в книге «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства... в Западной Европе и России»¹. Глава IV этой книги специально посвящена истории мелкого и крупного производства в России. В других главах автор сопоставляет данные по России с материалами западноевропейской промышленной истории. Изложение русской промышленной истории у А. К. Корсака резко отличается от ее изложения у других авторов, о которых речь шла выше, стремлением подметить и объяснить смену форм промышленного производства и живым интересом к судьбам трудящихся. А. К. Корсак строил свое изложение на основе опубликованных источников — актовых и законодательных памятников, сочинения Кильбургера о русской внешней торговле XVII в., материалов владимирских краеведов о промышленном развитии губерний и т. п.

В 30—50-х годах XIX в. значительно продвинулось вперед изучение истории торговли. Основное внимание исследователей привлекала внешняя торговля. Экономисты интересовались больше историей внешней торговли XVIII и XIX вв., историков привлекали времена более далекие.

Видный экономист и крупный чиновник Министерства финансов (после реформы он был товарищем министра) Г. П. Небольсин издал в дореформенную эпоху две работы по внешней торговле России. Первая из них — «Статистические записки о внешней торговле России», — вышедшая в свет в 1835 г. в двух томах, давала обзор внешней торговли России начала 30-х годов XIX в. Не ограничиваясь этим, автор включил несколько исторических очерков: о торговле Архангельска, Петербурга, Риги, Одессы и Таганрога, о торговле по азиатской границе, о вывозе некоторых товаров (пеньки, железа и др.). Он приложил также к своему сочинению погодную статистическую таблицу о ввозе и вывозе важнейших товаров за 1800—1834 гг.²

¹ См. А. К. Корсак. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России, М., 1861.

² См. Г. П. Небольсин. Статистические записки о внешней торговле России, ч. I—II, СПб., 1835. •

Вторая, также двухтомная работа того же автора, — «Статистическое обозрение внешней торговли России», — опубликованная в 1850 г., имела своей задачей дать историческую сводку данных, ежегодно публиковавшихся в «Видах внешней торговли». Г. П. Небольсин обработал материал главным образом с 1824 г. до конца 40-х годов, отчасти и за более раннее время¹.

Автор не только систематизировал статистический материал по внешней торговле за несколько десятилетий, но и подверг его анализу с точки зрения буржуазной политической экономии своего времени.

Л. М. Самойлов, чиновник Министерства финансов и экономист дореформенного времени, автор известного «Атласа промышленности Московской губернии», напечатал в 1854 г. статью «Исторические и статистические исследования о Кяхтинской торговле». В этой статье Л. М. Самойлов дал сжатый очерк истории русско-китайской торговли в Кяхте за XVIII и первую половину XIX в.²

Двумя годами позже А. К. Корсак написал сочинение «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем»³. Автор собрал из разнообразных опубликованных источников значительный материал за XVIII и первую половину XIX в. и дал в своей книге обстоятельный анализ торговли России с Китаем. В частности, он сделал попытку определить роль торговли с Китаем в русской внешней торговле в целом, сопоставив по ряду товаров русско-китайскую торговлю с торговлей России с другими странами.

Академик И. Х. Гамель продолжительное время прожил в Англии, где он по поручению русского правительства изучал английскую технику и науку. На основании ряда источников как рукописных, так и печатных, изученных им в Англии и в России, Гамель написал исследование «ТраDESCАНТ старший в 1618 г. в России. Возникновение торговых сношений между Англией и Россией». Исследование было опубликовано в 1847 г.⁴

¹ См. Г. П. Небольсин. Статистическое обозрение внешней торговли России, т. 1—2, СПб., 1850.

² См. Л. М. Самойлов. Исторические и статистические исследования о Кяхтинской торговле. «Сборник статистических сведений о России...», изд. РГО, кн. II, отд. II, СПб., 1854, стр. 1—38.

³ См. А. К. Корсак. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. «Ученые записки Казанского университета», кн. 2, Казань, 1856, стр. 49—184 и кн. 1, Казань, 1857, стр. 1—158. В 1857 г. книга была перепечатана отдельным изданием.

⁴ Исследование было напечатано на французском языке — Recueil des actes de la science publique de l'Académie imperiale des sciences de St.-Petersbourg tenue le 29 Decembre 1845, St.-Pb., 1847. В 1854 г. в Лондоне вышло английское издание книги И. Х. Гамеля. Перевод исследования И. Х. Гамеля на русский язык был напечатан в 1861 г.

Начав свое исследование истории торговых сношений России с Англией с экспедиции англичан в Россию в 1553 г., Гамель проявил критическое отношение к тексту использованных им источников. Гамель отмечал, что русские еще в XV в. «сумели найти дорогу морем вокруг северной оконечности Скандинавии». Гамель также дал правильную характеристику заслуг Григория Истома, Василия Власова и Дмитрия Герасимова в деле ознакомления Западной Европы с Россией.

«Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком» написал М. Славянский. Во введении автор подчеркнул, что изучение развития торговли «должно занять почетное место на страницах отечественной истории»¹. В основу работы были положены как русские, так и иностранные источники. Автор дал краткий обзор торговли Новгорода с Готландом и Любеком до конца XV в. Он резко возражал против высказываний немецких ученых о цивилизирующем влиянии ганзейской торговли на новгородцев.

История внутренней торговли в гораздо меньшей степени привлекала внимание историков и экономистов. Среди работ на эту тему можно назвать только небольшие брошюры по истории Нижегородской ярмарки². Брошюры эти отличались скудостью содержания, ограничиваясь кратким указанием на длительность существования ярмарки, на состав привозимых на ярмарку товаров и важнейшие правительственные распоряжения по отношению к ней.

Работой, как бы завершавшей дореформенную литературу по истории промышленности и торговли, можно признать трехтомный труд А. Семенова «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год».

Как указывал сам автор во введении, он стремился «изобразить в главных чертах и в последовательном порядке: устройства и права торгового сословия, тарифные пошлины, судостроение и мореходство, водяные сообщения, дороги, кредитные установления, торговые суды, учебные торговые заведения, таможенные учреждения, торговые договоры с иностранными государствами, фабричное и горное производство»³.

¹ М. Славянский. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком, М., 1847, стр. 3.

² См. И. Гурьянов. Историческое обозрение Нижнего Новгорода и переведенной туда Макарьевской ярмарки..., М., 1824; «Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской», М., 1833 (автор не указан).

³ Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год, ч. 1, М., 1859, стр. X.

Первые два тома заполнены изложением правительственных распоряжений по вопросам торговли и промышленности за время с Уложения 1649 до 1855 г. в хронологическом порядке с разделением на шесть периодов, в основном по царствованиям. В третьем томе автор дает историю русской промышленности и торговли с середины XVII по середину XIX в. Последняя, заключительная глава дает сводный обзор правительственных постановлений и итогов развития торговли и промышленности по вышеуказанным шести периодам. Внимание автора в этой главе было сосредоточено больше на правительственных постановлениях, чем на самих торговле и промышленности.

Основными источниками для автора послужили Полное собрание законов, данные архива департамента внешней торговли, а начиная с 1802 г. — опубликованные сведения о внешней торговле («Виды внешней торговли»). Семенов привлек также и другие источники, как, например, сочинения Котошихина, Кильбургера, Голикова, Чулкова, а также данные экономической и исторической литературы XVIII и первой половины XIX в.

По обилию привлеченного законодательного и статистического материала и по широте охвата изучаемых явлений А. Семенов далеко превосходит всех своих предшественников. Его сочинение представляет собою своеобразную энциклопедию исторических сведений о внешней торговле, путях сообщения и промышленности за два столетия. Как и у его предшественников, основное внимание А. Семенова сосредоточено на деятельности правительства, но он приводит и много интересных статистических данных. Обилие материала сочетается у А. Семенова с крайней слабостью анализа. Первые два тома его сочинения представляют собою фактически просто справочник о мероприятиях правительства за два века по регулированию торговли и промышленности. В третьем томе он делает попытку связного изложения, но и здесь анализ явлений сводится главным образом к объяснению перемен в хозяйственной жизни благодетельным влиянием мероприятий правительства. Критика источников у него, как, впрочем, и у большинства его предшественников, отсутствует.

Небольшая работа по истории промышленности и торговли была написана С. М. Соловьевым¹. По своему характеру она заметно отличается от работ, рассмотренных выше. Соловьев начинает статью с утверждения об отсутствии в XVI в. большого различия между городом и деревней. Далее он обращает

¹ См. С. М. Соловьев. *Русская промышленность и торговля в XVI веке*. «Современник», т. LXI, СПб., 1857, стр. 1—12.

внимание на характеристику русской внешней торговли в XVI в., рассматривая торговлю с восточными странами через Астрахань и торговлю с западноевропейскими государствами, особенно с Англией. Описание торговли с этой страной занимает центральное место в статье. Соловьев заканчивает статью характеристикой условий, отрицательно влиявших на развитие русской торговли в XVI в. Такими условиями он считал громадную протяженность, неблагоустройство и небезопасность путей сообщения и некоторые стороны правительственной политики по отношению к торговле — многочисленность внутренних таможен и обычай жаловать монастырям право на беспошлинную торговлю.

Хотя дореформенная Россия была сельскохозяйственной страной, но история сельского хозяйства в меньшей степени привлекала внимание историков и экономистов, чем история промышленности. Все же несколько работ по истории земледелия было написано.

В 1854 г. О. Турчинович выпустил книгу «История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 года». Автор начинал свою книгу с утверждения, что «состояние сельского хозяйства во всяком государстве зависит большею частью от мер, принимаемых правительством к направлению и усовершенствованию этой отрасли промышленности». Свою задачу Турчинович видит в обзоре судеб земледелия России «в зависимости от общественных ее учреждений»; он утверждал, что поэтому его сочинение «преимущественно посвящено историческому обозрению различных действий и мер» правительства по отношению к сельскому хозяйству¹. В первой главе автор бегло говорит об истории русского сельского хозяйства до Петра I. Он начинает с указания исторических источников о существовании в России земледелия уже в IX в., говорит о скотоводстве и о культурных растениях древнейшего периода. В частых неурожаях, о которых свидетельствовали источники, он видит доказательство низкого уровня земледелия на Руси в то время. Заканчивается беглая характеристика земледелия древней Руси попыткой автора определить географические границы земледелия в ту эпоху.

Период феодальной раздробленности, а также XVI в. Турчинович считает неблагоприятным для развития земледелия. Задерживающее влияние на его рост в этот период, по мнению Турчиновича, оказали система кормлений и внутренние таможенные пошлины. Положение крестьян в XVI в. он считает тяжелым, право крестьян переходить от одного землевладельца

¹ О. Турчинович. История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 года. СПб. (без года изд.), стр. I.

к другому называет злом, способствовавшим запустению деревень. «Гораздо были счастливее земледельцы несвободные. Судьба их не казалась им тяжкою», — пишет автор¹. Отмену Юрьева дня поэтому он называет необходимым мероприятием. Таким образом, крепостническая идеология автора проявляется в самом неприкрытом виде. Отметим улучшение состояния земледелия при царе Алексее Михайловиче, Турчинович заканчивает главу краткой справкой о возникновении земледелия в Сибири.

Вторая глава, занимающая три четверти книги, посвящена почти исключительно первой половине XIX в. с краткими лишь экскурсами в XVIII в. Автор сначала говорит в ней о «мерах правительства к непосредственному поощрению и распространению сельского хозяйства», под которым он подразумевал организацию кредита для помещиков, мероприятия по распространению улучшенных земледельческих орудий и машин, устройство сельскохозяйственных выставок, водворение иностранных колонистов. Здесь же дан был краткий очерк истории русского хлебного вывоза. Далее автор рассказывает о Вольно-экономическом обществе и об обществах сельского хозяйства, о сельскохозяйственном образовании, об издании сельскохозяйственной литературы. В конце главы дан исторический обзор правительственных учреждений, ведавших вопросами, относящимися к сельскому хозяйству. С особым вниманием автор останавливается на деятельности Министерства государственных имуществ.

Несколькими годами позже сочинения Турчиновича вышли еще два сочинения на ту же тему. А. К. Чугунов, профессор по кафедре технологии Казанского университета, автор двух сочинений по сахароварению, выпустил в 1858 г. книгу «Исторический обзор мер правительства к развитию земледелия в России»². Двумя годами ранее профессор Киевского университета по кафедре сельского хозяйства С. М. Ходецкий издал «Обозрение успехов сельского хозяйства в России, с историческим изложением правительственных мер по улучшению хозяйства»³. По содержанию обе работы сходны. Они дают не историю сельского хозяйства, а историю правительственных мероприятий по отношению к сельскому хозяйству. Их отличие от работы Турчиновича заключается в сосредоточении

¹ О. Турчинович. История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 года, стр. 24.

² См. А. К. Чугунов. Исторический обзор мер правительства к развитию земледелия в России, Казань, 1858.

³ См. С. М. Ходецкий. Обозрение успехов сельского хозяйства в России, с историческим изложением правительственных мер по улучшению хозяйства. Киев, 1856.

внимания главным образом на агрономических мероприятиях. Попутно они иногда останавливаются вскользь и на истории сельскохозяйственной техники, но уделяют этому очень мало места.

Истории не мероприятий правительства по отношению к земледелию, а именно самого земледелия посвящена небольшая статья И. Д. Беляева «Несколько слов о земледелии в древней России»¹.

Незначительное число работ по истории сельского хозяйства в дореформенной историографии по сравнению с числом работ по истории промышленности и торговли объясняется условиями времени. Как видно из помещенного выше обзора большей части этого рода сочинений, их авторы в первую очередь интересовались историей правительственных мероприятий. Этого рода фактов в области земледелия было гораздо меньше, чем в области промышленности. Регулирование сельскохозяйственного производства правительство предоставляло на произвол помещиков и стихийных сил природы. Социальные отношения в земледелии, с одной стороны, далеко не всегда интересовали авторов-чиновников, с другой стороны, в частности, касающейся крепостного права, были запретной темой. История вотчины и поместья стала предметом изучения еще в дореформенное время². Но изучение это шло в чисто описательном плане, без какого-либо социального анализа, без привлечения даже таких ценнейших документов, как писцовые книги.

Между тем писцовые книги как юридический документ были практически известны на протяжении нескольких столетий еще до первой половины XIX в. На их значение как ценного источника для социально-экономической истории России первый указал В. Н. Берх, историк русских географических открытий. В выпущенной им в 1821 г. книге «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей» В. Н. Берх привел отрывки из двух писцовых книг по Приуралью и сопроводил эти отрывки таким замечанием: «Весьма жаль, что никто из историков наших не вздумал приняться за писцовые книги. Из сих древних актов можно бы было легко составить статистику России XVI—XVII веков»³.

¹ См. И. Д. Беляев. Несколько слов о земледелии в древней России. «Временник ОИДР», кн. 22, разд. I, М., 1855, стр. 37—50.

² См., например, П. И. Иванов. Систематическое обозрение помещичьих прав и обязанностей, в России существовавших, с историческим изложением всего до них относящегося, М., 1836. А. Б. Лакер. О вотчинах и поместьях, СПб., 1848. (Резкая рецензия на эту книгу принадлежит К. Д. Кавелину. Собрание соч., т. IV, СПб., (без года изд.) стб. 447—489).

³ В. Н. Берх. Путешествие в города Чердынь и Соликамск, для изыскания исторических древностей, СПб., 1821, стр. 199—200.

Статистикой в первой половине XIX в. обычно называли описание народного хозяйства данной страны.

В 1847 г. историк права К. А. Неволин в речи «Об успехах генерального межевания в России» высказал аналогичную мысль. Но ни В. Н. Берх, ни К. А. Неволин не занялись разработкой писцовых книг с этой точки зрения. Только в конце 50-х годов началось издание писцовых книг.

История денежного обращения в России привлекала уже внимание историков XVIII в., но только в середине XIX в. она становится объектом специальных историко-экономических работ. В работе И. Д. Беляева «Очерк истории древней монетной системы на Руси»¹ история монетной системы в России делится на два периода: «монетная система гривнами и кунами, и монетная система рублями, алтынами и деньгами» с начала XIV в. Основной задачей исследования Беляева является установление соотношения между монетными единицами внутри каждой из двух систем. Обоснование для своих выводов автор черпает из летописей и актов.

Из экономистов серьезные работы по истории денежного обращения в России дали М. П. Заблоцкий и Е. И. Ламанский.

М. П. Заблоцкий, принимавший активное участие в работе отделения статистики Географического общества, первый обратил внимание на таможенные книги XVII в. как исторический источник². Он написал две работы по истории денежного обращения: «О ценностях в древней Руси»³ и «Что такое выражения: рубль московский, рубль новгородский?»⁴.

Первую работу М. П. Заблоцкий посвятил вопросу о сопоставимости древних цен с позднейшими, ограничивая свою задачу исследованием исторического развития русской денежной системы XIV—XVI вв. и изменений в количестве драгоценного металла в монете. Для установления покупательной силы драгоценных металлов М. П. Заблоцкий считал необходимым исходить из цены на хлеб, на другие предметы первой необходимости⁵ и «за труд, который должно было употребить для их производства»⁵.

Вторая работа М. П. Заблоцкого была написана в качестве дополнения к первой. Ее задача — привести актовый материал

¹ См. И. Д. Беляев. Очерк истории древней монетной системы на Руси. «Чтения ОИДР», 1846, № 3, стр. 1—28.

² Он представил в Географическое общество снятую им в Московском архиве министерства юстиции копию с таможенной книги г. Вязьмы 1654 г. со своим предисловием.

³ См. М. П. Заблоцкий. О ценностях в древней Руси, СПб., 1854.

⁴ См. М. П. Заблоцкий. Что такое выражения: рубль, рубль московский, рубль новгородский? ЖМНП, ч. XCV, СПб., 1857, отд. II, стр. 1—35.

⁵ М. П. Заблоцкий. О ценностях в древней Руси, стр. 8.

для подкрепления высказанного в первой работе мнения о соотношении между московским и новгородским рублями. Автор собрал здесь более четырехсот показаний актов с XV до начала XVIII в.

Е. И. Ламанский, специалист по банковскому делу, напечатал в 1854 г. обстоятельный «Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 год»¹. Ламанский изучал историю денежного обращения в тесной связи с состоянием государственного бюджета, рассматривая политику правительства в области денежного обращения и влияние денежного обращения на народное хозяйство России. Такой постановкой проблемы он мотивировал и свое деление истории денежного обращения за изучаемое им время на два периода: 1) от середины XVII в. до выпуска ассигнаций в 1769 г. и 2) от начала выпуска ассигнаций до их прекращения в 1817 г. Исследование Е. И. Ламанского основано преимущественно на Полном собрании законов, а также на других опубликованных источниках. Анализируя правительственную политику в области денежного обращения, Е. И. Ламанский не давал острой критики действий правительства, но у него не было и того безоговорочного одобрения всех мероприятий власти, какое мы находим у большинства авторов дореформенных историко-экономических работ. История казенных кредитных учреждений подверглась разработке в статье того же Е. И. Ламанского «Статистический обзор операций государственных кредитных установлений»², где автор дал краткий очерк их деятельности до 1817 г. и более подробный обзор с 1817 по 1853 г. От оценки социальной роли этих учреждений Е. И. Ламанский воздержался, в апологетическом тоне он говорил о мероприятиях правительства.

С относительной полнотой в первой половине XIX в. разрабатывалась история государственных финансов.

В 1833 г. вышли «Розыскания о финансах древней России» Ю. А. Гагемейстера, тогда еще начинающего, а впоследствии видного экономиста дореформенной эпохи. Автор сделал попытку дать характеристику государственных финансов Руси с древнейших времен до объединения Руси в единое государство при Иване III. Ю. А. Гагемейстер делил финансовую историю России за изучаемое им время на три периода: 1) до введения христианства; 2) до татарского нашествия; 3) до вступления на престол Ивана III.

¹ См. Е. И. Л а м а н с к и й. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 год. «Сборник статистических сведений о России», кн. II, отд. I, стр. 61—157.

² См. Е. И. Л а м а н с к и й. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. «Сборник статистических сведений о России»; кн. II, отд. I, стр. 159—305.

Для первого периода автор останавливался главным образом на дани и способах ее собирания, а также на княжеских доходах с населенных имений. Для второго периода он исследовал финансовые отношения Новгорода к князьям, останавливался на доходах с княжеских имений, судебных сборах, личных повинностях населения, таможенных сборах. Автор пришел к выводу, что «в России вся тягость налогов была носима крестьянами и городскими жителями»¹.

Ю. А. Гагемейстер говорил далее об организации взимания налогов, об уплате их деньгами и натурой, о богатствах князей. Характеристику княжеских финансов третьего периода автор начал с «финансовых установлений, учрежденных татарами». Рассказывая о государственных расходах московских великих князей, Ю. А. Гагемейстер указывал, что «доходы государственные редко употреблялись на пользу народную, ибо служили большею частью для увеличения власти княжеской, для содержания военных сил, двора, церквей, монастырей и для разных построек»². Для своего времени работа Ю. А. Гагемейстера стояла на относительно высоком уровне.

Получивший в пореформенную эпоху печальную известность реакционера, сначала министр народного просвещения, а потом внутренних дел, Д. А. Толстой напечатал в 1848 г. книгу «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II»³. Д. А. Толстой фактически рассматривал только источники государственных доходов XVI—XVIII вв. и организацию государством собирания этих доходов.

В 50-х годах появилось несколько сочинений по отдельным вопросам финансовой истории России. Более широкой из них по тематике была монография В. А. Незабитовского «О податной системе в Московском государстве со времени установления единодержавия до введения подушного оклада Петром Великим»⁴, написанная в 1852 г., но опубликованная много спустя после смерти автора. Это сочинение долгое время считалось в буржуазной науке пореформенной эпохи наиболее полным исследованием по данному вопросу⁵.

¹ Ю. А. Гагемейстер. Розыскания о финансах древней России, СПб., 1833, стр. 43.

² Там же, стр. 82.

³ См. Д. А. Толстой. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II, СПб., 1848.

⁴ См. В. Незабитовский. Собрание сочинений, Киев, 1884, стр. 2—71.

⁵ См. П. П. Гензель. Библиография финансовой науки, вып. 1. Ярославль, 1908, стр. 22.

На ту же тему и на основании тех же источников написана обширная статья В. Кури «О прямых налогах в древней Руси»¹.

В середине XIX в. вышло несколько исследований по более узким вопросам финансовой истории России. Е. Г. Осокин, профессор финансового права Казанского университета, напечатал исследования «Внутренние таможенные пошлины в России», «О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России»². Историю внутренних таможенных пошлин в России Осокин разделил на два периода: 1) до середины XVII в. и 2) от середины XVII в. до отмены таможенных пошлин. Эта книга в течение длительного времени оставалась единственной специальной работой о внутренних таможенных пошлинах в России.

Д. П. Журавскому принадлежит работа «Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год»³. Как предполагает М. В. Птуха, «книга эта, по всей вероятности, написана Д. П. Журавским в связи с его специальными работами у Сперанского по кодификации военного законодательства»⁴.

Журавский тщательно прослеживал на основании Полного собрания законов численность, организацию и стоимость содержания войск за 1711—1825 гг. В результате исследования он сопоставил количество населения, численность армии, общую величину государственных расходов, военные расходы в 1725, 1762, 1796 и 1825 гг. и вычислил отношение численности армии к населению страны, величину военных расходов на душу населения и удельный вес военных расходов в бюджете.

Как видно из рассмотренных работ, экономическая историография получила значительное развитие в первой половине XIX в., особенно в 40—50-х годах. Авторы большинства историко-экономических работ не были историками. Они были экономистами или администраторами, в большинстве случаев связанными по своей практической работе на государственной службе с правительственной политикой по отношению к той или иной отрасли народного хозяйства. Нередко прошлое данной отрасли народного хозяйства их интересовало в непосредственной связи с мероприятиями текущей экономической политики (в качестве примера можно назвать А. Ф. Дерябина,

¹ См. В. Кури. О прямых налогах в древней Руси, Казань, 1855.

² См. Е. Г. Осокин. Внутренние таможенные пошлины в России, Казань, 1850; его же. О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России, Казань, 1856.

³ См. Д. П. Журавский. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год, СПб., 1859.

⁴ М. В. Птуха. Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М., 1951, стр. 56.

И. Ф. Германа и др.). В 40—50-х годах история государственных финансов начинает привлекать внимание профессоров финансового права.

Историки включаются в изучение экономической истории значительно позднее, главным образом в 40—50-х годах, когда экономическая историография уже накопила ряд работ.

Возникновение экономической историографии вне рамок общей историографии не было специфически русским явлением. Совершенно так же обстояло дело и в странах Западной Европы.

Указанными выше условиями возникновения и первых шагов экономической историографии объясняется и содержание историко-экономических произведений дореволюционного времени.

На первом плане стояло изучение мероприятий правительства по отношению к какой-либо отрасли народного хозяйства. Характерной чертой огромного большинства дореформенных историко-экономических работ было почти полное невнимание к положению трудящихся масс. В числе авторов историко-экономических работ преобладали царские чиновники. Замечания Гагемейстера о тяжести налогов в древней Руси являются исключением. Лишь книга А. К. Корсака отличается живым интересом к положению трудящихся в промышленности.

Историко-экономическая литература дореформенного времени носила почти исключительно отраслевой характер. В истории промышленности изучались отдельно история горнозаводской и обрабатывающей (по терминологии того времени — мануфактурной) промышленности. Совместное рассмотрение истории промышленности и истории торговли, как это было сделано в книге А. Семенова или в статье С. М. Соловьева, производилось редко. Еще большей редкостью были такие работы, как обстоятельная статья Афанасьева о мероприятиях Петра I в области сельского хозяйства, торговли и промышленности¹. Не было сделано ни одной попытки составить синтетический очерк экономической истории России за какой-либо исторический период.

Научный уровень дореформенной историко-экономической литературы был неоднородным как с точки зрения анализа рассматриваемых исторических фактов, так и с точки зрения источниковедческой. В общем преобладал хронологически-описательный характер изложения. В качестве причины развития изучаемых экономических явлений авторами обычно указы-

¹ См. А. Афанасьев. Государственное хозяйство при Петре Великом. «Современник», СПб., 1847, № VI, т. 3, разд. II, стр. 75—134 и № VII, т. 4, разд. II, стр. 1—79.

вались изменения в правительственной политике. Традиция объяснять ход экономической истории мероприятиями правительственной политики утвердилась в последующей историографии чрезвычайно прочно.

Изложение обычно опиралось на опубликованные источники. Иногда авторы использовали неопубликованный ведомственный материал. Архивные изыскания имели место лишь в редких случаях. Данные источников обычно использовались без критики.

В дореформенной экономической историографии зародилась уже мысль о значении экономических явлений для общего хода истории. Эту мысль мы находим у К. Германа и, повидимому, под его влиянием — у Иванова. Но и у этих авторов проявляется мало внимания к вопросу о связи экономики с общественными и политическими явлениями. Тем не менее накопленный исторический материал, собранный в сочинениях историков и экономистов первой половины XIX в., имел значение для развития исторических знаний последующего времени.

Глава XII

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У НАРОДОВ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ, ПРИБАЛТИКИ, ЗАКАВКАЗЬЯ, КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

I

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У НАРОДОВ СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В первой половине XIX в. большинство народов СССР входило уже в состав России (за исключением народов Средней Азии и частично Казахстана).

Царское правительство всячески тормозило развитие просвещения, что с особой силой чувствовалось на «окраинах» империи, преследовало культуру нерусских национальностей, именовавшихся в правительственных документах «инородцами». Передовая историческая мысль народов СССР развивалась в непрерывной борьбе с царизмом.

В первой половине XIX в. резко усилилось влияние передовой русской общественно-политической мысли на развитие историографии народов СССР. Произведения русских революционеров-демократов — Белинского и Герцена, в той или иной мере влияли на историческую мысль всех народов царской России. Большое значение для развития исторических знаний у народов СССР имели также труды русских исследователей, изучавших историю народов СССР. Так, изучение истории Казахстана первой половины XIX в. производилось в основном трудами русских исследователей.

В особом положении находилось развитие исторических знаний в Средней Азии, которая в первой половине XIX в. в большей своей части не входила в состав России. Культурное отставание Средней Азии от соседней России нашло свое отражение и в области исторических знаний. Историческое знание народов Средней Азии представлено в XIX в. работами, сохранившими черты средневековой феодальной историографии.

ИСТОРИОГРАФИЯ УКРАИНЫ

Основные черты социально-экономического развития и политической жизни России конца XVIII — первой половины XIX в. (нарастание кризиса крепостнической системы, развитие в недрах ее капиталистических отношений, мощная волна крестьянских движений, огромное влияние на политическую жизнь Отечественной войны 1812 г. и др.) в равной мере характерны и для Украины, как составной части России. Совместная борьба русского и украинского народов против крепостничества и самодержавия содействовала дальнейшему укреплению вековой дружбы обоих братских народов. Все это определяло общность общественно-политической и идеологической жизни России и Украины, в частности теснейшую связь развития исторической мысли русского и украинского народов.

Выступление выдающегося русского мыслителя, представителя первого поколения дворянских революционеров А. Н. Радищева, его философские, политические и исторические воззрения имели важнейшее значение для Украины. Знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» в рукописных списках распространялось среди прогрессивной дворянской интеллигенции Украины.

Несколько уцелевших экземпляров печатного издания «Путешествия», уничтоженного царизмом, тоже попали на Украину¹. Влияние идей Радищева сказалось на творчестве украинского дворянина поэта В. Капниста и украинского писателя И. Котляревского. Известный общественный деятель Слобожанщины В. Каразин переписывался с Радищевым². Положение Радищева об общности исторических судеб восточных славян, критика антинаучных норманистских фальсификаций, мысль о роли народных масс в истории оказали значительное влияние на развитие исторической мысли на Украине в начале XIX в. А высказыванием Радищева о том, что если один народ «оказывает мысль властвования и присвоения», то это вызывает сопротивление³, были сформулированы в общих чертах осуждение национальной политики царизма и солидарность русских дворян-революционеров с угнетенными народами, в том числе украинским.

¹ См. Д. Н. Анучин. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева, М., 1918.

² См. В. П. Семенников. Радищев, М., 1923, стр. 447; Л. А. Коваленко. Историчні погляди Радіщева. «Вісник АН УРСР». 1949, № 9, стр. 66—67.

³ См. А. Н. Радищев. Соч., т. II, М., 1872, стр. 80.

Эта точка зрения Радищева была развита в отношении Украины декабристами. Свои мысли по истории Украины они излагают в поэтических произведениях (К. Рылеев) и в специальных, хотя и небольших, сочинениях, как, например, комментарии Бестужева и Корниловича к произведениям Рыльева¹. Декабристы останавливаются на таких моментах в истории Украины, как формирование казачества, крестьянско-казацки движения на Украине, освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией.

Наиболее полно взгляды декабристов на украинское казачество выразил Кондратий Рылеев в своих поэмах «Наливайко» и «Гайдамаки». Влияние исторических взглядов декабристов сказалось и в творчестве Н. Гоголя. В повести «Тарас Бульба» великий русский писатель сжато изложил концепцию, близкую ко взглядам дворянских революционеров об украинском казачестве.

Казачье движение на Украине, по мнению декабристов и Гоголя, было народным движением. Рылеев и Гоголь выступали против фальшивой концепции украинских дворянских историков, видевших в казачьем движении только деятельность казацкой старшины и гетманов. Казачество, доказывают декабристы и Гоголь, возникло как естественный ответ народных масс Украины на действия лютых хищников — польских магнатов и шляхты, турецких и татарских феодалов. По образному выражению Гоголя, казачье движение «вышибло из народной груди огниво бед». Рылеев высказывает ту же мысль в поэме «Наливайко»², хотя и неправильно трактует личность самого Наливайко как борца-одиночки.

Истории освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией посвящены в основном произведения Рыльева — дума «Богдан Хмельницкий» и поэма «Гайдамаки». Эти сюжеты Рылеев использует для декларации собственных антикрепостнических взглядов, говоря, что целью борьбы было «позорные разрушить цепи, и, рабства сокрушить кумир...»³. Освободительная война украинского народа справедливо рассматривается декабристами как событие, завершившее длительную цепь народных движений за «свободу страны родной» против «позорных цепей рабства», т. е. крепостничества и национально-религиозного угнетения народа польской шляхтой.

¹ См. К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений, М.—Л., 1934, стр. 166—169, 172—174, 192—229, 243—254, 255—259, 259—260. Там же помещены статьи-комментарии к поэме «Войнаровский», составленные декабристами А. Бестужевым и А. Корниловичем, стр. 193—198.

² См. там же, стр. 246—247.

³ Там же, стр. 167.

Передовым историком 20—30-х годов XIX в. был А. С. Пушкин. Вопросы истории Украины наиболее всесторонне изложены им в поэтическом произведении «Полтава». Созданию поэмы предшествовало тщательное изучение материала и источников по истории Украины XVII в., что дало возможность Пушкину развить далее положения декабристов. Пушкин высоко оценивал акт воссоединения Украины с Россией и выступал горячим поборником дружбы и братского союза украинского и русского народов. Он призывал не забывать:

...Отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен¹.

Излагая события войны со шведами, Пушкин подчеркнул, что украинский народ вопреки интригам предателя Мазепы вместе с русским вел борьбу против шведских захватчиков. Пушкин указал на положительное значение прогрессивных реформ Петра I для украинского народа.

Исторические взгляды Радищева и декабристов оказали заметное влияние на развитие прогрессивной исторической мысли на Украине, в частности на взгляды украинского писателя И. П. Котляревского. В своих поэтических произведениях Котляревский уделял внимание «полтавской шведчине». Он решительно осуждал украинских дворянских националистов, пытавшихся посеять вражду между украинским и русским народами, и призывал взять за основу взаимоотношений между двумя братскими народами поучительные уроки Полтавской битвы, когда соединенными усилиями русских и украинцев захватчики были разбиты². Эту мысль об общности исторических судеб украинского и русского народов развивал В. Н. Каразин, справедливо утверждая, что интересы Украины «тесно сопряжены с пользами исполинской России». У Каразина имеется ряд интересных мыслей о роли материального производства в истории человеческого общества, а также по вопросам истории первобытного общества. Первобытное общество, пишет Каразин, совсем не было таким идеальным, как представляет его «красноречивый панегирист Руссо»³.

Важным памятником в развитии исторической мысли на Украине начала XIX в. является «История Русов». В начале XIX в. она была широко известна в рукописях, а в 1846 г.

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. IV, стр. 259. Ценные мысли об истории Украины содержатся в примечаниях к поэме, составленных самим поэтом (стр. 304—308).

² См. И. П. Котляревский. Енеїда, Київ, 1948, стр. 116.

³ В. Н. Каразин. Сочинения, письма и бумаги, Харьков, 1910, стр. 220.

издана в Москве. Ее автором ранее считался Георгий Конисский, архиепископ Белорусский, одно время бывший ректором Киевской академии. Но Конисский был лишь анонимом для подлинного автора, имя которого осталось невыясненным до сих пор. Об авторе можно сказать пока только то, что он принадлежал к кругам украинского дворянства. Боясь репрессий царской власти, он предпочел распространять свою работу под чужим именем.

Материал в «Истории Русов» изложен с политической страстностью. В угоду своим убеждениям автор не останавливался перед заведомо тенденциозным подбором материала.

Историографические взгляды автора сложны и противоречивы. В духе передовых идей своего времени он осуждал крепостничество. В уста известного украинского деятеля XVII в. Богуня автор вкладывал целую декларацию, резко осуждавшую крепостничество¹. Но автор «Истории Русов» критиковал лишь варварские формы личной зависимости крестьян от помещиков, помещичье землевладение он считал закономерным и правомочным явлением.

Излагая историю развития феодально-крепостнических отношений на Украине, автор указывал на постоянное стремление украинских феодалов и казацкой старшины «соделаться на счет нации хорошими владельцами»² путем сделки с польскими магнатами. Но установление крепостничества на Украине автор совершенно неправильно связывал с внешним привнесением его на Украину польскими магнатами и русским самодержавием. В «Истории Русов» были подняты такие вопросы, как автохтонность восточных славян, связь восточных и западных славян, подчинение Украины литовским князьям. Автор уделил внимание и вопросам взаимоотношения русского и украинского народов.

Киевскую Русь автор рассматривал как общую страницу в истории русского, украинского и белорусского народов: «История Малой России до времен нашествия на нее татар, с ханом их Батыем, соединена с историей всей России»³.

Обстоятельно автор «Истории Русов» останавливался на вопросах освободительной войны 1648—1654 гг., рассматривая ее как важнейшее событие в истории Украины, когда народ поднял оружие «не для корысти какой или пустого тщеславия, а единственно на оборону отечества нашего»⁴. По мнению автора, «врожденная склонность к единоверцам и однород-

¹ См. Г. Конисский. История Русов или Малой России, М., 1846, стр. 97, 242.

² Там же, стр. 255.

³ Там же, стр. I.

⁴ Там же, стр. 62.

цам делала их (украинский народ.— *Ред.*) всегда приверженным к народу русскому или московскому»¹. А воссоединение Украины с Россией «не токмо нам полезна, но почти неизбежна»².

Положительным в «Истории Русов» является прогрессивная концепция о взаимоотношениях русского и украинского народов. Это отмечали уже декабристы, Пушкин, Гоголь, Шевченко, Франко³. Взгляды автора «Истории Русов» нашли отражение в их исторических и художественных сочинениях.

Слабой стороной «Истории Русов» является непоследовательность автора в отношении к крепостничеству и неверный тезис о внешнем его привнесении, а трактовка роли Полуботка и других гетманов XVIII в. дается с националистических позиций. На этой стороне «Истории Русов» акцентировали внимание украинские дворянские и буржуазные националисты (Д. Н. Бантыш-Каменский, Н. Маркевич, М. Максимович, Кулиш, Грушевский), пытаясь представить «Историю Русов» только как памятник «старшинских автономистских стремлений», замалчивая ее верные тезисы о союзе и дружбе украинского и русского народов.

С прогрессивных позиций написаны исторические изыскания украинского дворянина Александра Михайловича Марковича (1790—1865 гг.). Литературное наследство Марковича невелико и осталось главным образом в рукописях⁴. Маркович был противник крепостничества. В его мировоззрении чувствуется влияние передовых идей русской прогрессивной политической мысли декабристов и революционеров-демократов.

На основании кропотливого изучения черниговских архивов Маркович дал краткое, но ценное исследование о социально-экономических отношениях на Украине после освободительной войны. Маркович впервые в украинской историографии сформулировал мысль, что закрепощение посполитых с конца XVII—начала XVIII в. на Украине было делом казацкой старшины, т. е. внутренним процессом, опровергая тезис о внешнем привнесении крепостничества на Украину⁵.

¹ Г. Конисский. История Русов..., стр. 43.

² Там же, стр. 97.

³ Т. Шевченко. Повна збірка творів в п'яти томах, Київ, 1939, (далее — Соч.), т. 4, стр. 21; И. Франко. Про російську літературу, Львів, 1947, стр. 64. И. Франко оценивал «Историю Русов» как «амальгаму идей дворян-революционеров с национально-освободительными идеями, имевшими распространение среди украинской дворянской интеллигенции в то время».

⁴ Обстоятельное изложение содержания его работ — «Описание Малороссии» и «Записки о дворянском сословии Черниговской губ.» — сделано А. Лазаревским. См. А. Лазаревский. Прежние изыскатели Малорусской старины. А. М. Маркович. «Киевская старина», т. LVI, Киев, 1897, отд. 1, стр. 92—111, 275—310.

⁵ Там же, стр. 288.

Развитие прогрессивной исторической мысли в России и на Украине начала XIX в. шло в борьбе с реакционной дворянско-помещичьей историографией. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» касается истории Украины с великодержавных дворянских позиций. Так, воссоединение Украины с Россией он оценивает как завершение «собрания русских земель», начатого еще Иваном Калитой. Продолжая эти традиции реакционной дворянской историографии, русский историк М. П. Погодин, идеолог русских крепостников, в «Письмах о самобытности малороссийского наречия» отрицал даже факт существования украинского народа, его истории и культуры.

Несколько иную по форме позицию в отношении Украины заняли историки-славянофилы (Аксаков, Киреевский), на свой манер защищавшие «живую силу охранную», т. е. самодержавие и крепостничество. Славянофилы не отрицали наличия украинского народа и даже выступали за изучение его народного быта, но в украинском фольклоре и этнографии они подмечали только черты уходящего в прошлое, отживающее. Великие русские революционеры-демократы В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский вскрыли и разоблачили реакционную сущность позиций славянофилов в оценке прошлого и настоящего украинского народа¹.

Наряду с русскими дворянскими историками в это время выступают украинские дворянские историки-националисты. Сущность дворянского национализма на Украине сводилась к стремлению украинских дворян-крепостников создать под эгидой самодержавия дворянско-помещичью государственность. Имелось в виду, что реставрация гетманства будет сопровождаться расширением прав украинских помещиков, укреплением власти помещиков над крепостными.

Наиболее значительными представителями дворянской националистической историографии на Украине были Д. Н. Бантыш-Каменский (1788—1850 гг.) и Н. Маркевич (1804—1860 гг.). Первый из них был автором четырехтомной «Истории Малой России»², второй — пятитомной «Истории Малороссии»³.

В сочинениях Бантыш-Каменского и Н. Маркевича всячески восхваляются гетманы, украинские феодалы и старшины, замалчиваются факты непрерывного сотрудничества и взаимопомощи русского и украинского народов. Больше того, Н. Маркевич выдвинул лживый националистический тезис о «младшем брате, северном россияnine» и о демократизме

¹ См. Н. Г. Чернышевский. Соч., т. VII, стр. 775—793.

² См. Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России, ч. 1—4, М., 1822.

³ См. Н. Маркевич. История Малороссии, т. 1—5, М., 1842—1843.

Запорожской Сечи. Украинская буржуазно-националистическая историография подхватила эти тезисы, пытаясь, в частности, обосновать свое антиисторическое положение о бесклассовости украинского народа. В. Г. Белинский в статье «История Малороссии Николая Маркевича» писал, что Маркевич старается искусственно оторвать историю украинского народа от России. Революционер-демократ указал на научную несостоятельность украинской дворянской историографии в целом¹.

Со славянофильских позиций писал свои произведения львовский историк Денис Зубрицкий (1777—1862 гг.), который ориентацию на русский царизм сочетал с декларациями верности галицких помещиков Габсбургской монархии².

Идейный и личный контакт со славянофилами поддерживал М. Максимович (1804—1873 гг.). В этнографических, археологических и исторических изысканиях этого историка отражено стремление украинских помещиков к более тесному союзу с русскими помещиками во имя защиты крепостничества и самодержавия (см. его «Письма о самобытности малороссийского наречия»). В статье «О причинах взаимного ожесточения малороссиян и поляков в XVII в.» и других произведениях Максимович разоблачает реакционную польскую великодержавную историографию. Отдельные его работы, посвященные критическому разбору архивных материалов, документов, исторических фактов, имеют известную ценность. В целом историографические воззрения Максимовича представляют своеобразное звено между взглядами дворянской и буржуазной украинской историографии³.

Украинские дворянские историки проявили большую активность в области археографии, что должно было создать видимость солидной аргументации их писаниям. Уже Н. Маркевич в своей «Истории Малороссии» отвел много места изложению тенденциозно подобранных и соответственно препарированных архивных материалов. Черниговские помещики М. Судиенко и Н. Белозерский издали археографические сборники — «Описание Черниговского наместничества»⁴ и «Южно-русские летописи»⁵. Ряд материалов по истории Украины опубликовал в 1846—1847 гг. О. М. Бодянский⁶.

¹ См. В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 393—414.

² См. Д. Зубрицкий. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845. «История галицко-русского княжества», т. 1—3, Львов. 1852—1855.

³ См. М. Максимович. Собр. соч., т. I—III, Киев, 1876—1880.

⁴ См. «Описание Черниговского наместничества» А. Шафонского, Киев, 1851.

⁵ См. «Южно-русские летописи», открытые и изданные Н. Белозерским, Киев, 1856.

⁶ См. «История Русов», «Летопись Самовидца», «Летописное пове-

В 1843 г. при киевском генерал-губернаторе была создана «Временная археографическая комиссия», деятельности которой царское правительство старалось придать великодержавно-монархическое направление с антипольской тенденцией. Сотрудники комиссии, украинские дворянские и буржуазные историки, старались использовать издания комиссии для распространения положений украинской дворянской и буржуазной националистической историографии. Изданные археографические сборники по истории Украины тенденциозны, однако опубликованные в них документы представляют ценный материал по истории Украины.

Обострение борьбы крестьян против крепостничества во второй четверти XIX в. и рост капиталистических отношений привели, как известно, к появлению революционно-демократического и буржуазно-либерального направления в историографии.

Взгляды русской либерально-буржуазной историографии на Украину наиболее полно изложил С. М. Соловьев как в своей «Истории России с древнейших времен», так и в ряде специальных работ¹.

Соловьев отказывался рассматривать историю украинского народа как отдельного народа. Там же, где ему приходится все-таки говорить об истории Украины, он оценивал ее как аномалию от общей схемы «государственного процесса». Соловьев осуждал как антигосударственное явление казачество и в России и на Украине.

Взгляды нарождавшейся украинской буржуазии отразили в своих исторических трудах главным образом Н. И. Костомаров (1817—1885 гг.) и П. А. Кулиш (1819—1897 гг.). Как русская буржуазная историография, так еще в большей мере украинская отражали стремление буржуазии к компромиссу с помещиками и самодержавием, в интересах совместной борьбы с крестьянскими движениями и революционно-демократическим течением².

Исходным пунктом политических воззрений Н. Костомаро-

ствование о Малой России» — А. Ригельмана и ряд других украинских летописей, диарушей и т. п. «Чтения ОИДР», 1846, № 1—6; 1847, № 1.

¹ См. С. Соловьев. Очерки истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу, «Отечественные записки», 1848, № 11—12, 1849, № 2; его же. О некоторых рукописях и редких печатных сочинениях XVI и XVII века, относящихся к истории Малороссии, «Библиографические записки», 1858, т. I, № 9, стб. 272—279; его же. Малороссийское казачество до Б. Хмельницкого. «Русский вестник», 1859, т. XXVIII, кн. 2, сентябрь.

² См. Н. И. Костомаров. Собр. соч., Исторические монографии и исследования, кн. 1—8, СПб., 1903—1906; П. Кулиш. Повесть об украинском народе, СПб., 1846; его же. Записки о Южной Руси, т. 1—2. СПб., 1856—1857; его же. История воссоединения Руси, т. 1—2. СПб., 1873—1877.

ва и П. Кулиша была мысль, что буржуазное общество, его экономические основы являются вечной категорией. Основные историографические представления у этих историков были общими. Но при рассмотрении отдельных вопросов истории взгляды Кулиша и Костомарова иногда расходились.

Исторические сочинения Кулиша отражают интересы помещиков и формирующейся буржуазии. Отсюда для них характерна циничная откровенность оголтелого реакционера. Так, например, Кулиш утверждал, что народные массы действуют как сила разрушительная. Сочинения Костомарова имели целью апелляцию к «родным низам», отсюда в них налет псевдodemократической фразеологии либерала-соглашателя, вроде рассуждений о «психологии народной души».

В своих исторических работах Костомаров и Кулиш оценивали процесс формирования украинской буржуазной нации с позиций растущей буржуазии. Костомаров и Кулиш рассматривали украинскую нацию как вечную категорию, пытаясь даже в археологических памятниках неолита отыскать аргументы в пользу такой антиисторической выдумки.

Кулиш сформулировал свою националистическую теорию в форме тезиса об Украине «от Карпат до Саратова». Костомаров выдвинул так называемую федералистическую концепцию. На историческом материале в таких работах, как «Мысли о федеративном начале древней Руси», Костомаров критиковал централистскую политику царизма, призывая последний пойти на уступки украинским помещикам и буржуазии. Вместе с тем он стремился воспитать недоверие и ненависть к другим нациям, отчасти к польскому, а особенно к русскому народу, пытаясь подорвать общий фронт борьбы русского и украинского народов против помещиков и буржуазии.

Костомаров является основоположником лживой националистической «теории» о бесклассовости и «безбуржуазности» украинского народа и его «сплошной демократичности», сформулированной в статьях «Две русские народности» и «Черты народной южнорусской истории», т. е. он пытался исторически аргументировать «единство» буржуазной нации.

Костомаров рассматривал, вопреки исторической действительности, историю древнерусского государства — Киевской Руси — исключительно как историю Украины, отрицательно относился к воссоединению Украины с Россией и деятельности Богдана Хмельницкого, давая положительную оценку таким ренегатам украинского народа, как Выговский, Мазепа.

Исторические сочинения Костомарова и Кулиша заложили фундамент буржуазно-националистической историографии Украины.

В противовес буржуазно-либеральным, буржуазно-национа-

листическим фальсификациям истории, В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Т. Г. Шевченко выступили с революционно-демократической концепцией понимания исторического процесса¹.

Белинский и Герцен прежде всего вели борьбу против фальсификации истории украинского народа дворянской и буржуазно-националистической и русской шовинистической историографией. Белинский вскрыл научную несостоятельность взглядов представителей украинской дворянской националистической историографии — Бантыш-Каменского и Н. Маркевича. Уже в рецензии на магистерскую диссертацию Н. Костомарова (1844 г.) Белинский разоблачил националистическое существо писаний этого буржуазного историка, выразившееся в искусственном противопоставлении украинского народного творчества русской народной поэзии.

Революционеры-демократы дали анализ важнейших вопросов истории Украины. В противовес русской великодержавной и украинской националистической историографии Белинский всесторонне рассматривал такое событие, как воссоединение Украины с Россией в 1654 г. Остановившись на значении этого события, Белинский писал: «Слившись навеки с сдинокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность...»².

Герцен при анализе истории Украины XVI—XVII вв. обращает внимание на классовые антагонизмы как основу исторического процесса: «Запорожская Сечь представляла удивительное явление плебеев-витязей, рыцарей-мужиков»³, т. е. расценивал Сечь как центр собирания народных сил. Герцен указывает на разницу в классовых стремлениях народных масс и украинских феодалов: «...два стремления, два противоположных потока обозначаются в южной Руси»: украинское шляхетство сотрудничает с польской аристократией, народные низы, казаки, напротив, ведут борьбу против польского шляхетства и аристократии⁴.

¹ См. В. Г. Белинский. Соч., т. IV, Рецензии на сочинения Квитка-Основьяненко, «Маруся», т. V, «Пан Халявский», т. VI, «Шельменко-денщик», т. VI; альманахи — «Ластівка», т. VIII, «Молодик», т. XIII, «Сніп», т. II; роман П. Голоты, т. VII, поэму Т. Г. Шевченко «Гайдамаки», т. XII, «Историю Малороссии» Николая Маркевича. Кроме того, важны отредактированные Белинским и помещенные на страницах «Отечественных записок» рецензии на «Кобзарь» Т. Г. Шевченко, 1840, т. X (раздел «Библиографическая хроника») и «Историю Малороссии» М. Бантыш-Каменского, 1842, т. XXII (раздел «Библиографическая хроника»). См. А. И. Герцен. Соч., т. VI, стр. 360—395, т. IX, стр. 453—484.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 414.

³ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 459.

⁴ Там же, стр. 465.

Внимательно изучив историческое прошлое и современную ему обстановку на Украине, Герцен сделал глубокие выводы. В статье «Россия и Польша» он решительно осудил великодержавные притязания на Украину, как русских, так и польских помещиков и пришел к выводу, что русские революционеры-демократы должны вести борьбу за возможность для украинского народа самому определить свою судьбу, что в итоге укрепит вековую дружбу русского и украинского народов и их общий фронт борьбы против самодержавия и крепостничества во имя «новой фазы жизни»¹. И. Белинский и Герцен показали образцы такой деятельности: они оказали идейную помощь Шевченко, прогрессивной украинской литературе, страстно и решительно отстаивали право украинского народа на свой язык, развитие своей культуры.

Под влиянием русских революционеров-демократов шло формирование мировоззрения великого сына украинского народа, революционера-демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

Исторические воззрения Т. Шевченко изложил в своих художественных произведениях, дневниках и письмах. Шевченко был хорошо знаком как с отечественной (русской, украинской), так и с западноевропейской историографией, много внимания уделял изучению источников по истории Украины. В этой связи находятся его занятия археографией и археологией².

Через все сочинения Шевченко проходит мысль, что творцом истории является простой народ, а не гетманы, короли, феодалы. Он любовно описывал героическое прошлое народа. В понимании и трактовке роли народа Шевченко следовал лучшим традициям передовой исторической мысли России.

На исторических примерах великий kobzarь показал подлинный патриотизм, полную подчиненность всех интересов борьбе во имя счастья народа. Патриотами были, по мнению Шевченко, и древнерусские богатыри «хоробрі русичі», грудью защищавшие «землю руську»³, и безыменные герои-казаки, которые, не щадя своей жизни, устлали поля Украины трупами иноземных захватчиков (турок, татар) и классовых врагов народа — польских магнатов⁴, и вожди народных движений — Наливайко, Трясило, Хмельницкий, Палей, Гонта и Железняк.

С трактовкой роли народа у Шевченко теснейшим образом связано представление о классовой борьбе. История

¹ А. И. Герцен. Соч., т. IX, стр. 467.

² «Т. Г. Шевченко в документах и материалах». Киев, 1950, стр. 126.

³ См. Т. Шевченко. Соч., т. 2, стр. 333—334.

⁴ См. Т. Шевченко. Соч., т. 1, стр. 328.

Украины, — развивает многократно свою мысль Шевченко, — это история борьбы угнетаемого холопа против рабства за свободу¹. В поэме «Гайдамаки» и других произведениях революционер-демократ указывает, что украинского крестьянина угнетали не только польские и русские помещики, а и свои украинские помещики, о которых он с гневом говорит:

Бували війни й військові свари:
Галагані, і Киселі, і Кочубеї — Нагаї,
Було добра того чимало².

Взглядам украинских дворянских и буржуазных историков Шевченко противопоставил мысль о единстве борьбы крепостного крестьянства России и Украины против крепостничества и самодержавия.

Много внимания Шевченко уделяет такому важнейшему вопросу, как воссоединение Украины с Россией. Он приблизился к пониманию того факта, что главной движущей силой освободительной войны было угнетенное крепостное крестьянство. Шевченко положительно оценивал планы воссоединения «гениального бунтовщика» Хмельницкого³, ибо это был путь к объединению с братским народом, единению с народными низами России.

Шевченко видел, что царизм заботился только об интересах русских и украинских помещиков, и поэтому осуждал политику царизма как в прошлом, в связи с событиями XVII—XVIII вв., так и в настоящем. В поэме «Кавказ» Шевченко, клеймя политику колониального угнетения, призывал к союзу с великим русским народом не только украинский народ, но и все угнетенные царизмом народы.

Шевченко высоко оценивал крестьянские движения в России под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева, с восхищением и уважением говорил о декабристах и русских революционерах-демократах Герцене и Чернышевском. Нашествие наполеоновских полчищ Шевченко расценивал как угрозу национальной независимости русского и украинского народов. Он полагал, что украинский народ должен был оказать всемерную помощь своему брату — русскому народу⁴.

В противовес реакционному славянофильству и костомаровскому федерализму, Шевченко выдвинул тезис о единстве трудящихся славянских стран в борьбе с феодализмом и иностранными поработителями. Свою поэму «Еретик» он посвятил освещению истории гусистского движения, формулируя мысль, что

¹ См. Т. Шевченко. Соч., т. 4, стр. 343—344.

² Т. Шевченко. Соч. т. 2, стр. 361.

³ Т. Г. Шевченко. Дневник, М., 1939, стр. 193.

⁴ См. Т. Шевченко. Соч., т. 4, стр. 16.

даже самые жестокие расправы эксплуататоров не остановят движения угнетенных к «сонцю правды». Деятельность Шевченко, как и его современников — русских революционеров-демократов, имела огромное значение для развития передового исторического знания.

III

ИСТОРИОГРАФИЯ БЕЛОРУССИИ

В XIX в. влияние передовой русской общественной мысли на деятелей белорусской культуры усилилось. События начала XIX в. и главным образом война 1812 г. укрепили связь между русским и белорусским народами, вместе борющимися против иноземного нашествия. Восстание декабристов 1825 г. также нашло отклик в Белоруссии. В Бобруйске была произведена попытка поднять восстание. Эта попытка не удалась, однако совместная борьба с царизмом не могла не содействовать дальнейшему сближению русского и белорусского народов.

Крепостнический гнет и колонизаторская политика польских помещиков и католического духовенства продолжали задерживать развитие белорусской культуры, в частности исторических знаний.

Тем не менее в народном творчестве в первой половине XIX в. имеется правильное осмысливание исторических событий, близко связанных с историей Белоруссии. Много народных произведений — белорусского народного творчества — было посвящено, как и раньше, крепостному праву, причем в этих песнях особенно яркие стихи изображали произвол панов и вызванную им народную ненависть к крепостничеству. Особенно характерны в этом отношении такие белорусские сказки, как «От чего зло на свете», «Иванушка-простачок» и др. В некоторых белорусских народных поговорках и пословицах видно даже критическое отношение к религии (например, «Смеялся и плакал, а все бог одинаков» или «Пусть то черт ест, что бог даст» и пр.).

Народное творчество вызвало к себе большой интерес и некоторых писателей, придававших народным мотивам литературную обработку и писавших свои подражания народным песням без обозначения своего имени. Эта анонимная литература представляет живой исторический интерес, поскольку по ней можно судить, как сам народ и близкие к нему по своему настроению писатели понимали современные им исторические события и свою историческую судьбу. В произведениях анонимной литературы народ выражает свою жажду свободы («Эх!

Как бы толькі нам свобода! На свабодзе адживем») ¹, ненависть к неправде жизни («Не па праудзе бедных гоняць і не к праудзе суд свой клоняць») ², в них описывается горькая подневольная жизнь крепостных крестьян, надежда их на близкую перемену («цяпер на свеце усе іначай строяць») ³.

Выражением интереса к белорусской истории явилось появление в первой половине XIX в. анонимных литературных памятников. Некоторые из этих анонимных произведений были написаны образованными людьми, хорошо знавшими не только современную им русскую, но и античную литературу. В анонимной поэме «Энеида наизнанку» ⁴, представлявшей собой талантливую пародию на Энеиду Вергилия, царица Карфагена представлена в виде грубой и жестокой помещицы, упрекающей своего слишком мягкого, по ее мнению, десятского в том, «што ен распрашчыны не знае, ды без пашпортау усих пускае». Бог ветров Эол показан в виде услужливого приказчика панов, который с подвластными ему ветрами обращается как с крепостными; Юнона характеризуется, как «баба злая, адродзя панскага, лихая» и т. п.

Еще больший интерес представляет собой другая белорусская поэма — «Тарас на Парнасе», написанная также в первой половине XIX в. Неизвестный автор ее выражает горячее сочувствие передовым русским писателям того времени — Пушкину, Гоголю, Лермонтову, которых на Парнасе встречают с почетом («прашли, як павы, на Парнас») и презрительно характеризует современных ему реакционных журналистов — Греча и Булгарина, недостойных, по мнению автора, находиться среди парнасских небожителей.

История Белоруссии затрагивалась главным образом в обобщающих исторических работах русских и белорусских ученых первой половины XIX в., впрочем, не в качестве самостоятельной области исторического исследования, а в связи с историей России, Польши, Литвы, иногда Украины. В некоторых из них — в сочинениях Н. Г. Устрялова ⁵ и М. О. Кояловича («Лекции по истории Западной Руси») проводилась вполне определенная клерикально-дворянская и великодержавно-монархическая точка зрения. Вхождение Белоруссии в состав России приписывалось Устряловым и Кояловичем исключительно деятельности белорусских феодалов и дворян (напри-

¹ Из анонимного стихотворения: «Вясна, голад, перепала».

² Из анонимного стихотворения: «Вось цяпер які люд стау».

³ Из анонимного стихотворения: «Гутаркі Данілы са Сцяпанам».

⁴ Отрывок из «Энеиды наизнанку» впервые помещен в журнале «Маяк». СПб., 1845, т. 23, глава V, стр. 33—39.

⁵ Особенно в его работах «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское» (1839) и «Русская история» (1837—1841).

мер, князей Острожских), иерархов православной церкви (Мелетия Смотрицкого) и русской государственной власти. Этим силам, по представлениям указанных историков, удалось отстоять Белоруссию от покушений со стороны польских панов и католической церкви (а еще раньше от немцев и татар). Роль белорусского народа, поднимавшего непрерывные восстания против польско-литовских панов, против католической церкви, а позднее и против царской власти, совершенно игнорировалась. Если эти историки иногда и говорили о народных восстаниях, то трактовали их как движения, направленные главным образом против католической церкви. Руководящая роль в них приписывалась служителям православной церкви, православным феодалам и шляхтичам, а народ изображался в виде подчиненной силы, руководимой церковью и феодально-дворянскими защитниками православия. Даже самые названия «белорусский народ», «Белоруссия» подменялись дворянско-монархическими историками терминами: «Западный край», «Северо-Западный край», «Литва».

С особенной яркостью эта клерикально-монархическая точка зрения выражена у М. О. Кояловича, который приписывал сохранение белорусской народности только заботам русского царизма и бдительности высшего православного духовенства¹.

В других работах проявлялась, наоборот, полонофильская тенденция. К таким работам принадлежала работа Турчиновича «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен»², в которой автор считал, что история Белоруссии, начиная с XV в., сливается с историей Польши. Турчинович, впрочем, не отрицает самостоятельности истории Белоруссии до XV в.

Такой же тенденциозный характер носили исторические произведения шляхетских писателей, смотревших на Белоруссию, как на польскую провинцию. Типичным представителем этого направления был А. Рыпинский, издавший в Париже сборник на польском языке под названием «Беларусь» (1840 г.).

При всех трудностях, лежавших на путях развития белорусской культуры и, в частности, исторического знания, первая половина XIX в. характеризуется значительным сдвигом, свидетельствующим о больших творческих силах белорусского народа, усилением связей белорусского исторического знания с передовой русской историографией.

Крупный вклад в развитие подлинно исторических знаний в Белоруссии сделал белорусский ученый И. И. Григорович,

¹ См., например, М. О. Коялович. Литовская церковная уния, т. I—II, СПб., 1859—1861 и другие его сочинения.

² См. Турчинович. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен, СПб., 1857.

издавший в 1824 г. сборник документов «Белорусский архив древних актов». Позже он же редактировал первые четыре тома «Актов, относящихся к истории Западной России».

IV

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИТВЫ

Присоединение Литвы к России явилось поворотным пунктом в истории литовского народа и имело своим последствием подъем экономики и культуры страны.

Центром исторической науки стал реорганизованный в 1803 г. Виленский университет. В программу университета была включена всеобщая история, вопросы же истории России и истории Литвы рассматривались на кафедрах статистики и истории местного права. В 1815 г. кафедру всеобщей истории занял молодой профессор Иоахим Лелевель, сыгравший важную роль в развитии польской и литовской исторической мысли.

По своим политическим взглядам Иоахим Лелевель (1786—1861 гг.) был республиканец. Противник магнатов и монархической власти, он приписывал основание Польского государства народу, считая, что первоначально все люди были свободными и равными. Демократическая власть народа сменилась неограниченной властью короля. Вначале все члены «ляховецкого государства» владели землями, полученными от монарха, за что они несли определенные повинности. Но потом выдвинулось «можновладство» (феодалная знать), которое и стало угнетать народ. Усиление можновладства продолжалось до 1374 г., когда к политической жизни была привлечена рядовая шляхта, которая будто бы стала заботиться о государстве и ограждать народ от феодального произвола. Так зародилась теория «шляхетской демократии», которую поддерживал до Лелевеля Вельгорский. Лелевель пошел дальше — он требовал равных прав и для простого народа — для крестьянской массы. Концепция Лелевеля была направлена против авторитета магнатов и разбивала взгляды тех историков, которые восхваляли их власть. Новая концепция явилась стимулом для разыскания исторических документов, подтверждавших взгляды Лелевеля. Лелевель требовал критического отношения к древним источникам и особенно боролся с иезуитами, проповедовавшими мракобесие.

Хотя сам Лелевель и не читал истории Литвы в Виленском университете, а его «Краткая история Литвы» была написана в Париже без привлечения источников, все же его изыскания пробудили интерес к истории края среди профессуры университета. В 1821 г. появляется книжка Антона Болеславо-

вич Глебовича о Витовте, восхвалявшая деятельность этого литовского князя. Книга Глебовича была основана на хрониках (Быховца, Стрыйковского и Длугоша), а также на «Истории государства Российского» Карамзина.

Важное значение для развития исторической науки в Литве имела деятельность профессора статистики Игнатия Жеготы Онацевича (1780—1845 гг.). Онацевич, проживавший долгое время в Петербурге, не только познакомился с богатыми собраниями исторических документов графа Румянцева, у которого он служил, но и поддерживал связь с русскими историками, Погодиным и др. В 1829 г. он начал работать по поручению русского правительства над «Историей Литвы». Он собрал богатейший материал в архивах Кенигсберга, России и Польши, издав часть из этих материалов (архив Альбертанди). Работу над историей Литвы Онацевичу завершить не удалось. В своих лекциях и в послесловии к книге Глебовича Онацевич настаивал на необходимости поисков новых материалов по истории Литвы.

В деле разыскания новых документов по истории Литвы большая заслуга принадлежит профессору литовского права Виленского университета Игнатию Даниловичу (1789—1843 гг.).

Данилович вместе со своими слушателями собирает всевозможные рукописи по литовскому праву. Им были обнаружены Судебник Казимира Иогайловича, Супрасльский список Литовской летописи, рукопись первого Литовского Статута, привилегии великих князей, просьбы панов и рядовой шляхты. Работая длительное время в Петербурге, Харькове, Киеве и Москве, принимая участие в составлении «Свода местных прав Западных губерний», Данилович близко познакомился с русской исторической наукой.

На основании фактических данных он доказывал, что до принятия католичества в Литве была письменность на русском языке.

Данилович также дал обзор всех известных древних документов по истории Литвы, сопроводив их своими критическими примечаниями. Данилович в сотрудничестве с М. А. Оболенским издал в 1843 г. документы под заглавием «Книга посольская метрики великого княжества Литовского», в которую вошла переписка литовского правительства с иностранными государствами в XVI в.¹ Данилович опубликовал несколько статей на русском и польском языках о литовских летописях и др. Данилович расширил круг исторических источников,

¹ См. «Книга посольская метрики великого княжества Литовского», М., 1843, т. I, изд. М. Оболенского и И. Даниловича; т. II, изд. М. Погодина и Д. Дубенского.

особенно в области культуры, экономики и социальных вопросов истории Литвы.

Видным историком Литвы был Иосиф Ярошевич (1793—1860 гг.)—воспитанник, а позднее профессор Виленского университета. Ярошевич печатал в периодической печати свои статьи по истории Литвы, собранные затем в его трехтомном труде. Заслугой автора является широкое использование материалов по истории Литвы, в том числе русских летописей, литовских и польских хроник, трудов Длугоша, Карамзина, Фойгта, Нарбута. Критически переработав все эти материалы, он создал одно из наиболее ценных произведений всей феодальной историографии Литвы. Ярошевич признавал литовцев автохтонным населением, проживавшим на территории Литвы, по крайней мере, с III в. н. э. Историю литовской культуры он делил на два периода — языческий и христианский. В каждом из этих двух главных периодов он рассматривал состояние земледелия, ремесел, домашней промышленности, торговли, положение городов и сельского населения, законодательство и культуру. Ярошевич первый из литовских и польских историков выдвинул концепцию существования феодального строя в Литве, начало которого он относил к XI в. Утверждение феодализма в Литве он объяснял внутренними причинами, отбрасывая концепцию о привнесении феодализма со стороны.

Феодализм он связывал с событиями политической истории, с фактом завоевания русских земель литовскими князьями, с необходимостью защиты земель Литвы. Хотя представление Ярошевича о развитии феодализма и является глубоко неверным, однако само констатирование существования феодальных отношений в Литве было весьма важно. В отличие от других историков Ярошевич подчеркнул все усиливавшуюся эксплуатацию сельского населения и его бесправное положение в феодальном государстве, а также слабое развитие городов, скованных привилегиями феодалов. Ярошевич разоблачил иезуитов как душителей науки, проповедников мракобесия, задержавших развитие культуры в Литве.

К числу феодально-монархических литовских историков принадлежал Теодор Нарбут (род. в 1784 г.). Будучи военным инженером по образованию, Нарбут занимался собиранием археологических, этнографических памятников, произведений фольклора и исторических документов как любитель. Его историческая концепция основана на материалах Литовской летописи и сочинениях Стрыйковского. Отвергая теорию латинского происхождения литовского народа, Нарбут, основываясь на лингвистических данных (зачастую неверно понятых им), считал литовцев происходящими от гелонов и будинов, имевших общих предков с латинским и греческим народами. Изложение

политической истории у Нарбута отличается не критическим отношением к источникам, непониманием того, что авторы многих из них (как, например, орденский летописец Дусбург) являлись защитниками немецкой агрессии в Прибалтике. Нарбут идеализировал первобытный строй литовцев, которым он приписывал высокую культуру, и считал, что этот строй пал лишь под внешним нажимом соседей и немецких рыцарей. Нарбут полагал, что литовский народ сохранил свою самобытность и великие добродетели первобытных времен и всегда, «когда провидение посылало ему достойных государей, он выдвигался в ряды сильнейших народов». Будучи монархистом, Нарбут видел свой идеал в патриархальной наследственной монархии, в сейме из наследственных феодалов, представляя их защитниками низших классов общества.

Отрицая классовую борьбу внутри литовского государства, Нарбут утверждал, что все крестьяне были свободными и трудились на собственной земле под покровительством неограниченного монарха. Люблинскую унию Нарбут представлял как прямой акт насилия со стороны польских феодалов, уничтоживший первобытные традиции литовского народа.

Таким образом, концепция Нарбута была направлена против политики польских феодалов в Литве.

Литовским историком-разночинцем был Симанас Даукантас (1793—1864 г.), происходивший из крестьянской семьи. Тяжелое положение литовских трудящихся в начале XIX в. вызвало у Даукантаса резкий протест против политики польских феодалов. Он считал польских панов и шляхту, пришедших на Литву, врагами литовского народа, покушавшимися на язык, культуру, прошлую славу литовского народа. Литовский народ, по мнению Даукантаса, может возродиться и в деле этого возрождения большую роль сыграет крестьянство. В 1822 г. он написал работу «Деяния древних литовцев и жемайтов», в которой в доступной форме рассказывал о жизни литовского народа с древнейших времен до Витовта. Критически используя труды Стрыйковского, Кояловича, Карамзина и Нарбута, Даукантас привлек также материалы из фольклора, характеризующего думы и чаяния литовского народа. Происхождение литовского народа Даукантас вслед за Кояловичем выводил от готского племени герулов, которое после долгих странствований по Европе поселилось в Прибалтике, где нашло родственные ему племена, над которыми герулы и захотели установить свое господство. Разгоревшаяся борьба была якобы умиротворена жрецом Вайдевутасом, сказавшим: «Никакого подчинения не должно быть. Всякая услуга должна оплачиваться по соглашению сторон, никаких приращенных властей не должно быть, все власти должны быть выборными».

В этих словах уже чувствовалось веяние идей Французской буржуазной революции. Даукантас поставил перед собой задачу пробудить в народе национальное самосознание, он изображал литовский народ единым, отрицал существование классовых противоречий, восхвалял героизм, честность и доблесть древних литовцев, наивно противопоставляя их в этом отношении другим народам.

Работая в 1835—1850 гг. в Петербурге, Даукантас разыскивает новые документы по истории Литвы и пишет труд «Быт древних литовцев акуштайтов и жемайтов» (1845). В этом труде Даукантас показывает быт и культуру древних литовцев, их занятия, промыслы, одежду, нравы, религиозные представления, государственное устройство, военную организацию, торговлю и т. д. При этом, в отличие от Ярошевича, строившего свои концепции на основании критического анализа источников, Даукантас идеализировал старину, переносил многое из современных ему обычаев и взглядов в описываемую им эпоху.

Даукантасу принадлежит также двухтомная «История Литвы», в которой он изложил историю Литвы с древнейших времен до Люблинской унии. В «Истории» автор идеализировал политику литовских князей XIII—XIV вв., особенно Витовта. В «Истории», как и в других своих трудах, Даукантас разоблачал реакционную роль римских пап и католической церкви в целом в истории литовского народа. Он показал, что католическая церковь явилась организатором всех кровавых набегов Тевтонского и Ливонского орденов на Литву в XIII—XIV вв.

Таким образом, к середине XIX в. литовская историография достигла уже некоторых успехов, хотя господствующим направлением в ней оставалось еще романтическое и феодально-монархическое.

V

ИСТОРИОГРАФИЯ ЛАТВИИ

В историографии Латвии первой половины XIX в. преобладало реакционно-дворянское направление. Наступившая после Французской буржуазной революции и наполеоновских войн под эгидой Священного Союза политическая реакция задушила все проявления прогрессивной мысли и в прибалтийско-немецкой историографии. Среди официозных историков остзейского дворянства воцарилось полное единодушие в защите привилегий немецкого меньшинства и в борьбе против историков-просветителей Г. Меркеля, Петри и др.

Кипучую деятельность по установлению единства между дворянской знатью и городской немецкой олигархией проявлял

историк пастор К. Зоннтаг. Пытаясь опровергнуть взгляды Г. Меркеля и отвести от остзейского дворянства обвинение в установлении крепостного рабства, К. Зоннтаг положил много сил на доказательство якобы позднего установления крепостного права в Лифляндии и на описание относительного благосостояния лифляндского крестьянства. В том же направлении действовали историк-правовед Фридрих Георг Бунге (1802—1897 гг.) и плеяда его учеников, представлявших юридическое направление прибалтийско-немецкой историографии. Основной задачей школы Бунге была идеализация исторического прошлого Ливонии, прославление культурной роли немецких завоевателей и стремление «заслугами» прошлого оправдать настоящее. Со времени Бунге в прибалтийско-немецкой историографии общеупотребительным стало оправдание крепостничества и остзейских привилегий ссылками на другие страны, где положение якобы не лучше, а хуже, чем в Остзейском крае.

Школа Бунге развила в первой половине XIX в. в Лифляндии активную деятельность: выпускала исторические еженедельники и журналы, издавала объемистые монографии по отдельным вопросам истории Ливонии, уделяя при этом особое внимание истории права и аграрным отношениям, с целью опровергнуть критические выступления Яннау, Петри и Меркеля против крепостничества.

Историками школы Бунге было создано несколько ученых обществ по изучению истории края, из которых важнейшим было основанное в 1834 г. в Риге «Общество по изучению истории и древностей русских Остзейских провинций», издававшее свои «сообщения».

Крепостническая система в России в середине XIX века переживала острый кризис, и передовая общественно-политическая мысль была сосредоточена на вопросах, связанных с отменой крепостного права.

Для отражения все усиливавшегося нажима русских властей на остзейскую автономию и против резкой критики с ее стороны особых прав и привилегий немецкого дворянства в Прибалтике остзейское дворянство и городская знать организовали общий фронт идеологической борьбы, используя в качестве оружия аргументацию и концепции прибалтийско-немецких историков. Наиболее ожесточенная полемика в 40-х годах прошлого века разгорелась со славянофилами, в частности с Ю. Самариным.

Ю. Самарин в своих исторических изысканиях, посвященных Прибалтийским губерниям и городу Риге¹, дал резкую

¹ См. Сочинения Ю. Ф. Самарина, т. 7—8, М., 1889—1890.

критику остзейских привилегий и яркими красками обрисовал бесправное, почти рабское положение местного крестьянства. Ю. Самарин выступил также против обособленного городского устроительства Риги с ее гильдиями и цехами.

Путь к ликвидации обособленности остзейских провинций Ю. Самарин видел в уничтожении особых привилегий немецкого дворянства, реорганизации городского устроительства и беспрепятственном распространении православия среди латышей и эстов. Выступления Ю. Самарина вызвали широкий отклик в русском обществе.

Остзейское дворянство объединило против нового противника все свои научные и литературные силы, выдвинув на передовую линию своих историков.

Защищая свои привилегии, остзейское дворянство пользовалось поддержкой русских крайних крепостников и высшей царской администрации края. По поручению генерал-губернатора Суворова, его чиновником А. фон Рихтером была написана «История немецких прибалтийских провинций, включенных в состав Российской империи до момента присоединения к ней»¹, предназначенная для русского читателя. Автор использовал новейшие для того времени исторические публикации, указывал на политическую и экономическую связь Прибалтики с Россией, но выступил по вопросам внутренней политики защитником остзейских привилегий.

Следуя за К. Зоннтагом и Фр. Г. Бунге, А. Рихтер идеализировал и прославлял «героическое» прошлое остзейского дворянства для оправдания его привилегий в настоящем.

Эта и другие работы А. фон Рихтера явились выступлением против основных положений Ю. Самарина.

Среди обобщающих работ по истории Прибалтики, вышедших в середине XIX в., выделяется работа Отто фон Рутенберга «История прибалтийских губерний Лифляндии, Эстляндии и Курляндии от древнейших времен до падения их самостоятельности»². Хотя автор и придерживался общей концепции о культуртрегерской роли немцев в Прибалтике, но, в отличие от общего направления феодальных историков Лифляндии, признавал тяжелое положение крестьян, существовавшее на протяжении веков под властью этих носителей рыцарской «цивилизации».

Во время крестьянской реформы в России снова в острой форме был поднят вопрос об аграрных отношениях в Прибалтике. Феодальные порядки, существовавшие в Лифляндии, под-

¹ A. v. Richter. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleiten deutschen Ostseeprovinzen... Riga, Buch 1—3, 1857—1858.

² O. v. Rutenberg. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv — Esth — und Kurland. Buch 1—2, Riga, 1855—1860.

вергались суровой критике в печати, причем значительная часть статей принадлежала перу идеологов нарождавшейся национальной буржуазии — младолатышам и «эстонским патриотам». В связи с проведением реформы 1861 г. для феодальных землевладельцев Лифляндии возникла реальная угроза возможности наделения землей латышских и эстонских крестьян, фактически лишенных до того права владения землей. Остзейские историки — от либералов до консерваторов — выступили единым фронтом в борьбе против передовой русской общественности, против аграрной реформы в Прибалтике и за сохранение привилегий остзейских феодалов.

Особое усердие в защите остзейских порядков и феодальной земельной собственности рыцарского дворянства проявило так называемое «либеральное» течение прибалтийско-немецких историков во главе с К. Ширреном. Ему хором вторили и другие прибалтийско-немецкие историки (Ю. Эккардт, Г. Бруйнингк и др.). Эти историки зачастую искажали исторические факты и солидаризировались с немецкими националистами за границей. Общую линию прибалтийско-немецких историков этого периода выразил один из редакторов «либерального» журнала «Baltische Monatschrift» Теодор Беттихер, который превозносил «культурную миссию» немецкого рыцарства, яростно ополчался против немецкого философа Гердера и историков эпохи Просвещения, обвиняя их в искажении истории Ливонии. Пользовавшийся в то время широкой известностью «либерал» Юлий Эккардт в своих многочисленных статьях, издававшихся сборниками в Германии, развивал мысль о том, что во всех прибалтийских неполадках и неурядицах повинна «политика, проводимая с Востока», что прибалтийские губернии были и остаются «немецкими» и местные аборигены, если они желают стать культурными людьми, должны стать немцами. Прибалтика — передовой форпост немецкой цивилизации на Востоке, такова была основная концепция так называемых либеральных остзейских историков во главе с К. Ширреном.

В начале 60-х годов XIX в. прославляемые прибалтийско-немецкими историками особые порядки остзейских провинций и «благополучие» местных крестьян получили беспощадную оценку со стороны русских революционных демократов — А. Герцена, Н. Чернышевского и других. В прокламации «Барским крестьянам» Н. Чернышевский писал, что «...в русском царстве, есть такая поганая земля, где города Рига да Ревель, да Митава стоят» и там крестьяне, лишенные земли, «...в землянках живут да в хлевах; а то в сараях больших, в одном сарае семей десяток набито... да и хлеба чистого не едят...»¹.

¹ Н. Г. Чернышевский. Соч., т. VII, стр. 520.

Эти высказывания русских революционных демократов помогали историкам-демократам Латвии в их борьбе с реакционными концепциями остзейских историков.

VI

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭСТОНИИ

Во второй половине XVIII в. все явственнее начали проявляться признаки распада крепостнического строя в Эстонии. В этих условиях крестьянское движение приняло угрожающий для господствующего класса характер.

Уже в конце XVIII и начале XIX в. раздавались голоса протеста против крепостнической эксплуататорской системы со стороны отдельных авторов, писавших на немецком языке (Меркель, Петри и др.). Плодотворное влияние на формирование взглядов передовых деятелей эстонской культуры оказали декабристы и русские революционеры-демократы.

Декабрист А. А. Бестужев в своем произведении «Поездка в Ревель» дает высокую оценку героической борьбе эстонцев против своих угнетателей, особенно восстанию крестьян 1343—1345 гг. в Эстонии. О совместной борьбе эстонцев и русских против псов-рыцарей говорил декабрист В. К. Кюхельбекер.

А. И. Герцен и Н. П. Огарев опубликовали в «Колоколе» ряд статей, выразивших страстное сочувствие классовой борьбе эстонских крестьян и резко разоблачавших деятельность прибалтийских баронов.

Вопросам истории Прибалтики большое внимание уделял и В. Г. Белинский, особенно подчеркивавший историческое значение воссоединения Прибалтики с Россией.

Идеолог революционно-демократического движения в России Н. Г. Чернышевский, страстно борясь против ограбления крестьян помещиками в 1861 г., неоднократно указывал на необычайно тяжелое положение эстонского крестьянства, в каком оно находилось после «освобождения» без земли¹.

Демократические идеи, пропагандировавшиеся русскими революционными демократами, сказываются и в книге «Эстонец и его господин», которая была опубликована анонимно в 1861 г. в Берлине. В книге была дана впервые выдержанная до конца критика аграрной политики местного дворянства и разоблачалось их корыстолюбие. В ней показывается тяжелое положение крестьян Эстляндской губернии, стонавших под игом 98 дворянских семейств.

¹ См. выше, § 5.

Продолжая направление Меркеля и Петри, автор книги «Эстонец и его господин» правильно указывал, что причиной классовой борьбы крестьянства была бесчеловечная его эксплуатация со стороны дворянства. Большую ценность имеет приведенный в книге фактический материал. Если Меркель и Петри доказывали тяжелое положение крестьян на отдельных примерах, то в названной книге умело использованы для этого и статистические данные.

В противовес представителям русской демократической культуры, идеологи прибалтийско-немецких феодалов стремились идеализировать деятельность помещиков в Прибалтике. В XIX в. в прибалтийско-немецкой историографии в связи с обострением борьбы крестьянства и горожан против помещиков и буржуазии образуется единый буржуазно-дворянский фронт. Эта историография не задавалась целью вскрыть причины тяжелого положения народа, а, наоборот, стремилась затушевать их и идеализировать прошлое Прибалтики.

Прибалтийско-немецкие историки, в том числе и «либералы», выступали против проектов реформ, угрожавших «особому порядку» в Прибалтике.

Немецкие феодалы стремились одурманить своей реакционной идеологией и эстонское крестьянство. Начиная с первых десятилетий XIX в. для этой цели весьма обширно используется фальсификация истории Эстонии: работы прибалтийско-немецких историков появляются на эстонском языке. Эстонским крестьянам наряду с проповедями об устойчивости, незыблемости и божественном происхождении помещичьей власти пытались внушать мысль о том, что местному населению в XIII в. якобы принесли культуру немецкие рыцари. Такие идеи развивала весьма многочисленная группа авторов, которых буржуазные литературоведы и историки фальшиво называли эстонофилами, т. е. «друзьями» эстонского народа.

Стремление господствующего класса заглушить классовую борьбу эстонского крестьянства достигло особо больших размеров в конце 50-х годов XIX в., в годы назревания революционной ситуации. Фальсификацией истории занимались прежде всего лютеранские пасторы, немецкого или эстонского происхождения, которые на страницах регулярно издававшихся эстонских газет и первых учебников истории, написанных на эстонском языке, проповедовали классовый мир. Авторы учебников по истории Эстонии видели свою основную задачу в оправдании деятельности немецких рыцарей, которые якобы «не из-за гнева взяли меч в руки, а из любви к вере и всевышнему».

Прибалтийские бароны использовали для одурачивания крестьян лютеранскую церковь. С этим связано и восхваление

шведской государственной власти, осуществлявшей жестокий колониальный грабеж в Прибалтике во второй половине XVI и в XVII в. Шведскую власть идеализировали потому, что она поддерживала притязания прибалтийского дворянства, защищала лютеранскую ортодоксию и способствовала высасыванию последних соков из крестьянства, т. е. содействовала всему тому, что прибалтийские бароны, как указывает Маркс, называли немецкой культурой»¹.

Новый способ оправдания действий немецких рыцарей мы находим в издававшейся пастором А. Х. Виллигероде в 1857—1858 гг. газете «Крестьянский почтальон» («Tallorahva Postimees»). Виллигероде утверждал, что якобы коренными жителями Эстонии были готы. Как он пытался использовать эту антинаучную, реакционную теорию для оправдания действий немецких захватчиков в XIII в., выясняется из его патетического вопроса о туземцах, т. е. эстонцах: «И если туземцам бог разрешил из России притти в нашу страну, на народ, который уже раньше них здесь жил, почему тогда следовало бы немцам воспретить приход в нашу страну?»². Виллигероде, стремясь обелить агентуру прибалтийских баронов, занял позицию восхваления изменников из среды местного народа. Так, например, он превозносит до небес перешедшего на службу к рыцарям старейшину ливов Каупо. Против такой фальсификации истории, против утверждения о заселенности территории Прибалтики некогда готскими племенами и о создании ими здесь основ прибалтийской культуры выступили русские ученые П. А. Висковатов и Н. Н. Харузин.

Историческая концепция издателя газеты И. В. Янсена, выходца из эстонцев, ничем не отличалась от концепций немецких пасторов, выступавших в защиту помещиков. Подобно представителям прибалтийско-немецкой дворянской историографии, Янсен старался отрицать совместную борьбу русского и эстонского народов против немецких феодалов.

В XIX в. важным культурным центром в Прибалтике сделался Тартуский (Дерптский) университет. Уже в первой половине XIX в. здесь получили образование представители эстонской интеллигенции. Среди них следует отметить писателей Фридриха Фельмана (1799—1850 гг.) и Фридриха Рейнхольда Крейцвальда (1803—1882 гг.). Они обратили свои взоры на богатство эстонского фольклора и стремились сделать его достоянием более широкой общественности.

Эстонский народ в своем богатом фольклоре дал меткую

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1953, стр. 233.

² «Tallorahva Postimees», 1858, № 30.

оценку немецким захватчикам. В нем резко разоблачалась вековая несправедливость, выпавшая на долю эстонского крестьянства, в нем показывалось, что эстонцы в борьбе против феодальных порабощателей находили поддержку у братского русского народа.

Этих же взглядов придерживался и Фельман, который писал, что эстонская культура не могла развиваться именно вследствие варварского угнетения со стороны немецких феодалов. Он считал, что христианство нанесло больший ущерб античной культуре, чем нашествие вандалов, готов и др. Фельман также говорил об отрицательном влиянии христианства на культуру древних эстонцев и делал вывод, что «мраком должны быть покрыты страницы истории, где впервые нога немцев вступила на эстонскую землю».

Разоблачая враждебный характер «теории» миграции эстонцев, Фельман доказывал, что, начиная с древних времен, территория Эстонии была заселена эстонцами. Он опровергал утверждения прибалтийских баронов об их правах на земельные владения в Эстонии и эксплуатацию коренного населения¹.

Фельман выражал глубокое сочувствие изнывавшему в нищете эстонскому крестьянину, показывал социально-исторические причины этого положения крестьянства.

Друг и продолжатель работ Фельмана по фольклору Фр. Р. Крейцвальд, творчески обрабатывая эстонский народный эпос «Калевипоэг» (в 1857—1861 гг.), развил историческую концепцию, согласно которой эстонцы вели героическую борьбу с наступавшими от Рижского побережья немецкими рыцарями; он подчеркивал, что у эстов были тесные и дружеские связи с русскими. Высказанные Крейцвальдом положения имели большое прогрессивное значение, взглядам его был свойственен острый антиклерикализм.

Таким образом, первая половина XIX в. была отмечена значительными сдвигами в развитии исторических знаний в Эстонии, в их освобождении от влияния реакционной прибалтийско-немецкой историографии.

VII

ИСТОРИОГРАФИЯ АРМЕНИИ

Борьба армянского народа вместе с другими братскими народами Закавказья с турецко-персидским игом увенчалась успехом только в начале XIX в. В 1801 г. Грузия присоединилась к России. После русско-персидских и русско-турецких войн

¹ Mein Streit mit Nolcken, «Postimees», 1899, № 283.

первых десятилетий XIX в. к России присоединилась также часть Азербайджана. По Туркманчайскому мирному договору 1828 г. под власть России перешли Ереванское и Нахичеванское ханства, т. е. большая часть Восточной Армении.

Присоединение Грузии, Азербайджана и Армении к России явилось крупным историческим событием в жизни народов Закавказья. Армянский народ был спасен от физического истребления, от опасности быть поглощенным персидскими и турецкими ассимиляторами.

В результате изменений в социально-экономической жизни Армении первой половины XIX в., характеризующихся зарождением капиталистических отношений, армянская общественно-политическая мысль вступила на новый путь развития. Под благотворным влиянием передовой русской общественной мысли в армянской историографии быстро развилось и оформилось демократическое направление, крупнейшим представителем которого был Хачатур Абовян. До него в армянской историографии господствовало клерикально-феодалное направление.

Видным представителем клерикально-феодалной историографии первой половины XIX в. был Инчичян (1768—1843 гг.).

Он написал ряд трудов, посвященных истории и географии Армении, а также всеобщей истории, редактировал периодические издания политического, религиозного, филологического содержания: «Тарегрутюн» (1799—1802 гг.), «Еганак Бюзандеан» (1803—1820 гг.) и «Ишатакаран» (1807—1808 гг.).

В 1804—1806 гг. Инчичян принял участие в составлении многотомного историко-географического статистического справочника «География четырех частей света», для которой он написал V—VI тома, посвященные Турции, и один том — Армении. В 1822 г. он издает «Топографию древней Армении», первый свой крупный труд, в котором он пытался на основе богатых материалов армянских, греко-римских и сирийских первоисточников дать историческую географию и топографию древней Армении.

В 1824—1828 гг. на новоармянском языке был опубликован труд Инчичяна «История веков», посвященный всеобщей истории и носивший характер энциклопедического справочника. На основе источников в ней даются сжатые сведения по истории Европы, Азии, Америки и Африки второй половины XVIII в.

В этом труде Инчичяна нашли свое наиболее яркое выражение его исторические взгляды. Во введении к первому тому автор говорит о пользе истории, об ее уроках. История, пишет он, «преподает такие принципы, которые становятся для читателя основами нравственной философии», или «история — преддверие ко всем наукам, история учит таким вещам, которые

становятся основой, откуда происходит философия, юриспруденция, политика, хронология, география, археология»¹.

Историю Инчичян делит на четыре части: политическую, церковную, филологическую или научную и историю искусства. Главными деятелями политической истории, по его мнению, являются цари и полководцы, церковной истории — патриархи. Задачей историка Инчичян считает «правильное изложение» истории. А правильно излагать историю, по его мнению, значит быть «беспристрастным». В действительности Инчичян был апологетом господствующего класса и интересов католической церкви, трактуя исторические факты с реакционно-клерикальных позиций. Поэтому он с нескрываемой враждебностью пишет о Французской буржуазной революции конца XVIII в.

Говоря о Вольтере, Руссо и других просветителях и энциклопедистах XVIII в., Инчичян, не отрицая их таланта, оценивает их передовые идеи и дела с реакционных позиций католической церкви. Характеризуя Вольтера, Инчичян говорит: «От природы он был весьма одарен, но вина его сводится к тому, что он этот дар потратил на безверие... Говорят, он украсил французский язык, но извратил нравы...».

В 1835 г. Инчичян издал в Венеции трехтомный труд под заглавием «Археология Армении». Пользуясь армянскими и иностранными источниками, автор привел обильные сведения о природных и климатических условиях Армении, о населении страны, его занятиях, языке, образовании, искусстве, науке, религии, обычаях и нравах, государственном строе, законах и многих других вопросах. В этом труде Инчичян попытался дать целостное изложение истории и географии древней Армении. Направляя все внимание на собирание исторических фактов, исправление географических названий, уточнение датировки исторических событий, Инчичян давал антиисторическое толкование происхождения армянского народа и его языка, роли армянской государственности и церкви.

К представителям клерикально-феодальной историографии относится также Овсеп Гатырчян (1820—1882 гг.). Он написал ряд историко-филологических трудов и статей, среди которых особое место занимает его «Всемирная история». Первый том сочинения обнимает историю древнего мира, второй том — средние века.

Труд Гатырчяна с историографической точки зрения не представляет особого интереса. Как всеобщая история, так и история Армении в нем сводится к истории царей, князей, полководцев, церковников.

¹ Г. Инчичян. История веков, т. I, Венеция, 1824, стр. 27, 29 (на армянском языке).

В первой половине XIX в. ряд трудов по истории Армении был издан также в России.

Студенты Московского университета Акоп и Давид Арзаны написали сочинение под руководством профессоров А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского и Овакима Лазарева. Задача авторов, как сказано в предисловии, сводилась к тому, чтобы написать историю армянского царства «с самого начала до конца». Однако их труд не был завершен: он был доведен только до падения династии Аршакуни.

Работа братьев Арзановых — первый опыт изложения истории Армении на русском языке — не вносила ничего нового по сравнению с предшествующими трудами по истории Армении. Авторы излагали историю Армении по четырем царствующим династиям, бесконечно славословя царей, князей, церковных иерархов, игнорируя историю народа, историю социально-экономической жизни.

Среди работ по истории Армении, написанных на русском языке, особое место занимает исследование Сергея Глинки. Оно состоит из двух частей и обнимает историю армянского народа с древнейших времен вплоть до 20-х годов XIX в., т. е. до присоединения Армении к России. Древний период истории Армении трактуется автором идеалистически и изложение носит компилятивный характер. Интересен подход автора к оценке роли народа в истории. «Обозревая историю армянского народа,— пишет Глинка,— утвердительно можно сказать, что не отдельные лица, а целый народ действовал на судьбу отечества»¹.

В труде Глинки наиболее интересны страницы, посвященные новой истории Армении. Автор приводит ряд новых фактов, относящихся в особенности к армяно-русским отношениям. Эти факты он черпал из «Собрания актов», хранившихся в Лазаревском институте восточных языков. Глинка сообщает об армянских колониях, беженцах, армянской торговле, об участии армян в русско-персидских и русско-турецких войнах, о присоединении Армении к России и пр.

В изданиях Лазаревского института восточных языков особое место занимает «Собрание актов»², первый опыт в армянской историографии публикации исторических документов, сделанный по примеру русских исторических публикаций. В «Актах» опубликованы документы и материалы, относящиеся к истории Армении, почерпнутые из архива Министерства иностранных дел, из Полного собрания законов Российской импе-

¹ С. Г л и н к а. Обзорение истории армянского народа..., ч. 2, М., 1833, стр. 216.

² См. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I—III, М., 1833—1838.

рии, разных журналов, из произведений армянских, русских и иностранных авторов. Материалы «Собрания» недостаточны полны и изданы с большими дефектами, но они дают конкретные сведения по истории и географии Армении, по литературе и по языку, о состоянии образования и просвещения, об армянской церкви и об отдельных армянских деятелях. В «Актах» сравнительно много места уделено России, в особенности материалам, относящимся к армянским колониям и армяно-русским взаимоотношениям.

В первой половине XIX в. в России растет интерес к изучению экономики, статистики, истории и географии Закавказья. В 1834—1835 гг. в Петербурге был издан труд Платона Зубова «Картина Кавказского края...»¹, в 1836 г. публикуется «Обозрение российских владений за Кавказом»², в 1852 г. появляется замечательный труд И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области»³ и т. д.

С 1840 по 1850 г. на армянском языке были изданы объемистый труд С. Джалаляна «Путешествие в Великую Армению»⁴ и труд О. Шахатуняна «Топография кафедрального Эчмиадзина и пяти районов Араратской области»⁵.

После присоединения Армении к России и установления более тесных связей с передовой русской культурой представители армянской демократической культуры вступают в борьбу с реакционной клерикально-феодальной идеологией. Великий демократ-просветитель первой половины XIX в., основоположник новой армянской литературы Хачатур Абовян (1805—1848 гг.) нанес первый решительный удар клерикально-феодальному направлению.

«Духовные лица,— говорит Абовян,— писали и изучали такие вещи, которые не имели никакой связи с народом и духом времени. Сущность всей их деятельности — это богословские мысли, даже в исторических книгах или в произведениях иного содержания они пытаются обратить все в богословие»⁶.

Абовян полагал, что история и литература должны отражать жизнь народа, его прошлое и настоящее; он восстает против

¹ См. П. Зубов. Картина Кавказского края..., ч. 1—4. СПб., 1834—1835.

² См. «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. 1—4, СПб., 1836.

³ См. И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области..., СПб., 1852.

⁴ См. С. Джалалян. Путешествие в Великую Армению, ч. I—II, 1842—1858 (на армянском языке).

⁵ См. О. Шахатунян. Топография кафедрального Эчмиадзина и пяти районов Араратской области, т. I—II, Эчмиадзин, 1842 (на армянском языке).

⁶ Х. Абовян. Полное собрание сочинений (на армянском языке). [Далее — Соч.], т. V, стр. 46.

того, что «история служит великим нациям», что «она ослепла для армян». Как сын армянского народа, как беззаветный защитник его интересов, он торжественно заявляет: «Любимый народ..., у меня только одно желание — служить тебе, отдать тебе жизнь мою, пока не иссякло дыхание мое»¹.

Выходец из народных низов, Абовян всю свою жизнь посвятил делу народа и был искренним выразителем его лучших стремлений и чаяний.

Абовян не писал специальных исследований по истории армянского народа. Историко-философские взгляды Абовяна нашли свое выражение в его знаменитом историческом романе «Раны Армении, вопль патриота», а также в других его литературных, педагогических произведениях, публицистических статьях и письмах.

В романе Х. Абовяна «Раны Армении» художественно воспроизведена историческая обстановка первых десятилетий XIX в.: тяжелое положение армянского народа под игом ханов, освободительная борьба армян, русско-персидские войны и участие армян в этих войнах, освобождение Восточной Армении из-под персидского ига с помощью России, социально-экономическое положение народа, его культура, быт, нравы, обычаи и т. д. Революционный демократ Микаэл Налбандян, высоко ценя «Раны Армении», говорит: «В этом произведении воплотилась душа народа, современное положение, понятие народа»².

На основе конкретных исторических фактов в романе показано положение армянского крестьянина.

Абовян описывает картины насилия, угнетений и преследований, учиненных над армянским народом, в частности над крестьянством, со стороны жестоких персидских ханов и их фаррашей. «В нашей стране нет камня, нет куста, — пишет он, — которые не были бы обагрены кровью армян..., что касается положения крестьян — боже сохрани»³.

Описывая тяжелое социально-экономическое и правовое положение армянского народа, Абовян подробно останавливается на освободительной борьбе армян против персидского ига, на конкретных фактах показывает, какое активное участие принимал армянский народ в русско-персидских и русско-турецких войнах, какие усилия делал он, чтобы освободиться из-под тяжелого ига персов и турок и присоединиться к России.

Все, что сделали армяне во время персидской войны, должно быть предметом широкой гласности: «Если люди не будут знать, то камни засвидетельствуют об этом»⁴.

¹ Х. Абовян. Соч., т. II, стр. 190.

² М. Налбандян. Соч. (на армянском языке), т. I, стр. 279.

³ Х. Абовян. Соч., т. III, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 121.

В произведениях Абовяна много места уделено армяно-русским отношениям. Он — пламенный сторонник дружбы с Россией, дружбы армян с русским народом. Задолго до Абовяна многие армянские общественно-политические деятели защищали и пропагандировали среди армян идею соединения с Россией. Присоединение Армении к России Абовян рассматривал не только как освобождение армянского народа из-под персидского и турецкого ига, как единственный выход — спасение от физического истребления, но и как средство дальнейшего экономического, общественно-политического и культурного развития страны. Абовян отмечает освободительную, прогрессивную роль России в отношении закавказских, равно как и балканских народов, с восхищением отзывается об Отечественной войне русского народа 1812 г., о великом полководце Кутузове и т. д. Говоря о роли России в деле освобождения армянского народа из-под ига персов, Абовян пишет: «Да будет благословен тот час, когда благословенная стопа русского ступила на светлую землю армянскую и изгнала из нашей страны злой дух проклятого кизилбаша»¹. В другом месте он говорит: «Имя русского должно для нас остаться святым, как и его кровь, которую он пролил для нас». Далее Абовян советует своим соотечественникам «приобрести знание русского языка», «соединиться с великим русским народом, имя которого внушает всем народам любовь»².

В произведении «Занги», говоря о связи армянского и русского народов, Абовян пишет: «Эта неразрывная связь, эта священная любовь останется между нами на веки вечные»³.

Правильно освещая армяно-русские отношения, прогрессивную роль России в жизни армянского народа, выступая как пламенный защитник дружбы армянского и русского народов, Абовян тем самым способствовал ее дальнейшему укреплению.

Абовян горячо защищал также идею дружбы братских народов Закавказья. Превосходно зная историю закавказских народов, их тесные экономические и культурные связи, он находил, что эти народы, как «дети одной общей земли, одной общей воды», могут развиваться лишь в условиях взаимной связи и взаимной помощи. Эта тема затронута в «Ранах Армении», в повести «Дочь турка», «Хазарапешен» и других произведениях. Сам Абовян находился в тесной дружбе с великим просветителем-демократом азербайджанского народа Мирза Фатали Ахундовым, поэтом Мирза-Шафи, грузинским общественным деятелем Зубалишвили и др.

В исторической концепции Абовяна имеются и слабые сто-

¹ Х. Абовян, Соч., т. III, стр. 58.

² «Диван Х. Абовяна» (на армянском языке), т. I, стр. 158.

³ Х. Абовян, Соч., т. III, стр. 199.

роны. Несмотря на некоторые материалистические элементы в его миросозерцании, он все же в понимании исторического процесса не сумел до конца преодолеть идеализм и считал главным фактором общественного развития просвещение. В своих произведениях он не избежал идеализации исторического прошлого Армении, роли царского правительства, отдельных русских генералов и некоторых армянских деятелей. Он не сумел подняться до понимания значения классовой борьбы.

Литературные, исторические, языковедческие и педагогические взгляды Абовяна, развиваемые им патриотические, демократические и просветительские идеи характеризуют его как прогрессивного мыслителя его времени. Хачатур Абовян — предшественник армянского революционного демократа Микаэла Налбандяна.

Одним из выдающихся представителей армянской общественной и исторической мысли первой половины XIX в. был также Месроп Тагиядян (1803—1858 гг.).

Месроп Тагиядян, подобно Абовяну, почти всю свою жизнь провел в атмосфере гонений и преследований со стороны духовенства и армянских реакционеров. Тагиядян — видный литератор, педагог, публицист, патриот и просветитель. Его перу принадлежит также ряд исторических трудов и статей.

В художественных и исторических трудах Тагиядяна, как и в его публицистических произведениях, неоднократно затрагивается вопрос об освобождении армянского народа. Еще юношей, путешествуя по Восточной Армении, находившейся под персидским игом, он наблюдал тяжелые условия жизни армянского народа и мечтал увидеть родную страну и народ освобожденными. В 1822 г. он отправился в Индию и там продолжил свою деятельность в армянских колониях.

Освобождение армянского народа из-под ига персов Тагиядян, подобно Абовяну, связывал с помощью России. И когда в 1827 г. Ереван был освобожден, Тагиядян из далекой Индии пламенно приветствовал своих соотечественников. В 1828 г. в письме к ереванцам он писал: «Свет очам нашим, ибо наша любимая страна освободилась от горьких страданий, учиняемых персами... Когда я услышал о свободе нашей страны, сердце мое возликовало от счастья».

Тагиядян — пламенный патриот. «Наш корень — это наша родина, — говорит он, — ...кто желает быть счастливым, он прежде всего должен подумать о счастье своей родины»¹. Патриотизм — характерная черта миросозерцания Тагиядяна. В своих трудах и статьях он призывает рассеявшихся по всему свету армян снова собраться на родной земле, чтобы они «под

¹ См. «Азгасер», 1845, № 18 (на армянском языке).

владычеством России развили земледелие, ремесла, торговлю, организовали товарищества, распространили достижения науки, техники, образование и просвещение».

Тагиядян — один из видных педагогов первой половины XIX в., он первый поднял вопрос об открытии школ для женщин.

Тагиядян подверг суровой критике феодально-крепостнические отношения. Говоря о необходимости освобождения крепостных, он исходит из мысли о том, что человек от природы рождается свободным, а потому и в обществе он должен быть свободным. «Если они не будут пользоваться свободным законом и свободной жизнью, то они будут считаться рожденными в тюрьме и умершими в тюрьме»¹.

Тагиядян критиковал взгляды клерикалов. Но его критика не была последовательной.

Из исторических работ Тагиядяна заслуживают внимания его «Путешествие в Армению», «История Персии», «История древней Индии», историографические и этнографические статьи, опубликованные в периодических изданиях «Азгасер» и «Азгасер Араратян».

В «Путешествии в Армению» (1847 г.) он описывает тяжелое экономическое и правовое положение армянского народа, особенно крестьянства, во время персидского владычества, произвол, насилия и грабеж со стороны Гусейн-хана Ереванского и его подчиненных².

В этой книге приводятся ценные сведения также о географии Армении, ее исторических памятниках, о быте и нравах народа и т. д.

В «Истории Персии» (1846 г.) Тагиядян, на основании персидских, армянских и европейских источников, сжато изложил историю Персии с древнейших времен до половины XIX в. Здесь он обстоятельно рассматривает политические события в Персии, междоусобные распри, тяжелые подати и налоги, касается также жизни армянских колоний в Персии (Джульфы и др.).

В «Истории Индии» (1848 г.) Тагиядян, используя армянские и иностранные источники, пытался дать историю Индии в хронологическом порядке с древнейших времен до первой половины XIX в., критически относился к английской историографии, искажавшей историю Индии.

В этом труде, как и в статьях, напечатанных в журнале «Азгасер Араратян», Тагиядян резко критикует западноевро-

¹ См. «Азгасер», 1847, стр. 153.

² См. М. Тагиядян. Путешествие в Армению (на армянском языке), Калькутта, 1847, стр. 226—227.

пейских колонизаторов, в особенности англичан, угнетающих индусский народ.

«Они,— говорит об англичанах Тагиядян,— ежегодно выкачивают из податей Индии семьсот миллионов лир и не тратят хотя бы один миллион лир на образование такого множества плательщиков их. Разве это не насилие наивысшей степени...»¹.

Выступая в своих историографических трудах и публицистических статьях, литературно-художественных и педагогических работах как патриот, демократ и просветитель, Тагиядян ведет борьбу против старых феодальных устоев, мракобесия и реакции во имя свободы народа, его просвещения и дальнейшего развития. Несмотря на то, что Тагиядян в понимании истории остался идеалистом, все же он сыграл видную роль в развитии новой армянской литературы, культуры, исторической науки и общественно-политической прогрессивной мысли.

Таким образом, как Хачатур Абовян, так и Месроп Тагиядян, ведя борьбу против клерикально-феодальной историографии, положили начало демократической прогрессивной историографии и тем самым подготовили почву для революционно-демократической историографии, возникшей в Армении в новых социально-экономических условиях во второй половине XIX в.

VIII

ИСТОРИОГРАФИЯ ГРУЗИИ

Со времени присоединения Грузии к России начинается новая эра в исторической жизни грузинского народа.

Несмотря на реакционную политику царизма, превратившего Грузию в колонию, ее присоединение к России обеспечило экономическое, политическое и культурное развитие грузинского народа и подготовило условия для капиталистического развития страны.

Отдельные реакционные феодальные группировки, выступавшие против присоединения к России, стремились восстановить свои старинные привилегии и с этой целью вступали в союз с исконными врагами Грузии — Ираном и Турцией, искали помощи у Англии и Франции. Однако движение «феодально-монархического национализма» с самого же начала было обречено на провал. Оно не нашло никакой опоры в грузинском народе. И. В. Сталин писал: «Это „движение“ не оставило никакого заметного следа в жизни грузин, не стяжало себе славы ни одним фактом, если не иметь в виду отдельные заговоры грузинских дворян против русских правителей на Кавказе. Достаточно было событиям общественной жизни

¹ См. «Азгасер Апаратян», 1849, № 27.

слегка коснуться этого и без того слабого „движения“, чтобы разрушить его до основания»¹.

Грузия в первой половине XIX в. развивалась в условиях ожесточенной классовой борьбы. Политика царизма и жестокая эксплуатация крестьян грузинскими феодалами вызывали непрерывные крестьянские восстания. С 40-х годов XIX в. антифеодальное движение крестьянства неуклонно развивается.

Напуганные усилением крестьянского движения грузинские феодалы видели в царизме ту силу, которая должна была удержать в повиновении крестьян и обеспечить привилегированное положение крупного землевладения. Поэтому в трудах грузинских представителей феодальной идеологии в историографии проводилась точка зрения официальной историографии русского царизма.

Для так называемой историографии царевичей характерной являлась идеализация прошлого. Часть грузинских историков (Платон Иоселиани, Сулхан Баратов, Михаил Баратаев) явно проявляет монархически-клерикальные тенденции и стремится сочетать защиту классовых интересов с верноподданнической преданностью царскому самодержавию. Некоторые историки попрежнему высказывают взгляды «феодально-монархического национализма» (Александр Орбелиани). Эти взгляды обнаруживаются в стремлении Орбелиани связать усиление эксплуатации крестьян с результатами присоединения Грузии к России. Особенностью грузинского крепостничества Орбелиани считает «гармонические отношения между феодалом и крепостным» и этим исключает наличие классовой борьбы в феодальной Грузии.

Однако в это же самое время все больше растет влияние русской демократической интеллигенции на развитие исторической мысли в Грузии. Грузинский народ видит естественного союзника в прогрессивных силах России, борющихся против реакционной политики царизма и феодальной эксплуатации. В своих исторических исследованиях, освещавших политическое положение Грузии в 1801—1831 гг., А. Чавчавадзе отмечает, что присоединение Грузии к России «было принято единодушным восторгом народа»².

В целом же для грузинской исторической литературы первой половины XIX в. характерно значительное влияние феодальной историографии.

Историки Оман Херхеулидзе и Н. Дадвани еще были органически связаны с феодальной историографией предшествующего

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 32—33.

² А. Чавчавадзе. Краткий исторический очерк Грузии и ее положение с 1801 по 1831 год. «Кавказский сборник», т. XXIII, Тифлис, 1902 стр. 6.

периода. Сочинение Омана Херхеулидзе «Жизнь царя Ираклия II»¹ во многом уступает историческим сочинениям Вахушти Багрatisони и даже Папуны Орбелиани. Херхеулидзе писал свой труд как продолжение «Картлис Цховреба». Этот обычный прием грузинской феодальной историографии характерен почти для всех историков первой половины XIX в.

Продолжением «Картлис Цховреба» является и историческое сочинение Н. Дадигани «Жизнь грузин» (1825 г.), в оригинальной части которого дается описание политического состояния Западной Грузии за период, начиная со второй половины XVIII в. до 1824 г.

Продолжают «Картлис Цховреба» также «Новая история» царевича Давида и «Новый рассказ» царевича Баграта².

Исторические труды царевича Давида (1769—1819) свидетельствуют о широкой эрудиции их автора. В 1800 г. он напечатал «Очерки», представляющие собой первую попытку составления на грузинском языке учебника по всеобщей истории. В 1805 г. в Петербурге была опубликована на русском языке его «Краткая история Грузии»³. Также на русском языке написана его «История Грузии» (1814 г.) с древнейших времен до 1812 г. При написании этого капитального труда царевич Давид, кроме грузинских, использовал также армянские и греческие источники и этнографические материалы. Если в «Новой истории» и «Краткой истории» автор привлекает разносторонние материалы для характеристики политического и экономического положения Грузии в начале XIX в., то в «Истории Грузии» внимание его заострено преимущественно на вопросах истории культуры. Автор ставит своей целью доказать существование древнейшей грузинской культуры и тем самым разоблачить иностранных ученых, искажавших историческое прошлое Грузии. Вместе с тем в труде ясно чувствуется романтический подход к этому прошлому, что вообще было характерно для историографии царевичей.

Среди многочисленных трудов царевича Давида значительное место занимает написанный на русском языке обширный труд «Обозрение Грузии по части права и законовeдения», в котором описаны государственное устройство и законодательство Восточной Грузии во второй половине XVIII в.

Слабее исторических произведений царевича Давида «Новый рассказ» царевича Баграта, который и композиционно и

¹ Деятельность Омана Херхеулидзе протекала на рубеже XVIII—XIX вв.

² См. Царевич Д а в и д. Новая история. Царевич Ба г р а т. Новый рассказ. Изд. Т. Ломоури, Тбилиси, 1941 (на грузинском языке).

³ См. Царевич Д а в и д. Краткая история о Грузии со времен первого во оной населения, СПб., 1805.

по манере письма стоит ближе к образцам позднефеодальной грузинской историографии.

От традиционной схемы «Картлис Цховреба» отошел лишь царевич Теймураз, который вполне справедливо считается самым талантливым представителем грузинской дворянской историографии первой половины XIX в.¹ Он пользовался рядом свежих источников, в частности греко-римских. Труд Теймураза «История Иверии» (1848 г.) посвящен древнейшему и наименее известному периоду грузинской истории (доведен до первой половины IV в. н. э.). На основе богатого материала автор попытался восстановить картину социального строя древней Грузии. Царевич Теймураз сотрудничал с рядом русских ученых, например с академиком Броссе, который считал Теймураза своим учителем в разработке вопросов истории Грузии. В 1839 г. Теймураз был избран почетным членом Российской Академии наук.

В то время как царевичи и лица, принадлежавшие к их кругу, были увлечены романтическим описанием исторического прошлого Грузии, Платон Иоселиани и Сулхан Баратов стремились вести изучение грузинской истории в духе официальной историографии русского царизма. Платон Иоселиани и Сулхан Баратов фактически являлись последними представителями грузинской феодальной историографии.

Платон Иоселиани (1810—1875) в первую очередь интересовался историей грузинской церкви. В 1835 г. в Петербурге была опубликована на русском языке его «Краткая история грузинской церкви». На русском же языке составлены его описания Марткобского, Шиомгвимского, Кватахевского и других монастырей. В 1849 г. Иоселиани опубликовал в Тбилиси на русском языке «Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей магометан». В этом труде автор отрицательно оценивает роль персидского господства, но совершенно ошибочно рассматривает иранскую агрессивную политику против Грузии как борьбу магометанства с христианством. На грузинском языке написано большое исследование Иоселиани «Жизнь Георгия XII» (1867 г.), в котором показано политическое положение Грузии перед присоединением к России. Платон Иоселиани положительно оценивал присоединение Грузии к России, однако обусловленное этим историческим актом развитие страны он приписывал добрым стремлениям императоров. Такое отношение к царизму полностью соответствовало монархически-клерикальным взглядам Платона Иоселиани.

Платон Иоселиани много путешествовал с целью собирания

¹ См. Ш. Месхиа. Жизнь и деятельность царевича Теймураза. Материалы по истории Грузии и Кавказа (на грузинском языке), Тбилиси, 1939.

новых исторических материалов. Им опубликован ряд трудов, в которых вместе с описанием исторических древностей рассматриваются отдельные вопросы истории Грузии. У Иоселиани имеются заслуживающие внимания наблюдения относительно городов Восточной Грузии¹. Особо следует отметить его капитальный труд «Описание древностей гор. Тифлиса» (1866 г.). Приемы и методы исторического исследования были усвоены Иоселиани от русских историков. Вклад Платона Иоселиани в развитие грузинской историографии несомненно значителен.

К середине XIX в. грузинские историки уже были тесно связаны с русскими научными учреждениями. В 40-х годах XIX в. в Петербурге находился Теймураз Багратиони, читал лекции профессор грузинской словесности Петербургского университета Д. Чубинашвили, изучавший грузинскую филологию и историю. Наконец, с 1836 г. там работал член Российской Академии наук М. Броссе. В тот период в Петербурге печатались грузинские лексиконы, хрестоматии, научные публикации текста «Картлис Цховреба», переводы и т. д.

В 1844 г. в Петербурге на русском языке был опубликован обширный труд Михаила Баратаева «Нумизматические факты грузинского царства». Это был первый специальный труд, посвященный грузинской нумизматике. М. Баратаев первым попытался дать классификацию грузинских монет, расположить их в хронологической последовательности и изучить. Однако М. Баратаев связывал грузинские монеты определенного периода с сасанидскими, византийскими и мусульманскими монетами². Эти его ошибочные взгляды исключали самобытность развития грузинской нумизматики, и их впоследствии настойчиво повторяли некоторые представители буржуазной историографии.

В развитии грузинской историографии значительные заслуги принадлежат М. Броссе (1802—1880). Знание грузинского языка (также армянского и других восточных языков) дало ему возможность критически изучить грузинские источники. Ему принадлежат как научные публикации грузинских текстов (например, так называемая Парижская хроника, ваханговский вариант текста «Картлис Цховреба» и т. д.), так и многочисленные исследования по отдельным вопросам истории Грузии. Своей неутомимой деятельностью И. Броссе содействовал зарождению вспомогательных исторических дисциплин в Грузии.

¹ См. П. Иоселиани. Нечто о городах грузинских. «Закавказский вестник», 1850, № 12; его же. Города существовавшие и существующие в Грузии, Тифлис, 1850; его же. Описание города Душета, Тифлис, 1860.

² См. М. Баратаев. Нумизматические факты грузинского царства, СПб., 1844, стр. XIII.

С помощью своих грузинских корреспондентов (в числе которых, кроме царевича Теймураза, следует отметить собирателя грузинских источников Д. Мегвинетухуцесишвили) М. Броссе собрал грузинские источники, чем содействовал научному изучению истории Грузии. Во время археологического путешествия по Грузии и Армении М. Броссе собрал огромный эпиграфический материал, изучил его и издал в трех больших томах (1849—1851 гг.). Он перевел на французский язык обе части «Картлис Цховреба» и «Географию Грузии» царевича Вахушти. Эти переводы были изданы Российской Академией наук со вступительной статьей, обширными комментариями и примечаниями академика Броссе. Отдельными книгами были изданы вступление к «Картлис Цховреба», добавления, комментарии и предметный указатель.

Многолетняя и плодотворная деятельность академика М. Броссе завершилась написанным в 1855—1857 гг. на русском языке трудом, который автор назвал «Критическим обзорением истории Грузии». Этот труд состоял из двух частей: первая часть охватывала историю Грузии с древнейших времен до 1469 г., вторая — с 1469 по 1744 г.

Если французские переводы академика Броссе вводили грузинские источники в научный оборот, то оригинальные исследования русских историков (Бурнашева, Болховитинова, Арсеньева и др.) давали обильный фактический материал по истории Грузии второй половины XVIII и первой половины XIX в. Публикация трудов по истории Грузии способствовала широкой популяризации истории грузинского народа на русском языке.

К грузинским историкам первой половины XIX в. принадлежит Сулхан Баратов (умер в 1866 г.), написавший на русском языке «Историю Грузии» (с IV—III вв. до н. э. и до владычества монголов)¹. Периодизация истории Грузии, данная этим историком, как он сам писал, близко совпадает с делением всеобщей истории. Сулхан Баратов первым попытался связать историю Грузии с мировой историей, обнаруживая при этом превосходное знание последней².

Сулхан Баратов привлекал греческие и римские источники, сравнивая их данные с данными грузинских летописей и сведениями царевичей Вахушти и Теймураза. Источники его труда разнообразны и многосторонни. Вместе с этим он пользуется некоторыми положениями позитивистской буржуазной историографии, считая необходимым «рассмотреть историю Грузии с точки зрения влияния почвы и рельефа на общий ход

¹ См. С. Баратов. История Грузии, тетрадь I—V, СПб., 1865—1871.

² См. Г. Натадзе. Сулхан Баратов как историк Грузии, Тбилиси, 1934, стр. 13.

исторического процесса этой страны»¹. Однако этого вопроса автор касается лишь во вступлении к труду, не реализуя своего обещания в самой истории. С феодальной историографией Сулхан Баратов связан не только провиденциализмом, но и традиционным отношением к грузинским летописям. Правда, в отличие от своих предшественников, он отрицает существование легендарных этнархов грузинских племен, но, с другой стороны, вновь вводит в свою историю легендарных царей. «История Грузии» Сулхана Баратова является историей царей и войн. По его мнению, выдающиеся исторические личности являются «путеводителями массы».

Историческое творчество Сулхана Баратова является в известной мере переходной ступенью от феодальной к буржуазной историографии.

IX

ИСТОРИОГРАФИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

В начале XIX в. северная часть Азербайджана была присоединена к России. Это историческое событие избавило азербайджанский народ от опасности порабощения и поглощения Ираном и Турцией.

В присоединенной к России части Азербайджана была ликвидирована феодальная раздробленность, прекратились междоусобные феодальные войны, разорявшие страну и препятствовавшие ее развитию. В результате этого уже во второй четверти XIX в. в стране оживилась хозяйственная жизнь. Азербайджан постепенно втягивался в русло экономического развития России, приобщался к общероссийскому рынку².

Русская культура оказала благотворное влияние на развитие культуры азербайджанского народа, в том числе и на развитие историографии Азербайджана. Это нашло свое выражение в усилении внимания к вопросам истории Азербайджана, в появлении произведений, содержащих новые исторические данные.

Однако почти все авторы этих работ принадлежали к бекскому и духовному сословию, находились на царской, военной или гражданской службе, что определяло их социально-политические взгляды и отношение к описываемым событиям.

Крупнейший из азербайджанских историографов XIX в. А. Бакиханов родился в 1794 г. в с. Адмираджаны (близ Баку).

¹ Г. Натадзе. Сулхан Баратов как историк Грузин, стр. 16.

² Очерки историографии Азербайджана XVIII века и первой половины XIX века составлены А. А. Алескерзаде, А. С. Сумбатзаде, М. А. Исмаиловым (под редакцией З. И. Ибрагимова, А. Н. Гулиева, Е. А. Токаржевского).

Ему принадлежала большая заслуга в собирании и систематизации материалов по истории Азербайджана. Основной его труд по истории Азербайджана, «Гюлистан-Ирам»¹ («Райский цветник»), был закончен в 1841 г.

В «Гюлистан-Ирам» делается первая попытка дать общий обзор истории Азербайджана с древнейших времен до 1813 г. Книга была написана на персидском языке и переведена самим автором на русский.

Для написания своей работы А. Бакиханов использовал восточные источники, произведения античных (Геродот, Аммиан Марцелин), русских и западноевропейских историков. В отличие от предшественников и современников, А. Бакиханов критически относился к тем многочисленным источникам, из которых он черпал сведения по истории Азербайджана.

В труде Бакиханова приводится большой фактический материал. Путем кропотливой работы он собрал много сведений по истории Азербайджана, разбросанных в разных сочинениях историков и путешественников. Некоторые части «Гюлистан-Ирам» имеют для нас значение как первоисточники. Систематизируя собранный материал, Бакиханов высказывал оригинальные мысли, пытался решить некоторые проблемы древней и средневековой истории Азербайджана. Свое изложение он начинал с истории албанских племен, которые, как и мидийцы, составили древнейшее коренное население Азербайджана.

В своем труде Бакиханов в основном излагал события, относящиеся к политической истории северной части Азербайджана, прежде всего Ширвана. В работе значительное место уделяется борьбе азербайджанского народа против римских, сасанидских, арабских, монгольских, иранских и турецких завоевателей, впервые упоминается о восстании Бабека и отмечается его прогрессивное значение. Бакиханов даже пытался связать с именем Бабека происхождение названия страны.

Бакиханов приводил много фактов о междоусобицах феодалов, сообщал отдельные данные о русско-азербайджанских отношениях и о ходе присоединения Азербайджана к России.

В то же время Бакиханов выступал защитником сословных привилегий беков и ханов. Он уделял внимание только политическим событиям, обычно игнорируя социально-экономические факторы.

Кроме «Гюлистан-Ирам», в XIX в. в Азербайджане появился ряд других исторических произведений, посвященных истории той или иной части Азербайджана. К таким произведениям относятся «Тарих-и Карабаг» («История Карабага») Мирза Джамала, «Карабаг-намэ» Мирза Адигезал-бека,

¹ См. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 4, Баку, 1926.

«Тарих-и Карабаг» Мир Мехти Хазани, «Политическое положение Карабахского ханства с 1717 по 1805 г.» Ахмед-бека Джаваншира и «История шекинских ханов» Керим Ага.

В отличие от труда Бакиханова, имевшего определенную научную ценность, произведения других азербайджанских историков XIX в. сохранили значение только благодаря собранным в них историческим сведениям. Авторы их ограничивались тем, что фиксировали события, не анализируя их, не вскрывая причин и последствий этих событий. Произведения этих историков не охватывали историю Азербайджана в целом, а ограничивались лишь историей той или иной части страны.

Историей Карабахского ханства занимались Мирза Джамал, Мирза Адигезал-бек, Ахмед-бек Джаваншир и Мир Мехти Хазани.

Труд Мирза Джамала «Тарих-и Карабаг» написан в 1845 г. по поручению наместника Кавказа Воронцова. Изложение событий в нем доведено до 1813 г. Часть этой работы в 1885 г. в русском переводе была напечатана в газете «Кавказ».

Будучи в конце XVIII в. главным везиром Карабахского ханства, Мирза Джамал принимал участие в заключении договора 1805 г. о присоединении Карабахского ханства к России. С 1822 по 1840 г. он служил в канцелярии главнокомандующего на Кавказе.

Мирза Адигезал-бек (родился в 80-х годах XVIII в., умер в 1848 г.) принадлежал к среднему слою карабахских феодалов. Он служил в русской армии в чине капитана и был участником русско-иранских войн 1805—1813 и 1826—1828 гг.

В 1847 г. Мирза Адигезал-бек написал «Карабаг-намэ» на азербайджанском языке. В нем были описаны события истории Карабага с 1736 по 1828 г. Это была первая работа в азербайджанской историографии, посвященная событиям после 1813 г. и, в частности, событиям второй русско-иранской войны.

Работа Мирза Адигезал-бека состоит из двух частей. В первой части события излагаются на основе данных предшествующих историков. Иной характер носит другая часть, где излагаются события конца XVIII и начала XIX в., свидетелем и участником которых был сам автор.

Мирза Адигезал-бек и Мирза Джамал выступали идеологами той части азербайджанских феодалов, которые видели в царизме силу, способную удержать в повиновении крестьянские массы Азербайджана и обеспечить сохранение классовых привилегий азербайджанских феодалов.

В первой половине XIX в. были написаны отдельные небольшие работы по истории Шекинского ханства. К числу их относятся «История шекинских ханов» Керим Ага и «Родословная шекинских ханов и их потомков» Гаджи Сеида Абдул Га-

мида. Авторы этих работ были представителями мусульманского духовенства, служили в шариатском суде.

В написанной на азербайджанском языке «Истории шекинских ханов» (1829 г.) дается краткая история Шекинского ханства со времени его образования до присоединения к России (1805 г.). Историю ханства Керим Ага сводит к истории отдельных правителей Шеки.

Работа Гаджи Сеида Абдул Гамида «Родословная шекинских ханов» была написана на азербайджанском языке и издана в 1830 г. в Баку. К числу историков Азербайджана первой половины XIX в. принадлежит также Мирза Юсуф Карабаги, автор истории Восточного Закавказья «Тарих-и сафи» (рукопись его хранится в рукописном отделе музея Грузии им. акад. Джанашиа). Мирза Юсуф основал первым литографию, в которой печатал книги на азербайджанском языке¹.

Таковы основные труды по истории Азербайджана, появление которых свидетельствует о постепенном развитии исторических знаний азербайджанского народа в первой половине XIX в.

Х

ИСТОРИОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Историография Таджикистана в первой половине XIX в. в основном продолжала носить типичные черты придворной историографии; она восхваляла ханов и феодалов, описывала их подвиги, при этом полностью умалчивала об экономическом состоянии государства, о положении широких народных масс, об их восстаниях против поработителей и угнетателей.

К числу исторических трудов, составленных в первой половине XIX в., принадлежит прежде всего «Венец летописей» («Тодж-ут-таворих») — история бухарских Аштарханидов и Мангытов Мухаммед-Шарифа, сына Мухаммед-Наки, который составил этот труд в 1800 г. Наибольший интерес представляют последние части этого труда. Автор останавливается и на имевших место в описываемый им период народных волнениях и на инсценированном Надир-шахом (1736—1747 гг.) «съезде мусульманских ученых для согласования шиитского и суннитского вероучений».

Подобного же рода произведением придворной историографии является «История эмира Хайдара» («Тарих-и амир Хайдар») в сокращенном изложении Муллы Ибадуллы и Муллы

¹ Текст о Мирзе Юсуфе принадлежит В. Путурядзе.

Мухаммед-Шарифа. Эта «История», содержащая много недовостороженного материала, тем не менее представляет известный интерес из-за подробных описаний войн, ведшихся бухарским эмиром Хайдаром в течение его 26-летнего правления (1800—1826 гг.).

Всеобщая история от Мухаммеда до современных автору эмиров Мангытов под названием «Цветник царей» («Гульшанул-Мулук») Мухаммед Якуба интересна по изложению современных автору событий, доведенных до 1830 г. В частности, особый интерес представляют данные об узбекских племенах в Бухаре.

«Султанская книга побед» («Фатх-нома-йи-султони») Мир Алима Бухари излагает сначала подвиги эмиров Шах-Мурада и Хайдара, а затем Наруллы; в ней имеются ценные данные по истории Средней Азии XIX в.

При дворе кокандских ханов было написано в 1843 г. «Извлечение из историй» («Мунтахаб-ут-таворих») Мухаммеда Хэким-хан-тюри. Оно представляет собой довольно интересные мемуары, которым предпослано краткое обозрение всеобщей истории. В них, помимо изложения событий в Средней Азии, свидетелем которых был автор, описываются его приключения в России, в Иране и Бухаре, куда он попал после своего изгнания из родного Коканда.

В XIX в., ознаменовавшемся большим оживлением торговых и дипломатических связей России с Бухарским и Кокандским ханствами, у представителей как русского народа, так и таджикского появляется стремление познакомиться с историей каждого из этих народов. В 1820 г. бухарский эмир Хайдар подарил русскому послу Негри рукопись труда Мухаммед-Юсуфа Мюнши — «Муким-ханская история». В ней излагалась история династии Аштарханидов с кратким обозрением истории Средней Азии от Чингиз-хана до начала этой династии. Извлечения из этого сочинения, сделанные профессором О. И. Сенковским для учебных целей и сопровождаемые французским переводом, долгое время оставались единственным источником по истории Бухарского ханства¹.

Проникновение русского царизма в Среднюю Азию в начале второй половины XIX в. и присоединение к России части бухарской территории вызывали неоднократные посещения Петербурга посольствами из Бухары. Входивший в их состав астролог бухарского эмира, образованный и даровитый Ахмад Дониш, по прозванию Калля, попав в Петербург, познакомился с образованными представителями русской бюрократии — И. А. Стремуховым, А. А. Казембеком и др. и был вве-

¹ См. В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 255.

ден ими в русское передовое общество. Свои впечатления от поездки он изложил в «Книге о посольстве» («Сефоратнома»), в которой сравнивал Россию с Бухарой. В своем труде, посвященном биографии бухарских эмиров из династии Мангытов, Ахмад Дониш подвергал беспощадной критике феодальную Бухару, ее эмиров и их клику, и поэтому труд его распространялся тайно.

В конце 50-х годов XIX в. Бухару посетил находившийся в составе посольства Н. П. Игнатьева ориенталист П. И. Лерх, командированный Академией наук. Ему принадлежит известный труд «Монеты Бухар-Худатов»¹. Таким образом, уже в первой половине XIX в. изучение истории Таджикистана начинает привлекать к себе внимание русской исторической науки.

XI

ИСТОРИОГРАФИЯ УЗБЕКИСТАНА

В Узбекистане в конце XVIII и в первой половине XIX в. замечается некоторое оживление в историографии. Появляются исторические труды под цветистыми названиями: «Райский сад счастья», «Сады благополучия», «Сливки летописей», «Собрание султанских событий», «Цветник счастья» и пр. При ханских дворах развивается переводческая деятельность. Ряд исторических трудов предшествующих эпох переводится на узбекский язык, причем переводы иногда редактируются и дополняются переводчиками. В середине XIX в. при Мухаммед Амине (1846—1855 гг.) в Хиве создается на узбекском языке поэма «Шах-нама-и турки» («Книги царей по-тюркски»), составленная неким Мухаммед Касымом, представлявшая собой подражание знаменитой «Шах-намэ» Фирдоуси.

В результате усиления феодальной раздробленности от Бухарского эмирата в XVIII в. отпала Фергана с Кокандом. Ферганские владельцы в начале XIX в. путем непрерывных походов и войн расширили территорию Кокандского ханства. В период существования Кокандского ханства возникает ряд исторических трудов, излагающих в основном историю кокандских ханов и местные события. Из числа этих исторических сочинений можно назвать «Шахрухову историю», написанную Мулло Ниязом Мухаммедом, «Извлечение из летописей», автором которого был выходец из ханского дома Хаким-хан Туре, «Сады света», написанные Мулло Юнус Шигаул Додхо, «Книгу о победах Худояр-хана» Абдул Гафура, «Зеркало побед» неизвестного автора и т. д.

¹ См. П. И. Лерх. Монеты Бухар-Худатов. «Труды Русского Археологического общества», ч. XVIII, СПб., 1909, стр. 1—161.

Все эти и другие сочинения в основном охватывают историю Кокандского ханства в XVIII и первой половине XIX в. В некоторых из них делаются попытки «обосновать» приход к власти правящей династии из племени минг. Авторы этих исторических произведений, подробно излагая политические события, во многих случаях касаются не только истории Кокандского ханства, но и событий в Бухарском ханстве, Восточном Туркестане и т. д. Кроме того, они приводят немало сведений о междуплеменной кровопролитной борьбе, а также материалы, характеризующие состояние культуры, быт населения, придворную жизнь, невежество мусульманского духовенства. В этих произведениях встречаются отрывочные сведения о внутренней и внешней торговле, о ремесле и о городской жизни. Ряд данных, имеющих в этих источниках, позволяет судить о государственном строе ханства, чиновническом аппарате, состоянии войск и т. д.

Историографы феодального общества писали свои труды по заданию ханов или их приближенных, непосредственно обслуживая интересы господствующего класса. Но даже они при описании различных событий приводили материалы, хотя и отрывочные, которые позволяют составить представление о формах землевладения, способе обработки земли, состоянии ирригации, многочисленных и тяжелых налогах, поборах и варварских способах их взимания с трудящихся, использовании последних на различных принудительных работах и т. п.

Некоторые произведения историографии Узбекистана этого времени посвящены крупным представителям дервишизма, игравшим огромную роль в реакционной идеологии освещаемого периода.

Важным явлением в жизни Узбекистана первой половины XIX в. было укрепление экономических и политических связей с Россией. Немало интересных данных оставили приезжавшие в Среднюю Азию в первой половине XIX в. русские послы и путешественники. Описания путешествия посольства Неган, составленные Мейендорфом (на французском языке) и Эверсманом (на немецком языке), описание приезда в Ташкент горных чиновников Бурнашева и Пospelова, «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии» Ф. Назарова¹, книга Н. Муравьева о Хивинском ханстве², описание путешествия Александра Бориса из Индии в Бухару³ и целый ряд

¹ См. Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, СПб., 1821.

² См. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, ч. 1—2, М., 1822.

³ См. А. Борнс. Путешествие в Бухару..., ч. 1—3. М., 1848—1850.

Поэт Зелили (конец XVIII — первая половина XIX в.) также принадлежал к племени гоклен; он родился в Карры-кала, здесь же в 1844 г. умер. Около 7 лет (с 1819 по 1826 г.) он пробыл в плену у хивинского хана Мухаммед Рахима. В эти годы Зелили создал несколько прекрасных стихотворений о родине и о туркменском народе.

И душа наполняется желанием, и голова
встряхивается от дум:

Сердце мое тоскует по тебе, родина моя!
Атрек и Гюрген, страна моя! Места,
исхоженные мною с любовью!
Сердце мое тоскует по тебе, родина моя.

Поэзия Зелили дает довольно отчетливую картину состояния туркменского общества первой половины XIX в. В творчестве Зелили туркменский народ показан в борьбе с чужеземными завоевателями — бухарскими, хивинскими и персидскими феодалами — и в процессе внутренней межплеменной и классовой борьбы. Поэт, горячо сочувствуя страданиям бедноты, призывал дайханские массы к борьбе против эксплуататорской феодально-родовой верхушки; вместе с тем он гневно осуждал родовые распри и племенную разобщенность туркмен и призывал к объединению всех туркменских племен в единый «большой народ».

Поэт Сеиди (1768—1830 гг.) до 43 лет жил в Карабекаульском районе, где и родился, а остальной период своей жизни провел в Хиве, Атреке, Карры-кала, Гургене, Ахале и Мары.

Сеиди, подобно Зелили, жил и творил в эпоху, когда экономические и политические условия жизни туркменских племен резко изменились, когда шла ломка патриархально-феодальных отношений. Значительная часть туркмен в то время подпала под иго чужеземных завоевателей, некоторые туркменские племена находились в подчинении у хивинских ханов, другие у эмира бухарского, третьи изнемогали под гнетом иранского шаха. Лишь небольшая группа текинцев Ахала сохраняла фактическую независимость и вела почти непрерывную напряженную борьбу против соседних феодально-деспотических государств. Эрсаринцы (из которых происходил Сеиди) боролись с бухарскими эмирами, иомуты, чоудоры, имрели, игдыры, машрыки — с хивинскими ханами; текэ, иомуты, гоклены, салыры, сарыки, жившие в южных районах Туркмении, не раз отражали натиск войск иранских шахов. Сеиди не только наблюдал эту борьбу, он сам в ней участвовал, предводительствуя отрядом своих соплеменников.

Поэт оставил после себя произведения, посвященные героике освободительных войн. Вдохновенные строки его песен дышат любовью к родной стране, славя героев, презирающих смерть, клеймят позором трусов, уклонившихся от битвы.

Кеминэ (Маммед-Вели) — один из виднейших классиков туркменской литературы. Этот певец дайханской бедноты происходил из племени текэ. Он родился в Серахском районе в 1770 г., получил образование в Бухарском медресе, умер в 1840 г. Острые стрелы своих сатирических стихов направлял он против богачей и особенно против мулл и ишанов, высмеивая их лицемерие, лживость, продажность и корыстолюбие.

Туркменский фольклор — народные песни, легенды, поговорки — отразили все стороны жизни туркменских племен в различные эпохи их истории, в том числе и в первой половине XIX в. И понятно, что войны туркмен с Хивой, Бухарой, Ираном, имевшие столь большое значение в народной жизни, так же как восстания туркмен в Хиве, глубоко запечатлелись во многих произведениях народного творчества. Длительная и плодотворная работа советских литературоведов, филологов, этнографов привела к накоплению богатого фонда образцов туркменского фольклора. В рукописном фонде Туркменской Академии наук хранятся записи народных преданий, сказок, песен, пословиц, сделанные многочисленными экспедициями Института истории, языка и литературы.

История Туркменистана первой половины XIX в. освещена также в сочинениях персидских, хивинских и отчасти русских историков и путешественников. Но эти произведения, являясь основными источниками по истории Туркмении указанного времени, не могут быть причислены к образцам туркменской историографии, представленной произведениями устного народного творчества.

ХIII

ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА

Изучение истории Казахстана в первой половине XIX в. производилось, как и в XVIII в., в основном трудами русских исследователей. Русская наука внесла ценный вклад в изучение истории казахского народа. Только в середине столетия появляются труды ученого-казаха Ч. Ч. Валиханова.

В изучении Казахстана, быта и экономики казахского народа большое значение имели путешествия и поездки русских чиновников и торговых людей¹. В эти годы на страницах

¹ См., например, Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, СПб., 1821; Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, ч. 1—2, М., 1822.

журналов и газет начинают все чаще и чаще появляться разные заметки и статьи о казахах и Казахстане.

В начале XIX в. много сделал для изучения истории, экономики и этнографии Казахстана А. Левшин. Он использовал в своей работе официальные материалы Азиатского департамента, архивы первых послов к казахским ханам, работы Рычкова, народные казахские предания и записки лиц, побывавших в Казахстане. Например, им были широко использованы записки Я. Гавердовского, русского врача, несколько лет прожившего в плену у казахов. В 1832 г. Левшин опубликовал трехтомный труд «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей»¹.

В этой работе были обобщены все имевшиеся в то время данные о Казахстане. Ценность работы Левшина заключалась в том, что он впервые дал систематическое изложение истории казахов. Однако Левшин сильно идеализировал в своей работе казахский быт, обычаи, деятельность казахских ханов и других феодалов, поверив в достоверность феодальных легенд и преданий.

В начале XIX в. для изучения истории Казахстана немало сделал Г. Спасский, который опубликовал в «Сибирском вестнике» и других журналах ряд статей, посвященных казахам и Казахстану². Г. Спасский впервые подробно описал некоторые древнетюркские рунические памятники, дальнейшее изучение которых расширило сведения по истории Казахстана VI—VIII вв. н. э.

Изучению древнего периода истории Средней Азии и Казахстана много содействовал своими трудами по истории края русский синолог Н. Я. Бичурин (1771—1853 гг.). Бичурин впервые перевел на русский язык и сделал доступными для исследователей древние китайские хроники, содержащие ценные известия о племенах, населявших Казахстан в древности (усуни, канглы и др.). Особенно ценна его книга «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1853 г.).

В середине XIX в. при изучении истории Казахстана привлекаются местные архивные источники. Таким образом, под исследование тех или иных вопросов истории Казахстана подводится серьезная научная база. Авторами статей в большинстве были лица, работавшие в местном управленческом аппарате, поэтому им были доступны архивы областных правлений.

¹ См. А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. 1—3, СПб., 1832.

² См., например, Г. Спасский. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и малой Орды, «Сибирский вестник», ч. IX—X, 1820.

В середине XIX в. появляются первые обзорные работы, где довольно подробно излагаются события середины XIX в. В трудах Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» (1865 г.) и М. Красовского «Область сибирских киргизов» (1868 г.) были сделаны первые попытки на основе документального материала дать систематическое изложение истории Казахстана со времени его присоединения к России. Многие факты, которые сообщают авторы, были впервые введены ими в научный оборот.

Однако ни Л. Мейер, ни М. Красовский не создали истории всего Казахстана, который к этому времени был присоединен к России полностью. В основном они касаются только истории Младшего и Среднего жузов. Ни Л. Мейер, ни М. Красовский не затронули в своих работах вопросов экономики казахского аула и его внутренней жизни; в основном они изучали взаимоотношения казахов с Россией, события, связанные с присоединением Казахстана к России, и политические события, происходившие в Казахстане в первой половине XIX в.¹

В середине XIX в. из среды самого казахского народа выдвигается первый ученый-казах Чокан Чингисович Валиханов. В 1856 г. Валиханов провел большие исследования в Северной Киргизии, результатом чего явился ряд статей по истории и этнографии киргизов. В 1856—1857 гг. Валиханов совершил путешествие в Кульджинский край и затем в 1858—1859 гг. в Кашгарию. На материале этих поездок была написана его работа «О состоянии Алты-Шаара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.», где впервые сообщались сведения о Восточном Туркестане, об уйгурах, их истории, быте и занятиях. Вместе с тем Валиханов опубликовал также ряд статей по истории казахов. Работы Валиханова имели большое значение для дальнейшего изучения Восточного Туркестана и Казахстана.

Работы Ч. Ч. Валиханова по истории и этнографии казахов и киргизов были изданы после его смерти отдельным томом Записок Географического общества по отделению этнографии². Вслед за Ч. Ч. Валихановым в XIX в. выступил Ибрагим Алтынсарин — педагог и просветитель, который изучал этнографию казахов и народное образование. Ч. Валиханов и И. Алтынсарин были первыми учеными-казахами, которые занялись изучением истории и этнографии своего народа.

¹ См. также В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765). Уфа, 1855.

² См. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. «Записки РГО по отд. этнографии», т. XXIX, СПб., 1904.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Маркс К.—5, 9, 11, 129, 339, 374, 375, 396, 445, 624
- Энгельс Ф.—9, 11, 62, 176, 232, 339, 374, 375, 396, 445, 624
- Ленин В. И.—6, 9, 11, 12, 16, 89, 90, 207, 228, 274, 288, 289, 294, 296, 304, 314, 315, 338, 343, 344, 351, 366, 390, 394, 396, 410, 413, 425, 501
- Сталин И. В.—7, 68, 75, 169, 634, 635
- Аббас I Великий (1557—1628 гг.), персидский шах—137, 152
- Аббасиды, династия иранских шахов—38, 535
- Абд-ар-Рашид ибн Мухмуд (1049—1053 гг.), султан из династии Газневидов—166
- Абд-ар-Рашид ибн Салих ибн Нури ал-Букуви (XV в.), азербайджанский географ—151
- Абд-ар Реззак (Абдурраззак) (род. в 1762 г.), сын владетеля г. Хоя, азербайджанский историк—266
- Абд-ар Реззак (Абдурраззак) Самаркандский (ум. в 1482 г.), таджикский историк—158
- Абдулазиз, бухарский садр—46
- Абдулл-Латиф (середина XV в.), хан, правитель Самарканда—158
- Абдулла II (1557—1598 гг.), бухарский хан—164
- Абдулмумин (ум. в 1598 г.), бухарский хан, сын хана Абдулла II—269
- Абдурраззак Самаркандский *см.* Абд-ар Реззак (Абдурраззак)
- Самаркандский, таджикский историк
- Абдурахман Тали (XVIII в.), бухарский астролог—267
- Абеян М.—25
- Абовян Хачатур (1805—1848 гг.), армянский писатель, просветитель и педагог—626, 629—632, 634
- Абраам Критский (XVIII в.), армянский католикос—259
- Абрам Ереванци (Ереванский) (XVIII в.), армянский историк—258
- Абруй (X в.), предводитель восстания в Узбекистане—47
- Абу-Абдулла Махаммед ал-Бухари-ал-Гунджари (ум. в 1021 г.), бухарский историк—154
- Абу-Али Мухаммеда Бал'ами (X в.), саманидский везир—44, 47
- Абу-Бекр-Мухаммед ибн Джа'фар ан-Наршахи (ум. в 959 г.), бухарский историк—45—47
- Абу-Джа'фар Мухаммед-ибн Джарир Табари (ум. в 922—923 г.), среднеазиатский историк—42, 44, 47
- Абу-Курра (Федор Авукаров) (X в.), епископ харранский—504
- Абу-л-Аббас-Джа'фарабен Мухаммед ал-Мустагфири (XII в.), самаркандский историк—154
- Абуладзе И.—144
- Абулгази Баядур (1603—1663 гг.), хорезмский хан, историк—165, 168, 192, 509

¹ В скобках даны годы жизни включенных в указатель лиц. Для лиц царствовавших в тех случаях, когда годы жизни установить не удалось, указаны годы царствования. Указатель составлен Е. А. Яновской.

- Абулкадыр Мирза (начало XIX в.), таджикский историк — 268
- Абул-Қасим (X в.), арабский военачальник — 39
- Абу-л-Хайр (1435—1468 гг.), узбекский хан из династии Шейбанидов — 159
- Абу-л-Хакк (первая пол. XVI в.), таджикский историк — 159
- Абу-л Харис-Асада ал' Верасини (ум. в 927 г.), среднеазиатский историк — 45
- Абу-л-Хасан бен-Али (XI в.), везир, сельджукских султанов Алп Арслан и Мелик-шаха, таджикский историк — 156
- Абуль Ула (XII в.), азербайджанский поэт — 148
- Абу-Мансура Мухаммед ибн Абдураззак (ум. в 962 г.), харасанский наместник, писатель — 44
- Абу-Наср-Азмед Кубави (XII в.), таджикский писатель, переводчик — 45
- Абу-Рейхан-Мухаммед-ибн - Ахмед-ал-Бируни (972—1048 гг.), хорезмский ученый-энциклопедист — 42, 43, 155, 156
- Абу Саид, азербайджанский ильхан — 149
- Абу Са'ид Абдурахман ал-Идриси (ум. в 1015 г.), самаркандский историк — 154
- Абу-Сайд Фазлаллах ибн Абу-л-Хейр (Мейхенский) (968—1049 гг.), шейх, туркменский поэт — 167
- Абу Хафс-Омар ан-Несефи (ум. в 1143 г.), таджикский историк и теолог — 154
- Авакум Петрович (1620—1682 гг.), протопоп, основатель русского старообрядчества — 101
- Август (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.), римский император — 83, 95, 302, 465, 466
- Авдусин Д. А. — 49
- Авраамий (ум. в 1458 г.), епископ Суздальский, участник Флорентийского собора — 73
- Авраамий Палиция (ум. в 1625 г.), келарь Троице-Сергиевского монастыря, писатель-публицист — 90—92, 188, 209, 225
- Авраамка (Арамко) (XV в.), литовский летописец — 114
- Ага Мухаммед (1742—1797 гг.), персидский шах, основатель династии Каджаров — 266
- Агафангел (V в.), армянский историк — 25, 26, 39
- Адашев Алексей Федорович (ум. в 1561 г.), постельничий, позднее окольничий, государственный деятель — 77
- Адрианова-Перетц В. П. — 79
- Азадовский Марк Константинович (род. в 1888 г.), фольклорист — 544
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886 гг.), публицист и поэт, славнофил — 500
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860 гг.), публицист, славнофил — 326—330, 604
- Аларих (ок. 370—410 гг.), вестготский король — 201
- Александр Македонский Великий (356—323 гг. до н. э.) — 22, 23, 27, 29—30, 38, 39, 59, 65, 66, 86, 95, 142, 175, 232, 465
- Александр Ярославович Невский (1220—1263 гг.), великий князь владимирский — 65, 69, 82, 84
- Александр I (1777—1825 гг.), император — 256, 277, 282, 283, 313, 324, 325, 358, 359, 361, 409, 582
- Александр II (1818—1881 гг.), император — 320, 324, 360
- Алексей Михайлович (1629—1676 гг.), царь — 99, 215, 240, 294, 356, 380, 523, 558, 582, 590, 606
- Алекскерзаде А. А. — 147, 640
- Ализаде А. А. — 147
- Али-Мухаммед (Баб) (1820—1850 гг.), идеолог религиозного движения в Персии — 510
- Алкмеонид Клисфен *см.* Клисфен
- Алкмеонид, афинский законодатель
- Алп-Арслан (1003—1072 гг.), сельджукский султан — 156
- Алтынсарин Ибраим (1841—1889 гг.), казахский педагог и просветитель — 651
- Альберт I, фон Аппельдерн (ум. в 1229 г.), епископ, основатель Ордена меченосцев — 128
- Аммиан Марцеллин (330—400 гг.), римский историк — 641
- Анания Ширакаци (VII в.), армянский философ, географ и историк — 32, 33

- Андреев А. И.— 180, 537, 538
 Андреевский Иван Ефимович (1831—1891 гг.), проф. Петербургского ун-та, историк права — 564
 Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174 гг.), великий князь владимирский — 61, 62, 72, 173, 174, 280, 281, 354
 Анна (XV в.), грузинская царица — 144
 Анна Иоанновна (1693—1740 гг.), императрица — 180, 190, 191, 382
 Анисков Павел Васильевич (1812—1887 гг.), критик, мемуарист — 413, 424
 Аннинский Сергей Александрович (1891—1941 гг.), историк — 128
 Антоний (ум. в 1233 г.), новгородский архиепископ — 493
 Аночин Дмитрий Николаевич (1843—1923 гг.), географ, этнограф и археолог, академик — 599
 Аполлинарий Сидоний (ок. 430—488 гг.), позднеримский христианский писатель — 452, 454, 463
 Аракек Даврижеци (Тавризский) (1595—1669 гг.), армянский историк — 137
 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834 гг.), временщик при имп. Павле I и Александре I — 359
 Арамаков А. М. (середина XVIII в.), директор Московского ун-та — 525
 Арзанов Акоп (первая пол. XIX в.), студент Московского ун-та, автор истории Армении — 628
 Арзанов Давид (первая пол. XIX в.), студент Московского ун-та, автор истории Армении — 628
 Аристакек Ластивертци (Ластивертский) (XI в.), армянский историк — 132, 133
 Аристид (540—467 гг. до н. э.), афинский политический деятель и полководец — 484
 Аристотель (384—322 гг. до н. э.), греческий философ — 27, 136,
 Армстронг Адам Васильевич (1762—1818 гг.), обер-берггауптман Олонецких заводов — 580
 Арриан Флавий (ок. 95—175 гг. до н. э.), греческий историк — 23
 Арсений (начало XI в.), грузинский католикос, агиограф — 40
 Арсеньев А. Ю.— 512
 Арсеньев Константин Иванович (1789—1865 гг.), географ, историк и статистик, академик — 579—581, 639
 Артаксеркс Мнемон (405—359 гг. до н. э.), персидский царь — 22
 Арцруни, армянский род — 35
 Арцруни Товма *см.* Товма Арцруни, придворный историк Васпураканского царя Гагика
 Арцыбашев Николай Сергеевич (1773—1841 гг.), историк — 286, 337, 569
 Арчил II (1647—1713 гг.), имеретинский, позднее кахетинский царь, поэт, писатель и историк — 146, 147
 Аршак II (345—367 гг.), армянский царь — 19
 Аршакуни (63—428 гг.), династия армянских царей — 30, 628
 Аршуш (V в.), питиахш (правитель) Нижней Картли — 36
 Асоскерзаде А. А.— 147
 Атамелик *см.* Джувеини Алаэддин Ата Мелик, придворный историк монгольской династии Хулагидов.
 Атилла (ум. в 453 г.), предводитель гуннов — 471, 497
 Афанасий (XVI в.), митрополит — 81
 Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871 гг.), фольклорист, историк — 546, 548, 549, 596
 Афиней (нач. III в.), греческий писатель — 488
 Ахмад Дониш *см.* Дониш Ахмад (Ахмад Калля), таджикский ученый-просветитель, писатель
 Ахситан (XII в.), ширваншах Ширвана — 148
 Ахундов Мирза Фатали (1812—1878 гг.), азербайджанский просветитель-демократ и философ — 631
 Ашик Антон Балтазарович (1802—1854 гг.), директор Керченского музея, археолог — 529, 530
 Ашот I Багратуни (886—891 гг.), армянский царь, основатель армянской династии Багратидов — 34
 Аштарханиды, династия среднеазиатских ханов — 267, 269, 643, 644
 Аэций Флавий (395—454 гг.), римский полководец — 470

- Баб Мухаммед Али *см.* Али Мухаммед (Баб), идеолог религиозного движения в Персии
- Бабек (ум. в 837 г.), предводитель народного восстания в Азербайджане — 148, 641
- Бабкин Д. С.— 238
- Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881 гг.), проф. Казанского и Московского ун-тов, историк и экономист — 433, 453
- Бабур (Бабир) Захиреддин Мухаммед (1483—1530 гг.), основатель династии Великих Моголов в Индии, писатель-мемуарист — 159, 163
- Баграмян Мовсес (вторая пол. XVIII в.), армянский историк — 259, 260
- Баграт, царевич, грузинский историк — 636
- Баграт IV (1027—1072 гг.), картлийский царь — 141, 142
- Багратиды (Багратуни, Багратионы), династия армянских и грузинских царей — 34, 35, 133, 141, 144, 260
- Багратиони Вахушти *см.* Вахушти Багратиони, царевич, грузинский историк и географ
- Багратиони Давид *см.* Давид Багратиони, царевич, грузинский историк
- Багратиони Теймураз *см.* Теймураз Багратиони, царевич, грузинский историк, академик
- Багратуни Ашот *см.* Ашот I Багратуни, армянский царь
- Багратуни Иоаннес *см.* Иоаннес Драсханакертци Багратуни, каталикос, армянский историк
- Багратуни Шапух *см.* Шапух Багратуни, армянский историк
- Байер Готлиб Сигфрид (1694—1738 гг.), историк, академик — 36, 170, 181, 186, 187, 190, 191, 194, 198—200
- Байков Федор Исакович (середина XVII в.), стольник, член посольства в Китай — 511, 512, 518
- Бакиханов Аббас-Кули (1794—1847 гг.), азербайджанский историк — 640—642
- Бакланова Н. А.— 102
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876 гг.), идеолог анархизма — 394
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788—1850 гг.), историк — 496, 603, 604, 608
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814 гг.), историк — 227, 511, 514, 576
- Баранов П. И.— 524
- Баратаев Михаил Петрович (1784—1856 гг.), грузинский историк, археолог, нумизмат — 635, 638
- Баратов Сулхан Григорьевич (1821—1866 гг.), грузинский историк — 635, 637, 639, 640
- Бардезан (Бардзанес) (II в.), эдесский гностик — 30
- Баронни Цесарь (1538—1607 гг.), кардинал, библиотекарь Ватикана, историк церкви — 175
- Барсуков Николай Платонович (1838—1906 гг.), начальник архива Министерства народного просвещения, историк — 337, 567
- Бартольд Василий Владимирович (1869—1930 гг.), востоковед, академик — 22, 45, 46, 154, 156, 158, 168, 518, 644
- Басаргин Николай Васильевич (1799—1861 гг.), декабрист — 544
- Басилий Зармели (первая пол. X в.), племянник основателя Зармского монастыря Серапиона Зармели, писатель — 36, 39, 40
- Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863 гг.), декабрист — 302
- Батый (ум. в 1253 или 1255 г.), монгольский хан, основатель Золотой орды — 80, 602
- Бауэр Василий Васильевич (1833—1884 гг.), проф. всеобщей истории Петербургского ун-та — 475
- Бахофен Иоганн Якоб (1815—1887 гг.), швейцарский историк права — 454
- Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950 гг.), проф. Московского ун-та, историк, член-корр. Академии наук — 192, 193
- Башилов Семен (1740—1770 гг.), переводчик, сотрудник А. Шлецера — 222
- Башкин Матвей Семенович (XVI в.), сын боярский, вольнодумец — 76
- Баязид (Баязет) I Молниеносный (1360—1403 гг.), турецкий султан — 88, 151

- Бегичев Константин Николаевич, археолог — 530
- Бейсов П. С. — 302
- Бейхаки (Байхаки) (996—1077 гг.), придворный историк султана Масуда Газневида — 160, 166, 167
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848 гг.) — 12, 15, 216, 315, 316, 334, 348, 351—353, 358, 363, 366—386, 389—401, 404, 407, 409, 412, 413, 425, 449, 497, 501, 508, 509, 521, 522, 544, 545, 559, 598, 604, 605, 608, 609, 622
- Беллингаузен Фаддей Фадеевич (1779—1852 гг.), русский мореплаватель — 541, 571
- Белозерский Николай Васильевич, археолог — 605
- Бель (Белль) Джон (1691—1780 гг.), шотландский врач, путешественник — 507, 508
- Бельский Мартин (1495—1575 гг.), польский историк — 98
- Беляев Александр Петрович (1803—1887 гг.), декабрист, автор «Воспоминаний» — 544
- Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 328—331, 354, 591, 592
- Бенаи (ум. в 1512 г.), придворный поэт Шейбани-хана — 159
- Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844 гг.), шеф жандармов при Николае I — 318
- Берг Лев Семенович (1876—1950 гг.), географ-историк, академик — 271, 513, 545
- Бергман Вениамин Фюрхтегот (1772—1856 гг.), лифляндский пастор, историк — 508
- Бердзенишвили Н. А. — 262
- Бердников Яков Иванович (1793—1854 гг.), проф. Петербургского ун-та, археолог, академик — 554, 558
- Березин Илья Николаевич (1818—1896 гг.), проф. Петербургского ун-та, ориенталист — 509, 535
- Беринг Витус (1680—1741 гг.), мореплаватель — 513, 570
- Берос (III в. до н. э.), жрец, вавилонский историк и астроном — 174
- Берх Василий Николаевич (1780—1834 гг.), историк — 560, 570, 580, 591, 592
- Бескровный Л. Г. — 175, 215, 300, 324
- Бестужев Александр Александрович (псевдоним Марлинский) (1797—1837 гг.), писатель, декабрист — 544, 600, 622
- Бестужев Михаил Александрович (1800—1871 гг.), декабрист — 519, 544
- Бестужев Николай Александрович (1791—1855 гг.), декабрист — 290, 292, 294, 298—301, 408, 519, 522, 544
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897 гг.), историк, проф. Петербургского ун-та, академик — 170, 179, 180, 191, 463
- Беттихер Теодор, редактор газеты «Baltische Monatsschrift» — 621
- Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870 гг.), киевский генерал-губернатор — 559
- Бидридин ал-Кашмири (XVI в.), бухарский историк — 165
- Бирон Эрнест Иоганн (1690—1772 гг.), временщик при имп. Анне Иоанновне — 180, 191, 297, 383, 404
- Бируни *см.* Абу-Рейхан-Мухаммед ибн-Ахмед-ал-Бируни, хорезмский ученый-энциклопедист
- Бичурин (Иоакимф) *см.* Иоакимф (Никита Яковлевич Бичурин), монах, востоковед
- Благовещенский Николай Михайлович (1821—1892 гг.), проф. Петербургского ун-та и ректор Варшавского ун-та, филолог — 419
- Бланкеннагель (конец XVIII в.), майор, автор «Путевых заметок» — 272
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864 гг.), граф, реакционный историк — 410
- Бобылинский Леонтий *см.* Леонтий (Бобылинский), иеромонах, украинский летописец
- Богдан Хмельницкий (1595—1657 гг.), украинский гетман — 111, 112, 246—248, 251, 356, 380, 600, 606, 607, 609, 610
- Богданович Модест Иванович (1805—1882 гг.), историк — 313

- Богданович Петр (или Иван) (1758—1831 гг.), поэт, писатель и переводчик — 507
- Богомолов Б. И. — 544
- Богун Иван (ум. в 1664 г.), герой освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши — 602
- Бодянский Осип Максимович (1808—1877 гг.), проф. Московского ун-та, славяновед, член-корр. Академии наук — 498, 574, 575, 605
- Болдырев Алексей Васильевич (1780—1842 гг.), проф. Московского ун-та, востоковед — 508, 510
- Болеслав I Храбрый (999—1025 гг.), король польский — 204
- Болотников Иван Исаевич (ум. в 1608 г.), предводитель крестьянской войны — 89, 90, 298
- Болтин Иван Никитич (1735—1792 гг.), историк — 208, 210—214, 568
- Болховитинов Евгений см. Евгений (Евфимий Болховитинов), киевский митрополит, историк
- Бонапарт Жозеф см. Жозеф (Иосиф) Бонапарт, неаполитанский король, брат Наполеона
- Борис Владимирович (ок. 990—1015 гг.), князь ростовский — 57
- Борис Федорович Годунов (ок. 1551—1605 гг.), царь — 91, 92, 282, 305, 306, 321, 379, 400
- Борисов Владимир Александрович (1809—1862 гг.), археолог и историк — 572
- Борис Александр (первая пол. XIX в.), лейтенант войск английской ост-индской компании, путешественник — 646
- Бороздин Александр Корнилович (род. в 1863 г.), историк литературы — 293
- Боткин Василий Петрович (1811—1869 гг.), писатель и критик — 413
- Броневский Владимир Богданович (1784—1835 гг.), морской офицер, писатель — 496
- Бронский Христофор (лит. псевдоним Христофор Фялалет) (XVI в.), шляхтич, украинский писатель — 116
- Броссе Марий Иванович (1802—1880 гг.), филолог и историк, академик — 637—639
- Бруйнингк Герман Августович (род. в 1849 г.), барон, прибалтийско-немецкий историк — 621
- Брун Филипп Карлович (1804—1880 гг.), проф. Новороссийского ун-та, историк — 572
- Будный Симон (XVI в.), белорусский писатель — 117
- Бузанд Фавстос см. Фавстос (Павстос) Бузанд, армянский историк
- Бузескул Владислав Петрович (1858—1931 гг.), проф. всеобщей истории Харьковского ун-та, академик, — 421
- Букави см. Абд-ар-Рашид ибн Салих ибн Нури ал-Букави, азербайджанский географ
- Булавин Кондратий Афанасьевич (ок. 1660—1708 гг.), предводитель крестьянского восстания — 310
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859 гг.), реакционный писатель, журналист — 318, 412, 612
- Булэнвилле Анри (1658—1722 гг.), граф, французский историк — 481
- Бунге Федор Андреевич (Фридрих Георг) (1802—1897 гг.), проф. ливляндского и эстонского права Дерптского ун-та — 619, 620
- Бурнашев, горный чиновник — 646
- Бурнашев Владимир Петрович (1809—1888 гг.), чиновник департамента мануфактур и внешней торговли Министерства финансов — 582, 583
- Бурцев Иван Григорьевич (1794—1829 гг.), генерал-майор, декабрист — 300
- Буслаев Федор Иванович (1818—1897 гг.), историк литературы, академик — 351, 548
- Бутков Петр Григорьевич (1775—1857 гг.), историк, академик — 563
- Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849 гг.), генерал-майор, военный историк — 295, 324, 325
- Бухари-ал Гунджари см. Абу-Абдулла Махаммед-ал-Бухари-ал Гунджари, бухарский историк
- Быховец Иосиф Владислав (1778—1845 гг.), польский писатель —

• 115, 123, 124, 615

- Бэр Карл Максимович (1792—1876 гг.), естествоиспытатель, академик — 545, 547, 571
- Ваганов Варлам (конец XVIII в.), переводчик — 259
- Ваграм Рабуни (конец XIII в.), армянский поэт и историк — 132
- Валиханов Чокан Чингисович (1835—1865 гг.), казахский ученый просветитель — 649, 651
- Валк С. Н. — 4, 479
- Валуев Дмитрий Александрович (1820—1845 гг.), собиратель исторических источников, славянофил — 561
- Вальтер Скотт *см.* Скотт Вальтер, английский романист
- Ванакан Иоанн (XIII в.), вардапет, армянский ученый, ученик армянского правоведа Мхитара Гоша — 134
- Вараззахан (V в.), сепух, сюникский феодал — 29
- Вардан Великий (XIII в.), армянский историк — 134, 135
- Вардан Мамиконян *см.* Мамиконян Вардан, князь, армянский полководец, руководитель восстания армян против сасанидской Персии
- Варксен (V в.), питиахш (правитель) Нижней Картли — 36, 37
- Варлаам (ум. в 1191 или 1193 г.), монах, игумен Хутынского монастыря — 71
- Вартберг де Герман (XIV в.), капеллан лифляндского ландмейстерства, хронист — 129
- Васенко Платон Григорьевич (род. в 1874 г.), член Археологической комиссии, историк — 81
- Василий I Македонянин (813—886 гг.), византийский император — 86
- Василий II Васильевич Темный (1415—1462 гг.), великий князь московский — 70, 74
- Василий III Иванович (1479—1533 гг.), великий князь московский — 172, 209, 284
- Василий Иванович Шуйский (1552—1612 гг.), царь — 92, 93, 173, 185, 282, 297
- Василий Эзосмодзгвари (XIII в.), грузинский историк — 143
- Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899 гг.), проф. Петербургского ун-та, византиновед, академик — 443
- Василько (Василий) Ростиславович (ум. в 1124 г.), князь теребовльский — 58
- Вахтанг I Горгасал (ум. в 502 г.), грузинский царь — 37, 141
- Вахтанг V (1658—1675 гг.), грузинский царь — 146
- Вахтанг VI Законодатель (1675—1737 гг.), грузинский царь — 144, 262, 264
- Вахушти Багратиони (1695—1772 гг.), царевич, грузинский историк и географ — 263—265, 636, 639
- Вашингтон Джордж (1732—1799 гг.), американский государственный деятель — 235
- Введенский, писатель — 542
- Величко Самуил Васильев (1670—после 1728 г.), украинский летописец — 246—248
- Вельгорский Михаил (ум. в 1790 г.), польский публицист и политический деятель — 614
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920 гг.), историк литературы — 368
- Венелин Юрий Иванович (1802—1839 гг.), историк и славист — 496, 497
- Вениаминов Иван Евсеевич (1797—1879 гг.), миссионер, этнограф — 542
- Веселовский Николай Иванович (1848—1918 гг.), проф. Петербургского ун-та, археолог и ориенталист — 518
- Вико Джамбаттиста (1668—1744 гг.), итальянский философ, юрист и историк — 476
- Виллигероде А. Х., пастор, эстонский историк — 624
- Виндельбанд Вильгельм (1848—1915 гг.), немецкий философ-неокантианец — 9
- Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 15, 424, 433
- Виргилий (Вергилий) Публий Марон (70—19 гг. до н. э.), римский поэт — 612
- Висковатов Павел Александрович (1842—1905 гг.), проф. Дерптского ун-та, историк литературы — 624

- Витзен (Витсен) Николай Корнелисон (1641—1717 гг.), амстердамский бургомистр, географ и юрист — 511
- Витовт (Витоутас) (1350—1430 гг.), литовский великий князь — 109, 114, 122, 615, 617, 618
- Вишенский Иоанн *см.* Вышенский Иван, монах, украинский писатель
- Владимир Андреевич (1533—1569 гг.), князь старицкий, двоюродный брат Ивана Грозного — 91
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125 гг.), великий князь киевский — 69, 84, 185, 221, 285
- Владимир Святославович (ум. в 1015 г.), великий князь киевский — 54—57, 59, 69, 81, 82, 84, 94, 99, 203, 204, 376, 533
- Владимиров П. В. — 115
- Владимирцов Борис Яковлевич (1884—1931 гг.), монголист, академик — 144, 145
- Власов Василий (конец XVII в.), дипломат — 587
- Воздвиженский Тихон Яковлевич (род. в 1764 г.), историк рязанского края — 572
- Волегов Федот Алексеевич (ум. в 1856 г.), историк Пермского края — 572
- Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865 гг.), декабрист — 303
- Вольтер Артемий Петрович (1689—1740 гг.), кабинет-министр имп. Анны Иоанновны — 180, 297
- Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (1694—1778 гг.), французский писатель и философ — 199, 254, 370, 442, 627
- Воронцов Михаил Семенович (1782—1856 гг.), новороссийский генерал-губернатор, позднее кавказский наместник — 575, 642
- Востоков Александр Христофорович (1781—1864 гг.), филолог-славяновед, академик — 333, 496, 564
- Врангель Фердинанд Петрович (1796—1870 гг.), исследователь побережья Северо-Восточной Сибири — 571
- Вронченко Михаил Павлович (1802—1855 гг.), генерал-майор, переводчик, географ — 509
- Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) (1154—1212 гг.), великий князь владимирский — 69, 72, 185, 189*
- Всеволод Ярославич (1030—1093 гг.), великий князь киевский — 59
- Выговский Иван Евстафьевич (ум. в 1664 г.), украинский гетман — 247, 607
- Вышенский Иван (род. в 1540—1545 гг.—ум. ок. 1620 г.), монах, украинский писатель — 108, 116
- Габашвили В. — 264
- Гавердовский Я. (первая пол. XIX в.), врач, путешественник, автор записок — 650
- Гагарин Григорий Григорьевич (1810—1893 гг.), художник, археолог, византиновед — 495
- Гагемейстер Юлий Андреевич (1806—1878 гг.), директор канцелярии Министерства финансов, экономист — 593, 594, 596
- Гагин Иван Сергеевич (1767—1844 гг.), историк рязанского края — 572
- Гаджи Сейд Абдул Гамид (первая пол. XIX в.), азербайджанский историк — 642—643
- Газан-хан Махмуд (1271—1304 гг.), хулагидский хан — 149, 150, 160, 161
- Газневиды (962—1186 гг.), династия среднеазиатских правителей — 156, 160, 165, 166
- Гамель Иосиф Христофор (1788—1862 гг.), академик — 580, 586, 587
- Гардизи (ок. 1050 г.), историк Харасана — 160, 166
- Гаскоин Карл Карлович (ум. в 1807 г.), начальник Олонецких горных заводов — 580
- Гаттерер Иоганн Кристоф (1727—1799 гг.), немецкий историк, источниковед — 568, 580
- Гатырчан Овсеп (1820—1882 гг.), армянский историк — 627
- Гафур Абдул, узбекский историк — 645
- Гваньини (1534—1614 гг.), итальянский путешественник, писатель — 97, 286
- Гевонд (VIII в.), армянский историк — 32, 33
- Геворгян М. А. — 26

- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831 гг.), немецкий философ-идеалист — 429, 430, 445, 478
- Гедемин (Гедеминас) (ум. в 1341 г.), великий князь литовский — 122, 123
- Геерен Арнольд Герман (1760—1842 гг.), немецкий историк — 416
- Гелевер Герман (XV в.), ливонский историк — 129
- Гельмольд (Гелмолд) (XII в.), священник в Любекском владении, хронист — 194
- Гензель Павел Петрович (род. в 1878 г.), проф. Московского ун-та, экономист — 594
- Геннин (де Генин) Вилим (1676—1750 гг.), генерал-лейтенант, начальник Олонекских горных заводов — 580, 581
- Генрих Латыш (Генрих Латвийский) (XIII в.), ливонский хронист — 128
- Георги Иоган Готлиб (1729—1802 гг.), натуралист-путешественник, академик — 539
- Георгий Амартол (середина IX в.), монах, византийский летописец — 55, 59, 493
- Георгий Афонский (Георгий Мтацминдели) (1009—1065 гг.), грузинский духовный писатель — 139, 140
- Георгий Иеромонах *см.* Георгий Мцире (или Иеромонах), грузинский историк
- Георгий (Григорий Конисский), белорусский архиепископ, ректор Киевской духовной академии, писатель — 135, 602, 603
- Георгий Мерчули (X в.), грузинский писатель — 36, 39, 40,
- Георгий Мцире (или Иеромонах) (XI—XII вв.), грузинский историк — 139, 140
- Георгий Саакадзе (1582—1629 гг.), грузинский полководец — 146
- Георгий Синкелл (X в.), византийский хронист — 493
- Георгий (Франциск) Скорина *см.* Скорина Георгий (Франциск), медик, печатник и переводчик
- Георгий II Баграт (1072—1089 гг.), грузинский царь — 139, 142
- Георгий III Багратид (1156—1184 гг.), грузинский царь — 143
- Георгий IV Лаше (1198—1222 гг.), грузинский царь — 144, 145
- Георгий V Блистательный (1314—1346 гг.), грузинский царь — 145
- Георгий XII (ум. в 1800 г.), царь Картли и Кахетии — 637
- Герасимов Дмитрий (род. ок. 1465 г.), переводчик, дипломат — 587
- Герберштейн Сигизмунд (1486—1566 гг.), барон, немецкий дипломат и путешественник — 97, 285
- Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803 гг.), немецкий философ и историк — 257, 334, 621
- Герлах Франц Дороеф (1793—1876 гг.), швейцарский историк — 454
- Герман Воята (XIII в.), священник, новгородский летописец — 62
- Герман Иван Филиппович (1755—1815 гг.), горный инженер и экономист, академик — 578, 596
- Герман Карл Федорович (1767—1838 гг.), проф. статистики Петербургского ун-та, академик — 581—584, 597
- Геродот (ок. 484—425 гг. до н. э.), греческий историк — 21, 22, 30, 191, 279, 641
- Герцен Александр Иванович (1812—1870 гг.) — 12, 15, 315, 316, 323, 327, 348, 358, 363, 366, 367, 386—414, 418, 424—426, 433, 442, 449—450, 501, 545, 598, 608—610, 621, 622
- Гизо Франсуа Пьер Гильом (1787—1874 гг.), французский историк — 333, 334, 389, 439, 472, 476, 481
- Гильфердинг Александр Феодорович (1831—1872 гг.), славяновед, историк и собиратель былин — 329
- Гилларов Федор Александрович (1841—1895 гг.), педагог-словесник — 95, 96
- Гириш Зигфрид (1816—1860 гг.), немецкий историк — 454
- Гиясуддин Али (XIV в.), историк Тимура — 157
- Гладышев (XVIII в.), путешественник — 272
- Глеб Владимирович (ок. 984—1015 гг.), князь муромский — 57
- Глеб Святославович (ум. в 1078 г.), князь новгородский и тмутараканский — 526, 564

- Глебович Антон Болеславович (1801—1847 гг.), переводчик и писатель — 614, 615
- Глинка Сергей Николаевич (1776—1847 гг.), писатель и журналист — 317, 628
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880 гг.), декабрист — 300, 301, 544
- Гмелин Иоганн Георг (1709—1755 гг.), натуралист-путешественник, академик — 538
- Гмелин Самуил Готлиб (1745—1774 гг.), натуралист-путешественник, академик — 539
- Гнучева Вера Федоровна (1892—1942 гг.), историк географической науки — 264
- Гоброн (X в.), грузинский эристав — 36, 38, 39
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852 гг.) — 316, 386, 417, 600, 603, 612
- Годунов Борис см. Борис Федорович Годунов, царь
- Годунов Петр Иванович (ум. в 1670 г.), стольник и тобольский воевода — 505, 513
- Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829 гг.), попечитель Московского ун-та — 574
- Голиков Иван Иванович (1735—1801 гг.), курский купец, историк — 208, 215—218, 222, 310, 508, 588
- Головин Василий Михайлович (1776—1831 гг.), вице-адмирал, путешественник — 517, 541
- Голота Петр, украинский писатель — 608
- Гомер (IX в. до н. э.), легендарный греческий поэт — 143
- Гонке Варфоломей (XIV в.), ливонский хронист — 129
- Гонта Иван (ум. в 1768 г.), один из руководителей крестьянского восстания на Украине против польской шляхты — 609
- Горгиджанидзе Парсадан (род. в 1626 г.), грузинский историк — 146, 147
- Горсей Джером (ум. не ранее 1626 г.), английский купец, путешественник — 285
- Горский Александр Васильевич (1814—1875 гг.), палеограф — 564, 565
- Гош Мхитар см. Мхитар Гош, армянский мыслитель и правовед
- Грабянка Григорий Иванович (ум. ок. 1738 г.), гадячский полковник, украинский летописец — 246—248
- Грахи Тиберий (163—132 гг. до н. э.) и Гай (153—121 гг. до н. э.), римские политические деятели — 436, 444
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 16, 348, 349, 351, 415, 417, 418, 421, 423—452, 454, 460, 474, 479, 480, 495
- Грегорас Никифор см. Никифор Грегорас, византийский историк
- Греков Борис Дмитриевич (1882—1953 гг.), историк, академик — 197
- Греч Николай Иванович (1787—1867 г.), журналист и писатель — 318, 412, 612
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829 гг.) — 386, 414, 508
- Грибоедов Федор Иоакимович (ум. в 1673 г.), дьяк, участник комиссии по составлению Соборного уложения — 101
- Григор Церенц Хлатеци см. Хлатеци Григор Церенц, армянский историк
- Григорий Парфянин (первая пол. IV в.), епископ, армянский просветитель — 25, 26
- Григорий Хандзтели (758—860 гг.), монах, основатель монашества в Кларджетском крае — 36, 39, 40
- Григорович Виктор Иванович (1815—1876 гг.), проф. Казанского, Московского и Новороссийского ун-тов, славист, член-корр. Академии наук — 495, 499—500
- Григорович Иван Иванович (1792—1852 гг.), историк, археограф — 613
- Григорьев Василий Васильевич (1816—1881 г.), проф. Петербургского ун-та, востоковед, член-корр. Академии наук — 272, 475
- Гримм Эдвин Давид (середина XIX в.), немецкий историк Рима — 481
- Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1933 гг.), украинский буржуазный историк-шовинист — 603
- Гулиев А. Н. — 147, 640

- Гунашевский Михаил (XVII в.), монах, предполагаемый автор Львовской летописи — 111
- Гурьянов И. — 587
- Гус Ян (1369—1415 гг.), вождь реформации в Чехии — 500
- Гусейн-хан Ереванский, персидский хан — 633
- Гуэ де М., голландский арабист — 44
- Гюрята (Григорий) Рогович (конец XI — начало XII в.), новгородец — 58
- Давид Багратиони (1769—1819 гг.), царевич, грузинский историк — 636
- Давид-бек (ум. в 1728 г.), предводитель борьбы армянского народа против персидских и турецких завоевателей — 258
- Давид Игоревич (1059—1112 гг.), князь — 58
- Давид Строитель (Возобновитель) (ок. 1073—1125 гг.), грузинский царь — 138, 140, 142—144
- Давитисдзе Сумбат (XI в.), армянский историк — 141
- Даврижеци Аракел см. Аракел Даврижеца (Тавризский), армянский историк
- Даднани Николай Давидович (1847—1889 гг.), мингрельский князь, историк — 635, 636
- Дакики Абу-Мансур-Мухаммед Ахмад (ум. между 977—981 гг.), таджикский поэт — 44, 45
- Даль Владимир Иванович (1801—1872 гг.), этнограф, лексикограф, член-корр. Академии наук — 543
- Дамулла Алим-бек (XVIII в.), уроженец г. Карши, таджикский историк — 268
- Даниил-бек Мангыт (конец XVIII в.), султан Мавераннахра — 268
- Даниил Заточник (XII в.), писатель — 67
- Даниил Поломник (начало XII в.), игумен, путешественник — 502
- Даниил Романович (1201—1264 гг.), князь галицкий — 63
- Данилов Кирша (конец XVIII в.), собиратель устного народного творчества — 85, 541
- Данилович Игнатий Николаевич (1787—1843 гг.), проф. Виленского ун-та, историк права — 615
- Дарест Родольф Клеофас (1824—1911 гг.), французский юрист, историк права — 340
- Дарий I (522—486 гг. до н. э.), персидский царь — 21
- Даукантас Симанос (1793—1864 гг.), литовский историк — 617, 618
- Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810 гг.), княгиня, директор Академии наук и президент Российской академии — 403
- Делиль Жозеф Никола (1688—1768 гг.), французский географ и астроном — 264
- Денбей (первая пол. XVIII в.), японец, преподаватель японского языка — 513
- Денисов Андрей (1664—1730 гг.), руководитель старообрядческой Выговской общины — 103
- Державин Гаврила Романович (1743—1816 гг.) — 297
- Дерябин Андрей Федорович (1770—1820 гг.), обер-берг-гауптман гороблагодатских и пермских заводов — 579, 580, 595
- Дестунис Спиридон Юрьевич (1782—1848 гг.), историк, византиновед — 494
- Джаваншир Ахмед-бек (XIX в.), азербайджанский историк — 642
- Джавахишвили Иван Александрович (1876—1940 гг.), историк, академик — 3, 36, 37, 139—141, 143, 263
- Джалалян Есаи Хасан (ум. в 1728 г.), предводитель освободительного движения в Нагорном Карабахе — 258
- Джалалян С. — 629
- Джанашиа Симон Николаевич (1900—1947 гг.), историк, академик — 643
- Джеваншир Гардманский (VII в.), правитель Гардман-Альбанского княжества — 148
- Джелал-ад-дин (XIII в.), хорезмшах, последний правитель Хорезма — 145
- Джуаншер (XI в.), грузинский историк — 140, 141, 144
- Джувеини Алаэддин Ата Мелик (1226—1283 гг.), придворный историк Хорезм-шахов — 157, 160
- Джуждзжани (XIII в.), таджикский историк — 157
- Диллен (Диллон), Эмилий Михай-

- лович (род. в 1854 г.), ориенталист — 28
- Димитрий Иванович Донской (1350—1389 гг.), великий князь московский — 69, 70, 84, 281
- Димитрий Константинович (1323—1383 гг.), великий князь суздальский — 73
- Димитрий Прилуцкий (ум. в 1392 г.), монах, основатель Спасо-Прилуцкого монастыря — 71
- Димитрий Юрьевич Шемяка (1420—1453 гг.), князь галицкий — 70
- Диолор Сицилийский (ок. 80—29 гг. до н. э.), историк Боспорского царства — 23
- Дион Кассий (155—235 гг.), римский историк — 21, 454
- Длугош Ян (1415—1480 гг.), краковский каноник, историк — 107, 123, 125, 615, 616
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861 гг.) — 12, 15, 323, 339, 348, 352, 353, 358, 386, 387, 392, 393, 398, 413, 424
- Доброхотов Василий Иванович (1816—1857 гг.), археолог, этнограф, ред. «Владимирских губ. ведомостей» — 572
- Довбуш Олекса Васильевич (1719—1745 гг.), один из предводителей крестьянского восстания в Прикарпатье — 252
- Довмонт (ум. в 1299 г.), псковский князь — 65
- Довмонты, литовские дворяне — 124
- Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867—1934 гг.), проф. Киевского ун-та, историк — 302
- Догель Матвей (1715—1760 гг.), историк Литвы и Польши — 252
- Долгов Петр (вторая пол. XVII в.), подьячий, переводчик Посольского приказа — 97
- Долгов Семен Осипович (род. в 1857 г.), хранитель древностей Московского Румянцевского музея, археолог — 505
- Долгорукие, князья — 283
- Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868 гг.), публицист, составитель «Русской родословной книги» — 567
- Доленга-Ходаковский см. Ходаковский (Доленга-Ходаковский) Зорьян Яковлевич, археолог и этнограф
- Дондуа В. Д. — 143
- Дониш Ахмад (Ахмад Калля) (1827—1897 гг.), таджикский ученый — 644, 645
- Дорошенко Петр Дорощевич (1627—1698 гг.), гетман Правобережной Украины — 247
- Драсханакертци Иоаннес см. Иоаннес Драсханакертци Багратуни, каталикос, армянский историк
- Друцкие, литовские князья — 124
- Дубенский Дмитрий Никитич (ум. в 1863 г.), историк русского права — 574, 615
- Дубовиков А. Н. — 372
- Дубровин Н. П. — 572
- Дусбург (Дюсбург) Петр, ливонский хронист — 617
- Дюбо Жан Батист (1670—1742 гг.), аббат, французский историк — 481
- Дюбрюкс Павел (1774—1835 гг.), археолог — 528, 529
- Дюгальд Жан Баптист (1674—1743 гг.), иезуит, французский востоковед — 515
- Дюрер Альбрехт (1471—1528 гг.), немецкий художник — 422
- Евгений (Евфимий Болховитинов) (1767—1837 гг.), киевский митрополит, историк — 551, 566, 639
- Евлашевский Федор (конец XVI — начало XVII в.), белорусский шляхтич, писатель — 119, 120
- Евсевий Кесарийский (ок. 264—340 гг.), римский историк церкви — 25, 30
- Евфимий Афонский (ок. 955—1028 гг.), монах, основатель грузинского монастыря на Афоне — 139
- Егише (вторая пол. V в.), вардапет, армянский историк — 27—28
- Езник Кохбацци (первая пол. V в.), армянский философ и теолог — 27
- Екатерина II Алексеевна (1729—1796 гг.), императрица — 205, 208, 224, 238, 241, 283, 403, 405, 406, 494, 582—584, 594
- Елагин Иван Перфильевич (1725—1794 гг.), сенатор, историк — 214
- Елизавета Петровна (1709—1761 гг.), императрица — 180
- Епифаний Премудрый (ум. в 1420 г.), церковный писатель — 71

- Ереваняны — Оронтиды, династия армянских царей — 30
- Еремин И. П. — 100
- Еремия Челеби Кемурияч (ок. 1635—1695 гг.), армянский писатель и историк — 137, 138
- Ермак Тимофеевич (ум. в 1584 г.), казачий атаман — 240, 242, 243
- Еропкин И. М. (первая пол. XVIII в.), сподвижник А. Волынского — 297
- Ертов И. Д. — 494
- Ершов Петр Павлович (1815—1869 гг.), писатель, автор сказки «Конек-Горбунок» — 545
- Есаи Хасен Джалалян см. Джалалян Есаи Хасан, предводитель освободительного движения в Нагорном Карабахе
- Ефимов А. В. — 513
- Ефрем Мцире (ум. ок. 1103 г.), грузинский историк — 139
- Ефремов Филипп Сергеевич (1750 — после 1811 г.), унтер-офицер, путешественник — 268, 507
- Ешевский Степан Васильевич (1829—1865 гг.), проф. всеобщей истории Казанского и Московского ун-тов — 450, 452—454, 460—474
- Железняк Максим (вторая пол. XVIII в.), один из руководителей крестьянской войны на Правобережной Украине — 251, 609
- Желябужский Иван Афанасьевич (1638—1709 гг.), дипломат, автор «Записок» — 561
- Жермен А. — 463
- Жигимонт (Сигизмунд) Старый (1467—1548 гг.), литовский великий князь — 123
- Жихарев М. И. — 319
- Жозеф (Иосиф) Бонапарт (1768—1844 гг.), неаполитанский король, брат Наполеона I — 459
- Жуковский Валентин Александрович (род. в 1858 г.), проф. Петербургского ун-та, ориенталист — 167
- Журавский Дмитрий Петрович (1810—1856 гг.), статистик — 595
- Забелин Иван Егорович (1820—1908 гг.), историк и археолог, член-корр. Академии наук — 533, 584
- Заблоцкий-Десятовский Михаил Парфеньевич (ум. в 1858 г.), статистик и метеоролог — 592
- Завадовский Петр Васильевич (1739—1812 гг.), граф, министр народного просвещения — 573
- Завитневич Владимир Зенонович (род. в 1853 г.), церковный историк — 116
- Загоскин Лаврентий Алексеевич (1807—1890 гг.), русский исследователь Аляски — 542
- Закария Канакерци (Саркаваг) (1627—1700 гг.), армянский историк — 137
- Зарубин Николай Николаевич (род. в 1893 г.), историк русской литературы — 67
- Засиме Иоанэ см. Иоанэ (Иоанн) Засиме, грузинский церковный писатель
- Затрапезный Максим (первая пол. XVIII в.), владелец мануфактуры — 582
- Захария (Копыстенский) (ум. в 1627 г.), архимандрит Киево-Печерского монастыря, писатель и переводчик — 116
- Захау Эдуард (род. в 1845 г.), немецкий ориенталист, член-корр. Академии наук — 42, 155
- Захир-ад-дин Нишапури (XII в.), воспитатель сельджукского султана Арслана, историк — 167
- Захиреддин Мухаммед Бабур см. Бабур Захиреддин Мухаммед, основатель династии Великих Моголов в Индии, писатель-мемуарист
- Заходер Б. Н. — 156
- Зеленин Дмитрий Константинович (род. в 1879 г.), этнограф и фольклорист — 546
- Зелили Гурбандуры (ок. 1790—1844 гг.), туркменский поэт — 647, 648
- Зизаний Лаврентий см. Лаврентий Зизаний, учитель церковной школы, писатель
- Зизаний Стефан см. Стефан Зизаний, учитель церковной школы, писатель
- Зимин А. А. — 4
- Зонара Иоанн (конец XI — середина XII в.), византийский хронист — 194
- Зонтаг К. (первая пол. XIX в.), пастор, латышский историк — 619, 620

- Зорька Самуил (вторая пол. XVII в.), по предположению секретарь Богдана Хмельницкого, автор «Дневника» — 248
- Зосима (первая пол. XV в.), инок, автор «Хожения инока Зосимы...» — 502
- Зубалишвили (первая пол. XIX в.), грузинский общественный деятель — 631
- Зубов Платон (первая пол. XIX в.), писатель — 629
- Зубов Платон Александрович (1767—1822 гг.), князь — 215
- Зубрицкий Денис (1777—1862 гг.), львовский историк — 605
- Зуев Василий Федорович (1754—1794 гг.), путешественник, историк и этнограф, академик — 539
- Ибн-ул-Асир Иззатдин Абу-ль Хасан Али ибн Мухаммед (1160—1234 гг.), арабский историк — 157
- Ибрагимов З. И. — 147, 640
- Ибрахим (Ибрагим) I (1382—1417 гг.), ширваншах Ширвана — 151
- Иван III Васильевич (1440—1505 гг.), московский великий князь — 76, 80, 84, 182, 185, 187, 281, 285, 334, 346, 375, 378, 593
- Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584 гг.), царь — 69, 75, 77, 79—85, 90, 91, 98, 120, 130, 173, 181, 209, 215, 221, 222, 225, 226, 237—239, 242, 281, 284, 286, 337, 346, 350, 352, 356, 360, 365, 378, 379, 399, 405, 553
- Иван Данилович Калита (ум. в 1340 г.), великий князь — 281, 604
- Иван Иванович (ум. в 1581 г.), царевич, сын Ивана Грозного — 91
- Иван Федоров см. Федоров Иван, первопечатник
- Иванов Петр Иванович (1794—1864 гг.), историк-архивист — 565, 577, 583, 584, 591
- Иванов Федор (вторая пол. XVII в.), дьяк Благовещенского собора в Москве, расколоучитель — 103
- Ивашинцов Николай Алексеевич (1819—1871 гг.), путешественник и гидрограф, член-корр. Академии наук — 572
- Игнатий Смольянин (ум. в 1405 г.), дьякон, путешественник — 502
- Игнатьев Николай Павлович (1832—1908 гг.), граф, начальник дипломатической миссии в Хиву и Бухару — 645
- Игорь Святославович (1151—1202 гг.), князь новгород-северский — 20, 50, 61, 66, 67, 71, 285
- Игумнов Александр Васильевич (1761—1834 гг.), монголовед — 514, 519
- Изяслав Владимирович (ок. 981—1001 гг.), князь полоцкий — 51
- Изяслав Ярославович (1024—1078 гг.), киевский великий князь — 53, 58, 221
- Иконников Владимир Степанович (1841—1923 гг.), проф. Киевского ун-та, историк, академик — 50, 100, 170, 178, 190, 337, 511, 551, 575—577
- Илларион (XI в.), киевский митрополит — 57, 493
- Иллерицкий В. Е. — 367
- Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920 гг.), историк — 572
- Ингорква П. — 140
- Иннокентий (Гизель) (ум. в 1683 г.), архимандрит Киевско-Печерской лавры — 99, 112, 119
- Инчичян Г. (1768—1843 гг.), армянский историк — 626, 627
- Иоакимф (Никита Яковлевич Бичурин) (1777—1853 гг.), монах, востоковед, член-корр. Академии наук — 42, 519—522, 650
- Иоани, монах, основатель грузинского монастыря на Афоне — 139
- Иоани (XV в.), новгородский священник, летописец — 181, 221
- Иоани Безземельный (1167—1216 гг.), английский король — 429
- Иоани (Иван) Вышенский см. Вышенский Иван, монах, украинский писатель
- Иоани Глазатый (XVII в.), священник, предполагаемый автор «Истории о Казанском царстве» — 80
- Иоани Малала (вторая пол. VI в.), византийский хронист — 59, 493
- Иоани Экзарх (X в.), болгарский писатель — 496
- Иоаннес Драсханакертци (Иоани Драсханакертский) Баградуни (ум. в 931 г.), каталикос, армянский историк — 34
- Иоаннес Саркаваг (ум. в 1129 г.), армянский ученый, историк и поэт — 133, 134

- Иоанэ (Иоанн) Засиме (X в.), грузинский церковный писатель — 39
- Иоанэ Сабанисдзе (VIII в.), грузинский писатель — 36, 37
- Иордан (Иорнанд) (VI в.), готский историк — 194, 201
- Иоселиани Платон Игнатьевич (1810—1875 гг.), грузинский историк — 635, 637, 638
- Иосиф Тбилели (вторая пол. XVII в.), грузинский поэт — 146
- Иосиф Флавий (37—95 гг. до н. э.), еврейский историк — 30, 59, 92, 136
- Ираклий (ок. 575—641 гг.), византийский император — 32
- Ираклий II (1720—1798 гг.), грузинский царь — 265, 636
- Исидор (ум. в 1462 г.), митрополит, участник Флорентийского собора — 73, 74
- Исидор Хараксий (начало I в.), римлянин, автор «Дорожника» — 23
- Искандер Мюнши *см.* Мюнши Искандер, сефевидский историк
- Исмаил I Сефевид (1486—1524 гг.), персидский шах — 151, 159
- Исмаилов М. А. — 640
- Исократ (436—338 гг. до н. э.), афинянин, писатель-публицист — 483
- Истома Григорий (конец XV в.), русский посланник в Дании — 587
- Исфизари, туркменский историк и географ — 161, 167
- Иуллания Лазаревская (ум. в 1604 г.), монахиня — 102
- Иустиниан Великий *см.* Юстиниан (Иустиниан), византийский император
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885 гг.), проф. Московского и Петербургского ун-тов, историк, правовед — 313, 338, 345—347, 349, 351, 355, 364, 382, 413, 433, 545, 547, 548, 591
- Каджары, династия персидских шахов — 266
- Казем-бек Александр Александрович, управляющий канцелярией Министерства юстиции — 644
- Казем-бек Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) (1802—1870 гг.), проф. Казанского и Петербургского ун-тов, востоковед — 510
- Казимир IV Ягеллончик (1427—1492 гг.), король польский, великий князь литовский — 615
- Кайсаров Андрей Сергеевич (1782—1813 гг.), проф. Дерптского ун-та, путешественник, славист — 496
- Калайдович Константин Федорович (1792—1832 гг.), историк и археограф, член-корр. Академии наук — 333, 496, 531, 551—554, 566
- Калачов Николай Васильевич (1819—1885 гг.), историк, археограф и юрист, академик — 546, 555, 560
- Калиновский Григорий (конец XVIII в.), прапорщик, этнограф — 541
- Калля Ахмад *см.* Дониш Ахмад (Ахмад Калля), таджикский ученый
- Кантемир Дмитрий Константинович (1674—1723 гг.), молдавский господарь, энциклопедист — 506
- Капнист Василий Васильевич (1757—1823 гг.), поэт и драматург — 296, 599
- Каразин Василий Назарович (1773—1842 гг.), экономист, историк и естественник, основатель Харьковского ун-та — 599, 601
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826 гг.), историк, академик — 98, 179, 186, 275—287, 290—292, 296, 298, 302, 304, 317, 322, 331—335, 337, 348, 350, 351, 356, 357, 375, 381, 397, 556, 563, 569, 604, 615—617
- Караханиды (ок. 932—1165 гг.) династия тюркских правителей в Мавераннахре — 153—155, 160
- Кареев Николай Иванович (1850—1931 гг.), проф. Петербургского ун-та, историк — 15, 424
- Карл Великий (ок. 742—814 гг.), франкский король, позднее римский император — 431, 434, 453, 456, 457, 472, 473
- Карл I Стюарт (1600—1649 гг.), английский король — 97, 235
- Карл V (1500—1558 гг.), император священной римской империи, также испанский король — 459, 460
- Карл XII (1682—1718 гг.), шведский король — 177
- Каролинги, (751—987 гг.), франкская королевская династия — 458, 473

- Карпини Плато (род. в 1182 г.), францисканец, путешественник — 285
- Карский Евфимий Федорович (1861—1931 гг.), языковед и филолог, академик — 116, 120, 121
- Кастерн Матвей Александрович (1813—1852 гг.), путешественник, лингвист — 546
- Катилина Луций Сергей (108—62 гг. до н. э.), римский политический деятель — 302, 303
- Катон Марк Порций Утический (95—46 гг. до н. э.), римский политический деятель — 444
- Катран Тебризи (род. в 1010 г.), азербайджанский поэт — 148
- Катырев Ростовский Иван Михайлович (ум. в 1640 г.), князь, воєвода, писатель — 92
- Каупо, старшина ливов — 624
- Каховский Петр Григорьевич (1797—1826 гг.), декабрист — 293, 295
- Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 286, 321, 335—338, 348, 350, 353, 355, 416, 496, 563, 628
- Кашеваров Александр Филиппович (1809—1866 гг.), исследователь Аляски — 542
- Квинт Курций Руф (I в.), римский историк — 175
- Квитка Григорий Федорович (лит. псевдоним Грицько Основьяненко) (1778—1843 гг.), украинский писатель — 608
- Кейстут (Кейстутис) (1297—1382 гг.), литовский великий князь — 122
- Кекелидзе К. С. — 39, 40, 143
- Кеминэ (Маммед-Вали) (1770—1840 гг.), туркменский поэт и писатель — 647, 649
- Кемурчян Челеби Еремия *см.* Еремия Челеби Кемурчян, армянский писатель и историк
- Керим Ага (первая пол. XIX в.), азербайджанский историк — 642, 643
- Кильбургер Иоганн Филипп (ум. в 1721 г.), член шведского посольства в Россию — 585, 588
- Киприан (ум. в 1406 г.), митрополит — 81, 83, 103
- Кир (558—529 гг. до н. э.), персидский царь — 19, 22
- Киракос Гандзакци (1200—1271 гг.), армянский историк — 134
- Киреева Р. А. — 4
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856 гг.), публицист-славянофил — 329, 604
- Кирик (род. в 1108 г.), дьякон новгородского Антониева монастыря, писатель — 285
- Кирилл (Константин) (827—869 гг.), монах, просветитель и проповедник, один из создателей славянской азбуки — 49, 175, 500
- Кирилл Туровский (ум. ок. 1182 г.), епископ, писатель и проповедник — 67, 553, 577
- Кирилов Иван Кириллович (1689—1737 гг.), обер-секретарь Сената, экономист и географ — 271
- Кириша Данилов *см.* Данилов Кириша, собиратель устного народного творчества
- Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869 гг.), министр путей сообщения — 404
- Клисфен Алкмеонид (VI в. до н. э.), афинский законодатель — 482, 484
- Ключевский Василий Осипович (1841—1911 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 216, 217, 224, 353, 355, 357, 424
- Кмита Чернобыльский Филон (конец XVI в.), оршанский староста, писатель — 120
- Кмиты, литовские дворяне — 120
- Княжнин Яков Борисович (1742—1791 гг.), писатель и драматург — 290, 297
- Ковалев С. И. — 418
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916 гг.), проф. Московского и Петербургского ун-тов, юрист, историк права, академик — 15, 519
- Ковалевский Осип Михайлович (1800—1878 гг.), проф. Казанского ун-та, монголист — 519
- Козьмин Н. К. — 417
- Колумб Христофор (1451—1506 гг.), мореплаватель — 243
- Конетабль Сембат, армянский историк — 135
- Конисский Георгий *см.* Георгий (Григорий Конисский), белорусский ерхнепископ, ректор Киевской духовной академии, писатель.

- Константин см Кирилл (Константин), монах, просветитель и поповедник
- Константин Великий (274—337 гг.), римский император — 86
- Константин Кахи (IX в.), грузинский князь — 36, 38
- Константин VII Багрянородный (905—959 гг.), византийский император — 186
- Константин XI Палеолог (ок. 1403—1453 гг.), византийский император — 84
- Конт Огюст (1798—1857 гг.), французский философ, основатель позитивизма — 445
- Копыстенский Захария см. Захария (Копыстенский), архимандрит Киево-Печерского монастыря, писатель и переводчик
- Коренков Н.— 23
- Корнелий Непот см. Непот Корнелий, римский историк
- Корнилович Александр Осипович (1795—1833 гг.), декабрист — 294, 296, 299, 300, 310, 581, 600
- Коробейников Трифон (ум. после 1594 г.), московский купец, путешественник — 504
- Коробьин Василий Гаврилович (ум. в 1635 г.), посланник в Крым — 524
- Коробьин Григорий (вторая пол. XVIII в.), депутат Екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения — 207
- Коррель (Карель) Арман (1800—1836 гг.), французский историк — 389
- Корсак Александр Казимирович (1832—1874 гг.), экономист и историк — 585, 586, 596
- Корсаков Дмитрий Александрович (1843—1920 гг.), проф. Казанского ун-та, историк, академик — 347
- Корф Модест Андреевич (1800—1876 гг.), барон, директор Публичной библиотеки, реакционный историк — 323, 324, 410
- Корюн (V в.), армянский историк — 25, 26
- Косой Федосий (середина XVI в.), холоп, вольнодумец — 76
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885 гг.), проф. Киевского и Петербургского ун-тов, историк — 356, 421, 606, 607, 608
- Котляревский Александр Александрович (1837—1881 гг.), проф. Киевского ун-та, филолог, член-корр. Академии наук — 498
- Котляревский Иван Петрович (1769—1838 гг.), украинский писатель — 599, 601
- Котов Федор Афанасьевич (первая пол. XVII в.), московский купец, путешественник — 504, 505
- Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630—1667 гг.), подьячий Посольского приказа, писатель — 558, 588
- Кох Макс (род. в 1855 г.) немецкий историк литературы — 454
- Коцебу Отто Евстафьевич (1788—1846 гг.), мореплаватель и ученый — 541
- Кочубей Василий Леонтьевич (ум. в 1708 г.), генеральный писарь — 247
- Кочубинский Александр Александрович (1845—1907 гг.), проф. Новороссийского ун-та, славист — 498
- Коялович Альберт Виюк (Войцех) (1609—1674 гг.), иезуит, ректор Виленской духовной академии, писатель — 119, 127
- Коялович Михаил Осипович (Иосифович) (1828—1891 гг.), историк, археограф — 612, 613, 617
- Крамаренков Василий Иванович (вторая пол. XVIII в.), обер-секретарь Сената, писатель и переводчик — 218
- Кранц Альберт (ум. в 1517 г.), богослов, немецкий историк — 194
- Красинский (XV в.), литовский хронист — 114, 115
- Красовский М.— 651
- Красс Марк Лициний (115—53 гг. до н. э.), римский военачальник — 434
- Крашенинников Степан Петрович (1711—1755 гг.), исследователь Камчатки, академик — 193, 226, 539
- Крейцвальд Фридрих Рейнгольд (1803—1882 гг.), эстонский писатель, фольклорист — 624, 625
- Крекшин Петр Никифорович (1684—1763 гг.), новгородский дворянин, писатель — 561
- Креницын Петр Кузьмич (ум. в 1770 г.), мореплаватель, исследователь Алеутских островов — 571

- Крестинин Василий Васильевич (1729—1795 гг.), экономист и историк — 208, 219, 578
- Кривье (Кревые) Жан Батист (1693—1765 гг.), французский историк — 193
- Кромвель Оливер (1599—1658 гг.), деятель английской буржуазной революции XVII в. — 234
- Кромер Марцин (1512—1589 гг.), польский историк — 109, 194
- Крузе Элерт (XVI в.), ливонский дворянин, авантюрист — 130, 285, 286
- Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846 гг.), мореплаватель, почетный член Академии наук — 517, 541
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844 гг.) — 385, 426
- Крюков Дмитрий Львович (1809—1845 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 417—420
- Крюков Николай Александрович (1800—1854 гг.), декабрист — 295
- Ксенофонт (ок. 430—355 — 54 гг. до н. э.), греческий историк — 174
- Ктесий (конец V — начало IV в. до н. э.), грек, врач персидского царя Артаксеркса Мнемона, историк — 21, 22
- Кугельман Людвиг (1830—1902 гг.), ганноверский врач, корреспондент К. Маркса — 624
- Кудатну Балик Юсуф хас Хаджиба Баласогуни (X—XI вв.), среднеазиатский историк — 160
- Кудрявцев Петр Николаевич (1816—1858 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 424, 431, 450—460, 474
- Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868 гг.), писатель и драматург — 318
- Кулибин, горный инженер — 581
- Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897 гг.), украинский историк, этнограф — 603, 606, 607
- Кунцевич Георгий Захарьевич (род. в 1872 г.), историк литературы — 80
- Куракин Борис Иванович (1677—1727 гг.), князь, дипломат Петра I — 177
- Курбский Андрей Михайлович (1528—1583 гг.), князь, боярин, воевода — 69, 77, 84, 85, 188, 209, 281, 286, 337.
- Кури В. — 595
- Куторга Михаил Семенович (1809—1886 гг.), проф. Петербургского и Московского ун-тов, историк — 417, 420, 450, 474—492
- Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813 гг.), генерал-фельдмаршал — 301, 324, 325, 384, 385, 631
- Кучкунчи (1510—1530 гг.), хан Мавераннахра — 162
- Кюхельбеккер Вильгельм Карлович (1797—1846 гг.), декабрист — 290, 298, 496, 544, 622
- Лаверьн де Леонь Гильом (1809—1880 гг.), французский экономист и политический деятель — 293
- Лаврентий Зизаний (конец XVI — начало XVII в.), учитель церковной школы, писатель — 116
- Лавровский Николай Александрович (1825—1899 гг.), ректор Варшавского ун-та, языковед, академик — 563, 564
- Лазарев Михаил Петрович (1788—1851 гг.), флотоводец, адмирал, исследователь Антарктики — 541
- Лазарев Оваким (Иоаким) (ум. в 1801 г.), основатель Лазаревского института — 628
- Лазаревская Иулиания см. Иулиания Лазаревская, монахиня
- Лазаревский Александр Матвеевич (1834—1907 гг.), украинский историк — 603
- Лазарь Парпеци (вторая пол. V в.), армянский историк — 27—29
- Лакиер Александр Борисович (1825—1870 гг.), историк права — 568, 591
- Лаксман Адам (1766 г. — после 1796 г.), глава посольства в Японию — 517
- Ламанский Евгений Иванович (1825—1902 гг.), директор Коммерческого банка, экономист, член-корр. Академии наук — 592, 593
- Ламбин Борис Петрович (1827—1893 гг.), библиограф 566, 567
- Ламбин Петр Петрович (1812—1871 гг.), библиограф — 566, 567
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919 гг.), проф. Петербургского ун-та, историк, академик — 9

- Лаптев Иван (первая пол. XIX в.), вологодский купец, дипломатик — 565
- Ластивертци Аристакес см. Аристакес Ластивертци (Ластивертский), армянский историк
- Латышев Василий Васильевич (1855—1921 гг.), историк и археолог, академик — 21, 23
- Лебедев Д. М. — 512, 513
- Лев Грамматик см. Леон (Лев) Грамматик, византийский историк
- Левашев (первая пол. XVIII в.), бригадир — 259
- Левашев Михаил Дмитриевич (ум. в 1771 г.), капитан русского флота, участник экспедиции на Алеутские острова — 571
- Левашов Павел Артемьевич (вторая пол. XVIII в.), советник русского посольства в Константинополе — 507
- Левек Пьер-Шарль (1737—1812 гг.), французский историк — 211, 296
- Левницкий Орест Иванович (род. в 1849 г.), украинский историк — 559
- Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879 гг.), этнограф и историк — 650
- Леклерк Николай Гавриил (1726—1798 гг.), французский историк — 211—214
- Лелевель Иоахим (1786—1861 гг.), польский историк, проф. всеобщей истории Виленского ун-та — 614
- Лемке Михаил Константинович (1872—1923 гг.), историк русской журналистики, цензуры и революционного движения — 887
- Леон (Лев) Грамматик (начало XVI в.), византийский историк — 194
- Леонтий (Бобылинский) (конец XVII в.), иеромонах, украинский летописец — 112
- Леонтий Карпович (ум. в 1620 г.), архимандрит виленского Духова монастыря, белорусский просветитель — 116
- Леонтий Мровели (XI в.), грузинский историк — 140, 141, 144
- Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716—1786 гг.), переводчик, востоковед — 515, 516
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1875 гг.), проф. Московского ун-та, филолог и публицист — 480
- Лепехин Иван Иванович (1740—1802 гг.), натуралист-путешественник, академик — 539
- Лепсиус Рихард (1810—1884 гг.), немецкий ученый, египтолог — 454
- Лерберг Аарон Христиан (1770—1813 гг.), историк — 568, 569
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841 гг.) — 316, 386, 414, 508, 612
- Лерх Петр Иванович (1828—1884 гг.), ориенталист и археолог — 645
- Лизгоуб Яков (первая пол. XVIII в.), генеральный обозный, украинский летописец — 248
- Ликург (390—324 гг. до н. э.), легендарный законодатель древней Спарты — 182
- Линденау Яков (род. в 1706 г.), участник первой научной сибирской экспедиции — 538
- Липовцов (Липовцев) Степан Васильевич (ум. в 1841 г.), синолог, член-корр. Академии наук — 518
- Лисянский Юрий Федорович (1773—1837 гг.), мореплавателец — 517, 541, 571
- Литвин Михалон (XVI в.), шляхтич, литовский писатель — 123, 125, 126
- Литке Федор Петрович (1797—1882 гг.), мореплавателец и географ, академик — 541, 571
- Лихачев Д. С. — 50, 57, 58, 65
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765 гг.) — 15, 90, 170, 171, 175, 193—204, 210, 214, 225, 227, 240, 243, 244, 271, 316, 383, 385, 386, 404, 443, 507, 540, 568
- Лопухин Иван Владимирович (1756—1816 гг.), сенатор — 404
- Лоренц Фридрих Карлович (1803—1861 гг.), историк — 509
- Лосицкий Михаил см. Михаил Лосицкий, монах Густынского монастыря, летописец
- Лукомский Степан Васильевич (вторая пол. XVIII в.), полковой обозный, украинский летописец — 249
- Лунин Михаил Михайлович (1809—1844 гг.), проф. Харьковского ун-та, историк — 417, 420—423
- Лунин Михаил Сергеевич (1787—

- 1845 г.), декабрист — 276, 289, 292, 294—299, 303, 409
- Лучицкий Иван Васильевич (1845—1918 г.), проф. Киевского ун-та, историк — 15
- Лызлов Андрей Иванович (вторая пол. XVII в.), писатель — 97, 172, 227, 505
- Лыкошин Н. — 46
- Людовик IX (1215—1270 г.), французский король — 441
- Людовик XI (1423—1483 г.), французский король — 361, 378
- Людовик XVI (1754—1793 г.), французский король — 360
- Людовик Филипп (1830—1848 г.), французский король — 360
- Лютер Мартин (1483—1546 г.), видный деятель Реформации — 370, 459
- Люценко Александр Ефимович (1806—1884 г.), археолог — 530
- Маак Ричард Карлович (1825—1886 г.), исследователь Сибири — 547
- Мабли Габриэль Бонно де (1709—1785 г.), французский философ и историк — 231, 232, 481
- Магомед, основатель магометанства см. Мухаммед (Магомед), основатель магометанства
- Мадждуддин Мухаммед Бен Аднан (XI в.), таджикский историк — 153
- Мазепа Иван Степанович (1644—1709 г.), украинский гетман, изменник — 216, 247, 248, 607
- Майдель Т., прибалтийско-немецкий историк — 130
- Майков Аполлон Александрович (1826—1902 г.), проф. Московского ун-та, славист, академик — 498
- Макарий (Булгаков) (1482—1563 г.), московский митрополит, историк русской церкви — 81, 225
- Маккиавели Николо де Бернардо (1469—1527 г.), итальянский политический деятель и мыслитель — 248, 455
- Макогоненко Г. П. — 224
- Максимов Сергей Васильевич (1831—1901 г.), этнограф и писатель — 546
- Максимович Михаил Александрович (1804—1873 г.), этнограф, фольклорист и историк, член-корр. Академии наук — 603, 605
- Малхасянц С. — 32
- Малышев В. И. — 83
- Мальгин Глеб Тимофеевич (первая пол. XIX в.), переводчик книги И. Х. Гаттерера — 568
- Мамиконян Вардан (ум. в 451 г.), князь, армянский полководец, руководитель восстания армян против сасанидской Персии — 28, 134
- Мамиконяны, армянский княжеский род — 29
- Мамстрюк Темрюкович (вторая пол. XVI в.), князь черкасский, шурина Ивана Грозного, брат царицы Марии Темрюковны — 85
- Мангытская (Мангыты), династия ханов Мавераннахра — 267, 268, 643, 645
- Манкиев Алексей Ильич (ум. в 1723 г.), секретарь русского посольства в Швеции, историк — 112, 171—175
- Мар Абас Катин, секретарь армянского царя Вагаршака I, армянский историк — 24, 30
- Маржерет (конец XVI — начало XVII в.), французский писатель, авантюрист — 285, 561
- Мария Темрюковна (ум. в 1569 г.), царица, жена Ивана Грозного — 85
- Маркевич Николай Андреевич (1804—1860 г.), украинский историк-этнограф — 380, 603—605, 608, 680
- Марко Поло (1254—1324 г.), венецианский путешественник — 148
- Маркович Александр Михайлович (1790—1865 г.), украинский историк — 603
- Маркович Яков Михайлович (1776—1804 г.), мемуарист — 541
- Масперо Гастон (1846—1916 г.), французский историк, египтолог — 21
- Масуд Газневи (1030—1041 г.), газневидский султан — 166
- Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728 г.), граф, дипломат — 561
- Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682 г.), боярин, дипломат — 227
- Матвей Башкин см. Башкин Матвей, сын боярский, вольнодумец

- Матеос Урхесцы см. Урхесцы Матеос, армянский пролист
- Махмуд Газневид (969—1030 гг.), султан Харасана — 155
- Махмуд Кашгарский (XI в.), туркменский ученый-филолог — 167
- Махтум-Кули Фраги (ок. 1733—1782 гг.), туркменский поэт и мыслитель — 647
- Маштоц Месроп (361—440 гг.), создатель армянской азбуки — 25, 27—30, 134
- Маяковский Илья Лукич (1878—1954 гг.), проф. Историко-архивного ин-та — 551, 555, 577
- Мегвинетуцхесишвили Д. (XIX в.), собиратель грузинских источников — 639
- Медведев Сильвестр см. Сильвестр Медведев, церковный писатель
- Медици Александр (ум. в 1537 г.), флорентийский героог — 458
- Медици Катерина (1519—1589 гг.), французская королева, жена французского короля Генриха II — 458
- Медовиков Петр Ефимович (1816—1855 гг.), проф. Дерптского ун-та, историк — 443, 494
- Межов Владимир Измаилович (1831—1894 гг.), библиограф-историк — 568
- Мезер Юстус (1720—1794 гг.), немецкий публицист, историк — 481
- Мейендорф Александр Казимирович (1798—1865 гг.), барон, путешественник — 646
- Мейер Лев Лаврентьевич, военный писатель — 651
- Мелетий Смотрицкий (1578—1633 гг.), епископ полоцкий, составитель грамматики — 108, 116, 613
- Мелик-шах (1055—1092 гг.), сельджукский султан — 156
- Мельгунов Алексей Петрович (1729—1788 гг.), генерал, археолог — 526
- Мельников-Печерский Павел Иванович (1819—1883 гг.), писатель — 546
- Менуа (VIII в. до н. э.), урартийский царь — 21
- Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830 гг.), проф. Московского ун-та, поэт и критик — 628
- Меркель Гарлиб (1769—1850 гг.), латвийский просветитель, историк — 254—257, 618, 619, 622, 623
- Меровинги (с V в. по 751 г.), династия франкских королей — 497
- Мерчули Георгий см. Георгий Мерчули, грузинский писатель
- Месроп Маштоц см. Маштоц Месроп, создатель армянской азбуки
- Месхия Ш. — 265, 637
- Мефодий (ум. в 885 г.), славянский просветитель, один из создателей славянской азбуки — 175, 500
- Мецопеци Товма см. Товма Мецопеци, армянский историк
- Мешалин Иван Васильевич (1901—1941 гг.), историк — 206
- Мещерский Н. А. — 64
- Миддендорф Александр Федорович (1815—1894 гг.), естествоиспытатель и путешественник, академик — 546, 547
- Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846—1888 гг.), путешественник, антрополог, этнограф и натуралист — 3
- Миллер Всеволод Федорович (1848—1913 гг.), лингвист и фольклорист, академик — 59
- Миллер Герард Фридрих (1705—1783 гг.), историк и археограф, академик — 171, 172, 177, 190, 192, 193, 195, 196, 199, 200, 222, 227, 236, 242, 512, 514, 538
- Миллер Орест Федорович (1833—1889 гг.), фольклорист — 548
- Мильтиад Старший (VI—V вв. до н. э.), афинский полководец и государственный деятель — 482, 485
- Милоков Павел Николаевич (1859—1943 гг.), проф. Московского ун-та, историк, лидер кадетов — 9, 285, 357, 424, 433, 436, 439, 440
- Минаев Иван Павлович (1840—1890 гг.), проф. Петербургского ун-та, языковед — 42
- Минин Кузьма Захарович (ум. в 1616 г.), один из организаторов освобождения русского народа от польских интервентов — 91, 399
- Миних Бурхард Христофор (1683—1767 гг.), граф, генерал-фельдмаршал при Анне Иоанновне — 404, 561
- Миних Иоанн Эрнест (1707—1788 гг.), президент Коммерц-коллегии, сын фельдмаршала Б. Х. Миниха, автор «Записок» — 561

- Минцлов Сергей Рудольфович (1870—1933 гг.), библиограф-историк — 561
- Минье Франсуа Огюст (1796—1884 гг.), французский историк — 459, 476
- Мир Мехти Хазани см. Хазани Мир Мехти, азербайджанский историк
- Мир Мухаммед Амин Бухари (XVIII в.), таджикский историк — 267, 644
- Мирза Адигезал-бек (ум. в 1848 г.), азербайджанский историк — 641
- Мирза Джамал (конец XVIII — первая пол. XIX в.), азербайджанский историк — 641, 642
- Мирза Хайдар (XVI в.), двоюродный брат индийского хана Бабура, писатель — 159
- Мирза Шафи (1805—1852 гг.), азербайджанский поэт — 631
- Мирза Юсуф Карабаги (первая пол. XIX в.), азербайджанский историк — 643
- Мирхонд см. Мухаммед-бен Ховендшах (Мирхонд), таджикский историк
- Михаил Лосицкий (XVII в.), монах Густынского монастыря, летописец — 109
- Михаил Федорович Романов (1596—1645 гг.), царь — 90, 91, 94, 98, 187, 226, 558
- Михаил Ярославович (1271—1318 гг.), великий князь тверской — 69
- Михайловский Иван Николаевич (род. в 1848 г.), преподаватель нежинской гимназии, историк — 97, 511
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1789—1848 гг.), генерал-майор, военный писатель, академик — 313, 325
- Михалон Литвин см. Литвин Михалон, шляхтич, литовский писатель
- Мицкевич Адам (1798—1855 гг.), польский поэт — 501
- Мишле Жюль (1798—1874 гг.), французский историк — 442
- Мишулин Александр Владимирович (1901—1948 гг.), проф. Московского ун-та, историк — 19
- Мищенко Федор Герасимович (1848—1906 гг.), проф. Киевского и Казанского ун-тов, историк, член-корр. Академии наук — 21
- Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) (V в.), армянский писатель и историк — 19, 24, 27, 29—32, 35, 39, 137
- Моисеева Г. Н. — 80
- Молла — Непес (первая пол. XIX в.), туркменский поэт — 647
- Моммзен Теодор (1817—1903 гг.), немецкий историк — 466
- Монтескье Шарль Луи (1689—1755 гг.), французский писатель — 302, 405
- Морелли (XVIII в.), французский утопический коммунист — 231, 232
- Морозов А. А. — 194
- Мровели Леонтий (XI в.), грузинский историк — 140
- Мстислав Владимирович (1075—1132 гг.), киевский великий князь — 185, 187, 551, 566
- Мстислав Давидович (ум. в 1187 г.), князь — 237
- Мстиславский Федор Иванович (ум. в 1622 г.), князь, боярин, воевода — 523
- Мтбевари Стефан см. Стефан Мтбевари, грузинский писатель
- Муким хан см. Саид Мухаммед Муким хан, балхский правитель
- Мулла Ибадулла (XIX в.), таджикский историк — 643
- Мулла Мухаммед Шериф (первая пол. XIX в.), таджикский историк — 643, 644
- Мулло Нияз Мухаммед (XIX в.), узбекский историк — 645
- Мулло Юнус Шигаул Додхо (XIX в.), узбекский историк — 645
- Муравин (XVIII в.), писатель, путешественник — 272
- Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874 гг.), историк — 509
- Муравьев Михаил Никитич (1757—1807 гг.), товарищ министра народного просвещения, попечитель Московского ун-та — 573
- Муравьев Никита Михайлович (1796—1843 гг.), декабрист — 276, 286, 289, 291—293, 296—298, 300, 302, 409
- Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866 гг.), генерал от инфантерии, военный писатель — 646, 649
- Муравьев-Апостол Иван Матвеевич

- (1768—1851 гг.), сенатор, дипломат и писатель, почетный член Академии наук — 302, 303
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886 гг.), декабрист — 544
- Муральт Эдуард (1808—1895 гг.), сотрудник Публичной библиотеки, византиновед — 495
- Муратори Луи Антон (1672—1750 гг.), библиотекарь миланской библиотеки, историк — 194
- Мурзакевич Никифор Никифорович (1806—1883 гг.), проф. Одесского ун-та, историк и археолог — 572
- Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817 гг.), граф, президент Академии художеств, историк и археолог — 285, 526, 568
- Мухаммед (Магомет) (571—632 гг.), основатель магометанства — 173, 502, 507, 644
- Мухаммед I (1374—1431 гг.), турецкий султан — 84
- Мухаммед II Великий (1430—1481 гг.), турецкий султан — 494
- Мухаммед-Али (Баб) см. Али-Мухаммед (Баб), идеолог религиозного движения в Персии
- Мухаммед-Али бинни Дарвиш Али-Бухори (XVI в.), переводчик — 162
- Мухаммед Амине (1846—1855 гг.), хивинский султан — 645
- Мухаммед Ауфли (XI в.), туркменский писатель — 166
- Мухаммед бен Али ал-Катиби-ас Самарканди (XI в.), таджикский писатель — 154
- Мухамед-бен Зуфар (XII в.), таджикский писатель — 45, 46
- Мухаммед Вефа-ан Керминегия (XVIII в.), таджикский историк — 267, 268
- Мухаммед ибн ал-Мунаввар, потомок шейха Абу Саида — 167
- Мухаммед ибн-Хиндушах Нахчевани (XIV в.), азербайджанский историк — 150
- Мухаммед-бен Ховенд-шах (Мирхонд), таджикский историк — 158, 161
- Мухаммед Касым (XIX в.), узбекский поэт — 645
- Мухаммед Наки (первая пол. XIX в.), отец историка Мухаммед-Шарифа — 643
- Мухаммед Рафи ибн Абдурахим Ширвани (XVI—XVII вв.), азербайджанский историк — 152
- Мухаммед Рахим (ум. в 1758 г.), бухарский эмир — 267, 268
- Мухаммед Рахим (первая пол. XIX в.), хивинский хан — 648
- Мухаммед Салих (1455—1506 гг.), узбекский поэт — 164
- Мухаммед Худа-бенде (XVI в.), персидский шах — 151
- Мухаммед Шариф (первая пол. XIX в.), таджикский историк — 643
- Мухаммед Шейбани см. Шейбани Мухаммед, узбекский хан
- Мухаммед Юсуф Мюнши (XVIII в.), узбекский историк — 268, 269, 644
- Мхитар Гош (1133—1213 гг.), армянский мыслитель и правовед — 133, 134
- Мхитар Себастици см. Себастици Мхитар, основатель армяно-католической конгрегации, ученый
- Мюнцер Томас (1490—1525 гг.), вождь крестьянской войны в Германии XVI в. — 440, 449
- Мюнши Искандер (вторая пол. XVI — начало XVII в.), сефевидский историк — 147, 151, 152, 165, 168
- Мясников М. П. — 572
- Набадзе Г. (Натадзе Г.) — 639, 640
- Навои Низамаддин Алишер (1441—1501 гг.), узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель — 162
- Надеждин Николай Иванович (1804—1856 гг.), проф. Московского ун-та, литературный критик и этнограф — 416, 417, 545—548, 569, 570
- Надир-шах (1688—1747 гг.), персидский шах — 259, 267, 643
- Назаров Филипп (первая пол. XIX в.), переводчик отдельного сибирского корпуса, писатель — 646, 649
- Налбандян Микоэл Лазаревич (1829—1866 гг.), армянский революционный демократ, философ — 630, 632
- Наливайко Северин (ум. в 1597 г.), гетман, предводитель крестьянского восстания на Украине — 600, 609

- Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821 гг.), французский император — 256, 301, 313, 324, 325, 384, 407, 408, 459, 532
- Нарбут Теодор (1784—1846 гг.), литовский историк — 616, 617
- Нарулла, бухарский эмир — 644
- Нарушевич Адам (1733—1796 гг.), епископ, польский историк — 252
- Наршахи см. Абу-Бекр-Мухаммед ибн Джа'фар ан Наршахи, бухарский историк
- Небольсин Григорий Павлович (1811—1896 гг.), товарищ министра финансов, экономист — 585, 586
- Неволин Константин Алексеевич (1806—1855 гг.), проф. Киевского и Петербургского ун-тов, историк права — 569, 570, 572, 592
- Невоструев Капитон Иванович (1815—1875 гг.), агрограф, археограф — 534, 564, 565
- Негря Александр Федорович (1784—1854 гг.), дипломат, археолог — 644
- Незабитовский Василий Андреевич (1824—1883 гг.), проф. Киевского ун-та по кафедре международного права — 594
- Нейгебауэр Отто (род. в 1899 г.), немецкий историк — 454
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877 гг.) — 414
- Неплюев Иван Иванович (1693—1773 гг.), дипломат, позднее оренбургский губернатор — 216
- Непот Корнелий (99—24 гг. до н. э.), римский историк — 201
- Нерон Клавдий Цезарь (37—68 гг.), римский император — 123
- Нерсес Благодатный (1098—1173 гг.), армянский поэт и писатель — 132
- Несефи см. Абу Хафс-Омар ан-Несефи, гаджикский историк и теолог
- Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862 гг.), министр иностранных дел — 404
- Нестор (конец XI — начало XII в.), монах Киево-Печерского монастыря, летописец — 51, 194, 196, 225, 280, 321, 562, 563
- Нестор Искандер (Александр) (XV в.), писатель — 73, 494, 502, 503
- Нетушил Иван Вячеславович (1850—1928 гг.), проф. Харьковского ун-та, филолог — 419
- Нибур Бартольд-Георг (1776—1831 гг.), немецкий историк — 333, 335, 336, 416, 454, 475, 476
- Ниенштедт Франц (1540—1622 гг.), рижский купец, ливонский историк — 131
- Нияз-ад-дин Абдул Васе'Шами (конец XIV — начало XV в.), азербайджанский историк — 150, 151, 157
- Ниями Ганджеви (1141—1203 гг.), азербайджанский поэт и мыслитель — 148, 149
- Никитин Афанасий (ум. в 1472 г.), тверской купец, путешественник и писатель — 74, 503
- Никитин Н. П. — 580
- Никифор Грегорас (1295—1360 гг.), византийский историк — 55, 59, 109
- Николай I Павлович (1796—1855 гг.), император — 256, 318, 320, 323—325, 334, 359, 408, 450, 582, 583
- Никон (1605—1681 гг.), патриарх — 77
- Нина Каппадокийская (276—340 гг.), грузинская просветительница — 39
- Нич Карл Вильгельм (1818—1880 гг.), немецкий историк — 444
- Новиков Евгений Петрович (1826—1903 гг.), историк-славяновед — 498
- Новиков Николай Иванович (1744—1818 гг.), книгоиздатель, писатель и историк — 207, 208, 220, 223—227, 297, 298, 383, 494, 505, 564
- Новицкий Григорий Ильич (ум. в 1727 г.), украинский писатель, этнограф — 537
- Новосильцов Николай Николаевич — 496
- Норов Авраам Сергеевич (1795—1869 гг.), государственный деятель, писатель, лингвист — 509
- Носов, горный инженер — 581
- Нума Помпилий (716—672 гг. до н. э.), второй римский царь — 182
- Нух I (943—954 гг.), представитель династии саманидов — 46

- Оболенский Михаил Андреевич (1805—1873 гг.), директор Московского архива Министерства иностранных дел, историк-архивист, член-корр. Академии наук — 574, 615
- Обресков Алексей Михайлович (1718—1787 гг.), резидент в Турция — 507
- Огарев Николай Платонович (1813—1877 гг.) — 316, 348, 408, 449, 622
- Оглоблин Н. Н. — 513
- Одерборн Павел (ум. в 1604 г.), ливонский историк — 286
- Одоакр (ум. в 493 г.), вождь германских дружин — 200, 201, 456
- Одоевский Александр Иванович (1803—1839 гг.), поэт, декабрист — 298, 496
- Озерецковский Николай Яковлевич (1750—1827 гг.), натуралист-путешественник, академик — 539, 540
- Олджайн, азербайджанский ильхан — 149
- Олег (конец IX — начало X в.), киевский князь — 50—52, 181, 187
- Олег Иванович (ум. в 1402 г.), великий князь рязанский — 284
- Оленин Александр Николаевич (1763—1843 гг.), президент Академии художеств, основоположник русской эпиграфики, академик — 527, 528, 564
- Ольга (ум. в 969 г.), княгиня, жена киевского князя Игоря Рюриковича — 57, 81, 82, 336
- Ольгерд (1345—1377 гг.), литовский великий князь — 57, 73
- Онацевич Игнатий Жегота (1780—1845 гг.), проф. Виленского ун-та, историк — 615
- Орбели Иосаф Абгарович (род. в 1887 г.), востоковед, академик — 32
- Орбелиани Александр (первая пол. XIX в.), грузинский историк — 635
- Орбелиани Папун (XVIII в.), грузинский историк — 265, 266, 636
- Орбелиани Саба Сулхан (1658—1725 гг.), писатель, составитель толкового словаря грузинского языка — 262
- Орбелян Степанос (ум. в 1304 г.), митрополит Сюника, армянский историк — 135, 140
- Орбеляны, князья — 135
- Орбини (Орбинич) Мавр (ум. в 1614 г.), южнославянский историк — 175
- Орлов Александр Сергеевич (1871—1947 гг.), историк русской литературы, академик — 73
- Орлов Михаил Федорович (1788—1842 гг.), декабрист — 295
- Осокин Евграф Григорьевич (1819—1880 гг.), проф. Казанского ун-та, историк, экономист — 595
- Осорин Дружина (XVII в.), муромский помещик — 102
- Остерман Андрей Иванович (1686—1747 гг.), граф, русский дипломат — 404
- Островский Александр Николаевич (1823—1886 гг.), писатель-драматург — 546
- Острожская Анна (1554—1620 гг.), княжна, дочь князя Януша Острожского — 109
- Острожские, князья — 613
- Павел Диакон (ок. 720 — ок. 800 гг.), лангобардский историк — 194
- Павел I Петрович (1754—1801 гг.), император — 199, 205, 283, 406
- Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869—1908 гг.), историк — 355
- Пазухин Борис Андреевич (XVII в.), путешественник — 505
- Пазухин Семен Иванович (XVII в.), путешественник — 505
- Палей (Палий) Семен Филиппович (конец XVII — начало XVIII в.), руководитель борьбы украинского народа против шляхетской Польши — 251, 609
- Пален Петр Алексеевич (1745—1826 гг.), граф, государственный деятель — 297
- Паллас Петр Симон (1741—1811 гг.), натуралист-путешественник, академик — 272, 515, 539
- Панин Никита Иванович (1718—1783 гг.), граф, государственный деятель — 297
- Панин Никита Петрович (1770—1837 гг.), граф — 297
- Папин Василий (XV в.), глава русского посольства в Персию — 503
- Паповян А. А. — 134
- Парсадан Горгиджанидзе см. Горгиджанидзе Парсадан, грузинский историк

- Пассек Вадим Васильевич (1808—1842 гг.), этнограф — 543
- Патканов Керопэ Петрович (1833—1889 гг.), ориенталист, член-корр. Академии наук — 32, 33, 134, 135, 259
- Пекарский Петр Петрович (1828—1872 гг.), историк литературы, академик — 172, 178, 180, 184, 188, 191, 579
- Пересветов Иван Семенович (XVI в.), писатель-публицист — 83, 84, 493, 504
- Перикл (490—429 гг. до н. э.), афинский государственный деятель — 420, 484, 491
- Перцев В. Н. — 124
- Пестель Павел Иванович (1793—1826 гг.), декабрист — 293—295, 299, 300, 304, 410
- Петлин Иван (первая пол. XVII в.), русский посланник в Китай — 511, 512, 514, 518
- Петр I Алексеевич (1672—1725 гг.), император — 171—177, 199, 209, 213, 215—219, 222, 239, 240, 277, 282, 283, 300, 301, 308—310, 320, 322, 323, 328—330, 334, 346, 350, 353, 356—358, 360, 361, 363—365, 376, 378—383, 385, 398, 401—405, 432, 505, 506, 508, 513, 524, 525, 535, 538, 571, 580, 582—584, 589, 594, 596, 601
- Петрей де Эрлзунд Петр (XVII в.), путешественник, шведский писатель — 174, 188
- Петри Иоханн Кристоф (1762—1851 гг.), прибалтийско-немецкий историк — 254, 256, 257, 618, 619, 622, 623
- Петровский Николай Неонович (1894—1951 гг.), проф. Киевского ун-та, член-корр. Академии наук — 110
- Петрос ди Саргис Гиланенц (первая пол. XVIII в.), армянский писатель — 259
- Петрушевский Фома Иванович (1785—1848 гг.), метролог — 567
- Пешанг (вторая пол. XVII в.), грузинский поэт — 146
- Пигулевская Н. В. — 42
- Пимен (конец XIV в.), московский митрополит — 502
- Пиндар (ок. 518—442 гг. до н. э.), греческий поэт, фиванец — 486
- Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881 гг.), писатель — 546
- Пишо Амедей (1796—1877 гг.) французский историк — 459
- Плано Карпини см. Карпини Плано, францисканец, путешественник
- Платон (ок. 428 — ок. 348 гг.), греческий философ — 27
- Платонов (Холмогоров) Иван Васильевич, проф. Харьковского ун-та, юрист — 287
- Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918 гг.) — 16
- Плиний Гай, Секунд Старший (23—79 гг.), римский естествоиспытатель — 174, 186, 199, 201, 464
- Плутарх (ум. ок. 120 г.), греческий писатель — 143
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875 гг.), историк, академик — 247, 284, 291, 312, 318—322, 331, 337, 342, 347, 348, 397, 412, 416, 496, 531, 563, 569, 574, 604, 615
- Погодин Петр Дмитриевич (род. в 1867 г.), историк — 494
- Поджою Александр Викторович (1798—1873 гг.), декабрист — 309
- Пожарский Дмитрий Михайлович (ок. 1578—1642 гг.), руководитель народного ополчения в годы борьбы против польской интервенции — 91, 93, 399
- Позняков (Поздняков) Василий (XVI в.), московский купец, путешественник — 504
- Покровский Михаил Николаевич (1868—1932 гг.), историк — 583
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846 гг.), писатель, журналист, историк — 286, 307, 331—334, 348, 542
- Полетика Григорий Андреевич (1725—1784 гг.), украинский писатель, историк — 249, 250
- Поликарпов Федор Полякарпович (ум. в 1731 г.), директор Московской Синодальной типографии, писатель, переводчик — 172
- Поликрат (IV в. до н. э.), греческий тиран — 30
- Поло Марко см. Марко Поло, венецианский путешественник
- Полуботок Павел Леонтьевич (ок. 1666—1724 гг.), черниговский полковник, позднее наказной гетман — 250, 603
- Попов Александр Васильевич

- (1808—1880 гг.), проф. Казанского ун-та, монголовед — 519
- Попов Александр Николаевич (1821—1877 гг.), историк, академик — 66, 74, 86—88, 98, 99, 103, 493, 574
- Попов Михаил Васильевич (ум. в 1790 г.), поэт и переводчик — 507
- Попов Нил Александрович (1833—1891 гг.), историк, член-корр. Академии наук — 180, 525, 573
- Попруженко М. Г. — 575
- Порошин Семен Андреевич (1741—1769 гг.), писатель — 561
- Порфирий (233—304 гг.), греческий философ — 30
- Порфирий (Константин Алексеевич Успенский), епископ, византиновед — 443, 495
- Порций Катон см. Катон Марк Порций, римский политический деятель
- Посошков Иван Тихонович (1652—1726 гг.), писатель и экономист — 321
- Поспелов (конец XVIII — начало XIX в.), горный чиновник — 646
- Постников (Посников) Петр Васильевич (конец XVII — начало XVIII в.), дьяк Посольского приказа, первый доктор философии и медицины — 506
- Потанин Григорий Николаевич (1835—1920 гг.), путешественник и этнограф — 547
- Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891 гг.), проф. Харьковского ун-та, член-корр. Академии наук — 548
- Потемкин Григорий Александрович (1739—1791 гг.), государственный деятель — 210
- Прач Иван (Йоганн Готфрид) (ум. в 1798 г.), композитор и музыкальный педагог — 540
- Преис Петр Иванович (1810—1846 гг.), проф. Петербургского ун-та, славист — 498, 499
- Преторий Матвей (1635—1707 гг.), польский историк — 194
- Придик Е. М. — 526
- Приселков Михаил Дмитриевич (1881—1941 гг.), проф. Ленинградского ун-та, историк — 51, 69, 573
- Приск (V в.), греческий историк — 497
- Прокопий Кесарийский (конец V в.— начало VI в.) византийский историк — 194, 198, 199, 201
- Протопопов П. А. (середина XIX в.), историк Северного края — 572
- Протопопов Яков Егорович (1815—1861 гг.), местный историк — 572
- Птицын Г. В. — 45
- Птоломей Клавдий (первая пол. II в.), греческий математик, астроном и географ — 23, 174, 186, 201
- Птуха М. В. — 578, 595
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1730—1775 гг.), вождь крестьянского восстания — 205, 207, 235, 240, 241, 243, 298, 307—309, 316, 320, 390, 400, 406, 412, 507, 610
- Путуридзе В. — 643
- Путята Вышатич (конец XI — начало XII в.), киевский воевода — 59
- Пуффендорф Самуил (1632—1694 гг.), немецкий историк, юрист — 175, 248
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837 гг.) — 207, 216, 276, 304—310, 316, 383, 386, 405, 406, 414, 508, 522, 544, 601, 603, 607, 612
- Пушин Иван Иванович (1789—1859 гг.), декабрист — 409
- Пянь Лун см. Цянь Лун, китайский император
- Рабле Франсуа (1494—1553 гг.), французский писатель-сатирик — 442
- Рабуни Ваграм см. Ваграм Рабуни, армянский поэт и историк
- Равенди (XII в.), среднеазиатский историк — 167
- Радзивилл, князь, литовский магнат — 118
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802 гг.) — 15, 207, 208, 227—244, 255, 276, 290, 297, 298, 315, 316, 366, 378, 391, 399, 403, 406, 412, 414, 516, 541, 599—601
- Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872 гг.), поэт-декабрист — 302
- Разин Степан Тимофеевич (конец XVII в.), вождь крестьянского восстания — 82, 89, 102, 295, 296, 298, 316, 356, 390, 400, 412, 556, 574, 610
- Разсохин см. Россохин (Разсохин)

- Илларион Калинович, переводчик Академии наук
- Райналь Гильом Томас (1713—1796 гг.), французский историк — 254
- Ракушка-Романовский Роман Онискович (середина XVII в.), генеральный подскарбий, предполагаемый автор летописи Самовидца — 110
- Ранке Леопольд фон (1795—1886 гг.), немецкий историк — 463
- Рашид-ад-дин см. Фазлуллах Рашид-ад-дин, министр ильхана Газан-хана, врач, историк
- Редедя (ум. в 1022 г.), князь касожский (черкесский) — 66
- Резанов Николай Петрович (1764—1807 гг.), посланник в Японию — 517
- Реймонт Альфред (1808—1887 гг.), немецкий историк — 458
- Рейхель Иоганн Готфрид (ум. в 1778 г.), проф. по всеобщей истории Московского ун-та — 515
- Ремезов Семен Ульянович (конец XVII — начало XVIII в.), сын боярский, картограф — 271, 513, 537
- Реннер Иоганн (ум. в 1583 г.), ливонский историк — 130
- Реньер Г., английский историк — 10
- Ржига В. Ф. — 84, 504
- Ригельман Александр Иванович (1720—1789 гг.), инженер, историк — 606
- Рид К., президент Американской исторической ассоциации — 10
- Риккерт Генрих (1863—1936 гг.), философ-неокантианец и социолог — 9
- Риттер Карл (1779—1859 гг.), немецкий географ — 511
- Рихтер Александр Егорович (род. в 1803 г.), чиновник генерал-губернатора Суворова — 620
- Розен (первая пол. XVIII в.), барон, ландрат в Лифляндии — 253
- Розен Андрей Евгениевич (1800—1884 гг.), барон, декабрист — 544
- Розен Виктор Романович (1849—1908 гг.), арабист — 42
- Роллень Шарль (1661—1741 гг.), французский историк и педагог — 193, 415
- Роман (ум. в 988 г.), византийский император — 66
- Романовы, династия русских царей — 91, 101, 173, 181, 282, 400, 404
- Ромул Августул (V в.), последний римский император — 471
- Росс Д. — 159
- Россохин (Разсохин) Илларион Калинович (1717—1761 гг.), переводчик Академии наук, синолог — 514—516
- Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826 гг.), граф, государственный деятель — 317
- Ротунд, виленский воит, составитель второго Литовского статута — 123
- Рубинштейн Н. Л. — 55, 190
- Рубруквис Вильгельм (ок. 1220—1293 гг.), голландский путешественник — 285
- Румлу, см. Хасан-бек-Румлу, азербайджанский историк
- Румянцев Николай Петрович (1754—1826 гг.), канцлер — 496, 551—553, 558, 564, 615
- Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796 гг.), граф, государственный деятель — 249, 301
- Русбехан Исфаганский (XVI в.), бухарский писатель-мемуарист — 159
- Русинов (вторая пол. XVIII в.), генерал-майор, писатель — 215
- Руссо Жан-Жак (1712—1778 гг.), французский писатель, философ-материалист — 231, 236, 254, 627
- Руссов Бальтазар (1540—1601 гг.), ливонский хронист — 130
- Руставели Шота (XII в.), грузинский поэт — 138, 143, 146, 262
- Рустам хан (XVII в.), дагестанский правитель — 152
- Рутенберг Отто фон (середина XIX в.), прибалтийско-немецкий историк — 620
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826 гг.), поэт-декабрист — 114, 276, 293, 295, 298, 302, 406, 408, 414, 600
- Рыпинский А., польский писатель — 613
- Рычков Николай Петрович (1746—1784 гг.), писатель, адъюнкт Академии наук — 272
- Рычков Петр Иванович (1712—1777 гг.), экономист и историк,

- член-корр. Академии наук — 216, 219, 271
- Рюриковичи, династия русских князей и царей — 101, 173, 349, 352, 355
- Саак (Сахак) (V в.), армянский патриарх, создатель армянской азбуки — 25, 27—29, 134
- Саакадзе Георгий (XVII в.), грузинский политический деятель и полководец — 146
- Сабанисдзе Иоаннэ (конец XVIII в.), грузинский писатель — 37, 38
- Сабинин М. — 36—38
- Саввантов Павел Иванович (1815—1895 гг.), археолог и этнограф, член-корр. Академии наук — 493
- Савельев Павел Степанович (1814—1859 гг.), ориенталист, нумизмат — 534, 535
- Савиньи Фридрих Карл (1779—1861 гг.), немецкий юрист, специалист по истории римского права — 430
- Саджиды, династия арабских халифов, правившая в Грузии и Армении — 39
- Саид Мухаммед Муким (1702—1707 гг.), бухарский хан — 268, 269
- Саларев Сергей Гаврилович (1792—1820 гг.), историк — 566
- Саллюстий (86—35 гг. до н. э.), римский историк — 303
- Сальвиан Марсельский (390—492 или 484 гг.), епископ, проповедник — 468
- Салье М. — 163
- Саманиды (875—999 гг.), династия иранских шахов — 43, 153, 155, 166, 535
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876 гг.), публицист, славянофил — 619, 620
- Самойлов Леонтий Маркович (1793—1833 гг.), член ученого комитета Министерства финансов — 586
- Самойлович Иван Самойлович (ум. в 1690 г.), гетман Левобережной Украины — 247
- Самоковасов Дмитрий Яковлевич (1843—1911 гг.) проф. Варшавского и Московского ун-тов, историк, археолог — 542
- Самуил (VIII в.), картлийский каталикос — 38
- Самуэл Анеци (XIII в.), армянский хронист — 132
- Сапеги, литовский княжеский род — 120
- Саркаваг Иоаннес см. Иоаннес Саркаваг, армянский ученый, историк и поэт
- Сарычев Гавриил Андреевич (1763—1831 гг.), генерал, гидрограф, академик — 571
- Сасаниды (224—651 гг.), династия иранских шахов — 17, 28—29, 42
- Сахаров Иван Петрович (1807—1863 гг.), этнограф, археолог, библиограф — 543, 561, 565
- Светоний Гай Транквилл (ок. 69—ок. 141 гг.), римский ученый, историк — 454
- Святополк Изяславич (1050—1113 гг.), князь новгородский — 58, 533
- Святослав Всеволодович (ум. в 1194 г.), князь черниговский, позднее великий князь киевский — 553
- Святослав Игоревич (942—972 гг.), великий князь киевский — 50, 67, 78, 300, 336
- Святослав Ярославич (1027—1076 гг.), великий князь киевский — 53, 54, 59
- Сгибнев А. — 514
- Себасти Мхитар (первая пол. XVIII в.), основатель армяно-католической конгрегации, ученый — 261
- Себеос (первая пол. VII в.), армянский историк — 32
- Сейди Сеид Назар (1768—1830 гг.), туркменский поэт — 647, 648
- Семевский Михаил Иванович (1837—1892 гг.), историк — 584
- Семен Иванович Гордый (ок. 1318—1353 гг.), великий князь московский — 69
- Семенников Владимир Петрович (1885—1936 гг.), историк литературы — 599
- Семенов А. А. — 4, 21, 22, 164, 269
- Семенов А. А. — 587, 588, 596
- Сенковский Осип Иванович (1800—1858 гг.), проф. Петербургского ун-та, арабист, член-корр. Академии наук — 318, 508, 510, 644
- Серапион Зарзмели (IX—X вв.) монах, основатель Зарзмского монастыря — 36, 39, 40

- Сергий Радонежский (1314—1392 г.), игумен Троице-Сергиева монастыря — 71
- Серебрянский Н. — 65
- Сефевиды, династия персидских правителей в Грузии и Азербайджане — 131, 151, 158, 165, 502, 503
- Сигизмунд II Август (1520—1572 г.), король польский и великий князь литовский — 125
- Сигизмунд (Жигмонт) Старый *см.* Жигмонт (Сигизмунд) Старый, литовский великий князь
- Сидоний Аполлинарий *см.* Аполлинарий Сидоний, позднеримский христианский писатель
- Сильвестр (XII в.), игумен Выдубицкого монастыря, писатель — 51, 52
- Сильвестр Медведев (ум. ок. 1566 г.), церковный писатель — 561
- Симеон Ереванский (XVIII в.), каталык, армянский историк — 259
- Симеон Полоцкий (1629—1680 г.), монах, ученый, философ, писатель — 117
- Симокатт Теофилакт *см.* Теофилакт Самокатт, византийский писатель
- Симонида Кеосский (556—469 г. до н. э.), греческий поэт — 486
- Симонивская Л. В. — 519, 521
- Симоновский Петр Иванович (1717—1809 г.), украинский писатель, историк — 250
- Скальковский Аполлон Александрович (1808—1898 г.), историк, член-корр. Академии наук — 572
- Скарга Павенский Петр (конец XVI в.), иезуит, польский проповедник — 116
- Скафтымов А. — 544
- Скирмонты, литовские паны — 124
- Сковорода Григорий Саввич (1722—1794 г.), украинский философ и писатель — 246, 250, 251
- Скорина Георгий (Франциск) (род. ок. 1490 г.), медик, печатник и переводчик — 115
- Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич (ум. в 1745 г.), писатель — 178
- Скотт Вальтер (1771—1832 г.), английский романист — 421, 422
- Скрипиль М. О. — 73, 102
- Славянский Михаил Иванович (род. в 1823 г.), историк — 387
- Словцов Петр Андреевич (1767—1843 г.), сибирский историк — 572
- Слуцкие, князья — 120
- Смирнов Н. А. — 73, 503
- Смотрицкий Мелетий *см.* Мелетий Смотрицкий, епископ полоцкий
- Снегирев, Иван Михайлович, (1793—1868 г.), проф. Московского ун-та, этнограф и археолог, член-корр. Академии наук — 543
- Соболевский Алексей Иванович (1856—1929 г.), проф. Киевского и Петербургского ун-тов, историк русского языка, академик — 97
- Соколов Александр Петрович (1816—1858 г.), историк флота, гидрограф — 570, 571
- Соколова В. К. — 85, 544
- Солнцев Федор Григорьевич (1801—1892 г.), живописец и археолог — 532
- Соловьев И. М. — 318
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879 г.), проф. Московского ун-та, историк, академик — 15, 98, 172, 174, 175, 179, 184, 216, 285, 313, 314, 346—365, 382, 424, 433, 525, 558, 559, 588, 589, 596, 605
- Соломон (ок. 950—933 г. до н. э.), царь объединенного царства Израиля и Иудеи — 184
- Солон (ок. 638 — ок. 558 г. до н. э.), афинский законодатель — 483, 484
- Софинов П. Г. — 552
- Спартак (I в. до н. э.), вождь восстания рабов — 435
- Спасский Георгий Иванович (1784—1864 г.), историк и археолог, член-корр. Академии наук — 518, 571, 572, 650
- Спафарий Николай Гаврилович (ок. 1625 — ок. 1709 г.), переводчик Посольского приказа, писатель — 97, 511—513, 537
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839 г.), государственный деятель — 73, 81, 324, 542, 560, 595
- * Сперанский М. Н. — 73, 81, 493 502

- Спиридов Михаил Матвеевич (1796—1854 гг.), декабрист — 302
- Срезневский Всеволод Измаилович (род. в 1867 г.), ученый хранитель рукописей биб-ки Академии наук, член-корр. Академии наук — 57
- Срезневский Измаил Иванович (1812—1880 гг.), проф. Харьковского и Петербургского ун-тов, славист, академик — 50, 67, 247, 498, 499
- Ставропольский Симон (1588—1656 гг.), польский писатель — 505
- Станкевич Николай Владимирович (1813—1840 гг.), философ — 337
- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911 г.), историк и общественный деятель — 479, 495
- Стемпковский Иван Алексеевич (1789—1832 гг.), археолог — 528—530
- Степанов Н. Н. — 538
- Степанос Асохик (X—XI вв.), армянский хронист — 132
- Стефан (ум. в 1038 г.), венгерский король — 204
- Стефан Баторий (1533—1586 гг.), польский король — 83
- Стефан Бородатый (вторая пол. XV в.), дьяк — 76
- Стефан Зизаний (конец XVI — начало XVII в.), учитель церковной школы, писатель — 116
- Стефан Мтбевари (X в.), грузинский писатель — 36, 38
- Стефан Новгородец (середина XIV в.), монах, половец — 493, 502
- Стефан Пермский (ок. 1340—1396 гг.), епископ, создатель зырянской азбуки — 71, 536
- Страбон (ок. 63 г. до н. э.— 20 г. н. э.), греческий географ — 21, 23, 186, 201
- Стрейс (Стрюйс) Ян Янсон (конец XVII в.), путешественник — 296
- Стремухов И. А. — 644
- Стриттер (Штриттер) Иоганн Готлиб (1740—1801 гг.), историк, академик — 494
- Строгановы, промышленники и земледельцы — 242, 572
- Строев Павел Михайлович (1796—1876 гг.), археолог, академик — 337, 551—556, 560, 562, 563, 567
- Строев Сергей Михайлович (1815—1840 гг.), историк — 337
- Строенин А. В. — 516
- Стрыйковский (Стрийковский) Матвей (род. в 1547 г.), литовский хронист — 112, 125, 127, 615—617
- Стюарты, английская королевская династия — 448
- Суворов Александр Васильевич (1730—1800 гг.) — 293, 300, 301, 384, 407, 620
- Сугерий (ум. в 1151 г.), аббат, ближайший советник французских королей — Людовика VI и Людовика VII — 433, 440, 442, 479
- Судиенко М., черниговский помещик — 605
- Султан-Хусейн-Мирза (1469—1506 гг.), последний тимурид — 158
- Сумароков Александр Петрович (1717—1777 гг.), поэт — 210
- Сумбат Давитисдзе (XI в.), грузинский историк — 141, 144
- Сумбатзаде А. С. — 640
- Сухоруков Василий Дмитриевич (1795—1841 гг.), писатель — 295, 296, 544
- Сципион Публий Корнелий Африканский (235—183 гг. до н. э.), римский полководец — 444
- Сюан-цзань (VII в.) буддийский монах — 42
- Сю Эжен (1804—1857 гг.), французский романист — 370
- Табари см. Абу-Джа'фар Мухаммед-ибн Джарир Табари, среднеазиатский историк
- Тагнядян Месроп (1803—1858 гг.), армянский писатель, публицист и историк — 632, 634
- Такайшвили Е. — 39, 141, 146
- Тамара (1184—1213 гг.), грузинская царица — 138—140, 143, 144, 146
- Тамерлан см. Тимур (Тамерлан), монгольский хан
- Тамес Иван Павлович (первая пол. XVIII в.), владелец мануфактур — 582
- Таранович В. П. — 515, 516
- Тарасова В. М. — 295
- Татищев Василий Никитич (1686—1750 гг.), историк — 80, 90, 94, 96, 97, 171, 175, 179—190, 192, 194, 214, 220—222, 225—227, 236, 237, 286, 525, 537, 538, 564, 568

- Таубе Иоганн (XVI в.), ливонский дворянин, авантюрист — 285, 286
- Такмасп I, персидский шах — 151
- Тацит Корнелий (ок. 55—117 гг.), римский историк — 199, 201, 418—420, 437, 454, 455, 471, 481—483
- Тбилели Иосиф см. Иосиф Тбилели, грузинский поэт
- Твардовский Самуил (ум. в 1660 г.), польский писатель — 248
- Теймураз Багратиони (ум. в 1846 г.), царевич, грузинский историк, академик — 637—639
- Теймураз I (1589—1663 гг.), кахетинский царь, поэт — 146
- Теймураз II (1709—1761 гг.), кахетинский царь — 265
- Теодорих Великий (ок. 456—526 гг.), король остготов — 457
- Терещенко Александр Васильевич (1806—1865 гг.), этнограф и археолог — 543, 548
- Тиберий Клавдий Нерон (42 г. до н. э.—37 г. н. э.), римский император — 419
- Тигран (VI в. до н. э.), армянский царь, современник персидского царя Кира — 19
- Тигран II Великий (95—56 гг. до н. э.), армянский царь — 18, 31
- Тизенгаузен фон Генрих (начало XVII в.), ливонский историк — 130
- Тимковский Илья Федорович (1772—1853 гг.), издатель русских летописей — 551, 574
- Тимофеев Иван (ум. ок. 1628—1630 гг.), дьяк, автор «Временника» — 90—93, 98
- Тимофей, пономарь, новгородский летописец — 62
- Тимур (Тамерлан) (1336—1405 гг.), монгольский хан — 88, 131, 136, 150, 151, 157, 158, 161, 162, 502
- Тимуриды, династия монгольских ханов — 159, 161
- Тит Ливий (59 г. до н. э.—17 г. н. э.), римский историк — 201, 303
- Тит Флавий Веспасиан (41—81 гг.), римский император — 494
- Тихомиров Дмитрий Павлович, историк рязанского края — 572
- Тихомиров М. Н. — 49, 58, 71, 76, 92, 109
- Тихонравов Николай Саввич (1832—1893 гг.), проф. Московского ун-та, историк литературы академик — 351
- Товма Арцруни (X в.), придворный историк Вaspурканского царя Гагика — 34
- Товма Мецопеци (1378—1448 гг.), армянский историк — 136
- Тогруд (XI в.), бек, вождь сельджуков — 167
- Тогрул (XII в.), сельджукский султан — 167
- Токаржевский Е. А. — 147, 640
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889 гг.), граф, министр народного просвещения, позднее министр внутренних дел — 594
- Толстой Петр Андреевич (1645—1729 гг.), граф, дипломат — 176
- Томирис (Томирса, Тамара), скифская царица из племени Массагетов — 22
- Тохтамыш (ум. ок. 1406 г.), хан Золотой Орды — 69, 70, 151
- Траян Марк Ульпий (53—117 гг.), римский император — 528
- Трдат (Тиридат) (ум. в начале IV в.), армянский царь — 30, 134
- Тредьяковский Василий Кириллович (1703—1769 гг.), поэт — 193, 210
- Тромонин Корнелий Яковлевич (ум. в 1847 г.), художник, палеограф — 565
- Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860 гг.), декабрист — 409
- Трутовский Василий Федорович (конец XVIII в.), собиратель русских песен — 540
- Трясило Тарас Федорович (первая пол. XVII в.), предводитель народного восстания на Украине — 609
- Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919 гг.), экономист — 583
- Туманский Федор Васильевич (Осипович) (ум. в 1805 г.), писатель и переводчик, член-корр. Академии наук — 222
- Тургенев Александр Иванович (1784—1845 гг.), историк и археолог — 496, 558
- Тургенев Николай Иванович (1789—1871 гг.), декабрист — 284, 292—294, 298, 302, 303, 496
- Турчинович О. — 589, 590, 613
- Тьер Адольф (1797—1877 гг.), французский историк — 384

- Тьерри Огюстен (1795—1856 гг.), французский историк — 333, 334, 421, 473, 476
- Тэйлор Эдвард (род. в 1832 г.), английский антрополог — 548
- Тэн Ипполит (1828—1893 гг.), французский историк — 445
- Тяпинский Василий Миколаевич (вторая пол. XVI в.), белорусский писатель-публицист — 117, 118
- Убайдулло (Убайдула), хан из династии шейбанидов — 267
- Уваров Алексей Сергеевич (1828—1884 гг.), граф, археолог, академик — 530, 533, 553
- Уваров Сергей Семенович (1789—1855 гг.), министр народного просвещения, президент Академии наук — 309, 318, 319, 323, 451
- Улуг-бек (Улуг-бер) Мухаммед ибн Шахрух (1393—1449 гг.), правитель Самарканда, ученый-астроном — 158, 163
- Умняков И. И. — 164
- Урхесцы Матеос (XII—XIII вв.), армянский хронист — 132
- Успенский Порфирий *см.* Порфирий (Константин Алексеевич Успенский), епископ, византиновед
- Успенский Федор Иванович (1845—1928 гг.), византиновед, академик — 443
- Устрялов Николай Герасимович (1805—1870 гг.), проф. Петербургского ун-та, историк, академик — 312, 321—323, 612
- Ушаков Симон Федорович (1626—1686 гг.), иконописец — 523
- Фавстос (Павстос) Бузанд (V в.), армянский историк — 19, 25—28
- Фадеев А. В. — 4
- Фазлуллах бинни Рузбихан (начало XVI в.), ученый суннит, меуарист — 164
- Фазуллах Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), министр ильхана Газанхана, врач, историк — 149, 150, 152, 160, 162, 167, 509
- Фалеки (XII в.), азербайджанский поэт — 148
- Фальк Иоганн Петр (1727—1774 гг.), натуралист-путешественник, академик — 539
- Фахт-али, шах из династии Каджаров — 266
- Федор (Федорец) (ум. в 1172 г.), ростовский епископ — 61
- Федор Алексеевич (1661—1682 гг.), царь — 558
- Федор Иванович (1557—1598 гг.), царь — 90—92, 94, 99, 173, 215
- Федоров Иван (ум. в 1583 г.), первopечатник — 76
- Фельман Фридрих Робертович (1799—1850 гг.), проф. Дерптского ун-та, фольклорист — 624, 625
- Феодосий Грек (1142—1156 гг.), монах, основатель Киево-Печерского монастыря — 57
- Феодосий Косой *см.* Косой Феодосий, холоп, вольнодумец
- Феодосий Софонович (XVII в.), игумен Киевского Михайловского монастыря — 112
- Феогнид (VI в. до н. э.), греческий поэт — 486
- Феофан Исповедник, византийский писатель — 194
- Феофан Прокопович (1681—1736 гг.), политический деятель и мыслитель — 175, 184, 190
- Феофилакт Лопатинский (ум. в 1741 г.), епископ — 175
- Феофилакт Симокатт (ок. 570—ок. 640 гг.), византийский писатель — 19
- Фертг М. — 463
- Филемон (362—262 гг. до н. э.), греческий поэт — 30
- Филипп (Федор Степанович Колычев) (1507—1569 гг.), митрополит — 85, 285
- Филипп II (1527—1598 гг.), испанский король — 459
- Филон Александрийский (20 г. до н. э.—40 г. н. э.), греко-еврейский философ — 27
- Фирдоуси Абдулкосим (934—1025 гг.), персидский поэт — 22, 42, 44, 45, 645
- Фишер Иоганн Эбергард (1697—1771 гг.), историк, адъютант Академии наук — 190
- Флавий Иосиф *см.* Иосиф Флавий, еврейский историк
- Фламиний Гай (ум. в 218 г. до н. э.), римский народный трибун — 444
- Флетчер Джилз (1548—1611 гг.), англичанин, путешественник — 575
- Флоринский Б. М. — 514

- Фойгт Карл Карлович (1808—873 гг.), проф. Казанского, позднее Харьковского ун-тов — 616
- Фонвизин Денис Иванович (1745—1792 гг.), — 207, 297, 385
- Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854 гг.), декабрист — 292, 296, 298, 299
- Фотий (ум. в 1431 г.), киевский митрополит — 109
- Франко Иван Яковлевич (1856—1916 гг.), украинский писатель — 603
- Фрейман А. А. — 21
- Фрик (ок. 1234—1315 гг.), армянский поэт-мыслитель — 132
- Фролов Николай Григорьевич (1812—1855 гг.), географ — 546
- Хагани Ширвани Афзал-ад-дин (XII в.), придворный поэт ширваншаха Менучехра — 148
- Хазани Мир Мехти (ок. 1819—1894 гг.), азербайджанский историк — 642
- Хайдар (конец XVIII — начало XIX в.), бухарский эмир — 643, 644
- Хаким-хан-Туре (начало XIX в.), среднеазиатский историк — 644, 645
- Хамдаллах Козвини (XII в.), туркменский историк — 167
- Ханьков Николай Владимирович (1822—1878 гг.), ориенталист и этнограф, член-корр. Академии наук — 547
- Харес Митиленский (VI в. до н. э.), придворный Александра Македонского, писатель — 22
- Харлампович Константин Васильевич (род. в 1870 г.), приват-доцент Казанского ун-та, историк церкви — 116
- Харузин Николай Николаевич (1865—1900 гг.), историк, археолог и этнограф — 624
- Хасен-бек-Румлу (род. в 1581 г.), азербайджанский историк — 151, 152
- Хафиз-и Аbru (ум. в 1431 г.), среднеазиатский историк — 158
- Хафиз Тониш бинни Мирмухаммед аль Бухори (псевдоним Нахли) (XVI в.), бухарский поэт, музыкант и историк — 164
- Херхеулидзе Оман, грузинский историк — 635, 636
- Хилков Андрей Яковлевич (ум. в 1718 г.), дипломат — 172—174
- Хитрово Богдан Матвеевич (1615—1680 гг.), боярин, начальник Оружейной палаты — 523
- Хлатец Григорий Церенц (XV в.), армянский историк — 136
- Хмельницкий Богдан см. Богдан Хмельницкий, украинский гетман
- Хмельницкий Юрий (1641—1685 гг.), украинский гетман — 246
- Ходаковский (Доленга-Ходаковский) Зорян Яковлевич (лит. псевдоним Адама Черноцкого) (1784—1825 гг.), археолог и этнограф — 531, 569, 570
- Ходецкий Ставрион Мартинианович (1820—1886 гг.), проф. сельского хозяйства и лесоводства Киевского ун-та — 590
- Ходжи Ислам (XVI в.), узбекский шейх — 165
- Ходкевичи, литовские паны — 120
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860 гг.), писатель-славянофил — 329—331, 561
- Хондемир (1475—1535 гг.), персидский историк — 158, 161
- Хоренаци Мовсес см. Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский), армянский писатель и историк
- Хосров Котак (322—387 гг.), персидский царь — 26
- Хосрой I Ануширван (531—579 гг.), персидский царь — 37
- Хохлов Иван Данилович (первая пол. XVII в.), русский посланник в Персию и Бухару — 505
- Христофор Филалет см. Бронский Христофор (лит. псевдоним Христофора Филалет), украинский писатель
- Хулагиды (1256—1335 гг.), династия монгольских ханов — 149, 160
- Цезарь Кай Юлий (100—40 гг. до н. э.), римский император — 435, 437, 471, 481, 482
- Церенц Хлатец, Григор см. Хлатец Григорий Церенц, армянский историк
- Цицирон Марк Тулий (106—43 гг. до н. э.), римский государственный деятель и мыслитель — 302, 303
- Цишань, китайский писатель — 518
- Цуртавели Яков (V в.), грузинский историк — 36, 37

- Цых Владимир Францевич (1805—1837 гг.), проф. всеобщей истории Харьковского и Киевского ун-тов — 417
- Цянь Лун (Гао-цзун-Шунь-хуан-ди) (1736—1796 гг.), китайский император — 515
- Чаадаев Петр Яковлевич (между 1793 и 1796—1856 гг.), философ и публицист — 319, 425
- Чавчавадзе Александр Гарсеванович (1787—1846 гг.), грузинский поэт — 635
- Чагры-бек (XI в.), вождь сельджуков — 167
- Чамчян Микаэл (конец XVIII в.), армянский языковед и историк — 261, 262
- Чеботарев Харитон Андреевич (1745—1815 гг.), проф. Московского ун-та — 573
- Челеби Кемурчян Еремия см. Еремия Челеби Кемурчян, армянский писатель и историк
- Черепанов Никифор Евтропиевич (1763—1823 гг.), проф. всеобщей истории, статистики и географии Московского ун-та — 416, 573
- Черноцкий Адам см. Ходаковский (Доленга-Ходаковский) Зорян Яковлевич, археолог и этнограф
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889 гг.) — 12, 15, 324, 334, 338—340, 345, 347, 348, 352, 353, 358, 386, 392, 393, 398, 413, 418, 419, 424—426, 438, 450, 455, 476, 498, 559, 575, 604, 610, 621, 622
- Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858 гг.), археолог и нумизмат — 532, 533
- Чижов Николай Александрович (ум. в 1848 г.), декабрист — 544
- Чингиз-хан (Чингисхан) (1162—1227 гг.), великий хан монгольский — 149, 160, 192, 270, 644
- Чистович И. — 184
- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904 гг.), проф. Московского ун-та, историк, правовед — 313, 338—347, 351, 354—356, 364, 424, 433
- Чубинашвили Д., проф. грузинской словесности Петербургского ун-та — 638
- Чубинский Павел Платонович (1839—1884 гг.), этнограф — 546, 547
- Чугунов Андрей Кириллович (1827—1898 гг.), проф. Казанского ун-та — 590
- Чуковская Л. К. — 519
- Чулков Михаил Дмитриевич (1740—1793 гг.), писатель, этнограф, экономист — 208, 218, 514, 515, 540, 578, 588
- Чхейдзе Сехния (XVII в.), грузинский историк — 265
- Шамиль (1798—1871 гг.), идеолог реакционного мюридизма, предводитель горцев — 510
- Шамиссо Альберт (1781—1838 гг.), естествоиспытатель, участник плаванья на «Рюрик» — 541, 605
- Шаншиев П. С. — 28
- Шапух Багратуни (X в.), армянский историк — 35
- Шараф-ад-дин Али Иезди (XV в.), таджикский историк — 147, 157, 162
- Шаумян Степанос — 258
- Шафарик Павел Иосиф (1795—1861 гг.), славист, основатель сравнительного изучения славянских языков — 349, 362
- Шафиров Петр Павлович (1669—1739 гг.), вице-канцлер — 177, 216
- Шафонский Афанасий Филиппович (ум. в 1798 г.), советник уголовного суда в Черниговском наместничестве, писатель — 219, 605
- Шахамирян Шахамир (вторая пол. XVIII в.), организатор армянского буржуазно-патриотического кружка в Мадрасе (Индия) — 259
- Шахатунян (первая пол. XIX в.), армянский писатель — 629
- Шахматов Алексей Александрович (1864—1920 гг.), филолог, историк, академик — 51, 56, 57
- Шах-Мурад (XVIII в.), бухарский эмир — 644
- Шахрух (Шакрук, Шахрох) (1377—1447 гг.), хан Герата, сын Тимура — 88, 158
- Швеглер Адольф (1819—1857 гг.), немецкий историк — 453, 454
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861 гг.) — 603, 608—611
- Шевырев Степан Петрович (1806—1864 гг.), проф. Московского ун-та, историк литературы и публицист, академик — 318, 412

- Шейбани Мухаммед (1451—1510 гг.), узбекский хан — 159, 161, 163, 164, 509
- Шейбаниды (1500—1599 гг.), династия узбекских ханов — 161—164, 269
- Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775—1854 гг.), немецкий философ-идеалист — 334, 394
- Шереметев Борис Петрович (1652—1719 гг.), граф, генерал-фельдмаршал — 523
- Шефер Ш. — 156
- Ширакаци Анания см. Анания Ширакаци, армянский философ, географ и историк
- Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853 гг.), министр народного просвещения, академик — 446, 555
- Ширрен Карл Карлович (род. в 1826 г.), проф. Дерптского ун-та, историк, член-корр. Академии наук — 621
- Шишкин Иван Васильевич (1722—1770 гг.), елабужский купец, историк — 534
- Шишков (40-е годы XVIII в.), поручик — 525
- Шишков Александр Сергеевич (1754—1841 гг.), министр народного просвещения, писатель — 317
- Шлецер Август-Людвиг (1735—1809 гг.), историк, академик — 190, 221, 280, 333, 350, 551, 552, 557, 562, 563
- Шлоссер Фридрих-Христофор (1776—1861 гг.), немецкий историк — 389
- Шмидт Яков Иванович (1779—1847 гг.), ориенталист, академик — 518
- Шмурло Евгений Францевич (род. в 1853 г.), проф. Дерптского ун-та, историк — 216, 217
- Шопен Иван Иванович (1798—1870 гг.), этнограф и историк — 629
- Шота Руставели см. Руставели Шота, грузинский поэт
- Шренк Леопольд Иванович (1830—1894 гг.), этнограф, академик — 547
- Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862 гг.), декабрист — 290
- Штрубе де Пирмонт Фридрих Генрих (1704—1790 гг.), историк, академик — 190, 194
- Шувалов Иван Иванович (1727—1797 гг.), фаворит Елизаветы Петровны — 540
- Шувалов Петр Иванович (1711—1762 гг.), граф, генерал-фельдмаршал — 214, 215
- Шушаник (ум. в 475 г.), жена картлянского патиахша (правителя) Варксена — 36, 37
- Шырма Г. Р. — 121
- Щапов Афанасий Прокопьевич (1830—1876 гг.), проф. Казанского ун-та, историк — 352
- Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790 гг.), князь, сенатор, историк — 175, 186, 208, 209, 210, 214, 227, 239, 286, 356, 357, 403, 567
- Эверс Иоанн Филипп Густав (1781—1830 гг.), проф. Дерптского ун-та, историк — 287, 288, 353
- Эверсман Эдуард Александрович (1794—1860 гг.), проф. Казанского ун-та, естествоиспытатель, член-корр. Академии наук — 646
- Эдиге (ум. в 1411 г.), татарский князь — 270
- Эйзен Иоганн (1717—1779 гг.), пастор, прибалтийско-немецкий историк — 254
- Эйхгорн Иоганн Готфрид (1752—1827 гг.), ориенталист — 481
- Эккардт Юлиус (род. в 1836 г.), прибалтийско-немецкий историк — 621
- Эмин Н. О. — 19, 134
- Эмин Федор Александрович (ок. 1735—1770 гг.), писатель, историк — 214
- Энгельман А. — 495
- Энно, французский историк — 296
- Юлий Цезарь см. Цезарь Кай Юлий, римский император
- Юм Давид (1711—1776 гг.), английский буржуазный философ, историк — 421
- Юргевич В. — 575
- Юстиниан (Иустиниан) Великий (527—565 гг.), византийский император — 182, 203, 457
- Ягайла (Июгайла) (1350—1434 гг.), литовский великий князь — 122

- Ягич Игнатий Викентьевич (1838—1923 г.), проф. Петербургского ун-та, славист, академик — 499
 Языков А. Н., издатель «Синбирского сборника» — 561
 Языков П. Н., издатель «Синбирского сборника» — 561
 Яковлев В. — 494
 Якуб Мухаммед (первая пол. XIX в.), таджикский историк — 644
 Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857 г.), декабрист — 409
 Ямпольский З. И. — 147
 Ян Гус. см. Гус Ян, вождь реформации в Чехии
 Яннау Генрих, прибалтийско-немецкий историк — 254, 256, 619
 Янсен И. В. — 624
 Ярослав I Владимирович Мудрый (978—1054 г.), киевский великий князь — 53, 57, 58, 66, 67, 194, 197, 199, 221, 237, 280, 333
 Ярослав Всеволодович (1140—1198 г.), черниговский князь — 527
 Ярошевич Осип (Иосиф) Бенедиктович (1793—1860 г.), проф. Виленского ун-та, историк — 616, 618
 Ярцов А. С. — 579
 Abi Djafar Muhammed ibn Djarir at Tabari см. Абу-Джа'фар Мухаммед-ибн Джарир Табари
 Arisdaguès de Lasdiverd см. Ариста-кес Ластивертци
 Brosset M. см. Броссе М. И.
 Bruez A. — 23
 Cheffer Ch. — 46
 Chesarian P. — 28
 Djavachischwili I. см. Джавахишвили И. А.
 Emin I. R. — 25
 Ewers I. Ph. см. Эверс И. Ф.
 Gorioun — 25
 Herder I. G. см. Гердер И. Г.
 Hiouen Thsang — 42
 Jannau H. I. см. Яннау Г.
 Levasseur E. — 23
 Merkel G. H. см. Меркель Г.
 Mohammed Nerchakhy см. Абу-Бекр-Мухаммед ибн Джа'фар ан-Наршахи
 Pallas P. S. см. Паллас П. С.
 Parbe Lazare. см. Лазарь Парпеци
 Peeters P. — 36, 38
 Prud'homme E. — 132
 Richter A. см. Рихтер А. Е.
 Rutenber O. v. см. Рутенберг О. фон
 Saint Julien — 42
 Saint Martin Y. A. — 34
 Schlözer A. L. см. Шлецер А. Л.
 Schultzer K. — 38
 Si-Yu-Ki — 42
 Taner F. — 150
 Wardrop M. — 39

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5

Глава I

Развитие исторических знаний у народов СССР в древнейшее время и в период становления феодализма

I. Устное народное творчество как основа древнейшей исторической традиции	17
II. Исторические знания в рабовладельческих государствах Причерноморья, Закавказья и Средней Азии	20
III. Исторические знания у народов Закавказья в период становления феодализма (V—X вв.)	24
§ 1. Историография Армении (Л. С. Хачикян)	25
§ 2. Историография Грузии (В. Н. Габашвили)	35
IV. Исторические знания у народов Средней Азии в период становления феодализма (VI—X вв.) (А. А. Семенов)	41

Глава II

Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X—XVII вв.) (М. Н. Тихомиров)

I. Исторические знания в Киевской Руси X—XIII вв.	48
II. Исторические знания в феодально-раздробленной Руси XII—XIII вв.	60
III. Исторические знания в период складывания Русского централизованного государства (XIV—XV вв.)	68
IV. Исторические знания в Российском централизованном государстве конца XV—XVI вв.	75
V. Исторические знания в Российском абсолютистском государстве XVII в.	89

Глава III

Развитие исторических знаний на Украине, в Белоруссии, Литве, Прибалтике, Закавказье и Средней Азии в XI—XVII вв.

I. Развитие исторических знаний на Украине, в Белоруссии и в Литве.	106
§ 1. Историография Украины (И. Д. Бойко, В. А. Дядиченко)	107
§ 2. Историография Белоруссии (В. Н. Перцев)	113
§ 3. Историография Литвы (И. З. Ионинас)	122
II. Развитие исторических знаний в Латвии и Эстонии (прибалтийско-немецкая историография) (Т. Драудин, К. Лайгна)	127

III. Исторические знания у народов Закавказья	131
§ 1. Историография Армении (Л. С. Хачикян)	131
§ 2. Историография Грузии (В. Н. Габашвили)	138
§ 3. Историография Азербайджана (Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР)	147
IV. Исторические знания у народов Средней Азии (Я. Г. Гулямов, А. А. Семенов)	153
§ 1. Историография Таджикистана (А. А. Семенов)	153
§ 2. Историография Узбекистана (Р. Н. Набиев)	160
§ 3. Историография Туркменистана (С. А. Вязигин)	165

Глава IV

Развитие исторических знаний в России периода дворянской империи первой половины XVIII в. (М. Н. Тихомиров)

I. Основные черты русской историографии первой половины XVIII в.	169
II. Исторические знания времени преобразования первой четверти XVIII в. (Л. Г. Бескровный, Б. Б. Кафенгауз, М. Н. Тихомиров).	171
III. Труды В. Н. Татищева	179
IV. Деятельность Академии наук	189
V. Труды М. В. Ломоносова (М. А. Алпатов и М. Н. Тихомиров).	193

Глава V

Развитие исторических знаний в России второй половины XVIII в.

I. Условия развития историографии второй половины XVIII в. (Б. Б. Кафенгауз)	205
II. Дворянские историки М. М. Щербатов, И. Н. Болтин и другие (Б. Б. Кафенгауз и Л. Г. Бескровный)	208
III. Зарождение буржуазной историографии (Б. Б. Кафенгауз и М. Н. Тихомиров)	215
IV. Первые издания источников (М. Н. Тихомиров).	220
V. Исторические взгляды и деятельность Н. И. Новикова (И. К. Додонов)	223
VI. Исторические взгляды А. Н. Радищева (М. А. Алпатов и Б. Б. Кафенгауз)	227

Глава VI

Развитие исторических знаний у народов Украины, Белоруссии, Литвы, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии в XVIII в.

I. Развитие исторических знаний на Украине, в Белоруссии и Литве	245
§ 1. Историография Украины (В. А. Дядиченко)	245
§ 2. Историография Белоруссии (В. Н. Перцев) и Литвы (И. З. Ионинас)	252
II. Развитие исторических знаний в Прибалтике (Т. Драудин, К. Лайгна)	253
III. Развитие исторических знаний у народов Закавказья.	257
§ 1. Историография Армении (Л. С. Хачикян)	258
§ 2. Историография Грузии (В. Н. Габашвили)	262
§ 3. Историография Азербайджана (Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР)	266

IV. Развитие исторических знаний в Средней Азии и Казахстане . . .	266
§ 1. Историография Таджикистана (А. А. Семенов)	267
§ 2. Историография Узбекистана (Р. Н. Набиев)	268
§ 3. Историография Казахстана (В. Ф. Шахматов)	270

Глава VII

Развитие исторических знаний в России в период кризиса крепостнического строя

I. Условия развития исторических знаний в России и основные направления в историографии (В. Е. Иллерицкий)	273
II. Дворянская реакция и ее отражение в русской историографии. Н. М. Карамзин (И. К. Додонов)	277
III. Исторические взгляды декабристов (А. В. Предтеченский)	288
IV. Исторические взгляды А. С. Пушкина (А. В. Предтеченский)	304

Глава VIII

Развитие исторических знаний в России накануне отмены крепостного права

I. Основные черты развития исторических знаний 30—50-х годов XIX в. (В. Е. Иллерицкий)	311
II. Официальное направление в русской историографии (А. В. Предтеченский)	317
III. Славянофилы (А. В. Предтеченский)	325
IV. Буржуазное направление (А. В. Предтеченский)	331
V. Так называемое государственное направление в русской историографии (Н. Л. Рубинштейн)	338
VI. Развитие буржуазной историографии и труды С. М. Соловьева (Н. Л. Рубинштейн)	347
VII. Оформление революционно-демократического направления в русской историографии (В. Е. Иллерицкий)	366
VIII. Исторические взгляды В. Г. Белинского (В. Е. Иллерицкий)	367
IX. Исторические взгляды А. И. Герцена (В. Е. Иллерицкий)	386

Глава IX

Историография всемирной истории (до середины XIX в.)

I. Общие черты развития историографии всемирной истории	415
II. Изучение истории древнего мира в 30—40-х годах XIX в. (И. Н. Бороздин)	416
III. Труды Т. Н. Грановского (М. А. Алпатов)	423
IV. Исторические взгляды П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского и М. С. Куторги (М. А. Алпатов)	450
V. Византиноведение (З. В. Удальцова)	492
VI. Славяноведение (С. А. Никитин)	495
VII. Изучение истории Ближнего и Среднего Востока (Н. А. Смирнов)	502
VIII. Изучение зарубежных стран Дальнего Востока (А. Л. Гальперин)	511

Глава X

Развитие археологии и этнографии до середины XIX в.

I. Археология (А. В. Арциховский)	523
II. Этнография (С. А. Токарев)	535

Глава XI

Источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, деятельность научных обществ и архивов, изучение экономической истории

I. Публикация исторических источников (К. В. Сивков)	550
II. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины (М. Н. Тихомиров и К. В. Сивков)	562
III. Историческая география, история географических открытий и краеведческая историография (В. К. Яцунский)	568
IV. Деятельность исторических обществ и архивов (К. В. Сивков)	573
V. Изучение экономической истории (В. К. Яцунский)	578

Глава XII

Развитие исторических знаний у народов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Казахстана и Средней Азии в первой половине XIX в.

I. Общие черты развития исторических знаний у народов СССР в первой половине XIX века	598
II. Историография Украины (Л. А. Коваленко)	599
III. Историография Белоруссии (В. Н. Перцев)	611
IV. Историография Литвы (И. З. Ионинас)	614
V. Историография Латвии (Т. Драудин)	618
VI. Историография Эстонии (К. Лайгна)	622
VII. Историография Армении (В. Н. Парсамян)	625
VIII. Историография Грузии (В. Н. Габашвили)	634
IX. Историография Азербайджана (Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР)	640
X. Историография Таджикистана (А. А. Семенов)	643
XI. Историография Узбекистана (Р. Н. Набиев)	645
XII. Историография Туркменистана (А. Каррыев)	647
XIII. Историография Казахстана (В. Ф. Шахматов)	649
Именной указатель	652

Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР

Редактор издательства А. А. Зимин. Технический редактор Т. А. Землякова
Корректор А. К. Бессмертная.

РИСО 40—42В. Сдано в набор 21/XII 1954 г. Подписано к печати 5/V 1955 г.
Печ. л. 43,25. Уч.-изд. 44. Тираж 10000. Изд. № 572. Тип. № 927. Т-03624.
Цена 28 р. 40 к.

Издательство АН СССР, Москва, Подсосенский пер., д. 21. 2-я типография АН СССР,
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
17	18 сн.	III. в. до н. э.	III в. н. э.
54	17 св.	Ярославом	Ивяславом
54	1 сн.	163	112
155	4 сн.	Захару	Захау
194	2 св.	доказательствами	«доказательствами»
221	12 св.	(1954) г...	(1534) лета...
223	18 св.	1810	1818
250	3 сн.	1724	1722
271	21 св.	Кириллову	Кирилову
271	24 св.	Кириллов	Кирилов
313	4 св.	А. М. Михайловский-Данилевский	А. И. Михайловский-Данилевский
325	11 св.	А. М. Михайловского-Данилевского	А. И. Михайловского-Данилевского
337	7 св.	П. В. Станкевич	Н. В. Станкевич
337	6 сн.	182	1821
420	17 сн.	1806	1809
433	25 св.	революционно-демократической	демократической
488	12 св.	работ	рабов
498	7 св.	1876	1877
498	9 сн.	Измаиловича	Ивановича
554	23 сн.	иностранных дел	Министерство иностранных дел
564	14 сн.	Вотоковым	Востоковым
567	15 сн.	М. И. Щербатовым	М. М. Щербатовым
571	8 сн. и 18 св.	К. Л. Бэр	К. М. Бэр
572	8 св.	В. Н. Доброхотова	В. И. Доброхотова
576	14 сн.	1855	1835
615	21 св.	1789	1787
638	8 сн.	И. Броссе	М. Броссе
650	18 сн.	1771	1777
656	13 сн.	Бердников	Бередников
	лев. сб.		
669	14 св.	Кюхельбекер	Кюхельбекер
	прав. сб.		
669	17 св.	Леонь	Леонс
	прав. сб.		
685	27 сн.	Козвини	Казвини
	лев. сб.		
688	9 сн.	Rutenber	Rutenberg
689	20 св.	X	IX
689	18 сн.	X—XIII	IX—XI

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКИ
В СССР

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР